

sf_fantasy
love_sf
sf_fantasy

Олли
Вингет
<https://coollib.net/a/149266>

Сестры озерных вод

Если ты потерялся в лесу, то кричи. Кричи что есть сил, глотай влажный дух, ступай на упавшую хвою, на гнилую листву и зови того, кто спасет тебя, кто отыщет и выведет. Забудь, что выхода нет, как нет тропы, ведущей из самой чащи леса, если он принял тебя своим. Кричи, покуда силы в тебе не иссякнут. Кричи и дальше, пока не исчезнешь. Пока не забудешь, куда шел и зачем бежал. Пока сам не станешь лесом. «Сестры озерных вод» — первая часть мистической истории рода, живущего в глухой чаще дремучего леса. Славянский фольклор затейливо сплетается с бедами семьи, не знающей ни любви, ни покоя. Кто таится в непроходимом бору? Что прячется в болотной топи? Чей сон хранят воды озера? Людское горе пробуждает к жизни тварей злобных и безжалостных, безумие идет по следам того, кто осмелится ступить на их земли. Но нет страшнее зверя, чем человек. Человек, позабывший, кто он на самом деле.

ru

FictionBook Editor Release 2.6.7
29 December 2018
26B5D733-0521-4BFB-ABB3-003D06B049E2
1.0

1.0 — создание файла (Кауа)

Олли Вингет «Сестры озерных вод»
Аст
Москва
2018
978-5-17-112347-5

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 В48 Художественное оформление Марины Козинаки, Веры Голосовой
Сестры озерных вод : роман / Олли Вингет. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. —
(Ведьмин сад). Заведующий редакцией Сергей Тишков Ведущий редактор серии Алёна Щербакова

Литературный редактор Александра Степанова Художественное оформление Марина Козинаки
Каллиграфия Веры Голосовой Корректор Мария Козунова Верстка Юлии Рахманиной Подписано в
печать 19.10.2018. Формат 84x108/32 Печать офсетная. Гарнитура Petersburg. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 18,48 Тираж 2000 экз. Заказ № 1182.

Олли Вингет
СЕСТРЫ ОЗЕРНЫХ ВОД

* * *

Озеро было безмолвно. Ветер лениво играл с водой, и гладь ее шла мелкой рябью, не тревожа бездны. Казалось, все кругом сковал глубокий сон. В воздухе разлилась безудержная дрема. Не было слышно ни шепота листьев, ни плеска у берегов, ни крика птицы. Тишина эта и покой, бескрайние и плотные, больше походили на смерть, чем на отдых.

Озеро спало. Спало так долго, что некому было рассказать о том, что творилось, когда оно бодрствовало. Давно уже сгнили в земле те, кто приходил к его берегам, обнажая тела и души, чтобы славить Хозяина. Принося ему жертву, прося о благословении. Не было их, не было их сыновей, не было сыновей их сыновей. Ничего не было.

И только белые лебеди — тонкие, с длинными шеями и драгоценными бусинами глаз, — опускались на гладь, медленно склоняя головы к воде. Утолить ли жажду, поприветствовать ли того, кто спит на далеком дне, — кто разберет?

Они прилетали из-за леса. Белоснежные перья — как легкие локоны, хоть в косы заплетай, алый клюв — нежные уста молодой красавицы. Они рассекали воду грудками, ласкали ее крыльями, а после срывались в воздух без плеска и гомона, чтобы улететь прочь, за высокие деревья.

Так было всегда. Но не в этот раз.

Шесть теней появилось над границей лесных крон. И чем ближе они подлетали к озеру, тем светлее становились. В высоком небе, стремительно темнеющем, они были словно шесть отблесков лунного света. Саваном мерцали их скорбные перья.

Когда первая лебедушка прикоснулась к озерной глади, вода обняла ее, приветствуя, как возлюбленную, как молодую невесту, как желанную женщину. Ее товарки заскользили по легкой ряби, склоняясь к воде так нежно, будто целовали милого друга.

Не успел закончиться первый круг, не успело солнце спрятаться за лесом, как лебедушки замерли, вытянули длинные шеи, всматриваясь в даль. Тянулся миг, тянулся другой. А на третий в небе появилась седьмая сестра. Черная, будто смоль.

Натянутая, как струна, она спешила к озеру из последних сил, а когда опустилась на воду, белые лебедушки нежно заворковали, стремясь коснуться сестрицы.

Они заключили ее в кольцо, они кружились, они приветствовали ее, они ждали вестей. И вести эти стоили всех ожиданий.

ТА, ЧТО СПИТ

ОЛЕСЯ

Если лежать, сильно зажмурившись, то мир за границей век теряет реальность. Да и важность тоже. Там могут оказаться просторная комната с васильковыми обоями и кованой мебелью, мрачная палата с мягкими стенами, и просыпающийся город, и обшарпанный гостиничный номер, и поблескивающая в отвесах диско-шара барная стойка. Словом, все, что душе угодно. Эта неизвестность всегда казалась Олесе странно успокаивающей.

Она любила замирать в складках одеяла, как только будильник начинал новый день, и представлять, что за ночь ее тело чудесным образом сбежало от всех проблем. И стоит только открыть глаза, она в этом убедится. Глаз Леся не открывала, зная, что чудес в ее жизни не

бывает. Когда в комнату заходила мама — чуть рассеянная, всегда опаздывающая, по капле теряющая молодость и красоту, — веки все-таки приходилось поднимать, чтобы увидеть перед собой линиялый ворс ковра, а никак не волшебную страну, о которой так отчаянно она мечтала. Лесе вспомнилось, как страдальчески вздергивались тонкие мамины брови, как она вскидывала руки, повторяя и повторяя:

— Олеся, ты опоздаешь... Олеся! Просыпайся, ты опоздаешь, Олеся!

И как от голоса этого, мельтешения вечного к горлу подкатывало раздражение.

Воспоминание было едким, оно дрожало в голове, разливалось внутри тяжелой болью. Так темная вода плещется на дне кувшина, стоит наклонить его в сторону. Когда к раздражению прибавилась тошнота, Олеся открыла глаза. Моргнула, прогоняя мутную пелену. Вокруг был лес. Деревья переплетались ветвями, склонялись к покрытой мхом земле, шелестели листвой. Олеся моргнула еще раз, надеясь, что картинка исчезнет, как дурацкая передача от клика пульта. И медленно опустила веки.

Теперь в ней билось не раздражение, а страх. Полное, тотальное непонимание. Она медленно втянула воздух, задержала дыхание и так же медленно выдохнула. В голове промелькнул образ просторного светлого зала. Подтянутые фигуры, пестрые ткани, мягкие коврики. И голос — тягучий, обволакивающий голос, просящий вдохнуть и выдохнуть. Так неспешно, как неспешно хочется жить. Настолько медленно, чтобы умирание, от которого никому никуда не деться, перестало пугать и тело, и разум.

— Просто дышите. В этом обретается главная мудрость, — напевно тянул голос, медленно растворяясь в памяти.

Леся попыталась ухватиться за это воспоминание, но оно уже исчезло, пропало, будто его и не было. Голову словно заполнил густой кисель. Мерзкий, с комочками крахмала и химозным красителем. Леся могла вспомнить долгое мучнистое послевкусие, но где и когда ей приходилось пить эту гадость — нет. Кажется, в детском саду. Страх стал еще отчетливее. В нос ударил влажный землистый аромат. Леся тяжело сглотнула, в пересохшем горле будто поскребли наждачной бумагой. Все тело ломило, как после высокой температуры. Кожа казалась воспаленной и тоненькой, того и гляди лопнет. Но источник боли прятался чуть выше левого виска. Именно там она пульсировала, то утихая, то накатывая и разбегаясь мутными волнами.

Леся попыталась пошевелиться, но затекшая рука, на которой она лежала, не слушалась. Где-то высоко шумели кроны деревьев. Этот звук, похожий на шепот прибоя, убаюкивал. Свежий ветерок приятно охлаждал кожу. Пахло травой и землей. В бок упиралась острая веточка. Каждое ощущение было таким подлинным, таким ярким, упоительно настоящим, что не верить в его реальность значило не верить и в свою собственную.

Но всего этого просто не могло быть.

Паника разгоралась подобно голодному огню. Олеся попыталась собрать мысли в единый комок, но они растекались густым киселем. Вспомнить, кто же заставлял ее пить розоватую жижу, когда было это и, собственно, было ли, не получалось. Чтобы не закричать, Леся до боли закусила губу. Если она и правда в лесу, заявлять о своем присутствии — плохая затея.

Олеся сделала еще один вдох и снова открыла глаза. Все те же деревья, все та же мрачная хвоя и зелень листвы. Лес равнодушно поглядывал на лежащую во мху, поскрипывая и шурша. «Смешанный», — пронеслось в голове, и мысль отдалась тупой болью.

Олеся заставила себя приподняться. Рука двигаться не хотела. Острые иголки пронзали кожу, пробегали по ней и снова возвращались, когда Олеся наконец сумела перевернуться и вытащить из-под себя безжизненную бледную кисть.

Пальцы слушались с трудом. Шипя сквозь зубы, она заставила их пошевелиться, потом сжала в кулак и медленно разжала. Оказалось, если сосредоточиться на чем-то одном, остальное уже не так важно. Но стоило руке обрести чувствительность, как саднящая боль у виска снова дала о себе знать. Леся потянулась к голове, пальцы нащупали что-то холодное и вязкое.

В неверном свете, пробивавшемся сквозь листву, кровь казалась почти черной. Но это точно была она. Леся медленно поднесла пальцы к губам. Во рту сразу стало солоно. Воспоминания завертелись, словно клубок ускользающей из пальцев пряжи: вот она с головой окунается в синюю-синюю воду, и соль тут же начинает скрипеть на зубах, а рядом кто-то смеется. Она поморщилась, пробуя ухватиться за образ, раскрутить его дальше, понять, что за море это было, когда его волны принимали Лесю в себя и кто вытаскивал ее наружу.

Но все ускользнуло, и соленая вода снова превратилась в мерзкий кисель.

«Клубничный». — Воспоминание вспыхнуло, как молния в ночном небе.

Кисель был клубничный. Вязкий, с крахмальными комками, пить его заставляли в садике с табличкой «Василек» возле красной двери. Водила Лесю туда бабушка, единственная работающая бабушка во всей группе — деятельная, с морщинистыми руками. И так, из одних рук в другие, Олеся каждый день попадала в плен манной каши, киселя и послеобеденного сна. Садик она, конечно, ненавидела. Но молчала, чтобы не расстраивать маму. Та обещала, что будет забирать ее пораньше, но каждый раз опаздывала. И всю дорогу домой молча тащила за руку через облезлый сквер, отделяющий сад от их девятиэтажки.

Картинки обрушились на Лесю, словно лавина. И мама в желтом плаще, и кисель, едко пахнущий клубничным ароматизатором, и сквер этот с прелой листвой и скрипучим песком. Она застонала и прижала ладонь ко лбу. На коже остались кровавые отпечатки. Голова болела отчаянно, солнечный свет, пробивавшийся через кроны деревьев, тускнел. Леся бессильно опустила на землю. Стало холодно. По плечам побежали мурашки. Нужно было попытаться встать, оглядеться, понять, как она оказалась здесь и что теперь делать, но Леся никак не могла заставить себя пошевелиться.

Медленно погружаясь в сон, она словно опускалась глубоко под воду. Не морскую, где движение и соль придают сил, а в стоячий, уснувший омут. Все глубже и глубже. Не чувствуя, как мертвенная синева заливает губы и как твердеет в корку запекающаяся на виске кровь. Ветер скользнул по влажной коже, запутался в растрепанных волосах, приподнял подол длинной рубашки, и без того слишком большой, будто снятой с чужого плеча. Но и его холодные прикосновения не отрезвили. Леся плотнее прижалась грудью ко мху, втянула сосновый запах опавшей хвои и позволила сознанию неспешно ускользнуть еще дальше.

— Пошла! — Голос, сотканный из завываний ветра, заставил ее распахнуть глаза.

Небо успело стать непроглядно черным. Олесю обступал ночной, взволнованный бурей лес.

Она рывком поднялась с земли, слабые ноги задрожали, перед глазами все поплыло.

— Пошла! — Порыв ветра наклонил тонкий молодой ствол березки, ветки зашуршали совсем близко, будто желая до нее дотянуться.

Олеся рванулась в сторону, в голове затрепетало пламя боли, пока еще слабое, но готовое разойтись в настоящий пожар, способный сжечь все, к чему прикоснутся его жадные языки.

— Пошла! — Ветер неистовствовал, шумели кроны, переплетались ветвями, подгоняли окаменевшую от страха Лесю.

Дурацкая рубашка, пропитанная влажностью мха, облепила ноги. Леся наклонилась, чтобы одернуть ее, удивилась было, откуда вообще взялась у нее эта грубая ткань странного кроя, но боль полыхнула, заполняя собою все пустоты, прогоняя мысли. Порыв холодного ветра ударил Лесю в грудь, пыль, которой он щедро осыпал ее с головы до ног, запорошила глаза. Не видя ничего вокруг, Олеся подхватила подол рубашки и побежала, не разбирая дороги.

Ветер гнал ее, завывая в беспокойных кронах. Леся вытянула вперед руки, чтобы в темноте не наткнуться на дерево, и все пыталась вспомнить, с какой стороны растет на деревьях мох, словно бы направление ее испуганного, бездумного бегства могло что-то исправить.

Голова отзывалась болью на каждое движение измученного тела, но Леся не останавливалась.

Ей казалось, что ветер гонит ее вперед, точно зная конечную цель. И когда он внезапно исчез, Олеся тут же остановилась сама, тяжело переводя дыхание.

Лес вокруг безмолвствовал. Деревья больше не шумели, злой ветер стих. И шепот, который Леся слышала сразу со всех сторон, пропал вместе с ним. Теперь в плотном ароматном воздухе можно было различить тихий стрекот зарослей. Над ними с уханьем пролетела птица. Леся успела разглядеть, как блеснули в темноте ее большие глаза.

«Неясыть», — услужливо подсказала память.

Высокий мужчина держит Лесю за руку. То ли он правда почти огромного роста, то ли сама Олеся, глядящая на него снизу вверх, — еще совсем маленькая.

— Смотри, — говорит мужчина, крупные зубы блестят в полутьме. — Там, за кустами! Видишь? Неясыть.

— Это сова. — Леся вспомнила, как смех щекотал ей горло, но она сдерживала его, боясь испугать крупную птицу, что таранилась, не моргая, из колючей тьмы.

— Правильно, сова. — Он тянет руку и гладит Лесю по голове. — Сова-неясыть.

От его прикосновения, сильного, но осторожного, стало так спокойно, что темнота леса чуть отступила. Но воспоминание всколыхнулось липкой волной киселя, захлестнувшей и хмурую сову, и мужчину с крупными зубами и тяжелой ладонью.

Олеся застонала, машинально прижимая пальцы к источнику боли. Запекшаяся корка тут же лопнула, рана снова открылась, кровь заструилась по виску и дрожащим пальцам. Лесю замутило, лес качнулся перед глазами, и вот она уже осела на холодный мох, не чувствуя мигом ослабевших ног.

«Волки чуют запах крови за несколько километров». — Грузная учительница в твидовом костюме стучит по доске указкой.

Олеся вспомнила, как томительно скучно было на уроках биологии, если их вела Наталья Додоновна, — кажется, так ее звали. Как клонило в сон от ее монотонного голоса. Как Витя Петров подбрасывал девчонкам свернутые записочки, а те делали вид, что им это безразлично. Но краснели от ушей до корней волос.

Память всколыхнулась, смывая волной киселя Наталью Додоновну и острое чувство первого, совершенно безотчетного возбуждения, покрывавшего кожу мурашками, стояло бумажной записке упасть на ее, Олесину, парту.

Почему попытки вспомнить хоть что-то, кроме образов прошлых лет, вызывают тошноту и невыносимую ломоту во всем теле, Леся понимала смутно. Рана на виске пульсировала. Сил подняться не было. Леся попыталась крикнуть, но из пересохших губ вырвался только хрип. — Если потеряешься в лесу, что нужно кричать? — В переливах света, мелькавшего между листвою, лица было не рассмотреть — только спутанную бороду и блестящие зубы.

— Ау...

Олеся тут же вспомнила и слово, и радость нахождения рядом с тем, кто ему учил.

— Ау! — вырвалось у нее за мгновение до того, как образ растворился в клубничной жиже. — Ау! Ау! — кричала она, надрывая и без того пылающее болью горло. — Ау! Помогите! Кто-нибудь! Ау!

Живая темнота ночного леса покорно впитала ее крик, зашумела, закачалась в ответ, и снова воцарилась тишина.

— Ау... — принимая поражение, прошептала Леся.

Сознание ускользало подобно воспоминаниям, которые яркими всполохами загорались в ней и тут же гасли. А без них и сама Олеся истончалась, теряла всякую вещность.

Что есть человек, если не клубок памяти? Теряя ее, он плутает в темноте гулкой комнаты совершеннейшей пустоты. Только жизнь такого не признает. Она тут же заполняется болью, липкой, как плохо сваренный кисель.

«Клубничный», — еще раз напомнил Лесе затухающий разум, а после наступила тьма.

* * *

Первым, что она почувствовала, приходя в себя, был чей-то взгляд. Легкой щекоткой он пробегал по коже — чуть ощутимо, но не давая ни мгновения продыху. Леся осторожно приоткрыла глаза.

Яркий свет ослепил ее. В широко распахнутые окна било солнце. В крохотной комнате было тепло и сухо, воздух пах нагретым деревом и какими-то травами — чуть горько, но успокаивающе.

Олеся попыталась приподняться, но притихшая боль тут же ощерилась, впиваясь в плоть. Леся потянулась к ране, мысленно содрогаясь от отвращения, но вместо спекшейся крови пальцы нащупали плотную ткань, которая надежной повязкой охватывала голову.

Кто-то нашел Олесю в лесу. Кто-то откликнулся на ее отчаянный крик. Кто-то принес ее в теплый сухой дом и сделал все, чтобы рана не воспалилась. Кто-то спас ее.

А теперь этот кто-то следил за ней, не сводя любопытных глаз.

Леся замерла, прислушиваясь. Под ногами невидимого наблюдателя скрипела деревянная половица. Он сопел и ерзал, прижимаясь всем телом к двери, а та легонько подавалась вперед, делая щелочку все шире. Одним рывком Олеся повернулась навстречу шорохам и тихо рассмеялась от облегчения.

В дверном проеме маячило круглое мальчишеское лицо. Курносый, с яркими веснушками и щербинкой между зубами, ребенок заглядывал в комнату. Но стояло его прозрачным, как утреннее небо, глазам встретиться с глазами Леси, как любопытство сменилось страхом.

— Эй, — прохрипела Олеся.

Мальчик тут же побледнел и попятился.

— Эй, поди сюда! — попросила его Леся, постаравшись улыбнуться.

Но получилось плохо. Мальчик вскрикнул, развернулся и побежал, мигом скрываясь в полутьме коридора, только мелькнула белая рубашка с вышивкой по воротнику да голые пятки застучали по деревянному полу.

Олеся со стоном опустила на подушку. Ее слегка подташнивало, словно она только сошла с карусели. Это странное ощущение, когда твердая земля вдруг уходит из-под ног, а тело за ней не успевает, оставляя голову пустой и гулкой, а желудок — повисшим в невесомости, всегда было для нее упоительно приятным.

Ей тут же вспомнилось, как долго приходилось уговаривать бабушку, канючить и дуться, чтобы субботним утром сесть в автобус и с тремя пересадками добраться-таки до парка аттракционов. А там есть сладкую вату, облизывая липкие пальцы, и выбирать, на каких качелях прокатиться. — Только два раза, — строго предупреждала бабушка. — А то опять плохо будет...

«Плохо» в бабушкином понимании было все, что вызывало в Лесе приступы звонкого смеха и легкую тошноту. А значит, весь этот парк был плохим. С его облаками сладкого сахара, ростовыми куклами и блестящими качелями.

Олеся точно знала, когда была на аттракционах в последний раз. Ветреный апрель, шестой класс, узкое в плечах пальтишко с розовыми лацканами. Но что за качели она выбрала тогда и почему никто больше не возил ее в парк, вспомнить не получалось. Только голова пульсировала от боли да таяли в киселе обрывки воспоминаний.

Леся сделала глубокий вдох, позволяя теплему воздуху комнаты наполнить грудь. Это было все, на что еще оставалось способно ее обессиленное тело. Тяжелая голова медленно вжималась в подушку, как камень, брошенный в болото. Руки безвольно лежали вдоль тела на цветастом, сшитом из лоскутков одеяле, а само тело под ним и вовсе не ощущалось. Олесе не было больно, да и страшно не было тоже. Однако равнодушный покой, захлестнувший все ее существо, никак не вязался с чужим домом и невозможностью вспомнить хоть что-то путное, кроме своего имени.

Она задремала, но прикосновение холодной ладони к лицу вырвало ее из вязкого полусна. Над кроватью склонилась женщина с длинной косой. Серые пряди блестели на солнце, как серебряные нитки, попавшие в медную пряжу. Она решительными движениями ощупывала Лесин лоб, проверяя, есть ли жар.

— Кто вы?

Серые глаза сверкнули, осмотр не прервался. Прикосновения чужих пальцев отзывались мурашками. Леся попыталась вырваться, но женщина прижала ее к кровати.

— Да не трогайте вы меня!.. — Жалкий хрип из сорванного горла мучительницу не впечатлил. Она потянулась к Лесиной повязке, потянула за край. Мгновение — и ткань упала на покрывало. Леся успела разглядеть, как расплывается по внутренним слоям повязки алое пятно. Ее замутило еще сильнее.

Женщина наклонилась к столику у окна, зачерпнула из чашки что-то, остро пахнущее травами, и щедро смазала всю левую сторону Лесиной головы. Волосы у виска покрылись толстым слоем жира. Олеся охнула, зашипела сквозь сжатые зубы и упала на подушки. Рану жгло, будто ее щедро полили спиртом.

— Твою мать! — выплонула Леся, пытаясь стереть мазь. — Мне же больно! Что это вообще?

— Закрой свой грязный рот, — процедила женщина.

Она вытащила из кармана фартука чистую ткань и принялась перевязывать рану, не обращая внимания на попытки Леси вырваться.

— Мне нужен врач! — твердила та, силясь не сорваться на крик. — Позвоните в скорую, спасателям... Я не знаю, кому-нибудь. У меня голова разбита!

— Я вижу.

Равнодушие и сила этих натруженных рук пугали Олесю больше прочего.

— Ну так сделайте что-нибудь!

— Я делаю. Ты умирала в лесу, а мой сын нашел тебя. — Женщина проверила, держится ли повязка, и отступила на шаг, зашуршало длинное платье. — Он забрал тебя у леса. А я — у смерти. И теперь ты в двойном долгу перед родом.

На мгновение Лесе показалось, что она ослышалась.

— Вам нужны деньги? — догадалась она. — Без проблем! Только позвоните в скорую. У меня с собой нет ничего... Но я найду... — Она запнулась. — Найду родных, и они будут рады заплатить вам за все, что вы сделали для меня...

Женщина насмешливо скривила губы и сразу стала похожа на хищную птицу.

— Мы заплатим сколько вы скажете... — залепетала Леся. — Сколько вам нужно? А? Просто скажите...

Ее ухмылка стала похожа на оскал, а хищная птица — на голодного зверя.

— Как вас зовут? — Олеся из последних сил удерживала себя на грани сознания, перед глазами все расплывалось, как невысохшая акварельная картинка, попавшая под дождь.

— Аксинья, — наконец ответила женщина, ее глаза недобро блеснули. — И мне не нужны твои грязные монетки. Нашла ценность, глупая ты курица... — И зашлась глубоким грудным смехом. — Спи, девка, после поговорим.

— Нет, постойте!.. — начала было Леся, но язык ее больше не слушался.

Она хотела сказать что-то еще — начать уговаривать, угрожать, визжать и биться, только бы не вязнуть во власти тяжелого серого взгляда, — но слова ускользали. Мысли разбегались, голова становилась гулкой и пустой. Но любая пустота жаждет быть заполненной. И на место сознания, покинувшего Олесю, пришел холодный кисель. Розово-клубничный, с крахмальными комочками.

Леся тонула в нем, липкая жижа забивалась в нос и уши. Она попыталась закричать, только голоса не было. Ничего не было. Был лишь кисель. Клубничный кисель.

ДЕМЬЯН

В чаще токовал глухарь. Скрытый хвоей, тяжелый, с иссиня-черными перьями, он все звал и звал к себе в объятия далекую птицу, чтобы разделить с ней одиночество леса. Зов его — ритмичный, цокающий — эхом разносился среди деревьев, но оставался безответным. Май — время встреч и знакомств — давно прошел, оставив в памяти медовый запах первоцветов. Птицы разбились на пары, свили гнезда, а теперь опасно сидели по своим обиталищам, ожидая, когда новая жизнь проклюнется через тонкую скорлупу. Некому было ответить тоскующему глухарю, кроме эха.

— Запоздал чего-то ты, парень, — буркнул Демьян, прикасаясь ладонью к шершавому стволу ближайшей сосны, и тут же забыл про незадачливую птицу.

Дерево наполнилось беспокойством. Жизнь бурлила в нем, от корней уходя к самой макушке и снова возвращаясь к корням. А через них и дальше, туда, где под толщей земли скрывалась истинная суть этих мест. Лес был встревожен, лес был опечален, лес негодовал, лес требовал объяснений.

— Ну-ну, тише вы... — Демьян осторожно провел пальцами по коре.

Кроны деревьев недовольно зашумели.

Демьян поморщился, вытер рукавом заношенной куртки вспотевший лоб и твердо произнес, обращаясь к сосне:

— Так было нужно.

Лес зашумел еще сильнее, взволнованно затрещали ветки. Где-то в отдалении с треском рухнуло старое дерево. Глухарь оборвал песню, поднялся на крыло и полетел, задев грузным телом кусты. Ветер завыл совсем уж зло, принеся тяжелый дух непроходимой чащи. С мягким всхлипом всколыхнулась земля, потеряла твердость, обратилась в топь.

— Тише, я сказал! — Ладонь хлопнула по стволу. — Лето на дворе, не пора еще вам дары принимать. Я и без того за девчонку эту заплатил, что еще? Чего гневаетесь? Тише-тише... Это же я, лесовой ваш... Тише...

Рядом упала сухая ветка. Увесистая, острая на конце. Но ветер начал стихать. Демьян медленно отвел руку и попятился от сосны. Та мрачно высилась над ним — спокойная снаружи, гневающаяся внутри.

Стараясь не поворачиваться к ней спиной, лесовой отступил чуть дальше, снял с пояса теплую тушку зайца и осторожно положил к корням. Замер, сам не зная, то ли кивнуть на прощание, то ли поклониться, и скользнул в сторону, скрылся в чаще.

Мертвый заяц остался лежать во влажном мху, слепо глядя перед собой остекленевшими глазками-бусинками. Его пушистое тельце медленно погружалось в болотную гниль. Дар был принят. Шаткое равновесие восстановилось. На этот раз.

ОЛЕСЯ

Когда сознание, прорвавшись через кисель, все-таки вернулось, Леся попыталась встать, но потолок закружился перед глазами, так и норовя рухнуть, погрести ее под собой. Накатила тошнота. Олесья прижала ладонь ко рту, но успела только свеситься с края кровати, и ее вывернуло на пол.

За дверью послышались легкие шаги. Но вместо недавней мучительницы с медными волосами в комнату проскользнула молоденькая девушка в свободном платье. На секунду Олесья встретилась с ней глазами — серые, глубокие, точь-в-точь такие же, как у хищной птицы, назвавшейся Аксиньей. Только девушке они предавали робкий, почти испуганный вид. — Меня тут... — сипло начала Леся, но сбилась. — Извини...

Девушка ничего не ответила, только шагнула к кровати, присела на корточки и принялась вытирать лужу. Ровный пробор ее длинных русых волос теперь маячил перед носом Леси. — Мне очень неудобно, правда... — пробормотала она, чувствуя, как краснеет.

— Ты хвораешь, так бывает. Не думай, — чуть слышно ответила девушка и еще ниже склонилась над полом.

И тут же перед глазами встала совсем другая картина. Высокие потолки больничной палаты, тошнота и стыд, пробегающий по спине ознобом. Олесью рвет в пластмассовый тазик, а бабушка гладит ее по волосам. Коротким, остриженным кое-как. Бабушкина ладонь дрожит, и от этого дрожит и сама Олесья. Бабушкин страх множится в ней, оглушая.

Желчная горечь наполняет рот. Бабушка, куда более старенькая и осунувшаяся, чем в предыдущих воспоминаниях, тянется к стакану с водой — он стоит на окрашенном в зеленое шкафчике. Леся дергается от новой судороги, толкает бабушкин локоть. Стакан падает на пол и разбивается. Пол блестит от осколков и воды, Леся видит, как бегают по ним солнечные зайчики. Тянется пальцами — тонкими, длинными, худыми. Бабушка что-то говорит ей, но поздно. Осколок уже впился в кожу, по бледной коже струится кровь. Леся не может отвести от нее глаз, пока бабушка не промокает ранку салфеткой.

Олесью снова рвет в тазик, но красота алого на белом остается в памяти.

«Вот так же будет, когда я все закончу», — рассеянно думает она, и мысль эта остается с ней, когда все остальное заполняет кисель беспомысленства.

Девушка тем временем уже вытерла лужицу и проворно поднялась, отступая от кровати.

— Пить хочешь? — спросила она, стараясь не встречаться с Лесей взглядом.

— Да, спасибо.

Шершавая чашка была приятной на ощупь. Леся сжала ее в пальцах, таких же длинных и бледных, как в странном воспоминании. Она точно помнила палату, и деревья за окнами, и тазик, и тошноту. Но где находилась больница, а главное, почему сама она находилась в ней, ускользало. Истончалось. Ни схватить, ни рассмотреть, ни понять.

— Ты пей. — Девушка продолжала стоять в паре робких шагов от кровати. — Матушка сказала, тебе пить нужно больше. Чтобы с водичкой и жизнь вернулась.

— Матушка? — переспросила Леся, делая первый глоток.

Вода оказалась холодной и очень вкусной. С легким, чуть заметным привкусом незнакомых трав.

— Матушка Аксинья.

— Так она... — Олесья вспомнила тяжелый взгляд серых глаз, цепкие прикосновения рук, властных и сильных. — Она твоя мама?

— Нет, — чуть заметно улыбнулась девушка. — Она мне теткой приходится. — И замолчала, словно побоялась сболтнуть лишнее.

— Почему же тогда матушка? — Леся допила воду и опустила на подушки. Ей стало совсем сонно.

Девушка сделала два легких шага и подхватила чашку из слабых Олесиных пальцев.

— Она всей земле этой мама... — Шепот потонул в убаюкивающей волне, которая набежала на Лесю мягким течением. — И мне, и Степушке, и Демьяну, и Лежке, и Фекле... Всем она мама. И тебе теперь тоже. Поспи еще.

— Да что со мной?.. — в который раз попыталась спросить Олеся, только язык ее не слушался. — Хворая ты, — донесся до нее голос. — Спи, сон на второй седмице самый сладкий... Спи, сестрица, спи...

И Леся уснула. А когда проснулась в следующий раз, то дурнота исчезла. И голова перестала гудеть, и сила вдруг наполнила ее, хоть вскакивай с постели да беги. Бегать Леся не стала, но с кровати осторожно поднялась. Попробовала силы, покачулась на носках. Тело стало гибким и свободным. Только плотная повязка слегка стесняла ощущение полной и всеобъемлющей легкости.

Олеся тихонечко засмеялась и рванула на себя край ткани. Та легко скользнула на пол. Леся пригладила волосы — никогда еще она не ощущала их такими пышными. Взмахнула головой, и локоны — русые, чуть отдающие медью, — свободно рассыпались по плечам.

Где-то далеко, в отголосках памяти, вспыхнуло непонимание. Как же так? Русой она не была лет с тринадцати, когда первый раз покрасилась. Кажется, в темный. Или нет. В рыжий. Или это было потом? Или не было вообще? А что тогда было?..

Радость, было наполнившая ее беззаботным ликованием, тут же потускнела. Леся присела на краешек кровати, опустив руки на подол длинной рубашки. Небеленая ткань, жесткая, но приятная телу, легко мялась. Олеся попыталась вспомнить, почему выбрала именно ее. Но тут же поняла, что не помнит, как одевалась раньше.

И вообще ничего не помнит. Стоило только попытаться отряхнуть воспоминания от пыли, как голова снова тяжелела, наполняясь болью. Пальцы не могли нащупать рану, но Леся точно знала: она была. И кровь была, и страх, и бег по шумящему лесу, подгоняющему вперед. Только осколки, на которые так легко крошилась память, не получалось собрать воедино. А тишина, окутывавшая дом, сбивала с толку. Олеся поднялась и осторожно подошла к двери. Снаружи было темно и пусто.

Она шагнула через порог и, хватаясь вспотевшей ладонью за стену, прошла по коридорчику. Нога тут же задела пустую кадку. Та шумно завалилась набок. Леся замерла, ожидая услышать тяжелые шаги, но в доме, кажется, никого не было.

Ни испуганной девушки, ни ее суровой матушки.

Коридор быстро закончился двумя дверями. Одна — тяжелая, обитая звериной шкурой, — оказалась запертой. Вторая легко распахнулась. Леся зажмурилась от хлынувшего на нее солнечного света.

За порогом начиналась крытая терраска, деревянная, как все кругом. Дом стоял на широкой поляне, а ее со всех сторон обнимал лапами лес. Даже стоя в дверях, Леся могла разглядеть, как он вырастает, словно стена, густой и высокий. Будто кем-то прочерчена граница, разделяющая место человека и владения лесных жителей. В мрачном облике леса скрывалось что-то настолько жуткое, что Леся попятилась в темноту коридора.

Она вернулась в комнату и принялась мерить ее шагами, а та давила деревянными стенами, незнакомыми запахами и солнцем, бьющим в распахнутые окна. Никто не держал Лесю взаперти. Дверь свободно скрипела на легком сквозняке, открывай да беги. Только куда бежать?

Кругом лес. Один только непроходимый лес.

Из открытого окошка послышались голоса, и Леся испуганно осела на кровать. Она успела забраться под одеяло и закрыть глаза, прежде чем говорившие приблизились к дому.

— Я же говорила, спит еще озеро... Нет ему дела до наших бед. — Голос был женским, но Аксины не принадлежал.

— Рано пока нам сдаваться, понятно, Глаша? — А вот это уже была она, эти стальные нотки Леся ни с чем бы не перепутала. — Девку только привели. Еще не очухалась, а ты уже все решила... Поглядим.

— А она сама-то какая? — Названная Глашей кашлянула, но любопытства это не скрыло.

— Хворая. — Аксинья тяжело вздохнула. — Хворых нам лес и посылает. Где ж других найти? Хорошо хоть эту Демочку привел...

— Пообвыкся уже?

— А куда ему деваться? Род позвал — он пришел. Я знала, что так будет. Сколько ни гуляй, если кровь в тебе кипит, то она сильнее...

— Уж в нем-то кровь всегда кипела! — Глаша визгливо засмеялась.

— Ты, сестрица, язык бы свой прикусила. — Сталь в голосе Аксиньи стала ледяной. —
Вспомни, кто он теперь, Демьян-то наш, и прикуси.

Женщины помолчали и разошлись. Шаги одной быстро стихли во дворе, вторая же прошла по терраске вдоль коридора и заглянула в комнату. Окаменевшая от ужаса Олеся осталась лежать без движения. Аксинья еще немного постояла над ней, прислушиваясь к дыханию, развернулась и вышла, заперев за собой дверь.

ДЕМЬЯН

Стремительно темнело. Идти по тропинке между двух болот было сложнее всего. Демьян то ускорял шаг, то проваливался почти по колено в гниль, подбравшуюся к самому краю людской тропы.

— Да чтоб тебя! — ругался он сквозь зубы.

Проминать лихо в вечернем лесу было глупой затеей. Особенно когда лес этот еще не решил, простить ли зарвавшегося человека или уронить ему на голову вековой ствол ближайшей осины. Демьян размял напряженную шею, потуже завязал пояс и ускорил шаг. Если он сегодня и поспит, то на старой прогалине, до которой еще идти и идти.

И пока ветви, разросшиеся по бокам тропинки, больно стегали его, норовя попасть прямо в глаза, он старался думать о чем-то другом. О чем-то, не связанном со злым непроходимым лесом, в который ему так не хотелось, но пришлось вернуться.

Например, о шести годах жизни вдали отсюда. В мире, где все виделось простым и логичным. В мире, где все, что требовалось, — учиться и быть как все. Учиться, чтобы жить в маленьком закутке студенческой общаги. Не выделяться, чтобы остальные не почували чужака.

В этом мир леса и мир обычный оказались похожи. Мало что можно придумать страшнее, чем выдать себя человеком в стае волков. Если у тебя вышло обмануть всех по первости, то будь добр — держи марку и дальше. Бегай на четырех лапах, носи шкуру и вгрызайся в теплое брюхо ошалевшего от страха и боли оленя. Иначе в следующий раз сожрут тебя.

Демьяну, прожившему как-то целую осень среди серых спин и собачьего скулежа, это правило было знакомо. Потому, оказавшись в городе, он тут же натянул на себя личину человека мрачного, не слишком злого, но в обиду себя не дающего. И ведь вышло же!

Вначале его сторонились, после попробовали на зуб. А когда зубы эти разлетелись веером от одного его не слишком уж сильного удара, поджали хвосты и долго скулили, катаясь на брюхе. Вожачество над ними Демьяну было ни к чему. Слишком многое стояло на кону, чтобы глупо красоваться в полной своей звериной мощи.

Но своего он брал ровно столько, сколько считал нужным. Приличные оценки на зачетах, быт в чистой, пусть и тесной комнатке, и будущее, до которого — только руку протяни. Ему оставалась-то половина курса, и он умчался бы прочь с этой земли так далеко, как вышло бы.

Защитить диплом, сдать пару экзаменов да разбежаться с незатейливой, приятной Катей, которую пригрел под боком, чтобы коротать бессонные, безлесные свои ночи. И все.

Даже себе он не признавался, как тяжело порой было ему в каменном мешке. Как хотелось выбраться на волю. Вдохнуть прелый запах листвы, прикоснуться рукой к стволу, услышать ток жизни. Почувствовать себя лесом.

Но другая сторона этой жизни с ее скользким берегом, стоячей водой и тиной, с ее законами и спящей силой, пугала куда сильнее. Как и сама необходимость становиться частью всего этого. Главной частью. Незыблемой и вечной.

— Коли сбежал, так и не дергайся, — ругал Демьян сам себя, стискивая кулаки. — Как хорек позорный мечешься. Выбрал, так сиди.

Шесть месяцев оставалось ему до точки невозврата. Он даже календарик завел тайком, зачеркивал в нем дни, считал пустые клеточки. Молился бы, да тот, в кого Демьян верил, был слишком далеко. И, наверное, до сих пор гневался на беглеца. А может, и забыл его. Кто знает? Все закончилось в мае. Оттремели праздники. Пьяные, шальные, пахнущие мертвой хвоей и волосами Катерины, ее кожей, ее дыханием и смехом. Хорошо им было тогда. Демьян почти забыл, чем все должно завершиться, пригрелся в ее объятиях, как пес, взятый с цепи в дом.

— Ты же меня бросишь, как закончится учеба, да? — спросила Катя в последнюю ночь, опадая на подушки, бессильная и горячая.

Смоляные волосы липли к влажной груди. Еще мгновение назад Демьян впивался в эту сладость губами, рычал, переходя с человеческого на звериный. А теперь они затихли в холодной комнате. И только потолок мерцал над ними, казенный и равнодушный.

— Дема, скажи, мы расстанемся? — Голос предательски дрогнул.

Демьян не ответил. Не стесняясь наготы, встал, открыл форточку, напустил в комнату мороза.

Вдохнул, привычно различая в городских запахах далекие отголоски леса.

— Мне просто знать нужно, я не стану тебя уговаривать. — Катя приподнялась на локте.

В свете фонаря, бьющего через стекло, она была по-настоящему красивой. Демьян никогда особенно не задумывался, какая она — женственная, мягкая, волосы длинные, густые, и смотрит так с поволокой, что низ живота наливается горячей тяжестью, стоит только поймать ее взгляд.

А тут понял: красивая. Страстная, влюбленная, несчастная. И красивая.

Подошел к ней, встал на колени у кровати, прошелся пальцами по скулам, по щекам, стер две влажные полоски слез, опустил ладони ей на плечи. Посмотрел на нее. Катя смотрела в ответ строго, но просяще. Не отвела взгляд. Только губу закусила.

Он ей тогда ничего не ответил. Поцеловал раз, другой, опустил на подушку, придавил своим весом и долго любил. Так, как умел. Телом своим человеческим, коль душа звериная любить не умеет.

А наутро пришла телеграмма. И кто в наше время шлет телеграммы? Только нет в их долбаном царстве-государстве телефона, как у нормальных людей...

батюшка умер тчк срочно возвращайся тчк аксинья

тчк твоя матушка тчк

Демьян не удивился тогда, будто знал, что так будет. Сразу пошел в деканат, показал бумажку с ничего не меняющим для них сообщением. Там поохали, пообещали академический отпуск. Откуда знать им было, что значат эти новости? Что мир их рухнул для Демьяна? Поманил-поманил — и исчез.

Пока собирал вещи, аккуратно и методично, представлял, как одетая в черный лен Аксинья идет через лес в город. Как расступаются перед ней звери, как замолкают птицы, как болото с чавканьем отползает прочь от ее ног. А она даже не замечает их рабелепия. Шагает ровно, широко, без усталости, смотрит только перед собой. И ни один мускул, ни одна морщинка не дрогнет.

— Вдовствующая, мать твою, королева... — процедил сквозь зубы Демьян.

Постоял немножко, пытаясь успокоить зверя, рвущегося наружу. Но не смог. Зарычал, швырнул в стену кубок по многоборью, который в шутку выиграл на первом курсе.

— Сука! — кричал он и метался по комнате, чуя, что попал в волчью яму. — Падаль! Тварь! Тварь!

У Катерины давно был свой ключ. Она приходила к нему между парами. Приносила горячего, убиралась потихонечку. Словом, делала все, что принято в мире человеческом, если ты спишь с кем-то четвертый год подряд. Демьян заметил ее, прижавшуюся к стене, с огромными, черными от страха глазами, только когда голос пропал окончательно.

— Демочка... — начала она, протягивая дрожащую руку.

Притронуться к себе он, конечно, не позволил. Рванул в сторону, застыл у окна, тяжело перевел дух.

— Что с тобой? — спросила Катя, немного помолчав. — Случилось чего?..

— Я уезжаю, — сипло ответил Демьян, удивляясь, что вообще может говорить.

Катерина дернулась, как от удара. Поджала губы.

— Это... из-за того, что я вчера... спросила?

Вчерашняя ночь казалась теперь чем-то очень далеким. Демьян не сразу понял, о чем говорит Катя.

— Нет. — Махнул коротко стриженной головой, подумал, что волосы теперь придется отрастить. — Нет, что ты? Нет.

— А что тогда? — Катя сделала робкий шаг к нему, но остановилась, словно заметила, как зверино горят глаза. — Тебя отчислили?

Мотнул головой еще раз. Досадливо подумал, что разговор этот только тратит время, и протянул Кате бумажку, смятую в кармане.

Катерина схватила ее, быстро прочитала, болезненно вздохнула и подняла на Демьяна глазищи, полные слез.

— О господи, Демочка, твой папа?.. Мне так жалко... Дема!

Папа. Так и сказала: папа. От слова этого, от мысли, что Батюшку вообще можно так назвать, Демьяну стало нестерпимо смешно. Он то ли всхлипнул, то ли подавился смешком. Но это его отрезвило. Сделал шаг к Кате, она чуть заметно дернулась, снова опустил ладони на ее плечи, втянул чутким, звериным носом ее дух — горячий, женский, сладкий — и покачал головой.

— Это неважно, Катя. Я все равно бы уехал.

Та отшатнулась, но он ее удержал.

— Ты правильно вчера спросила. И поняла все правильно. Спасибо тебе, правда, все же хорошо было... а теперь я... Поеду. Ладно?

Большие темные глаза пошли рябью слез. И это так отчетливо напомнило Демьяну воды спящего озера, что жалость, поднявшаяся было в нем, тут же утихла.

— Вот, значит, как, да? — спросила Катя, запинаясь. — Так, да?

— Да, вот так.

— Не зря мне девочки говорили... Что не надо с тобой. Что зверь ты, Дема. И нет в тебе души. И вот тут он уже не сдержался. Захохотал. И смеялся, пока цокот Катиных каблучков за дверью совсем не стих. Теперь этот злой, неуместный хохот иногда еще звучал в Демьяне странным отголоском памяти.

Кажется, люди называют это совестью. Наверное, ее угрызениями это и было. Славная девушка Катя всегда была к нему добра. И не заслужила она такого прощания. А он, дурак, медведь бесчувственный, рассмеялся ей в лицо. Но как было ей объяснить, что глупые сороки-подружки первый раз в жизни оказались правы?

Зверь он. И нет в нем души.

ОЛЕСЯ

Леся спала и не могла проснуться. Странное состояние, описать которое не хватило бы слов. Она словно оказалась в другом измерении, где воздух, плотный, как стоячая вода, позволял парить над землей — легко и свободно, не прикладывая к тому усилий.

Так Леся и плыла над бескрайним лесом. Он раскинулся внизу подобно огромному существу, что грело спину под теплыми лучами вечернего солнца. Солнце не двигалось, не меняло расположения на небе — всегда стояло чуть выше горизонта, не скрываясь за ним, а лишь легонько трогая его красноватым боком. И эта неизменность доказывала Лесе, что все происходящее с ней — сон. Странный, долгий, а может, и бесконечный.

Может быть, она умерла? И этот лес, и этот воздух, держащий ее на лету, — последнее усилие затухающего сознания?

— Ну и пусть, — шептала Олеся, не слыша собственного голоса.

Вопросы перестали существовать. Сон ли это, смерть, чистилище, странный эффект забористой смеси? Да какая разница?

Главное, что лес под ней мерно шумел листвою. Такой разный, такой живой. Леся не могла отвести глаз от игры закатного света на его кронах. Они вспыхивали всеми оттенками зелени, как беспокойная, живая вода. Темная хвоя мешалась с молодой листвою, деревья-великаны высились над свежей порослью. Прогалины и круглые, как пятак, поляны. Вот на одну из них выскочил заяц, прижал длинные уши, припал к земле. Бока его тяжело вздымались. Леся чувствовала, как дрожит это маленькое худое тельце. Когда на поляну осторожно и медленно вышла оранжевая лисица, заяц понял, что обречен. Он взбрыкнул сильными лапами, комья

земли полетели в стороны, но поздно. Одним грациозным прыжком лиса оказалась рядом и впилась в мягкую шею. Мгновение борьбы, и заячье тельце обвисло в ее зубах. Леся смотрела, как капает на траву кровь, как лисица подхватывает мертвую тушку поудобнее и скрывается в зарослях, и не чувствовала жалости. Затеиловые жизни леса не нуждались ни в чьем одобрении. Они просто были. И делали это хорошо. Лучше, чем Леся — что-либо в своей жизни.

Она так и не сумела восстановить непрерывную линию, которая бы нарисовала ее портрет. Но стойкое ощущение собственной незначимости, провальности всех начинаний, оставляла на языке явственный привкус железа.

Олеся не помнила, к чему стремилась, но точно знала, что стремление это осталось без результата. А значит, нет особой важности в памяти, ускользнувшей от нее. И жалеть об этом не стоит. И думать не стоит. Особенно когда под тобой плывет бесконечный лес, а воздух, податливый и плотный, нежно обнимает тебя, как давно уже никто не обнимал.

— Все спит? — прорвался через завесу сна чей-то дребезжащий голос.

Леся почувствовала, как натянулось полотно неба, как зазвенели нити, удерживающие тело на лету.

— Все спит и спит, сколько ж можно? — Голос негодовал.

Чья-то рука схватила Олеся и принялась трясти. Лес всколыхнулся, зашумел в ответ. Секунда — и Олеся поняла, что падает. Она бы закричала, но подавилась воздухом, потерявшим былую плотность и теплоту. Ее снова оставили без поддержки. Снова оставили одну. Она вновь доверилась кому-то, чтобы упасть и долго потом лелеять сколы. Так уже было. Леся летела вниз и не хотела вспоминать. А вот разбиться и закончить все это — да. Этого она определенно желала.

За мгновение до того, как первые макушки высоких сосен впились бы в нее, безмолвно падающую, чья-то рука тряхнула ее особенно сильно. И все закончилось.

Она наконец смогла закричать. Крик вырвался из горла — сухого, будто обожженного, — и прозвучал жалобным хрипом. Олеся рывком села на кровати, озираясь.

Леса не было. Была все та же маленькая комнатка с деревянными стенами. И окно, за которым занимался рассвет. Через приоткрытые ставни в комнату лился упоительно сладкий, холодный дух просыпающейся земли.

В темноте сложно было различить того, кто стоял рядом с кроватью. Но цепкая старческая рука была смутно знакомой. А голос и того больше.

— Проснулась наконец? — спросила старуха, отпуская Лесяно плечо. — Сильна ты спать! «Глаша!» — поняла Олеся и тут же все вспомнила.

Как лежала на этой кровати, делая вид, что спит. Как напряженно прислушивалась к злomu шепоту за окном. Как Аксиныя назвала старуху с противным дребезжащим голосом сестрой, а после и по имени. И что говорили они странные слова, и что слова эти были про нее, про Олеся.

— То вопит, то каменеет... Припадочная, что ли? — спросила Глаша и присела на край кровати. Леся ожидала почуять от нее тяжелый запах старого тела и мысленно сжалась, чтобы не выдать отвращения. Но старуха пахла сухими травами и чем-то, похожим на дух сырой земли. Она была старше Аксиныи. Чуть сгорбленная, с седыми космами, собранными в растрепанный пучок. Во тьме блестели ее глаза — два темных колодца. Но Олеся точно знала: при свете дня они серые, словно озерная вода.

— Глади-ка, пробудилась, гостя наша! — Вскинула руки, с издевкой покачала головой. — Что снилось сладкого?

Леся хотела промолчать. Она и не думала рассказывать злобной старухе о плотном воздухе, о лесе, который раскинулся под ней, как добрый пес, не страшась оголить брюхо. Показать свое величие и жестокость. Заячью кровь, капающую на зеленую траву поляны.

— Я видела лес. — Губы сами растянулись в блаженной улыбке. — Большой и сильный. Он лежал подо мной, а я летела над ним. Это был хороший сон.

И пока онемевший, будто чужой рот выговаривал слова, Леся отстраненно наблюдала за старухой. Как та отпрянула, как скрипнула под ее весом кровать, как судорожно сжалась старческая ладонь, сминая покрывало. И как глаза сверкнули во тьме комнаты, будто отражение луны в спящем озере.

— Хороший, говоришь? — проскрипела Глаша. — Ну, хороший, так еще посмотри...

И потянулась к Лесе.

— Нет! — дернулась та, не разбирая от страха и темноты, где стена, а где край постели. — Не смейте! Не трогайте!

Но старуха уже прижала к ее лбу горячую шершавую ладонь и принялась шептать:

— Спи, девка! Хороший сон грех не досмотреть.

ДЕМЬЯН

Сколько времени нужно, чтобы весть облетела лес от одного конца до другого? Сколько птиц успели пропеть песню о его возвращении? Сколько раз листва прошептала на ветру его имя? Узнал ли шатун-медведь? А старый лось — одинокий, седой, с отломанным правым рогом, — он-то знает уже? Или волчья стая, обиженная на него, оскорбленная внезапным бегством, худшим предательством на их волчий лад? Успели ли они провить о нем песню новой луне? Демьян отгонял мысли, как назойливую мошкару. Они отвлекали его от главного, они мешали сосредоточиться. До озера и так было идти два полных дня и еще половинку ночи, а если не смотреть по сторонам да под ноги, то и вовсе можно не дойти. Наступить в болотную лужу, одну из тех, которые все чаще встречались в местах, что годами оставались сухими и твердыми, такими, как должно лесу.

— Гнилая ты кровь! — шипел Демьян, перепрыгивая очередной болотный овражек, скользя по его краю. — И род твой гнилой!

Болото равнодушно смотрело на него в ответ. Было ли дело ему до проклятий какого-то человечешки?

«Я — Хозяин твой! — захотелось крикнуть Демьяну. — И земли, которую ты пожираешь, и леса, что гниет из-за тебя! Я — Хозяин всего, что только можно увидеть здесь, потрогать и почувствовать. Все, что рождается здесь и подыхает, все это мое. Я — Батюшка. Новый Батюшка!»

Но слова вязли на языке. Произнеси их хоть раз, и не будет пути обратно.

— Да пошло все... — только и буркнул Дема, отворачиваясь от болота.

Гниль появилась за год до смерти Батюшки. Теперь-то Демьян знал, как долго и мучительно тот угасал. Как тряслись его руки, как подкашивались ноги. Как по крупице терял он память и рассудок. Как себя терял он, проигрывая в битве со старостью и болезнью.

— Вы хоть врачу его показали? — мрачно спросил Дема, сидя за общим столом.

Аксинья тогда подняла на него тяжелый взгляд. Она сама изменилась до неузнаваемости. Похудела так, что ввалившиеся щеки облепили кости скул, — хоть бумагу режь. Руки-ветви безвольно лежали перед ней, будто она не имела над ними власти. Платье висело на высушенном теле мешком. Только взгляд оставался почти таким же, как раньше. Злую хищную птицу ни с чем не перепутать.

— Глупость не трепи, — выплюнула она, как тухлую кость, мало что губы не вытерла от отвращения. — Если я ему не помогла, то врачешка какой-нибудь из города помог бы?

Демьян попытался выдержать ее взгляд, но не смог. Опустил глаза, вцепился в катышек на скатерти. Помолчал.

— Батюшку нашего озеро выпило, — пробормотала Глаша, жамкая тонкими губами. — А лес не сберег...

— Молчи! — Окрик зазвенел в стеклах окон, Аксинья с силой отодвинула стул, встала. — Чтоб не слышала я больше этого! Время его пришло... Время пришло — он ушел. Закон жизни. И выскочила из комнаты, прямая и цельная, ни единой трещинки.

— Альцгеймер у него был! — бросил ей в спину Демьян, но она не повернулась. — Старческое слабоумие, мать вашу... — Он опустил голову на сложенные ладони и закрыл глаза. Выть хотелось отчаянно. Запах дома, лесной и теплый, бил в нос, рождая такую тоску, что зверь в Демьяне метался, как угодивший в капкан. Того и гляди бросится на прутья и расщелкает о них грудь. Лишь бы выбраться наружу.

Дема и сам не мог понять, куда его так тянет. То ли обратно в город, к ставшим ненужными лекциям и диплому, или напротив — в лес. Ухающий, скулящий, шепчущийся во тьме живым доказательством их с Демьяном родства.

— Демочка... — Слабый голос, такой созвучный с другим, с Катиным, заставил его вздрогнуть.

Он медленно поднял голову и увидел перед собой Феклу. Сестрицу свою любимую. Спасенную великим чудом. Бледная в синеву, с лихорадочным блеском в глазах, она кусала рыжую косу и тянула к Демьяну тонкие пальчики.

— Де-е-ма-а-а... — позвала она еще раз и пошатнулась.

Они встретились взглядами. И целый миг Демьяну казалось, что сестра пришла в себя. Что она видит его, что понимает, кто он, а зло, терзающее ее тело и дух, отступило. Сдалось. Но миг прошел, ниточка, протянувшаяся было между ними, лопнула, и Фекла отвела глаза. Теперь она смотрела куда-то в сторону, через плечо брата, в темноту угла.

Демьян оглянулся, зная, что не увидит ничего особенного. Но Фекла затряслась, выронила из зубов кисточку косы, сделала робкий шаг назад и начала плакать. Первой к ней подскочила Стешка, схватила сестру за руку, притянула к себе, запричитала, раскачиваясь:

— Ну-ну, милая, ну... Тш-ш-ш... Дурное в окошко, сладкое в лукошко, да? Дитяtko мое... Тш-ш-ш...

Фекла забилась в ее руках, но почти сразу обмякла, силы вытекли из нее, оставив полую. Совершенно пустой. Когда к застывшим сестрам приковыляла тетка Глаша, Демьян отвернулся. Невыносимо было смотреть на то, как потерянно озирается Фекла, а ниточка слюны тянется от полных губ к мягкому подбородку, пока Стеша не вытрет ее уверенным взмахом платка. Так и сидел в молчании за столом, пока женщины не вышли из комнаты. Только тогда Демьян позволил себе пошевелиться, кинуть взгляд на брата. За шесть лет, что он не видел Лежку, из тихого мальчугана тот вырос в тонкого, будто тростинка, юношу с длинными темно-русыми волосами. Но глаза остались те же, точь-в-точь такие же, прозрачные, чуть серые, смотрящие на мир откуда-то издали. С другой стороны. Тревожные это были глаза.

— Ты как вообще? — спросил Демьян, чувствуя, каким деревянным делает его глупая неловкость.

— Ничего, держусь, — еле слышно ответил Олег, помолчал и добавил: — Папу только... жалко.

Он единственный называл Батюшку так. Не отцом даже — папой. Прямо как Катерина, прочитавшая телеграмму. Демьян подавил смех.

— Такая жизнь, что теперь... Прорвемся. — Слова поддержки давались нелегко, он никогда не умел сочувствовать общему горю.

Лежка кивнул, только волосы закачались.

— Я спрошу?

— Спрашивай. — Ничего хорошего Дема не ожидал.

— Ты теперь будешь Хозяином?

Лежка всегда умел задавать вопросы в лоб. Все в его мире было легко и просто. Там можно было произнести, вместить в слова и просто выговорить, как ни в чем не бывало, любую боль. Демьян открыл рот, чтобы что-то сказать, но не сумел найти ответа.

— Прости, — поспешно проговорил Лежка. — Не время сейчас... Папа ведь... Папа...

Папа лежал сейчас на абсолютно круглой, будто циркулем очерченной поляне. Место силы.

Место суда и просьб. Место вопросов, а иногда и ответов. Лобное место. Туда несли новорожденных и родившихся мертвыми. Туда Демьян на своих руках отнес Поляшу...

Полечку... Пелагею. Воя и рыча, как зверь, плача, как ребенок. Но об этом нельзя вспоминать. Туда отнесли и Батюшку. Чтобы лес принял его, простил и забрал, отдав все почести, причитающиеся Хозяину.

— Чтоб тебя волки драли семь дней и семь ночей, — прошептал Демьян, но тут же понял, что злобы больше нет.

Простит ли лес потерявшего силу, разум и жизнь Хозяина, это еще вопрос. Но сам Демьян его простил. Хотя, казалось, никогда такому не случиться.

— Шел бы ты спать, — пробурчал он, вставая на затекшие от долгого сидения ноги.

Олег тут же вскочил, подбираясь. Точно так они вскакивали, когда из-за стола поднимался Батюшка. Демьяна передернуло. Но он промолчал.

Правила леса Олег впитал с молоком матери. Двадцать лет прожил он под опекой сумасшедших теток и Батюшки. А теперь его мир покачнулся. Есть ли право рушить слабую башенку надежд, которые мальчик возлагал на него — нового Хозяина? Как объяснить брату, что Демьян лучше бы голым сел в улей, чем занял место отца во главе стола? Да и стоит ли? Если все и так предreshено.

Не чувствуя его смятения, Лежка шагнул вперед и наклонил голову.

— Благослови на сон.

И Демьян не смог отказать. Движением, изученным до ломоты в зубах, он положил ладонь на голову брата, замер, но губы сами проговорили нужные слова:

— Спи, дитя, лес укроет.

Олег шмыгнул носом, не поднимая лица, вытер его рукавом, кивнул и вышел из комнаты. А Демьян остался. Из этого капкана ему было не выбраться.

А теперь он шел через лес, бушующий недовольством, скрывающий свой страх перед гнилью, и сам боялся. Зверя, что затих внутри. Зверя, что рыщет кругом. А главное, зверя спящего — озера, бескрайнего и глубокого, дремлющего, а может, и мертвого, кто его разберет.

Когда-то очень давно Батюшка сумел растолкать его, сумел показать свою силу, сумел объяснить, что не озерный он Хозяин — лесной, и не будет беды, если озеро поспит еще немного. Может, лет сто или двести. Что ему эти лета? Что ему эти зимы? Спи себе, Великое, спи. Не нужна нам твоя мудрость, и память, спящая в тебе, нам тоже не нужна. Но Батюшки больше нет, а вместе с ним канули в небытие те договоры, что успел он заключить с этой землей за свой человеческий век.

— Озеро еще спит, но беспокойно, Дема, — горячо шептала Аксинья, собирая его в дорогу. — А лес засыпает... Ему бы буйствовать, цвести, петь... А он уходит в гниль да дрему.

— А я что могу? — Демьян потянул лямку холщовой сумки и вспомнил, как ослепительно больно режет она плечи спустя час ходьбы.

— Ты все можешь! — Серые глаза сверкнули сталью. — Ты мой сын, ты его сын. Ты теперь как он. Только ты всегда был его лучше, Демочка... — И так по-бабьи всхлипнула, что Демьян почти поверил.

— Кажется, не в наших правилах вспоминать, кто из нас чей, а? — вкладывая весь яд, который был в нем, спросил Демьян. — Ты всем Матушка, он всем Батюшка... был. Так чего ж ты мелешь, баба? — И ослабился, как хорек, самому противно стало.

Аксинья тут же выпрямилась, шагнула к нему и сухой ладонью шлепнула по щеке.

— Постыдился бы... — Качнула головой, медная коса с серебряными нитями седины всколыхнулась в такт. — Не я наши правила писала. И даже не он. Лес их нам в дар протянул, принял нас. Мы по ним жили, по ним и умрем. Но я всегда помнила, что ты мой.

Демьян на мгновение зажмурился, чтобы не видеть стоящую перед ним мать. В ее присутствии он мгновенно забывал, что больше не тот голоногий мальчишка с хвоями в волосах, которым был раньше. Но пока Дема трясся в вонючем автобусе по дороге сюда, успел поклясться сам себе, что старая ведьма больше не будет иметь над ним власти. Пора было исполнить клятву.

— Всегда помнила, говоришь? — спросил он и посмотрел ей прямо в глаза. — А когда волкам меня отдала? Когда секла до кровавых пузырей? Когда Полю... — И все-таки сбился, зашелся кашлем.

Пока утирал слезы, проталкивал воздух в грудь, Аксинья успела выйти из комнаты. Только собранный мешок остался в центре комнаты.

— Сука, — просипел Дема в темный провал двери.

Но ему никто не ответил.

Так и шел он по лесу, все дальше забираясь в чащу, да чуть слышно костерил глупую бабу, злобную ведьму, мерзкую тварь, мать свою по крови, Аксинью. Только ничего это не меняло.

Он мог хоть выпью кричать на весь лес о своей ненависти, а она все-таки взяла свое.

Позвала, и он вернулся. Приказала, и он послушался. Даже когда лес зашумел, предупреждая нового Хозяина о чужаке, Демьян покорно пошел на запах, припадая к земле, пока не наткнулся на полуголую, полумертвую девицу.

И откуда только берутся они, хворые да безумные? Этот вопрос мучил их с Феклой все короткое, но такое вольное, такое счастливое детство.

Почему Батюшка порой замирал на полуслове, бросал все и спешил в лес? А возвращался уже не один. С девушкой или пареньком. Худенькие, хворые, как долго они спали потом! Как жадно следил за их сном Дема! Они даже пахли иначе, он и тогда мог различить в запахе леса чужие нотки. Как невыносимо было мучиться догадками. Куда уводят их, когда они наконец просыпаются? Почему они идут, спотыкаясь на каждой кочке, безумно улыбаясь в ответ на чуть слышный шепот-наговор?

Ответы стали камушками на весах решения сбежать. Но теперь Демьян сам, не раздумывая ни мгновения, подхватил безвольное девичье тело и потащил к дому. Отдал Глаше, не глядя той в глаза, и ушел так быстро, как смог.

Чтобы не слышать одобрительных слов Аксиньи, чтобы не отвечать на робкие поздравления Лежки, чтобы Стеша не успела сказать ему что-то жалостливое, а главное, чтобы Фекла не вышла на ступени крыльца, говоря сама с собою. Больше всего Демьян боялся разглядеть в ее неровной поступи тех, уходящих вслед за Батюшкой в лес, чтобы никогда не вернуться. До озера было еще идти и идти по густой враждебной чаще, но Дема уже чувствовал его. Этот тяжелый запах стоячей воды, эту прелую траву, эти камыши, грубым ремнем охватившие берег. Этот лягушачий хор на мелководье. Когда ни приди, обязательно услышишь их песню. Демьян ненавидел лягушек, Демьян ненавидел камыши, ненавидел запах большой воды. Ненавидел озеро. Ненавидел того, кто спит на его дне. Но все равно шел к нему на поклон. Под ногами теперь беспрестанно хлопало. Сухих кочек становилось все меньше, под слоем мха скрывались вода и гниль — жижа болота, которое тянуло свои склизкие лапы дальше и дальше. Прочь от озера, в лес, где не было ему места и права быть.

Ноги Демьян промочил еще на рассвете, когда в полутьме выдвинулся вперед, окончательно промерзший за бесконечную ночь. Он кутался в тонкое стеганое покрывало, которое Стешка все-таки сунула ему в мешок, хотя не должна была.

«Хозяин не убоится ночи в лесу. Сама земля согреет тело, не позволит холоду одолеть дух», — так учила его Аксинья, отправляя в лес еще пацаненком, худым и испуганным.

Он дважды чуть не умер — метался в лихорадке, мучился от жара и удушья, а она лишь качала головой. Разочарованная им, как всегда. Батюшка хмурил брови, но не перечил своей первой, главной своей жене.

— Гарем, мать вашу, — прошипел Дема, натягивая покрывало.

Он бы и хотел не думать об отце. Закрывать глаза и не видеть его седую голову, восковое лицо, рубаху, не скрывающую костей, обтянутых кожей. На деревянных носилках они с Лежкой несли его мертвого через лес, а Батюшка высился над ними, грозный, как обычно, суровый даже, но какой-то маленький, высохший, а потому не казавшийся настоящим. Словно кукла. Жалкий муляж.

Ведь не мог человек, одним прикосновением умеющий остановить сердце зверя, стать таким — безвольным стариком, умершим от дряхлости и бессилия в собственной моче? Просто не имел права стать безумцем с трясущимися руками. А потому лесу в тот день Демьян отдал не отца, а незнакомца.

Ему было и правда жаль старика, которого они осторожно опустили на траву круглой поляны. Но признать в нем отца, а тем более Батюшку, Дема так и не смог. Прикоснулся губами к холодному лбу, как было принято, помолчал, вслушиваясь в сдавленные рыдания Глаши, и зашагал обратно к дому.

Ни единой струнки в душе его не зазвенело. А тут, гляди-ка, стоило только зайти в лес, как образ отца начал мерещиться в каждой тени. Сколько раз Хозяин ходил по этим тропам к большой воде? Сколько ночей мерз на еловых ветках? Брал ли он с собой запретное покрывало? Говорил ли с ночными птицами, кивал ли старому лосю? Что рассказывал ему никогда не засыпающий лес? Какие соки струились в стволах деревьев под чуткой его ладонью?

Мысль, что отец никогда не ответит ему, доставляла Демьяну странную тянущую боль в груди. Он давно не испытывал ничего, кроме тихо рокочущей злобы, и новые чувства казались теперь невыносимыми. Демьян долго ворочался, то уходя в беспокойную дрему, то вскакивая от ощущения, что кто-то смотрит на него немигающим взглядом.

— Конечно, смотрит, хорек ты глупый... Ты же в лесу. И что? — успокаивал он себя, но легче не становилось.

Казалось, отец стоит в тени зарослей, гладит бороду желтоватой мертвой рукой и смотрит на сына, как обычно смотрела мать. Мол, что ж ты, Дема, нас подвел? Что ж ты, мальчик наш, получился таким никчемным? Почему лес пугает тебя так сильно, что ты не смог встать с Батюшкой плечом к плечу? Почему сбежал, сын? Почему струсил?

Слишком много вопросов для одной ночи в холодном лесу, решил Дема. Поднялся с еловой постели и тут же угодил в глубокую болотную яму.

Демьян мог бы поклясться, что, устраиваясь на ночлег, этой ямы он не заметил. А значит, ее не было. А значит, Аксинья не соврала. Лес, оставшийся без Хозяина, засыпал. Но свято место пусто не бывает. На смену ему проснулась вода. И тот, кто ею правит.

Стоило поспешить.

До сумерек Дема прошагал, не останавливаясь на отдых. В животе тоскливо ныло от голода, он нащупал в сумке запрещенный кусок хлеба — очередную тайную весточку сестры — и ухмыльнулся.

«Лес прокормит Хозяина, — вдалбливала в его вихрастую голову мать, отправляя сына в чащобу без единой крошки. — Птица, ягода, корешок. Хозяин должен знать, что предлагает в дар ему лес, и брать это как присущее по праву».

Своего первого зайца Дема поймал в девять лет. Подыхая от голода, на пятый день скитаний, отравившись ягодами еще в первый. Заяц дергался в силках, смотрел на Демьяна налитым кровью глазом и никак не мог окончательно задохнуться в слабых мальчишеских узлах.

— Если я тебя отпущу, то помру, — долго объяснял ему Дема, склонившись к силкам. — Понимаешь, я сдохну... А мне нельзя... Никак нельзя.

Нельзя, потому что обещал Фекле вернуться, — она плакала, стоя на самой кромке леса, когда провожала брата в путь. Слезы горошинами текли по ее щекам. А она не замечала их, и те падали вниз с острого подбородка прямо на платье — легонькое, голубое, с неровно отрезанным подолом. Почему-то его Дема запомнил лучше остальных. А еще Полю. Она держала девочку за плечо, не давая побежать следом. И только шептала что-то, чуть шевеля губами. Каждый раз, когда Демьян оборачивался на них, то ловил ее строгий печальный взгляд и чувствовал, как страх уходит.

Аксинья его не провожала. Никогда.

В тот день зайца Дема все-таки задушил. Ободрал шкурку, выпотрошил, подвесил над костром. Но заснул. Мясо пересохло — жесткое, несоленое. Забилось между зубами. От него Дему вывернуло в кустах. Только зря загубил животинку.

С тех пор много листьев опало, чтобы сгнить и дать силы новой листве. Но тот заячий взгляд, налитый кровью и страхом, Демьян помнил так же отчетливо, как глаза провожавшей его Пелагеи.

— Не смей! — прикрикнул он на себя.

Стоило оживить в памяти фарфор ее тонкой кожи, русые с рыжинкой волосы в мягких волнах, глаза, отдающие зеленцой, как все внутри скручивалось от боли.

Было время, когда он все пытался подсчитать, на сколько лет Полина младше своих сестер.

Тетка Глаша всегда казалась Демьяну древней старухой. Родившая троих, раз в три года, как по часам, она отдала им силы и всю свою красоту. Аксинья же, средняя сестра, была вне времени. Правила жизни не трогали ее, не касались даже слабым отголоском. Только Полечка, последняя из трех отцовых жен, и была самой жизнью. Полной света, падающего через густую листву, звонкой росы на заревом поле, сладкой земляники и студеной ночи, когда звезды опускаются на плечи любому, вышедшему глотнуть мороза.

Как можно было сравнивать сестер? Как можно было выставить единым списком года рождений, если это не имело никакого смысла? Не описывало ничего из тысяч вещей, которыми они были?

Ребенком Демьян думал, что Батюшка, должно быть, очень хороший человек, если три жены отдают ему всю любовь, что в них есть. Перед самым побегом Дема ненавидел отца за каждый вдох и выдох, за каждый день, который тот проживает в мире, где нет больше Поли. В странном их быте на краю леса не было места той любви, которая пожирала Демьяна подобно смертельной хвори. А значит, ни одну из своих жен Батюшка не заслужил. Может, только Аксинию, в наказание за грехи.

Но, подходя к озеру, хлюпая ногами в болотной жиже, Дема осознал наконец: этот мир так далек от реальности, что его нельзя мерить человеческими рамками. Хозяин взял своих женщин по праву сильного, как брал эти земли. В тот самый миг, когда они перешагнули порог дома, правда человеческая в них сменилась правдой лесной. И смешно рассчитывать, что правила людей поймут тут хоть какой-нибудь вес.

— Вот и ты, Великое, — проговорил Демьян, подходя к берегу. — Это я пришел. Хозяин леса.

Камыши приветственно качнулись ему в ответ. Стая серых уток с шумом поднялась в воздух, ветер разнес их запах — мокрое перо, рыбий дух. Дема осел на мокрую землю, рыжую от песка, тяжело качнулась в нем дурнота предчувствия, но отступить было поздно.

— Спи, Великое, — попросил он. — Спи, нечего нам делить.

За мгновение до того, как его ладони опустились в озеро, из подтопленных зарослей бесшумно взлетела черная лебедица. Но этого Демьян не видел: глаза ему заволочла мутная, тяжелая вода.

ОЛЕСЯ

Лесе снилось, как она идет по колени в траве, настолько густой, что не видно ног. Только ступни прикасаются к рыхлой влажной земле где-то внизу. Трава была мягкой и зеленой, без противного налета городской пыли, без желтых пятен, выгоревших на солнце. Если бы Леся не чувствовала, как кольшутся от ее движений стебельки, то траву эту легко можно было бы принять за зеленоватую волну спокойной, большой воды.

«Надо же, как интересно», — думала Олеся, проводя ладонью по травяным головам, а те склонялись перед ней в приветственном поклоне.

Она лукавила. И трава эта, и высокое небо над головой не вызывали в Лесе особенного интереса. Не было ни любопытства, ни страха. Она не могла вспомнить, куда идет, но точно знала, что идти нужно. Обязательно. Просто шагнуть вперед, вдыхая аромат теплой травы. Когда ветер принес ей отголосок девичьего смеха, словно серебряные колокольчики нежным переливом развенелись впереди, Олеся ускорила шаг. Она не любила опаздывать. Ей казалось, что в тот самый момент, когда она только движется навстречу чему-то важному, это важное уже свершается. Без нее.

Олеся смутно помнила, как часто она приходила намного раньше, чем следовало, в самые разные места. И томилась ожиданием, и злилась то ли на себя, то ли на того, кто только шел к ней. Но память эта утратила всякую нужность.

Так ли важно, снится ли ей этот лес, а может, Леся правда идет по нему, ощущая босыми ногами упругую силу земли? Так ли важно, что случилось с ней когда-то давно, когда-то раньше? Так ли важно это «раньше», если у нее теперь есть сейчас? Эта трава, эта лазурь неба, этот смех впереди.

Проход между высокими деревьями, по которому шагала Леся, становился все уже. Трава редела, ее сменяли колючий кустарник и прохладный мох на боках серых камней. Леся обходила их стороной, зябко ежилась. От лазурного неба ее отделяли перепутанные кроны деревьев. Может быть, там, высоко, солнце продолжало полуденно светить, но в чаще леса его сила меркла, запутавшись среди ветвей и коряг.

Смех раздался чуть ближе, эхо подхватило его, множа тысячью голосов, и Леся поспешила следом. Она шла, не видя ничего перед собой, то срываясь на бег, то оскальзываясь на болотных кочках. Голые ноги испачкались в грязи, глубокая царапина от острой ветки налилась кровью, очерчивая линию от щиколотки до бедра, но Леся не чувствовала боли. Каждый раз, когда смех звенел впереди, она рвалась к нему, моля чуть слышно, чтобы тот не исчез, чтобы довел туда, куда так отчаянно тянет ее через чащобы.

Что-то важное скрывалось в этом лесу. Олеся ловила на себе напряженные взгляды, слышала отголоски шепота. Но никто не спешил выходить на тропу, один лишь смех вел ее вперед.

Когда деревья внезапно и резко расступились, Олеся обхватила серый ствол осины и спряталась за ним, всем телом прижалась к коре.

Ровные края поляны очерчивал жесткий кустарник, деревья высились чуть в отдалении, будто боялись приблизиться. И Леся разделяла их страх. Что-то пугающее было сокрыто здесь.

«Я сплю, я сплю, — твердила она. — Это сон!»

По ногам пробежал холодок влажной земли. Над ухом деловито жужжал круглобокий шмель. Полуденный дух леса был спокойным и плотным. Пахло теплой травой и мхом. Деревья шумели на ветру. Все это никак не походило на сон, но, когда на поляну выбежала девушка в невесомом платьице до самой земли, Леся облегченно выдохнула. Ну конечно же, это сон.

Девушка светилась изнутри, она будто вся состояла из света. Длинные волосы, заплетенные в свободные косы, развевались, когда она принялась кружиться, оглядываясь в поисках кого-то по сторонам.

Между деревьями снова зазвенел смех. Олеся вздрогнула, но отвести глаз от девушки не сумела. Та опустилась к земле, прижала к ней ладони, только платье светлым шатром раскинулась вокруг. Смех стал громче. Девушка подняла голову, тонкие черты ее лица лучились радостью.

На одно мгновение Лесе показалось, что это зверь смотрит на нее. И взгляд прозрачных серых глаз заставил ее отшатнуться, скользнуть за деревья, прижав ладонь к груди, чтобы сердце не выскочило наружу.

— Пусть сон. Пусть это сон, пожалуйста! — шептала она, не зная, у кого просит милости.

Смех раздался очень близко. Тонкий, совсем детский, переливчатый, томный, высокий и низкий. И когда смеющиеся вышли из-за деревьев, каждая со своей стороны — шесть девушек в таких же светлых платьях, с такими же косами, как и у той, ожидающей их на поляне, — Олеся уже не помнила себя от страха.

Они прошли так близко, что холод, растекающийся от них по траве и мху, настиг Лесю прежде, чем со всей ясностью она поняла: часть леса, живая, но мертвая, — вот кем были смеющиеся.

— Сестрицы! — радостно воскликнула одна из них.

— Сестры мои! — запричитала другая.

— Вот и свиделись... — выдохнула третья, прижимая к себе ту, что пришла первой.

Не чуя себя от страха, Леся попятилась, припала к стволу. Девушки стояли в самом центре, чуть раскачиваясь в объятиях, держась за руки, ласково проводя ладонями по волосам сестер. Самая старшая из них, чьи русые волосы отдавали благородной медью, присела рядом с маленькой девочкой, прижала ее к себе и принялась горячо шептать ей на ухо. Зазвенели колокольчики смеха, понеслись по лесу, гонимые ветром.

— Ну тебя, Милка, весь лес взбеленишь! — Самая темненькая из них нахмурилась, поправила ворот белоснежного платья. — И ты, Поляша, угомонись, некогда нам, время течет...

Названная Поляшей поднялась, потянулась к ней рукой.

— Твоя правда, Дарена, берись скорее...

Та схватилась за протянутую ладонь своей, а второй взяла за ручку Милку, и девочка вмиг потеряла ребяческий вид. Гомон, воцарившийся было на поляне, стих. Никто больше не смеялся, никто не хватал подруг за тонкие запястья, не притягивал к себе. Свет падал на их бледные лица, заострял черты.

Ровный круг поляны теперь повторялся в ровном круге девичьих тел. Ладони сжимали ладони. Дыхание вторило дыханию.

— Здравствуй, лес, — пропела названная Поляшей. — Время твое проходит, Хозяин твой гниет в земле. Засыпай, лес, засыпай...

— Тише, лес, — подхватила Дарена. — Тише, нет в тебе силы, нет в тебе страха. Засыпаешь ты, засыпает жизнь... Тише.

— Спи, — чуть слышно шепнула пришедшая сюда первой. — Спи.

Они плавно склонились над землей и, не разжимая ладоней, заскользили по кругу. Их движения, легкие, как взмах крыла самой маленькой птички, убаюкивали Олесю. По телу разлилось тепло, ноги потяжелели, веки начали опускаться, и Леся погрузилась в беспросветную тьму.

«Это сон, — попыталась напомнить она себе. — Нельзя уснуть во сне».

— Тише-тише, спи, лес, ты так много трудился, так долго жил... Никто не станет больше лишать тебя силы. Хозяин ушел, ты можешь отдохнуть... — прошептали совсем близко.

Леся рванулась в сторону, под ноги попала сухая коряга. Шепот оборвался криком. Когда Леся сумела наконец подняться с земли, на поляне никого не осталось. Сестры исчезли, испарились, они вспорхнули, подобно птицам, оборвав свой сонный пленительный наговор.

Поляна больше не казалась опасной. Проголина, лишенная деревьев. Ни страха в ней, ни силы. Там, где мгновение назад еще кружились светлые фигуры, не осталось ни следа. Ни примятой травы, ни сорванных цветков. Только перо, похожее на лоскуток легкой ткани, белело на зеленом полотне.

Леся потянулась к перышку, но пальцы схватили лишь пустоту. Внезапный порыв ветра поднял его в воздух, и оно понеслось вверх, выше деревьев, а может, и выше неба. Олеся проводила его взглядом, глаза слезились от лучей полуденного солнца. Ей почудилось, что это белая лебедица растворяется в лазурной синеве.

Леся и сама не поняла, как проснулась. Просто горячий воздух леса сменился прохладой чистой простыни, а высокое небо — деревянным потолком. Тело наполнилось пружинистой силой. Леся откинула покрывало, опустила ноги на пол, и внезапная боль обожгла ее раскаленным железом.

Длинная, с подсохшей кровью царапина тянулась от щиколотки к бедру.

ВОЛЧЬЯ ЯМА

ДЕМЬЯН

Демьян не умел плавать. Об этом он с кривой ухмылкой сообщил в институте, когда ему предложили выбрать занятия для физподготовки.

— Бегать могу, атлетика вся эта ваша... Тоже могу. А бассейн — нет, спасибо.

Пришлось соврать про детскую травму и стойкую боязнь воды. Соврать, конечно, наполовину. В истории про старый пруд и мальчишек, его туда столкнувших, правды было столько же, сколько и вымысла.

Вместо пруда — спящее озеро. Вместо мальчишек — волчья стая, решившая попробовать его «на слабо». В воду Дема прыгнул, куда деваться? И тут же начал тонуть. Просто шел на дно, сколько бы ни барахтал руками, ни бился, силясь всплыть. Но страшно было не это. Подумаешь, дышать нечем. Подумаешь, уши заливают водой. Мелочи. Жутким было иное. То, что Дема так и не сумел облечь в слова. Но стоило оказаться под водой, как его потянуло вниз. Ко дну. Словно что-то большое и сильное звало — ни поспорить с ним, ни побороться. Из озера вытащил старый друг — Рваное Ухо, как звал его Дема в своем человеческом желании давать имена всему, что дорого. Вытащил на берег, беззлобно кусаясь, отряхнулся, посмотрел на дрожащего Дему и зашелся кашляющим лаем — обсмеял дурака.

Но в этот раз на помощь бросаться было некому. Что стало за шесть лет с Рваным Ухом и остальными — блохастыми, серыми, воняющими псиной, но родными членами стаи, — Дема старался не думать. Шесть голодных зим, шесть изматывающих лет... За это время волчья свора сменяется от старого вожака до слепых кутят. Нет больше Рваного Уха. И точка.

Но зубы, схватившиеся за край рубашки, мышцы, играющие под жестким мехом, пока волк тащил Демьяна наверх, тут же вспомнились, стоило воде сомкнуться над головой. Как он попал на глубину, Дема так и не понял. Только потянулся, чтобы дотронуться до воды, опустить в нее ладони, послушать, спокоен ли сон, а вода сама пришла к нему, утащила, нахлынула, завертела. Вот тебе и Великое Озеро — спящее, мертвое даже. Вот тебе и Хозяин леса.

«Мокрый сморчок ты», — металось в голове Демьяна, пока тот рвался из цепких лап подводного течения.

Ничего не получалось: вода залила уши, в голове шумело, легкие рвались надвое от невозможности вдохнуть.

«Я сейчас утону», — совершенно спокойно понял Дема, опуская онемевшие руки.

Одежда стала тяжелой, все тело охватило отстраненное предчувствие смерти. Где-то очень высоко светило солнце, но через толщу воды Дема не мог дотянуться до его тепла, не мог забрать силу деревьев, не мог помочь себе ни единым из способов, которые не хотел, да перенял у отца.

Демьян рванулся еще раз, из чистой злости.

«Лучше бы плавать научился», — равнодушно подумал он, и озерное дно, рыхлое от тины и сна, приняло его в свои объятия.

ОЛЕСЯ

Засохшая царапина тянулась от щиколотки к бедру. Леся потеряла глаза, посмотрела снова.

Царапина продолжала быть. Леся потянулась, отдернула с окна занавеску, чтобы свет прогнал морок. Но царапина — бурая, грязноватая по краям — оставалась царапиной.

— Да быть не может, — пробормотала Олеся.

Ей было даже смешно от нереальности происходящего. Просто невозможно сидеть здесь, на этой скрипучей кровати, и смотреть, как царапина из сна пересекает кожу, настоящую, чуть влажную от холодного пота. То ли сновидение было таким изматывающим, то ли это прогулка по лесу так ее утомила. Теперь Леся не была уверена ни в чем.

Потому осторожно приподнялась, подошла к двери, толкнула ее легонько и даже охнула от облегчения. Не заперто. Легкий скрип разошедшегося дерева и черный провал коридора — иди себе, девица, куда ноги поведут.

Ноги повели прочь из дома. Она скользнула мимо двух запертых тяжелых дверей и выбралась наружу. Стоял жаркий полдень. Леся попыталась вспомнить, какое сегодня число. Перед глазами тут же всплыл разлинованный разворот школьного дневника. Пальцы сами потянулись дотронуться до верхнего столбца — понедельник, вторник ниже, среда совсем внизу, и на следующей странице уже четверг, пятница, а там и последний квадратик — суббота. А воскресенье — неловкий взмах в сторону. Автоматизм движения подсчета. Сколько бы лет ни прошло с твоего последнего дневника, ты все равно считаешь дни именно так.

Только Леся не помнила. Каким был этот последний дневник, а каким — первый? И были ли они вообще? Зато вспоминался запах школьной столовой — компот со сморщенными яблоками, сухая булка и ровный брусочек масла. И тефтели в томатной пасте, разведенной водой. А дальше — сплошной кисель из образцов и их осколков.

Можно хоть весь день простоять так, бездумно вглядываясь в лес, шелестящий за границей поляны, но выудить из кисельного омота хоть один законченный, цельный кусочек воспоминания не выйдет. Леся потопталась на крыльце и медленно спустилась вниз.

На голове уже не было повязки, волосы свободно рассыпались по плечам. Олеся пропустила локоны между пальцев, удивляясь, когда же это они успели стать такими длинными, такими густыми и русыми. Но тут же поняла, что легко могла забыть пару лет жизни, за которые любой крашенный ежик вырастает в роскошную гриву — мягкую и ласковую, словно лесной ручеек. Леся обошла крыльцо, чуть покачнувшись от слабости, но под босыми ступнями приятно пружинила мягкая земля, вытоптанная, выметенная заботливыми руками. В тени дома было прохладно, но жар солнца лился на сонную поляну, и в короткой рубашке, надетой на голое тело, Леся не зябла. Только подтягивала вниз подол, чтобы тот прикрывал колени. Она прошла немного, держась за деревянную стену, и заглянула за угол. По внутреннему дворику чинно шагал большой петух. Грозный, с массивной грудью и алым гребешком, он зорко следил за куриным мельтешением возле его лап. Стоило серенькой курочке отойти чуть дальше, чем было позволено, петух начинал волноваться, внутри у него булькало, как в закипающем чайнике, и покорная курица возвращалась на место.

Леся оценила тяжелый острый клюв ревнивой птицы и тихонечко попятилась. Но было поздно. — Ко-о-о? — с возмущением протянул петух и расправил крылья.

Ноги тут же онемели от страха.

Теперь огненная птица стала еще опаснее и злее. Распушив перья, петух медленно двинулся на Лесю, он клокотал и тряс красным хохолком, скрипели острые шпоры на когтистых лапах.

— Птичка, — робко попросила Леся. — Успокойся ты, а? Я сейчас уйду... Птичка!

Услышав ее голос, петух окончательно рассвирепел: он гортанно вскрикнул, задрал иссиня-черную лоснящуюся шею, и ринулся в бой. Мгновение — и его тяжелое птичье тело впечаталось бы в Лесю, повалило бы ее на землю, а острый клюв завершил бы начатое.

Леся закрыла руками лицо, вжалась в стену, но даже не попробовала убежать. Страх парализовал ее. Она слышала только, как взволнованно кудахчут курочки и как яростно клокочет петух.

— Ну-ка, пошел отсюда!

Мужской голос прорвал пелену бессилия, Леся бросилась в сторону, поскользнулась, запуталась в собственных ногах, упала и затихла в пыли, продолжая закрывать лицо.

— Пошел, говорю! Кыш! Кыш! — кричал кто-то, отгоняя петуха.

Он недовольно зашуршал крыльями, закудахтали куры, врассыпную кинулись прочь с вытоптанного двора.

— У, холера тебя скрути! — прикрикнул им вслед хозяин.

Он приблизился, склонился над Лесей. Та сразу почувствовала его запах — сено, земля, чуть пьяная дрожжевая закваска. Именно так пахнут пекари. С их теплыми, мягкими руками.

Отрывая ладони от лица, Леся ожидала увидеть добродушное круглое лицо, может, в россыпи веснушек, с рыжими бровями и прозрачными ресницами.

Но перед ней на корточках сидел небесной красоты юноша. Других слов она просто не могла подобрать. Тонкий, словно вылепленный из лунного света, сияющий изнутри, он смахнул со лба длинную темно-русую прядку и улыбнулся.

— Живая? Дурная птица, на всех бросается. Давно в суп его пора... Да Матушка не даст.

Леся судорожно слотнула, не отрывая от него глаз.

— Ты бы встала... — осторожно предложил парень. — Тут скотина ходит к воде... Сама понимаешь.

И протянул ей ладонь. Тонкая кисть, узкое запястье, грубая ткань рукава. Фарфоровая кожа на пальцах закружилась от мозолей. От середины ладони, между большим и указательным, тянулся грубый рубец шрама, словно парень схватился за раскаленную ручку кастрюли или противня.

— Ты хлеб печешь? — невпопад спросила Леся, вдыхая исходящий от него дрожжевой запах. Тот улыбнулся еще шире.

— Голодная, что ли? Так пойдем, я покормлю.

Ладонь оказалась теплой и мягкой. Он легко потянул Лесю к себе, помогая встать. В тонких руках скрывалась странная, почти пугающая сила.

— Меня Олегом звать, Лежкой, — представился он и повел ее через двор к низенькой постройке, откуда лился сытный запах хлеба. — А ты, стало быть, гостя наша?

— Да, — только и ответила Леся, внутренне сжимаясь от тревоги.

Если бы парень начал ее расспрашивать, если бы задал хоть один вопрос, на который внутри только кисель беспамьять и всколыхнулся бы, она точно не сдержалась бы и зарыдала. Пока никто, кроме тебя самого, не знает о случившейся беде, то и беды этой для мира почти не существует. Но признание овеществит ее, миготом отыщет выемку в мироздании, куда эта самая беда встанет как влитая, чтобы превратиться во что-то незыблемое и свершенное.

Но Олег просто шел вперед, поддерживая Лесю за локоть, и ни о чем не спрашивал. Когда они шагнули под навес у крыльца постройки, запах хлеба стал почти невыносимым. Желудок до дурноты свело голодом. Леся жадно глотнула сытный дух, такой плотный, что им, казалось, можно наестся. Не замечая ее терзаний, Олег откинул серую ткань, прикрывающую полки, и Леся увидела целый ряд толстобочных буханочек. Она с трудом сдержала стон.

— На вот, это с яблоком, — сказал Лежка, протягивая ей пышную булочку. — Молоко будешь? Леся кивнула, но тут же задумалась. А вдруг на молоко у нее аллергия? А вдруг и на яблоки? А может, ей вообще нельзя мучного? Что она знает о своем теле и почему здоровый голод и пружинящая сила в нем кажутся Лесе такими необычными, забытыми чувствами?

Перед глазами всплыли холодные белые стены палаты. Измученный голос старой женщины, сидящей рядом. Ее седые волосы, ее иссохшее от переживаний лицо.

— Выпей, выпей молочка, Леся... — просительно твердит она, и белая кружка мелко трясется в руке. — Доктор сказал, что после... — Она тяжело проглатывает слово, так и не произнеся его. — Что тебе нужно молоко. Выпей.

И Олеся пьет, с трудом проталкивая белую, разведенную водой жидкость, и ее почти сразу мучительно рвет в тазик. В ушах гудит от напряжения, но всхлипы бабушки пробиваются через этот шум, бьют наотмашь, заставляя давиться молочной рвотой.

— Нет, — слишком резко ответила Леся, прогоняя воспоминание. — Я не буду. Не хочу.

Олег посмотрел на нее с удивлением, но ничего не сказал.

— Спасибо, — смущенно добавила она, хватая булочку. — Я правда очень голодная... Не помню, когда в последний раз ела.

Пушистое тесто и кисловатая начинка наполнили рот. Достаточно было схватить зубами пышный бок, чтобы вмиг перестать волноваться о белой комнате. Разве имеет значение то, что уже прошло? Разве может терзать то, о чем ты лишь смутно помнишь? Разве нет в забвении милосердия? Разве есть в нем хоть что-нибудь, кроме этого?

Чтобы не смущать ее, Олег отошел в сторонку и поднял крышку деревянной кадки. Олеся увидела, как оттуда выпирает подходящее тесто. Лежка осторожно умял его легкими похлопываниями и укутал бока кадки в ткань. Точные и ласковые движения умелых рук. Все это было ему понятно и знакомо, все это доставляло ему удовольствие. Кусая булочку, Леся наблюдала, как губы его чуть заметно трогает улыбка, как он что-то шепчет себе под нос,

смахивая с лица прядки волос, чтобы те не мешались. Так может выглядеть лишь тот, кто оказался на своем месте. А значит, почти никто. Кроме странного красивого мальчика. Когда пиршества оставалось на два укуса, Олеся поняла, что наелась. Она покрошила булочку, вышла на крыльцо и ссыпала крошки на землю.

— Откуда ты знаешь, что нужно делиться? — Олег оказался рядом, удивленно за ней наблюдая. Леся попыталась вспомнить. Кажется, мужчина с большими и сильными руками, тот, память о котором так сложно выудить из самых глубоких омутов киселя, говорил ей когда-то: «Сама поела — дай другим насытиться. Что тебе крошка? А в мире будет равновесие». Но как объяснить это парню, застывшему в дверях?

— Просто решила курочек покормить. Они перепугались сегодня, вон как кудахтали, — ответила она, слабо улыбаясь.

Олег постоял, взвешивая ее ответ, и кивнул.

— Непокойное время, даже птица дурная чует...

И было в этих словах столько горечи, очень взрослой, даже стариковской, что Леся сжалась, будто в жаркий день угодила в глубокую яму, полную холодной воды. Мурашки пробежали по ногам, она тут же вспомнила, какая короткая рубашка прикрывает ее обнаженное тело, и дернула вниз подол. Ткань затрещала, оголяя бедро. Длинная ссадина на ноге, сероватая от пыли, слабо сочилась сукровицей. Леся потянулась к царапине и тут же зашипела от боли.

— Ты чего? — Олег соскочил с лестницы и присел у ее ног. — Нельзя же грязными руками!

Ссадина словно только и ждала, чтобы про нее вспомнили, — тут же принялась гореть болью. То ли от растерянности, то ли от смущения Леся всхлипнула, чувствуя, как жар заливаает щеки. Олег сидел перед ней на корточках и рассматривал царапину, но, услышав звук, тут же поднял лицо.

В его серых глазах читалась растерянность.

— Ты где это так? — спросил он, и Леся обожглась холодностью его тона.

— Ну... когда упала... Из-за петуха, — соврала она, пытаясь успокоить бешено скачущее сердце.

— Нет. — Олег покачал головой и поднялся на ноги. — Это ты... — Он запнулся, помолчал, бросил на Лесю еще один взгляд. — Ты там была, да? В лесу?

Тревожные запахи чащи, шорох льна по траве, сестры, тянущие друг к другу ладони.

Увиденное во сне встало перед глазами. Память, подобно сити, просеивала каждый миг жизни, отбирая мгновения по своему собственному разумению. И каждый раз не те. Но стоило Олегу произнести это слово, как позабытый лес перестал казаться сном. Да и позабытым — тоже.

— Нет, — выдохнула Леся, делая шаг назад. — Меня там не было. Я спала. Я спала! — Она уже кричала, прижимая ладони к груди.

Слезы текли по щекам, испуганное лицо Олега таяло в их соленой пелене.

— Я спала! — надрывалась она, чувствуя, как цепкие руки подхватывают ее со спины. —

Отпусти! — И сорвалась на визг: — Не трогай!

Ее крик подхватил внезапный порыв ураганного ветра.

— Отпусти! — кричала Леся, вырываясь из сильных рук.

А деревья, обступившие поляну, склоняли макушки от ее голоса.

— Не смей! — вопила она.

А ветер поднимал в воздух пыль и сор.

— Я спала! — надрывалась Леся, не помня себя и того, почему же она так кричит, и плачет, и воет, вторя буре.

Низенькая хлебная пристройка качалась, крыльцо скрипело, где-то вдалеке, шумно ломая ветки своим вековым соседям, упала сосенка. Слов уже не было, но Олеся продолжала кричать — так страшно, так больно, так невыносимо яростно ей было.

Это закончилось в одно мгновение. Из нее будто выбили дух, и Леся упала ничком, не чувствуя, как подхватывают ее мягкие сильные руки Олега. Не видя, какой смертельной бледностью залило стареющее бесстрастное лицо Матушки Аксины.

И пока они молчали, посеченные бурей, на середину двора шагнул петух. Он задрал голову и прокукарекал, словно бы в середине обычного летнего дня началось что-то иное. Что-то новое.

Что-то, сулящее перемены.

* * *

Царапину Аксинья промывала долго и старательно. Не произнося ни слова, она опускала свернутую ткань в горячую, пахнущую травами воду, давала ей напитаться целебным отваром, а после принималась протирать воспаленную кожу. Леся жмурилась от боли и жара, закусывала губу, но тоже молчала, не решалась заговорить.

Олег помог ей подняться с земли, придерживая каким-то очень привычным, очень родным движением, — его рука покоилась чуть выше бедра, перенося большую часть веса Олеси на себя. Ей оставалось покориться и хромать вперед, стараясь поспеть за Аксиньей. Та решительно шагала к главному дому, прямая и грозная, только коса — седина и медь — покачивалась в такт.

Когда петух закончил кукарекать, скрипуче оборвав последнюю ноту, они, все трое, долго еще не двигались и, кажется, не дышали. Олеся лежала на земле, Олег склонился над ней, придерживая за плечи, а мертвецки бледная Аксинья высилась над ними, бесстрастная, только костлявые ладони сжаты в кулаки. А потом кивнула Олегу, развернулась и зашагала к дому. — Пойдем, — шепнул Лежка, поспешно помогая ей подняться.

И Леся пошла, что еще ей оставалось делать? С каждым шагом случившееся во дворе становилось все запутаннее. Олеся испугалась вопросов о сне... И? Закричала, кажется. А потом поднялся сильный ветер. И она испугалась еще сильнее. А тут еще Аксинья подошла и схватила ее. Потому Леся кричала, пока совсем не выдохлась, а после упала. Ничего необычного, если брать в расчет, что под волосами еще нет-нет, да побаливает затянущаяся рана.

Но почему тогда так напряженно молчит Олег? Тащит ее к дому, сопит чуть слышно, но не говорит ни слова. Мог ведь спросить, как она. Мог ведь подивиться странному порыву ветра. Но нет. Он шел рядом, услужливо предлагая свою помощь, но тепла в нем, которое так остро чувствовала Леся, не осталось. Ему было тревожно, он понимал, что произошло, но не мог в это поверить.

Леся точно чуяла это его смятение.

«Нет, не может быть, — будто думал он. — Она гостя, таких много было, откуда ж это... Не может быть».

А потом бросал на Лесю быстрый взгляд из-под пушистых ресниц.

«Обычная. Совсем обычная. Но ветер же! — металось в его голове. — Дурное время... Был бы Батюшка...»

И снова горький поток сожаления и тоски по кому-то, ушедшему в незримую даль.

Только добравшись до комнаты, в которую вела та самая обитая мехом запертая дверь, Леся поняла, что не гадала, о чем же думает Олег. Нет, она точно знала, слышала даже, какие мысли лихорадочно вспыхивали в его голове. А может, ей это только казалось.

Лежка помог ей забраться на высокую лавку у окна, не глядя кивнул и повернулся к Аксинье. Та смерила его взглядом и проговорила, поджав сухие губы:

— Можешь идти. Скоро Демьян вернется. К ужину должен быть хлеб. Свежий хлеб. Понял меня?

Олег кивнул еще раз и поспешил выйти из комнаты. А Леся осталась один на один с хищной птицей.

Аксинья долго звенела склянками, наконец отыскала нужную, поставила ее на край стола, постояла немного, раздумывая, и пошла к двери. Уже на пороге она обернулась и оглядела застывшую Лесю.

— Тронешь что-нибудь — в болоте сгною.

В ее голосе было столько презрения, что перспектива оказаться где-нибудь, пусть даже в болоте, только не в этой комнатке, пропахшей странными ароматами сушеной травы, казалась не такой уж и плохой. Но Леся осталась сидеть на лавке, рассматривая деревянные, от пола до потолка полки. Кроме них, в комнате толком и не было ничего. Массивный стол с придвинутым к нему табуретом, залитый воском подсвечник да лавка, на которой сидела Леся. Все из дерева, потемневшего от времени и сырости.

Но обдумать это как следует она не успела. Аксинья уже вернулась, прикрыв за собой тяжелую дверь. В руках она несла исходящий паром таз.

— Покажи, — сухо приказала она, подхватила со стола пузырек и присела на другой конец лавки. — Рану свою.

Леся нехотя задрала подол, опустила глаза и подавилась криком. Царапина стала багровой. Воспаленные края вздыбились, засохшая корка налилась чернотой гниения. Серая пыль, ступки крови и мертвой ткани. Нога должна была невыносимо болеть, но Леся чувствовала лишь далекое эхо этой боли.

Она испуганно поглядела на Аксицию — суровое лицо ее осталось бесстрастным.

Морщинистые руки опустились в таз, выливая в него содержимое пузырька. Вода стала чуть зеленоватой, запахла сухой соломой. Когда горячая ткань опустилась на бедро, корка, покрывающая рану, лопнула. Леся почувствовала, как течет по коже что-то холодное и склизкое. В комнате еще сильнее запахло сыростью. Леся безвольно закрыла глаза и откинулась на стену.

Время тянулось бесконечно долго. Но все в этом мире имеет начало и конец. Даже самое страшное заканчивается когда-то. Плохо другое — порой дожить до финала не удастся, и тогда смерть и становится им — концом всех бед. Единственным избавлением от них. Но не в этот раз.

Жар ткани и тяжелый запах горячего пара отхлынули. Леся, почти утонувшая в водах боли, открыла глаза. Аксиция сидела перед ней, сверля ее взглядом. Лесные озера шли рябью необъяснимой злобы.

— Ты принесла ко мне в дом эту мерзость! — прошипела она. — Притащила на мой порог подарок от болота, мерзавка! Гниль!

Леся выпрямила спину, стараясь казаться старше и увереннее.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — начала она. — В лесу со мной случилась беда. Я очень благодарна, что вы мне помогли. Но теперь я хорошо себя чувствую... И мне бы нужно... уйти. Леся говорила это на одном дыхании, глядя чуть выше худого плеча Аксиции, потому не заметила, как дернулись в злой усмешке тонкие губы.

— Беда с тобой случилась, так? В лесу... — Она подтолкнула к Лесе таз с водой. — Это ты права, беда с тобой и правда приключилась. А вот уйти, говоришь? Ну, попробуй, девка, давай. Только погляди вначале на гниль болотную, что в себе таскаешь...

Олеся с трудом сглотнула, мгновенно пересохшее горло стало шершавым, как наждак. Ей понадобились все силы, чтобы совладать с обмершим телом, но Аксиция ждала. Леся протянула руку, наклонила край таза и заглянула внутрь.

Вместо зеленоватой воды деревянная кадлушка была заполнена маслянистой, топкой жижей. Она блестела на солнце, лениво плескаясь в такт трясущимся пальцам, схватившимся за край.

Леся медленно перевела взгляд на ногу: края раны стали белее, черноты в глубине почти не осталось. Но грязная тряпка, лежащая рядом, и гнилостные разводы на коже не оставляли места сомнениям: болотная жижа натекла именно из нее, Лесиной, раны.

Пусть этого и не могло быть, как не могло наяву быть и ссадины, принесенной из глубокого сна. Но это было.

ДЕМЬЯН

Демьян был волком. Он чувствовал, какой звериной силой пружинят его лапы, как легко вздымается поджарый бок, стоит чуткому носу втянуть плотный лесной воздух. Открывать глаза нужды не было: уши ловили каждый шорох в траве, каждый далекий отзвук. Вот между веточек сухолома пробежала мышь, пискнула, замерла, испугалась собственной тени и припустила что было мышинных сил. Вот в чаще ухнула сова, покрутила круглой головой, нахохлилась и снова уснула. До ночи еще было время. Пусть себе бежит маленькая мышка — как только солнце скроется за кронами сосен, начнется иное время. Время охоты. Время смерти и жизни как двух начал неделимого целого.

Все это Демьян слышал, чуял и понимал, не прикладывая особых усилий. Он сам был дитя леса. Кровное, приросшее к телу родича. Мгновение — и вскочит на лапы, встряхнется и побежит, куда глядят глаза и ведет чутье. А пока можно еще полежать, послушать, чем живет чаша, о чем судачат суетливые пичужки, как скрипит, роняя тонкие иголки, старая сосна. И сама земля, укрытая палой листвой, мхом, травой и сухими ветками, мерно дышит с Демьяном в такт. Вдох — всколыхнулись осины. Выдох — пробежал легкий ветерок. Беспокойный покой, шумливая тишина. Лес живой, а значит, нечего тревожиться.

Демьян потянул носом, устраиваясь во мху. Вместо спокойного лесного духа в горло влилась затхлая вонь болот. Еще далекая, но приближающаяся. Настигающая живое мертвецкой жижей. Дема распахнул глаза.

Первым, что он увидел, была чуть смугловатая человеческая кожа. Она обтягивала человеческие кости и скрывала под собой абсолютно человеческое мясо. Слабые жилы людского рода. Дар, обернувшийся проклятием. Демьян даже зарычал от досады, но из человеческого рта вырвалось жалкое подобие того рыка — волчьего, могучего, громогласного, — который так восхищал, так пугал его с детских лет.

Для зверей Демьян зверем не был. Как не был человеком для людей. Чужой в любом стане. Подбитая утка, гнилой помет. Пальцы сами собой сжались в кулаки. Да только что были эти руки — сильные по людским меркам, бесполезные в битве со зверем?

— Жалкий хорек... — простонал Дема, но заставил себя замолчать.

Лес кругом притих. Демьян огляделся и понял, что снова ошибся. Он не был волком так же, как и лес кругом не был чащей. Самый край — редкий, побитый тяжелой жизнью на перепутье двух миров, — он казался жалким подобием могучего и непроходимого собрата, который начинался дальше. Как солдат заброшенного гарнизона, перелесочек еще держал лицо, но под ногами Демьяна жалобно хлюпала сырая земля, готовая в любой момент обернуться жижей.

По вине лесного Хозяина болото пришло в эти края. По его, Демьяна, вине.

Но как бы сильно ни пахло здесь гнилью, дух, который уловил Дема сквозь сон, был куда сильнее. Что-то двигалось по кромке леса, не переступая границу, пока еще не принадлежащего ему. Что-то сильное, ловкое, не-жи-во-е.

Демьян ощерился. Если бы у него был мех, то он тут же поднялся бы на загривке. Но меха не было, как и острых клыков, и сильных когтей. Были лишь злоба и страх. Рука рванулась к поясу и нащупала короткий кинжал.

— Это лезвие Батюшке твоему сам лес подарил, — шептала тетка Глаша, прижимая маленького Дему к теплому боку. — Вот вырастешь, тебе он перейдет.

— А когда? — Спрашивать ее было не страшно, и перебивать — не боязно, и утыкаться лохматой головой в мягкую грудь, вдыхая сонный, сытый запах дома.

— Тш-ш-ш... — Глаша делала большие испуганные глаза, но смешинки сверкали в них, как светлячки в сумерках. — Когда рак на горе свистнет.

Свистнул ли тот рак, но кинжал Демьяну вручила хмурая Аксинья и недели не прошло как. Это было уже после ссоры их гадкой и кашля, насланного старой ведьмой. Уходя из дома, Дема протер лезвие, повертел в ладони рукоять, привыкая к тяжести, и только плечами пожал. Нож как нож. Увесистый, потертый, ладно лежащий в руке. Как мог лес подарить его Батюшке, осталось неизвестным. Как и многое другое, канувшее в небытие вместе с рассудком Хозяина. Кто дознается? То ли лиса принесла его человеку в пасти, то ли заяц в старом пне нашел, то ли сам Батюшка отрыл во мху да выдал остальным за великий знак.

Но теперь Демьян сжимал в побелевших пальцах рукоять кинжала и чувствовал спокойную уверенность: он не один. Этот редкий лесок — на его стороне, старое лезвие — тоже. Трое против болотного выродка — так ли страшно? Так ли безнадежно?

Когда Дема различил первые шаги, он был готов к встрече. Кто-то шел прямо на него, скрываясь за поваленными деревьями. Жижа чавкала под ногами. Мысль, что чужак, так отвратительно воняющий болотом, имеет человечьи ноги, скрутила желудок.

Демьян фыркнул, размял шею и плечи, как зверь перед прыжком, чуть согнул в коленях расставленные ноги, снова жалея, что так и не научился обращаться волком. Выродок был все ближе, теперь Дема морщился от духа гнилья, разливающегося кругом.

— Лес, я твой Батюшка, защити да укрой. Да помоги. Да силой поделись, — сами собой зашептали губы.

Никто не учил Демьяна наговорам — слишком рано убежал он из дома, слишком отчаянно бился с матерью, слишком непримиримо ненавидел отца. Но память крови оказалась сильнее. «Лес укроет тебя, дитя», — говорил Батюшка, прикладывая сильную морщинистую ладонь к его лбу, но Демьян не верил.

А теперь, стоя на жухлой полянке у самого края перелесочка и сжимая в ладони отцовский кинжал, он чувал, как через землю тянется к нему лесная сила. Как пытается укрыть его каждая веточка окрестных деревьев. Как живет в нем род, а он, Демьян, принадлежит роду.

— Лес, помоги, одолей со мною врага, победи гниль да умертвие, — шептал Дема, бешено озираясь по сторонам.

Выродок был совсем близко, что-то белое мелькнуло между веток, ветер пахнул в лицо болотным смрадом.

— Лес, да будет покой в тебе, а сила во мне. Я твой Хозяин, не оставь меня на битве... — успел проговорить Дема и бросился вперед.

В два звериных прыжка он оказался у буреломы, откинул ближайшиe ветки свободной ладонью, взмахнул рукой с кинжалом. Лезвие скользнуло по белому, послышался вскрик, кто-то отпрянул, затрещал ветками. Демьян прорвался на другую сторону валежника мгновение спустя. Кинжал чуть не выпал из вмиг вспотевшей ладони. Натянутое, словно тетива, тело, готовое к бою, обмякло. Он упал бы, но схватился за тонкий ствол хилой осинки.

Огромные серые глаза испуганной оленихи смотрели на него с любимого лица. Демьян знал каждую черточку, каждую морщинку на нем. Он покрывал неумелыми поцелуями этот высокий лоб и скулы, и щеки с округлой родинкой на правой. Он знал, как счастливо замирает сердце, когда эти пушистые ресницы щекочут кожу, какими нежными бывают на рассвете прикрытые веки, как сладко умеют целовать эти губы, какими острыми кажутся жемчужные зубки, если хватают тебя за мочку. И шепот он помнил — хриплый, сорванный: «Волчонок мой, зверенок...».

Все это Демьян помнил. Со всем попрощался, когда нес Поляшу через лес.

Но теперь она стояла на кромке. В грязных обносках, оставшихся от белого савана, в который Дема собственными руками завернул ее гибкое тело, обтирая от крови, скуля, как побитая шавка. Смотрела серыми глазами, тянулась белой рученькой.

— Уходи, — прорычал Демьян, из последних сил стараясь не закричать. — Пошла прочь, гниль. Морок болотный. Не верю. Прочь.

Легкий шажочек ее босых ног разнесся хлопаньем жижи. Еще один взмах руки, губы искривились, между бровями легла морщинка.

«Сейчас захрипит, — понял Дема. — Завоет, как лютая...»

И сжался, готовясь к прыжку. Рубануть по мороку, прогнать его, не позволить испачкать память о Поле болотной гнилью.

— Дема, это ты? — тихо спросила она, делая еще один шаг. — Демочка... Какой ты стал...

И заплакала. А нелюдь плакать не может.

Демьян и сам не понял, как успел отцовый кинжал упасть в траву, как сам он рванул вперед через острые ветки и сухую листву. Он уже представил, как все годы, что промелькнули одним неумелым мазком, оказались ошибкой. Вот она, рядом, его Поляша, теплая, мягкая, родная. Только обними, прижми к груди, заройся лицом в волосы, почувствуй, как бьется в ней ток крови. Только прикоснись к любимому, желанному телу. И Демьян прикоснулся.

На ощупь кожа ее была холодной и скользкой, как у болотной лягушки. Страшнее этого нечему было случиться.

* * *

Демьяну только исполнилось шесть, когда Поля переступила порог их дома. Тоненькая до синевы, с хрупкими плечиками и спутанными волосами, она была совсем непохожа на ту, кем нарек ее Батюшка.

— Ну, знакомьтесь, Пелагея это, жена моя, — сказал он, обтирая руки о поданное Глашей полотенце.

Что понимал тогда в жизни Дема? Что вообще мог разуместь в их странном существовании малыш, прячущийся от строгой матери в темном углу? Но по тому, как охнула тетка Глаша, прижала к щекам ладони, закачала головой, по абсолютно прямой, окостеневшей спине Аксины, по ее сведенным бровям, по хрустко лопнувшей в пальцах плоске, Дема понял, что случилась беда. И принесла ее чужачка, которую за руку привел в их дом отец.

— Ты давай, Поляша, — кашлянув, проговорил Батюшка. — Отдохни с дороги, с семьей своей новой... познакомься... — Но поймал яростный взгляд Аксины, съежился, скрипнул зубами и вышел из комнатки, чуть наклонив голову в дверях.

Волосы у него и тогда уже были седыми, а на лице лежали глубокие устья морщин. На сколько отец был старше третьей своей жены, Дема так и не узнал. На сколько жена эта была старше его самого — помнил крепко. Ровно десять лет и четыре месяца.

В памяти осталось, как застыла она в двух шагах от порога, совсем еще девочка, — в куцем, слишком коротком для этих краев платье, с обгрызёнными до мяса ногтями.

— Здравствуй, сестрица, — первой нарушила тишину Глаша, комкая в руках полотенце, расшитое для мужа, которого теперь придется делить на троих.

Полина дернулась, подняла огромные серые глаза.

— Чего уставилась, как корова нетеленная? — Полотенце полетело на пол, в самый сор. — Все мы тут сестрицы... Куда деваться-то? — Глаша постояла, тяжело дыша, потом медленно наклонилась, подхватила упавшее, отряхнула, засунула в карман передника. — Коль он привел, коль ты пришла, так заходи. Поди умойся, серая вся с дороги... Воду во дворе найдешь.

Дема точно помнил, что от слов этих Полина тут же обмякла, тонкая рука ее, которой она подхватила полотенце, протянутое теткой, чуть заметно дрожала.

— Спасибо...

Демьян еле уловил ее шепот и шаги, но звук разбивающейся на осколки плитки, что швырнула в косяк двери Аксиныя ей вслед, услышали, кажется, и в лесу.

Однако сколько бы Матушка ни лютовала, решенное Хозяином оставалось решенным. Полину поселили в дальней комнате, соседней со спальней, где обитали Демьян с Феклой. Так они и подружились. И месяца не прошло. Да и как можно дичиться той, что робко улыбается днем, но тоскиво всхлипывает по ночам? Тонкие стены и стали залогом их дружбы.

— Опять ревет, — нахмутив лоб, шептала Фекла и прижималась ухом к стене. — Как есть ревет.

Ей тогда и пяти не было. Тонкие косички, вечно мокрый нос и огромное сердце, умеющее любить даже самую маленькую букашку. Даже незнакомицу, принесшую в дом беду.

— Плакса, — дергал тощим плечом Демьян, делая вид, что всхлипания за стеной его ни капельки не волнуют.

Но и он томился от жалости, ловя потерянный взгляд новой тетки за общим столом. Ее как молодую жену посадили по правую руку от Батюшки. Она теперь должна была подавать ему хлеб, шепча наговоры за здравие да силу, только сбивалась уже на первом слове, роняла крошки на пол, тянулась их поднять, словом, нарушала сразу все их негласные, незыблемые правила. Глаша хмурилась, но молчала, Аксиныя и вовсе, кажется, разучилась говорить. А Батюшка словно и не замечал ошибок, только смотрел на Полину из-под бровей, а глаза его предательски теплели.

Демьяну и смешно, и тревожно было следить за взрослыми. Их мир для него казался куда непонятнее мира лесного. Но своим острым, детским чутьем он понимал, как одинока и слаба Поля, как враждебна к ней старшая Матушка, как мечется между ними тетка Глаша. И как сильно виноват во всем этом отец.

Первым он и сдался. Собрал мешок и ушел в лес, махнув рукой на женщин, которых назвал своими, да не знал теперь, что с ними делать. Провожая его на крыльце, Полина заплакала уже не таясь. Снег сыпал и сыпал, заметая следы Хозяина, трусливо поджавшего хвост. И воцарилась бесконечная ночь.

Теперь Демьян сравнил бы ее с болотом — рыхлая жижа, затхлый дух, болезненные, гнилые пустоты тишины. Гнев Аксиныи сверкал грозowymi раскатами, никто не решался оставаться с ней наедине, волосы вставали дыбом от каждого взгляда, который она тяжело бросала на любого, кто смел обратиться к ней. Полина плакала по ночам все безутешнее, становилась все прозрачнее и бледнее. Дичилась и вздрагивала, как дикий зверек. Даже тетка Глаша забросила свою неумную опеку над всем, обитающим в доме, и все чаще скрывалась в своем углу — штопала что-то, покашливая.

— Пойдем, — в одну из самых темных ночей решила за всех Фекла, соскочила с высокой кровати и выскользнула из спальни.

Ее голые пятки зачистили по деревянную полу. В другое время Глаша схватила бы проказницу поперек живота, защекотала, запричитала бы, унося обратно в тепло и уют. Но никому теперь не было дела до детского сна. Демьяну такая голодная вольница успела надоесть. Зимой из дома не выйти — кругом снег, кусачий мороз да мерзлые тени шастают между деревьев. А тут еще и печка холодная стоит. Хлеб и тот пекли через раз.

Дом пора было спасать. И кому, как не единственному мужчине, оставшемуся под его крышей? Потому Дема одернул рубаху, приосанился и пошел по темному коридору на звонкий голос сестры. Пол скрипел, стены пахли деревом и ночной тишиной. Кто-то легкий ходил по крыше,

точно шатун из леса забрел на запах дыма: пока не согреется о людское дыхание — не уйдет. Будет вздыхать, скрипеть соломой, шуршать по углам. Дема знал, шатун его не тронет, но идти в темноте было боязно.

Но коль девка не убоялась, ему ли бежать со всех ног обратно?

Когда он добрался до комнатки, отданной новой жене, Фекла уже с ногами забралась под Полинино одеяло, гладила ее по спутанным волосам маленькой ладошкой и шептала что-то на своем, детском еще, языке. В темноте мало что можно было разглядеть, только белело худенькое плечико, выбившееся из-под ворота рубахи. Раньше Демьян если и хотел защитить живое от зла, так щенка слепого или птенчика, выпавшего из гнезда. В ту ночь все изменилось. Это плечо было таким острым, таким беззащитным, что Дема впервые почувствовал к кому-то щемящую нежность.

Он осторожно подошел поближе, натянул на голое плечо молодой своей тетки одеяло и тихонечко присел рядом. Та искоса глянула на него, заплаканные глаза стали похожи на шелочки, и вдруг улыбнулась — робко, испуганно, но улыбнулась.

Эту улыбку Демьян запомнил навсегда. С нее-то все и началось.

Они долго шептались, так и уснули вповалку на узкой кровати, а тусклые лучи зимнего солнца застали их уже совсем иными, связанными новой дружбой. Еще до того, как, охая, поднялась тетка Глаша, Дема подхватил в одну руку влажную ладошку сестры, в другую — прохладные пальцы тетки — и вывел их во двор. С визгом они носились по сугробам, расчищая дорожку, теряя валенки и спешно натянутые бабьи шали.

От морозного, свежего утра Поляша покраснелась, и румянец этот мигом превратил ее в красавицу. Теперь-то Дема понимал, что сама она была еще ребенком, но тогда он глазам не мог поверить: тетка, выбранная самим Батюшкой в жены, с визгом носилась по двору, лепила крепенькие снежки, похожие на ранние яблочки, и швыряла их, звонко хохоча.

Успокоились они, когда на крыльцо вышла Глаша. Услышав скрип ступеней, Полина окаменела, выронила из рук снежный мячик, румянец мигом стал похож на лихорадочный жар. — Извините... — пробормотала она, пробуя пригладить волосы. — Мы... мы вас разбудили? Глаша окинула ее взглядом, делано нахмурилась, но Феклу было не обмануть. Девочка раскинула руки, ухватилась за новую тетку, потащила ее за собой и подвела к матери, стоящей на последней ступени.

— Вот, — деловито сказала девочка. — Поля это. Наша она теперь.

— Наша.

Демьян не мог вспомнить, какими в тот миг были лица двух этих женщин — зрелой и совсем юной, но с того утра болотная хмарь в доме принялась съезживаться и пропадать. Глаша напекла пирогов, пышных и румяных. Капусту для них рубила Поля, почти перестав стесняться и вздрагивать. Фекла еще вертелась под ногами у взрослых, а Демьяну почти сразу наскучила бабская болтовня. Он почувал: дело сделано, а мир восстановлен. И детским умением перестал об этом думать.

Полина просто шагнула в его жизнь, чтобы навеки там остаться, занимая все больше места, проникая все глубже в самую суть каждой мелочи, наполнявшей дни и ночи. Она ходила с Демой в лес, наблюдая вполглаза, как учится он ставить силки, а сама собирала ягоды, легонечко напевая. Она расчесывала Демины непослушные волосы и плела косички, заставляя Феклу заливаться смехом. Она возилась в снегу, она кормила белок и птиц, она рассказывала сказки, совсем не похожие на те, что слышали они от тетки Глаши. То были настоящие сказки. И Дема любил их за это еще сильнее. И ее, Полину, он тоже любил. Как еще одну сестру, как еще одну тетку.

По его разумению, все было ладно, так, как должно. Как было понять ему, ребенку, почему в одни ночи дверь в соседнюю спальню остается открытой, а в другие ее изнутри запирает сам Батюшка? Почему из-за стены в такие ночи вновь раздаются всхлипы, а то и стоны? Почему наутро Поляша не хочет идти в лес сушить травы и смотреть волков? И почему Аксинья нет-нет да подходит к новой своей сестрице, проводит ладонью по ее плоскому девичьему животу да хмыкает зло?

Ничего из этого Дема тогда не понимал. А когда понял, то в жизни его появилась новая сила, kloкочущая, жаждущая найти выход. Сила ненависти к отцу.

* * *

— Демочка... — Шепот был знаком до последней хриплой нотки. Поля быстро простужалась, стоило промочить ноги. — Как ты вырос, зверенок мой...

Давно уже Демьян не был так близок к потере рассудка. Кажется, только теперь, стоя рядом с той, что умерла столько лет назад, он понял наконец, почему так спешно, так бездумно сбежал с этой земли. Что-то внутри него всегда знало: чертовщина, творящаяся тут, так просто не отстанет. Мертвые, не преданные покою, а отданные лесу, не могут просто взять и почить в небытие. Ну конечно же, они возвращаются — мороком, злым духом. И приходят мстить тем, кто виновен в их гибели.

— Скучал, ну, скажи, скучал? — заискивающе повторяла Поля, привставая на носочках, чтобы заглянуть ему в глаза.

А он все отворачивался, пытался вырваться из ее мертвых объятий.

— Отпусти, — наконец сумел просипеть он.

Холодные руки тут же ослабли, Поля отстранилась. Бледные щеки, впалые глаза, косточки ключиц выпирают двумя крылышками.

— Демочка... — начала она.

— Ты чего пришла? — как учила его тетка Глаша, спросил он, скреживая указательный и средний палец, проводя ими черту перед собой. — Упокойся, мавка, нет тебя. Дух твой отпущен в небо, тело отдано земле... — И загнулся, зная, что врет.

Тело ее по приказу Матушки он сам отнес на поляну. Холодное окровавленное тело в белом саване, в том, что теперь лоскутами прикрывало ее наготу. Тошнота поднялась по горлу. Дема с трудом сглотнул.

— Уходи, прочь, гнили гниль, жизни жизнь, — бормотал он, покачиваясь, а Поля стояла напротив, удивленно глядя на него мертвыми глазами.

— Демочка, не мавка я! — наконец крикнула она. — Разве дите я, матерью удушенное? Нет. Разве гниль я, Демочка? Я же говорю с тобой, я же тебя вижу... Это же я.

— Прочь, прочь, проклятая! — Руки дрожали от холода и страха, пальцы никак не желали складываться в охранный знак. — Лесом заклинаю, прочь!

Но лес был слишком далек. Он не слышал мольбы своего Хозяина. Поляша наклонила голову и сделал маленький шаг вперед. Лоскут ткани распахнулся, оголяя бледное в синеву бедро. Когда-то Демины пальцы — окостеневшие от ужаса сейчас, разгоряченные страстью тогда, — впивались в их мякоть, нарочно оставляя красные следы, чтобы Батюшка отыскал их, понял, что его право сильного давно уже перестало быть незыблемым. От мыслей этих Деме стало совсем худо, он скользнул ладонью за пазуху, нащупал в кармане кулек соли и швырнул пригоршню в замершую напротив Полю.

Та взвизгнула от боли. На груди, куда попали белые кристаллики, покраснели ожоги.

— Нечисть... — выдохнул Дема то ли с облегчением, то ли с чувством новой страшной потери. — Сгинь!

Поля попятилась, не сводя с него серых глаз. Рот ее искривился, блеснули жемчужные зубки — хищные, острые.

— Я уйду, Демочка, только ты меня послушай, — сказала она, и с каждым словом глаза ее наливались тьмой. — Умер Батюшка твой. Нет больше Хозяина. Не скажу, что скорблю по нему. Да только не о том речь. Засыпает лес, место силы пустым не бывает. Еще чуть, и проснется озеро жизни. Ты знаешь, что будет, когда великий на его дне откроет глаза. Теперь уже Демьян пятился, не в силах отвести взгляда от тонкой фигурки, стоящей на самой границе двух миров.

— Сегодня я вытащила тебя из воды, как кутенка. За шкурку вытащила, Демочка. Стыдно-стыдно... — Покачала головой, слипшиеся от жидкой грязи волосы повисли сосульками, заблестели черные глаза. — Но не об этом речь, а вот о чем. Передай Матушке своей, стерве старой: как только граница падет, как только я смогу шагнуть на тропинку к дому... Я выгрызу ей сердце, Демочка. И скормлю дохлой рыбе.

Хохот, холодный, как стоячая вода в конце осени, эхом разнесся по перелеску. Полина подхватила белесые лохмотья, шагнула в сторону и мигом скрылась из виду. А Демьян остался стоять, не зная, то ли вторить ее мертвому смеху, то ли зайтись воем, как зверь, угодивший в медвежий капкан.

НЕБО СУХОЕ, СОЛНЦЕ ЗОЛОТОЕ

ОЛЕСЯ

Тишина в доме бывает разной. Сонной, ночной, когда все жители крепко спят, укутавшись в тепло и покой сновидений. Выжидающей, когда что-то почти уже свершилось, но пока еще не до конца. Предвкушающей встречи и великое благо. Опасной, за мгновение до склоки. Испуганной, когда тайное стало явным. Благостной, когда все в доме идет своим чередом, даже слов не нужно, так понятно и ладно живет людям под общей крышей. Словом, тишина бывает всякой.

Леся не могла припомнить, когда бы на ее собственный кров опускалась тишина, но точно знала, что такое случалось. И молчание было разным. И приносило оно с собой разное. Но вот такого — предгрозового, тянущего под ложечкой, — Олесья еще не испытывала.

Отведя испуганный взгляд от таза с мерзкими темными ошметками жижи, натекшей с ее раны, она ждалась, не зная, чего ожидать от яростно молчащей Аксины. Но та словно забыла о сидящей перед ней — испуганной, с неловко вывернутой ногой и ссадиной, которая чернела от бедра к щиколотке. Что-то за окном так привлекло внимание Матушки, что она даже привстала со скамейки, чтобы получше это рассмотреть.

Леся скосила туда взгляд, но ничего особенного не заметила. Все та же поляна, все тот же лес, который все так же высился, очерчивая собою границу человеческого двора.

Только тяжелые тучи, медленно наступающие с горизонта, чуть меняли привычную уже картину. Небо потускнело, задул ветер. Собирался дождь.

— Лихо... — чуть дрогнувшим голосом проговорила Аксиныя, помолчала, взглядываясь за окно и уже громче: — Глаша!

Дверь тут же приоткрылась, и в комнату заглянула печальная Стешка. Бросила на Лесью испуганный взгляд и тут же потушилась.

— Тетка во двор вышла, курицу режет... — прошелестела она, обращаясь к Аксиные.

— Зови сюда.

Стешка кивнула и скрылась за дверью. Леся опасливо поежилась — беспрекословное подчинение приказам, которое тут было в порядке вещей, ее пугало. Как и абсолютное непонимание, что же делать дальше.

— Послушайте, — начала Леся. — Я правда не понимаю, что здесь происходит... Но... Мне пора бы уже...

Аксиныя вцепилась в нее взглядом, как острым клювом вгрызлась.

— Мне пора бы уже уйти... — не сдавалась Олесья. — К тому же нога. Это, наверное, какое-то заражение... а если гангрена? — От таких мыслей по спине заструился пот. — Если ничего не делать... Мне же тогда ногу отрежут, вы понимаете это?

Аксиныя продолжала молча смотреть на сидящую перед ней — неподвижная, словно каменная.

— Нет, серьезно, это уже не смешно! — Леся постаралась придать голосу уверенность. — Что тут вообще происходит? Почему вы до сих пор не вызвали кого следует? Нашли меня в лесу, я ни черта не помню! Это что, в порядке вещей у вас?

Гнев клочкотал в ней, распирал грудь.

— Ну и чего вы молчите?

— Что ты хочешь услышать от меня, неразумная? — спокойно, даже мягко спросила Аксиныя.

Чуть наклонила голову — тяжелая коса соскользнула с плеча, ее кончик опустился к полу. —

Гангрена ли у тебя? Нет, но рано тому радоваться, уж поверь мне. Отрежут ли тебе нежную ножку? Если бы это могло спасти мой дом от гнили, что ты сюда притащила, я бы этими вот руками разрубила тебя на части, как молочного теленка к столу. Верить? — И подняла сухие, морщинистые кисти, желая показать их Лесе как орудие мясника.

От ее голоса, равнодушного, без капли яростной брани, которую Олесья ожидала услышать в ответ, кажется, даже окна покрылись изморозью. Сказанное не было угрозой, сказанное было истиной в первой и последней инстанции. Истиной Матушки этих земель.

Леся сглотнула дурноту.

— Тогда... просто отпустите меня. Если я принесла вам... — Она сбилась. — Гниль. То давайте я унесу ее... — Сказанное звучало безумно, но, если мир вокруг сошел с ума, время начинать игру по его правилам. — Просто покажите мне, в какой стороне... я не знаю... Трасса, например. Город ближайший. Я просто пойду, вы меня больше никогда не увидите!

Аксинья ее не слушала. Она заметила, что коса растрепалась, и принялась переплетать ее, пропуская тяжелые, медные с сединой волосы через пальцы, распутывая их бережно, даже нежно. В этих движениях была скрыта особая сила. Олеся на мгновение засмотрелась, как, подобно реке, отражающей полуденный свет, блестят на солнце пряди. Мысли разбегались, думать стало сложно, мутно, да и не нужно. Леся расслабленно облокотилась на стену. Еще немного, и она бы уснула.

Но в ране что-то зашевелилось, налилось ртутной болью. Словно предупреждая о чужой воле, берущей верх. Леся встрепенулась и выпрямилась.

Аксинья посмотрела на нее с нескрываемым интересом.

— Отпустить, значит, ну что же... Иди. — Она пожала плечами, словно никогда и не запирала Лесю в доме. — Кругом лес, потом опять лес. И снова лес.

— Но где-то же он заканчивается, так? Должна же быть дорога... — Леся подвинулась к краю скамьи и осторожно спустила ногу на пол.

Боль заворочалась внутри, будто пес зарычал сквозь чуткий сон.

— Не советую тебе, девка, идти туда, где кончается этот лес, — только и успела бросить

Аксинья, прежде чем в коридоре послышались шаги.

Дверь распахнулась, и в комнату шагнула старуха Глаша. Но когда на ее сморщенное лицо упали солнечные лучи, Леся поняла, что она не так уж и стара, как казалось на первый взгляд. Застывшая на пороге женщина была оболочкой другой, когда-то сильной и красивой, здоровой и крепкой. Из Глаши будто выжали всю силу жизни и оставили дряблой и блеклой доживать годы, полные тяжелого труда. В длинном платье из грубой ткани, с застиранным передником, она слеповато шурилась, поглядывая на сестру. В руке она сжимала окровавленную тряпку.

— Вот, курей порубила, раскудахтались больно, — без приветствия сказала Глаша и тяжело присела на край скамьи. — Умаялась... — Помолчала, словно вспоминая, зачем вообще пришла. — Чего звала-то?

И только потом заметила прижавшуюся к стене Лесю.

— Это что ж? Хворая наша? — Выбившиеся из пучка тонкие, почти прозрачные волосы закачались.

Аксинья молча кивнула.

— Ну-ка, девка, дай погляжу! — Глаша проворно встала, засунула тряпку в передник и подошла к Лесе. — Как голова-то твоя? Поджила? Я уж и углем ее сыпала, и крапивой обмывала... а ты все горишь да в бреду мечешься... Думала, помрешь... Куда мы б тебя потом? У нас так не бывало еще, чтоб в доме! Чужак...

— Помолчала бы, — предостерегающе оборвала ее Аксинья. — Вот лучше, полюбуйся...

Может, лучше б и померла, меньше хлопот нам...

Они говорили о Лесе так, словно ее здесь не было. Словно бы она — еще одна курица, бродящая по двору, квохча и кудахтая. Неразумная птица, которой, если будет на то желание, легко отрубить голову. Олеся попыталась было встрять в разговор, но руки Глаши уже опустились на ее бедра, прижали к лавке.

— Это что ж такое-то? — плаксивым голосом запрочитала старуха, склонившись над раной. — Это откуда тут? Это как?

Аксинья оттолкнула сестру в сторону, ее холодные пальцы сжали края раны. Леся мысленно охнула от боли, закусил губу, но не произнесла ни звука. Злить и без того взбешенную Матушку было определенно плохой затеей.

— Нету... — Глаша шумно выдохнула и утерла лоб рукой, чуть заметный красный развод куриной крови потянулся по сморщенной коже. — Гнили-то нету, может, обойдется?

— Обойдется? — Аксинья дернула плечом. — Вон, целый таз натекло. Это болотник нам приветы шлет, а девка неразумная их притащила... в дом притащила!

Глаша зыркнула на Лесю, словно бы та и правда была виновна в чем-то большом и гадком.

— И что теперь?

— В лес бы ее, поганку, свести... — начала Аксинья. — Она и сама туда просится, так?

Леся кивнула, в голове разливалась кисельная муть, этот разговор, эти сумасшедшие старухи... Все кругом сводило с ума. Одна только мысль, что не она теряет рассудок, а отшельницы эти свихнулись окончательно и бесповоротно, еще удерживала Лесю на грани сознания. Просто соглашаться с ними, вот к чему вели все дорожки Лесиных суматошных метаний в поисках выхода. Кивай, делай вид, что веришь странным их словам. Повторяй за ними весь этот бред. Поступай так, как они говорят. А потом беги. По первой же тропинке. Как бы ни пугала тебя сумасшедшая Аксинья, нет в мире леса, который бы не закончился городом. А если Лесю, пусть измученную, но живую, нашел кто-то в чаще, значит, она добралась туда сама, на своих ногах. И выбраться тоже сумеет.

А память, разбитая на осколки воспоминаний, восстановится. Это временная амнезия, так бывает, если сильно удариться. И все происходящее тут — странное, необъяснимое, лесное — тоже последствия раны. Правда, теперь у Леси их было две: одна — поджившая, почти не беспокоящая, и вторая — воспаленная, гнилая. Но и от этого ее спасут, стоит только выбраться к людям. К нормальным людям.

Потому вопрос, заданный Аксиньей, показался Лесе лазейкой.

— Я унесу гниль от вас, вам же этого хочется? Я пойду... Пожалуйста, только отпустите.

Глаша топталась перед ними, смахивая со стола тряпкой пыль, по напряженной спине читалось, что старуха обдумывает что-то, пока руки заняты привычной работой.

— Да, надо бы лесу ее отдать. — Она словно и не слышала Лесиных слов. — Но ведь туда хворых Батюшка водит... Как теперь-то? Нету у нас...

— Есть! — Аксинья поднялась, грозно свела брови. — Все у нас есть. Это ума у тебя нету.

— Это что ж, Демьян ее поведет? — не оборачиваясь, спросила Глаша. — Не осилит...

— Молчи! — В одно движение Аксинья оказалась рядом с сестрой, схватила ее за плечо и с силой оттолкнула к окну. — Лучше вон, погляди, курица старая, непогода идет. Пока ты тут квохчешь!

— Да и что? — кажется, совсем не обидевшись на такое обращение, протянула Глаша и сама себя оборвала: — Демочка же там...

Аксинья молчала, напряженная, грозная, будто это она — буря. По лицу, обтянутому сухой кожей, невозможно было прочесть, какие тревоги бушуют внутри, но Леся своим новым чутьем ощущала ее страх, медленно, но верно переходящий в ужас.

— А успеет воротиться-то? — спросила Глаша, пожевала губами и ответила за сестру: — Не успеет.

— Надо тучи гнать, прочь, прочь, пусть озеро питают, а под Демьяновыми ногами не след болоту хлопать. — Аксинья повернулась к полкам, заставленным пузырьками и баночками, и принялась открывать то одну, то другую. — Отгоним хмарь, мавок, болотниц от дороги его... Будет тепло да сухо. Будет.

— Зверобоя возьми! — подсказала ей сестра, но Аксинья только плечом дернула, не отвлекая, мол, не до тебя.

Леся вжалась в лавку, наблюдая за их суетой. Из окна и правда начал тянуть прохладный ветерок. В разгаре душного полдня он был скорее наслаждением, чем угрозой. Но в комнате витал страх, который быстро перекинулся от сестер к Лесе. Что-то надвигалось на поляну, спрятанную в лесу. Что-то шло от горизонта, чтобы обрушить свою мощь на крышу дома. Что-то гневало там, за деревьями, что-то готовилось пронестись по чаще разрушительным ветром, иссесть ливнем, искромсать ее молниями, затопить так, чтобы и без того измученная лишней водой земля захлебнулась, обращаясь в топь.

Эта уверенность, появившаяся в Лесе, разрешила толщу киселя, в котором жалко бултыхалось ее сознание, и она вспомнила узкую тропинку между асфальтовой дорогой и склоном, поросшим жухлой травой. Ее ножки — маленькие, обутые в синенькие ботиночки, — с трудом поспевали за широкими шагами мужчины, идущего впереди. Он вез за собой два велосипеда. Один — большой и ржавый, другой — маленький, блестящий, с розовой пуховкой на месте звонка. — Пойдем, пойдем! — подгонял ее мужчина, оглядываясь через плечо.

Солнце светило так ярко, что Леся щурила глаза, но его улыбка, спрятанная в окладистой бороде, виделась ей отчетливо.

Они спешно шагали вдоль трассы к большим домам. Кажется, позади был длинный день, долгожданный, а потому счастливый. Они уехали на велосипедах прочь от девятиэтажек туда, где шумели деревья, а под колесами скрипела опавшая хвоя. Кажется, это было запрещено, но

мужчина лукаво улыбнулся, опустив тяжелую ладонь на ее макушку, и Леся напрочь забыла все правила, которым учила ее бабушка.

Но когда день этот, принадлежащий только им двоим, был в самом разгаре, мужчина вдруг поднял лицо к голубому небу и нахмурился.

— Непогода идет, — сказал он. — Поехали, Леся, обратно.

И они поехали. Теперь к радости прогулки добавился колючий страх, пружинящий еще большим счастьем, чем спокойствие. Они неслись по тропинкам, новенький Лесин велосипед — беззвучно, старый — мужчины — скрипя, а небо над ними наливалось грозой.

Дождь начался, когда они почти подошли к домам на отшибе города. Леся совсем измучилась, но виду старалась не подавать. Тогда мужчина остановился, стащил с себя тяжелую куртку, пропахшую его телом и дымом костра, накинул на Лесю и решительно бросил свой велосипед на обочине.

— Потом заберу, — отмахнулся он.

Подхватил Лесю на руки, закинул за плечо, весело охнул, делая вид, что ее тощее тело для него — неподъемная ноша, и заспешил по тропинке, везя за собой железного коня Олеси. А дождь бил ему под ноги, превращая придорожную пыль в грязь, топкую и мерзкую. Но что ему были эти мелочи? Он шагал вперед, весело переговариваясь с притихшей Лесей.

— Дождь на землю льется, в землю бьется, — повторял он. — Ты — земляная вода, запрети небесной литься, уведи тучи, осуши кручи. Небо сухое, солнце золотое.

Олеся не могла вспомнить, успели ли они до грозы, сильно ли ругалась бабушка, да и кто этот мужчина, она тоже не помнила. Но каждый раз, когда память открывала перед ней новый осколочек, он появлялся в самых счастливых, самых ярких моментах.

— Вот же зверобой, слепая я курица! — вернул Лесю к реальности окрик Глаши.

На столе у полка сестры успели разложить кусок чистой ткани. Сухие травы в аккуратных пучках, плотно закупоренные флакончики, острый серп, старый, но отполированный умелой рукой, свечи, кусок угля — все это больше походило на реквизит фильма про колдуний, чем на серьезные приготовления, но Аксинья обтирала от пыли бутылку из зеленого мутного стекла так осторожно, что Леся решила оставить сомнения при себе.

На нее и не обращали внимания. Глаша топталась у полка, то беря в руки связки трав, то приоткрывая баночки, поднося их к носу и снова возвращая на место.

— Да хватит уже, угомонись, — бросила ей Аксинья. — Куриц ты во дворе резала?

— А где ж еще.

— Так зови Стешу, пусть принесет... Будет лесу сытно, а нам спокойно.

Глаша кивнула и стремительно вышла из комнаты, бормоча себе под нос:

— Как бы в суп их уже не отправила, торопыга, девка, торопыга!

Аксинья проводила сестру тяжелым взглядом и повернулась к Лесе, будто только что вспомнив о ее существовании.

— Уходить собралась, так? — спросила она.

Леся коротко кивнула. Сидеть тут в порванной рубахе на низкой скамье, когда стоящая напротив женщина сжимает в пальцах острый серп и смотрит на тебя, с трудом сдерживая злость, было невыносимо.

«Соглашаться. Делать так, как скажут. А потом бежать», — повторяла она про себя, скрывая дрожь.

— Я бы тебя отпустила, да только должок у тебя перед родом моим. — Аксинья нахмурилась. — Вот пойдешь со мной, сделаешь так, как я тебе скажу, ну, а потом... Гуляй на семь ветров. Весь лес хоть обойди, нет мне до того дела. Договорились?

— Только пообещайте, что после меня отпустите, — дрогнувшим голосом попросила Леся.

— Обещаю.

— Нет, не так. — Сама не зная, что делает, Леся поднялась со скамьи и шагнула вперед. —

Серпом этим поклянитесь, домом этим, лесом. Родом своим поклянитесь, что отпустите меня, как только я заплачу вам за помощь. Сегодня же отпустите!

— Гляди-ка ж... Неразумная девка, а как говорит. — Аксинья покачала головой, тяжелая коса осталась лежать на худом плече, словно змея. — Приперла к стенке бабку старую, да? —

Фыркнула, потянулась было к столу положить серп, но замерла, подумала и снова покачала

головой. — Ну, твое право. Клянусь. Серпом моим клянусь, домом, родом, чем хочешь. Лесом

только клясться не могу, ничей он, мне не принадлежит. А все, что мое, пусть слышит. Долг мне отдашь, и я тебя отпущу. Прогоним хмарь, и иди себе с миром, девка.

Подняла серп и одним точным движением раскроила себе ладонь. Кровь потекла по запястью, края раны разошлись, обнажая податливую плоть, но Акси́нья не издала ни звука, только точеной лепки ноздри затрепетали. Подняла на Лесю враз помолодевшее лицо, ухмыльнулась.

— А ты как думала? Клятвы на роду кровью закрепляются. Давай сюда руку.

Леся пошатнулась, схватилась за край стола. Хищные пальцы Акси́ньи тянулись к ней подобно осоке в бегущей воде.

— Давай, говорю! Иначе никакой тебе клятвы. Сама ж хотела.

Леся сцепила зубы, зажмурилась, но руку подала. Ослепительная боль полоснула ее по ладони. Теплая кровь полилась вниз, закапала на пол. Олеся медленно открыла глаза. Акси́нья смотрела на нее, не скрывая жадного оскала.

— Вот и напоили серп, вот и ладно, — сказала она, подхватывая рукоять порезанной ладонью.

Кровь пузырилась в ране, но Акси́нье это и было нужно. Она распрямилась, спина ее, и без того идеально ровная, обрела царскую осанку. Даже в меди волос перестали сверкать серебрянки седины.

— Пойдем, девка, твою часть уговора исполнять.

Потянула чистую ткань со стола за концы, схватила получившийся узелок и вышла из комнаты, оставив Лесю с окровавленной рукой и дурным предчувствием.

* * *

Когда они вышли во двор — Акси́нья с побрякивающим свертком, прихрамывающая Леся и возникшая как из ниоткуда Стеша, тихая, неслышная, словно мышка, — ветер уже всюду разгулялся. По двору летали пыль, куриные перья и ветки, принесенные из леса. Тучи подошли совсем близко — тяжелые, грозовые, полные воды, — и земля под ними словно съежилась, ожидая ливень, предчувствуя, что не сумеет его впитать.

Стремительно темнело, дом скрипел, в печной трубе завывало. Леся зябко повела плечами, и на них тут же опустилось что-то теплое и колючее. Стешка тенью встала за Олесиной спиной и укрыла ее шерстяной шалью, такой широкой, что концы опустились до земли.

— Холодно будет, а ты раздетая. Заболеешь, — прошептала Стеша, почти не шевеля губами.

Она сама, в легоньком платье, с волосами, убранными под косынку, была такой тоненькой, что почти сгибалась под ветром, как молодая березка. На ее лице читался то ли страх, то ли глубокая печаль, она все косилась на дом позади себя. Леся обернулась. Что-то мелькнуло в окошке, кажется, растерянное лицо рыжеволосой девушки, но быстро скрылось из виду.

— Там кто-то есть? — спросила Леся, перекивая ветер.

Но Стешка не ответила. Из дверей пристройки во двор вышла Глаша, в каждой руке у нее было по неошипанной безголовой курице.

— Там еще одна. Принеси, — кивнула она Стешке.

Та подхватила подол и побежала в сарай.

Леся бросила взгляд на окно, но больше никого не заметила. Только занавеска дрожала от ветра, то опадая, то надуваясь парусом.

Акси́нья тем временем вышла на середину двора, посмотрела по сторонам, кивнула сама себе, бросила на землю тюк и принялась отсчитывать шаги. Она обошла узкий круг, за ней семенила Глаша, проводя по земле угольком. Темный след, тянувшийся за ними, чудесным образом оставался видимым, хотя ветер всюду уже бушевал, поднимая с земли пыль и песок.

Когда Глаша замкнула круг, осторожно выпрямляя натруженную спину, Акси́нья подошла к центру, развязала тряпичный мешок и вытащила связку травы. Стешка уже выбежала из сарайчика, таща с собой мертвую тушку. Во второй руке она несла зажженную свечу. Ее, как и след от угля, ветер тоже не мог потушить, хоть и силился сделать это, лютуя от ярости.

Акси́нья приняла свечу и подожгла траву. Тонкий дымок поднялся от связки, закружился над очерченным кругом, словно ветра и не было. Глаша откупорила бутылку и принялась поливать красным густым питьем землю перед собой. В нос ударил хмельной дух. Леся отшатнулась, но Стешка подхватила ее за руку.

— Стой, сестрица, стой, нужно быть внутри...

Они стояли в границе круга, все четверо — Акси́нья в центре, Глаша напротив нее, Леся по левую руку, а Стешка отошла в сторону, чтобы встать по правую.

— Дождь на землю льется, в землю бьется, — хрипло пропела Акси́нья. Дым от связки трав, тлеющей в ее пальцах, стал еще гуще, еще плотнее. — Ты — земляная вода, запрети небесной литься, уведи тучи, осуши кручи.

Леся вздрогнула, не понимая, почему слова странного наговора кажутся ей такими знакомыми.

— Небо сухое, солнце золотое, — проговорила Глаша.

— Небо сухое, солнце золотое, — откликнулась Стешка.

И просяще посмотрела на Лесю, мол, повтори, скажи это, ну!

Олеся представила, как дико и странно смотрятся они сейчас, стоя так близко друг к другу, очерченные угольным кругом на земле, залитой брагой. Но Акси́нья стояла, сжимая в руке почти сгоревшую связку травы, и смотрела прямо на нее, не моргая, не шевелясь.

«Соглашайся с ними, — напомнила себе Леся. — Делай, как они велят. Ты же поклялась».

— Небо сухое, солнце золотое, — пробормотала она.

И ветер взвыл с утроенной силой. Акси́нья пошатнулась. Испуганно вскрикнула Стешка. В отдалении вспыхнула молния, ей тут же откликнулся гром. Деревья закричали, где-то рухнуло со скрипом и скрежетом что-то большое и могучее, может, столетний дуб, может, гигантская ель. Леся попятилась, но поняла, что тело не слушается. Страх сковал его. Границы круга не давали убежать в дом.

— Дух лесной, помоги! — закричала Акси́нья.

— Лес живой, лес могучий, помоги детям своим! — запричитала Глаша.

А Стешка подхватила лежащие на земле куриные тушки и побежала в сторону деревьев.

— Небо сухое, солнце золотое, — принялась повторять Акси́нья. — Небо сухое, солнце золотое. Небо сухое, солнце золотое... — и яростно бросилась к Олеся. — Говори, паршивка, говори!

В порывах бури ее волосы расплелись, кожа на острых скулах натянулась, и вся она — худая, старая, могучая — стала похожа на ту самую смерть, что прячется под плащом, сжимая в руках косу. Только вместо косы в ее длинных пальцах блеснул серп.

Не зная, что делает, Леся шагнула вперед, выхватила его из ладони Матушки и сжала лезвие. Рана, закрывшаяся было, полыхнула болью. Кровь снова потекла по запястью, но Леся ничего не чувствовала.

— Небо сухое, солнце золотое! Я тебе свою кровь, а ты мне защиту. Я тебе свое слово, а ты мне силу дай, — забормотала она, зная откуда-то, что силе не нужен ее крик, нужны лишь кровь и вера. — Прочь, хмарь, прочь, прочь!

Внутри нее натянулась звенящая струна, и чем глубже входило в плоть лезвие, тем тоньше звенела она.

— Я тебя прогоняю, хмарь! Уходи, прочь! — не своим голосом закричала Леся. — Не пить моей земле твоей воды, не сверкать моему небу тобой, не ломать ветрам твоим мои ветки! Прочь!

Ослепительный росчерк рассек небо надвое. Леся зажмурилась, предчувствуя гром. Но грома не было. Воцарилась напряженная, болезненная тишина. Только тучи, как нашкодившие псы, спешили распозлзтись, утаскивая брюхо грозы к горизонту.

Леся выронила серп, ноги стали ватными, она бы упала, но за локоть ее подхватила Глаша, побелевшая, постаревшая еще сильнее.

— Да что ж это... — начала она, но ее оборвал девичий крик.

— Матушка! Матушка! — кричала Стешка, бегущая к ним от кромки леса. — На поляне-то Дема! Матушка, он не дышит!

АКСИ́НЬЯ

Что есть страх, если всю жизнь боишься? Не переставая, как загнанный в силос заяц, задыхаешься, не в силах успокоить сердце. А оно бьется все быстрее. Того гляди лопнет, захлебнется кровью, вздрогнут и остановятся жалкие ошметки никчемной жизни в высушенной груди.

Бессонными ночами Акси́нья представляла себе, как взмывает к небесам поток крови, вырывающийся из поломанной, лопнувшей груди, которая не сумела сдержать сердце, заходящееся страхом. Тяжелые капли, бурые, как вишневый сок, разлетятся по ветру и упадут к ногам того, кто виновен во всех ее бедах. Мысли тут же перескакивали на житейские вопросы,

и становилось легче. А почистила ли ботинки Хозяина старая дура Глаша? А не стер ли он в мозоли свои длинные пальцы с желтоватыми ногтями, крепкими, будто скорлупки ореха? А не заболели по осенней сырости суставы, а не вернулся ли артрит, о котором-то и говорить нельзя в этом доме? Даже самый могучий подвластен времени. Можно менять погоду одним желанием, можно говорить с лесом и пить его силу, но когда твои годы вдруг обрушиваются, подобно лавине, на старые плечи, то ничего не поделаешь.

Смиренная красота принятия непреложного закона жизни всегда привлекала Аксинью. Она не боялась стареть. Да и смерть ее не пугала. Как не страшит лес осень, так и Аксинья покорно принимала морщины. Склоняла голову, пропускала волосы через пальцы, смотрела, как блестит серебро в меди, и чуть улыбалась, кивая: то-то же, то-то же, все под небом ходим.

Батюшка один и гневался на ход времени. Еще не прокричал петух, а он уже спешил просить у леса сил, таких, чтобы хватило для новой молодости.

— Угомонился бы ты, — ворчала Аксинья, обмазывая его больные колени настойкой чеснока с молоком. — Все есть, дом есть, скотина есть, сын растет. Угомонись.

А он только молчал да хмурил брови. Не спорил, но делал по-своему. Будто и тогда уже знал, что из сына толк не выйдет, а нового Аксинья ему не родит, сколько бы ни пыталась.

Страх пришел на третий раз. Когда третий кровавый сгусток вышел прочь. Не дитя — завязь, нет ни ручек, ни ножек. Ничего нету. И не будет. Аксинья выла над ним, стенала, потрясая руками, хотя первые два ушли рекой, будто и не было их. Но этот... в этого Аксинья верила, чуяла бабьей своей сутью: будет сын, тот самый, которого так ждут Батюшка, лес и она сама.

Выходила с ним на поляну, травы стегали по голому животу, но Аксинья шла, раздвигая их руками, как воду. Шла и пела своему ребеночку, сыночку своему долгожданному, какой он будет красивый и статный, какой сильный и мудрый, послушный какой. Какой благодарный. Ничем не похожий на волка, сучонка этого, что скалится на мать, а руки лижет проклятой девке. Лес шумел Аксинье, качал ветками, приветствуя своего Хозяина еще до того, как тот сделает первый глоток густого духа чащи.

Но не сбылось. Не было ни дурного предчувствия, ни страха в груди. Даже боли особой не было. Потянуло вдруг вниз, сперло дух, охнула Глаша, ухватила за пояс и потащила сестру прочь от стола.

— Пойдем, сестрица! — зашептала. — Скинула ты...

— Нет! — яростно прошипела Аксинья. — Нет! Не будет этого. Живой он, сынок мой, живой!

— Да как же? Вон, весь подол в крови... — Глаша довела ее до скамьи, опустила, застыла рядом, не зная, как подступиться.

— Уйди, дура! — заголосила Аксинья, видя, как расплываются багровые пятна по ткани домашнего платья. — Уходи!

Глаша потупилась и вышла, оставив их вместе. Аксинью и ее неслучившегося сына.

Она плакала до заката. То стонала, то всхлипывала, то голосила, как базарная баба. А когда слезы иссякли, просто сидела на лавке — скорчившаяся, пустая, — покачивала в руке тряпочку, а в ней кровавый сгусток, ни ручек, ни ножек. Сынок, Хозяин этой земли, которого у нее никогда теперь не будет.

Случившегося бояться нечего. Аксинья и не боялась. Когда дом затих тревожным сном, она вышла во двор и зашагала к лесу. Тот встретил ее настороженным шепотом. Сразу почуял могучей своей силою, что пришла она к нему одна. Матушка без сына. Матушка без наследника. Пустая, как старая бочка, крикни — и эхо разнесется в глубине бессильного чрева. Рыхлая земля поляны приняла сверток, засыпала его, укрыла.

— Спи себе, сыночек, — шептала Аксинья, чтобы вновь не зарыдать. — Будет тебе земля перинкой, будет тебе земля пуховой. Нет тебе, сыночек, тревог да забот. И самого тебя, сыночек, нету.

А когда оторвала руки от могилки, то легла рядом и долго смотрела, как мерцают звезды, как путаются они в листве, как расходится дневным теплом земля. Лес почти забрал ее, почти принял, когда тишину разорвали чьи-то шаги.

Аксинья встрепелась, отползла к корням сосны, растущей на самой кромке поляны. И снова ей не было страшно — чего бояться? Лес кругом. Свой, могучий, прирученный. Уж он-то защитит и от зверя, и от чужака. Аксинье и надо было, что затихнуть да переждать.

— Не беги, не беги, Поляша! — Голос Батюшки заставил Аксинью вздрогнуть всем телом. — Да погоди же ты, егоза...

Заскрипели ветки, послышался звонкий смех.

— Старый-старый, — заливаясь хохотом, дразнила Полина. — Догони! Не догонишь — целовать не буду!

Аксинья вжалась в корни, если и желая чего, так раствориться в этой грязи, в этом мхе и палой хвое. Лишь бы перестать быть той, кем она была. Но каждый рождается в теле своем и со своей же дорогой, которую, хочешь или нет, а придется осилить. До конца.

Кусты затрещали совсем близко, и на поляну выскочила Полина. Худые ноги белели из-под задранного подола, который она прижимала к груди. Жар на щеках виднелся даже в ночном полумраке, лихорадочно блестели глаза. Так умеет блестеть только юность. И любовь.

— Догони! — крикнула она, оглядываясь.

Из кустов, как большой неповоротливый зверь, вывалился Батюшка.

— А вот и догнал! — выдохнул он, хватая своими лапищами хрупкие девичьи плечи.

Та вскрикнула от неожиданности и снова залилась смехом, словно серебряные колокольчики рассыпались по лесу. Батюшка вторил ей низким утробным хохотом. Они повалились в траву поляны, продолжая смеяться, но тут же перестали, стоило только мужской руке сжать нежное белое бедрышко Поляши, — словно птичка небесная попала в лапы медведю.

Тут нужно было встать, выйти вперед да бросить в лицо старому дураку всю свою злобу, всю боль. Разрыть могилку, достать на свет лунный кровавый сверток, показать, как из завязи этой могла появиться жизнь — могучая, долгая, лесная. Но Аксинья осталась лежать. Слушать, как тоненько стонет под ее мужем молодая жена. Слышать, как рычит он на маленькое ушко, как хватается за копну ее волос, как дышит тяжело и жарко. Видеть, как лес кланяется им в ночи, укрывая, благословляя. Она не могла тому помешать. Отползла в сторону, отряхнулась да пошла в дом. И до зари потом лежала без сна, представляя, как изливается новой жизнью Хозяин, не зная, что под ним — свежая могила его нерожденного сына.

Вот тогда-то к Аксинье и пришел страх. Темным облаком он упал на нее, болотной жижей всосал в себя. Облепил, проник под кожу, заполнил жилы, заменил кровь, истерзал сердце.

Страх, что молодая мерзавка родит для Батюшки сына. Сильного и крепкого, с ручками и ножками, а лес примет его, склонив головы сосен так же, как сегодня благословлял зачин. И это была первая волна ее неизбывного страха. С нее-то все и началось.

Много чего боялась в своей жизни Аксинья, много о чем бесслезно плакала по ночам, чтобы никто не услышал. Ни Батюшка, ни сестра, ни дети их общие, а значит, ничейные. Не было в Аксинье для них слез, все они иссохли от жара неизбывного страха.

Но за сына своего единственного, оступившегося и пошедшего не туда, она не боялась. Самая страшная из возможных бед с ним уже случилась. Он не стал тем, кем должен был. Утерял свой путь, растратился по мелочам, отдал себя на съедение паршивой шакалице и ничего не получил взамен. Даже волк — и тот из него не вышел. Позор для рода, обида лесу — вот кем был ее сын. Но сейчас, прорываясь через колючие заросли бузины, Аксинья была еле жива от страха. Ноги стали ватными, не держали прямо, руки потяжелели, каждая, словно пуд, тянула к земле, даже во рту пересохло, обметало губы белой кашицей.

— Лес, защити да выдюжи, — шептала Аксинья, чувствуя, как немеет с левой стороны.

Сразу вспомнился муж — безумный старик, потерявший былую силу. Его вялое, как мешок, тело. Его рассеянный взгляд, гнев, вспыхивающий костром и тут же опадающий, и слезы, и тоненькая ниточка слюны, сползающая в бороду. И заскорузлые пальцы, и лысина на макушке. И запах. Запах. Запах. Болезни, немощи, смерти.

Что, если она сейчас упадет прямо здесь, в зарослях бузины и боярышника, забьется в судорогах, обмочится, обблется горькой слюной? Что, если страх наконец победит, но принесет за собой не упокоение, а долгую болезнь? Кто тогда будет ходить за ней, как она за мужем? Обтирать, кормить и обмывать? Говорить, успокаивать, не гнушаться ничем из того, на что способно обессиленное тело?

Старая Глаша, теряющая последние знания, как монеты из прохудившегося кармана? Белесая до пустоты Стешка, оплакивающая безумную сестру? Услужливый, но никчемный Олег, маленький Степушка, рожденный оставаться лишь тенью того, кем он мог бы стать? А может, пришедшая девка, сумевшая отогнать грозу? Знающая наговоры, которых в доме не ведают.

Наговоры, которые сам Батюшка из леса и приносил?

Или, может, прямо сейчас, разбитая немощью, Аксинья станет последним камушком, что ляжет на чашу весов, отдавая эти земли, осиротевшие без Батюшки, спящему на дне безмолвного озера?

— Не дождешься, проклятое! — зашипела Аксинья и ринулась вперед, прогоняя страх и немощь, убегая от мысли, что во всех этих горестях, выпавших на долю ее рода, виновата она сама.

Она. И только она.

ОЛЕСЯ

Когда Стешка, ошалелая от ужаса, добежала до середины поляны, крича и плача, Леся еще не пришла в себя. Она стояла в центре круга, рассеянно поглядывая по сторонам, словно происходящее ее не касалось. По ногам тянуло свежим ветерком, но тучи расходились, оголяя голубые края неба. Даже солнце выглядывало из этих прорех. Не было больше хмари, и грозы не было. Но как случилось это, Олеся понять не могла.

Порезанную руку пекло, но боль не доставляла мучений. Она была очень далеко. Там же, где воспаленная рана, наполняющаяся гноем. Леся подняла ладонь, ожидая увидеть глубокий порез, мясо, может быть, даже кости, но ничего не было. Лишь розовая полоска шрама — свежего, но зажившего.

Так бывает на следующий год после беды, когда память запорашивает все плотным слоем новых воспоминаний, оставляя прошлое прошлому. Да только прошел не год — и часа еще не прошло. Под ногами у Леси валялся окровавленный серп. Ей даже показалось, что стертое временем лезвие довольно блестит на робком солнце. Напитое, умасленное, выполнившее свое предназначение, готовящееся хорошенько отдохнуть. Кровь еще алела и на запястье, куда хлынула рекой. Но сама рана сгладилась, зажила.

Леся вскинула глаза на стоящую рядом Глашу, но старуха на нее не смотрела, и окровавленная рука, застывшая в воздухе, ее не интересовала. Она подалась вперед, вся обращая в слух, подслеповатые глаза сощурились, ветер трепал выбившиеся из косы седые прядки. А лицо — морщинистое, не старое, но старческое, — сковало предчувствие беды.

— Матушка! — кричала Стешка, подбегая. — Там Дема! На поляне, Матушка!

Аксинья сорвалась с места, когда ветер донес до нее этот тонкий голосок. Как могла она бежать так быстро и легко, словно и не было в ней тяжести прожитых лет? Леся засмотрелась на ее ровный, стремительный бег. Ветер бил Матушку в лицо, волосы струились за прямой спиной, а длинное платье, схваченное пояском, было похоже на птичьи крылья, готовые к бою.

Следом за сестрой побежала и Глаша. Медленно, чуть заваливаясь в сторону, она устремилась к лесу, подхватив грязный подол, а Леся все еще стояла в круге, провожая их взглядом. Но когда из дома выскочил Лежка, волоча за собой рыжего мальчишку, оцепенение, сковавшее Лесю, отпустило. Она шагнула к Олегу, но тот даже не посмотрел в ее сторону.

— Пойдем, Матушка браниться будет... — канючил мальчишка, пытаясь утянуть брата обратно на крыльцо.

— Да помолчи ты, — резко одернул его Олег и подошел к кругу. — Что там?

— Не знаю... — сипло ответила Леся — горло пересохло от волнения. — Я вообще не понимаю, что за чертовщина тут...

Аксинья тем временем добежала до Стешки, схватила ее за локоть и потащила к лесу.

— Матушка высечет, как есть высечет... — понуро заныл мальчишка, но Олег его не слушал.

— Вы же хмарь гнали, да? — спросил он Лесю, не отрывая взгляда от деревьев, высящихся впереди.

— Кажется...

— И прогнали, чего они тогда... в чашу-то? Зачем? — Он нахмурился.

По высокому лбу тянулась мучная полоса.

— Все пропустил, — слабо улыбнулся он. — Дема скоро должен вернуться, хлеба свежего ему поднести...

Имя пронеслось в Лесе подобно разряду молнии.

— А кто он, Дема этот?

— Брат наш. — Олег наконец перевел взгляд на стоящую перед ним, улыбка стала чуть шире, говорить о брате было ему приятно. — И новый Хозяин леса. А приведет жену — так новым Батюшкой станет.

Леся заставила себя улыбнуться в ответ, но ей стало совсем уж жутко. Когда подобную глупость говорят свихнувшиеся бабки, принять это легче, чем услышать о Хозяине леса от красивого и молодого парня.

— Дема, значит... — протянула она, чтобы не молчать. — Кажется, о нем Стеша и кричала... — Хотела сказать что-то еще, но Олег больно схватил ее за руку.

— Что кричала? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Не знаю, я не расслышала...

— Что она кричала? — повторил Олег, впиваясь длинными пальцами в ее кожу. — Вспоминай.

— Да отпусти ты меня! — вскинулась Леся и попыталась вырваться. — Что на поляне он какой-то... Кажется.

Хватка ослабла. Олег отшатнулся, попятился, бешено озираясь по сторонам.

— Мне нужно туда... — медленно проговорил он, обращаясь к мальчику, стоявшему рядом, и тот испуганно вскрикнул, округляя рот.

— Так нельзя же! — замотал он головой. — Не ходи, Лежка, не ходи...

— Если так... то я теперь старший. Нужно идти.

Конопатое лицо мальчишки сморщилось, вот-вот зайдется плачем, но руку, державшую Олега, мальчик отпустил. Смотреть, как жалобно он съежился, оставленный всеми, было невыносимо.

Леся присела на корточки, вложила во влажную детскую ладошку свою ладонь и зашептала:

— Не бойся, я с тобой побуду. Тебя как зовут?

— Степушка... — выдохнул мальчик, шмыгая носом.

— А меня Леся. — Она улыбнулась и посмотрела на Олега. — Если тебе нужно — иди, я за ним пригляжу.

Лежка застыл, размышляя, но порыв ветра принес из леса отголосок крика, и решение было принято. Он коротко кивнул и сорвался с места. Степушка вздрогнул всем своим маленьким тельцем, но ничего не сказал.

— Пойдем-ка мы в дом, да? — спросила Леся, поднимаясь.

АКСИНЬЯ

Аксинья бежала через страх, как бегут сквозь неподатливую воду, рассекая ее всем телом, отталкивая руками, выдергивая ноги из топкого дна. Она не смотрела на лес, просто стремилась вперед, разделяя путь на отрезки. Вот рядом оказалась Стешка, испуганная зареванная корова — растрепалась, разнюнилась, тьфу. Аксинья схватила ее, сжала, одним яростным взглядом заставила замолчать. Не терять дыхание, а повернуться и бежать к лесу.

Так приблизился второй отрезок — четкая кромка деревьев, разделяющая чащу и дом. Когда-то Батюшка семь седмиц вышагивал по кругу, шептался с лесом, договаривался, где пройдет непреложная граница. И только потом, скрепив договор кровью, повалил первое дерево, чтобы выстроить дом. И этот рубеж осилила Аксинья, не глядя по сторонам, точно зная, куда ей нужно.

Продираться сквозь кусты и заросли было тяжелее. Но острые ветки и шум листья чуть рассеяли страх, лес потянулся к ней, узнавая, разделяя ее беду. Аксинья вдохнула терпкий дух прелой листвы и хвои, благодарственно поклонилась и помчалась вперед. За ее спиной охала Глаша, судорожно всхлипывала Стешка, но ничего этого не существовало. Только путь через чащу к поляне — круглой, очерченной высшими силами. Куда меньше, чем та, на которой строился быт. Куда сильнее, куда кровавее ее. Лесное судилище. Алтарь для жертв и подношений. Место, где сам лес говорит с тем, кто достоин его услышать.

Уходя в топкое небытие безумия, Батюшка все твердил, что есть еще одна поляна. Совсем маленькая, поди найди ее в чащобе, но сила в ней скрыта особая. Что там, в самой гуще леса, он и стал Хозяином. Одолея себя самого, доказал, что будет править землей этой, беречь ее от топи да усыплять того, кто спит на дне озера жизни.

— Где? Где она? — допытывалась Аксинья, различая в куче перегнутой умирающего сознания зерно правды. — Как нам найти-то ее, Батюшка, поляну эту?

Старик отмалчивался. Крутил головой, тонкие, прозрачные волоски метались по подушке. И только перед самым концом, когда начал чернеть от ног к груди, как старый дуб — от корней к кроне, прохрипел, скрипя зубами:

— Был бы сын, ему бы сказал, где поляну ту искать.

Аксинья обмерла, сглотнула ком, схватила старика за немощные плечи, встряхнула.

— Есть у тебя сын. Первый, старший. Ему поляну твою искать. Говори, стервец! — Голос обернулся карканьем злой вороны. — Погубишь нас всех! Говори, где поляна проклятая! Или придумал все, мертвяк болотный? Говори!

Батюшка поднял на жену водянистые, белесые глаза. В них плескалась ненависть.

— Падаль ты старая... Нет того сына, который бы вместо меня встал. Был, да ты не дала.

Сердце твое гнилое... Проклясть бы тебя, да детей жалко... Глашу жалко. А тебя нет. —

Тяжелые веки медленно опустились, голова склонилась на грудь. — Сама сдохнешь, а уж на том свете я с тобой разберусь.

А наутро он умер. И это были его последние слова. Эхом вторились они в Аксинье, стоило лишь закрыть глаза. Их шумели кроны в ночи. О них кудахтала дурная птица.

— Сама сдохнешь. Сама, — повторял и повторял Батюшка, пуская слюну из беззубого рта. — Нет у меня того сына. Был, да ты не дала.

Не дала. И ни разу в том не раскаялась. Но, выбегая на поляну, Аксинья уже не дышала. То ли от бега своего суматошного, то ли от ужаса, поднимающегося внутри.

На границе вытопанной травы лежал Демьян. Растрепанные темные волосы шатром закрывали лицо, опущенное на ладони. Ими Дема впился в твердую землю, видать, подтянуться вперед хотел, но так и остался лежать: половина тела — на защищенной от лесного зверья да не-зверья поляне, а вторая — там, во владениях топи и мора.

— Демочка! — закричала Аксинья, не узнавая истошный свой голос. — Сынок!

И рванула вперед, и упала перед ним на колени, потянувшись рукой. Холодная влажная кожа его колючей щеки заставила ее взвыть еще громче.

— Сынок! — голосила она, пытаясь перевернуть отяжелевшее, мертвое тело. — Лес, помоги... Ох, горюшко мое, горе... Сыночек!

Чьи-то руки, морщинистые и желтые, подхватили Демьяна с другой стороны, перевернули его на спину. Чьи-то белые нежные ладони принялись очищать его лицо от грязи и хвои. Но Аксинья не могла ничего разобрать. Окаменевшая страхом, пылающая горем, она выла, царапая себя по щекам, желая вырвать глаза, лишь бы не видеть мертвецкую синеву родных сыновних губ.

Кто-то оттолкнул ее в сторону, и она упала на землю, как была, боком, словно куль с мукой.

Вытопанная трава оказалась совсем близко. Под ней ползали жучки, тащили веточки маленькие муравьишки. Целому миру, несоизмеримо меньшему, было плевать на горе, расколовшее мир большой. Если бы Аксинья могла, она сожгла бы их всех. Если бы только страх ее мог обернуться пламенем. Но она осталась лежать, осиротевшая без мужа и сына баба, пустая и полая, не ведая, что лежит на давно истлевшей могиле сына другого. Ровным счетом ничего не ведая.

Аксинья равнодушно наблюдала, как склоняется над Демьяном седая старуха, как дует ему на губы, мертвые, холодные, как с размаху бьет его по щекам, как снова дует, как шепчет что-то. А девка, зареванная белесая девка, разминает в пальцах душистую травку и вкладывает ее между зубов мертвого, бесконечно и бесповоротно мертвого Демьяна.

«Глупые бабы, он умер, не спасти его вашей ворожкой...» — сказала бы им Аксинья и зашла бы карканьем, но не было в ней слов и вороньего смеха.

Страх накрыл ее последней волной. Столько лет она бежала от него, столько лет была на полшага впереди. Но все закончилось. Единственное ее дитя лежало в траве, мертвое и холодное. И не было силы на этой земле, способной спасти его. Спасти их всех.

— Дышит, — издали, как через непроходимую стену воды, донеслось до Аксиньи.

Она вздрогнула, приподнялась на локте.

Глаша медленно осела на землю рядом с Демьяном, обмякла и Стешка.

— Живой, говорю. Чего голосишь? Дышит.

Первый раз за их долгую жизнь Аксинье захотелось обнять названую сестру. Прижаться к ней, погладить по худой спине, поцеловать в морщинистую щеку. Испитая до дна детьми, которые, как голышки по воде, выскальзывали из ее благого тела. Не сумевшая принести того самого

ребенка, наследника, которого бы принял лес. Бедная баба, не понимающая своего несчастья. Мать, но не Матушка.

— Дышит Демочка твой, угомонись, — повторила она. — Домой бы его оттащить...

— Мы оттащим.

Аксинья обернулась так резко, что в глазах потемнело. На краю поляны стоял Олег, испуганный, но решительный.

— И чего застыл тогда? — сильным голосом спросила она. — В дом его несите, в дом!

Поднялась на ноги, отряхнулась от сора, прислушиваясь к себе. Страх отхлынул, затаился, признавая поражение. На этот раз.

ПРОКЛЯТЫЙ БОЛОТНИК

ОЛЕСЯ

— А это что? — спрашивала Леся, доставая то одну, то другую вещицу из небольшого сундучка, примостившегося у окошка.

Мальчик щурился, качал головой, мол, надо же, какая глупая девка, очень по-взрослому откашливался и принимался отвечать.

— Киянка это, молоточек такой, стамеску приложил, киянкой ударил. Вот тебе и елочка.

В маленькой, пусть и крепкой ладони деревянная кувалда смотрелась до смешного нелепо. Но Степушка держал ее ловко, чуть играя пальцами, как настоящий мастер, пусть ребенок, но все же.

— И что ты ими умеешь? — с наигранным воодушевлением спросила Леся, чутко прислушиваясь к миру снаружи.

Но во дворе стояла пронзительная тишина. Стройный ряд деревьев отрезал поляну от леса и всего происходящего в нем. Захочешь — не услышишь. Если только ветер принесет отголоски, да не было ветра. Он улетел куда-то прочь, унеся с собой и тучи, и непогоду.

Леся поежилась. Она почти не слушала мальчика, когда тот принялся обстоятельно рассказывать о своем ремесле. Из сундучка были вызволены две киянки — одна круглая, другая с острыми краешками, пара увесистых молоточков и главная ценность — пластинки, испещренные резьбой. Выемки, узорчики и елочки сплетались в четкий, со строгими линиями узор.

— И как ты это делаешь, маленький такой... — невпопад проговорила Леся.

Степа бросил на нее обиженный взгляд, но ответил:

— Какой же я маленький? — И дернул плечом, утопающим в свободной рубахе. — Лес меня не принимает, нужно в доме полезным быть. Стешка прибирается, за Феклой следит. Олег хлеб печет, он за старшего, пока Демьяна нет. А я вот... вырезаю. Тетка Глаша меня хвалит.

И замолчал. Шмыгнул носом, заторопился спрятать свои сокровища.

— А Аксинья? Она-то хвалит?

Щуплая спина вздрогнула, но мальчик был сыном леса и умел держать удар.

— Матушке некогда с моими деревяшками возиться... — очень по-взрослому ответил он, и Леся тут же поняла, что слова эти не его.

Злость к взбалмошной дуре, считающей себя главной среди таких же сумасшедших, как она сама, стала еще сильнее.

— Матушка твоя не права, — скрипнула зубами Олеся. — А ты настоящий молодец. Я бы ни за что ни единую веточку не вырезала бы, хоть и старше...

Степа недоверчиво обернулся, посмотрел на нее, чуть приоткрыв рот, и тут же расплылся в улыбке.

— Да что там делать? Давай научу?

И, не дожидаясь ответа, подхватил убранный было сундучок, подтащил его поближе, уселся на лавке.

— Садись давай, — деловито приказал он Лесе. — Будем листочки вырезать.

Вырезал, конечно, он сам. Пыхтел, шмыгал носом, утирал лоб локтем, но умело выцарапывал острой киянкой и черенок, и прожилки, а круглой прошелся по контуру, превращая безликий деревянный спил в нечто особенное. На круглой его поверхности теперь красовались три листика — друг за дружкой, прячась за соседом, чтобы уместиться. Вблизи орнамент мог показаться странной мешаниной, хаотичными углублениями на деревяшке. Но достаточно было вытянуть руку, сжимающую кругляшок, и все становилось ясно.

— Красиво... — выдохнула Леся, разглядывая листочки. — И аккуратно как!

Степан, раскрасневшийся от работы и похвалы, смущенно пробормотал что-то невнятное, а потом поднял на Лесю глаза и проговорил:

— Понравилось, так бери...

— Да нет, что ты! — Леся с трудом сдерживала смех, глядя на смущение мальчишки. — Это твое.

— Да у меня куча, девать некуда... — начал он, но крыльцо заскрипело, и мальчик тут же замолчал.

Леся обмерла. Скрипнула дверь, топот стал явственней, а среди голосов и вскриков стали различимы причитания Глаши.

— Ой, да не ходить мне по свету, коли упустим Хозяина нашего... Ой, да не дышать мне лесом, ой, да водицей не напиться... — выла она сильным поставленным голосом.

Степка сжался, сделался еще меньше, доверчиво прислонился к Лесину боку.

— Не бойся... — сказала она тихонько, но в комнату уже вошли, зашумели, заголосили, и ее шепот утонул в водовороте всеобщего гама.

Первой внутрь шагнула Аксинья. Растрепанная, с веточками, застрявшими в косах, она показала Лесе злым духом, который и на свет-то выходить не должен. Красные, налитые кровью глаза невидяще смотрели перед собой, лицо стало восковым, как у покойницы, но страшнее прочего были руки, сжатые в побелевшие кулаки. Вся она обратилась в натянутую тетиву, того и гляди сорвется, и несдобровать тому, кто попадет под горячую руку. Она прошла вперед, жестом приказала Степушке уйти с дороги, тот дернулся в сторону, утаскивая Лесю за собой. Аксинья медленно опустила на лавку — спина прямая, руки не дрожат — и застыла, ожидая чего-то. На колени ей лег запыленный, вымазанный кровью серп.

В комнату тем временем уже заскочила Стешка, зареванная, опухшая, с глубокими царапинами на лице, будто бежала сквозь колючий кустарник, не пробуя даже прикрыться от шипов и веток. Она оглядела комнату ошалевшими глазами, схватила со стола связку сухой травы, скользнула взглядом по Лесе и замахала рукой, мол, пооди-пооди сюда, но попросить вслух не осмелилась. Как и Аксинья, она была безмолвной. Топала, скрипела половицами, но не произносила ни слова.

А Глаша, пока невидимая, сокрытая стенами дома, продолжала голосить, стоя на пороге:

— Не пушу беду, покуда стою, покуда говорю, не быть беде. Ой, да несите сюда, соловушку нашу, ой, да Хозяина нашего в родной кров, под родную крышу...

Леся замешкалась, не понимая, чего от нее ждут, но Степушка подтолкнул ее вперед, мотнул рыжей головой, а сам остался на месте. Леся поднялась на ноги, шагнула к Стешке, та схватила ее за руку и потащила в коридор. Влажные от страха ладони слиплись, пока они выходили к крыльцу, пока огибали замершую на пороге Глашу, которая даже не посмотрела на них, продолжая причитать:

— Не расти траве, не шуметь лесу, коли Хозяина нашего не спасем. Обернутся прахом все дали да выси. Ой, да не бывать этому...

«Что она делает?..» — почти спросила Леся, но стоило открыть рот, как Стешка сжала ее пальцы так сильно, что они хрустнули, и говорить расхотелось.

Но, сбегая с лестницы, она успела обернуться и посмотреть в лицо голосащей старухе. Глаша не плакала, как могло показаться. В ее глазах не было слез, лицо не свело судорогой несчастья.

Она стояла на пороге и повторяла, повторяла заунывные свои причитания, оставаясь собранной и спокойной.

Солнце, стоящее в зените, как-то слишком быстро скатилось к горизонту. Тени удлинились.

Земля, пережившая бурю и пекло, тяжело дышала сухим жаром, предвкушая вечерний покой.

Стешка тащила Лесю вперед, к границе поляны, где сгорбившись стоял Олег. Он что-то держал, закинув на плечо. Что-то большое и бесформенное. Мешок или дохлого зверя. А Стешка рвалась к нему, подхватив свободной рукой пыльный подол.

Только приблизившись к стоящему вплотную, Леся поняла, что лежащее на Олеговых плечах не было ни мешком, ни звериной шкурой. Рослый мужчина с длинными темными волосами — вот что это была за ноша. Олег стоял, чуть покачиваясь, и будто не замечал, как пот заливает глаза, щедро намочив и лоб, и прилипшие к нему пряди.

Стешка рухнула перед Олегом на колени, обхватила за пояс, прижалась лицом.

— Братик, милый, потерпи, мы тут уже... Чуток осталось...

Олег слабо кивнул и сделал маленький шаг назад. Его колени бы подломились под тяжестью чужого тела, но Стешка была рядом. Она подхватила безжизненного мужчину за руки и приняла половину его веса на себя.

— Чего стоишь? — бросила она застывшей Лесе. — Помогай.

Не зная, как подступить, Олеся топталась рядом.

— Да лес с тобой! — зло прошипела Стешка и протянула ей сушеную связочку. — Вот, иди за нами, в пальцах три и посыпай всю дорожку до дома. Поняла?

Леся судорожно кивнула, подхватила сухие травинки и принялась за работу. Двигались они медленно. Мужчина, которого тащили на себе брат с сестрой, был без сознания и очень тяжел. Олег скрипел зубами, но шел вперед, Стешка то и дело охала, но тоже молчала, что-то беззвучно шепча одними губами.

А Леся просто шагала следом, рассыпая кругом пахучую пыль. Трава легко крошилась в пальцах, стоило к ней только прикоснуться, и оседала на тропинке, словно пыльца. Воздух наполнил медовый аромат — терпкий, но приятный, запах покоя.

— Что это? — спросила Леся, не ожидая, что ей ответят.

— Медуница. — Олег обернулся на одно мгновение и чуть было не оступился. — Та, что в чаще самой растет... Она любую беду отгонит. Духа лесного с пути собьет...

— Духа? — переспросила Леся.

— Завок да лесавок, — пояснила Стешка как что-то само собой разумеющееся. — А то и болотник выйдет, коль Хозяин-то наш в беде... — сказала и сама поняла, что лишнее, вздрогнула всем телом, подула через левое плечо.

— Ох, дурна девка, — прокрипел Олег так похоже на Глашу, что Леся фыркнула, но сдержала смех.

«Соглашаться с ними, — напомнила она себе. — Не спорить, кивать, делать вид, что все так, как должно быть. А потом бежать. Бежать что есть мочи».

Так они и шли до самого дома: Олег впереди, Стешка — на полшага сзади. Темноволосый мужчина лежал на их плечах — бессильно опавший, носок его сапога чертил по земле длинную полосу. А за ними Леся, стирающая в пальцах лесную медуницу, чтобы ни один лесной дух не нашел тропинки к дому.

А когда поднялись по скрипучим ступенькам, чуть живые от усталости и пережитого страха, то испугались тишины, мигом воцарившейся в доме. Это Глаша перестала причитать, стоило безжизненной ноге темноволосого мужчины прикоснуться к первой ступени.

— Вот и дома ты, Хозяин, вот и славно... — выдохнула старуха и медленно осела на деревянный порог. — Выдохлась я, дети, нелюдь проклятую заговаривать. Вы уж дальше сами, без меня...

Прислонилась к балке, что поддерживала крышу крылечка, и расслабленно закрыла глаза. Олег прошел мимо нее, пошатываясь, он все еще тащил на себе вес вдвое больше собственного, а Стешка на мгновение присела рядом с теткой, погладила ее по морщинистой щеке, распрямилась и скользнула в дом.

Когда они скрылись внутри, Леся растерянно замерла, решая, что делать дальше. Руки ее пропахли медуницей и слабо блестели на вечернем солнце, точно травяная пыль состояла из драгоценных камушков.

— Не стой столбом, — слабо проговорила Глаша. — В дом иди, пригодиться.

Леся кивнула, хотя старуха, продолжающая сидеть с опущенными веками, и не могла этого разглядеть. По двору степенно вышагивал огненный петух. Встретаться с ним Олеся не хотелось, заметно холодало, а солнце стремительно скрывалось за горизонтом, будто тоже страшась чего-то. Обтерев ладони о рваный подол рубахи, Леся тихонько ступила за порог и прислушалась.

Дверь в общую комнату была распахнута настежь, как и та, обшитая мехом, за которой скрывались полки с травами и снадобьями. Кто-то ходил там, звеня склянками и рассыпая проклятия. Леся подалась вперед и заглянула внутрь, спрятавшись за косяк.

Аксинья стояла к ней спиной. В распушенной косе виднелись сор и хвоя, длинная юбка была вымазана в грязи, словно ее хозяйка долго валялась на земле где-нибудь на опушке леса. В сухих пальцах оказывались то баночки, полные темной жижи, то благоухающие ветки, засохшие и живые, с зелеными почками и нежной листвой, чудом сохранившейся в темноте полок.

Но ничего из имеющегося богатства кладовой Аксинью не устраивало. Она искала что-то особенное, что-то, могущее помочь. Леся отступила в коридорчик, постояла там, собираясь с духом, и шагнула в общую комнату, откуда доносились встревоженный шепот и всхлипывания. Это тихо плакала Стешка, застыв у стола, куда положили мужчину. Раскинув руки по сторонам так, что длинные кисти свешивались с краев, он не моргая смотрел в потолок. В первый миг Лесе показалось, что он пришел в себя. Но пустой взгляд говорил об обратном.

— Демочка, — звала его Стешка. — Братик... Демушка... — Всклипывая, она гладила его по плечу, но тот не чувствовал прикосновений, не слышал ее мольбы.

Леся забилась в самый дальний угол и затихла, чтобы ненароком не помешать горю, сковавшему этих странных людей. Олег заметил ее, но остался на месте. На его лицо, красивое особенной красотой юности, легла тень страдания. Он был изможден, но рана, терзающая сердце, приносила куда большие муки. Лесе захотелось подойти к нему, прикоснуться, заставить его улыбнуться, сбросив груз несчастья, мигом прибавивший десяток лет.

Но рядом с ней уже оказался Степушка. Мальчик молча подвалился к ее боку, маленькое тельце вздрагивало от беззвучных слез. Леся опустила руку на его рыжую макушку и осталась на месте, ощущая себя чужой, но необходимой здесь, пусть и одному-единственному человеку.

— Демочка... — все звала брата Стеша. — Возвращайся к нам...

Но тот молчал, безучастно глядя в бревенчатый потолок. Его грудь чуть заметно поднималась, внутри что-то хлюпало, как при тяжелой простуде, выдох был похож на свист закипевшего чайника. Но на бесстрастном лице — смуглом, резком, обросшем жесткими волосами, — не было мук удушья. Названный Демьяном тихо умирал, лежа на столе, не слыша, не видя, не чувствуя этого.

— Да что же это? — по бабски заломила тонкие ручки Стеша, когда в комнату вошла Аксинья. — Прочь! — бросила та, и Стеша мигом отпрянула, застыв у окна, в серых глазах вспыхнула надежда.

Аксинья подошла к столу, в правой ее руке была тонкая свечка, чуть тлеющая красным огоньком.

— Как свеча оплывает вспять, — проговорила она, склоняясь над столом, — воском мягким, так не бывать твоей смертушки, леса сын, время отдано молодым. Как песку не стоять скалой, мертвяку как не строить дом, так тебе умирать не дам, заклинаю к семи ветрам...

Окно со скрипом распахнулось, тяжелая деревянная рама ударила Олега по плечу, тот пошатнулся, но устоял. В комнату стылым потоком хлынул лесной воздух, надул тонкую ткань занавески, заиграл пламенем свечи. Леся вскрикнула от неожиданности, но не услышала своего голоса. Одна только Аксинья бормотала и бормотала, не замечая, как треплет ее волосы один из ветров, призванных ворожкой.

— Свечка стает, огонь сгорит, будешь весел ты, будешь сыт. Я тебя проведу дугой, тропкой верной, твоей тропой мимо смерти да в колыбель. Материнской крови испей!

И немедля поставила свечу в изголовье сына, подняла левую руку с зажатым в ней серпом и полоснула по худому запястью. Кровь вскипела в новой ране, но не пролилась. Аксинья наклонилась еще ниже — огонек свечи осветил ее бледное, неживое лицо, — и прижала рассеченное запястье к губам сына.

— Пей, покуда есть сил во мне, в чаще леса, в его земле. Пей, тебя защищаю я. Кровь моя станет кровь твоя.

Голос становился все неразборчивее, все слабее. Аксинья тяжело оседала на пол, вытягивая руку, чтобы не оторвать ее от губ Демьяна. Олег было рванулся к ним, но Аксинья отмахнулась, продолжая бормотать:

— Лес мой Батюшка, помоги. Против смерти да по крови след тяну от себя к нему. Я смогу. Я смогу... Смогу...

Леся чувствовала, как уходит жизнь из ее властного тела, как мертвеет в ней каждая клетка, как с кровью вытекает сила, как меняется тропа, по которой она должна была пройти, но теперь не пройдет. Откуда эти знания появились в Лесиной голове, она не знала, да и не хотела знать. Происходящее не вязалось с ее шатким представлением о сумасшедшей семейке, живущей в лесу. Это солнце, ушедшее так быстро, этот ветер, примчавшийся в дом по первому зову, этот безжизненный мужчина на столе, Акси́нья, поющая сына собственной кровью. И ужас, сковавший все кругом. Это сложно было назвать массовым помешательством. Скорее, совсем иным миром, существующим по своим правилам.

— Она же умрет сейчас, — только и смогла выговорить Леся, когда Акси́нья со стуком упала на пол, оторвав истерзанную руку от губ сына.

А Демьян вдруг зашелся захлебывающимся кашлем, изо рта его хлынула темная кровь, а следом — болотная жижа. Ее Леся сразу узнала по резкому землистому запаху, который остро чувала через ткань, скрывающую ее собственную рану.

К Демьяну, захлебывающемуся гнилью, поспешила Стешка, перевернула на бок, попыталась оттереть грязный рот, но Демьян безвольно откинулся на стол, только подтеки жижи заструились вниз, пачкая длинные волосы.

— Отойди от него, — глухо приказала Акси́нья, приподнимаясь на локте. — Он обращается...

— В кого? — не веря, что осмелилась, спросила Леся.

— В болотника, — помолчав, ответил за тегку Олег, и его голос предательски дрогнул. — Был лес, был и лесовой — его Хозяин. А стало болото...

С губ Демьяна сорвался хриплый стон, грудь слабо поднялась и опустилась. И только гнилая топь жадно клокотала внутри нового своего Хозяина.

ОЛЕСЯ

Он был совершенно некрасив. Леся рассматривала резкие, даже грубые черты его лица, и ей казалось, что они вырезаны из камня небрежной рукой новичка. Крупный нос с широкими ноздрями, грубые брови, жесткие волосы на щеках, разрастающиеся в спутанную бороду. Если бы не мертвенная бледность и не заострившиеся черты, Леся признала бы в Демьяне зверя. Того, кем он являлся. Или мог явиться, сложись его путь иначе. Но мертвый волк слишком похож на пса. Так и Демьян на пороге смерти первый раз в жизни стал походить на человека. А Леся все смотрела на него, внутренне ежась от неприязни. Лежащий на столе не вызывал в ней ни жалости, ни сочувствия. Хотя он был на самом краю. Это Леся чувствовала отчетливо, не задавая себе вопроса, откуда.

Может, по тому, как испуганно всхлипывала Стешка. Тянулась к брату, но не могла решиться и дотронуться до его влажного лба. А может, по оцепеневшему Олегу, который стоял у двери, по его побелевшим пальцам. Или по тому, как прижимался к Лесиному боку рыжеволосый мальчишка, доверчиво утирающий слезы о ее рубаху.

И уж точно по звеневшей в комнате ярости Акси́ньи. Та кружила у стола, шептала себе под нос, вскидывая руки, складывала пальцы в горсть, рассыпала кругом пепел, пела что-то бессвязное.

Но ничего не происходило. Внутри Демьяна булькало и клокотало, изо рта тянулась ниточка маслянистой, густой жижи.

— Обращается... Обращается... — проговорила Акси́нья, словно наконец убедилась в том, что и так было очевидно, и медленно опустилась на пол.

— Матушка... — дрожащим голосом начала Стешка, но не посмела продолжить.

Акси́нья подняла на нее глаза — черные от горя, бездонные от ярости.

— Я тебе не мать, поняла? — прорычала она. — Да пропадом вы хоть пропадите! Ты, и братец твой, и мать твоя дура, и выродок этот проклятый! — Она выбросила вперед ладонь, указывая длинным сухим пальцем на рыжего мальчонку, спрятавшегося за спиной Леси.

Повисло молчание, длинное, как осенний вечер.

— Помолчала бы ты, сестрица. Горе тебе глаза залило. Вот и несешь всякое.

Слабый голос Глаши раздался из сеней. Она поскрипела там половицами, вошла в комнату, сощурилась слеповато.

— Ах ты ж дитяtko, — только и выдохнула, заковыляла к столу. — Ах ты ж малое...

Потянулась морщинистой рукой к длинным волосам Демьяна, но окрик Акси́ньи ее остановил.

— Не смей! — завопила она, пытаясь вскочить. — Не трогай моего сына!

— Общий он сын, — тихим, усталым голосом ответила Глаша. — Все они у нас общие... Муж был один, дом один, жизнь одна... и дети общие. Казалось, что время остановилось. Казалось, из щелей между бревнами стен уходит воздух и скоро в комнате останется лишь вакуум. Безвременное, безвоздушное пространство, полное боли двух несчастных женщин. Леся чувствовала, как прилипает к небу язык. И хотела бы если, то все равно не смогла бы вмешаться. Остальные так и вовсе перестали дышать, не в силах отвести глаза, заткнуть уши, чтобы не видеть, не слышать, как рушится их мир. Спятивший, но привычный. Как ломается он в безжалостных руках Аксины.

— Ничего у нас не было общего, дура ты старая, — зло процедила она. — Это старик думал, что будем мы тут жить-поживать в мире да покое. Верные жены его. Думал да обтерся, не было ничего! Ни мира, ни покоя. Один только бес под все его ребра.

— Не надо, Ксюша... — Старуха покачнулась, оперлась рукой на стол, прядь волос Демьяна скользнула по ее пальцам.

— Не тронь! — завопила Аксиныя, вскакивая наконец. — Мой он. Мой сын!

— Что-то поздно ты о нем вспомнила! — глухо отрезала Глаша. — Как сечь его ни за что, как в лес к волкам ссылать...

— Он должен был понять, что Хозяин здесь!

— Не был он Хозяином. И сама ты это знаешь, — сказала, будто черту провела. — Сестрица моя, сестрица... Не был Демущка тем самым сыном, не принял его лес, и Батюшка ему ничего не передал...

— Молчи! — Аксиныя вмиг оказалась рядом с сестрой и вцепилась ей в ворот. — Молчи, сука палевая, убью, молчи!

— Нет, я скажу... Он умрет сейчас, и молчать тогда придется. А пока скажу, — прохрипела Глаша. — Ты его выгнала. Из-за тебя он ушел... Может, и сладилось бы что с Батюшкой у них... а ты не дала. Отпустила сына из рода. А теперь мучаешься. Вот твоя вина, сестрица. И в болоте твоя вина. — Рука Аксины все сильнее сжимала ткань, лишая Глашу воздуха. — Хотела быть Матушкой, хотела быть главной... и всех нас погубила... — Губы ее посинели, лицо налилось кровью.

— Пусти! — закричала Стешка, скидывая оцепенение, как мокрую, тяжелую от воды ткань. — Мамочка, мамочка!

Откуда в ее хрупкой, совсем еще детской фигурке нашлось столько силы, чтобы оттолкнуть разъяренную Аксиныю? Что за дух вселился в нее, сменяя кротость решительностью? И почему сама Леся осталась стоять в стороне, с постыдным интересом наблюдая за этой сценой? Но ответы искать было некогда. Время, замершее было, сорвалось с пружины и скачками понеслось вперед.

Олег ринулся вслед за сестрой, чтобы подхватить Глашу, почти задушенную, совсем обессиленную, с багровым рубцом от ворота на дряблой шее. За одно мгновение все изменилось, и Олеся просто не сумела за этим уследить.

Ее накрыло волной мутного киселя. Руки стали тяжелыми, веки так и норовили опуститься. Как в замедленной съемке, она видела, что Аксиныя подошла совсем близко. Лесе показалось, что цепкие пальцы ведьмы сейчас схватят ее. Про мальчишку, тяжело дышащего ей в спину, она успела забыть. Но тут же вспомнила, когда Аксиныя потащила его к себе. Бледный, упирающийся, он покрылся ледяным потом страха. Леся запомнила лишь, как на влажной коже Степушки вмиг потемнели веснушки. А из ладошки выпал деревянный кругляшок с вырезанными на нем листиками. Упал и остался лежать, никому не нужный.

Леся попыталась схватить мальчика, потянуть к себе, защитить от старой ведьмы, но вспотевшие пальчики сами выскользнули из рук. Когда их заметила Глаша, Аксиныя уже тащила его к двери.

— Стой! — прохрипела она. — Не смей!

Но было поздно — ведьма шагнула за порог. Последним, что увидела Леся, были округлившиеся глаза мальчишки и порванный ворот рубашки.

— Нет! Нет! — сипела Глаша. — Остановите ее!

Первым к двери рванул Олег, второй, сама не понимая, зачем, — Леся. Они неловко столкнулись в проходе, мешая друг другу, и потеряли истекающие до чего-то неизвестного, но ужасного, секунды. Нестерпимого, невыразимого, а главное, непоправимого.

— Да уйди же ты! — прорычал Олег, разом теряя всю мягкость, которой наделил его неизвестный Лесе бог.

Она отскочила в сторону, прижалась к стене. Воздух стал горячим и душным, словно за дверью был не засыпающий на закате лес, а печка, готовая к обжигу.

— Что за?.. — пробормотала Леся, чувствуя, что еще немного, и волосы ее запылают.

— Не пускает нас... Ведьма! — В голосе Олега сквозил страх, помноженный на злость, неожиданную даже для него самого.

— Что она хочет сделать? — еще тише спросила Леся, страшась узнать ответ.

— Если болоту нужен новый Хозяин, оно возьмет любого из нас, — ответила за сына Глаша и вышла в сени, тяжело опираясь на притихшую Стешку. — Не Демьяна, так Степушку...

— Или меня, — откликнулся Олег.

— Или тебя... — Глаша покачала головой. — Только думать не смей. Зачем болоту ребенок? Не примет такой дар. Скажет: мало. Когда сильный да волчий есть, что от несмышленного дитенка взять. А тебя, Лежка, оно бы взяло. Но нет нам дела до этого больше. Мальчонку нужно вернуть. А эта... — она презрительно дернула плечом, — пусть хоть с сестрами самого озера якшается. Дура старая, не получится у нее ничего. Заберем Степана. И уйдем. В город уйдем. Да, девка? — и повернулась к Лесе, пронзила взглядом белесых глаз, как бабочку иголкой. — Выведешь нас?

— Выведу... — кивнула Олеся, понимая, что врет.

И она сама, не знающая дороги. И Глаша, неуверенная в том, что у старой дуры-сестры ничего не выйдет.

АКСИНЬЯ

Влажная ладошка постоянно выскальзывала из сильных пальцев Аксины. До ломоты в суставах она стискивала их, чтобы детская ручка осталась в плену, чтобы мерзкий мальчишка даже не пытался сбежать, чтобы все шло так, как идет. Как угодно лесу. Или не угодно.

Аксины было плевать на лес. В первый раз за ее бесконечно долгую жизнь в глубине этой живой, устрашающей чащи ей было плевать на все правила.

Перед глазами мелькало лишь безжизненное лицо сына. И черная гниль, медленно текущая из его губ, и мертвецкая белизна закатившихся глаз.

— Был лес — был и лесовой его, — бил по ушам чей-то голос, кажется, всех листьев, шепчущих на ветру. — А стало болото, быть и болотнику...

И слово это, мерзкое, склизкое, заполняло рот горькой слюной, стекало вниз до самого нутра, а там пухло, заполняло все полости, как мерзкий выродок мертвых земель, растущий в чреве.

— Не бывать, — рычала Аксины, ускоряя и без того стремительный шаг.

А Степушка за ее спиной сопел, перепрыгивая через камешки и ямки, но уже не плакал. Только доверчиво сжимал ее старые пальцы своими мягкими пальчиками каждый раз, когда потная ручка выскальзывала из ведьмовской хватки.

Если бы знал он, куда ведет его грозная, но все-таки родная тетка, заверещал бы, как зверек, попавший в пасть волка. Но Аксины и сама до конца не знала, что собирается делать. Или знала, но не верила. Или верила, но беззвучно молила лес, чтобы он ее остановил.

А лес шумел, медленно приближаясь, только рябь шла по темной листве, будто волны беспокойного озера. Озера, которое больше не желает спать.

Аксины прибавила шагу, до кромки леса оставалось еще немного. Если бы она только могла, обернулась бы птицей и долетела туда за одно мгновение. Грозной хищной птицей с выпавшими перьями и битым клювом. Но казаться другим и быть на самом деле — разные вещи. Слишком разные даже для этого странного мира.

— Матушка... — заканючил Степа, тяжело дыша. — Я устал... Матушка...

Не оборачиваясь, Аксины дернула его посильнее, тот всхлипнул и засеменял сбитыми ножками, покорный, как новорожденный телок. С такими же большими, глупыми глазами. Мальчик, не ведающий даже, кем суждено ему было родиться.

Как не думать об этом, когда впереди темнеет голодный лес, оставшийся без Хозяина? Аксины встряхнула головой, выбившиеся из косы пряди облепили спину, но собрать их не было времени. Да и нужды.

— Матушка... — повторил Степа на судорожном выдохе.

Аксинья бросила на него взгляд через плечо. Рыжий, обсыпанный пятнышками и веснушками. Курносый. Расплывшийся детским жирком. Возьмет ли болото его взамен молодого волка? Обменяет ли Демьяна — настоящего сына Батюшки — на это ничтожное существо? Если бы Аксинья была болотом, то на обмен этот ответила бы одним гнилостным шлепком. Но болотом она не была. Да никем не была. Чего кривить душой, когда души этой и осталось-то на одну горсть, которой сегодня придется расплатиться?

— Молчи, гаденьш, — прошипела она, отворачиваясь. — Не мать я тебе. Молчи.

И пока Аксинья шла, путаясь в грязном подоле, пока тащила за собой упирающегося, наконец почувшего неладное Степушку, в памяти ее, словно зарницы в ночном небе, вспыхивали и потухали долгие годы жизни, проведенные здесь. На первой поляне, ставшей домом их странной семье.

Ей было двадцать, когда мир, большой и шумный, выплюнул ее, прожевав. Слишком высокая, слишком надменная, слишком знающая цену себе и каждому, проходящему мимо. Жаль, что никто не предлагал ей и половины того, на что рассчитывало молодое тело.

Когда Батюшка пришел за ней, на дворе стояла осень. Ранняя, чистая до хрустальности, звонкая, медовая на цвет и вкус.

— Здравствуй, — сказал он, присаживаясь рядом.

Сердце вздрогнуло, кровь прилила к лицу, но Аксинья слишком долго ждала этого, чтобы испортить все глупым бабьим румянцем. Она сжала в пальцах тряпичные ручки сумки — потертой, с лопнувшим бочком, — посидела так немного, но кивнула, здравствуй, мол, здравствуй.

— Как тебя зовут? — Голос был мягким, обволакивающим, тот же мед, что разливался сентябрем.

— Ксения. — Собственное имя показалось ей глупым.

— Ксюша, значит... — Помолчал, подумал. — Хорошо.

Она скосила взгляд, но смогла разглядеть лишь тяжелые, большие ладони человека, умеющего выстроить и дом, и жизнь в нем, и мир вокруг. Руки спокойно лежали на коленях, но Ксении тут же представилось, как опускаются они на ее плечи, не грузом — опорой. Обещанием той цены, которой она заслуживает.

— А родишь мне сына, Ксюша?

— Рожу, — не задумываясь ответила она.

— Хорошо. Тогда пойдем.

И все. Вот так просто все и случилось. Она тут же отбросила старую сумку, а с нею и старую жизнь. И город этот, пыльный, душный летом, невыносимо серый зимой, и работу свою за прилавком с бакалеей, и даже мужчину, который ждал ее в доме с кирпичными стенами в три этажа. У них была целая комната, одна на двоих, и тихая старушка-соседка. Словом, жизнь подходящая всем, кроме нее, знающей собственную цену.

Ничего из этого больше не имело значения. Медовый голос, тяжелые руки, запах леса — плотный, незнакомый еще, — одурманили в одно мгновение. Казалось, вот только упала на пыльную мостовую сумка, и сразу же вокруг зашумели деревья, заголосили птицы, затрещали ветки под ногами.

— Пойдем, милая, пойдем, — повторял и повторял тот, кто вел ее в самую чащу.

И чем дальше шла она, тем понятнее все становилось. Вот ее место. Вот цена, которую она стоила все это время, потерянное среди людей, домов и машин. И кто-то большой и сильный, да что там, могучий, заплатил все до последней монетки, просто присев рядом. Выбрав ее.

От этого на душе становилось тепло и спокойно. И когда он привел ее на поляну, внезапно открывшуюся среди самого сердца чащи, она не испугалась. И когда раздел, шепча что-то неразборчиво, и поставил на колени, она не дрогнула. И когда одним движением старого серпа раскрыл ладонь себе, а вторым — грязным лезвием прямо по нежной девичьей коже — ей, она не вскрикнула. И когда их липкие, влажные от крови пальцы сплелись, а лес зашумел, шепча листвою ее новое имя, она не противилась.

И лишь когда он повалил ее на землю, накрывая своим тяжелым потным телом ее белое ласковое тельце, она позволила себе заплакать. Не от боли, не от страха или отчаяния. Нет, то были слезы счастья. То были слезы мольбы, чтобы лес принял ее кровь, пот и слезы и подарил ей сына, который так нужен этому могучему мужчине с большими ладонями.

В тот день лес не подвел ее. Не успела Акси́нья привыкнуть к дому, пахнушему деревом и солнцем, как внутри нее начала расти новая жизнь. Тот, чье имя она не спросила, а сам он его не назвал, улыбался в косматую бороду, кивал чуть заметно, мол, правильно все идет. Как должно.

И они жили себе. Он приносил из леса зайцев и куропаток. Иногда молодых оленей — взваливал их теплые тела на плечи и тащил через лес к дому. Акси́нья сразу поняла, что лес этот не так прост, как казалось ей раньше. Она помнила, что за границей города, сожравшего первые двадцать лет ее жизни, начинался перелесочек, а дальше — и дремучие чащи. О них почти не говорили. Ну лес и лес, пусть растет себе, пока не придет время вырубить, чтобы город вырос еще на один безликий квартал.

Достаточно ли большой он был, чтобы спрятать в своих зарослях их новую жизнь, Акси́нья не знала. Но страха не было.

— Не бойся ничего, — сказал он ей, поднимаясь по скрипучему крыльцу. — Нет в этих краях силы, что была бы меня сильнее.

И она поверила. Таскала воду из стылого колодца, месила тесто, потрошила жестких уток и просто жила, ожидая день, когда сын появится на свет. Прошла осень, настала зима — вьюжная, страшная, темная. Короткие дни сменялись бесконечными ночами. Тот, кто стал ей мужем, уходил все чаще, возвращался все реже. Отекали ноги, болело непривыкшее тело, наливалась тяжестью живот, а в нем недовольно ворочался кто-то чужой.

— Сынок... — уговаривала его Акси́нья и гладила через натянутую кожу. — Сыночек мой...

Не помогало. Живущий в ней был слишком похож на своего отца. Обещание, которое Акси́нья так легко дала, сидя на лавочке в самом начале осени, к концу зимы стало неподъемным.

Скрывать это у Акси́ньи получилось до первой оттепели. Но когда одним мартовским утром она не смогла встать с кровати, проплакав всю ночь от боли и беспомощности, муж молча собрался и ушел. День Акси́нья провела в забытьи. Сын ворочался, стучал изнутри, требовал внимания, заботы и ласки. А она уже ненавидела его, предчувствуя, что все ее мучения будут напрасны. То забываясь сном, то просыпаясь в холодном поту, Акси́нья потеряла счет времени. В себя ее привел незнакомый голос в сенях. Акси́нья подалась к краю кровати, не веря собственному счастью. Другая женщина показала ей лучиком надежды в чаще крошечного ужаса, в который превратилась жизнь. Если будет с кем делить темные вечера, если будет та, что поможет, когда придет время, поддержит, вытрет лоб, заглушит крик, вытащит наконец из Акси́ньи этого паршивца... Может, тогда все закончится благим исходом.

— Батюшка, батюшка, — громко зашептали в сенях. — Я уж тебя приголублю, милый мой, я уж тебя отогрею...

— Твое дело дом, — сурово ответил тот, кого Акси́нья считала только своим. — Матушкой я другую выбрал. Рожать ей скоро. Поможешь.

— Помогу.

— А там посмотрим, может, и не сладит она. Ты покрепче будешь.

— Посмотрим.

— Нездешняя она, не нашенская, вот и расскажи ей все. Научи.

— Научу.

— Сестрой она тебе будет названной. Обе вы — мои жены. А друг другу сестрами придетесь.

— Придемся.

В ту ночь Акси́нья поняла, что ничего не закончено. И пусть названный Батюшкой однажды выбрал ее из целого города, в любой день он может привести в дом другую, новую — ту, что подойдет лучше. Ту, что сможет выполнить обещание и родить ему сына.

Когда в спальню зашла дородная баба с двумя косами, сколотыми на лбу, больше всего Акси́нье захотелось вцепиться ей в лицо, выдрать эти по-рыбьи круглые глаза и раздавить их в кулаке. Но она сдержалась. И когда Батюшка шагнул следом — большой, могучий, степенный, — единственным, чего желала Акси́нья, было вырвать его сердце и скормить волкам, воющим в ночи за границей поляны. Но она сдержалась. Потому что всегда точно знала свою цену. А теперь узнала и предназначение — стать Матушкой, а кому, зачем и как, пусть объяснит ей новая названная сестра. Себе на беду.

Так и вышло. И Матушкой она стала. И сестрой названной. И беды им выпало столько, что не унести. И сын, чужаком ворочающийся в ее нутре той ночью, чужаком и родился. А теперь умирает чужаком. Но этого Акси́нья не могла допустить, точно зная цену спасения. Цену,

которую их род выплатит сполна. Жизнь каждого и ее собственной прогнившей душой, если придется.

— Матушка... — заканючил приговоренный к страшной смерти мальчик.

Тоже сын. Пусть и не ее.

— Матушка, — занял он. — Я устал... Матушка.

В этот миг Аксинья переступила границу леса и позволила себе шумно выдохнуть, разгоня жар, которым из послед них сил окутывала дом, чтобы задержать погоню.

— Скоро отдохнешь, — ответила она, не оборачиваясь.

Где-то в чаще раскатисто засмеялся филин.

ОЛЕГ

Лежка помнил все. Достаточно было пожелать, вспорхнуть над моментом сегодняшним, и прожитое становилось маленьким и плоским. Лети себе, выбирай день, на который хочешь приземлиться, чтобы вспомнить его. Иногда Лежка представлял себя большой и сильной птицей. Седым кречетом с крыльями, как два широких лоскута ткани. И тогда вспоминать становилось еще легче.

Он помнил себя младенцем, сморщенным и розовым, лежащим в деревянной люльке. Помнил мать, склоняющуюся к нему, молодую еще, без россыпи старческих пятен и морщин на добром лице. Помнил Батюшку — тот подхватывал его на руки, прятал улыбку, хмурил брови. А еще помнил тетку Аксинью. Та подошла ночью, третьей его ночью в этом мире, царапнула ногтем, провела подушечкой пальца по лбу, принялась к сладкому младенческому запаху молока и материнской плоти и отошла, успокоенная.

Только потом, стоя нагим на лобной поляне, он понял, почему Матушка подходила тогда, почему испытующе смотрела на него: она пыталась найти отпечаток леса, услышать его отголоски в бессвязном копошении, разглядеть янтарь и зелень во взгляде. Но Лежка не был тем самым сыном. Он узнал это на холодном рассвете, когда из чащи к нему так и не вышли ни старый лось, ни серая волчица, ни шатун-медведь, даже буря не разыгралась, даже соки в старой сосне не заструились от неба к земле. Словом, ни единого знака леса, которым бы тот признал Олега своим. И Демьян остался главным сыном.

Зато Лежка помнил всю свою жизнь от момента зачатия на этой самой поляне до каждой секунды, в которой пребывал в любой момент своих дней. Прошлое было для него открытой, изученной, но все равно любимой книгой. Настоящее же таило в себе тревоги, ожидания, а с ними и разочарования. Будущее и вовсе напоминало Олегу туман над гнилым болотом: не видно ни зги, только плещется что-то во мгле, живое и опасное. А понять, зверь ли там дикий или мавка мертвая, получится, лишь подойдя ближе, сделав будущее настоящим, а после — и прошлым. Узнав его и запомнив.

Так Олег жил в мире с миром, лесом и людьми. Он привык верить словам старших, привык слушаться, привык исполнять, привык быть тем, кем родился, — вторым мужчиной лесного рода. Ему не суждено было стать Хозяином, но это Олега не печалило. Он прожил ту безответную ночь на поляне, запомнил ее и смирился. Это Демьяна ломали, кромсали, дичили, готовили стать Батюшкой. Лежка же оставался в ладу с собой.

Даже одиноким он себя никогда не чувствовал, Стешка всегда была рядом, такая же покорная и молчаливая, сестра его кровная, погодка, тихая, ласковая, как слабый ветерок в поле. Олег помнил день, когда Глаша понесла его. Он продолжал быть розовощеким младенчиком, а мать круглилась, тяжелела, лишая его сладкого молока. Батюшка совсем перестал показываться в доме, все бродил по лесу, возвращался, садился на пороге, потрошил дичь. Аксинья смотрела на него через окно, и Лежка помнил, как хищно сжимали подоконник ее худые пальцы.

Когда он рассказал об этом Глаше — намного позже, юношей, пытающимся разобраться в разладе семьи, который почти уже привел их к гибели, — тетка только махнула рукой:

— Не можешь ты этого помнить! Года не было тебе. Чего мелешь-то?

Но он помнил. Все помнил. И пусть родную мать ему приходилось звать теткой, он точно знал, чье чрево вытолкнуло его наружу в мир, полный законов и тайн, ему неподвластных, где Аксинья была им Матушкой, грозной и могущественной, как сам лес.

И теперь Олег торопливо шагал по родной поляне к лесу, понимая, что восстает против всех правил, на которых держится эта земля. И запоминал каждый свой шаг.

ОЛЕСЯ

Когда жар схлынул так же внезапно, как и возник, Глаша первой кинулась к двери. По ее грозному виду было понятно: она собирается не просто догнать спятившую ведьму, но и хорошенько ее поколотить. Леся и сама была бы не прочь как следует пнуть Аксинью, но рана на бедре опять болела — куда там пинаться? Поспеть бы за бегущими к лесу. Смотреть на воспаленные края, заполненные черным гноем, Лесе не хотелось. Она просто затянула потуже концы повязки и ринулась на крыльцо.

В последний момент ей показалось, что плотно запертая дверь, ведущая в соседнюю комнату, приоткрылась и в коридор через щелочку уставились огромные растерянные глаза. Но думать об этом не нашлось времени.

Бежали они втроем, спеша пересечь поляну, и ночь сгущалась над ними, сменяя стремительный закат. Седые космы Глаши растрепались, подол ее платья цеплялся за траву. Старуха то шла, то бежала, то застывала, чтобы отдышаться, и вновь пускалась бегом. Олег не отставал, но и не пытался вырваться вперед, его окаменевшее лицо скрывало бушующую тревогу. Леся догнала его, хотела дотронуться до плеча, но не решилась: поняла, какая битва разгорается внутри. Олегу, молодому и сильному, этот путь давался куда тяжелее старой Глаши. Что-то мешало ему обогнать тетку, устремиться в лес и первым вцепиться в сумасшедшую Матушку, оттащить ее от брата. Он медлил, он сомневался, он тревожился, а может, и боялся. Но почему? Разве не праведен их гнев? Спятившая ведьма утащила в чашу маленького мальчика — чем не сюжет для сказки, в которой обязательно должно победить добро? Они и есть это добро! Так вперед же! Чтобы скорее оказаться в моменте, когда все жили долго и счастливо. Но Лежка терзался виной, Леся чувствовала это. Он не знал, можно ли нарушить правила дурацкого леса, помешав Матушке закончить начатое.

— Спятившие идиоты, — прошипела сквозь зубы Олеся, утирая пот.

Сама она нисколько ни о чем таком не переживала. Пусть даже Стешка осталась в доме смывать черную жижу с лица брата, распластавшегося на столе, — втроем им под силу скрутить одну полоумную бабу. Если что и беспокоило Лесю, так это тропа, которую она пообещала отыскать среди осин, сосен и болотных кочек. Хорошо, если будет она плотно вытопанной, широкой и короткой, чтобы к первым лучам солнца оказаться на трассе. А дальше все решится само. Остановить машину, откреститься от странных попутчиков, найти первый же травмпункт и рассказать о своей беде.

— Я очнулась в лесу, — скажет она жалобно, а слезы сами потекут по щекам. — Я ничего не помню, помогите мне!

Ей, разумеется, помогут. Определят в больничку, прочистят раны, начнут искать родню. А дальше... Дальше она не заглядывала. На память, бросающую ей жалкие ошметки прошлого, как скупой хозяин — пустые кости ненавистному псу, сложно было положиться, но и эти крохи складывались в странную картину. Надеяться, что ее отыщет ликующее семейство, не приходилось. Но любая проблемная семья лучше этой, свихнувшийся в своей лесной глухомани. Поэтому отыскать тропу виделось Лесе главной задачей. Достаточно, на ее взгляд, легкой.

Взгляд этот поменялся в ту же секунду, когда она последней из бегущих шагнула на хвойный ковер. Лес зашумел, приветствуя ее. Он был повсюду. Высокий, непроходимо густой, пахучий, влажный, живой. Скрывающий в себе все что угодно, только не тропу, которая на рассвете привела бы их к дороге.

СЛАВА ЕЙ И СМЕРТЬ

АКСИНЬЯ

Лобная поляна тускло светилась серебром. Это луна рассеянно роняла на нее мерцающие лучи, не понимая, как же так скоро прошел день, как же так быстро наступила ночь. Когда творилась

большую ворожбу, время ускользает сквозь пальцы, сам не замечаешь, что стареет мир, что иссыхаешь сам. Отогнали бурю — вот и половина дня истлела. Пролили кровь за чужую жизнь — вот и вторая ушла в никуда.

А теперь Аксинья стояла на коленях, чувствуя под собой колкую хвою и палую листву, а ночь вступала в свои права, окутывая ее темнотой. Было время, когда тьма леса приносила покой и чувство невероятной силы. Тогда Аксинья была молода. Кожа ее была гладкой, тело — горячим и податливым, но разум уже заострился, а душа очерствела. Это было время ее ведьмачества, время заговоров и обрядов, время, когда лес принимал ее Матушкой, любил и благоволил ей. Сколько ночей она провела тут, нагая, с пальцами, перепачканными землей и кровью? Лучших ночей всей ее жизни. Ни вспомнить, ни подсчитать. Но одну из них Аксинья желала бы, да не могла забыть.

Мерзкая девица понесла. Это стало понятно на рассвете, когда Батюшка растворился в утренней дымке леса, а Полина вернулась в дом, пряча под растрепанными космами горящие щеки. Аксинья ждала ее на крыльце. Стояла там как вкопанная, не видя ничего, не слыша. Просто ждала, чтобы посмотреть в наглые глазища молодой жены да плюнуть ей в лицо едким словом. «Ты пустая! — придумывала она обвинения. — Ты не родишь ему, так уходи! Сколько лет ты здесь? Пять? Семь? Десять? И не понесла еще. Ты даже не выкинула ни одного, ты просто не можешь. Лес не дает тебе права здесь оставаться. Уходи, проклятая тварь, уходи! Я сама рожу, я могу еще! Я! Могу!»

Она твердила это, цепляясь сведенными пальцами за резную балку крыльца. А сама представляла, как схватит голые плечи названной сестры, как оставит синие пятна на ее фарфоровой коже.

За спиной крепко спал дом. Утробно похрапывала Глаша, прижимая к себе голые пятки Стешки, — девка выросла, а все прибегает к ней по ночам греться да плакаться. А в девичьей спальне осталась полоумная Фекла: лежит, наверное, слюни пускает, косами подтирается. Правильнее было отдать ее лесу, оставить там, позволить начатому завершиться, но Батюшка поступил иначе, отобрал любимую дочку у спящего, и теперь жить им всем да вздрагивать. Кто скажет, какая беда придет в ответ на такое оскорбление?

Аксинья фыркнула, чуя, как приближается к поляне молодая жена — неторопливая, сонная, утомленная. Небось, лежать под стариком не так сладко, как племянничка названного седлать? Небось, у волчонка губы слаще да силы больше. Небось, глаза свои бесстыжие закрывает, пока Хозяин над ней старается, и представляет зверя молодого.

Мысли эти наполнили Аксинью нестерпимым жаром, еще чуть, и запылала бы трава под ногами. Но не вправе Матушка гневаться так сильно, мстить — да, ненавидеть — пожалуйста, но будь добра оставаться достойной имени своего. Коли имя — последнее, что тебе осталось. Сына в доме не было. Он бродил где-то в лесу по своим тропам, не встречаясь с Батюшкой. Все надеялся отыскать впотьмах Феклу, ту, что осталась в чаще, привезти ее, привязать к телу, словом, сотворить ворожбу, никому не подвластную. Глупый мальчишка всегда считал себя лучше других.

Оставался еще один. Он беззвучно спал сейчас в горнице — тонкий, почти прозрачный, неспособный ни ворожить, ни заговаривать. Только хлеб печь, да и тот рыхлый. Сколько бы ни рожала Глаша, а все мимо. Бедная баба, глупая баба. Дал бы лес еще один шанс ей, Аксинье, все бы вышло по-иному. И выйдет. Вспомни только Батюшка, что есть у него самая первая, самая главная жена. Да перестань тратить ночи на пустую утробу смазливой девицы.

Когда Полина добралась до крыльца, Аксинья почти успокоилась. Гнев — не ее стезя, гнев — удел слабых. Тех, кто и родить не может, только скакать на чужих мужьях. Да на сыновьях чужих.

— Не спится, Матушка? — спросила Поляша, подойдя совсем близко.

В рассветном солнце она будто светилась изнутри ласковым женским светом. Аксинья почувствовала, как ноги вмиг стали мягкими.

— А тебе, гляжу, и дома не сидится? — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. «Ерунда, ерунда, быть не может!» — металось в голове.

— Батюшка меня позвал, сказал, роса больно сладкая в лесу, жаль ее упускать... — И потупилась, как девчонка, щеки порозовели, руки сжали подол, который Полина подняла, чтобы не намочить о траву.

Белая ткань собралась на животе, округляя его, и Акси́нья завывла бы подбитой горлицей, если бы горло не перехватил страх. Она спустилась с последней ступеньки и оказалась с сестрицей лицом к лицу.

— И как?.. — вырвался из пересохших губ свистящий шепот. — Не обманул он тебя? Сладка роса?

Полина вздрогнула, но не отошла, только в испуге прижала к себе подол еще плотнее.

— Чего молчишь, когда Матушка тебя спрашивает? — Акси́нья была готова вцепиться мерзавке в шею, но руки стали тяжелыми, не поднять.

Почувствовав ее беспомощность, Полина осторожно выпрямилась, посмотрела на сестрицу и склонила голову, будто оценивая. Солнечные лучи блестели в медных волосах. Она была красива так, как бывает красива природа в начале весны, когда в ней начинается новая могучая жизнь.

— Чего уставилась? — прохрипела Акси́нья.

— У меня будет сын, — ответила Полина, не спрашивая, а утверждая. — У меня будет сын! — Ее глаза округлились, щеки вспыхнули.

— Что ты несешь?.. — начала Акси́нья, но воздуха не хватило.

— Я не знала... Я подумать не могла... — Полина прижала ладони к животу, ткань подола делала его круглым, будто дитя уже готовилось появиться на свет. — Но ты... Ты это почуяла, потому и вышла меня встречать! У меня будет сын!

— Молчи...

Но Полину было не остановить: она засмеялась, откинув голову, распахнула объятия, словно желая охватить ими весь лес, ткань упала к ее ногам, но круглый живот, которого еще не могло быть, незримо остался с ней. Она смеялась, кружась, как сумасшедшая, а Акси́нья смотрела на нее, и надежда медленно умирала в ней. А с надеждой — и остатки того, что принято называть душой.

— Замолчи, я тебе говорю! — не выдержала она наконец, схватила девку за руку, заставила остановиться, но та легко вырвалась и вдруг отвесила сестре звонкую пощечину.

— Не смей меня трогать, гадюка! — выплюнула она, продолжая счастливо улыбаться. — Нет у тебя надо мной больше власти. Я рожу ему сына! Того самого сына, поняла?

Улыбка ее обернулась хищным оскалом, она клацнула зубами, развернулась и вспорхнула по лестнице, скрылась в доме. Лес шумел на утреннем ветерке. Акси́нья осела на вытопанную траву и завывала, кусая кулаки, чтобы мерзкая тварь, понесшая сыном, не услышала ни единого ее всхлипа.

А когда выплакала всю боль, то пошла в лес и долго бродила там, не разбирая дороги. Будь судьба к ней добрее, может, вышла бы и на заветную третью поляну, будь справедливее — привела бы ее на край обрыва да спихнула в спящие воды. Но вышло иначе.

До сумерек топтала Акси́нья знакомые заросли, молчала, слушала, примечала да запоминала. А как пришла ночь, вышла на лобное место, как к алтарю, скинула платье, укусила себя за руку — сильно, до соленой крови на губах, — и отдалась земле.

Что было дальше, она не запомнила: память умеет стирать самые страшные, самые черные ночи, чтобы тот, кто пережил их, не лишился разума. Так и Акси́нья забыла, как металась в траве, как шептала лесу, как звала болото, как проклинала завязь, которая еще только готовилась стать жизнью в молодом чреве. Кто вложил в ее уста заклинания? Кто подсказал, что говорить, кому кланяться? Лес ли пожелал этого, как она надеялась, или проклятая мертвая вода свела ее с ума и верной дорожки?

Ни понять, ни разобраться. Но плод был проклят. Плод и появиться не должен был. Но мерзкая девка все равно выносила — страдала, мучилась, но держала его в себе. Чтобы сдохнуть в крови и слизи, выталкивая на свет сына. Сына, да не того. Зачем пустой выблядок лесу? Он, как мешок, который спихнули с повозки, остался лежать на обочине своего пути. И каждый раз, когда Акси́нья глядела на него, широколицего, конопатого, в ней вспыхивали воспоминания той страшной ночи. Никто не догадался, что она виновна. Что бы Глаша ни шипела ей в страхе, никто не догадался. Лишь она знала, какую тьму призвала своим проклятием. Знала и жила с этим.

А теперь Акси́нья стояла на коленях в хвое и листве, а рядом пыхтел подросший мальчик, безмолвно разевая рот, как большая рыжая лягушка. Это она лишила его речи, когда совсем обессилела от нитя и причитаний. Одно движение хитросплетенных пальцев, одно

прикосновение символом тишины к влажному лбу, и мальчишка подавился собственным плачем.

Легко творить ворожбу над слабым да утерявшим свой путь. Главное — не вспоминать, чего вместе с ним лишились и все они: Демьяна, который почти успел стать волком и сбежал от стаи, учуяв кровь ненаглядной своей Поляши за дни пути по бескрайнему лесу. В ту ночь род лишился и наследника, и зверя. В ту ночь Батюшка лишился третьей жены. Зато на свет появился рыжий мальчишка, и, если его не принял лес, так пусть возьмет болото.

— Гниль, да смерть, да пустая чаша топью полнится до краев. Было наше, пусть станет ваше, омертвевшее оживет. Я даю тебе власть напитаться жизнью свежее молодой, забирай его, гниль-водица, было наше — теперь твое.

Заклинание легко родилось в Аксинье. Она прошептала его, склонилась к влажной земле, прикоснулась губами, согревая ее своим дыханием. Повторять приглашение не пришлось. В чаще завыл ветер, забулькала жижа, застонало нутро леса, отчаянно сопротивляющееся тому, что выходило на свет лунный.

Степушка дернулся, пытаясь встать на ноги, но Аксинья оказалась проворнее — она уже поднялась с колен, подхватила мальчишку за ворот и прижала к себе. Птичье сердце задрожало в его маленьком теле, липкий от пота, скользкий, но живой, он доверчиво прижался к тетке. Может, Аксинья и не смогла лишить его жизни еще до рождения, но разума он лишился точно. Иначе бы не верил каждому, кто приводит его в темный лес.

Порыв ветра принес с собой запах гнили и разложения. Аксинья вдохнула его, прислушиваясь. Что-то шло через бурелом, не разбирая дороги. И было оно совсем близко, пряталось между деревьями на самой границе лобной поляны. Когда тусклый свет луны пробился сквозь листву, Аксинья разглядела тонкие руки — бледные, скользкие от темной жижи, что их облепляла. Тварь, вызванная заклинанием из самой топи, тянулась ими к мальчишке, а луна освещала пятна гнили, терзающей ее тело.

— Завовка! — прохрипела Аксинья, чувствуя, как каменеет в ней ужас. — Это я тебя кличу, Матушка леса.

Старые сосны заскрипели в ответ. Возмущенный, испуганный лес не желал укрывать собой зло, происходящее под его сенью. Но некуда было отступать. Аксинья встряхнула одурманенного, обмякшего Степку и толчком в спину отправила навстречу мертвой твари.

Мальчик покачнулся, сделал шаг, другой, его била крупная дрожь. Даже через немоту, страх и дурман он чуял волны смрада, расходившиеся от зазовки. Та горланно вскрикнула, подалась вперед, потянулась к мальчику гнилой рукой, но пальцы царапнули пустоту. Не под силу ей было ступить на поляну: пусть лес и ослаб, но последнюю защиту держал исправно. Болотной твари оставалось лишь шумно принахиваться к мальчику да скалить мелкие зубы.

— Пусть болото возьмет его вместо другого. — Аксинья скользнула к Степе и осторожно взяла за плечо — мягкое, по-детски круглое. — Он — родник новой жизни, чуешь, как бьется? В полную силу! Я отдаю его вам.

— Он твой? — прошипела тварь, черные глаза подозрительно блеснули.

— Я — Матушка, тут все мое.

Завовка ослабилась, наклонила голову, грязные космы разметались по плечам.

— Недолго править тебе, гнилая душа.

Аксинья забыла, как дышать. Каждый знал: болотная тварь ведает многое, да не делится ничем. А колья говорят, так тому и быть.

— Сама ты... гнилая... — пролепетала Аксинья.

— Я не гнилая, я мертвая, — откликнулась зазовка, оголяя черные зубы. — Это время мое вышло, и твое выйдет. А сердце скормят мертвой рыбе. Так сказала черная лебедица, а она все знает...

— Что ты несешь? — Где-то в отдалении затрещали ветки, кто-то бежал по лесу, не разбирая дороги, кто-то живой, пылающий праведным гневом, — родня была близко, и Аксинья оборвала сама себя. — Я не разговоры вести тебя позвала, забирай мальчишку и уходи! Степушка застонал, слабо дернулся, но воля тетки сломила бы и взрослого. Достаточно было немножко подтолкнуть его, чтобы мальчик оказался рядом с болотной тварью и застыл, окаменев от ужаса. Завовка наклонилась к нему, высунула длинный черный язык и лизнула Степу по пухлой щеке.

— Сладкий... — Язык скользнул по мертвым губам, Акси́нья могла руку отдать на отсечение, что двоился он, как у болотной гадюки. — Мы заберем его, — решила зазовка. — Но и тот, другой... Он тоже будет нашим. Все будет наш-ш-ш-ш-е-е-е-е...

Заросли бузины затрещали совсем рядом, и на поляну выскочила Глаша. Время будто замерло. Акси́нья видела, как медленно и тяжело поднимается сухая грудь названной сестрицы, как округляется рот, как сам собой вырывается крик. Самый отчаянный, самый страшный вопль матери, потерявшей свое дитя.

— Степа! — Ее голос всколыхнул весь лес.

Но мальчишка уже стоял перед болотной жижей. Гибкое тело зазовки подталкивало его к последнему шагу.

— Уйди! — выдохнула Глаша, бросаясь к ней.

Тварь обернулась — гнилой оскал растянул грязное, острое лицо болотной гадины. Клацнули мелкие зубки, тонкая рука легко толкнула мальчика в спину, и тот повалился вперед. Жижа булькнула, принимая его. Зазовка пронзительно захохотала и бросилась вслед за добычей на самое дно болота.

ОЛЕСЯ

Жижа булькнула, принимая в себя коренастое детское тело. Леся зажмурилась. Кому-то срочно нужно было бежать, тянуться к утопающему в болоте мальчику и тащить его обратно. Кому-нибудь, только не ей. Лежке, например, который застыл на два шага впереди, тяжело дыша и вздрагивая своим тонким, но сильным телом. Хвоя хрустела под его ногами, холодные капли начинающегося дождя оседали на волосах. Леся не видела этого, но чужая запах и хвои, и его дыхания, и мокрого меха накинута́й куртки, и даже страха.

Но Олег стоял, не шевелясь. Только старая Глаша ринулась к сумасшедшей сестре, и обе они застыли у кромки поляны за миг до того, как кто-то чужой, скрытый в тени, толкнул мальчика в топь. Эта фигура, вся состоящая из мрака и тлена, сковала Лесю страхом. От нее пахло холодом и стоячей водой, страхом и смертью. Паршивый запах, который не сулил ничего хорошего. Потому Олеся и зажмурилась, отдавая миру право самому решить, что будет дальше. А когда шепот леса вдруг сменился отчаянным криком и Леся открыла глаза, все изменилось. Одна секунда, а тела упавшего мальчика уже не разглядеть в болотной жиже. Одно мгновение, и темная фигура исчезла вслед за ним, оставив после себя лишь гнилостный смрад. Один миг, и Глаша вцепилась в растрепанные космы сестры, повалила ее на землю и принялась душить, шипя что-то бессвязное, яростное, полное ненависти.

— Тварь подколодная! — вопила она. — Гадюка дохлая! Сука смердящая!

— Отпусти, — хрипела Акси́нья, пытаясь оторвать ее от себя, но тщетно.

В сухом старушечьем теле проснулась пугающая сила. Глаша прижимала сестру к земле, навалившись всем весом, ее пальцы впивались в шею Акси́ньи так сильно, что побелели костяшки. Стоило на миг ослабить их хватку, как Глаша яростно завопила и принялась царапать лицо соперницы, не замечая, что та изо всех сил пытается ударить ее в живот вывернутой ногой.

— Разними их! — крикнула Леся, оборачиваясь к Лежке, но тот даже не смотрел на дерущихся теток.

Его глаза стали такими же прозрачными, как у Акси́ньи. Черты заострились, он еще сильнее вытянулся, стал тонким и невесомым, еще немного, и слабый лунный свет начал бы проходить через него, не преломляясь.

— Олег! — Губы пересохли, Леся так испугалась, что даже облизать их не могла.

Лежка вздрогнул, встряхнул головой, прогоняя морок. Постояв так немного — только ветер шумел в кронах да хрипела придушенная Акси́нья, — Олег ринулся к теткам, подхватил Глашу за локти и потащил. Вместе они повалились на землю.

— Уйди! — зашипела на него бабка. По впалым ее щекам расплзлись багровые пятна.

«Как бы сердце не прихватило», — равнодушно подумала Леся, отходя подальше, чтобы не попасть под раздачу.

Дерущиеся бабки ее не тронули, а вот топь и мальчик, в ней пропавший, беспокоили все сильнее. Если подумать головой, не подпуская к разуму страх и сомнения, то Степушка скорее убежал по этой самой топи в лес, чем ушел в нее с головой, пока Леся стояла, зажмурившись.

— Степа! — позвала она, обхватив ближайшую осину рукой.

Лес зашумел, вторя ее голосу. Леся почувствовала, как нежно пульсирует под корой текущий сок, как дерево живет, повинуюсь законам леса, незнакомым, но непреложным. Лес жил, осина жила, сама Олеся продолжала жить, а вот Степушка, скрывшийся из виду, не отзывался.

«Если потеряешься в лесу, что нужно кричать?» — спрашивали ее в детстве.

«Ау», — послушно отвечала она.

«Вот и кричи», — прошептал в ее голове чей-то чужой, вкрадчивый голос.

И она закричала.

— Ау! — Крик запетлял среди деревьев. — Ау! — Темнота леса обступала, Леся сделала шаг, влекомая чьим-то шепотом.

«Кричи... — повторял он. — Иди! — И еще. — Я жду!»

— Ау! — Олеся хваталась за следующее дерево и отпускала то, что оставалось за ее спиной. — Ау! Ау!

Она бы ушла далеко. Так далеко, как позволил бы лес, встречая каждую новую осинку, каждую новую сосну, каждый клен и березку, стоящие на ее пути, звонким отчаянным приветствием.

— Ау! Ау!

Неважно, сколько времени прошло. Если ты потерялся в лесу, то кричи. Кричи, что есть сил, глотай влажный дух леса, ступай на опавшую хвою, на гнилую листву и зови того, кто спасет тебя, кто отыщет и выведет. Забудь, что выхода нет, как нет тропы, ведущей из самой чащи леса, если он принял тебя своим. Кричи, откуда силы в тебе не иссякнут. Кричи и дальше, оборачиваясь этим криком, вторя сам себе, как эхо, пока не исчезнешь. Пока не забудешь, куда шел и зачем бежал. Пока не поймешь, что нашел искомое.

Пока сам не станешь лесом. Новой осинкой, новой сосной, новым кленом, новой березкой. И кто-то другой обхватит тебя ладонью, истошно моля о помощи, не зная еще, что выхода нет. И не нужно его. Не нужно.

— Ау! Ау! Ау!

Голос осип, ноги промокли, но не существовало больше ни холода, ни страха перед тьмой, пахнувшей мокрыми ветками и сырой землей. Леся шла вперед, отсчитывая свои шаги прикосновениями к шершавой коре, ощущая под ладонью ток лесной жизни. И это было упоительно прекрасно. Окрик мелькал между деревьями, будто играл, поддразнивая: а ну-ка, догони! Под ногами скользила земля, медленно обращалась в болотную жижу, но Леся продолжала идти и кричать, чувствуя, как оживает от ее прикосновений лес, как просыпается он. Какое удовольствие скрывалось в простом движении через чащу! Какой немислимый полет был в ее шагах! Леся снова видела под собой лес, снова поднималась над ним, но вместе с тем продолжала идти, увязая в траве, скользя по кочкам, спотыкаясь о коряги. Но и это было правильно и хорошо. Хо-ро-шо.

А когда это закончилось, внезапно и хлестко, как звонкая оплеуха, жаром отпечатавшаяся на нежной щеке, Леся подавилась криком и долго кашляла, согнувшись к самой земле. Земля оказалась холодной и топкой, вокруг шумели высокие деревья, холод кусал за промокшие ступни, поднимался до колен, облеплял бедра мокрым подолом. Прячась от него, втягивался живот, озноб мурашками топорщил грудь, соски терлись о грубую ткань, и последним своим рывком холод стискивал сердце, перша в горле, сковывая губы, дыбом поднимая волосы на голове.

Когда кашель отступил, Леся выпрямилась. Зуб не попадал на зуб, глаза слезились так, что во тьме она могла разглядеть только размытые пятна. Но нюх, обострившийся вместо зрения, не подвел. Что-то большое и жаркое стояло рядом, что-то живое, опасное, косматое и яростное.

Зверь вышел на ее крик. Она звала, и лес откликнулся, посылая ей смерть.

Олеся вытянула вперед руку, та задрожала в воздухе.

— Не... не под... не подходи! — просипела Леся. — Пошел... Пошел прочь!

Зверь зарычал, глаза его блеснули во тьме опасным огнем, свет луны выхватил хищный оскал его морды. Пахнуло тяжелым духом крови и шерсти.

— Уходи, зверь, откуда пришел, уходи! — крикнула Леся, сцепляя пальцы в замок, сама не зная, что осеняет себя защитным знаком.

Зверь подался вперед, топь утробно заурчала под его лапами.

— Если я зверь, то куда ж мне идти? Я и так дома. — Рык обернулся человеческой речью.

Олеся вскрикнула и метнулась в сторону, прочь от тропы. Мгновение, и вот она уже по колено увязла в болоте. Затрепыхалась, закричала, попыталась вырвать ноги из скользких объятий, но только сильнее увязла. Жижя поднялась к поясу, жадно булькая, и не за что было ухватиться, чтобы удержаться на поверхности. Леся взмахнула руками, крик застрял в горле, еще секунда, и она бы оказалась по пояс в воде. А там и по грудь, и по шею, а после жижя хлынула бы ей в рот, забила нос, ослепила глаза. А на дне, куда Олеся утащила бы болотная сила, ее бы встретил Степушка.

Но Леся не думала о нем, она боролась — хрипела, скалилась, с каждым движением все глубже увязая. Ее руки бесцельно шарили в воздухе, не было надежды отыскать ни единую веточку, не было ни малейшего шанса спастись.

И когда Лесины пальцы нащупали в пустоте чью-то твердую ладонь, и когда кто-то схватил ее и потащил вверх, больно стискивая, она не позволила себе поверить в спасение. И даже оказавшись на твердой тропе, припав к ней всем телом, целуя землю, которая не желала поглотить ее, какая-то часть Леси продолжала тонуть, уходя на самое дно.

— Куда тебя понесло, дура? — рычал над ней зверь. — Там болото всюду!

— Я не знала, — пролепетала Леся, пытаясь отдышаться. — Я не знала, что там болото... я у поляны была... — Слезы пришли сами собой, спасение причиняло такую острую боль, которую и смерть не способна дать.

— Какой поляны? — Зверь высился над ней, яростно сопя.

— Лобной... — Слово само пришло на ум, Леся пробормотала его между двумя всхлипами.

— Твою мать! — Зверь встряхнул ее за плечо, грубо, зло. — Ты чего там делала? На поляне этой? Откуда знаешь про нее?

— Глаша... — Горло стискивали рыдания. — Глаша привела...

— Так ты что? — Зверь склонился над ней, повернул к себе, заставил поднять лицо. — В доме была?

Луна пробивалась через кроны деревьев, дробя весь мир на кусочки света в крошечной мгле. И морду зверя она разделила так же. Вот из тьмы выглянул серый в зелень глаз с темными ресницами и изогнутой косматой бровью над ним. Вот спутанная борода пошла от щеки вниз. Вот крыло широкого носа. Вот острый, выдающийся вперед белый клык заблестел над губой. Даже в лесной тьме нельзя перепутать морду зверя и человеческое лицо. Теперь Олеся видела, что перед ней склонился тот самый мужчина, которого они оставили в комнате лежать на столе, пускать черную жижю из приоткрытого рта. А теперь он смотрел на нее, присев на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Но даже так он продолжал оставаться зверем, сколько бы луна ни пыталась доказать Лесе обратное.

— Ты зверь... — проговорила она, не в силах совладать с удивлением.

— А ты — кунца глупая. — Зверь втянул влажный воздух леса широкими ноздрями. — Болото проснулось! Чего удумала к нему идти? Дура-девка! — Покачал косматой головой, капли дождя посыпались с волос, вторя воде, льющейся с неба.

Леся прислушалась к шепоту леса, но тот молчал. Никто больше не аукал ей из чащи. Никто не пропевал ее имя на тысячу голосов. Только зверь рычал, нависая над ней, да холод от сырой земли пробирал до костей грязное полуголое тело. Леся дотронулась до скользкой рубахи и сморщилась от отвращения.

— Я не к болоту шла... — не зная, зачем вообще оправдывается, сказала она. — Я искала тропу. К дороге.

— К какой дороге? — Зверь дернул плечом. — Ай, и дела нет! Говори лучше, где тетка Глаша?

— Там. — Она обернулась, уверенная, что за спиной откроется дорога обратно, но кругом равнодушно шумел ночной лес. — На поляне она была...

— С кем? — Зверь терял терпение.

— С Олегом. — Леся не хотела, но вспоминала. — И ведьма эта старая... Она мальчика утопила! — Выкрикнула и вдруг поняла весь ужас случившегося.

Мальчик, милый рыжий Степушка, конопатый и мягкий, умеющий вырезать из дерева листочки, упал в болото, и то поглотило его, накрыло с головой холодной жижей.

— Аксинья с ними? — то ли спросил, то ли прорычал зверь.

Лесе стало еще страшнее, она осторожно кивнула. Зверь оскалился, подобрался, готовясь к прыжку.

— И что она? — Вопрос зазвенел в воздухе.

— В болото толкнула, — чуть слышно выдохнула Леся. — Степушку.
Зверь отшатнулся, блеск его глаз померк, словно бы он зажмурился от острой боли, а когда зеленоватый их огонь вспыхнул снова, то в нем зримо налилась яростная жажда крови.
— Убью суку, — почти равнодушно, но от того невыносимо страшно сказал он. — Пойдем! — И схватил Лесю за локоть, одним рывком поднял на ноги.
— Я не хочу! — Она затрепыхалась, но куда там. — Не пойду я к ним! Они ненормальные! Опустит! Мне домой надо!
— Ненормальные, говоришь? — Встряхнул посильнее, привлек к себе, чтобы она почувствовала злость, кипящую во всем его существе. — А сама-то что? Или не слышишь, как болото зовет?
Листья дрожали на ветру, под ногами хлюпала грязь, где-то надрывно скрипело подломленное дерево. Ничего странного, простые звуки леса. Но Олеся понимала, о чем рычит ей зверь. Она и правда шла на зов, аукалась с кем-то, ждущим ее впереди. Но было ли это болото? Как теперь разобраться?
— Вот и молчи! — Тишину в ответ зверь принял за признание его правоты. — Думаешь, не узнал тебя? На весь лес воняешь страхом, так я тебя и учуял в первый раз. Я спас твою мышиную душонку, притащил в дом. Ты в долгу передо мной.
— Я уже отработала... — просипела Леся, отводя глаза от мерцающего злобой звериного взгляда.
— Полы помыла? Курам зерна бросила? — Зверь оскалился. — Ты пойдешь со мной. И на лобном месте признаешь старую ведьму виновной. Поняла? Вот тогда я смогу ее убить. Что было ответить ему, чующему кровь зверю? Леся кивнула, соглашаясь, и цепкие, злые пальцы ослабили хватку.
— Отпусти... — жалобно попросила она, но зверь ее не слушал.
Он повернулся лицом к чаще, наклонился к земле, потащил за собой Лесю. Так они и замерли, скорченные нелепым поклоном. Потянулись секунды, грузно взлетела из кустов большая птица, пузыри гнилого воздуха лопались в болотной топи, лес молчал, но зверь вслушивался в его молчание, а потом встряхнул головой и выпрямился.
— Не отставай, — бросил он, направляясь в чащу.
Его ладонь продолжала стискивать Лесин локоть. И она пошла следом — грязь облепила ноги, мокрая рубаха холодила тело, беспамятетство слилось с усталостью в беспросветный морок. Никогда еще Олеся не чувствовала себя такой незащищенной, как влекомая зверем из ниоткуда в никуда.

ДЕМЬЯН

Вначале вообще ничего не было. Бесконечная тьма хлынула сразу изо всех щелей, затопила все кругом, заслонила Демьяна от леса, озерной глади и тварей с болота. Вот он стоял на кромке перелеска, говорил с той, что пришла на место его любимой женщины, а вот мир обратился во тьму. Так чувствует себя неразумная птица, если в полуденный зной накрыть ее клетку черной тканью. Дема застыл, ощущая под собой землю, слыша еще отголоски жизни леса, схватился за них, как за спасительную веточку над водоворотом, но тут погасли и они. Исчезли, будто не было.

На какой-то миг, стремительный, а может, и бесконечный, Демьян завис в кромешном нигде, еще понимая, кто он. А после пропало и это. Черная вода затопила его, залилась в рот и уши, наполнила легкие — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Если бы Дема мог размышлять, то решил бы, что это смерть. Пустая и беспробудная. Но разума в нем не было. Ничего не было. Одна тоска и черная вода.

Иногда она шла рябью, иногда стояла, а порой выходила из него, как из берегов. Мерзкая жижа, гнилая и мертвая. И Демьян сдался. Растворился. Исчез.

Первыми вернулись мысли. Слабый просвет бесконечной тьмы вдруг обернулся осознанным чувством облегчения: если все это смерть, то умер он, упав в спящие воды озера. А значит, все, что случилось после — и перелесок этот, и Поляша с гнилыми пятнами на нежной коже, — лишь ужас погибающего сознания. Демьян даже вспомнил, как объясняли на учебе видения умирающих. Туннели, свет, усопшие родственники — все это агония угасшего мозга. Так

вышло и с ним. Но видит лес, если выбирать между смертью и Полей, на самом деле ставшей болотной тварью, лучше сдохнуть.

И Демьян успокоился. Повеселел даже. Пока не поймал себя на этом облегчении. Мертвые не размышляют, не ищут оправдания и разъяснений. Мертвые гниют в земле. А если он, хорек эдакий, снова ищет лазеечку, лишь бы совесть не сожрала его потроха, то жив он. А Поля до сих пор стоит на кромке болота и скалит острые зубы во тьму леса.

Он бы закричал от бессилия, но голос еще не вернулся. Вернулся нюх. Демьян чувал запах теплого дерева, огня и сухих трав. Значит, он в доме. Еще пахло влажным льном и волосами, омытыми отваром из ромашки. Выходит, где-то рядом сестра. Которая только? Но в запахе не различить горьких ноток лесного безумия. Не Фекла рядом, Стешка. И только потом Демьян понял, что перекрывает все остальное. Болотный смрад разливался кругом. Так пахнет неживое, бродящее во тьме засыпающего леса. Кто-то опасный, кто-то гнилой и злобный пробрался в дом. Но как? Не ступить на тропу лесную мертвым ногам. Так завещал Батюшка. За тот непреложный закон было отдано слишком многое. Чужие жизни, свои души.

Кто же посмел нарушить его?

Мысли разбегались, но на ум приходило лишь одно имя. Любимое, ласковое, привычное. Он даже представил, как Полина входит в дом, переступает порог, проводит ладонью по вырезанному из старого дуба лику старца с молодыми улыбочивыми глазами. Она всегда так делала, называла оберег Лесовичком, щекотала ему широкий нос. Аксинью передергивало от гнева, но она не вмешивалась. Копила злобу, старая ведьма!

Все так и было, наверное. Поляша пришла домой, как всегда приходила, вернувшись из леса. Только в этот раз холодной и влажной была ее грудь, а по ладони, глядящей Лесовика, расплзлось гнилое пятно.

Демьян дернулся, тело отдалось тупой болью, но пошевелилось. Теперь он чувствовал, что лежит на твердом столе, вымазанный чем-то холодным и липким. Чем-то смердящим. Он попытался перевернуться на бок, но сил не было. Рывком поднял голову, но затылок налился пудовой тяжестью.

Прохладная ладонь прижалась к его лбу. Он втянул воздух, боясь и желая различить в нем мертвый запах Поляши. Но его не было, один лишь ромашковый отвар да сухой лен.

Стеша помогла ему приподняться. Он разлепил веки, мир плыл перед глазами. Размытое пятно вместо лица сестры, огненные всполохи там, где мерцал фитилек свечи.

— Дема, Дема... — жалобно позвала его Стешка, когда голос пробился через завесу тишины.

Так жизнь вернулась в Демьяна, но не было времени, чтобы разобраться, рад ли он этому.

— Ты меня слышишь, Демочка? — плакала сестра, покрывая его лоб поцелуями.

— Слышу, — прохрипел он и удивился, что помнит человеческую речь.

— Лес наш господин... — запричитала Стешка. — Выдюжил, вытянул брата моего из омута, я теперь до смерти твоя по праву и роду...

— Прекрати ты... — Слушать, как молодая девка причитает, словно старуха, было ему невыносимо. — Воды дай.

Рванула в сторону, только платье зашуршало. Тяжелая голова со стуком рухнула на стол,

Демьян поморщился, но боль отрезвляла. Когда Стешка вернулась, он уже смог сесть и

опустить дрожащие ноги на пол. Вода из кружки полилась в пересохшее горло. Дема закашлялся, зафырчал, допил до самого дна, а Стеша все топталась рядышком, жалобно на него поглядывая.

— Да хорошо все, хорошо, — успокоил он сестрицу. — Жив я. — Огляделся: дом тонул во мраке и тишине. — Где все?

Стешка вздрогнула, но покорно ответила:

— Мы тут с Феклой остались. Матушка... — Сбилась под тяжелым взглядом брата,

продолжила: — Матушка к поляне пошла тебя у леса вымалывать.

Демьян досадливо поморщился. Этого только не хватало. Каким бы чудом ни вернулся, а приписывать свое спасение паршивой ведьме он не желал.

— Остальные где? — спросил он, ожидая услышать, что все спят, одну только Стешку оставили сторожить его сон, вот они с Феклой и сидят в горнице, слушают ночь.

Но сестра вдруг всхлипнула, прижалась к его плечу лбом. От неожиданности Дема застыл, потом осторожно погладил вздрагивающую спину Стешки, та зарыдала еще отчаяннее.

— Чего стряслось-то?

Худая спина задрожала, тонкие косточки проступили под кожей, хоть бери и считай. Но Демьян с силой оторвал Стешку от себя и посмотрел ей в глаза. Соленая вода заливала их предчувствием большого горя.

— Матушка увела Степана в лес... — выдохнула она, шмыгнула покрасневшимся носом. — Тетка с Олегом за ней пошли. И девка пришедшая, та, что ты в лесу нашел. Она с ними.

Дема вдохнул раз, вдохнул другой, заставил мысли разогнать ленивое движение. Спятившая ведьма увела младшего сына на лобную поляну, чтобы вымолить его, Демьяна, жизнь у леса. Для обычного человека это все показалось бы набором пустых слов. Но зверь, спящий в Деме, насторожился, поднял уши, глухо зарычал, готовясь к драке. Спятившая ведьма забрала мальчика, чтобы отдать его болоту взамен другой жизни. Жизни своего единственного сына. Жизни нового Хозяина.

— Сука!

Демьян зарычал, вскочил на ноги и чуть было не упал, но Стешка подхватила его, удержала, откуда только силы в этом тонком тельце нашлись?

— Давно они ушли?

— Не очень.

Значит, есть еще шанс успеть, остановить беду, задушить эту гнусную дуру, спасти маленькую жизнь.

— Я пойду. — Дема отстранился, шагнул к двери.

— Ты на ногах еле держишься... Не ходи. Жутко тут. Останься со мною, Дема, пожалуйста... — несмело пробормотала Стешка, а когда Дема бросил на нее злой взгляд, потупилась и отступила. — Прости, Хозяин, твое право, иди...

И слова ее, тихие, покорные, хлестко ударили Дему по лицу. На тебе, на! Такой же ты, как отец твой, живешь по праву силы, не умеешь ценить заботу и доброту. И любовь сестринскую, отважную, не просящую ничего взамен, тоже ценить не умеешь. Да и не достоин ее такой зверь, как ты.

— Прости... — пробормотал Дема, жар хлынул на щеки. — Стешка, милая, прости... Но там беда.

— Ничего-ничего. — Снова всхлинула, вытерла нос рукавом. — Если надо, ты иди... я у окошка посижу.

Демьян шагнул к ней, чуть не упал, но осторожно обнял сестру, поцеловал в ромашковую макушку, та доверчиво затихла в его руках. Маленькая, почти ему незнакомая, но родная.

— А давай вместе пойдем? — предложил он.

— Нельзя Феклу одну оставлять. — Замотала головой, отстранилась, посмотрела бездонными озерными глазами, улыбнулась чуть заметно. — Ей из дому не выйти, помнишь?

Демьян помнил. Тех, кто был спасен великим чудом, отвоеван у леса да мертвой воды, легко потерять безвозвратно. Выйдет Фекла за порог, услышит, как тянет через лес свою песню спящий на дне озера, и пойдет к нему. Вспомнит, что почти успела стать его невестой, и не удержат в роду ее Батюшкин наговор да кровавая ворожба.

— Я вернусь. И всех приведу, — шепнул Дема и погладил сестру по нежной щеке. — Тетку Глашу, и брата, и Степушку. Все хорошо будет, веришь?

СТЕШКА

Свеча, оставленная на столе, слабо мерцала в глазах Стешки, но она больше не плакала, привычная верить обещаниям Батюшки. И когда Демьян вышел из дома, не обернувшись на последней ступени крыльца, и когда скрылся в чаще, по-звериному быстро проскользнув родовую поляну, Стешка верила, что он вернется и все будет хорошо.

Она осторожно вошла в дом, прикрыла за собой тяжелую дверь и долго стояла, вглядываясь в молодые глаза деревянного старца, который должен был защищать их род, да не сдюжил.

Шорох в девичьей комнате ее не напугал. Пусть Фекла и лишилась разума, но тело ее оставалось сильным. Сестра любила кружить по комнате, беззвучно напевая что-то. Подходила к окну, рисовала на стекле невидимые знаки. Словом, жила так, как умела. Но открыть дверь, повернув ключ в скрипучем замке, Фекла не могла.

Только щелчок все равно раздался, и Стешка вскрикнула от неожиданности. На пороге стояла Фекла. Рыжая коса растрепалась, платье смялось, но взгляд больших глаз показался Стешке чистым, осмысленным.

— Сестрица?

Фекла всем телом подалась на ее зов, сморщилась, словно попыталась вспомнить что-то, но лицо тут же разгладилось, губы дернулись и растянулись в улыбке.

— Феклушка? — Стешка боялась поверить в то, что видит, но сердце ее уже трепетало от радости. — Фекла!

Бросилась к сестре, обняла ее за плечи, обвила руками, прижалась щекой к щеке, омывая их слезами.

— Сестричка моя, милая... — шептала она, не в силах оторваться от Феклы. — Вот же радость! Вот же счастье! Лес тебя вернул! Услышал молитвы!

Фекла продолжала стоять, она позволила обнимать себя, но сама не отвечала на объятия, только Стешка этого и не заметила. Как умеют лишь чистые души, она вся отдалась счастью.

— Ты голодная, наверное? — трещала она, увлекая сестру по коридору к общей комнате. — Пойдем, пойдем, милая, хлеба уж я найду... и молока! Хочешь молока?

Они вошли в горницу, сухие веточки, раскиданные Аксиньей, затрещали под их ногами.

— Ох и беспорядок тут! — засмеялась Стешка серебряным колокольчиком. — Ничего, расставим по местам, ты садись! Садись, милая! Я сейчас!

И принялась хвататься то за одно, то за другое, причитая, смеясь и плача. Но Фекла не смотрела на нее. Она медленно обошла комнату — ни одна половица не заскрипела под ее босыми ступнями, — подняла с пола веточку медуницы, поморщилась, отбросила прочь, вытерла ладонь о подол. Подошла к столу, опустила палец в черную жижу, натекшую с брата, попробовала на вкус, улыбнулась чему-то, заглянула под стол, провела рукой по верхней полке, заставленной снадобьями. Искомое Фекла нашла лежащим на крае скамьи.

Старый серп влажно блестел в отвесах свечей, которые успела зажечь Стешка. Стоило фарфоровой ручке Феклы прикоснуться к нему, каждый фитилек в комнате вздрогнул и потух. Воцарилась тьма.

— Ой... — испуганно охнула Стешка.

Увлеченная уборкой, оглушенная счастьем, она мигом ослепла, стоило свету погаснуть.

Осталась лишь тень, что скользнула к ней от скамьи, лишь оголенное лезвие серпа, сверкнувшее рядом, лишь влажный блеск мертвых глаз, лишь ослепительная боль и холод пола, на который Стешка рухнула за мгновение до того, как соленое озеро сомкнулось над ее головой и утащило ее на самое дно.

— Тихо-тихо, — убаюкивающе прошептала Фекла, опуская ладонь на мягкую макушку сестры. — Время пришло большой крови, чистой твоей душе нечего видеть, нечего страдать.

Рухнули все оковы. Живая кровь затопит лес, и придет вода мертвая. Ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Стешка дернулась в последний раз, горячая кровь из рассеченного горла залила пол. Фекла укутала напившийся родовой жизнью серп в подол и пошла к порогу. Долгие годы ее заточения канули в небытие. Долгие годы тоски по свободе и мщению. Долгие годы жизни без жизни. Долгие годы старых законов, которым сегодня пришел конец.

Фекла устала ждать и почти перестала верить, но этой ночью болото обрело Хозяина.

Слава той, что нарушила ход вещей! Слава той, что предала свой род! Слава ей и смерти!

Фекла спустилась с крыльца. Босые ноги защекотала пыль. Ничто больше не держало ее в доме, никто больше не был ей указом. Фекла захохотала, втянула живой запах ночи и бросилась в лес.

СИЛА МАТУШКИ

ПОЛЯША

Сестры летели строгим клином. Три белых облачка по правое черное крыло, три — по левое. Тихие, легкие, невесомые — пушинки, что пускает по ветру разогретый июльским жаром тополь. Поляша чувствовала их внимательные взгляды, слышала, как шелестят перья на ветру.

Достаточно было наклонить в сторону тонкую смоляную шею, чтобы они мягко ушли, снижаясь. А можно было, напротив, устремиться ввысь, и они последовали бы за ней, и не остановились бы, пока солнце не сожгло бы их, обращая в пепел.

Поля смутно помнила историю человека, который так мечтал о небе, что взлетел, но тут же потерял голову в погоне за высотой и разбился. Смешная сказка пыталась рассказать о чем-то важном, скрывала смысл между строк. Когда-то Поле нравилось видеть то, что прячется от первого взгляда, теперь она вообще не доверяла зрению, одно лишь сердце, чутко различающее ложь в правде, а главное — правду во лжи, оставалось ей опорой.

Это раньше славная девочка с необычным именем Пелагея зарывалась в толстые книги, пряталась от мира, мучала сердце смутным предчувствием чудес. А теперь она сама стала чудом. Чудом в перьях, как горько смеялась она, ведя нескончаемые разговоры сама с собой. С кем еще говорить, если сестры твои — лебедицы, а ты — главная среди них, к тому же черная как смоль?

Да и нет времени для разговоров, когда новое время стучится в дверь, а старое издыхает на пороге. Лес засыпал. Кружа над ним, Поляша видела это все четче, верила в это все крепче. Не ко времени жухла листва, опадала хвоя, пахло сыростью и стоялой водой. Все меньше зверья бродило по тропам, кто-то тонул в трясине, кто-то умирал от голода, кто-то спешил унести лапы, но куда? Чем дальше от чащи, тем ближе к человеку. И снова смерть. Только смерть. Гниль и вонь.

Некому защитить лес — дремучий, вековой, полный тайн, живущий по своим законам. Умер Батюшка, нет того сына, что заменит его. Скоро-скоро рухнут старые правила. Скоро угаснет последний огонек лесного рода.

Поляша почувствовала, как топорщатся перья от чистого, исконно человеческого предвкушения. Слишком долго она ждала этого! Нити семьи, в которой так мучительно жилось ей, натянулись до предела. На одной лишь злобе сумасшедшей старухи держатся они. Но ничто не вечно, даже Матушка способна оступиться, рухнуть наземь, подкошенная чужой силой — одним ударом мощного крыла, цепкой хваткой женских пальцев. Хрустнут под ладонью косточки, булькнет в горле, закатятся прозрачные глаза. И лес уснет, осиротелый, уступая место тому, кто пробудится на дне озера.

От мыслей об этом по телу, скрытому смоляными перьями, стройному женскому телу, пробежала волна нестерпимого жара.

Мало чего на свете можно желать сильнее, чем обнять любимого мужчину. Поляша и сама так думала в той, другой жизни, когда ездила по кругу на скрипучем автобусе, безвольно рассматривая мир за окном. Руки ее, ноги ее, впалый живот и острые бедра, тяжелая голова, синяки на предплечьях — вот что она оставляла, мыслями убегая прочь. Туда, где ее любили бы. Туда, где ее называли бы красавицей, где гладили по голове и шептали: «Полечка, Поляша, Полинущка». В мир грез, в мир, которого не было.

Тяжелое имя Пелагея она не любила. Больше, чем нежное прикосновение любящей руки, не желала. А когда пришел он, сильный и теплый, с мудрыми глазами и спокойным голосом, то все сложилось в неделимую картину.

— Как зовут тебя? — Прикоснулся к щеке, скользнул по шее, опустил руку на плечо.

— Пелагея. — Имя царапало горло.

— Не нравится? — тут же догадался он. — А как хочешь?

— Поляша... — Застеснялась своей робости, поглядела на него, залилась жаром смущения.

— Будешь Поляшей.

Они промолчали ровно три остановки. Потом его большая ладонь медленно сползла по плечу вниз, обхватила крепкую, мигом налившуюся теплом грудь. Поля дернулась было, но обмякла. Так они и сидели в тишине и жаре, а когда автобус, скрипя, доковылял до конечной остановки с облупленной надписью «Лесная», то вышли и тихонько побрели по тропинке.

— Вот что, Полина, — наконец сказал он. — Ты молодая девка, сильной вырастешь... А я уже старый, да?

Она оторвала взгляд от тающей среди опавшей хвои тропки и подняла на него глаза. Он был таким высоким, так крепко, так уверенно стоял на земле, что седых волос в бороде, похожих на серебро в густой меди, и морщин, бегущих от прозрачных глаз, Полина просто не разглядела. Он не звал ее Пелагеей, как отец. От него не пахло сивухой и грязным телом, как от отца. Он смотрел на нее с теплом, как никогда не делал папа. Только ее крепкая грудь, так ладно

умещавшаяся в ладони, и роднила их. Но об этом Полина не хотела думать, она лишь крепче сжала его руку в своей. Он кивнул.

— Вот поживем, а там и сына мне родишь.

Шагнул с еле видной тропы и повел Полину в самую чащу.

«Обратной дороги в жизни не найду...» — испуганно подумалось ей.

Как в воду глядела. До конца жизни так и не смогла отыскать обратного пути.

Много листвы успело вырасти и опасть, но сына Батюшке Полина родила. И вот теперь обнять его она желала куда сильнее, чем когда-либо — прижаться к любимому мужчине. Хотя мужчин-то у нее и не было. Был старик, был мальчик. Может, потому так странно сложилась ее судьба, может, потому летит она в лебедином теле?

Да что гадать — главное, что сын ее скоро окажется рядом. И Полина наконец обнимет его, а руки ее будут теплыми. Не править больше нечисти в этих краях, не бывать здесь болоту.

Скоро-скоро пробудится тот, кто не позволит гнили отравлять воду, потому что смерти не будет места на берегах озера жизни.

Еще чуть-чуть, еще немножко, и все случится. Поляша закрывала глаза и видела, как лежит в чаще ее звереныш, отплевывается от воды, трясется от страха, но вспоминает, что с ним приключилось. Эка вырос он, эка возмужал! Теперь и не вспомнить ей, сколько лет прошло с их последней встречи. Да и назвать ли встречей ту бесконечную, ту нестерпимую ночь, когда чрево ее разродилось ребенком и принялось изливаться кровью? Об этом не следовало вспоминать. Но как не вспомнить, если из злого, как волчонок, мальчишки Демьян вырос в мужчину — косматого, выпестованного одиночеством, будто утес на краю света?

Ей даже смешно стало на мгновение, когда их глаза встретились — ее, напускно-мертвые, обманно-равнодушные, и его — испуганные, тоскливые, яростные. Сам он и не знал, насколько похож стал на отца. Два кобеля, сцепившихся за сучку, два зверя, дерущихся за право сильного, два барана, застывших на месте не в силах уступить дорогу.

Это сейчас, увидев мир с высоты лебединого полета, Поляша могла посмеяться над их борьбой. А тогда сердце ее замирало, кровь в ней бурлила, тело томилось от желания и страха. Как любила она их обоих, каждого по-своему, как жалела! И что теперь? Один мертв, второй бродит не по своей тропе. А она так и вовсе застряла посередине. Не в лесу, да не в озере. Не в жизни, да не в смерти. Не в человеческом, да не в птичьем облиции.

Но стоит волчонку очнуться, приползти домой, передать слова старой ведьме, и безумную старуху ослепит злоба, бросится она прочь от спасительного крова, вот тут-то они и встретятся. Лебединый клин медленно приближался к озеру. Сверху оно казалось литым полотном, серой тканью, наброшенной на луг. Лебедицы опустили на воду, наклонили длинные шеи, прощаясь, и заскользили прочь, готовясь отдохнуть перед новым днем, одна лишь Полина отправилась к отмели, туда, где темнели гниlostные язвы болота.

Там оседали берега, там поднимался ил, а по воде — спокойной, сонной — расплзалась густая сплавина. Переплетение зеленых стеблей, коричневых щеточек камыша да шепота — тихого, но явственного, монотонного и мертвого. Бывало, взлетишь над водой, и отмель кажется тебе красивой. Темная гладь озера сменяется мшистым ковром, там и здесь яркими пятнами раскрываются душистые кувшинки, высокая травяная осока тянется вверх, а между зелеными веточками багульника алеет клюква. Где-то тихонько булькает квакша. Жизнь зацветает там, где был лишь озерный сон.

Но это обман. Только зазеваешься, только устало присядешь на мягкую кочку, как из топи вытянется холодная рука, вся в землистой слизи, смрад разложения наполнит воздух, затихнут квакши, заскользят во мху испуганные ужи. А цепкие мертвые пальцы взметнутся, схватят за теплое и мягкое и потащат вглубь, в смерть, в трясины.

Вот что бывает, если резать молодые нежные горлышки на берегу спящего озера жизни.

Великому не нужны такие дары, нет. Смертью питается только смерть. Гнилью — гниль.

Обескровленные тела уходили на дно, оставались там, обращались в жижу. Отданные

Батюшкой в плату за сон и вечную жизнь, они не нужны были спящему. Он даже не заметил их.

Но кровь не проливается просто так. Запах ее, вкус ее, цена ее — вот что чувствуют силы темные,

силы мертвые, и приходят, чтобы забрать себе. Так родилось болото.

Зазовки да упыри, мавки да омутницы, багники да лопасти, лявры да кикиморы. Заложные

покойники, усопшие по вине леса, обескровленные без вины озера. Неупокоенные,

непогребенные. Жажущие живого тепла. Их породил страх Батюшки перед старостью и

бессилием, а спящий спал, не в силах помешать человеку. Только семерых он спас, только семерых принял во служение. Шесть белых лебедушек да одна темная. Как выбирал, чего хотел от них — не ведано. Так и летали они над озером, так и взывали к спящему, так и ждали своего часа.

Все было продумано до мелочей. Полина рассекала черной грудью спокойную воду и мысленно раз за разом возвращалась к каждому шагу, что привел их к сегодняшней ночи, полной томительного ожидания.

Чужака, пересекшего границу леса, они почуяли одновременно. Вскинули головы к небу, зашумели, забили крыльями по воде. На мгновение Поляше даже показалось, что спящий заворочался на дне, пробуждаясь. Но нет, конечно, нет. Им оставалось ждать, когда незваного гостя почует наследничек ушедшего в небытие Хозяина леса. Даже с последней жертвой они были согласны смириться. Но наследник пришел один. Опустился на колени перед озером, прикоснулся к воде ладонью. Поляша заметила его издали, ловко скользнула вглубь, обернулась человеческим телом, подплыла, схватила за протянутые пальцы и дернула к себе. Лишь потом посмотрела, кого принесла ей в подарок судьба. Ожидала увидеть тонкие черты красивого лица, острый подбородок, пухлые губы, словом, племянничка своего, Олешку. Но водой давился волк. Всклоченный, яростный, испуганный до смерти Демьян. Она сама чуть воды не наглоталась, ослепленная секундной вспышкой боли. Любая женщина потащила бы утопленника вверх, спасла бы, выволокла на берег, завывала над ним, покрывая любимого мужчину поцелуями. Любая лебедица бы в испуге отпрянула, бросилась бы прочь от тонущего волка.

Но она не была ни женщиной, ни лебедицей. Да и он ни мужчиной, ни волком не был. Берегиня да лесовой. Хороша парочка. Так и бултыхались они, один — прощаясь с жизнью, другая — приветствуя ее. Поляша ловила бешеный взгляд прозрачных глаз Демьяна, слышала, как льется в грудь ему стылая вода, и думала: глупый мой, глупый. Такой же, как отец твой. Столько лет водить к озеру безумцев, но так и не догадаться, кого кормишь дарами этими.

Но всему приходит конец. Лесовой Батюшка умер, болотнику неоткуда взяться. Время закончить все, Великое. Время открывать глаза.

Вот тогда краям этим даруются покой и справедливость. Лесу останется лесное, озеру — озерное. Не станет больше злых людей, что пили чужую силу. Одни лишь верные лебедушки. Только сына бы успеть обнять, успеть окунуть его, как кутенка, в воды жизни, чтобы он прозрел и встал на путь истинный. Путь того самого сына. На путь лесного Батюшки. Вот тогда и заживем. Ох, как заживем!

Полина проскользнула мимо затхлой отмели и направилась прочь, к берегу, который не стал еще склизким и гнилым. Ей хотелось обернуться девушкой, пройти по острым камням, размять ноги, закружиться с сестрами, переплетаясь нагими телами, тонкими веточками, жарким духом. Ей хотелось воспеть эту ночь — ночь великих надежд — и запомнить ее такой — предвкушающей, томительной, сладкой. Кто знает, может, в следующий раз в их хоровод вступит сам спящий? Пробудившийся, могучий, справедливый, знающий, как жить им и кем быть. Поляша первой протянет ему ладонь, склонит голову, почувствует, как легким поцелуем он отметит ее главной своей служительницей. А сестры-берегини звонко рассмеются от счастья, скрепляя их союз.

Так и будет, все так и будет. Поляша успела взлететь на крутой берег, скинуть перья, поежиться на ночном ветру, а потом пришла боль, а потом пришел страх. В горло хлынула густая жижа, тело сковал холод болотной топи. Она не помнила, как упала, не видела, как сестры ринулись к ней, а за ними следом потянулся лебединый пух. Обдирая нежную кожу о камни, они донесли ее до полянки, уложили на мягкую траву, принялись гомонить испуганно, словно забыли, что вовсе не птицы.

Но Поля видела только сына — круглое лицо, рыжие веснушки, на бледной коже они темнели, как брызги лесной глины, округленный в страхе рот, омертвевшие щеки, холодный пот, каплями застывший на лбу. Это был ее мальчик. Ее кровиночка. И его одним толчком опрокинула в болото мертвая рука кричащей от восторга зазовки.

Растворяясь в темноте безумия, Полина успела вспомнить спокойно, почти равнодушно в своей ярости: зазовки никогда не приходят сами, они не охотятся в ночи на чужих детей. Вызвать чудище, порожденное болотом, может лишь сила, равная ему Сила Матушки леса. Ненавистой старой ведьмы, которая, кажется, снова одержала победу.

ОЛЕГ

— Отпусти! — бушевала Глаша, отталкивая от себя руки сына. — Пусти! Пусти! Убью, падаль! Ярость наполнила старое тело небывалой силой. Пусть по ввалившимся от времени и горестей щекам текли жгучие слезы, бабка продолжала рваться к поверженной сестрице, ведомая одной лишь жаждой мщения.

— Нельзя, нельзя так, — пытался вразумить ее Олег, оттаскивая в сторону, роняя на мох и хвою.

Он с трудом понимал, что происходит. Весь этот день связался в один узел бессмысленных блужданий между домом и лесом. Когда жар схлынул и тетка Глаша устремилась в лес, он побежал следом. А куда было деваться? В сердце билась тревога за братьев — и того, что остался захлебываться жижей на столе, и того, что ушел вслед за Матушкой. Он ожидал увидеть на поляне кровь и смерть, как бывало, когда род их приносил жертву лесу, а вместо этого заметил лишь тень, скользнувшую в топь. Тень, которая утащила за собой Степушку. И пока тетка Глаша каталась по траве, силясь выцарапать глаза сестре, и пока пришла девка смотрела на них, окаменев от ужаса, Лежка думал лишь об одном: он здесь чужой. Он помнил все, что случилось с ним, но ничего не понимал. Законы, по которым жил род, были для Олега лишь правилами, придуманными строгой Матушкой. Остальные же видели в них нечто большее. Как и в тени, вернувшейся в болото.

«Зазовка, — подсказала Олегу неутомимая память. — Это была зазовка».

Видать, кто-то говорил о ней, а Лежка услышал. Если постараться, он смог бы вспомнить тот разговор. Но какая с того польза? Какой прок? Помни хоть шорох каждой ветки в чаще — если она тебя не принимает, то не стать тебе лесу своим. Никому не стать, никогда, нигде.

— Разними их! — крикнула пришлая девица, странная в своем безумии, опасная в остроте зорких взглядов, и Лежка послушался, он привык слушаться женщин леса.

Разнял, повалился на траву вместе с теткой, пока Матушка пыталась вдохнуть пережатым горлом.

— С-сука! Что натворила... — Глаша сбросила с себя руки сына и сумела подняться. — Ты понимаешь хоть что?

— Получше тебя!.. — Голос Аксины совсем осип. — Я Демушку вернула, Хозяина нашего... Он сейчас сюда придет...

Глаша прижала ладони к щекам.

— Совсем спятила, сестрица... Болото не отдает своего, не меняет... Никого не слушает.

— Это тебя оно не слушает, старая ты дура. — Аксины попыталась пригладить растрепанные волосы, стряхнула комья грязи, облепившие подол. — А я Матушка всему, что здесь живет.

— Живет! А болото мертвое. — Глаша вздрогнула всем телом. — И сыночек наш...

Степушка... — Всхлипнула, зажевала губами, вот-вот зарыдает, но сдержалась, только шагнула к сестре. — Коли тварь эта тебя слушает, вели ей вернуть мальчика!

Аксины быстро приходила в себя. Даже не взглянув на подступившую к ней старуху, она только плечом дернула и принялась заплетать волосы в косу. Лежка застыл, наблюдая, как медная с серебром копна послушно вьется в длинных сухих пальцах Матушки. Он чувствовал, что в этих ее движениях — спокойных, мерных — скрывается ворожба, но не мог противиться тому. Слишком уж послушно утихло в нем сердце, забилося ровно, в такт дыханию. И спать захотелось, и приятная тяжесть разлилась по телу.

— Прекрати! — крикнула Глаша, дергая сестру за локоть. — Мне твои космы что с гуся вода, перед мальчонкой красуешься?

Аксины фыркнула, но руки опустила, волосы рассыпались по плечам, а Лежке опять стало холодно и тревожно.

— Кто ж виноват, что сынок твой никчемный такой вышел?

— Скажешь, не ты? — Глаша бросила на сестру злобный взгляд, обтерла сбитые руки о фартук и подошла к краю поляны. За ней начиналась топкая жижа молодого болота. — Вот так подарочек, вот так близенько подошло, проклятое...

— Твоих детей я не травила, — проговорила ей в спину сестра.

— И то хлеб. — Не оборачиваясь, старуха поманила ее пальцем. — Иди вот, погляди, чего дозвалась... — Аксины приблизилась. — А ты... — Теперь корявый палец указывал на

Олега. — Бери девку и возвращайтесь в дом... Не след там Стешку одну оставлять в такую ночь...

Лежка не сразу понял, что обращаются к нему. То, как мирно тетки теперь стояли рядом, по старинке ворча друг на друга, будто и не было жестокой драки, поразило его больше тени и болота, так внезапно появившегося на краю лобной поляны. Потому он застыл, не веря своим глазам, а Глаша и повторять не стала — потянулась к сестре, начала шептать ей что-то неразборчивое. Лес высился над ними, спокойный и уверенный, что все идет своим чередом. У Лежки даже горло перехватило: он закашлялся, не понимая до конца, что душит его — страх, слезы или смех, а потом оглянулся, уверенный, что позади него стоит девка, Леся, кажется. Топчется на месте, тянет подол к коленям да озирается кругом. Вот она-то, пришедшая, чужая, не привыкшая к роду и лесу, должна разделить его удивление. Олег уже представил, как они будут идти вместе, делясь увиденным и пережитым, вдвоем ведь любой груз легче. А потом вернутся тетки со Степушкой, и как-нибудь да все они заживут. Может, и девка тут останется. А может, его отпустят в город вместе с ней, проводить, чтобы не заплутала. Коль Демьян вернулся, что ж ему сиднем сидеть?

— Пойдем, — позвал Олег, оборачиваясь к Лесе.

Но ее не было. За спиной Лежки раскинулась полянка, а дальше — кусты боярышника, через которые они пробирались, спеша на выручку брату. А дальше был лес. Всюду был лес. Осины, сосны, дубы, ясени. Мох, трава, кудрявый папоротник, жимолость с синими ягодами, похожими на маленькие ноготки. Но никакой девки. Как могла она исчезнуть в лесу с ее испуганными глазами, растрепанными космами, тонкими щиколотками и разодранной ногой? Куда понесло ее, глупую? Какой зверь уже полакомился сладким мясом, похрустел косточками?

Олег кинулся на край поляны. Осинка, стоящая там, печально зашумела листвою.

— Леся! — крикнул он, но чаща заглушила голос.

Ветер качал кроны, лес жил своей дремучей вековой жизнью, он даже не заметил, как растворилась в нем еще одна душа. Олег заозирался, но помощи ждать было неоткуда. Тетки о чем-то взволнованно шептались, верная Стешка осталась в доме. И только от него, от безвольного Лежки, зависело, вернется ли пришедшая девка в город, если она, конечно, уже не померла.

«Вот потеряешься в лесу... — спрашивал его Батюшка, усаживая на колено, — что кричать будешь?»

Олег пыжился, морщился, подыскивая слова, но молчал. Его всегда пугали вопросы о лесу. Это старшие дети плутали там, зная каждое дерево по имени, для Лежки мир за границей поляны был неизведанным и страшным местом. Матушка с тетками ругали его за трусость, Демьян с Феклой дразнились, только Батюшка и учил мальчишку лесу, жаль, что рядом его почти не бывало. Но это правило Олег запомнил крепко.

«Ну-ка, ты же знаешь, скажи! — улыбался Батюшка. — Что кричать будешь?»

«Ау...» — заливаясь жаром, отвечал Лежка.

И Батюшка ласково гладил его по голове.

«Правильно, сынок, ау».

Лежка никогда не терялся, да он в чащобу-то и не ходил. Дом, печь, горячий хлеб, скотина и куры. Зачем ему дремучий лес, когда и так дел полно? Но теперь от него зависела жизнь потерявшегося в лесу.

— Ау! — закричал Лежка. — Ау!

Вначале все стихло от удивления. Потом зашумела осинка, передала его крик сестрице, стоящей рядом. И так, от дерева к дереву, зов человеческий рассекал чащу, чтобы плутающий в ней нашел дорогу обратно.

— Ау! — кричал Олег, всматриваясь во тьму. — Ау!

Он замерз и обессилел, горло саднило от боли, но зов продолжался, пока в зарослях боярышника не захрустели чьи-то шаги.

— Ау! — еще громче крикнул Лежка, бросаясь вперед.

Он прорвался через кусты, чуть не упал на скользком мху, зацепился рубахой о корягу и не глядя обхватил пришедшую девку руками, обнял, прижал к себе. На мгновение он почувствовал, как дрожит ее ооченевшее тело, как тяжело и испуганно она дышит, прикоснулся губами к ее волосам, пахнущим незнакомо, горько, опасно, и этого хватило, чтобы жар сердца разлился по телу тяжестью, дурманной Матушкиной ворожкой.

— Леся... Куда же ты? — бестолково залепетал он, сам не понимая, что творится с ним, извечно спокойным. — Я обернулся... А тебя нет! Нет тебя! Куда же ты?
Олеся что-то сдавленно проговорила, выскользнула из его рук, отпрянула, растерянно глядя на него, словно не узнавала. Только теперь Олег заметил, что вся она покрыта болотной грязью и стоит перед ним босая, полуголая и дрожащая от холода.
— Ты ж ооченеешь! — испугался Лежка, хватая ее за руку. — Пойдем в дом скорее!
Но Леся продолжала стоять, незряче глядя сквозь него.
— Ты бы не спешил так, братец.
Этот утробный рык, мало чем похожий на голос, заставил Олега схватиться за нож, висевший на ремне, но рык тут же сменился коротким смешком.
— И за игрушку свою не хватайся. Все свои.
Зверь снова хохотнул и вышел из тьмы. То был первый раз, когда при виде брата Лежка почувствовал глухую злобу. Легко чувствовать себя Хозяином, когда ты зверь, когда земля под тобой стелется мягкой тропинкой, когда деревья кланяются тебе при встрече, а старый лось приходит чесаться лбом о твою ладонь. Легко чувствовать себя Хозяином, когда ты и есть он. А попробуй всю жизнь быть слепым да глухим, не могущим разуть закона, которым живет этот край. Смог бы Демьян тогда выходить из чащи, хватать за руку испуганную девчонку да тащить ее к поляне, будто ничего и не происходит?
— Отпусти ее... — чуть слышно попросил Лежка, послушно направляясь вслед за братом.
Но тот услышал. Повел плечами, мало что шерсть на загривке не встала дыбом. А может, и встала, да под курткой того не разглядеть.
— Что говоришь? — И нарочно как следует тряхнул Олесю, та слабо охнула, бросила на Лежку загнанный взгляд.
— Ей же больно... Отпусти, — еще тише попросил Олег.
Демьян застыл, поглядел на Лесю, словно только теперь ее увидел, и ослабил хватку. Та чуть было не упала, но удержалась на ногах, принялась тереть освобожденное запястье, злобно сверкая глазами.
— Псина позорная, говорю же, сама пойду...
— Гляди, какая языкастая! Некогда мне тебя учить, твоя удача... — Дема развернулся, только хвоя зашуршала под его ногами. — Веди ее давай, сердобольный наш.
Лежка кивнул, подошел к Олесе и протянул ей руку. Та подняла на него глаза, ни единой слезинки в них не сверкнуло, и молча схватилась холодной ладошкой. Так и пошли они к поляне: зверь впереди, два испуганных кутенка — следом. Лес укрыл их, сестры-осинки забыли человеческий зов, стоило только утихнуть эху. Только плотный дух мокрой псины долго еще вился между деревьями, напоминая им, что ничего еще не закончилось.

ДЕМЬЯН

Девчонка отставала, цеплялась за каждую корягу, ныла, хлопала носом, и пахло от нее, как от загнанного зайца — остро и горько. Страх лился из нее, жгучий запах был куда сильнее пота уставшего тела. Даже мертвый учует его из-под земли.
Дема шел к лобной поляне, почти не глядя по сторонам, когда почуял ее. Знакомый привкус страха в воздухе. Будто молочного поросенка приготовили резать, показали нож и нависли над ним, наслаждаясь отчаянным визгом. Демьяна передернуло. Кто-то слишком боялся в его лесу. Непорядок.
В его лесу. Он так и подумал, и чуть было не расхохотался. Засыпая и просыпаясь в общажной комнате, слушая чужие скрипы и чужой храп, чуя запахи пота, слюны, невымытых волос и прочей гадости, он мечтал различить во всем этом духмяную нотку леса. С его сыростью низин, с хрустом сухих веток, с горьким дымом, терпким можжевельником, с хвоей и прелой листвой. Мечтал, но быстро прогонял опасные мысли, напоминая себе, что лес пахнет кровью, страхом и смертью. Болотом и предательством.
И вот теперь, шагая по знакомой тропе от дома, он ощутил все запахи, которые мог дать ему лес-господин. Хотел багульник? Вдыхай. Хотел низины? Вон, хлопают под ногами. А вот тебе нестерпимую вонь чьей-то смерти, свершившейся и грядущей. Распишись, студент. Все как по заказу.

Ничего странного: в этом лесу страх давно стал извечным постояльцем. Вот идет его Хозяин и сам боится до глухого озноба. Думать, что случилось с ним и почему, Дема не решался. Ну, свалился в воду, ну, вылез как-то да потерял сознание, а пока плутал в закоулках воспаленного разума под бушующей хмарью, видел именно то, чего боялся больше прочего. Хорошо хоть, до дома ноги донесли. И то хлеб.

Оставалось разобраться с сумасшедшей старухой. И вернуть семью. А там настанет пора прогресса. Либо они все вместе переедут в город, либо город придет к ним. С электричеством, горячей водой и туалетом, а не зловонной ямой во дворе. Демьян сам не верил в это, но лучше уж думать о невозможном, чем вспоминать, как Поляша смотрела на него мертвыми глазами да шипела болотной тварью проклятия роду его, будто никогда и не была в нем. Не была им. Дема почти добрался до поляны, оставалось то всего ничего, когда услышал тонкий дрожащий крик.

— Ау! — звал кто-то.

— Ау! — насмешливо отвечал лес, завлекая в самую чашу.

Страх лился оттуда. Тот, кто кричал, боялся, но шел вперед. Демьян втянул запах, распробовал, постоял, вспоминая, и рванул на голос. Он уже чуял его, он уже шел по этому следу. Девка, безумная девка, очередная сбежавшая из ниоткуда в никуда. Та, которую он отыскал в лесу и принес в дом, как овцу на заклание. Та, которую должен был отвести к озеру.

Дема скользнул в заросли, прикоснулся к ближайшей осинке, и она зарделась, словно девица, ответила на ласку, открылась ему. Пока был маленький, Демьян не понимал, как у Батюшки выходит говорить с лесом. Почему деревца кланяются ему, отдают во власть человека. А теперь он сам творил лесовую ворожбу. Стоило лишь понять, что в каждом дереве спит девичья душа. Жадная до тепла, ждущая ласки. Дотронься, приласкай ее, отогрей, представь, что она невеста твоя, а ты — жених. И осинка все расскажет, а березонька поделится соком да мудростью. Даже старая сосна, застывшая, будто камень, откроется тому, кто ласково приголубит ее.

Не понять этого ребенку. А станет мальчик мужчиной, то и объяснять уже нечего. Еще один счет у Аксиньи к младшей сестре. Мать сына такой ворожбе не обучит, а Поляша смогла. Так обучила, что каждый раз, прикасаясь к гладкой коре ладонью, Дема вспоминал, как скользили его дрожащие руки по нежной коже названной тетки, как разливался жар внизу живота. А деревцу что? Ему бы согреться. Не его забота, кого вспоминает Хозяин, если горячий он и живой.

Дема увидел, как бредет от осинки к осинке девка. Как дрожат ее посиневшие от холода губы, как спутанные волосы опадают на грудь, а ноги скользят по стылой земле. Он нагнал беглянку, замер в тени, прислушался. Медленно, но верно девица углублялась в самую чашу, еще чуток — и шагнет в болото. Дема хотел уже прыгнуть вперед, перехватить глупую, но та остановилась сама. Застыла, прислушалась, будто различила его в темноте. Но кто может учуять зверя? Уж не безумная чужачка!

Только ведь учуяла. Бросилась в сторону, угодила в болото, так еще и спорить с ним принялась. Откуда столько наглости в ней, откуда столько зоркости? Дема бы подумал о том еще, да только новости услышанные перечеркнули все, что волновало раньше.

— Не отставай, — бросил он, направляясь в чашу.

Но девчонка отставала, медлила, задерживала его. Как и братец, вышедший навстречу. Глупые дети, не понимающие, что встают на пути зверя, готовящего мстить. За все. За детство, проведенное в сыром лесу. За вечное недовольство, за постоянные тычки, розги и страх. Страх, которым Дема вонял, сколько ни смывай с неуклюжего тела пот. А главное, за Поляшу. Не ту что скалилась в чаше. А живую, веселую, сладкую. Ту, что он потерял.

— Признаешь ее виновной, — повторял Дема, словно пришедшая девка могла его слышать. — Признаешь. Признаешь. И убью. Убью суку.

О, как давно он мечтал это сделать. Чтобы не от старости, не от болезни какой, нет. Чтобы захлебывалась кровью, как Полечка, чтобы дышать не могла от страха, как он.

Демьян шагал к поляне, мысленно занося руку над старой ведьмой. Руку, что сжимала старый батюшкин кинжал. Как там повторяла и повторяла Аксинья?

— Только родовым клинком вершится суд. Только родовым серпом творится ворожба. Понял? Придет время, и будет твоим твое. Ты уж сбереги их, как сердце грудь бережет.

Тогда Матушка верила, что он — тот самый сын. А как разуверилась — прогнала к волкам. Но теперь кинжал плотно сидел в ножнах. Демьян был уверен: рука не дрогнет, когда наступит время вершить суд.

Ветер принес ему запахи и звуки раньше, чем он сам подошел к лобному месту. Дема замер, повел носом. Тетки были там. Он чуял их силу, чуял их слабость. Он точно знал. Обернулся, не глядя схватил девку за руку — та ойкнула — и потащил к себе.

— Признаешь ее виновной, — прорычал он, наклоняясь, чтобы лица их оказались близко-близко, чтобы беглянка почуяла его запах так же, как он чуял ее. — Поняла?

— Да, — еле слышно прошептала она, но глаз не отвела.

Верхняя губа сама собой приподнялась, оголяя зубы. Было в пришедшей девке что-то еще, помимо страха. Что-то враждебное, что-то знакомое. И это злило.

— Сегодня обязательно прольется кровь, — процедил он. — Может, ее. Может, твоя.

И сам испугался своего голоса. Девушка была младше его, куда ниже, куда слабее. В городе таких Дема обходил стороной — слабость никогда его не прельщала. Тело должно быть сильным, мясным, костным. Человек должен быть жарким, вещным. Испуганные глаза и хилые плечики не способны выжить холодной зимой. А зима эта может прийти в любой момент, даже в самое пекло середины лета. Разве стоит никчемная беглянка ярости, что вспыхнула в нем?

Нет. Так чего скалишься? Иди вперед, тащи за собой, но постарайся не сломать ей шею до того, как она признает мать твою повинной и приговоренной. Иди, волк, не срами стаю.

Они вышли к поляне, когда холодный свет луны пробился сквозь листву, крася в серебро тяжелую еловую лапу, низко опустившуюся к земле. Опираясь на нее, Акуинья осторожно ступала на землю за границей поляны, а Глаша неразборчиво шептала ей в спину, складывая пальцы в защитный знак.

Это выглядело до того нелепо, что Демьян растерял всю ярость, которую так жадно копил по пути. Растерянные и всклокоченные тетки были словно большие птицы, попавшие под дождь. Перемазанная в жирной грязи Глаша начала грызть ногти, стоило ей закончить часть наговора и замолчать. Акуинья так и вовсе скакала на одной ноге — опускала вторую в траву и тут же бросалась в сторону. Это скорее походило на сумасшедший танец, а не на темную ворожбу, достойную жен Хозяина.

Дема фыркнул, повернулся к подоспевшему Олегу и хотел бросить ему что-нибудь насмешливое, но мальчик так побледнел, так заострились черты его лица, что по спине Демы побежал озноб.

— Что? — тихо спросил он, сам не зная, о чем спрашивает.

То ли что происходит тут, то ли почему брат так испуган. То ли что за бес привел их сюда, таких молодых, таких новых, к этим безумным старухам, прыгающим по границе поляны в дремучем лесу.

— Болото, — еле шевеля губами, проговорил Олег и кивнул в сторону теток. — Там.

Этого не могло быть. Болото пробиралось в лес со стороны спящего озера. Медленно подтапливало низины, хлюпало под лапами зверья, меняло извечные тропы. Неспешное, неотвратимое, оно обязательно добралось бы и сюда, но не так быстро. Годы понадобились бы ему для победного пути через чащу. Годы, не часы, пока Демьян валялся без памяти на столе. Но Акуинья продолжала пробовать на твердость землю под собой. А рука ее цепко держала крепкую лапу ели.

Демьян сделал шаг, сделал другой. Тетки, занятые делом, его не заметили. Он и сам не видел больше ни застывшего брата, ни растерянную девку — только жижу из земли, воды и мха, которая расплзалась за вытоптанном кругом лобной поляны. Дема втянул носом лесной дух и тут же закашлялся: острый запах сырости, гнилой запах стоячей воды и грязи. Болото пришло к ним на порог.

Дема глотнул воздух, закашлялся, а когда сумел разлепить мокрые ресницы, увидел перед собой Матушку. Та подошла совсем близко, мигом бросив бесполезную ворожбу.

— Пришел... — выдохнула она, потянулась рукой, но не решилась. — Живой.

— Что здесь?.. — начал Дема, сбился, обвел невидящими глазами поляну, скользнул по бледным лицам родни, по девке, которую бросил на кромке леса. Вопросы роились в нем, сталкивались, гомонили, он не мог вычленивать из этой кучи один-единственный. — Как это?.. Нет!

Все происходящее отдавало безумием. Столько лет они жили в ладу с лесом. Строгие границы нарушала топь, но и та вела себя смирно. Как появилась она здесь? Как сумела? Почему извечный закон перестал сдерживать ее именно сейчас? Дема понял, что дрожит, тело свело судорогой, зубы сжались так, что закрипели челюсти, изо рта вырвался хриплый рык. Кровь оглушительно билась в висках, и Дема не слышал голос Матушки, она что-то говорила ему, а Демьян видел лишь, как раскрывается ее рот: тонкие губы растягиваются, черная дыра, ведущая в недра ее бездушного тела, то увеличивается, то уменьшается.

— Замолчи! — рыкнул Дема, усилием воли заставляя мир обрести звуки. — Слушать тебя не хочу.

— Нет, ты погоди, Демушка. — Сухая рука матери все-таки опустилась на его плечо, и Демьяна передернуло. — Это все потому, что ты не привел озеру девку! Вон же она стоит, живая, туда ее нужно, к спящему... Тогда болото и отступит! Тварь прожорливая спит на дне, ты бы сходил, Демочка, покормил бы ее!

Это был первый раз, когда Аксиныя произнесла такое вслух. Возьми девку, отведи к озеру и накорми спящего. Будто в обряде не было ничего странного, ничего преступного. Вот чем занимается Хозяин леса — кормит Хозяина озера, вымалывает у него еще чуток времени, чтобы успеть прожить пару жизней за счет других. Кровь меняется на время. Жизнь — на смерть. Безумные, беспомощные и несчастные умирают, чтобы Хозяин жил.

— Значит так, да? — ровным, а от того жутким голосом спросил Дема, впиваясь взглядом в мать. — Так просто? Убить девчонку, прогнать болото. — Аксиныя дернулась, но отвести глаз не смогла. — Так мы продолжим жить? Может, мне еще из города жен себе воровать? Насиловать их тут, на этой самой поляне? Чтобы они мне сыновей рожали? Да все не тех. От спокойствия не осталось и следа, он уже кричал, наступая на Аксиныю, а та пятилась. Еще чуть — и перешагнет границу.

— Демочка... — попыталась она, но Демьян не желал ее слушать, кровь снова стучала в висках, гонимая бешено колотившимся сердцем.

— Молчи! — рыкнул он, чувствуя, что утоптанная земля под ногами становится мягче и мягче. — Столько лет мы все тебя слушали! Матушка... Ты никому не мать! Я твой единственный, но ты и мне матерью не была!

— Не надо, Дема... — Тетка Глаша проскользнула между ними, спрятала сестру за спиной. — Коли ты Хозяин теперь, то будь милосердным...

— Милосердным? — Демьян даже остановился от удивления, хохот запершил в горле, но Дема сглотнул его вместе с вставшей там горькой водой. — Беглецов из психушки воровать да резать на берегу — это милосердие? Плодить детей в глуши, учить их жизни, как волки волчат своих не учат, — это милосердие?

Глаша дернулась, словно он ее ударил. Помотала головой — седые космы закачались в такт тонким веточкам опавшей ивы, — поджала губы, пожевала ими: совсем старуха, бессильная, пустая и гулкая внутри.

— Ты слишком молод, чтобы понять... — наконец ответила Глаша, продолжая удерживать Аксиныю за спиной. — Угомонись, Дема, не кричи... Вернемся в дом, будем думать, как дальше...

Дема застыл, а под ногами его слабо хлюпала жидкая грязь — предвестник болотной топи. Тетки уже увязли в ней по щиколотки, он видел это и мысленно ежился от холода и страха.

— Ну, ты же не глупый, ты же сам все видишь... — примирительно пробормотала Глаша, позволяя Аксиные отойти в сторону и встать на твердую землю поляны. — Не время сейчас делить да мериться... Зазовка нам предсказала беду.

— Кто? — Убаюканный голосом тетки, который с детства имел над ним особенную сонную власть, Дема не сразу понял, о чем та говорит, но мерзкое полужнакомое слово быстро отрезвило его. — Кто предсказал?

— Демочка... — испуганно вырвалось у Глаши, и та в страхе оглянулась на сестрицу, понимая, что осторожная ее ворожба раскрылась.

— Ты позвала сюда эту тварь? — Одним рывком Дема сбросил с себя дурман и схватил мать за плечи, тряхнул как следует. Из худой груди вырвался стон.

Глаша запричитала, бросилась к ним, начала звать Лежку на помощь, поминая и Батюшку, и лес, который был им нерадивым господином, но Демьян того не заметил. Только испуганные

глаза матери видел он, только ее загнанное дыхание слышал. Она молчала, не пытаясь высвободиться, принимая этим молчанием всю вину.

— Ты что, заовку пригласила? Сюда? — Дема просто не мог поверить. — С ума совсем спятила, старая? Отвечай! — Он тряхнул ее еще раз, сильнее, голова Аксиньи безвольно откинулась. — Отвечай!

— Я пыталась тебя спасти... — пробормотала она и устало закрыла глаза.

Теперь кровь не только пульсировала в висках — она заливала глаза. Все стало розовато-алым, тревожным, злым. Только в таком мире Матушка и могла обратиться к самому мерзкому, самому мертвому колдовству. Вызвать на землю порождение болота, говорить с ним, делиться силой и частью души — на такое бы не решился никто, сохранивший хоть крупницу рассудка. Но мать решилась. Вот почему болото подошло так близко.

Еще чуть, и Демьян бы разразился смехом, а после б зарыдал. Что-то дрогнуло в нем, и Матушка тут же приняла это за слабость, позволила себе прикоснуться сухой ладонью к его щеке.

— Мальчик мой, я хотела тебя вернуть. Я пошла бы на все... Лишь бы болото не забрало тебя. Ты обращался... Ты становился его Хозяином.

От этих слов Демьяна затошнило. Батюшка любил пугать его в детстве: мол, не примет тебя лес, сынок, — станешь болотником. Жижка потечет в твоих венах вместо крови, говорил он, разверзнется топь и поглотит тебя. Так что кушай кашу да слушайся теток своих. Дема, конечно, не верил, но тут же подчищал тарелку с вязкой кашей, каждый противный комочек, до самого дна.

— Что было бы, потеряй мы тебя? — Его молчание длилось, а Матушка набиралась уверенности, теперь ее голос звучал громко и властно. — Сам подумай, был ли у меня выбор? — И сама же ответила: — Был! И я решила отдать ему ненужного нам, незначимого... Что этот мальчонка? Пустое эхо. Вторит, но не говорит. А ты... Ты — мой сын, Хозяин...

Аксинья совсем успокоилась. Она продолжала гладить Демьяна по щеке, вторую ладонь доверительно положила ему на плечо. Где-то позади них застыла родня. Целый лес прислушивался к ее речи, уверяясь, что Матушка вновь вышла сухой из воды.

Но бесполезный мальчонка был сыном Поляши. Рыжий колобок — темные веснушки, мягкие ладони, звонкий голос. Он нес в себе ее тепло, ее кровь и память о ней. Если Степушка и вторил эхом чьему-то крику, то ее — предсмертному. Материнскому воплю, с которым Поляша вытолкнула из себя новую жизнь и умерла. Обратилась в тварь с холодной кожей и черными глазами.

— Ты убила его? Степана, — сквозь зубы спросил Демьян, зная ответ.

— Я предложила болоту обмен... — примирительно начала Аксинья, в ее глазах мелькнула тень. — Кто-то должен был принять решение...

— И ты приняла его.

— Я — Матушка, я должна была...

— Да, ты — Матушка лесного рода. — Демьян наконец оторвал глаза от мокрой земли и посмотрел на Аксинью, та из последних сил пыталась скрыть испуг. — Так почему же отдала сына своего болоту?

— Я пыталась... — Она медленно убрала ладонь.

— Я не спрашиваю, что ты пыталась. Я задаю тебе вопрос: почему?

— Не говори со мной так, сын! — Она свела брови, но вместо гнева по лицу пробежала судорога.

— Я не твой сын больше. Я — Хозяин леса, ты сама же назвала меня так. Отвечай: почему позволила болоту забрать кого-то из нас, лесных?

Аксинья фыркнула, отступила, попыталась обойти Дему, но тот шагнул в сторону, преграждая ей путь. Теперь они стояли на самом краю. Позади Аксиньи расплзалась болотная язва, впереди высился Демьян, черный от ярости. Она судорожно сглотнула и попыталась улыбнуться.

— Холодно тут, может, в дом пойдем — там и поговорим.

— Нет. — Дема покачал косматой головой, сощурил злые, звериные глаза. — Это лобная поляна, суд вершится на ней.

— Суд? — взвизгнула Аксинья. — Какой такой суд? Кто против меня шагнет, кто докажет, что я... виновна? — Вопрос зазвенел в воздухе.

Дема оглянулся на стоящих за ним. Олег, казалось, врос в землю, как молодое дерево, такой же неподвижный и зеленоватый от испуга. Глаша стояла рядом, схватившись за его руку, чтобы не рухнуть. Она не сводила глаз с сестры. Та кивнула ей.

— Ну, может, Глаша? А? Сестрица, отдавала я болоту проклятому мальчика?

Старуха покачнулась, через силу отвела взгляд, но промолчала.

— Нет, ты вслух скажи, а то Хозяин не поверит. Виновна я?

Глаша продолжала напряженно молчать, будто земля сейчас разверзнется под ней и это станет избавлением.

— Ну? — властно прикрикнула Акси́нья, и сестрица сдалась.

— Нет. Не виновна, — прохрипела старуха.

Демьян только покачал головой. Он даже не надеялся, что тетка сумеет воспротивиться сестре, но затаенная боль, с которой Глаша, словно скотина, отданная на заклятие, покорилась чужой воле, была наотмашь.

— У этого и спрашивать не будем, он, сморчок болотный, говорить-то толком не может. —

Акси́нья хмыкнула и посмотрела на сына. — Что ж, выходит, Хозяин, невиновна я. Мальчонка испугался и в лес убежал, не поймали его, тебя спасти пытались. Вот и потонул, бедняга. А как — и не видел никто.

— Я видела.

Во всей этой круговерти Демьян успел позабыть о девке, которую так остервенело тащил сюда через лес. Она пряталась в тени, молчала, слушала, а может, и понимала что-то. Потому шагнула вперед, подошла совсем близко. Ее полуголоое тело мелко дрожало, но голос оставался ровным.

— Я видела, как ты говорила с темной тварью... — начала она. Скривилась от отвращения, но заставила себя продолжить: — Не знаю, что это было. Но пахло от нее... Гнилью. Падалью. Грязью.

— Зазовка, — кивнул Демьян.

— Да, зазовка. — Леся сделала еще шаг. — А потом ты... — Теперь она стояла напротив Акси́ньи — тоненькая, хилая, уверенная в своих словах. — А потом ты толкнула мальчика к ней. Прямо в руки. А он... Он умел вырезать из деревяшек листики! Красиво умел! — По бледным щекам покатались слезы. Леся утерлась рукавом. — Не знаю, что тут творится, но ты отдала ребенка мертвой твари. И она забрала его в топь.

На мгновение поляна утонула в тишине. Застыл лес, утихли птицы, перестал шуметь ручеек, текущий между камней. Мир замер, ожидая решения Хозяина. Первой очнулась Акси́нья. Она пожала плечами.

— Мало что безумной привидится... Мало что она говорит. Не было такого. Не было и все. Замерзла я. В дом пойду. — Она попыталась обогнуть сына, но тот с силой толкнул ее в грудь, и Акси́нья повалилась на землю.

— Девка жила в доме, девка видела ворожбу, я ей верю, лес ее слышит. И слова ее — против тебя, — процедил он, нависая над матерью.

— Не наша она! Хлеба с нами не ела, кровью не платила. — Акси́нья пыталась встать, но от страха совсем обессилела, лишь загребала руками грязь.

— Ела! — подал голос Олежка, отцепил от себя застывшую мать и повторил: — Ела! Я ломал с ней хлеб! И кровью она клялась на серпе. Было это, было!

Демьян хотел улыбнуться брату, но лицо его сковал холод. Ночь не была морозной, да и звериный жар всегда грел его, но Демьяна все равно колотил озноб. Он так давно мечтал об этом мгновении, так долго представлял его себе, а теперь, когда пришло время мстить, сердце заметалось в груди. Мать копошилась в ногах, болото под ней жадно хлюпало. Один удар ножа — и все закончится. Но как сделать его? Где найти силы? Как решиться? Эта смерть перечеркнет в нем все человеческое, оставляя звериное. А тело, породившее его, станет гнилью, уйдет на дно топи. Будет лежать там, безвольное и пустое.

Акси́нья продолжала что-то говорить, тянулась к сыновьям ботинкам, порывалась обнять, а Дема все не мог заставить себя дотронуться до пояса. Только родовым кинжалом вершится суд, говорил Батюшка. А теперь этот кинжал окончит жизнь его главной жены.

Как жена эта прервала жизнь последнего его сына.

Дема опустил ладонь на пояс. Провел рукой в поисках холода старого лезвия и шероховатой кожи рукояти. Акси́нья затихла в грязи, она дышала тяжело и прерывисто, глаза ее

округлились, капли пота медленно стекали по лбу. Жалкая, стареющая баба, лишившаяся сил, не знавшая любви. Она бы захрипела, кинулась в чашу, надеясь, что лес защитит по старой памяти, но силы оставили ее, сменив гнев на слепое отчаяние. За годы жизни с Хозяином леса Аксинья научилась многому, но лучше прочего — чувствовать, когда решение принято им и ничего уже не изменить.

Вот и Демьян был готов свершить суд. А дальше? Да будь что будет. Еще один удар. Еще одна смерть. И все они станут свободными.

Только кинжала на месте не было.

ОЛЕСЯ

Бывает, что время замирает на половине шага. Вот одна его лапа — косматая, когтистая, а может, напротив, скользкая, в серебринках чешуи, — уже занесена над будущим, но остальные еще там, в застывшем мире бесконечной секунды. И в пронзительной тишине растворяются звуки, и затихает ветер, и не шумит листвою высокий ясен, одна только глупая птица чирикнет разок-другой, но тут же подавится собственным криком. Время поводит носом, опускает тяжелые веки: увидел бы кто — принял его за спящее, — и просто ждет, когда миг сменится, когда свершится то, что его задержало.

Леся не была знакома с временем, живущим в самой чащобе, она и чудищ-то толком не видела, но что-то в ней натянулось, зазвенело испуганно, восторженно, понимающе. Были бы у нее часы, она бы сразу поняла, что секундная стрелка не движется, но часов на ней не было, как не было ничего, кроме разорванной рубахи.

Влажная земля холодила и без того продрогшие ноги, холод поднимался выше, сковывал сердце, туманил голову. Потому Леся не раздумывая подала голос, спеша обвинить старую ведьму. Потому не испугалась ни ярости в глазах Аксиньи, ни растерянности Демьяна. Тот все продолжал топтаться на границе поляны, шарил по поясу, ища поддержку, но решиться на удар не мог. А сколько гонору было в нем, пока они тащились по лесу! Сколько угрозы, сколько злости! Куда все делось? Куда ушел зверь, почему на его месте стоит человек, к тому же не самый решительный? Ты же хотел убить ведьму, так убивай! Ты же обещал, что кровь прольется, так давай же! Лей ее, напои землю! Лесе казалось, что она кричит все это в спину Демьяна, горло напрягалось, связки сжимались, губы шевелились в такт обвинению. Но оледенелый рот не издавал ни звука.

Олеся продолжала стоять, дрожа всем телом, Демьян продолжал топтаться на краю, у ног его вилась Аксинья. И время застыло между ними: одна тяжелая лапа — в будущем, остальные — тут, на родовой поляне, в секунде, которой не было конца.

А после вязкую тишину разорвал хриплый шепот Аксиньи.

— Кинжал...

Демьян все шарил по поясу.

— Кинжал, — проговорила она чуть громче.

Леся не могла видеть, изменилось ли выражение некрасивого лица, но спина Демьяна окаменела. Он медленно опустил руку.

— Кинжал! — Аксинья перестала загребать землю руками и выпрямилась. — Ты потерял кинжал, волчий потрох! — Она помолчала, пробуя слова на вкус, запрокинула голову и захохотала. — Ты потерял кинжал!

Демьян отшатнулся, словно смех этот ударил его в грудь, но тут же ринулся вперед. Леся тихонько шагнула в сторону. Если б не холод, что сделал ее тело непослушным, она бы кинулась в заросли боярышника, лишь бы не попасть под раздачу. Только драки опять не случилось. Аксинья вскочила с земли, поскользнулась, но сохранила равновесие и выставила перед собой руку ладонью вперед. Бегущий к ней Демьян застыл, будто налетел на прозрачную стену.

— Я тут Матушка, сынок, на этой земле ты меня не тронешь! Только родовая сталь путь мой окончит, а ты, волчонок мерзлый, не пытайся даже!

— Убью, гадина... — прорычал Дема, но подойти ближе так и не смог.

— Не убьешь. — Аксинья покачала головой, взлохмаченные волосы чуть заметно трепал ветер, отчего старуха стала похожа на сухое дерево с длинными тонкими ветками. — Ой да глупый-глупый волк, силу рода не сберег! — Скривила губы, сплюнула в траву.

— И что теперь? — глухо спросил Демьян. — Так и будем стоять?

Леся почувствовала, как разливается по телу слабость. Холод больше не поддерживал ее за плечи, он начал давить на них, клонил к земле. Еще немного, и она упадет, и никто не придет ей на помощь. Ведь происходящее между ними было куда важнее холода и дождя, который принялся моросить с рассветного неба. И даже чудище-время признало это, замедлив свой бесконечный ход.

— Нет, не будем! — Акси́нья продолжала держать перед собой выставленную вперед ладонь, но вторая ее рука властно потянулась к сестре.

Все это время Глаша стояла совсем рядом, хваталась за сына. Их фигуры словно слились в одну — беззвучную, бездыханную. Еще одно причудливое дерево с широким стволом или камень, что в туманные сумерки легко принять за человека. Но стоило Матушке позвать, Глаша тут же ожила и шагнула к ней.

— Не дури, сестрица... — начала она.

— Пусть сынок твой принесет мне серп, — не слушая ее, приказала Акси́нья.

Лежка вздрогнул, но остался на месте.

— Серп! — повторила Матушка, продолжая сверлить глазами Демьяна. — Гонит мор, гонит лихо, зверя гонит, так и выгонит.

Демьян не сводил с нее звериных глаз. В чаще звонко запела иволга. Леся ее не слышала. Ей было холодно, она была голодна и напугана. И все, чего ей так отчаянно хотелось, — чтобы странные люди разобрались со всеми придуманными бедами и отпустили ее погреться в дом. — Вот что удумала... — Демьян фыркнул и разразился оглушительным хохотом. Знал бы он, как похож этот злой смех на тот, что прозвучал здесь раньше, на смех матери его, то смешно бы ему быть перестало. — Прогнать меня решила? Из дома? Так пробовала уже, а потом сама же обратно и позвала.

— Я тебя не гнать буду, я тебя отважу. Как волка чумного. Чтобы ко двору моему ты больше не ступил, — процедила Акси́нья. — Лес тебя не принял, кинжал ты потерял. Так чего еще? Уходи!

Ее ладонь чуть заметно дрожала, но Леся выхватила это во тьме и вдруг почувствовала бездонную горечь, необъяснимую тоску, боль в груди, которая и не была ее грудью. Но потом Демьян развернулся, пошел к застывшему Лежке, и боль сменилась яростью — слишком легко согласился сын на изгнание, слишком просто отказался от права быть Хозяином.

— Ты меня опередила, мать, — бросил через плечо Дема.

— Погоди... — Голос Акси́ньи задрожал вместе с ладонью.

— А что годить? — Сын стоял к ней вполоборота, хищно улыбаясь. — Я сам хотел дать деру, а тут ты. Ну так гони, сейчас тебе Олег серп принесет, сотворишь ворожбу и все. Я б и так не вернулся, но тут точно знать буду, что вы меня назад не попросите. Кто б ни помер следующим. Акси́нья ничего не ответила, а вот Леся ахнула от вспышки невыносимой боли. Она не помнила, теряла ли когда-нибудь близких людей, предавали ли ее, оставляли, — образы прошлой жизни продолжали тонуть в липком киселе, но чувства, охватившие ее, были знакомыми. Только ей они не принадлежали. Это Олеся поняла, как только сумела отвести взгляд от поникшей Акси́ньи. В тело тут же вернулся холод, но чужая боль ушла.

А Демьян уже шептал что-то брату, побелевшему от страха и предчувствия беды. Леся смогла разобрать только:

— Принеси, говорю!

Легкий кивок, и Олег бросился через поляну в лес, будто с берега нырнул в холодную воду.

— Подождем, — сказал Демьян и опустился на утоптанную землю. — Скоро ты получишь свой серп, ведьма, а я получу свободу.

Акси́нья ничего не ответила, только растянула губы в тонкую линию, которую никак не вышло бы назвать улыбкой одержавшего победу. Так и сидели они — друг против друга, чужие так сильно, как умеют быть лишь единые по крови.

ОЛЕГ

Олег очень спешил, отталкивал от себя острые ветки и тут же бежал напролом, а те злобно стегали его по лицу, недовольные прерванным сном, но боли Лежка не чувствовал. Темнота будущего сгущалась. Чего ждать от него, если настоящее рассыпается подобно пересушенной

хлебной корочке? Как жить в ладу с лесом и родом, если к родной земле подбирается болото, а Матушка отдает мертвой твари одного из сыновей, к тому же самого слабого, самого младшего? Во что теперь верить? А главное, как забыть смердящую тень, что скользнула в топь вслед за Степушкой? Стоя на поляне, Лежка был готов завывать от отчаяния, разрыдаться как маленький, но тетка Глаша держалась за него, и подвести ее он не мог. Пусть серп и лишит лес Хозяина, но отправиться за ним было единственным спасением.

В темноте Олег несся по зарослям, забывая, как дышать, в боку предательски колело, щеки горели больным румянцем, но чем быстрее он бежал, тем дальше оказывался от семьи. От злых взглядов и слов, которые прозвучали, чтобы все изменить, сломать все, на чем держался этот мир.

«Я откажу тебя, как зверя», — сказала Матушка.

«Я и так хотел убежать», — ответил Демьян.

И ни забыть этого, ни стереть из памяти, что застывала в Олежке подобно тягучей смоле. Даже плотная темнота чащи — живая, дурманящая, глубокая, как старая запруда, — не исцеляла боли. Так и бежал Лежка, пытаясь скрыться от сосущей тревоги, пока не выбрался к дому. Утоптанная тысячами шагов земля родовой поляны приятно пружинила под ногами. В деревянной пристройке мирно спали куры, тихонько покачивались на насестах, поджидая рассвет и первую звонкую песню их собственного Батюшки. Лежка знал двор лучше, чем себя самого. Шагнешь направо — будет просторный хлев, две коровы и пушистые овечки. Олег мечтал о лошади, да зачем она нужна в лесу? Только гладить по крутой шее, расчесывать гриву, смотреть в большие, умные глаза да кормить с руки яблоком. Но лошади не было, был ушастый ослик, которого все тайком звали Генкой, хоть тетки и не разрешали давать скотине имена. А стоит выйти из хлева, свернуть в сторону, пройти по дорожке, так сразу уткнешься в его, Олежкины, владения: большая печь с теплыми даже в самую стужу боками, запах горячего хлеба, раскаленных углей и мучной взвеси. Все нужное для пирогов привозилось из города, но готовили они сами, с особым трепетом пекли ноздреватый, пышный хлеб. Лежка любил держать его в руках, вдыхать теплый, сытый дух спокойствия и дома.

Сам дом высился посередине: в два крепких этажа, с терраской и высокой лестницей — резные ставни, завалинки, покатая крыша — ее Батюшка успел заложить городской черепицей, чтобы не текла в дни октябрьской мороси. Он вообще не гнушался благ цивилизации, это Матушка не признавала их, но разве поспоришь с Хозяином? Кто теперь будет уходить к людям, чтобы принести в дом важные мелочи, которые ничем не заменишь, никак не найдешь в лесу? Олежка не знал ответа. Он просто шагал через родовую поляну, смотрел на очертания дома, с трудом различимые в кромешной темноте, и никак не мог понять, что так пугает его в привычной картине.

Только ступив на первую, уютно скрипнувшую ступеньку, Лежка вздрогнул, запрокинул голову, чтобы увериться, и бросился наверх.

На него равнодушно смотрели темные провалы слепых окон. Да только в доме, где ждет новостей, мается, боится, тревожится Стешка, не может быть темно. Там должен гореть огонь печи, на каждой полочке — полыхать свечи, даже старую лампадку зажгла бы дрожащая рука сестры, и никак иначе. Уж Стешку Олег знал, уж ее большое, кроткое сердце успел выучить не хуже родного двора. Сестрица бы не уснула, не ушла бы к себе баюкать Феклу. Она бы застыла в окне — бледная, тоненькая, то ли живая девица, то ли дух лесного рода.

Но из окон лилась одна только тьма.

Лежка распахнул дверь, та скрипнула, отворяясь. Из коридора пахло безмолвием. Олег переступил порог, слыша, как бешено колотится в груди сердце. Иных звуков в доме не было. — Эй... — чуть слышно прошептал Лежка.

Шепот его разнесся по дому, отскочил от стены, уперся в дверь Матушкиной спальни, скользнул в тонкую щель, что вела в комнату общую. Там должна была ждать их возвращения Стешка.

Олег постоял, моля лес послать им спасение, но сестра не отозвалась. Только дом легонько скрипел, продолжая вековое свое житье.

— Стешка!.. — уже громче позвал Лежка.

Теперь его голос прорезал тишину, проник в стены, отозвался в них новым скрипом. Но сестра молчала.

«Спит, — мелькнуло в голове. — Спит. Умаялась, прилегла на минутку и уснула».

Кого уговаривает он — себя ли, дом ли, тонущий в тишине, лес ли, равнодушно шумевший вдали, — Олег не знал, но твердил это, пока шел по коридору, с трудом поднимая ноги над полом, — тело вмиг стало непослушным. В общей комнате царила все та же тишина. Лежка заглянул в щелочку, но, ослепленный страхом, не смог ничего разглядеть.

— Стеша... — жалобно протянул он, чувствуя, как немеют губы. — Стеша!

Глаза привыкали к темноте не так быстро, как звериные, но мало-помалу Олег начал различать, что тьма комнаты рассеивается, что в ней скрываются линии, грани и силуэты. В центре раскинулся стол — еще недавно на нем бессильно распластанным лежал Дема. Полочки на стенах, склянки, расставленные по ним. Длинная скамья в углу, стеганое покрывало. Края мягко спускались на пол. Лежка скользнул по ним взглядом и лишь потом разглядел, что на полу лежит еще что-то. То ли коврик, принесенный кем-то из спальни и брошенный кулем, то ли куртка, скинутая с усталых плеч. Стешки в комнате не было.

Олег судорожно выдохнул, понял вдруг, что все это время не дышал. Сведенная внезапным страхом грудь не способна была на простое, изученное за годы жизни движение. Теперь же Лежка позволил себе перевести дух. Он легко распахнул дверь, вошел в комнату и зашагал к полкам — на одной из них обязательно найдется свеча. Олег уже представлял, как заиграет веселым огнем фителек, как вместе они войдут в девичью спальню и найдут там сестер.

Видать, Стешка увела Феклу в кровать и сама прилегла, тут сон ее и сморил. Лежат они теперь рядом, сплетаясь руками, как ивы — тонкими веточками. И во сне их лица спокойны, ласковы и нежны. Лежка сглотнул, прогоняя внезапные слезы. Он не успел как следует привязаться к старшей сестре — слишком мал был, когда она ушла в лес по зову неразумного сердца, а вернулась пустой. Но Стешку он любил. Ему хотелось поскорее увериться, что все в порядке, что сестрицы спят, а ему остается лишь найти серп и вернуться в лес. Он почти добрался до полки, даже потянулся к ней, когда нога вдруг заскользила на чем-то липком. Олег взмахнул руками, теряя равновесие, и повалился навзничь, не успев даже вскрикнуть.

Это было смешно. Шлепнись он так при Демьяне, брат долго бы потом вспоминал его неуклюжесть. Вот тебе и лесной род, вот тебе и сын своего отца да брат зверя! Лежка попытался встать, оперся ладонью о пол, но рука тут же поехала в сторону. Липкое прикосновение чего-то густого заставило Олега вздрогнуть. Он опустил глаза. По полу расплзлось широкое темное пятно. От него резко пахло смертью. Лежка поднес испачканную ладонь к лицу и наконец понял, что та густо вымазана кровью.

Крик застрял в горле. Олег попятился, размазал кровь по половицам. Остановился лишь, когда уперся спиной в стену. За ним тянулся след, будто раненый медведь полз в берлогу. Но Олег не был зверем, иначе не позволил бы себе еще один жалкий, просящий стон.

— Стешка... — Голос его достиг безжизненного тюка, что продолжал валяться на полу, раньше, чем Олег понял.

Он всхлипнул, дернулся, попытался, но не смог встать, и на четвереньках пополз к тому, что не было ни ковром, ни сброшенной курткой. Когда его вымазанная родной кровью рука нащупала ослепительно холодную ладонку сестры, в окно ударил первый луч солнца. Он разлился кругом, освещая и стол, и полки, и скамью, и дрожащие руки Олега, и кровавую лужу в центре комнаты, и Стешку, безжизненно лежащую в этой луже. Ее лицо было спокойно и нежно. Казалось, она просто уснула в странной, изломанной позе. Но широко распахнутые глаза не мигая смотрели в потолок, они не давали Лежке обмануть себя еще раз. Он попытался дотронуться до нежных век, но руки не слушались.

Так Олег и остался сидеть на полу, скорчившись над холодным телом сестры, пока в дом не вернулся род их, потерявший еще одно недолюбленное свое дитя.

ОЛЕСЯ

— Что ж так долго, за смертью только посылать! — ворчал Дема.

— Я за смертью его и послала, за твоей, сыночек, — злобно отвечала ему Аксинья. — Не будешь ты больше ни Хозяином, ни зверем. Так, шавка безродная.

— Даже представить не можешь, Матушка. — Обросшая темными лохмами голова качнулась в смиренном поклоне. — Как мечтаю я высвободиться от родства с тобой.

Они все препирались и препирались, сидя друг перед другом, и злоба их разливалась кругом, такая же зловонная и затхлая, как болото. Леся давно уже присела с другого края поляны,

оперлась спиной о дерево и вытянула ноги. Ей было невыносимо холодно, она с завистью поглядывала на плотную куртку Демьяна, но ни о чем не просила, только натягивала на голые колени обрывки грязной тряпки, в которую давно превратилась рубаха, да ежилась в предрассветном холоде.

Когда солнце нехотя начало пробиваться через кроны озябших деревьев, голос подала Глаша. Все это время она продолжала стоять, крестясь в стороны, будто ноги больше не были ей опорой. Тяжелый взгляд блеклых глаз сверлил заросли притихшего боярышника, откуда вот-вот должны были раздаться шаги Олега. Должны были, но не раздавались.

— Надо идти, — наконец выдохнула старуха, когда солнце опустило на землю первые лучи. — Беда там. Чую.

Ее скрипучий голос продирает до костей не хуже любого холода. Леся тут же вскочила на ноги, охнула от колючей боли в них, но сдержалась. Оказаться в теплом доме стало пределом ее желаний. Ради тепла и пусть мнимой, но защищенности, она была готова идти за Глашей хоть на край света.

— Нет, нужно серп дожидаться, — раздраженно дернула плечом Аксиныя.

Сухая ладонь Глаши опустилась на него и сжала так сильно, что Леся услышала хруст.

— Я сказала: беда. Идем.

И они пошли. Леся уже и не помнила, в который раз она преодолевает этот путь. Теперь они не бежали, просто шагали самой странной процессией, которую видел лес. Костлявая, будто смерть, Глаша, за ней — потирающая плечо Аксиныя, следом Дема, мрачный и злой, впрочем, как и всегда, а за ним уже плелась Олеся, то и дело спотыкаясь босыми ногами о камни и кочки. Поляна тонула в тишине, тишиной был заполнен и дом. Молча они поднялись по ступенькам, только под Лесей скрипнули доски пола. В этом же торжественном, мрачном молчании они и вошли в комнату.

Свет лился из окна, набирал силу Пустующий без Демьяна стол, лавка, укрытая стеганкой, полки, мерцающие скляночками со снадобьями Аксиныи. И двое, скорчившиеся на полу. Олег беззвучно раскачивался — то склонялся над мертвой сестрой, то откидывался назад, страшно изгибая спину.

Что Стешка мертва, Леся поняла сразу. Еще до того, как разглядела темную лужу крови, растекающуюся кругом. Просто родник силы — молодой, робкой, женской — перестал наполнять этот дом чуть слышным перезвоном. Теперь в нем осталось лишь рычание зверя, шелест разошедшихся старушечьих душ да плач Лежки, чуть различимый в тишине горя.

Первой опомнилась Аксиныя. Она кинулась вперед, обошла кровавую лужу и след, что тянулся от нее к стене и обратно, принялась шарить на полках. Ее неуместная суета оживила Демьяна.

Он было шагнул к брату, но дотронуться не решился, только присел на краешек скамьи, погладил рукой стеганку, задумчиво рассматривая ее, будто вспоминал, где видел раньше. Но если и мог Дема в этот миг думать о чем-то, кроме мертвой сестры, распластанной на полу, то дикий, первобытный крик, вырвавшийся из груди Глаши, спугнул все его мысли.

Старуха упала на колени там же, где стояла, ударила лбом об пол, завывала, застонала и поползла к детям, разевая рот, из которого вырывался один лишь протяжный вой. Мгновение, и Глаша добралась до края кровавой лужи, но даже не заметила того, и прижала к себе Лежку, прерывая его бесконечное движение к сестре и от нее.

Так и застыли они, окаменевшие от горя, пока Аксиныя судорожно искала на полках то, чего там не было.

— Сядь! — прикрикнул на нее Демьян, отрывая взгляд от покрывала. — Не мельтеши!

— Серп! — через плечо зашипела на него Аксиныя. — Где мой серп?

Дема еще раз погладил стеганую ткань, будто та была живой, и медленно распрямил плечи.

— Он в лесу, Матушка. Кто пойдет к жениху своему долгожданному без подарочка? Вот и Фекла не пошла...

Аксиныя отшатнулась, взмахнула руками, словно отгоняя прочь правду, да только так ее не изменишь.

— Что говоришь такое, волк ты паршивый... — начала она, но захлебнулась страхом и яростью.

— Тот, кто спит на дне озера, примет невесту свою, и кровь ее рода примет, и серп себе заберет. — От безразличного голоса Глаши веяло могильной стужей.

Леся с трудом отвела взгляд от ее сгорбленной спины, тяжело сглотнула, развернулась на голых пятках и побежала по коридору прочь. Туда, где за последней скрипучей ступенькой начинался лес. Туда, где прозрачные лучи рассветного солнца не вязли в луже застывшей холодной крови.

ЧЕРНАЯ ЛЕБЕДИЦА

ПОЛЯША

Плач разносился по лесу, вторился эхом, множился им, обращался в пустое отражение самого себя, чтобы новая волна его родилась в глухой чаще в тот же миг, как утихла старая. Кто-то безутешно плакал, подвывал, хватал воздух, выдыхал его, не сдерживая отчаянных рыданий. С кем-то случилось горе, непреодолимое, страшное, темное. Кого-то оставили в беде, бросили обещавшие холить да лелеять. Кто-то остался один во тьме, и слезы его не могли утолить ни страха, ни боли, ни отчаяния.

Лес тревожно шумел, клонил тяжелые ветви, тянул их на зов плачущего, но как разобрать, где стенает тот, чьи стоны несутся сразу со всех сторон? Человек ли, звереныш, попавший в яму, да только плакал он будто из-под самой земли. Кому страдать в ней, влажной и холодной?

Лес не знал, да знала лебедица. Черной тенью скользила она над верхушками сосен, спеша к дому, который покинула мертвой.

— Не ходи, — уговаривали ее сестры. — Не ходи, неразумная.

А она лишь кусала губу, не чуя, как холодная кровь течет по подбородку.

— Куда ты, Полечка, пойдешь? — шептала ей Дарена. — Псы они злые, нелюди... Сыночка твоего у болота не отобрать. Сама сгинешь — будет кому прок?

Прижимала сестру к груди, гладила по волосам, а сама — холодная, как ключевая водица.

— Вот проснется нынче озеро, а тебя нет, что делать будем? — Белянка хмурила тонкие прозрачные брови, морщила лоб.

Как понять ей, не помнящей жизнь до смерти, чем терзается старшая сестра? Как объяснить несчастной девочке, которая и разум-то обрела, только отдав всю кровь свою молодую стоячей воде, что есть на свете и другие силы, кроме долга да служения?

— Если есть к кому лететь, милая, так лети. — Оленька опустила на руку сестры свою легонькую ладошку и прикрыла глаза — два озера, полных печали.

Молчала Сеня, крупные слезы текли по ее щекам. Не замечая того, плакала маленькая Милка, очень уж не хотелось ей расставаться с любимой сестрой, а Поляша лежала на земле, там, где рухнула, как подкошенная, и не могла заставить себя подняться. Оглушительный плач разносился по лесу, плач сыночка ее, кровинушки. Сестры не слышали его, что им какой-то мальчишка? Он далеко, а озеро — вот оно, рядышком, спит, но в любой миг может пробудиться, и как берегиням без седьмой сестры его встречать прикажете?

Пять лебедиц обнимали ее, пять лебедиц уговаривали остаться, но лишь у одной сестры Поля могла спросить совета. Веста стояла поодаль, прислонившись спиной к березоньке, почти слившись с нею. Такая же, как она, тонкая, такая же бело-черная. Шесть белых берегинь призвал к себе спящий на дне, одну черную. И вышли у него одна черная как смоль лебедица и пять белоснежных. А шестая с изьяном — на белой грудке ее чернело иссиня-смоляное перо. Случись что с Поляшей, Веста скинет белое одеяние и станет той, кем мечтается ей.

Холодный взгляд темных глаз пронзил Полину, по лицу сестры пробежала тень. Злость и ревность в ней боролись с долгом и честностью.

— Говори как думаешь... — попросила ее Поляша. — Мне нужно пойти. Если в доме хоть что-то еще хранит его тепло... Моего сыночка... Я отыщу это, принесу сюда, вымолю его жизнь у болота. Я могу успеть! До полной луны седмица... Успею!

— Успеешь, — кивнула Веста. Длинная коса — смоль с ледяными нитями седых волос — качнулась за ее спиной. — Если найдешь, если поспешишь... Но, ступив на землю рода, идти тебе обратно по лесу человеческими ножками по корягам да кочкам.

— Знаю.

— Лес тебя не примет, мертвая ты для него, он тебя проводил, он с тобой простился. Будет тебя и зверь хромоногий гнать, и осина столетняя упадет, чтобы путь твой преградить. Поля тяжело сглотнула, пересохшее горло отдалось колючей болью. Под землей, в болотной топи, надрывался ее сыночек.

— Знаю.

— Не обернуться тебе лебедушкой, пока не вернешься, пока ноженьки израненные в озеро не опустишь... А коль до седьмой ночи не возвратишься... Так лес тебе припомнит, что мертвая ты. Упадешь бездыханная да бескровная.

Оленька изо всех сил сжала ладонь сестры, зло обернулась на голос Весты.

— Что ж ты ее пугаешь? Не жаль совсем?

— Жаль мне тех, кто не выбирал свой путь. Кого силой привели, на колени поставили да горло вспороли. — Веста оставалась равнодушной, но березонька за ее спиной зашумела, закачалась без ветра. — Нас с тобой мне жалко. А сестрица сама в род пришла, душегубцу сына подарила. А теперь вот обратно просится. К живым.

— Прекрати... — Оленька поджала губы, отвернулась, прогоняя липкий след злых, правдивых слов. — Не надо так. Сестры мы.

— Сестры. — Веста глубоко вздохнула, умиряя гнев, веточки березы в последний раз скрипнули и опали. — Потому и прошу сестру свою не творить беды. Оставайся, Поля. Время смутное, ты нам здесь нужна.

Но Поля ее не слушала. Всем телом, прижатым к земле, она чувала, как волнует лес отчаянный плач покинутого ребенка. Ее ребенка. О чем говорить тут? Зачем спорить с безродными, бездетными да неживыми? Пусть и сестры они названные, но за лесом другая ее сестра отдала болотной твари рыжего мальчика. Не отменить этого, но, если поспешить, можно исправить.

— Простите, милые, — вздохнула Поляша, поднимаясь на ноги. — Нет у меня выбора. Я должна. — Задержала взгляд на Весте, замершей у березы. — А коли не вернусь к седьмой ночи, так тебе, сестра, наряжаться в смоль да темень.

Та глаз не отвела, только кивнула чуть заметно, мол, слова твои услышала и я, и сестры наши, и тот, что спит на самом дне озера жизни и не думает пробуждаться.

Поляша в последний раз обняла притихших берегинь, легонько поцеловала окаменевшую от горя Милку, сделала первый шаг в сторону, сделала другой... И вот уже взлетела над озерной поляной смоляная тень лебедицы, беззвучная в горе своем, сильная в праве решения.

Плач вел ее над лесом — все дальше от озера, все ближе к дому. Как отыскать в нем, враждебном и чужом, вещь, которая помнит тепло сыновьей ладошки, Поляша не знала, но продолжала лететь. Крылья становились все тяжелее, над глубоким оврагом Поля почти уже рухнула на землю не в силах совладать с недоброй волей этих мест, но дотянула до зарослей орешника. Когда ее ступни опустились на землю, боль пронзила Полю, будто тяжелая стрела, пущенная в упор.

Это лес отказывался принять ее, поминая, что мертвая она да оплаканная им.

— Ты уж потерпи, я ненадолго, — попросила его Поля и зашагала вперед — там лещина редела, уступая место родовой поляне.

Голые ступни полыхали холодным огнем, но что берегине боль? Что ей оковы старых законов? Почему мертвому не подойти к дому живых, если живые эти так легко отдают свою кровиночку мертвым? Поля шла вперед, властно расправив плечи, будто ей не страшно. Когда из-за колочих веток шиповника на нее зыркнули красные угольки глаз игошки, Полина скрипнула зубами, и тот скрылся как не бывало.

— То-то же, — шикнула она, чувствуя, как маленькая победа над лесной нечистью возвращает ей толику сил. — Берегиня я, черная лебедица, кто мне здесь указ?

Лес ответил ей шумом листвы, ветер принес отголосок сыновьего плача. Поля стерпела удар и поспешила вперед. До поляны она добралась, почти ослепшая от боли. Земля резала босые ступни, впивалась в них сотней ежовых колочек. Как раненая волчица, Поляша ринулась к границе, очерченной стараниями Батюшки, но переступить ее не сумела. Забилась о невидимую стену, зашипела на нее, твердя проклятия, но лес остался лесом, а поляна — поляной. Даже дом, чернеющий впереди, не заметил изломанную горем фигуру той, с кем попрощался однажды.

— Болото вас сгноит! Нелюди, бесы коряжные! Ненавижу! — завывала Поляша и упала на колени. Она могла рыдать, вторя плачу Степушки. Могла выть побитой лисой. Могла кричать, как сумасшедшие, что нет-нет да приходили под сень леса, чтобы навеки остаться в нем, питая

плотью своей корни вековых деревьев. Не могла лишь решиться и попросить помощи у того, кто ни в чем ей еще не отказывал.

Имя его горчило на пересохших губах. Зверенок ее, волчонок. Глупый мальчишка, недолюбленный, дикий, упоительно жадный до тепла. Демочка, Дема, волчонок ее, зверенок. Имя почти вырвалось из горла Поляши, когда от темноты дома отделился маленький комочек. Кто-то бежал, петляя, как заяц, от крыльца прямо к орешнику.

Поляша слотнула слюну, в которую обратился произнесенный зов, взгляделась в рассветную мглу. Над вытопанной травой стелился густой туман, влажно поблескивала роса. Бегущая — растрепанная и худая — смердела болотом, благоухала жизнью и неслась прочь от дома, то и дело поглядывая через плечо.

— Беги сюда, беги сюда, девочка... — беззвучно позвала ее Поля, и та, будто услышав, замедлила бег.

Ее грудь тяжело вздымалась, на бледных щеках горел румянец жара. Она уже не бежала — шла вперед, высоко подняв голову. Впереди высился рассветный хмурый лес. Ни тропы в нем, ни надежды.

Но надежда загорелась в Поляше.

— Стой! — крикнула она, поднимаясь с колен.

Тело скрутило огненной болью, но лицо осталось спокойным.

Девка застыла на половине шага, перевела взгляд от макушек вековых сосен вниз, встретилась глазами с Полиной, попятилась. Но куда отступать, если позади — утонувший в мертвой тишине дом, из которого так отчаянно бежала? Поля чувствовала, как разливается кругом страх. По нему девку было легко узнать — не по облепленным грязью коленям, не по волосам, превратившимся в спутанный колтун. По страху. Безумная, пришедшая в лес за погибелью своей. Еще одна жертва, ненужная спящему.

— Стой, неразумная, — проговорила Поля, делая осторожный шаг к девке. Та покачнулась, но не отпрянула. — Куда спешишь? Лес на рассвете голодный.

Девка повела плечами, будто не понимает речи, но страх исчез из ее глаз. Там вообще ничего не осталось — пустота, прозрачный свет, таким он бывает по весне, когда голые деревья напитаны соком, но еще не выпустили почки. Как и в них, что-то зрело в беглянке. Но что, Поля никак не могла разобрать.

— Не спеши в чашу, не спеши... — растерянно попросила она, зная, что слова ее должны дурманить, заговаривать, литься водой, лишать воли, полнить желанием.

Но как подступиться к той, в чьем взгляде весенний голый лес?

Поляша растянула губы в улыбке, заставляя себя видеть в девке лишь то, что в ней на самом деле было: худобу, болезненную бледность, безумие, страх. И никакого леса, откуда тому взяться?

— Тихо-тихо, слушай меня, просто слушай, — начала Поля, но беглянка шагнула вперед, удивленно подалась навстречу, покачала растрепанной головой.

— Ты же мертвая! — изумилась она.

Но не испугалась. Почему она не испугалась? Сама-то Поляша чуяла, как страх сжимает ее холодное сердце.

— Тише-тише! — жалобно повторила она. — Я не за тобой, не к тебе я! Не бойся, нечего живой меня бояться...

Девка смерила ее пустым прозрачным взглядом и, подумав, кивнула.

— Значит, ты за мертвой пришла? — И вдруг съежилась, теряя равнодушную свою лесную силу. — За ней, да?

— В доме покойник? — стараясь, чтобы голос не дрогнул, спросила Поля.

Девка кивнула, всхлипнула, переступила босыми ногами. Больше в ней не было ничего жуткого. Обычная девочка, такой же безнадежной душой сама Поля и пришла в лес, чтобы сгинуть в чаще.

— Кто?

Смерть ведьмы Поляша бы почуяла, значит, старая Глаша. Теплые руки, доброе сердце, дух дома, впитавшийся в седые волосы... Тетку было жалко, да что там, до слез жалко, но мертвое сердце выдержит такую беду.

— Стешка. — В рассветной дымке ответ прозвучал коротко и безжалостно.

Поля вскинула глаза на девку: у той дрожали посиневшие от холода губы. Не врет. Вот оно как. Двух родовых детей потерял нынче лес.

— Мы пришли, а она... Мертвая. В крови вся...

Где-то далеко, на дне темного омута памяти, Поля хранила образ тихой девочки с тонкими волосами, собранными в тугую косу. Девочка и родилась-то хиленькой, молодость да сила Глаши давно канули в небытие, а та все пыталась родить наследника прожорливому лесу. Так и росла Стеша нежеланной, но любимой. В большом теткинском сердце каждому нашлось место. А теперь безжизненное девичье тело осталось лежать в луже крови. Так поступает лес с теми, кто ему не нужен. Сбежать, сбежать бы прочь из него, оставить за спиной и орешник этот, и могучие сосны, и кочки, и низины, и нелюдь всю, прячущуюся в них. Да только сама Полина давно корнями проросла в чашу, а вот у девки был еще шанс спастись.

— Ты что ж, испугалась покойницу да сбежала? — спросила ее Поляша, добавляя в улыбку тепла.

Беглянка кивнула, утерла лицо, насупилась ребенком, ожидающим трепку.

— Глупо. — Поляша решила говорить с ней, как с неразумным дитятей, а лес весенний во взгляде, так тот привиделся с горя, и все тут. — Глупо одной в лес, босиком, без дороги. Сгинешь.

— Не могу тут. — Девка потянула разодранную ткань рубахи к грязным коленкам, острым, как речные камешки. — Мне в город надо... Куда угодно, только б не здесь.

Она говорила тихо, но так отчаянно, что даже Поляшу, давно позабывшую людские тревоги, пробрало. Куда идти ей, испуганной и чужой, Поля знала. Мимо орешника, по краю оврага, там наискосок по березовой рощенке да к основному бору, а дальше... Дальше будет дом. Серый, в шесть унылых этажей, с обсыпавшейся штукатуркой и скрипучими лестницами. Острая сетка, отделяющая заросший двор, безликие лавки, вбитые в землю. И шатающиеся без цели и смысла фигуры в длинных халатах. Сумасшедшие на прогулке. Целый дом сумасшедших. Место, что кормило болото свежей кровью. Место, откуда Батюшка уводил несчастных, чтобы продлить свою жизнь, прерывая их жалкое существование.

Отвести туда девку — невеликий труд. Два, ну, три дня в дороге. Куда легче, чем стоять тут, чувствуя, как рвется из земли враждебная сила да кусает босые ступни. А от дома того до озера рукой подать. За седмицу успеется. И пойдет Поляша на поклон к спящему, чтобы вызволить сына.

— Я знаю дорогу, — сказала она, принимая решение.

Девка встрепенулась, улыбка было тронула ее губы, но тут же завяла.

— Ты мертвая. С чего мертвой мне помогать?

Поля с трудом сдержала разочарованный стон — может, стоящая перед ней и была сумасшедшей, но точно не дурой.

— Потому что вначале ты поможешь мне, — ответила она и помолчала, подбирая осторожные слова. — Мальчик. В доме был мальчик. Этой ночью его отдали болоту.

— Степушка! — перебила ее девка, снова всхлипнула. — Рыжий такой, хороший очень...

Добрый, милый... Он мне листочки показывал...

Ох, как хотелось Поляше вцепиться в беглянку, вытрясти из нее все до последней мелочи!

Чтобы та рассказала ей, как смеялся мальчик, как дышал, как говорил, не успевая за резвыми своими мыслями, чем пахла его золотая макушка, какими мягкими были ладошки. Но Поля сдержалась. Потом, потом она все узнает сама.

— Да, он. — Повысила голос, чтобы девка перестала причитать. — Возвращайся в дом, найди вещичку какую-нибудь, чтобы помнила его, хранила еще тепло... Что-нибудь, что дорого ему было перед самой... — Сбилась, сглотнула слезы. — Перед самой гибелью. Найди это. И принеси мне.

Девка ничего не ответила, склонила голову, спрятала лицо за волосами — не разглядишь, не поймешь, о чем думает, что решает. В курятнике завозился петух, изготовился встретить новый день. Родовая земля терзала Поляшу, но та продолжала стоять в ожидании ответа.

— Значит, — медленно проговорила девка. — Я принесу тебе это... А ты выведешь меня из леса?

Ты ж моя умница. Ты ж моя хорошая, соглашайся, соглашайся, соглашайся скорее! Девочка моя, красавица, выведу, за ручку отведу, только принеси. Хочешь, на колени встану? Хочешь,

сердце свое мертвое из груди вырву и тебе отдам? Все, что хочешь, все, что пожелаешь. За сыночка моего, за кровиночку!

— Да, — только и ответила Поля.

— Принесу и пойдем? — не унималась девка. — Прямо сразу пойдем?

Ах ты, тварь подколодная! Ах, куница гулящая! Ах ты, мерзкая сука! Да я тебя разорву, да я на кусочки разнесу по всему лесу, под каждым пнем тебя закопаю, не соберешься! Ишь чего удумала, цену себе набивает! Да я тебя под волка шелудивого положу! Да я космы твои паршивые по волосинке выдеру! Тварина подлая! Убью, как есть убью, не дрогну! Берегиня я, чего мне бояться!

— Да, — сорвалось с мертвых губ.

— Клянешься? — не унималась девка.

Ненавижу тебя, боюсь тебя, молиться тебе готова. Да я тебя в такую чашу заведу, что ты свет белый забудешь раньше, чем сгниешь в корнях!

— Клянусь.

— Чем клянешься? — И снова во взгляде беглянки засквозил пустой прозрачный свет, будто сам лес шумел где-то в его глубине.

— Озером клянусь, — послушно проговорила Поля. — Спящим на дне его клянусь. Крылом ночным, кровью родной, всем, что мое, клянусь.

Девка постояла еще немножко, прислушиваясь к себе. Поляше показалось, что она слышит, как шумят вековые сосны, которых рядом-то и не росло. Но думать о том было слишком страшно. Страшнее даже, чем стоять на этой земле, снедаемой ненавистью живого к мертвому.

— Хорошо, — кивнула наконец девка. — Жди. Я быстро.

Развернулась на голых пятках и зашагала к дому. Из курятника раздался первый пронзительный крик петуха.

ОЛЕСЯ

Мертвую, что пряталась в орешнике, Леся почуяла на бегу. Она спешила прочь от дома, а в ушах звучал голос косматого зверя. Слова его были непонятны настолько же, насколько страшны. И холодное девичье тело в крови, и горе, скрутившее Глашу с Лежкой, и весь этот бесконечный ужас ночи навалились на Лесю, стреножили, сковали грудь.

Она могла рухнуть на пол, скуля, как побитый щенок, но вместо этого выскочила на холодный, прозрачный воздух и побежала. Лес раскинулся перед ней — высокий, непроходимый и, видимо, живой. Он равнодушно шумел, освещая верхушки в первых, еще холодных лучах рассвета. Те не грели, только очерчивали границы видимого, такие же бесстрастные к чужому горю, как и все вокруг.

— Ну помоги мне! — попросила Леся беззвучно и отчаянно. — Ну хоть кто-нибудь, помоги мне!

И тут же в нос ударил запах стоячей воды, камыша и мокрых тяжелых перьев. Кто-то прятался в лещине, кто-то неживой, посланный ей на помощь.

— Спасибо.

Леся не ведала, к кому обращается, но больше не сомневалась: ее слышат. Слышат, поддерживают за локоть, наполняют равнодушной, хрустальной пустотой, которая оказалась куда спасительнее любой смелости, любой решимости.

Черные глаза смотрели на Лесю из зарослей орешника. Бледная, даже на вид ледяная кожа обтягивала молодое, пугающей красоты лицо. В медных волосах запутались сухие ветки и черные перья. Та, что предлагала Лесе указать дорогу, не была ни молодой, ни зрелой. Застывшая во льду смерти прекрасная бабочка, над которой не властно время. Смерть до краев наполнила тонкое упругое тело, и теперь оно не могло страшиться или стенать.

Но мертвая страдала, горе ломало ее тонкие руки, судорогой сводило лицо. Сколько сил пришлось потратить ей, чтобы не броситься на Лесю, не заставить помогать себе болью и страхом! Все это Олеся чувствовала так же ясно, как если бы саму ее снесли сомнения мертвой. Откуда пришло к ней знание, почему на вкус оно было ароматной водой ручья, задумываться было некогда.

Путь из леса расстился под ногами — всего-то забрать из дома ненужную деревяшку, чтобы начать его. Листочек, вырезанный детской рукой, хранил еще упорный труд Степушки. Зачем

он мертвой красавице, Леся знать не желала. Прочь, прочь из леса, голодного на рассвете! Безжалостного в любой миг любого дня.

Ноги сами привели Олесю к крыльцу, первая ступенька предательски скрипнула, но дом остался равнодушным к беглянке. Никто не помешал ей проскользнуть в коридор, пройти мимо распахнутой двери, обитой мехом, мимо спальни, в которой Леся провела долгие дни дурманного сна, мимо темного угла, в котором кто-то подозрительно скрипел и охал, мимо-мимо, до самой общей комнаты. Олеся застыла на ее пороге, прячась в тени.

В комнате никого не было. Только темное пятно, смазанное, как большая чернильная клякса в тетради нерадивого школьника.

Такие нужно было накрывать промокашкой — мягоньким бежевым листиком, тонким настолько, что классная комната виднелась в нем на просвет. Кляксу промокашка не убирала, даже не впитывала ничего почти, но ощущение верности поступка грело. Леся часто гладила влажными от усердия пальцами мягкий листок — тот внушал ей уверенность, что любая беда исправима. Даже огромное чернильное пятно на белой глади прописи.

Память вновь вспыхнула в Олесе подобно яркой молнии, но тут же увязла в плотной жиже, съезжилась и потухла. Но ощущение бархатной бумаги на подушечках пальцев осталось еще на одно короткое мгновение, которого хватило, чтобы согреть озябшие руки.

Жаль, что кровь, пролитую на деревянный пол, Олеся шагнула в комнату и, хватаясь рукой за

стену, пошла к лавке. Под ней валялась забытая всеми деревяшка. Дня не прошло, как ее крутил в мягких ладонках солнечный мальчик, и вот теперь она лежит на полу, а солнце его успело зайти, утонуть в топком болоте.

Олеся скрипнула зубами, сдерживая слезы, наклонилась к лавке, заглянула под нее, нащупала в пыли деревянную пластинку и сжала в ладони. А когда поднялась, готовая выскочить вон, краем глаза заметила наконец, что у другой стены темнеет плечистая фигура. Зверь скрывался там, затаившийся, готовый к прыжку. Ни единого движения не выдавало его присутствия, только злые угольки глаз поблескивали во тьме, неотрывно следя за Лесей.

ДЕМЬЯН

— Положи на место.

Демьян даже не постарался скрыть презрение, которое сочилось из него, чуть разбавляя толщу усталой воды. В нее обратилось все существо его, некогда звериное.

— Положи на место и уходи.

Сам он стоял у стены, прислонившись к теплему дереву спиной. Руки еще помнили мертвое тело сестры. Она потихоньку остывала — окостеневшая, неожиданно тяжелая. Оторвать ее от пола оказалось непросто, кровь пропитала и доски, и ткань платья. Дема потянул ее на себя, с трудом просунул ладони под спину. Олег сдавленно всхлипнул, Глаша осталась безмолвной, как сама смерть. Смерть вообще была повсюду. Ею пропах дом, глаза ее сверкали из каждого угла, шаг ее скрипел половицами. Демьян то и дело ловил волны темного одеяния самым краем глаза, вздрагивал, озирался и только потом понимал: то Матушка вышагивает от полки к полке, а полы ее вдовьего платья шуршат подобно осенней листве.

Аксинью старательно не замечали. Когда умирает родная кровь, нужно скорбеть. Нужно плакать и молчать. Стоять ошарашенным. Бояться вдохнуть, пошевелиться, даже подумать о чем-то ином, кроме горя. Это быстро проходит. Но миг наивысшей скорби должен быть прожит. Это уважение и память. Это долг. Аксинья отмахнулась от него, как от мухи в жаркий полдень. Еще одна строка в нескончаемом списке ее прегрешений.

«Сука», — привычно, даже лениво подумал Демьян, но тут же прогнал эту мысль.

После. После он расплатится с матерью за все. А пока...

Холодеющее тело Стешки легло ему на руки, оторвалось от пола. Демьян понес ее через общую комнату по коридору в пустую девичью спальню. Отсутствие второй сестры ударило по нему даже сильнее смерти первой. Фекла всегда была здесь. Стояла у окна, бездумно всматривалась в пустоту. Раскачивалась, сидя на кровати. Грызла мизинец, пускала ниточку слюны, морщила прекрасное, наливное, как яблочко, лицо. Путала волосы, рвала на себе рубашку, кричала, пела, часами тянула одну и ту же мычащую ноту, будто и не дыша.

А теперь ее не было. Только запах остался — кисловатый пот да теплые сухие травы, которыми Стехка обмывала нежное свое тело. Теперь сделать это предстояло Глаше.

Демьян положил сестру на кровать, скользнул взглядом по ее спокойному, отчаянно мертвому лицу. Коротко кивнул тетке, что скорбной тенью шла за ним по пятам. В дверях он столкнулся с Лежкой, взглядом приказал не входить, тот вздрогнул, застыл, но остановился.

— Воды принеси, оставь тут. Глаша справится. — Голос стал колючим, Демьян сам его испугался.

Олег вздрогнул еще раз и заспешил прочь из проклятого дома, Дема даже позавидовал брату. Снаружи занимался новый день — холодный, росистый. Выбежать бы туда, разуться, пойти по траве все дальше и дальше в лес, чтобы самому не заметить, как раствориться в его власти. Стать им.

Но как убежать, если цепь, которой все они прикованы друг к другу, даже смертью не разрывается?

Пол мягко пружинил под звериной поступью. Дема ожидал увидеть в комнате мать, которая мечется между полками, ищет то, чего здесь нет. От мысли, что сестра его любимая сейчас бежит по лесу, сжимая в холодной руке старый серп, бежит, как сам он пожелал только что, растворяясь в чужой власти, вновь кольнула Демьяна то ли завистью, то ли ужасом. Он и не понимал толком, что почувствовал, потому что в комнате матери не было.

Она исчезла. Без следа и весточки. Как всегда исчезали они, лесовые люди, не думая о тех, кто остался. Не было и девки, про которую Дема давно уже забыл. Но пес бы с ней, уговор она выполнила, назвала старую ведьму виновной, так пусть идет. Вдруг лес сжалится да подарит ей легкую смерть? Но не успел Демьян принюхаться к углам, чтобы вызнаться, куда ушла дорогая Матушка, как заскрипело крыльцо и в комнату ввалилась пришлая девка.

Всклокоченная, бледнящая, воняет болотом, хотя и не бывала там, ногу за собой подтягивает, как подстреленный заяц. Тьфу.

Дема оперся на стену, не прячась особенно, просто застыл в тени, наблюдая, как рыщет беглянка по полу, как забирается под лавку и достает оттуда что-то маленькое — осторожно, будто великое сокровище.

— Положи на место.

Девка вздрогнула, медленно распрямилась, подняла на него глаза. Дема ожидал увидеть в них ужас загнанной мыши, но не увидел. Там вообще ничего не было. Прозрачная пустота.

Странная, пугающая, никакая. Весенний лес, да и только.

— Положи на место и уходи. — Губы сами за него говорили.

Девка не шелохнулась, так и осталась стоять на полусогнутых дрожащих ногах.

— Можно я возьму? — прошелестел ее голос. — Мне очень нужно. Пожалуйста.

Как легко просить, когда ты слаб и ничтожен. Демьян и не помнил, когда последний раз это слово — тягучее, унизительно теплое — вырывалось у него. Может, только ночами беззвучно кричалось в Демьяне: «Отпусти меня, ну пожалуйста, отпусти! Я не знаю, кто я, где я, кем быть мне, чем стать. Я пустой и гулкий, я ничтожный. Отпусти меня! Дай уйти в никуда, в пустоту, в прозрачный весенний лес».

Только некому было просить, некому кричать. Ничто не держало его, никому он не был нужен. Потому Демьян молчал, изводя себя немой мольбой. Хоть сам себе в том никогда бы не признался.

А девка просила. Оперлась на лавку свободной рукой, ту, в которой зажала найденное, спрятала за спину. Будто так Демьян не отберет, что ему нужно.

— Это просто деревяшка, можно я заберу? Тебе она зачем? А мне нужно...

— Покажи.

Нужно было бежать за матерью, искать ее, тащить обратно, но Дема продолжал стоять, прислонившись к стене. Он слишком устал, чтобы делать что-то еще, кроме как быть тут, кидать короткие фразы и наблюдать за трясущимся тельцем ничтожной девки.

Она вытянула руку и показала ему ладонь — тонкую, почти прозрачную, а на ней — круглая деревяшка, обработанная зубилом. То ли гребешки узора, то ли листик. Бросовая вещица, ерунда.

— Вот, — чуть слышно проговорила девка. — Можно возьму?

— Да бери. — Дема дернул плечом. — Некогда с тобой возиться. Можешь прямо сейчас идти, никого за тобой не пушу.

Девка шмыгнула носом, потупила взгляд и попятилась к двери. Человек в Демьяне недовольно завозился — он-то понимал, что дарует беглянке не свободу, а смерть в дремучем лесу. Но зверя было больше, и зверю было все равно.

Уже у двери девка замерла, бросила на Дему короткий взгляд.

— А где?.. — Она сбилась и кивнула на темное пятно крови.

— Унесли. Лесу ее отдадим, пусть покоится, — сам не зная почему, но ответил Демьян, хоть стоило только рыкнуть, чтобы ее и след простыл.

— Так она?.. — И снова проглотила конец фразы.

— Мертва. — Скривил губы. — Тебе-то что? Беги себе.

Снова вскинула взгляд прозрачный свой, хрустальный, сделала шагок и не повернулась спиной к зверю, будто знала, что так безопаснее.

— Иди, говорю! — Внутри разгоралось недовольство. — Пока отпускаю...

Было достаточно сделать шаг, выйти из тени, как девка вскрикнула и зайцем шмыгнула в коридор.

Так-то.

Демьян опустился на скамью. Втянул носом запах смерти, пропитавший комнату. Но теперь в нем было что-то еще. Тонкая, свежая нить. Так пахнет мартовский лес — мокрым снегом и новой жизнью. Дом давно уже не пах ею. И привидится же во тьме! Дема помотал головой, мельком отметил, что волосы отросли до плеч, а борода расплзлась по щекам и подбородку — жесткая, темная, царапает ладонь.

Озверел совсем, олесовел.

Сидит в мертвом доме на старой лавке. Отпустил на смерть сумасшедшую девку, да что там, девочку еще совсем. За стеной тетка обмывает холодное тело сестры, убитой другой сестрой. А младший брат застыл в дверях, окоченевший от горя. Отца нет, мать бежит по лесу за родовым серпом, чтобы последние законы лесного края не рухнули, утаскивая всех за собой в топь смердящего болота. А нынче они утопили в трясине мальчика, хорошего, доброго мальчика.

Дема и не знал о нем ничего толком. Кажется, тот любил вырезать из дерева поделки всякие.

Рукастый был. И нет его больше, никого нет, все пошло прахом.

Дема почувствовал, как свербят в горле слезы, запрокинул голову и захохотал. Нелепо, вымученно, лишь бы не зарыдать. Смех его отразился от стен, проникая за них, туда, где лежала покойница. Но Дема и не думал останавливаться. Он смеялся, оплакивая сестер, братьев и себя. Детей, которых заставили жить по лесным законам сумасшедшие тетки и убийца-отец.

Он смеялся, пока не вспомнил вдруг, что лежащее на ладони пришедшей девки было деревянной пластинкой с вырезанным на ней листиком. Красивая, тонкая работа, странно даже, что сделали ее детские ручки.

«Мне нужно», — умоляюще просила беглянка.

Мелочь на память? Сувенир, который она принесет в палату и покажет подругам, таким же отчаянно сумасшедшим, как она сама? А может, вещь, хранящая тепло ушедшего в болото ребенка?

Дема вскочил, чуть было не рухнул, запутавшись в ногах, и бросился вслед за той, что отпустил на смерть.

ПОЛЯША

Петух успел трижды разнести песнь по округе. Когда стихла первая, девка скрылась в тени дома. Когда вторая — солнце полилось на траву широким потоком, стирая росу с нее, как слезы с девичьей щеки. На третий пронзительный крик Поляша была готова задушить проклятого петуха. Но земля жгла ее ступни, а невидимая граница родовой поляны продолжала делить лес и дом, смерть и жизнь. Полина застряла между, изнывая от тянущей боли и тревожной уверенности: все снова пошло не так.

Девка не возвращалась. Испугалась ли, осталась в доме, удерживаемая чужой волей? Или просто не сумела отыскать нужное им тепло маленькой ладошки?

— Иди, иди же, иди! Возвращайся скорее! Ты обещала! Ну, скорее! — шептала и шептала Поляша, стискивая холодные кулаки.

Петух отгорланил, закудахтали в ответ восхищенные куры. Их пора было выпускать на волю, чтобы нащипались травы, наклевались зерна. Но дом тонул в тишине и безмолвии. Только в

хлеву начинала взволнованно мычать недоенная корова. Некому было ее облегчить, некому было выйти во двор.

Сколько раз Поляша первой выскальзывала из сонных комнат, чтобы начать день у теплого коровьего бока? Сколько плошек зерна склевали куры с ее ладоней? Но все это кануло в кровавое небытие. На смену пришли лебединое тело да холодные объятия озерных сестер. Она не тосковала. Нельзя жалеть ушедшее безвозвратно. Но в миг, когда дом осветило утреннее солнце, Поляша вдруг поняла, что человеческое в ней до сих пор отчаянно противится лебединому. Она бы заплакала, по-бабьи жалея себя, но по ступеням крутой лестницы скользнула знакомая тень.

Девка шагала от дома, прижимая левую руку к груди, а правой размахивая, словно пыталась взлететь, но была подбита на одно крыло.

— Давай-давай, милая! — взмолилась Поляша. — Ну, чуток еще!

Дом молчал, солнце светило, со стороны леса доносился тихий шепот листвы. Слишком спокойно для утра после кровавой ночи. По рукам Полины пробежали мурашки, встали дыбом тонкие волоски.

— Ну же! — крикнула она. — Беги!

Девка услышала ее, сбилась с быстрого шага, перешла на бег, то вырываясь вперед, то путаясь ногами в траве.

— Беги! — Поля ударилась о прозрачную стену, но не почувствовала боли. — Беги же! —

Голос ее сорвался. — Беги... — Это она уже прохрипела, обреченно сползая вниз.

На крыльце мелькнула еще одна тень. Плечистая, рослая, большая. За мгновение преследователь догнал девку, схватил ее за руку и рванул на себя. Та слабо затрепыхалась, но куда было ей справиться со зверем? Зверенком, волчонком. Хозяином.

— Беги же, глупая... — выдохнула Поля, пряча лицо в ладонях.

Она слышала звуки борьбы: как рычит тот, кто сильнее, как жалобно вскрикивает та, что беспомощнее.

— Отдай, отдай, пожалуйста! — канючила она.

— Зачем оно тебе? Говори!

Голос, глухой и опасный, совсем чужой — так и не поймешь, что принадлежит он мальчику, который умел заливаться пылающим жаром, если знать, как прикасаться к нему, знать, где.

— Мне нужно! Ну, мелочь же? Отдай! — Девка не сдавалась, все боролась, шипя от боли в руках, которые так безжалостно выкручивал Дема.

Поляша видела это через сцепленные пальцы, словно сквозь решетку клетки. Девка раскраснелась, Демьян оставался спокойным, только сводил густые брови да крепче сжимал пальцы на тонких запястьях беглянки.

— Откуда знаешь ворожбу эту? Говори!

Откуда сам он ведал о тайном обряде возвращения отданного, если знание это было даровано Полине в миг, когда она обернулась берегиней? Уж не Хозяин ли просыпался в нем, делясь мудростью векового леса? Поляша бросила на Демьяна быстрый взгляд и тут же отвела глаза в страхе, что тот почует. Но зверь был слишком занят добычей.

— Ничего я не знаю! Отпусти! Больно же! — Девка дернулась изо всех сил, Демьян рванул ее к себе, выворачивая руку под страшным углом.

Крик разнесся над поляной.

— Говори!

Дема склонил девку к земле, навис над ней, оскалился.

— Говори!

Послышался хруст, девка уже плакала, по ее бледному лицу текли крупные слезы, но глаза смотрели на мучителя с холодной ненавистью.

— В трясины иди, пес шелудивый! — процедила она и плюнула ему в лицо. — Мое это. Мое. От удивления Дема ослабил хватку. Девка дернулась, но вырваться не сумела, только растянулась на траве.

— Уже и ругаешься как здешняя? Только из дурки сбежала, а гляди-ка, корнями проросла. —

Он схватил тонкий подбородок, заставляя ее смотреть ему в глаза. — Говори, откуда ты и кто.

— Я не знаю. — Ответ вышел силым. — Отпусти...

— Не верю. — Дема покачал головой, Поляша успела разглядеть, как потемнело от гнева его лицо. — Ничему не верю. Говори.

— Я правда не знаю. Ничего не помню. — Девка попыталась отстраниться, но грубые пальцы сжимали все сильнее. — Очнулась в лесу, потом опять провал, потом очнулась в доме. И все понеслось. — Слезы потекли ручьем. — Знала бы — рассказала. Отпусти меня, пожалуйста, я уйти хочу. Обещал же!

— И куда ты так рвешься? В лес? В самую чащу без дороги? Голая и босиком?

Девка тяжело слотнула, будто только сейчас поняла, что и правда лежит перед ним, пряча тело в разодранную рубаху. Поляша видела, как нежно белеют в траве ее бедра, как левая грудь выглядывает из порванного ворота. И глубокую рану — воспаленную, грязную — она тоже видела. Девка ни за что бы не смогла осилить путь до дома. Ни одна, ни с лебединой помощью. — Отпусти... — всхлинула она. — Ничего не помню... Лучше там сдохнуть, чем в киселе этом... Отпусти...

Лицо ее некрасиво сморщилось, она обхватила ладонями руку Демьяна и попыталась оторвать ее от своего лица. Зверь смотрел на нее с брезгливостью. Еще немного — и раздавит, как жучка. — А деревяшка тебе на что, бедная ты, несчастная? — прорычал он, стискивая пальцы, под которыми уже разливалась краснота — предвестница синевы.

Поляша сжалась, ожидая, что правда сейчас выйдет наружу. И тогда Хозяин бросит одну добычу, чтобы ринуться к другой. Что еще оставалось девке? Вот сейчас она расскажет про их уговор. Вот сейчас...

— Нужна... — прохрипела несчастная и закрыла глаза.

Демьян зарычал, потянул девку вверх, та слабо дернулась, но подняться не сумела, лишь вытянула шею и запрокинула голову. Еще немного — и натянутые позвонки бы не выдержали. Поляша представила, как забьется в последних судорогах несчастная беглянка, как наполнится рот ее пеной, как она обмякнет и замрет.

— Кто сказал тебе о ворожбе? Кто? — в последний раз спросил Демьян. Рык его перестал походить на голос.

В ответ девка распахнула глаза. Воздух стал прозрачным, его наполнил звон ранней капли. Запахло промерзшей оживающей корой. Где-то далеко затянул первую песню свиристель. Хрустальный свет, льющийся между голыми ветками, потоком хлынул из глаз пришедшей девки, сумасшедшей беглянки без памяти и рода.

Но Демьян продолжал скалиться, не видя ничего дальше своего волчьего носа. Полина поднялась с земли. Мертвое тело била дрожь.

— Это я. Я рассказала ей. Отпусти, зверенок. Я это.

Демьян тут же разжал пальцы. Девка упала на землю с глухим стуком и больше не шевелилась. Застыли и они — берегиня да лесовой.

— Мне он нужен, листочек этот, отдай... — попросила Поляша.

— Пришла, значит, — не слушая ее, прохрипел Демьян. — Пришла...

Он по-волчьи резко встряхнулся и двинулся на нее, в глазах полыхал черный огонь ярости.

— Как я тебя звал, так ты и не думала... А как понадобилось что, сразу и пришла!

Поляша попятилась. Ярость Демьяна, зверенка ее, волчонка, душно разливалась вокруг. Он подходил все ближе, еще шаг — и упрется в невидимую стену.

— Просто отдай мне... Глупость же... Мелочь. А мне о сыночке в память будет, — зачастила она, не слыша себя, не видя ничего, кроме злых этих, звериных глаз.

— И про Степана знаешь уже, быстро же в лесу разносится... — Остановился, бросил на нее быстрый взгляд. — Мне жаль, что так вышло. Я сам ее накажу...

Поляша и думать забыла о ненависти. О дуре этой старой, что с болотом связалась. Тот, кто решил перехитрить смерть родной кровью, недолго будет ходить по лесу да смотреть на небо. Сама себе яму выкопала, ведьма старая, пусть сама в нее и ложится.

— Накажешь, Демочка, накажешь... Ты сильный, ты вон какой вырос. — Поляша заставила свой голос потеплеть. — Отдай мне деревяшку, и я пойду.

Она вытянула руку, пальцы уперлись в невидимую, неприступную стену. Демьян помедлил. В его ладони пряталась тонкая пластинка. Ждать решения было нестерпимо, боль полыхала, ломала косточки, скручивала нутро. Поляша приготовилась виться ужом, лишь бы вымолить резной листик. Но делать этого не пришлось. Демьян легко перешагнул незримую черту родовой поляны и опустил свою ладонь на Поляшину.

Тепло — живое, пульсирующее в такт звериному сердцу, — охватило Поляшу от самой макушки до истерзанных ступней. Пальцы Демьяна были грубыми, шершавыми, с коротко

остриженными ногтями, а ладонь — напротив, мягкая, еще хранящая далекий отголосок детскости. Поля обхватила его запястье, сжала, позволила себе на мгновение забыть, что стоят они сейчас в дремучем лесу, одинокие и несчастные, слабые и раздавленные, по разные стороны непроходимой чащи.

— Отдай мне листочек, — чуть слышно попросила она.

По лицу Демьяна пробежала тень. Четкие линии скул, крупный нос, злые глаза. Не таким он был, прощаясь с ней. Но теперь в нем остро чувствовалась сила, и ей сложно было противиться.

— Ну, пожалуйста...

— Ты хочешь... — Дема сбился, тяжело сглотнул. — Хочешь его вернуть?

Поляша кивнула. Под ее пальцами билась жилка звериного пульса, все чаще и чаще.

— А так можно?

Его взгляд никак не мог на ней остановиться, прятался за отросшими лохмами, скользил по траве, по кустам лощины, по гладким стволам осинок, только бы не встречаться с мертвыми глазами Полины. И его сложно было в том винить.

— Можно, Демочка, все. Главное, чтобы сил хватило. Моих, может, и хватит...

— Почему же тогда он тебя не вернул?

Хриплый вопрос этот прозвучал так больно, так честно. Поля захлебнулась нежностью к любимому своему мальчику, который вырос в незнакомого ей, опасного зверя.

— Не было в Батюшке твоим ни силы, ни мудрости... Сам не мог, помощи не просил... — Губы стянуло печальной улыбкой. — Не будем о том, хороший мой, отдай листочек и отпусти меня...

Я пойду, нельзя мне тут...

Она сжала его запястье еще сильнее. Демьян ухмыльнулся, покачал головой.

— Вот, значит, как... Возьмешь что нужно тебе — и снова в лес? Медом вам там, что ли, намазано?

— А куда мне идти? Я лесная, я здешняя...

Время тянулось, ноги пылали, чужое тепло будило в Поляше дурные, лишние мысли. Холодные воды озера легко забирали себе все сожаления и печали. Но стоять так близко от горячего и живого, от того, кто чувствовал, злился и страдал, было опасно.

— А я чужой, да? — Дема наконец поднял глаза. — Да, плевать. Всем нам отсюда ноги уносить придется. Идет болото, хозяин твой спит, не станет леса, никого не станет...

«Глупый ты, глупый...» — хотела ответить ему Поля, но сдержалась.

— Так отдай, что тебе теперь? Если уходить собираешься. Отдай да беги. Лес держать не станет. Сам говориши, чужой ты здесь. Уходи.

Она бросала несправедливые слова, мучаясь от жалости. Знала, что врет. Знала, что нигде зверенку ее, волчонку, не найти покоя, если здесь, на родной земле он его не обретет. Это потом уже беги куда глаза глядят. Если лес отпустит, если сам захочешь. Нельзя ступить на тропу, а после сойти с нее, убоявшись. Начатый путь следует закончить. Иначе навеки застрянешь в своей никчемности, всюду чужой, всюду чужак.

Как много она могла бы объяснить ему, этому всклокоченному злому зверю, о человеческой его душе. Но ступни жгла земля, время истекало, мужское тепло будило пустые желания, а деревянная пластинка пьянила близостью. Потому Поляша повторила еще раз:

— Отдавай мне деревяшку и уходи. Я сама тебя выведу близкой тропкой. Хочешь?

Дема молчал, зло скалился в пустоту проснувшегося леса, но рука его уже обмякла, пластинка сама соскользнула с нее прямо в ладонь Поляши. Можно было бежать прямо сейчас, пока проклятый волк не связал ее обещанием, но Полина осталась на месте. Пальцы дрогнули, ослабили цепкую хватку и осторожно, со всей нежностью, что копилась в мертвом сердце, погладили широкое запястье.

«Волчонок мой, зверенок, бедный мой, покинутый, что за жизнь у нас окаянная вышла, что за холодная...» — почти сорвалось с Полиных губ, но она промолчала.

Черные овраги звериных глаз смотрели на нее, только прочесть в них ничего не получалось.

Дема тяжело дышал, острый клык виднелся над закушенной губой. Когда-то Полина целовала эти губы — жарко, горячо, изнывая от невыносимого желания раствориться в каждом мгновении, проведенном вместе, в каждом миге, что крали они у привычного склада жизни.

«Волчонок мой, зверенок...» — почти шепнула она, но Дема ее опередил.

— Я не верю ни единому слову твоему. Ни единому, слышишь? Ты не Поля, ты — мертвая болотная тварь. — Он прищурил звериный глаз. — Не пытайся меня обмануть. Не будет от меня подарков... А увижу тебя еще раз у нашего дома... Разорву.

Быстрые, сильные пальцы подхватили с ее ладони деревянную пластинку, шершавую от резьбы. Поля и пискнуть не успела, как Демьян уже развернулся и шагнул за черту.

— Дема! Демочка! — крикнула она.

— Вон пошла. — Он даже не обернулся. Обогнул лежащую на земле девку и направился к дому.

— Стой! Я знаю, как сделать тебя Хозяином! Чтобы лес тебя принял, а ты — его. Я знаю как! Я знаю где! — Поля ударилась грудью о стену, распласталась на ней. — Вернись! Ты без меня не справишься! Вернись!

А далеко-далеко, за сосновым бором, густым и шумливым, за нежной березовой рощенькой, за глубоким оврагом, за орешником и бузиной, за седмицей пути по дремучей чаще темные воды озера пошли тревожной рябью. Спящий завозился на дне, недовольный черной своей невестой.

СЫН, ДА НЕ ТОТ

ОЛЕГ

Ведро, до самых краев наполненное водой, оттягивало руку. Олег топтался на пороге, но ступить туда, в полутьму комнаты, не решался. Глаша стояла к нему спиной. Сгорбленная, костлявая, она развела перед собой руки — в каждой по тлеющей связке сухой травы — и шептала что-то, но что — не разобрать. Лежка и не пытался, без того знал: тонкими языками дыма тетка указывает мертвой дочери своей путь наверх. Ведро звякнуло. Глаша медленно опустила руки, подула на траву, сгоняя тлеющие искры, и обернулась. Ее пустые, ввалившиеся глаза совсем потухли, она сама теперь больше походила на мертвую, чем та, над которой вершилась последняя ворожба.

— Уходи, — проскрипела Глаша.

Олег дернулся, но остался на пороге. Он задеревенел. Страх перед темнотой комнаты и тьмой, что сгорбила, высушила Глашу, не давал пошевелиться.

— Уходи, сыночек... Нечего глядеть. — Старуха с трудом сделала к нему шаг, еще один, лицо ее стало бескровным.

Теперь скрюченная временем и горем спина не скрывала девичьей кровати, а на ней лежала Стешка. То, что осталось от сестры, оказалось пустым, холодным, покинутым телом. Куда делись кроткая решительность, мягкая улыбка, глубокий взгляд озерных ее, оленячьих глаз? Почему на смену им пришли холод и тлен? Олег не знал ответов, а застывший разум даже не пытался их найти.

— Уходи. — Глаша подошла совсем близко, она шептала, но звук ее голоса оглушительно бил по ушам. — Сама я... Сама.

Ноги онемели, иначе Лежка давно бы уже сбежал отсюда, но сил хватило лишь на покорный кивок. Тетка ждала, пока он развернется и побредет по коридору, с тяжелым взглядом, — Олег чувствовал лопатками, — а потом вернулась в комнату и плотно прикрыла за собой дверь. Дом тонул в гнетущей, страшной тишине, только пол скрипел под ногами... Озноб пробежал по спине Лежки, разлился холодным потом. Дом всегда был для него убежищем. Большим и теплым, родным и понятным. Он даже пах по-особенному — домом.

Но теперь аромат сухих трав и теплого хлеба сменился тяжелым духом застывшей крови и смертью — холодной, безразличной, конечной. Лежка судорожно сглотнул и бросился к крыльцу.

В курятнике недовольно квохтали птицы, из хлева призывно мычала корова. Здесь жизнь продолжалась. Олег прошелся по притоптанной пыли — вот тут буквально вчера еще стояли они в кругу, отгоняя от Хозяина своего непогоду. Лесной род творил ворожбу, и та была ему посылкой. А что теперь?

Лежке было невыносимо об этом думать. Но гнать дурные мысли он умел. Нужно занять руки работой, и голова тут же перестанет пухнуть от тревог и тяжелых дум. Привычные движения были легки. Ковшиком зачерпнуть зерно из мешка в углу, пройтись по курятнику, пересчитать кудахтающие тушки, кивнуть петуху, поглядеть, как тот переминается на высоких лапах. Зернышки весело посыпались на пол. Куры ринулись под ноги, Лежка постоял немного, наблюдая, как исчезает корм, как успокаиваются сытые птицы, и вышел. Выпускать их на улицу он не решился. Привычный вид бродящих кур не вязался с непоправимостью этого утра. Но корову стоило подоить. Никакое человеческое горе не должно обрывать животинку на страдания.

Олег потянул на себя скрипучую дверь хлева, но остановился. Что идти туда с пустыми руками? Да только ведро он оставил в комнате. Тетка Глаша теперь черпала из него воду да обмывала холодное тело Стеши, настолько же обнаженное, насколько мертвое.

Голову повело, руки задрожали, пальцы свело судорогой. Невыносимо, как от высокого жара, заломило в висках. Нужно было спешить или лечь прямо тут, на земле у хлева, и зарыдать, забиться, издохнуть от ужаса. Олег сжал зубы, облокотился рукой на стену, оперся на нее и пошел. Можно не думать, а просто идти ведомым родной стеной. Лежка завернул за угол, прошел еще немного, обогнул дом и вышел к крыльцу с другой стороны.

Свежий ветер ударил в лицо. Он успел разогнать туман, что на рассвете клубился над родовой поляной. И теперь дорожка от дома ужом вилась к лесу. Лежка остановился, вдохнул поглубже этот воздух — пьянящий, бузинный, прелый. Глаза наполнились слезами, но сейчас они не были стыдными, просто ветер полнился лесной горечью.

Если бы Лежка не держался за дом, то упал бы — так дрожали ноги. Но и это было правильно. Горе нужно прожить. Наполниться им, как стылой водой, дать застыть первым льдом. А после разбиться, разнести его в себе на осколки да ссыпать на пол. И если сделать это вышло за одну ночь, значит, так тому и быть. А если за один век, так и это верно. Просто одна ночь может тянуться целым веком. А век — пролететь одной бессонной, дурманной ночью.

Лежка всхлипнул, вытер глаза рукавом, сморгнул слезы. Лес шумел ему одобрительно, любовно, как друг, как брат, как отец.

— Здравствуй, великий, — шепнул ему в ответ Лежка. — Славься и будь вечным.

На душе стало пронзительно легко. Так легко, что хоть бери и взлетай над кронами. Но вместо этого Олег огляделся в поисках ведра. В хлеву его ждала недоенная корова. Когда в траве Лежка разглядел пятно, он еще помнил о несчастной животине. Подумаешь, пятно. Обман воспаленных глаз. Но стоило обогнуть колодец, как обманом обернулось все остальное. Утро возле леса он встречал не один.

На самой границе застыл брат. Чуть в стороне от него бездыханной валялась полуголая пришедшая девка. Ярость запылала на щеках Лежки. Так вот чему научился Демьян в городе! Так вот как он утоляет тоску и страх прошедшей ночи! Насильничает над слабым. Берет женское право сильного!

Лежка ринулся вперед, не помня себя от злости. Но стоило выбежать из-за колодца, как гнев его обернулся пустой детской шалостью. Брат даже не глядел на голое девичье тело. Он тянулся к чему-то, сокрытому в чаще. К чему-то, что пахло тленом и смертью. Сыростью и болотом. Брат тянулся к чему-то мертвому, говорил с ним, а оно ему отвечало голосом их тетки, умершей так давно, что Лежка и помнить ее не мог, да только все он помнил. Все. И Поляшу тоже.

— Я не верю ни единому слову твоему. Ни единому, слышишь? Ты не Поля, ты — мертвая болотная тварь, — утробно прорычал Демьян, а Лежка сжался от страха, будто слова эти предназначались ему. — Не пытайся меня обмануть. Не будет от меня подарков... А увижу тебя еще раз у нашего дома... Разорву.

Олег попятился, присел за колодцем, опустил руки к прохладной еще земле. Он слышал, как бьется в груди сердце, и звук этот, казалось, разносился по округе набатом. Еще чуть, и Дема, нет, озверевший от ярости волк, поймет, что был подслушан, и ринется прямо сюда, чтобы за шкуру выволочь брата, растерзать его, растащить на кровавые лоскуты.

— Стой! — раздался истошный женский крик. — Я знаю, как сделать тебя Хозяином! Чтобы лес тебя принял, а ты — его. Я знаю как! Я знаю где! Вернись! Ты без меня не справишься! Вернись!

Секунды тянулись, Лежка чувствовал их всем телом, а потом послышались шаги. Тяжелые, быстрые. Поступью зверя брат шел прямо к колодцу. Олег зажмурился, уткнулся лбом в колени.

«Лес, великий, защити меня... От зверя яростного, от беды гнетущей...» — беззвучно шептал он, а Демьян подходил все ближе.

Ближе, ближе, и наконец поравнялся с колодцем. Теперь сердце билось во всем Лежкином теле. Оно дрожало на кончиках пальцев, багровело пятнами на лице, стучало в зажмуренных глазах, содрогало скрюченное тело. Еще мгновение, и сильная рука вцепится в ворот, вытаскивая из спасительного укрытия онемевшее от страха наполнение рубахи. Если бы горло не перехватило, Лежка бы закричал, но звуков не было. Были лишь бешено скачущее сердце и скрип травы под ногами брата.

Скрип все раздавался, уже совсем близко, а потом дальше, дальше, пока не сменился совершенно другим — деревянным, лестничным. Это Дема легко взбежал по ступеням и скрылся в доме. Хлопнула дверь. И на поляну опустилась тишина.

Сердце первым сбавило ритм. Язык больше не заполнял распухший от ужаса рот. Ноги не дрожали, в них только покалывало от напряжения. Багрянец страха сменился жаром стыда. Сидеть, как загнанный зверек, полевая мышь или белка, ждать, пока брат отыщет да растерзает, было унизительно. Хуже, что большего от Лежки никто и не ждал. Даже он сам.

Олег выгнул ноги, отдернул задрвшуюся рубаху, мельком порадовался, что штаны остались сухими, и от этого ему стало еще гаже. Ладно уж родиться не тем сыном, но уж и мужчиной не стать! Слезы кипели в горле, но Лежка не позволил им пролиться. Он шумно задыхался, заозирался, вспоминая, куда, собственно, шел. А потом услышал ее — пришлую девку, стонущую в траве. Девку, брошенную к ногам зверя. Девку, которую Демьян даже не заметил, точно так же, как и брата своего. Слишком мелкие, слишком незначимые были они в глазах Хозяина.

Теперь горло сжимал не страх. В Олеге зрело что-то, не изведенное прежде. Чувство, от которого грудь начинало распирать раскаленным паром, и пар этот заволакивал глаза — не разглядеть ничего кругом. Злость пришла из ниоткуда, спасая Лежку от унижения, и было в ней что-то уповательно прекрасное, что-то, наполняющее новой, яростной силой.

Олег вскочил на ноги и поспешил к стонущей в траве. С каждым шагом он выгонял из себя испуганного зверька, надеясь, что на место его придет зверь другой, зверь, способный одержать победу над всеми. И над самим Лежкой.

— Потерпи, потерпи... — все повторял и повторял он, склонившись над девкой.

По ее лицу разлилась свежая синева. Руки почти не дрожали, когда Лежка прикоснулся к впалой щеке, заставляя себя смотреть, чтобы навек запомнить, что сделал с беззащитным тот, кто должен был защищать всякого, ступившего под сень леса.

О стоявшей в зарослях орешника тетке Лежка просто не думал. Весь он был там, в лиловом синяке, расплывшемся по нежной коже пришлой девки.

«Нет, не девки, — одернул себя он. — Ты помнишь ее имя. Как лес — Олеся. Леся. Брат твой обидел лес».

Эта мысль оказалась такой ясной, такой острой, что сумела вмиг перерезать прочные нити, по привычке связывающие братьев силой рода. И когда глаза Олеси распахнулись — вначале задрожали ресницы, потом потянулись вверх, но опали, набрались силы и наконец поднялись, — Олег был готов к тому, что увидит. Леся была лесом. Прозрачным, хрустальным светом меж голых стволов. Лежка помнил чашу такой — на рассвете, когда сходят снега, оголяя ноздреватую, влажную землю, а деревья сонно хлопают ресницами-ветками — прямо как Олеся, медленно приходящая в себя.

— Тихо-тихо, — успокоил ее Олег, хотя она и не выглядела испуганной. — Он ушел, ты теперь в безопасности...

Ее взгляд растерянно скользнул в сторону, потом в другую, и остановился, вцепившись в Лежку.

— Где? — только и спросила она.

— Ушел в дом, он не вернется. Не бойся.

Леся позволила себя усадить, обвела встревоженным взглядом орешник и застыла, вмаатриваясь во что-то, сокрытое там. И Лежка вспомнил, что на поляне они не одни. Из зарослей на них смотрели черные глаза третьей тетки.

— Листок, — чуть слышно просипела Леся. — Где листок?

Лежка огляделся. Вокруг росла густая трава. Отсюда редко выходили к лесу, вот и вытянулась она, разрослась. Но до орешника было далековато, ни одного листика не видать.

— Листик! — Леся потеряла лоб, будто подбирала другое слово. — Деревяшка! Пластинка!

Степа на таких листки резал. Где?

Брат и правда любил копать с деревом, целые вечера просиживал — тихий, увлеченный, — но откуда знать об этом пришедшей девке? Лежка непонимающе уставился на нее, но та досадливо дернула плечом.

— Где?

— В доме, наверное. — Растерянный ответ повис в воздухе. — Там их целый сундук.

— Да лес вас дери! — донесся из чащи сдавленный голос. — Подойди ближе, мальчик!

Лежка судорожно сжал руку Леси, потянул на себя.

— Не слушай, — горячо зашептал он прямо в маленькое розовое ушко, такое трогательное, что у него даже в горле запершило. — Это тварь болотная пришла, нельзя с ней говорить...

— Да отпусти ты! — Леся дернулась, высвобождая ладонь, поднялась на ноги и зашагала к орешнику.

— Не ходи! Она же... — Олег смотрел на нее, уходящую, снизу вверх.

— Мертвая? — Девка бросила быстрый взгляд из-за плеча. — И что с того?

Больше она не оборачивалась, шагала вперед, чуть прихрамывая, а Лежка оставался сидеть на холодной земле. Трусливый хорек. Гнилая ворона. Он рывком поднялся на ноги, страх смешался со злостью, придал сил.

— Где листок? — требовательно спросила Леся, стоило ей подойти к границе поляны. — Где он?

— Сама же видела — зверь забрал. — Голос из чащи звучал приглушенно. — Это ты должна была принести его мне...

— Я принесла! Этот... — Девка искала слово, но не нашла. — Зверь... Отобрал его на твоих глазах! Почему? Почему ты ничего не сделала?

Орешник затрепал, закачался в ответ. Лежка предчувствовал, что там, он даже успел подготовиться, но увиденное выбило из него дух. Когда лощина разошлась, выпуская из своих объятий женское тело, а солнце нехотя лизнуло его, освещая, Олег не сдержал крика. Идущее к ним когда-то и правда было женщиной — стройной и тонкой, с высокой грудью и округлыми бедрами. Наверное, когда-то она была очень красива. Но теперь всю ее покрывала плотная грязь. Комья виднелись в спутанных волосах, жирно облепляли длинные ноги. Порванная рубаха плохо скрывала наготу. Бледная кожа обтягивала скулы, превращая лицо в посмертную маску, и лишь глаза — две черные блестящие сливы — продолжали жить на нем устрашающей жизнью.

— Что, племянничек, не ожидал? — спросила она и оскалилась. — Гляди, какой тетка твоя стала. Хороша?

Может, Лежка бы и ответил, если бы нашел слова, но горло забило болотной жижей. Он попытался откашляться — вышло одно лишь унижительное, жалкое кряхтение. Тетка тут же потеряла к нему всякий интерес.

— Что же мне было делать, девочка? — обратилась она к Лесе.

Та упрямо тряхнула головой.

— Ты же мертвая, чего терять? Вступилась бы за меня, силой бы забрала, что нам нужно...

— Силой? — Холодный смешок эхом разнесся над поляной. — У Хозяина-то?

Леся не нашлась что ответить. Тихо опустилась к траве, обняла себя за колени и уперлась в них лбом. Со злостью ее покинули последние силы.

— Он никогда не отдаст... — Теперь она позволила себе говорить, не скрывая слез. — Ты же меня не поведешь, да?

— Не поведу...

Лежка видел, как по мертвому лицу тетки пробежала тень. Она медленно осела на землю, укуталась паутиной грязных волос, свисающих спутанными сосульками, и тоже затихла. Обе они даже не смотрели друг на друга, но в тонких запястьях своих, в горестно спрятанных лицах были так похожи, что Лежка отвел глаза: слишком тайным, слишком телесным был этот миг, ему не предназначенный.

— Зачем листок? — спросил вдруг кто-то.

Олег оглянулся было, но по тому, как вцепились в него два взгляда — один живой, другой мертвый, — понял, что говорил он сам.

— Зачем?.. — повторил он еще раз, робея и не ожидая ответа.

Но тетка тут же отозвалась:

— Я сына хочу вернуть, Леженька...

Имя его она пронесла, не задумываясь, значит, помнила, все эти годы холодные хранила в памяти имя ребенка, к которому и привязана-то не была. В груди Олега затеплился огонек.

— Степушку? Так... умер он. Как вернуть?

— Я смогу! — Сбилась, смазала грязь со щеки. — Смогла бы... будь у меня тепло его. Вещица какая, чтобы его помнила.

— Листочек? — наконец понял Лежка. — Резьба?

— Да... Резьба. Вон, девка ее нашла... А зверь отобрал.

Перед глазами замаячила широкая спина шагающего к дому Демьяна. Тепло сменилось жаром. Вернуть брата было делом благим. А он... Зверь проклятый. Не разрешил. Не по нему это было. Отобрал, бросил их и ушел.

— Я найду! — Лежка почувствовал, как слова срываются с губ, он сам стал этими словами. — Я пойду в дом, я найду, если вы... Дождетесь.

Ему отчего-то показалось, что стоит уйти, как миг этот — поворотный, небывалый — испарится, а на смену придут извечная печь, опара и хлеб — привычные и от того такие ненавистные.

Тетка подняла к нему лицо, широко распахнутые черные глаза смотрели с удивлением и тревогой.

— Мальчик, что же это они с тобой так? — тихо спросила она будто саму себя и громче добавила: — Некуда мне идти, Леженька, ножки по земле вашей не идут, на поляну мне, мертвой, не выйти... Одна на тебя надежда, хороший. — Улыбнулась ему просяще, жалобно. — Ты пойди в дом, отыщи листочек... Этот, какой другой, главное, чтобы тепло сыночка помнил. Почуешь его?

Лежка кивнул, хоть и не понимал, о чем говорит ему тетка. Олеся, словно прочитав его растерянные мысли, оторвала голову от колен, поглядела на него, вздохнула.

— Представь, что Степушка еще там, в доме. Вспомни, где он сидеть любил, когда за резьбу брался. Ты почуешь... Найдешь.

В ней шумели голые ветки, стучались друг о друга налитые почки — вот-вот лопнут, даря новую жизнь. Лежка не видел ни синевы на ее щеках, ни ссадин, ни грязи, даже царапина, скрытая порванным подолом, перестала быть заметной. Пришлая девка Олеся, с которой он и успел-то перекинуться парой слов да разломить горячий хлеб, вдруг стала той, что в него поверила. И это было важнее всего.

— Я найду, — пообещал ей Лежка, скоро кивнул тетке и заспешил к дому.

В хлеву томительно замычала забытая всеми корова. Но Олегу больше не было до нее дела. Он бегом добрался до дома, вскочил на лестницу, скользнул в дом и только в коридоре заставил себя остановиться. Как отобрать у зверя то, что он сам вырвал из рук мертвой тетки?

Решимость, наполнившая было Лежку, медленно испарялась, но обещание было дано, такое не забрать назад.

— Лес, помоги да выведи... — прошептал он, переступая порог комнаты.

...Свет тускло проникал туда через окна. Его лучи лились на пол, и темное кровавое пятно становилось еще темнее, еще кровавее. На лавке, придвинутой к столу, вполборота сидел Демьян. Его лицо скрывалось в тени — не разобрать, в ярости ли тот, в задумчивости ли. Одну руку Дема бессильно опустил на колено, вторая лежала на столе и ритмично постукивала по нему чем-то, что сжимали сильные пальцы.

Лежка замер на пороге. Дема почувствовал его взгляд и медленно обернулся. Между густыми бровями Хозяина пролегла морщина. Он, вырванный из дум внезапным вторжением, на мгновение стал неотличимо похож на Батюшку. Та же тьма в потухших глазах, те же сила и беспомощность, тот же страх, тот же гнев.

— Ты куда делся? — хрипло спросил брат.

У Лежки перехватило горло, он сжал пальцы в кулак, разжал их и только потом ответил:

— Кур кормил.

Дема продолжал смотреть на него рассеянно, словно сквозь. Его веки опустились, он сидел так, после медленно открыл глаза, встряхнул головой, прогоняя слабость.

— Хорошо.

Рука снова задвигалась, застучала чем-то маленьким по столу. Дема молчал, собираясь с мыслями. Лежка же и вовсе растерял слова, переминаясь у порога и не зная, как поступить.

— Тетка закончила уже. — Низкий голос Демьяна скатился в рык, он кашлянул и продолжил:

— Надо идти. В лес. Нести... Стешку. — Тяжело сглотнул ее имя. — В рубаху переоденься чистую... И дрянь всю эту... береги там, штуки все эти ваши... Брать нельзя. Тут оставь.

Лежка испуганно кивнул. Когда они несли отца — чистые, свежие, оголенные перед волей леса, — было страшно, но страх тот притупляло неверие в произошедшее. Казалось, Батюшка просто заснул, последние месяцы он постоянно спал. Но Стешка умерла на самом деле. Ее кровь еще темнела под Лежкиными ногтями.

— Слышишь? — окрикнул его брат. — Неси, что там у тебя есть?

Лежка кивнул еще раз. Сделал пару робких шагов к столу. Тяжелая сила Хозяина расходилась от Демьяна, Олег чувствовал ее, на руках поднимались волоски, по коже несся колючий озноб.

Прочная нить, на которой висел главный оберег — узкий прозрачный кристалл с застывшими в нем желтыми лепестками войлочной травы, — скрипнула под дрожащими пальцами. Снимать оберег, который повесила на шею сама Матушка в ночь, когда Лежка вернулся из леса ни с чем, было жутко. Но как спорить с Хозяином, если тот не сводит с тебя тяжелого взгляда? Следом на стол легли переплетенные веточки — ими Олег обвязывал запястье, чтобы хлеб слушался руки, выходил пышным, ноздреватым, сладким. И даже кольцо, которое Лежка носил на мизинце, с тонким стебельком мышиного горошка, звякнув, покатилося к краю, но Демьян остановил его хлопком ладони.

Сам он уже снял кожаный шнурок, на котором висел застывший в смоле бутон лилейника.

Матушка говорила: кто несет на себе его цвет, тому подвластны все стихии. На стол лег и вышитый Феклой браслет — тонкая ткань, грубая кожа. Обтрепанный от времени, он с укоризненным видом съезжился. Дема мельком погладил его и положил рядом округлую деревяшку. Олег и не помнил, что у брата так много оберегов. Он уже открыл рот, чтобы спросить, но тут же захлопнул его, скрипнул зубами. Пластинка была непростой. Покрытая узором, она была похожа на искусный листок. Так в их доме умел мастерить только Степушка. Демьян продолжал хмуро смотреть на разложенные перед ним амулеты, иначе сразу бы понял, что дело нечисто. Лежка почти уже протянул руку, чтобы схватить пластинку, но сдержался.

«Тихо, тихо, — успокаивающе прошелестело в ушах, словно ветер заиграл в березовой роще. — Тихо...»

— Чем мне помочь?

Дема пожал плечами. Куртка из грубой кожи скрипнула. Этот звук был таким нездешним, что стены тут же поглотили его без остатка. Одежду Демьян привез из города: что-то оставил в большом рюкзаке, а что-то отказался снимать, не отвечая на гневные взгляды Матушки. Куртку эту, потертые штаны и ботинки на толстой подошве. Их видом он словно подчеркивал, что вернулся не навсегда, что остался пограничным, пусть не там, но и не здесь. Лежка с завистью смотрел на городское, втягивал носом незнакомый запах. Но теперь чужие этому месту вещи лишь усилили его глухую злобу.

— Рубаху тебе принесу, — буркнул он. — Как Стешку провожать будешь?.. Таким вот.

Демьян не ответил. Поднялся на ноги, размял шею, весь — опасность, звериная мощь, нездешняя сила. Лежка почувствовал себя зайцем, попавшим в пасть волку.

— Сам найду, — только и ответил Демьян. — Ты пока тут... Приберись.

Прошел мимо брата, задел плечом и скрылся за дверью. Когда шаги его стихли, Лежка позволил себе пошевелиться. Медленно, прерываясь, чтобы не закричать, он выпустил из груди воздух, сделал такой же неторопливый вдох и осел на скамью.

Деревянная пластинка с вырезанным на ней листком лежала прямо перед ним. Только руку протяни. Все оказалось так просто, так незатейливо и легко, что Лежка никак не мог в это поверить. Ни тебе драки, ни хитрой кражи, ни падений в ноги к Хозяину с мольбой отдать искомое. Оказалось, достаточно просто захотеть чего-то, на самом деле пожелать и сделать шаг навстречу. Пусть было страшно, невыносимо, холодающе страшно, но ведь вышло! Вот она, Степушкина резьба. Лежит на столе, только возьми, и все!

Лежка поднял руку. Пальцы не дрожали, и это наполнило тело прыгучей, восторженной радостью. Олег погладил пластинку — дерево было шершавым и теплым.
— И куда же ты собрался, лучик мой?
Скрипучий голос — ведуний, женский и горестный — полоснул Лежку, как лезвие серпа.
Ладонь сама собой сжалась в кулак.

ГЛАША

Тряпка опускалась в воду с еле слышным вздохом. Глаша знала: так воздух покидает льняные складки ткани, но каждый раз бросала на лежащее перед ней тело быстрый взгляд. Тело оставалось бездыханным. Казалось, Стеша просто уснула, растянувшись на кровати. Легкие волосы укрывали ее, словно прозрачное кружево. Платье сбилось на узкой талии, оголило колени, ворот оттянулся к левой ключице, но руки не спешили его поправить — слишком глубок был сон. Потому не дрожали ресницами спокойные веки, потому мягко блестела в свете свечных огоньков восковая кожа, только чуть приоткрытые пепельно-серые губы обнажали жемчужинки зубов. Стешка спала, и сон ее был спокоен. Сон ее был вечен.

Вой почти вырвался из сухой груди, но Глаша проглотила его, на языке осталась ядовитая горечь. Сжатая костлявой рукой тряпка вынырнула на поверхность. Капли градом посыпались вниз, расплескали воду, растревожили ее, скованную ведром, будто в комнату ворвался буйный ветер. Только ставни были плотно закрыты. Глаша провела над ведром ладонью, и вода успокоилась, притихла.

Знающие свою работу руки отжали ткань, они же осторожно отерли молодое лицо спящей, они расстегнули платье, стянули его, отбросили и принялись отмывать тело от предсмертного пота и засохшей крови. Сама же Глаша была далеко.

Она не замечала наготы, не видела страшной прорехи в горле — ничего этого не было. Оставалась лишь память. И Глаша вспоминала, как рождалась эта девочка. Как чрево наполнилось ей, а потом пошло судорогой, готовое выпустить дитяtko на волю. Стеша родилась в этой самой комнате, без помощи, без мук и метаний. Она просто вышла на свет, когда наступил ее час, чтобы начать путь, ей предначертанный. Покорная судьбе, мудрая в своей покорности. Милая девочка, полная покоя. Глаша не позволяла себе отмечать среди детей самых любимых. Все они были не ее, и потому все — ее. И она любила их, любила изо всех сил. Даже волчонка. Но девочку эту — сильнее прочих.

За ласку, за робость, за тихую поступь. За то, как умерла она, приняв удар родовым серпом от сестры своей, которой отдала все тепло и заботу.

— Маленькая моя... Тоненькая... — прошептала Глаша, в последний раз пропуская легенькие волосы дочери между пальцев. — Ничего-ничего... Ничего. Потерпи еще, лучик мой... Росиночка. Обожди.

Стешка покорно молчала, принимая ее прощальную ласку. А Глаша никак не могла оторваться — ей казалось, достаточно убрать руку от послушной головы, и Стешка тут же обернется прахом. Глаша гладила-гладила дочку по плечам, перебирала пряди волос, поправляла платье, стирала влагу с кожи, беззвучно оплакивая. А когда наконец решилась — в последний раз провела по гладкой восковой щеке и оторвала ладонь, — то сама подивилась телу своему, успевшему окаменеть от горя.

Смерть всегда тянет за собою смерть. А та другую, а та — еще одну. Умирили от старости, умирали от стали, умирали от горя. Одна только Глаша, старая, бездонная и пустая, продолжала жить, вся — камень испытанных мук.

В соседней комнате уже гомонили, спорили, стучали, царапали пол ножками стульев, двигали лавки, скрипели, усаживаясь. Но девичья спальня погрузилась в тишину. Стеша оставалась безмятежной, свет раннего солнца наполнял ее холодным сиянием. Глаша позволила себе запомнить прощальный миг таким, а после решительно встала и вышла вон, оставив дочь наедине с вечностью.

В коридоре было темно, пахло сухим деревом и тревогой. Глаша только прикрыла дверь в девичью, как из общей комнаты, словно ошпаренный, выскочил зверь. Зыркнул по сторонам, помятый и злой, и двинулся навстречу.

— Ну? — чуть слышно спросил он, подходя ближе. — Все?

— Все. — Если Хозяин спрашивает, нужно отвечать. Это правило Глаша знала назубок.

Она чуяла его, сильного и опасного, но память о мягкой голове, которую мальчик, ставший теперь зверем, подставлял под ее большую ладонь, была крепче. Волосы его тогда вились кудрями, глаза были полны нежности и тоски по материнскому теплу. И Глаша щедро делилась с ним всей любовью, на которую только было способно сердце. Жаль, что не хватило. Шустрый сорванец, сердечный и славный, стал зверем. А теперь и Хозяином. Стой перед ним, старая тетка, да не медли с ответом.

— Готова она... — Сглотнула ком в пересошем горле. — Ждет последней дороги. Надо идти. Демьян вскинул глаза и застыл, онемев. Вот тебе и зверь, вот тебе и лесной Хозяин.

— Она... что? Живая? — только и сумел выговорить он, уставившись на тетку, будто та подняла из мертвых сразу всех, кого они потеряли, прямо на его глазах.

Глаша только головой покачала.

— Не говори дурного, Дема. — Назвать Хозяином того, кто не ведает законов, язык не повернулся. — Мертвая сестра твоя. Холодная, бездыханная. Путь ее ждет последний, а она его ожидает. Чтобы завершилось все. Чтобы сама она... завершилась. Время настало, готово все. Идти нужно. Прямо сейчас. — Вздохнула коротко. — Ты б хоть рубаху надел...

Под тяжестью ее векового взгляда зверь сжался: того и гляди заскулит, покажет мягкое брюхо. Перед Глашей опять стоял мальчишка, только подросший слегка, ошестинившийся перед всем миром, но послушный и помнящий добро.

— Надену, — буркнул он и запустил руку в волосы, пригладил их. — Вот иду как раз. — Кашлянул, прогоняя внезапное смущение. — Ты поди пока, Олега поторопи, сейчас выходить будем.

Мальчишка, как есть мальчишка. Жалость заскреблась в измученном сердце. Глаша потянулась, поправила торчащий чуб жестких волос, зверь было дернулся от ее прикосновения, но замер, пригревшись секундной их близостью, застыл напряженно.

— Иди, Демушка, до полудня бы успеть... — сказала она и тихонько подтолкнула мальчишку.

Тот послушно затопал по скрипучему полу — высокий, поникший, уставший сам от себя. Не таким быть Хозяину в дни, когда лес отдается сну да болоту. Не таким. Глаша проводила его, а когда он скрылся за дверью, осенила защитным знаком — пальцы в щепоть, только мизинец в сторону: пусть идет Хозяин по дому, как по лесу, по лесу, как по дому.

Что за беда с молодой этой кровью? Что за разлад в них? Что за изъян? Глаша только головой покачала. Седые волосы лезли в глаза: заплести бы их, да руки не поднимутся — так устали.

Цепляясь за стену, она вошла в общую комнату, хранившую стылый запах смерти.

Олег стоял к ней спиной. Весь — натянутая тетива. Весь — высшее ликование. Весь — жизнь. Таким не прощаются с любимой сестрой. Таким не стоят над пятном ее застывшей крови.

Таким вообще не место в лесу. Лес таких не любит, лес таких не признает. Лежка, может, бывал и слеп, и глух, даже глуп порой, но таким он не был. До этого дня.

— И куда же ты собрался, лучик мой? — спросила Глаша, и голос ее был голосом леса, что приготовил для сына своего новую дорогу.

Спина вздрогнула, казалось, вот еще секунда, и искрящаяся сила покинет ее, обратив незнакомца в привычного мальчишку, но Олег выдержал испытание. Он легко обернулся, встретился с теткой глазами — ее пересыхающие озера с его живым, стремительным потоком, — и улыбнулся. Легко, даже с облегчением.

— Не бранись, — попросил он, шагнул к Глаше, остановился перед ней, потупил взгляд. — Мне до леса только, я обещал.

— До леса, говоришь? — Смотреть на него, такого схожего со Стешей, было больно, но эта боль исцеляла другую, черную, страшную. — Что ты, милый, лесу обещать-то мог?

С лесом у Лежки не заладилось. Не принял его великий, не понял его. Не разглядел. Хозяин хмурил брови, сестрица названная не скрывала злорадства, только Глаша тихонько радовалась. Значит, чаща не заберет у нее дитя. Значит, жить им под крышей, под защитой родных стен. Чем не радость для матери? Потому слушала сына вполуха, любуясь, как блестят на солнце легкие его волосы, точь-в-точь те, что гладили старые руки в девичьей спальне. Только живые. — Девка там пришла... — все говорил и говорил Лежка. — Девка, помнишь ее?

Слова с трудом проникали сквозь пелену тоски, но Глаша наконец ухватила их, заставила себя обдумать. Девка. Про девку-то все и забыли.

— Что ж она не убежала еще? — Пожала плечами, удивление слабым червячком защекотало в груди.

Сколько их было? Безумных да юродивых, тех, кто приходил сам, тех, кого приводил Батюшка. Сидели в углу и гукали, раскачиваясь, прятались в хлеву, давились водой и похлебкой. Одни пригождались уже к ночи, другие жили неделями, блеклые, как пыльная моль. Главное было не видеть в них человечесью душу. Кормить, следить, приглаживать ладонью, будто бездумную скотину. И не смотреть в глаза — вдруг там, на самом дне омута, мелькнет что-то осознанное, разумное, страдающее? Вдруг там, за границей сумасшествия, прячется потерянное дитя с правом знать, куда ведет его Батюшка под полной луной? Знать, что ждет их на кромке леса, утопающего в спящих водах? Ответы ни к чему только безумным. Разумеющие свою судьбу знать обязаны, особенно если она определена другими.

Пришлая девка казалась одной из них — безумных, пустых человеческих оболочек. А после взбрыкнула, понесла, стяхнула сонную личину, обращаясь цепкой, странно пугающей. Уж точно полной. Так пусть бежит, коль очнулась так вовремя. Пусть бежит. Лес сам решит, как с ней быть.

— Дороги не знает, вот и не сбежала... — осторожно ответил Лежка и потупил глаза, словно было что скрывать ему, милому мальчику.

— И что же, это ты ее поведешь? — Глаша устало присела на край скамьи, вытянула короткие ноги.

Олег не ответил. Он продолжал топтаться рядом, буравя взглядом пол. Точь-в-точь провинившийся мальчишка — съел румяный пирог, а теперь мается, не знает, как скрыть бы, да только губы все измазаны алым соком проваренных ягод.

— Олег?.. — тихонько позвала его Глаша. Тот лишь упрямо вскинул подбородок. — Олег! Сердце сжалось предчувствием новой беды. Глупая баба оплакивала дочь, не ведая, что другое дитя уже готово ее покинуть. За чужой девкой, через чашу, не видя ни пути, ни цели.

— Не пуцу! — Глаша вскочила, вцепилась в рукав, подивилась, какой тоненькой оказалась его рука под грубой тканью. — Куда собрался? Ты ж в лесу-то и не был! Ты ж не знаешь его! Сгинешь! Костей твоих не найду! За паршивой овцой да на смерть? Не пуцу, сказала!

Лежка вскинул глаза. Пушистые ресницы влажно топорщились.

— Я и не пойду! Не пойду, не пойду, не бойся... — зашептал он, в одно движение распахивая объятия. — Куда мне в лес? Не пойду, не пойду...

Обнял сухие материнские плечи и продолжал шептать, уговаривая то ли Глашу, то ли самого себя:

— Не пойду, не пойду...

— А что ж тогда обещал? — хрипло спросила Глаша, прижимаясь лицом к сыновьей груди — эка вырос-то, глупый, глупый мальчишка.

— Да вот, мелочь одну... От Степушки она. — Отодвинулся, показал ладонь, а на ней — деревянный листик, весь — сгусток тепла, переплетение нитей, комок змей — сами тут, а хвосты тянутся далеко-далеко, за поляну, за лес, за болотную тину, за край жизни, к месту, что смерти страшней.

Глаша слабо нащупала скамью, оперлась на нее, заставила ссохшуюся грудь впустить в себя воздух.

— А ей-то на что? Мелочь эта, а, сынок? — Голос стал чужим, скрипучим.

Лежка открыл было рот, чтобы сказать, но ответ не нашелся. Так мальчик и остался стоять, глупо раззявись, в поисках лжи. Глаша покачала головой и спросила еще раз, добавив к словам своим капельку силы — властной, женской, лесной:

— Зачем ей листок? Девке нашей?

Откуда знать ей про ворожбу, могучую и древнюю, как сама земля эта, как недра ее, как ее нутро? Вопросы сгустились в воздухе, но Лежка продолжал молчать, противясь воле, а может, и не ведая ответа. Глаша оторвала от него тяжелый взгляд и было подалась к двери, чтобы самой выколотить правду из пришлой девки, но сын нарушил молчание первым:

— Я не девке обещал, не ей... Это другая. Мертвая меня просила.

Волна затхлости хлынула к Глаше, захлестнула ее, запершила в горле. Вот оно как. Вот оно. Даже мертвые чуют смерть родной крови. И приходят. А она, дура старая, ослепшая от горя, сразу-то и не поняла, кто пожаловал на порог. Сестрица названная, лебедица черная. Вот так гостя!

— Поляша вернулась... Ох и время.

Если кто и мог вернуть Степана, вырвать его из топких лап трясины, то лишь она. Пусть сердце ее и холодно, но материнская любовь в нем жива. Жива, если привела ее к дому. Жива, если указала путь к спасению. Деревянный листок продолжал лежать на вытянутой ладони Лежки. Глаша осторожно согнула тонкие сыновьи пальцы, укрывая пластинку с резьбой. По одному — мизинец, безымянный, средний, указательный, большой. Могла бы — каждый бы поцеловала, прижалась бы сухими губами, согрела бы любовью своей. Да не время.

— Ты беги, сынок, отнеси ей... — наконец проговорила Глаша.

Лежка кивнул, попятился, не сводя взгляда с матери. Прижал кулак к груди, кивнул еще раз. Растерянный, слишком маленький перед великой ворожкой, частью которой стал.

— Передай ей... — начала Глаша, но не нашлась. — Ничего не передавай. Беги только. Беги.

В свете, льющемся из окна, Олег был будто прозрачный. Чистый и тонкий, такой юный, что почти бессмертный. Глаша никогда не замечала, какие глубокие, какие лучистые у него глаза, а теперь не могла поверить, что они — его. Что мальчик этот — весь утренняя роса, хрустальный звон первого льда и ранней капели, — ее сын. Сын, ненужный роду. Кто придумал только, что подвластное ему — одна лишь мука да пышная опара? Кто решил, что он глуп и пуст? Если вот он, качается на тонких высоких ногах. Не волк, нет — подросший олененок. Вот-вот сбросит первые рога и станет вровень со всеми! Ничего не знающий, но могущий все.

— Беги, — кивнула ему Глаша, только бы он поспешил, только бы не заметил слез в ее старых слепнущих глазах.

И образ его пошел рябью, будто от материнского кивка на него подул легкий ветерок.

Мгновение — и Олег сорвался с места, выскользнул, как студеная вода сквозь пальцы.

ОЛЕГ

Он был уверен, что Глаша его не отпустит. Не станет слушать даже, а если станет, так не поверит. Отправит к брату — помогать, готовиться, горевать. Да что угодно, но не даст шагу ступить из дома без указа. А она пустила. Заблестела глазами, зашаркала короткими ножками и отпустила. Беги, говорит, беги.

Лежка бежал. Не оглядываясь, не думая, заметит ли брат. Откуда-то он знал: Глаша его защитит. Придумает, чем Демьяна занять, чтобы Лежке хватило времени добежать до леса, отдать листок и вернуться. А может, передать тетке что-нибудь от сестры. Что-то, что сама Глаша не сумела высказать, хоть слова и рвались из нее. Это Лежка понял по тоскливому взгляду. Так смотрят пойманные в силки зайцы за мгновение до того, как решительная человечья рука свернет им шею.

«Глаша просила передать», — повторял он про себя на ходу.

Но придумать глубокую, верную фразу не получалось. Что она скучает? Ложь. Про названую сестрицу даже не говорили, уж Лежка бы запомнил. Что ей жаль? А кому не жаль Степушки? Всем жаль. Что она желает Поляше исправить все? Вернуть сына? Вернуться самой? Да, так было бы хорошо. Да где отыскать решимости выговорить такое, глядя в мертвые глаза тетки? Как вообще говорить с теми, кто уходит навсегда? Что он скажет пришедшей девке, когда придет пора протянуть ей руку на прощание? Я рад был встретить тебя? Ты так не похожа на нас, что показалась мне совсем иной породы? Можно я пойду за тобой? Можно я пойду с тобой?

Дыхание перехватило, закололо в боку от щемящей тоски. Вместе с той, что звалась, как лес, уходила другая жизнь. Как только чаща сомкнется за ее спиной, все станет как прежде. Только хуже, в разы хуже, без Стешки и Степы.

Но как удержать, если места для нее здесь нет?

Лежка вспомнил худые плечи, тонкие запястья и потерянный взгляд прозрачных глаз. Пришлая девка была до неприличия иной, инаковость ее ни исправить, ни припорошить. Что там жить — идти по лесу такой нельзя. Любой зверь почует за день пути и помчится на зов ее слабости. Нужно было скрыть наготу, защитить слабую душу от чужой воли.

Хоть это Олег мог сделать сам. Он вернулся к дому, обогнул его, пробрался по скрипучей лестнице, скользнул внутрь и чуть слышно шагнул к двери кладовки. Миг — и вот он уже внутри, благо, дверь никогда не запиралась: от кого скрываться, когда родовой дом сам хранит свой покой?

Много дней провел Лежка среди этих широких полок, складывая чистую одежду в стопки у одной стены, а привезенную из города ткань — у другой. Теперь он на ощупь выудил пару

крепких рубах, длинный сарафан и просторные шаровары. Прижал их к груди, вдохнул запах сухой свежести, нагнулся, пошарил свободной рукой и отыскал крепкие ботинки — Стешкины, стоптанные уже, но новой хозяйке еще послужат. Тонкий ремень, чтобы свободная одежда не спадала с хрупкого тела, теплую, связанную Глашей из шерстяной нитки шаль, широкую настолько, что хочешь — платок, хочешь — одеяло. Вещей стало много, пришлось найти и мешок, чтобы все это сложить. Лямки ладно легли на плечи. Олег шагнул к другой стене — там, в платяных свертках, хранились сухари. Уж в дороге точно пригодятся!

Пряча их на самое дно, Лежка уже и не замечал, как судорожно бьется испуганное сердце. Он все прислушивался к шагам, но коридор оставался пустым. Это придавало решимости. Еще шаг, и Олег оказался у последней полки в самом дальнем углу. Там, бережно связанные в пучки, лежали травы. Одолен-трава, зверобой, иван-да-марья. Все, что прогонит с пути мавок и зазвонниц, болотных девок да лесных упырей. Прочь-прочь! Скрывайтесь от дыма, уносите слюнявое рыльце, тащите по кочкам обвисшее брюхо! Не тяните к тонкой шее свои когтистые лапищи. Прочь!

Представляя, как будет идти Олеся вслед за мертвой теткой через тьму и чашу, Лежка не мог совладать с дрожью. Он должен был защитить ее. Не знал почему, но чувствовал, что должен. Поэтому не раздумывал, когда рука его потянулась к висящим на тонком сучке оберегам, хоть делать этого было нельзя. Нельзя сильнее, чем все остальное. Лучше сжечь кладовую, а с ней весь дом, чем взять прозрачный кристалл со спящей в нем медуницей.

Сильнее охраны не выдумать. От черта болотного, от духа лесного, от спящего на самом дне озера, от любой ворожбы, от злого умысла, от воли чужой. Нет у зла пути к тому, кто несет с собой веточку медуницы, что сорвана была знающей рукой да в нужный час. Если пришлая девка и осилит дорогу, то с оберегом — другого шанса ей не найти.

Кристалл закачался, повиснув на прочной тесемке. Лежка заворуженно смотрел, как разрезает он гранями темноту. Сила в нем дремала, ожидая своего часа.

Больше Олег не медлил. Он вернулся на крыльцо, спрыгнул вниз, огляделся и побежал к лесу. Родовая поляна всегда казалась ему бескрайней, вмещающей целый мир со всеми бедами его, со всеми радостями. А тут ноги в миг пересекли ее, как ручеек в лесу — перешагнуть даже, не перепрыгнуть. Остановился Олег, только разглядев в траве пришлую девку.

Она продолжала сидеть, склонившись к коленям. Острые позвонки проступали сквозь грязную ткань рубахи. Болью отдалась в Лежке нежность к этой худой спине. Он подошел ближе, опустил на землю мешок. Олеся вздрогнула и подняла голову. Заспанная, растерянная, будто напрочь забывшая обо всем, она смотрела на Лежку и не узнавала. Тот застыл, не зная, как начать. Леся моргнула раз, другой, напряженное лицо разгладилось, и она наконец улыбнулась. — Вернулся, — проговорила она. — Эй, ты видишь? Он вернулся!

В орешнике затрещали ветки, расступились, выпуская из ложины мертвую тетку. Та успела стать еще бледнее. Жуткая, нездешняя, она, поморщившись, загородилась от солнечного света рукой.

— Долго же ты.

Лежка почувствовал, как тускнеет охвативший его восторг от помощи, которую он так бескорыстно предложил.

— Я вам в дорогу собирал... Вот. — Кивнул на мешок с раздутыми боками.

— А листок? — Тетка недовольно кривилась, пытаясь скрыться от назойливых лучей.

— И листок. — Покопался за пазухой и выудил деревянную пластинку.

Черты мертвого лица исказились в одно мгновение. Полина хищно бросилась вперед, вытянула перед собой руку, пальцы жадно заскребли воздух.

— Дай! — прошипела она.

Лежка сделал осторожный шаг и замер. Тетка не была похожа на тоскующую мать, скорее на болотную лярву, опасную и гнилую.

— Не мучай ее. — Легкий шепот Леси окутывал, баюкал, лишал страха. — Видишь же, ей больно, отдай скорее...

Повинуясь чужой воле, Лежка осторожно потянулся к тетке и вложил в ее распахнутую ладонь резной листок. Полный наслаждения стон вырвался из округлившегося рта. Остатки человеческого соскользнули с тетки, как шелуха. Теперь Олег увидел ее такой, какой сделали ее смерть, влага и время: расплзающиеся по коже темные пятна тлена, синие белки бешеных глаз, земля в уголках синюшных, обкусанных губ.

Тетка была мертва. И никакая любовь к сыну не могла этого изменить.

— Пойдем, пойдем же! — прохрипела она, скаля острые зубы. — Ну же!

Та, что когда-то была Поляшей, больше не смотрела на Лежку. Он выполнил свою задачу и тут же стал помехой, стоящей на пути. Как и обещание, которое тетка дала Олесе. С помехой не станут церемониться, ее не будут хранить в пути от бед и проклятий. От нее избавятся при первой же возможности. Как можно скорее.

— Пойдем! — Поляша извивалась, притоптывала на месте грязными ступнями. — Давай-давай, идем!

Олег обернулся. Леся неуклюже поднималась с земли. Он успел подхватить ее за локоть, сунуть в руку лямку мешка.

— Вот, смотри, — зачистил он. — Там все есть. Там одежда, ты обязательно рубаху под сарафан... Там еще шаль, как холодать начнет, повяжи у пояса... И на холодное не садись, подстилай... — Щеки горели, но Лежка не замолкал, пытаясь уместить в миг прощания всю заботу, всю тревогу.

Леся удивленно смотрела на него и, кажется, почти не слушала. Только сжимала его ладонь в своей, и этого было достаточно, чтобы Олег решился. За тесемку вытащил из кармана оберег и одним движением повесил на тонкую девичью шею. Леся опешила, еще крепче впиалась пальцами. Лежка даже не почувствовал — он уже весь пылал этим жаром, этим нестерпимым пламенем.

— Вот, не снимай... Там медуница, она...

— От зазвонков да упырей, — улыбнулась вдруг девка. — Ты уже говорил. Тогда, в лесу...

Лежка замер. Конечно, он помнил и разговор тот, и как шли они от леса, оттаскивая к дому обмякшего Дему. И она помнила! Помнила же!

— Да, там медуница. Она тебя сохранит...

Леся продолжала улыбаться, теперь ее пальцы сжимали кристалл, а глаза лучились теплым светом, будто солнце через молодую листву. А Лежке столько еще нужно было сказать! О ботинках, которые могли промокнуть, если наступить в топь, о ягодах, которые можно найти и съесть, и тех, что есть нельзя ни в коем случае. О чистых ручьях. О травках, успокаивающих голод. О медведе и старом лосе. Обо всем, чего сам он не знал, но слышал от других, а значит, помнил. Помнил. Помнил.

Но пришла девка уходила. Робкий шагок в сторону, еще один. Она смотрела с жалостью, то ли жалея Олега — что тот остается, то ли себя — что уходит.

«Стой! — вопило в Лежке. — Стой! Не ходи! Останься!»

Но Леся уже подошла к орешнику. Первая же ветка больно хлестнула ее по щеке, и без того синюшной, истерзанной чужой силой. Олеся охнула от боли, а в Лежке что-то затрепетало, как рыбка, выброшенная на берег.

— Что ты там копаешься? — донесся из ложины злой окрик.

Леся вздрогнула и поспешила на него, будто привязанная. Поникшая, дрожащая, она шла за болотной тварью, не зная, что ждет ее дальше. Будущее всегда было для Лежки неведомой тропой, он не умел предвидеть его. Но смерть, ожидающая пришлую девку под каждым пнем, на дне любого оврага, в чаще валежника, среди берез и сосен, виделась ему отчетливо и ясно. Она погибнет. Не успеет солнце зайти, как ее не станет. И он тому виной. Потому что знал, первый раз в жизни точно знал, что будет. Но ничего не сделал.

О границе, защищающей родовую поляну, Лежка слышал сотни раз. Зимними вечерами Батюшка рассказывал, как силой своей, потом и кровью очертил ее, договорился с лесом, и теперь ни одна тварь, ни один зверь к дому не подойдет. Детьми они тайком оббегали поляну, все искали, выглядывали тропу, по которой кружил когда-то Батюшка, но не находили. Будто границы и не было.

«Может, и правда не было?» — рассеянно подумал Лежка, перешагивая ее.

Покинуть дом оказалось очень просто, куда проще, чем топтаться на месте все эти тоскливые годы, проведенные в нем.

ДЕМЬЯН

Прикосновение старой морщинистой руки горело на лбу, как позорная метка. Дема то и дело смахивал его, оттирал, будто грязь, но тепло Глаши жгло кожу стыдным голодом до чужого участия. Вот тебе и волк.

Пальцы подрагивали, пока он перебирал сваленные в единый комок тряпки, — они служили ему верой и правдой в городе. Линялые футболки и свитера с вытянутыми рукавами отлично бы подошли к неспешной прогулке по лесу. Только впереди у Демы было не гуляние, а последняя тризна по невинно убиенной сестре. Он с отвращением отбросил рюкзак. Задышал тяжело, пропуская гнев через тело, позволяя ему, как электрическому разряду, уйти в дерево пола. Свежие рубахи стопочкой лежали на краю стола, придвинутого к окну. Раньше все это принадлежало Батюшке. Самым большим искушением детства было для Демы пробраться сюда, переступить высокий порог, осмотреться в поисках великих чудес, скрытых и тайных, как сам Хозяин. Жаль, что ничего чудесного в старой спальне не пряталось. Все та же пыль, все то же дерево, все та же тоска, что и повсюду.

Дема взял верхнюю рубаху, встряхнул ее, распрямил — слишком широкая, из небеленого хлопка — и положил на кровать. А сам легко высвободился из куртки, стянул футболку — горький запах болотной жижи и человеческого пота — замер так, голый до пояса, подрагивающий от нервного озноба, и потянулся к отцовской рубашке. Грубая ткань прошлась по зудящему телу, натянулась на плечах, свободно повисла на поясе. Дема вдохнул запах ее чистоты и сухости, и на сердце стало чуть легче.

Он обмыл лицо и шею холодной водой из таза, стоявшего в углу, вытерся куском холщевины, постоял еще немного, собираясь с духом, и вышел из спальни Батюшки. Прикрывая за собой дверь, Дема точно знал, что никогда больше сюда не вернется. Но в знании этом не было горечи — одна чистота и сухость отцовской рубахи да горячая метка теткиной руки на лбу, которую не смыла даже самая ледяная, самая колодезная вода.

Глаша дожидалась его в общей комнате. Из окна лился солнечный свет. Он оттенял сухую фигуру тетки — казалось, что вся она, сгорбленная на лавке, как на насесте, состояла из стусившегося сумрака своего горя. А может, так оно и было. Дема потоптался на пороге, привлекая внимание. Глаша не обернулась. Кашлянул, робея, как последний дурак. Глаша осталась недвижимой.

На мгновение Деме показалось, что она мертва. Застыла, окоченела, схваченная смертью, и никогда уже не распрямится ее сгорбленная спина, не вытянутся короткие ноги. Так и придется тащить ее вместе с лавкой на лобную поляну. Смех засвербел в горле, Демьян сглотнул его, еще раз кашлянул.

— Готов я. — Вышло равнодушно и грубо. — Сама торопила, а теперь сидишь...

Глаша медленно обернулась. Дема мог поклясться, что услышал, как заскрипели ее старые кости.

— Так пойдем, Демушка, пойдем. Тебя поджидаю.

Оперлась на лавку, поднялась тяжело, но молча, как и жила всегда — принимая боль благом жизни. Не глядя отряхнула подол и пошла к двери, а Дема — за ней, покорный, как дворовый пес. Только на пороге очнулся от ворожбы ее медленных движений.

— Олег-то где?

Худая спина дрогнула, Глаша отмахнулась костлявой рукой.

— Плохо ему, плачет... Зачем слабость в лес тащить, пусть дом сторожит.

Дема фыркнул, но сдержался. Малец никогда не был крепок, лес понял это раньше других, а теперь и кровная мать приняла простую истину: сын ее мало что не тот, так и не сын почти. Пустой да хилый, как болотный сморчок. Ничего, и вдвоем сдюжим. Не Хозяина провожаем, свита прощальная ни к чему. Подумаешь, девку родная сестра серпом посекала, невелика беда для леса.

Все это — гнилое и жестокое — ворчалось в Деме голосом Аксины. Кружилось, вторило, отдавалось эхом. Даже бросив их, старая ведьма оставалась где-то рядом, отравляя род изнутри. Дема попытался заглушить ее бормотание собственными мыслями, но тоска и скорбь, пришедшие вместе с ними, оказались куда тяжелее привычной материнской брани. Заходя в тихую спальню сестер, Демьян спрятался за ворчанием Аксины, как за непробиваемой стеной.

Спокойно шагнул к кровати, поднял на руки остывшее тело. За спиной тихонько застонала Глаша.

Дура старая, совсем с ума сошла, слезы лить, когда путь прощальный начат. По ним, как по дорожке, все охочие до чужого горя сбегутся. Молчи! Молчи, неразумная. Дема бросил на тетку взгляд — егохватило, чтобы старуха подавилась плачем. И то хорошо, и на том спасибо.

Демьян двинулся было к выходу, но тут из приоткрытого окна подул слабый ветерок, шевельнул занавеску, та пошла рябью, пропуская в комнату луч света. Разрезанное им надвое лицо Стешки вспыхнуло в почтительной полутьме. Та половина, что осталась скрыта, продолжала принадлежать мирно спящей — нежный овал лица, прикрытые веки, губы, тронутые легкой улыбкой. Но свет был куда безжалостнее, он высветил заострившийся нос, восковую кожу и безвольно приоткрытый рот. Стешка была красива нежной, сонной красотой, но мертва. Бесконечно, непоправимо мертва.

Аксинья внутри Демы подавилась бранью, всхлипнула кашлем и замолчала. А он остался один на один с мертвой сестрой на руках. Колени задрожали, вот-вот подломятся. На лбу выступил холодный предобморочный пот. Дема рухнул бы прямо там, уронил бы Стешку и сам повалился бы на нее. Но Глаша, забытая им, выставленная за скобки горя, оказалась рядом. Подхватила Дему за локоть, прижалась щекой к плечу. Хлопок отцовской рубашки тут же промок от ее тихих слез.

— Пойдем, сыночек, пойдем... Не стыдно тосковать, не стыдно плакать. Что бы ведьма проклятая тебе ни говорила, знай сам, что не стыдно.

И они пошли. Прочь из пустынного дома по тропе к лобной поляне. Эта дорога стерлась из памяти, будто в омут болотной топи канули шаги, пройденные по ней. Демьян не ощущал ни тела, ни мыслей. Он стал волей леса, который готовился принять дочь свою, окончившую земной путь. От Стешки пахло сухой ромашкой и чистым льном савана. Дема вдыхал ее запах, пытаясь запомнить его, сохранить в себе. Горе по капле наполняло его. Отрывая пудовые ноги от земли, он все глубже увязал в неясном чувстве вины и боли.

— Не ходи, — попросила его сестра.

Но он ушел.

— Жутко тут, — призналась она.

Но он не поверил.

— Останься со мною, Дема, пожалуйста... — молила родная кровь, которую он должен был защитить.

Но он не защитил.

Погнался в лес, прикрываясь заботой о младшем. А на деле-то все, что нужно было ему, — отомстить проклятой ведьме. Матери своей. Ни того не сумел, ни этого. Глупый ты хорек, вонючий олух! Дема зарычал бы от бессилия и злости, но Стешка хранила молчание и он не мог нарушить его. И просто шел, чувствуя, как шаг в шаг с ним спешит Глаша, посыпая за собой дорогу дурманной медуницей.

Лобная поляна встретила их полуденным покоем. В зарослях стрекотало, легкие былинки кружились в разогретом воздухе. Земля пружинила под ногами могучей силой летней жизни. Перешагнув границу поляны, Дема поклонился лесу и осторожно положил холодное тело Стешки на притоптанную траву. В этот же миг исчезли все звуки. Онемели кусты боярышника, воздух стал прозрачным и холодным, как ранняя капель. Лес почувал кровь, лес почувал смерть и отделил людей, полных горя, от полуденной неги неразумных тварей.

— Здравствуй, господин, — поклонилась ему Глаша и осела на колени. — С болью мы к тебе, с плачем и слезами.

Лес зашумел в ответ, треснула ветка ближайшей осины, полился сок из березонек, обнимающих кронами поляну. Демьян попятился, покидая круг. Ворожба, которой провожали в последний путь нецелованных да безгрешных, была делом женским. Никто не прольет таких горячих слез, никто так не протянет тоскливую песню, размыкающую объятия леса, как женщина. Сила ее нутра, сила ее горя.

— Ступай, — бросила через плечо Глаша. Пергамент старой кожи натянулся, морщины обратились глубокими бороздами, рисующими на лице узоры времени, проведенного в печали. — Отыщи сестру мою... Матушку отыщи. И верни в дом.

Дема кивнул, горло перехватил страх. Он — зверь и Хозяин — мигом заробел перед старой теткой. Темная глубинная сила плескалась в ней, миг — и захлестнет любого, вставшего на

пути. Будто грозовая туча, Глаша нависла над мирно спящей в траве Стешкой. Белый саван укрывал молодое тело от подбородка до узких ступней. Демьян в последний раз посмотрел на нее — красивую особенной красотой умершего без печати мук. Чистая душа не успела поверить в удар сестринской руки. Вот и хорошо. Вот и славно.

— Береги тебя лес, — пробормотал Дема, скрываясь в зарослях боярышника и жалея лишь о том, что лес раз за разом оберегает совсем не тех, кого должен.

...Из всех умений, пусть без желания, но все-таки проросших в Демьяне, лучше всего он умел выслеживать и нагонять. Пугливый заяц, брыкнувший по влажной земле, тяжелая поступь лося, осторожный шаг лисицы — оказавшись в лесу, Дема читал их как открытую книгу, понятную и полезную куда больше городских учебников.

Он вернулся к дому, потоптался, прислушиваясь к себе. Чем глубже Демьян погружался в умение видеть след, тем меньше замечал мир вокруг. Первыми исчезли звуки — жалобное мычание коровы, запертой в хлеву, возмущение кур, оставленных без зерна и свободы, даже шелест орешника, даже жужжание мошкары, даже скрип веток под подошвами.

Дема наклонился к лестнице, провел пальцами по нижней ступени, ощутил сор и пыль, поднес руку к носу, фыркнул, принохиваясь. Здесь Аксинья сбежала вниз, не оглядываясь, не сомневаясь. Не думая даже о роде своем. Серп жег ее мысли, потертая рукоять колола пустую ладонь. Обезумела ли Матушка сильнее, чем обычно? Потеряла ли себя от страха и гнева? Демьян давно уже не решался гадать, о чем думает Аксинья, что чувствует. Да и неважно это. Дема закрыл глаза и увидел, как тянется во тьме красная нитка ее пути. Аксинья бежала прочь от дома в самую чашу. И Дема рванул за ней.

Он и сам не понял, как увяз в болоте. Вот еще дом мелькал за спиной, поглядывал на Демьяна между зелеными кронами, провожал взглядом, а вокруг уже сгустился тревожный лес — темный и влажный. Дема бежал, гонимый жадной охоты. Сердце билось быстро, пот выступал над верхней губой и скатывался к бороде. На губах было солоно. Путь тянулся под ногами, подгонял, пульсировал, и Демьян стремился вперед, не думая ни о чем, кроме движения.

Соскользнув с очередной кочки, он приготовился перескочить на следующую, но ухнул в пустоту. Правая нога по колено ушла в зыбкую жижу топи, левая неловко подвернулась, и Демьян завалился на бок. Ужас накрыл его с головой. Он забился, как слепой щенок, раскинув руки, принялся хвататься за жалкие веточки, сгребая под себя грязь и сгнивший лишайник. Болото лениво всколыхнулось, нехотя поддалось и выплонуло перепуганного волка. Но Демьяну показалось, что он барахтался в жирной, скользкой грязи целую вечность. Твердая земля, на которую он выполз, стиснув зубы от ужаса и отвращения, легонько покачивалась в такт ударам сердца. Дема перевернулся на спину, скинул промокшие сапоги и бездумно уставился в голубой клочок неба, виднеющийся в переплетении ветвей.

Болото подошло слишком близко. Оно обступало дом со всех сторон, стремительное в своей неспешности. Красная нить пути, по которому бежала Аксинья, мерцала над заболоченной низиной. Матушка никогда бы не спустилась туда, она не могла терпеть и духа влажной грязи, не то что вымазаться в ней с головы до пят. Выходит, пока бежала она, болота не было. А теперь, гляди-ка, булькает чуть слышно, лопается пузырями, расплзается в стороны, как язва на отмирающей ноге.

Дема перевернулся на живот, встал на четвереньки и медленно поднялся. Выплескивая из ботинок жижу, он старался не вдыхать ее запах — затхлость стоячей воды, смердящий дух мертвых, обитающих в ней. Обулся — поморщился, но выбора не оставалось.

Огибать болото пришлось по широкой дуге. Больше о мерцающей нити пути мечтать не приходилось. На ходу Дема поглаживал шершавые стволы, выбирая самые молоденькие деревца, — они разговорчивее. Тонкая, чуть скривленная, будто вполоборота стоящая сосенка первой заметила бегущую через чашу Аксинью. Демьян провел ладонью по чешуйкам коры, мол, хорошо, милая, покажи мне, умница моя, покажи. Ствол потеплел, сок заструился в нем еще быстрее. Дема увидел, как затряслись кусты молодой калины, когда Матушка прорывалась сквозь них, отталкивая рукой ветки. Не успевшие покраснеть ягоды падали на землю, лопались под тяжелой человеческой поступью. Растрепавшиеся космы скрывали глаза Аксиньи, на щеках краснели царапины — лес умел давать отпор тому, кто несся по нему без тропы, напролом. Матушка пробралась на опушку, пересекла ее и скрылась из виду, углубилась в чашу, только темный подол вдовьего платья мелькнул между лиственницами.

— Покажи, раньше что было. Кого до Матушки видела? — попросил Дема, почти касаясь губами коры.

Сосенка молчала. Дрожь пробивалась из древесного нутра. К ногам Демы посыпались тонкие хвоинки, он вдохнул их аромат, позволил лесной силе пропитать себя и повторил:

— Покажи, что раньше было.

Перед глазами помутнело. Демьян увидел, как на залитую светом опушку опускается зябкий сумрак. Будто туча, гонимая ветром, набежала на солнце, скрыла его из глаз, и мир тут же погряз в холоде и тьме. Вздрогнула калина. Ветви сами поспешили убратся с пути идущего через них. Первым Дема увидел сжатый в тонкой руке серп. Старое серебро тускло блестело, на нем, словно потеки ржавчины, темнели следы родовой крови. Демьян тяжело сглотнул, но не позволил видению рассеяться.

Фекла выбралась на опушку миг спустя. В длинном платье, с распущенными косами цвета меди, она не выглядела ни потерянной, ни заспанной. Привыкшее к равнодушному спокойствию лицо искажала злобная гримаса — Фекла скалилась на деревья, стоящие перед ней, чуя в них враждебную силу. Она больше не принадлежала роду, и лес знал это. Она пролила родную кровь, и это лес тоже знал. Но родовое серебро хранило хозяйку, пусть и временную. Свободной рукой Фекла подхватила подол и побежала к лиственницам. Дема успел только различить, что глаза ее, чистые, как горный ручей, потемнели, налились чужой волей, подернулись болотной взвесью, и сестрицын след простыл.

Сосенка дрожала. При полном безветрии она тряслась, будто ураган терзал ее, — вот-вот склонит к самой земле. Демьян благодарно погладил ствол, пропустил силу Хозяина через кончики пальцев, успокаивая, обещая защиту. Он лгал. Перед болотом, надвигающимся на лес, он был наг и беспомощен. А вид сестрицы, бредущей на зов спящего, так и вовсе оглушил его. Милая Фекла — нежная, сильная, верная. Сколько боли выпало на твою долю? Сколько безумия и несчастья? Сколько не-сво-бо-ды? Столько, чтобы хватило. Столько, чтобы ты — нежная наша, сильная, верная, — обагрила кровью старый серп, умыкнула его да сбежала без тропы на зов, который слышишь одна только ты — нежная наша, сильная, верная, пока живая, но почти уже мертвая.

Демьян многое отдал бы, чтобы повернуть обратно. Только нечего было отдавать. Да и некому. Кровь он заметил, добравшись до первой хвойной лапы. Только вдохнул смоляной дух, и сразу понял: беда уже случилась. Трава у корней была смята, будто на ней хорошенько потоптались. Мягкие шишки попадали вниз, словно кто-то стряхнул их, ударившись о ствол.

Дема наклонился, чтобы поднять одну, и застыл — темная капля блестела во мху. От нее несло едким страхом. Демьян смазал каплю, растер пальцами и бросился вперед. Теперь путь ему указывала не красная нить. Красные капли крови вели его через опушку туда, где темнели ягоды жимолости. Веточки расступились, пропуская Хозяина. А за ними начиналась маленькая поляна, вся поросшая разнотравьем. Среди щавеля и ревеня желтыми огоньками мелькал цветущий одуванчик. Над зеленью высились столбики люпина. Дема вдохнул медовый запах травяного полудня — с ним мешался металлический дух пролитой крови — и вошел в зеленое море, дотрагиваясь до цветущих голов ладонями. Внутри него леденела пружина тревоги. Крови становилось все больше. Капли растекались, орошая травинки, стекая по ним к земле. Дема чувствовал их — каждую пролитую как свою. Это и была его кровь, просто натекла она из другого тела.

Тело это Демьян нашел на палом лапнике. Кровавый след стал густым и пахучим, еще чуть — и на него придут другие охотники. Лежавшую среди сухой хвои Аксинью они не пугали. Бледное лицо сковало мертвенное равнодушие. Ввалившиеся глаза смотрели тускло. Но живот, рассеченный ударом серпа, еще поднимался и опадал, судорожно и упрямо, как вся жизнь, прожитая старой ведьмой.

Демьян упал на колени, не дойдя до матери двух шагов.

ФЕКЛА

Это был сон. Долгий, вязкий, невыносимо скучный. Фекла спала и никак не могла проснуться. Ей снилось, что она заперта в девичьей спальне, — все кругом знакомо, все любимо когда-то, но будто подернуто серой дымкой. Рука постоянно порывалась смахнуть пыль, осевшую на мир

вокруг, но безвольно опадала на покрывало, стоило только пошевелить ею. Сил не было, мыслей тоже. Одно только желание — проснуться. Проснуться как можно скорее.

Но куда там.

Слишком странный сон. В нем можно было открыть глаза на рассвете, вскочить с кровати, отбить голыми пятками дробь, вторя старику-дятлу с красной лысеющей макушкой. И не проснуться. Можно было встать у окна, всмотреться в туманную даль, уловить, как шепчет там кто-то чуть слышно, нежно и ласково. И не проснуться. Можно было выучить песню леса и тянуть ее, чтобы поющему не было так одиноко. И не проснуться.

Фекла не ощущала тела — так, мешок, полный опилок, что таскался за нею, пока сама она скользила по комнате, пытаясь пробудиться. Пудовые ноги волочились по полу, отросшие волосы лезли в глаза, Фекла закусывала их, жевала непослушными губами, а слюна стекала по подбородку. И тут же из ниоткуда, из кисельной, туманной пустоты появлялась ненавистная девка — ключница ее, тюремщица. Хватала, тащила, угукала с ней, как с малолетней, утирала лицо, целовала щеки, гладила по голове. О, с каким наслаждением Фекла вцепилась бы в нее, задушила бы, истерзала, да только откуда взять силы, если спишь и сон твой глубок?

Потому изо дня в день Фекла металась в клетке спальни, как раненая зверица, кидалась на стены, дышала на стекло, оставляла непослушными пальцами следы и ждала спасения. Но тот, кто мог бы ее спасти, исчез. Фекла силилась разглядеть его в темноте углов, вскакивала среди ночи, бежала, опрокидывая на себя склянки, чашки и горшки. И каждый раз ее перехватывали сильные руки, скручивали, больно впивались, вели обратно. А углы хищно темнели, равнодушные к страданиям увязшей во сне.

Фекла уже отчаялась, когда он вернулся. Тот, кто мог бы ее спасти. Она сидела в постели, прислонившись спиной к подушкам, и медленно погружалась в них, будто в болото. При мыслях о поросшей мхом топи в животе становилось колко и зябли кончики пальцев, а почему — кто разберет? Фекла наматывала волосы на запястье, виток за витком, — все ждала, когда же они прорежут кожу, чтобы острая боль встряхнула тело, чтобы горячая кровь разлилась по белым простыням. Бездушная тюремщица прятала острое, опасное и желанное. Даже кормилась Фекла из ее цепких рук. Деревянная ложка утыкалась в губы, с силой разжимала их, проникала в рот, поворачивалась там, оставляя на языке безвкусное варево. Вот и вся снесь — моченый хлеб, кислое молоко, перетертое в кашу мясо. Выплюнуть бы в лицо тюремщице, только не слушался рот.

Фекла думала так и наматывала волосы, когда услышала его — голос спасителя. Кто он — не помнила, знала только, что принадлежит другому миру, где явь сильна, а тело молодо, горячо и живо. С силой рванула она прочь из болота своей постели, побежала, чуя, как наливаются резвостью ноги, дернула дверь, и руки послушались. Темнота коридора уставилась на Феклу сотней глаз, но она легко отмахнулась от чудищ, живущих там. Не время! Вот он — спаситель! Вот оно — спасение. Свет, льющийся из комнаты, откуда раздавался низкий голос, похожий на рык, ослепил на мгновение, но Фекла прикрыла глаза рукой и пошла прямо на него, замирая радостно, — еще чуть, и проснется. Она выбежала из тьмы, запыхавшись от счастья, огляделась: стол, за ним люди. Лица злые, припорошенные извечной пылью сна. Фекла даже рассматривать их не стала. Сразу поняла, кто пришел, чтобы ее спасти.

Он изменился. Короткие волосы, мелкая поросль на щеках, одежда незнакомая, запах острый — пота и дороги. Но глаза! Глаза его Фекла узнала. Волчьи, звериные глаза. Вспомнила вдруг, как гладила его по вихрастой голове, а он поскуливал, дурачась. Сердце сжалось от боли.

Вспомнила еще, как уходила с ним в лес, как учил он ее выслеживать зайца и хохотал — коротко, будто лая, когда она отпускала пойманного зверька, вдоволь натискавши пушистое тельце. Сердце облилось жгучими слезами. Вспомнила вдруг, как шептал он ей в сумраке сеней, как отговаривал от чего-то, а она не слушала, горела щеками, мотала головой. Сердце застыло не в силах выдюжить боль.

— Демочка! Дема! — Имя вспыхнуло в памяти, само выскользнуло наружу, запершило в горле пылью нескончаемого сна. — Дема!

Спаситель посмотрел на нее, в глазах его была та же боль. Сердце благодарно затеплилось. Фекла распахнула объятия, шагнула навстречу брату. Но между ними, как всегда, из ниоткуда, выросла ненавистная девка, обхватила Феклу, оттеснила из света во тьму. Силы тут же покинули тело: стали неподъемными руки, стали непослушными ноги, омертвела память, все подернулось пылью, засыпалось ею, как могильной землей.

Но встреча ее разбудила. Фекла чувствовала это при каждом вдохе — чуть щемило в груди эхо далекой боли, и она выдыхала, позволяя себе пропитаться ею.

«Дема, — беззвучно шепталось губами. — Демочка».

Так, выдох за вдохом, вдох за выдохом, Фекла вспоминала, что спаситель не был существом высшим, нет, напротив, глупым мальчишкой, обросшим волком, братом ее возлюбленным. Она закрывала глаза и вспоминала, как спали они в тепле общей постели, как задыхались от придушенного хохота до самой зари, как дышали лесом, как собирали на опушках сладчайшую малину, как слушали птиц, выдумывая им смешные имена. А потом все закончилось.

Оборвалось за одно мгновение, как и заканчивается любое детство. Это только кажется, что растет человек потихоньку, день за днем. А на деле все меняется резко и навсегда. С первой горячей волной, что проходит от макушки до пяток и долго потом пульсирует под пупком. И постели стали разными, и думы.

Фекла никак не могла вспомнить, что же произошло, кто виноват, как исправить это. Но точно знала: случившееся разделило их. И она погрязла в бесконечном сне. А спаситель ее исчез, бросил изнывать под слоем пыли. Бросил, как ненужную. Бросил, как чужую. Предал. Исчез. Боль, острая, как удар ножа между ребер, ослепила Феклу. Перед глазами померкло все, кроме печали. А когда хмарь развеялась, вместе с ней исчезла и пыль. Девичья спальня тонула в ночном полумраке, но он переливался всеми оттенками черноты. Фекла подняла руку, та легко оторвалась от покрывала. Затекущее от лежания тело с удовольствием потянулось, напряглись мышцы, заструилась кровь в жилах. Фекла вскочила с кровати, и та легко выпустила ее из топкого плена. Фекла сделала шаг, недоверчиво притопнула ногой, но и пол не спешил разверзнуться под беглянкой.

Еще шаг, еще. Окно мерцало летней ночью, из приоткрытой щелочки дул сладкий ночной ветерок. Фекла жадно вдохнула его: спящая листва, влага низин, отдыхающая после дневного зноя земля. Смола и хвоя, приторный аромат неспящей фиалки, палая листва, далекий запах стоячей воды. Лесной дух хлынул в горло, Фекла захлебнулась им, но не раскашлялась, а обмерла от счастья.

Сна как не бывало. Она пробудилась! Чаща побери тюремщиков ее и предателей, она сама воротилась обратно из пыльного края дурмана!

Миг ликования был упоительным и коротким. Шепот, доносимый ветром, заглушил его. Фекла распахнула окно, легла животом на широкий подоконник — звякнул, разбившись об пол, горшок с геранью — и закрыла глаза. Где-то далеко, так, что не видно самому зоркому глазу, не слышно самому чуткому уху, кто-то повторял и повторял одно только слово.

— Серп, — шепталось за деревьями. — Серп.

Фекла распробовала на языке — серп. Словно ветер подул в узкую щелочку между ставнями. Серп. Резкое, острое, стальное.

— Серп, — прошипело в чащобе. — Серп.

И перед глазами Феклы встал он — старый, с обмотанной кожей деревянной ручкой, с тускло блестящим лезвием.

— Серп, — еще напористее повторил невидимый. — Серп!

Он принадлежал кому-то могучему и злому. Фекла и сама не знала, откуда пришло это знание, но было оно точным.

— Серп! — возликовало в лесу. — Серп!

И кто-то этот принес Фекле столько боли, что сердце защемило от эха ее. Нестерпимое горе, черная беда. Вот как звалось чудище, держащее серп при себе. И плевать, что имени его Фекла не помнила.

— Серп... — повторила она. — Серп. — Оттолкнулась от подоконника и выбежала из спальни прочь, чтобы никогда больше в нее не вернуться.

Все, что случилось дальше, почти не запомнилось. Стоило шагнуть за порог, как под ноги кубарем выкатилась ненавистная девка. Только не было больше в ней силы, и власти не было. Фекла скалилась на нее, а глупая курица принимала оскал за улыбку. Тянула куда-то, кудахта о стряпне, суетилась под ногами, но Фекла ее не слушала. Скользнула по лавкам, оцупала полки. Серп ладно лег в ладонь. О, как зол он был, как голоден! Фекла чуть не выронила его — так ожег он ее ненавистью.

Но и тут все сложилось само собой. Горячая кровь тюремщицы примирила старое серебро с новой хозяйкой. Фекла лишь увидела, как удивленно распахнулись прозрачные глаза девки, и та

кулем рухнула в натекшую из рассеченного горла лужу. Глаза быстро затянулись мутной пленкой, будто вода стоячая начала цвести. В груди остро кольнуло — Фекла вдруг вспомнила, как пахла макушка этой девочки молоком и светом, а тоненькие волосики смешно топорщились в разные стороны. Фекла наклонилась к сестре, погладила ее, мягкую еще, уже неживую, зашептала что-то, а что — и сама не поняла. Но серп зудел в ладони, и наваждение быстро стинуло — фух! Только ветер надул занавеску у приоткрытого окна. Фекла распрямилась, попятилась, не решаясь повернуться спиной. Но стоило только выйти за порог, как колючая боль в груди исчезла, будто ее и не бывало.

Ночь была в лицо упоительным духом свободы, за поляной начинался лес — живой, вечный, дремучий, а за ним кто-то звал Феклу без имени. И зов этот заставлял кровь бежать быстрее. Косы сами собой распустились, укрыли плечи медным покрывалом, босые ступни грела набравшаяся дневного тепла земля. Фекла запрокинула голову: звезды смотрели на нее, приветствуя. Хохот сам вырвался из груди. Никогда еще Фекла не была так свободна и бесконечно счастлива, но зов манил ее настойчиво и властно.

Фекла и не заметила, как переступила границу родовой поляны. Столько сказок слушала она когда-то. Большой и могучий рассказывал их, а они, дураки, верили. На деле все оказалось очень просто: шаг — и утоптанная тропинка сменилась тропинкой, поросшей травой. Высокие осины зашумели над головой, приветствуя Феклу, но та не поклонилась. Это раньше прочная нить соединяла ее с каждым, живущим в лесу. Но время меняет все, подтачивает любые связи. Нить обвисла, истончилась, порвалась. Фекла легко отмахнулась от нее, будто от паутины в начале осени.

Она шагала в самую чащу. Темнота ночи не мешала любоваться серебряными переливами луны на спящих листьях, мох пружинил под босыми ногами, идти было легко и славно. Ветер приносил запахи — разные, духмяные, сонные, — и Фекла вдыхала их, чтобы выгнать прочь затхлость, в которой пробыла так долго, проспала так глубоко.

Тот, кто звал ее через лес, не спешил, не подгонял. Он просто шумел вместе с ветром, чуть слышно пропевая имя:

— Феесек-лааа...

И она шла, поглаживая тонкие стволы молодых березок, опуская кончики пальцев в студеные воды ручья. А потом услышала шаги за спиной. Замерла, притихла, прячась во мраке, слилась с ним, стала частью его, стала им.

Та, что спешила за ней, не разбирала дороги. Фекла слышала, как ломаются злыми руками ветки, как ягоды лопаются под тяжелой поступью. Так не ходят сквозь ночной лес даже самые неразумные: первая же растревоженная осина стеганет по лицу — останешься без глаза. Но идущая не боялась сонного гнева, а лес и не смел гневаться. Он расступался, нехотя, не спеша, но расступался.

Страх накрыл мерзлым пологом. Заныло в груди. Фекла вспоминала. По тяжелому дыханию, по ее запаху, по шагам. А когда идущая показалась между стволами лиственниц и глаза их встретились, Фекла вспомнила. Все вспомнила.

* * *

Он долго не мог сказать, как же его зовут. Чесал пушистую бороду, погружаясь в себя, но не глубоко, лишь плескаясь на поверхности памяти, а потом пожимал плечами, мол, а дело ли есть кому до имени этого?

Фекле дела не было. Она смотрела не отрываясь, разглядывала его, как небывалое. Длинные руки с тоненькими пальцами, узкая грудь, безволосая и оттого смешная, острые колени, худые ноги. Иноземный зверь — несмышленный, трогательный. Он даже улыбался не так, как принято было в доме, — широко и открыто, не разжимая губ. Не оскал — улыбка. Настоящая, теплая и живая. Это потом они решили, что имя у него должно быть простое и звучное — Петя. Но это было потом.

Первый раз Фекла увидела его мельком. Батюшка привел двоих в хлев ближе к вечеру, не глядя толкнул в пахучую тьму, припер дверь палкой. Мазнул по дочери равнодушным взглядом. Фекла мигом покрылась мурашками, потупилась, подождала, пока Батюшка пройдет мимо. Но тому и дела не было — как испуганные курицы к раззадоренному петуху, к нему уже спешили тетки.

— Рубашки им снеси, — бросил Батюшка, не обращаясь ни к кому, отдавая приказ всем. — Один совсем плох, с ним поспешить бы. А второй обождет, да... Второй обождет.

Смотреть на них пошли после полуночи. Фекла выскользнула из девичьей спальни, когда надоедливая Стешка давно уже смотрела тоскливые свои, праведные сны. Застыла у двери, за которой спали братья, поднесла ко рту кулак, подула в него, ловко свернув язык трубочкой, и получился совиный крик. Прислушалась. За дверью заворочалось, закряхтело. Вот тебе и волк. Дема выбрался в коридор, будто зверь из берлоги, — теплый со сна, всклокоченный, ошалелый. На голой шее краснели следы жадных губ. Фекла презрительно фыркнула, но глаза отвела. Молодая тетка оголодала совсем, вот и несет ее, как кошку мартовскую, что тут поделать? В память о детской дружбе Фекла не давала себе злиться. Но ревность, глухая и стылая, нет-нет да колола под ребром.

— Пойдем?

Шептаться нужно было тихо, тетка Аксиныя спала чутко, «а ночью спать надобно, неразумные вы дети, спать, а то утащит вас в подпол анчутка, будете плакать, будете тетку звать». Давно уже из темных углов не следили за ними красные бесовьи глазки: одно дело детишек голоногих пугать, другое — скалиться на лесовых хозяев, но Фекла все равно скрещивала пальцы защитным знаком, пробегая в ночи по спящему дому.

Шли они молча, скорее по привычке, чем гонимые интересом посмотреть, кого на этот раз принесло к ним из леса. Выбрались на крыльцо, огляделись, подышали темнотой и сыростью ранней осени. Демьян, горячий еще от чужих объятий, прохлады не чувствовал, а Фекла тут же продрогла, покрылась мурашками. Они кололи ее, будто маленькие иголки, всю дорогу к хлеву. И потом ей казалось, что не от холода тряслась она — от предчувствия. От предвкушения.

Петя лежал на спине у самого входа. Демьян, первым вошедший в хлев, по звериному наитию переступил через его длинное тело, но сестру предупредить не успел. Та запнулась, взвизгнула приглушено и чуть не повалилась на пол. Дема схватил ее за плечи, прижал к себе, очерился в темноту, готовый броситься на обидчика.

Обидчик смотрел на них широко распахнутыми глазами. Цвета было не разобрать. Но Фекла в тот же миг поняла, что глаза у него синие. Яркие, небесные, полуденные глаза.

— Я прошу прощения. — Голос был слабый и тихий. — Разлегся тут самым неудобным образом.

Пришедшие из леса не говорили. Мычали, пускали слюни, мочились, плакали и лопотали что-то бессвязное. Но говорить — нет. Откуда разум в них, потерянных? Откуда слова, если любая скотина человечней будет, осмысленней, чем они? Но этот был другим. Фекла жадно всмотрелась в темную его фигуру, лежащую на земле, присыпанной соломой.

— Вы не ушиблись?

Вопрос повис в воздухе, воздух стал плотным и жарким, Фекла схватила его губами, но не смогла протолкнуть внутрь, так и застыла с открытым ртом. За ее спиной тихо зарычал Демьян. — Я вас напугал? — Фигура зашевелилась, приподнялась на локтях. — Простите, простите, пожалуйста. Я не хотел.

Если бы он попытался встать, если бы только потянулся к ним, Демьян разорвал бы его на куски голыми руками — так испуганы они были, сбиты с толку. Но он опустил на землю, вытянул длинные руки вдоль худого тела и выдохнул так сладко, будто позади у него был долгий день труда, а впереди — бескрайняя ночь отдыха.

— Вы видели звезды? Мне кажется, сегодня должно быть очень звездное небо...

Вместо ответа Демьян схватил Феклу за локоть, обогнул лежащего по широкой дуге и поволол сестру во двор. Она не сопротивлялась, но все оглядывалась через плечо, чтобы еще раз посмотреть на того, кто видел звезды через темный потолок хлева.

И весь день потом старалась о нем не думать, и весь день думала и думала, замирала в двух шагах от хлева, прислушивалась, закусывала губу, спешила прочь. Не дай лес, заметит тетка Глаша. Не дай озеро, узнает Матушка.

К ночи Фекла измаялась, мысли разливались звоном тревожного колокольчика. Она уселась на широкий подоконник спаленки, как надоедливую муху, прогнала от себя Стешку:

— Иди давай, простокваша скисшая!

Та надула губы, но тут же улеглась на кровать и затихла. Зашипела сестрица в ответ, схватила Феклу за косы, ущипни хоть до синяка, может, не случилось бы ни счастья большого, ни беды. Сцепились бы они, завизжали, как белки, грызущиеся за орешек, прибежала бы на крик Глаша, развела бы, заперла. Но спаленка наполнилась тишиной, только Стешка сопела вначале обиженно,

потом глубоко и сонно. А Фекла все смотрела в ночь, обнимая себя за колени. Огромные звезды гроздьями висели над двором: то скрывались за тучами, то выглядывали между ними, как в прорехи тяжелого плаща.

Фекла спрыгнула на пол. Обиженно закачала листьями потревоженная герань. Стеша заворочалась во сне, когда дверь спальни скрипнула, затворяясь. Больше никто не заметил, как Фекла на цыпочках выбралась из дома, забыв погрозить переплетенными пальцами сонной анчутке. Та клацнула маленькими зубками, ощерилась, но броситься следом не решилась. В доме спали глубоко и беспокойно, ей и без беглянки голоногой было чем поживиться: дурной сон чем не лакомство?

Дверь хлева оказалась тяжелой — не распахнешь бесшумно, не отворишь. Фекла уперлась плечом, сжалась, предчувствуя скрип, и ухнула в темноту. Сделала два неровных шага, взмахнула руками, останавливая падение, слепо огляделась.

Он стоял у дальней стены, склонившись над чем-то, безвольно лежащим на полу. Медленно повернулся на шум, но его полуденные глаза уже привыкли к мраку, потому он сразу разглядел Феклу, узнал, улыбнулся даже. Она не увидела это — почувствовала. Просто воздух стал теплее. Улыбнулась в ответ.

— Здравствуй. — В его тихом приветствии было куда больше смысла, чем во всех словах, слышанных Феклой. — Как это хорошо, что ты пришла.

Никто и никогда не радовался ее приходу. Может, только Дема, да и тот давно уже перестал. А незнакомец, безумный беглец, дарованный их роду лесом, смотрел на нее, улыбаясь так радостно, что Фекла наконец перестала дрожать.

— Ты не могла бы принести воды... — Просьба звучала робко и обеспокоенно, но все так же тепло.

Фекла кивнула, выскочила наружу, понеслась к колодцу, огибая дом, не страшась, что заметят. Им было запрещено подходить к хлеву, когда в нем пришедшие из леса. Феклу высекли бы за одну только мысль протянуть безумному чашку с водой, но тепло, исходившее от него, наполняло ее бесстрашием. Холодные капли текли по запястью к рукаву, когда она шагала через двор, даже не думая прятаться. Рука чуть дрожала, пока она тянула чашку через полумрак хлева. Их пальцы не встретились, но оказались рядом — Фекла почувствовала, задрожала сильнее. Она заставила себя распрямить плечи, чуть вздернуть подбородок, бесстрашно уставиться на безумца. Но тот не смотрел в ответ. Он присел на корточки перед тюком, безвольно брошенным на землю, подсунул под него ладонь, приподнял с одного края и начал поить.

Вся наигранная важность тут же слетела с Феклы. Она жалобно сморщилась: ее безумец и правда оказался безумцем! Как жаль, знал бы лес, как же жаль! И отступила к двери, чтобы не спугнуть, не нарушить зыбкий покой потерянного в собственной тьме. Пусть себе нянчит сырую ветошь, а ей самое время идти спать подальше от запретных мыслей.

Но сверток на земле зашевелился. Раздался сдавленный стон, и кто-то принялся жадно пить, шумно сглатывая воду пересохшим горлом. Фекла застыла на месте. А тот, кого она мысленно уже прозвала своим безумцем, дождался, пока чашка опустеет, уложил товарища поудобнее и повернулся к ней, сияя благодарностью.

— Как же вы вовремя! — начал он. — Я уже собирался кричать, право слово, начал бы вопить, как потерпевший. В его состоянии нужно пить! Обязательно нужно пить, обезвоживание смертельно опасно, да... — Замолчал, взмахнул длинными руками. — Хотя что такое смерть по большому-то счету? Вы знаете?

Фекла не поняла ни слова из сказанного, но слушать его голос — тихий, ровный, глубокий — она согласилась бы до самой зари. Только он молчал, ожидая ответа. Фекла покачала головой. Этого оказалось достаточно, чтобы он засмеялся — коротко и смущенно.

— Вот и я не знаю. Скажу вам по секрету... — Он сделал шаг к ней, наклонился, не замечая даже, как окаменела она от страха. — Никто из живущих не знает. Но в свое время узнает обязательно. Каждый. Вот такие дела. — Отошел назад, полюбовался ее растерянностью и наконец спросил: — Как вас зовут?

Фекла с трудом оторвала тяжелый язык от пересохшего неба. Разлепила губы. Из рта вырвался хрип, похожий на последний крик больной вороны. Безумец смотрел на нее не отрывая глаз, полных сочувствия.

— Вы... вы немая?

Столько лет Фекла жила с уверенностью, что пришедшие из леса потеряли не только разум, но и речь. Но первый же, к кому она решилась приблизиться, посчитал ее неспособной назвать своего имени. В пору было расхохотаться в лицо чужаку и убежать. Но вместо этого она собралась с силами, подняла взгляд от земли, сглотнула вязкую слюну и сделала это — назвала имя, данное ей лесом и Матушкой, чтобы безумец услышал его, чтобы запомнил.

— Фекла, — сказала она, заливаясь румянцем. — Меня зовут Фекла. А вас?

Тут-то они и поняли, что имени он своего не знает. Постояли еще немножко, потоптались неловко, придумывая, что еще сказать, чем еще заполнить полумрак хлева, кроме смущений и разности странных их судеб.

— Вам принести напиток? — спросила Фекла, отступая к выходу.

— Лучше оставьте вот ее, если можно. — Он повертел в длинных пальцах кривоватую чашку, вылепленную из глины Лежкой. — Сам я могу напиток из бочки, а вот он... — Оба повернулись к тряпичному тюку. — У него жар, его я буду поить...

— А вода? — чуть слышно спросила Фекла, застыла у двери, и без того зная, кто принес беглецам воды.

— Тот... тот, кто привел нас сюда. Он наполнил бочку до краев, да... Но до нее еще нужно идти.

Фекла кивнула и вышагнула из дверей во двор. Ее пылающие щеки больно стянуло ночным холодом. Она глотнула тьму и обожглась ею, будто хлебнула студеной воды, которой поделился с безумцами Батюшка. В спальню Фекла пришла шатаясь, словно хмельная. И до самого утра ей снились звезды, плавающие в бездонной бочке. И Фекла обмирала от ужаса, понимая, что под толщей черной воды медленно тонет безумец с полуденными глазами. Они увиделись на третьей сутки безмолвной борьбы страха и желания, мечущихся в ней. Больше ходить к безумцу нельзя. Нельзя говорить с ним, нельзя слушать. Он — один из многих, пришедших из леса. И как все они, он уйдет, уйдет, ведомый Батюшкой туда, куда следует уходить таким, как он. Хозяин знает, как вести их прочь от лесных земель. Ни один еще не вернулся, и этот не вернется. Зачем ходить тогда, зачем смотреть, зачем слушать? Только сердце рвать... а оно и так болит, и так мучается. Просится еще разочек посмотреть, послушать. Оказаться рядом, вдохнуть чужой запах, услышать чужой голос, разглядеть чужие черты. Зачем ходить к безумцу, если скоро он уйдет навсегда? Как не ходить к нему, если скоро он навсегда уйдет?

Все валилось из рук. Тетка Глаша в сердцах стеганула ее по спине мокрой простыней, которую Фекла развешивала во дворе да уронила в самую грязь.

— В голове тина болотная, девка! Тина одна, квакши заливаются! — ворчала старуха до самой ночи, уворачиваясь от объятий. — Чего лезешь теперь? Завтра стирать будешь до кровавых мозолей!

Но к утру злость иссякла, и старая Глаша сама оттерла и простынь, и Батюшкино исподнее, жалея нежные еще девичьи руки. Их Фекла ломала, сидя на низком суку яблоньки, примостившейся на самой границе родовой поляны. Раньше туда они прибегали с Демьяном. Грызли маленькие горькие яблочки, болтали о всяком, мечтали о побеге из дома.

— Прямо в город пойдем! Я дорогу узнаю! — повторял Дема, скалясь неловко, по-щенячьи еще. — Прослежу за Батюшкой — по ней он безумных уводит.

Потом Демьян стал волком и сам привязал себя к лесу стаей и ворожкой. А к дому его привязали совсем другие, не сестрины руки. Так что к яблоньке Фекла теперь убегала одна, забиралась на низкий сук, гладила старое дерево, помнящее еще и тепло их, и дружбу.

— Здравствуй, яблочко мое, здравствуй, — шептала она, прижимаясь щекой. — Одно ты у меня осталось... Только к тебе и тянет меня поплакаться.

Слезы сами текли из глаз, Фекла и не знала почему. Что оплакивает она? О чем страдает? Это потом, в ту страшную ночь, когда она бежала через спящий лес, обмирая от ужаса и горя, от предчувствия конца всему, что дорого ей, слезы вспомнились ей, как первая весточка мерзлых времен. Да не с кем было поделиться. Старая яблонька скрипела ветками далеко позади, исчезая, растворяясь на веки вечные в прошлом, ушедшем слишком быстро.

Во всю свою древесную силу яблонька любила Феклу, скрывала от ветра и чужого глаза листвою, делилась теплом и даже яблоками, которые чудом одним могло еще родить ее измученное временем утро. Вот и от глаз Батюшки яблонька спрятала Феклу в ночь, когда он повел в лес первого безумца.

Тряпичный тюк с трудом держался на ногах. Он спешил вслед за могучей фигурой Хозяина, спотыкался, размахивал руками, но шел. Шел упорно, шел бездумно, будто на привязи. А может, и на ней.

Фекла забыла, как дышать. И пока они не скрылись в орешнике, просидела не шелохнувшись, слышала только, как бьется испуганное сердце, как пытается оно вырваться из клетки-груди. А когда поляна опустела, Фекла кубарем скатилась с яблоньки и побежала к хлеву, не чувствуя под собой ослабевших ног.

Чужак сидел на земле, прислонившись спиной к тюку соломы. Поникшая голова лежала на груди, волосы упали на лицо, скрыли его от Феклы, но та сразу поняла, что безумец плачет. Миг, когда она бросилась на колени перед чужаком, обхватила его голову руками и прижала к себе, растянулся на целую вечность. Фекла запомнила, как дернулся он в первое мгновение, как не увидел — почувствовал ее и обмяк, разрешая обнять себя.

— Тихо-тихо... — зашептала Фекла, покачиваясь вместе с ним. — Не плачь, не плачь, хороший мой. Не страшно, не тебя... Все прошло, теперь отдыхай. Ну-ну... Не плачь.

Так успокаивала их, ободранных, потерявшихся в лесу, тетка Глаша. Это потом она ругалась, потом стегала прутом, но сначала всегда жалела. И жалость ее исцеляла страх перед скорым наказанием.

— Он увел его... Человек, который нас здесь запер. Увел. — Голос его стал хриплым от слез.

— Я знаю, знаю...

— Куда?

— Я не знаю, не знаю...

Он всхлипнул, задрожал еще сильнее.

— Ему же нельзя в лес, у него жар!.. Я пытался сказать, но тот... Не послушал. — Он все бормотал и бормотал, захлебываясь в страхе, как волчонок, попавший в полынью, еще чуть, и последний рассудок покинул бы его, но этого Фекла допустить не могла.

Она оторвала тяжелую голову от себя, поймала мечущийся, безумный взгляд и медленно проговорила:

— Мой Батюшка знает, как ему помочь. Он выведет твоего друга из леса, слышишь? Он всегда уводит тех, кто потерялся... — Сбилась, подбирая слова. — К людям. Он уводит их в город!

— Да? — Опухшие красные глаза смотрели с недоверием. — Вы не врете мне?

— Не вру! Лес мне господин, не вру! — поклялась Фекла и сама в тот миг поверила, что это правда.

— Хорошо, вам я верю, — пробормотал безумец, успокаиваясь. — Отчего-то именно вам я верю.

Он расслабленно прикрыл глаза и тут же уснул. Нужно было уходить, только Фекла не могла отвести глаз от его заплаканного лица. Никогда еще она не видела ничего прекраснее. Из оцепенения ее вывел надсадный крик петуха. Петя всегда просыпался самым первым, но следом за ним во двор выходила тетка Глаша, — времени любоваться спящим не оставалось. Фекла укрыла безумца куском мешковины, убрала с его лица тонкие прядки волос. Он пошевелился, но не проснулся. В первых лучах солнца, что пробивались через щели в стенах хлева, чужак будто светился изнутри — тусклым, но истинным светом.

Фекла поднялась на ноги и тихонечко вышла во двор. Петух прохаживался по своим владениям и недовольно заворчал, увидев незваную гостью, нахохлился, готовый закричать еще раз. Фекла прижала к губам палец:

— Тихо-тихо, Петя... Тихо.

— Какое имя знакомое. Петя... — Безумец стоял у приоткрытых дверей хлева, которые Фекла должна была, да забыла припереть. — Вы заприте меня, а то заметят. И запретят ко мне ходить. — Он слабо улыбку. — А я хочу, чтобы вы приходили. — И отступил в темноту. Руки дрожали, пока Фекла подкладывала в углубление под дверь выточенное бревнышко. Петух следил за ней, не отрывая черных бусинок-глаз, но молчал. Лес защищал дочь свою от зла и чужого гнева. Пока еще защищал.

...Они виделись каждую ночь. Словно тень, Фекла слонялась по дому до заката, зевала, терла кулаками глаза, отвечала невпопад, кивала поспешно, мол, да-да, все слышу, все сделаю, но ничего не слышала, ничего не делала. Фекла ждала вечера, Фекла предвкушала ночь. Как только дом заполняла тьма, тетки стихали в спальнях, забывалась сном Стешка, а братья,

намаявшись за день, дрыхли без задних ног, Фекла выбиралась из-под покрывала, босиком кралась к двери и бежала в хлев.

Ночь скрывала лихорадочный блеск глаз и пересохшие губы. А Петя — имя легко слетело с губ той ночью, и осталось, и прижилось, — ждал ее по другую сторону припертой бревнышком двери. Он широко улыбался, распахивал руки, будто собирался обнять плечи гости, а вместе с ними и весь ее странный мир, но не обнимал, а продолжал стоять так — нелепый, худой, безумный, — а Фекла каждый раз замирала в ожидании его объятий и каждый раз думала: ничего, в следующий раз.

Они садились на ворох соломы и молчали. Иногда Петя брал ее кисть, подносил к лицу и рассматривал. В темноте рука белела расплывчатым пятном, а он все смотрел и смотрел, радостно шурясь.

— Такая вы тоненькая, такая хрупенькая...

Фекла молчала, стараясь не выдать себя сбитым дыханием, и молила только, чтобы лес даровал ей умение навсегда запомнить этот момент. Пыльную тьму, тепло чужого тела, прикосновения худых пальцев к ее руке и шепот:

— Такая вы тоненькая. — Пауза, вдох и удивленный выдох. — Такая хрупенькая.

Лес слышит своих детей, да только желания их понимает по-своему, и ночи, проведенные в хлеву, запомнились Фекле странной мозаикой, кусочками целого, которое уже не собрать.

— Я люблю смотреть на звезды, — говорил Петя, растягиваясь на посыпанной соломой земле. — Они делятся вечностью даже с тем, кто на пороге смерти.

А еще:

— Когда-то я писал... Что вы смеетесь? Я писал книги! Не верите? Но я не лгу! Настоящие книги!

— А почему же бросили?

— Они оказались никому не нужны.

— И что было дальше?

— А дальше я потерял рассудок от горя. Так бывает, когда большие надежды оборачиваются маленькой пошлостью.

Но лучше всего Фекла запомнила, как блестели его глаза, когда он улыбался. Как нервно ломал он пальцы, вспоминая о прошлом. И как закусывал губу, когда вскользь размышлял о будущем.

— Я бы хотел вернуться назад. Не туда, откуда пришел, а в жизнь, понимаете? Заниматься простыми делами, не страдать об упущенных возможностях. Я мечтаю сходить за хлебом.

Выйти из дома, найти лавку, выбрать свежий батон и расплатиться мелочью. И ничего лишнего, и ничего большего.

На следующий день Фекла выждала, пока Лежка скроется из виду, занятый вечными своими делами, проскользнула в пристроечку, где остывал свежий хлеб, выхватила самую ближнюю буханку и спрятала под платком, накинутым на плечи.

— Оголодала? — Рык, пока насмешливый, но уже опасный, пригвоздил ее к месту. — Только от стола, а ты к столу уже.

Фекла равнодушно дернула плечом, развернулась, вскинула подбородок.

— А тебе что? Может, и оголодала.

Прошла мимо, задев плечом, подивилась, каким каменным стал брат, каким звериным. Даже пахло от него опасностью — жаром тела, глухой чащобой и женщиной, которая ему не принадлежала.

И до ночи кружилась по спаленке, прислушивалась к шагам, гадала: выдал ли ее Дема? Но кому? К Матушке он и в голод за крошкой не пойдет. Хозяин из леса еще не вернулся. Одной только любви своей и мог. А уж та — кто знает ее, не побежит ли к старшей сестрице Глаше за советом? Мысли кружили в голове, как мухи, запертые в стеклянном светильнике. Но время шло, день медленно склонялся к вечеру, дождливому и холодному. Хлеб, надежно укутанный в платок, лежал под подушкой.

Фекла вышла к ужину. Ни на кого не глядя, размазала кашу по тарелке, прислушалась к разговорам.

— Птичник к зиме утеплили, осталась малость самая, поспеем... — бубнила Глаша.

— Надо б поторопиться, холодает. — Аксинья вертела чашку, духмяный пар вился затейливыми спиралями.

— Поспеем, да, Олег?

Послышался скрип — это Лежка отодвинулся от стола, выпрямил спину, кивнул молча, не поднимая глаз. Стешка чуть заметно погладила брата по локтю. Их нежность, детская еще, смешная, как у кутят, держалась на стеснении и родстве. Другие же родства своего не стеснялись. Раскрасневшаяся Поляша ерзала на стуле, поджимала губы, сдерживая смех. Демьян сидел по правую ее руку, свои же руки он держал под столом. Что делал он ими, видно не было. Но темный румянец заливал его поросшие первой бородой щеки. Даже если он и заподозрил сестру в запретном, то уже забыл, погрязший в запретности по самые уши. Успокоившись, Фекла с удовольствием доела кашу, поблагодарила за нее лес, теток и Хозяина и почти уже вышла из дверей, когда услышала голос Аксиньи:

— Батюшка наш воротится, не пройдет и дня, а дом в запустении. Завтра с утра принимайтесь за дело. Слышали?

Завтра. То, о чем Фекла старалась не думать. То, что нависало над ней все эти бесконечные дни и быстротечные ночи. Оно случится завтра. Батюшка вернется из лесу и станет зорко следить за оставшимся безумцем. А потом, очередной холодной и дождливой ночью, уведет его прочь из хлева, чтобы тот никогда больше не вернулся.

Ноги сами понесли Феклу в спальню. Ее догнал гневный окрик Матушки:

— Девка! Поди сюда, сейчас же поди!

— Хворая я, прилягу... — бросила через плечо Фекла и скрылась за дверью.

Страх, куда больший, чем привычное опасение разозлить Аксинью, наполнил ее до краев, и не было средства, чтобы утолить его. Завтра — скрипели половицы. Завтра — шумел воздух, который с трудом проходил через перехваченное горло. Завтра — скрипнула кровать, когда Фекла рухнула на нее, чтобы никто не услышал, как она плачет.

Не услышали. Быстро стемнело, дом молчал, молчали жители его, укутавшись в ворох бед своих и тревог. Фекла поднялась с постели, обтерла лицо, вдохнула глубоко, прогоняя слезы, подхватила сверток с хлебом и выбежала прочь из спальни. Лежащая на своей кровати Стешка проводила ее долгим тоскливым взглядом.

Это потом Фекла поняла, что все они знали. О побегах ее в ночи, о терзаниях, а может, и мечтах. Знали, посмеивались, закрывали глаза: мол, пускай позабавится девка, недолог век ее забавам. Время выходило этой ночью. Фекла выскочила во двор, вдохнула прелый запах пришедшей осени. Хлев темнел в стороне. Ей отчаянно хотелось броситься туда, не теряя ни секунды. Но другая ее часть, смирившаяся со скорой разлукой, медлила, растягивая предвкушение последней встречи, как последний глоток терпкого меда.

— Не ходи. — Глухой голос Демы она услышала раньше, чем разглядела во мраке брата. — Не нужно сегодня, останься дома.

Сил прикидываться глупой курицей не осталось. Фекла вцепилась в резные перила, чтобы обмякшие вмиг ноги не подвели ее, и покачала головой.

— Я совета у тебя не просила.

— А я и не советую. — Демьян шагнул к ней — горячий, живой, родной до боли. — Это я так прошу. Не ходи к нему сегодня...

И Фекла тут же сникла, замерла в одном шаге до объятия.

— Так последняя же... Ночь. Завтра Батюшка...

Демьян смотрел на нее черными глазами. То ли злился, то ли печалился. То ли сочувствовал. Тошнота поднялась к горлу, Фекла обхватила шею, сглотнула горечь.

— Что? — прохрипела она. — Говори.

— Не завтра, — коротко бросил Дема. — Он уже вернулся. Хозяин наш.

Крыльцо опасно закачалось под ногами. Фекла почти не слышала брата, так оглушительно стучала в ушах кровь, но слова легко читались по губам.

— Пришел и тут же увел чужака в лес. Сразу, как стемнело.

— Почему? — не спросила, подумала Фекла, но брат разобрал.

— Ведьма старая тебя в хлеву видела... и вчера видела, и неделю назад. — Опустил на плечо тяжелую ладонь. — Она все здесь видит, все знает... и Батюшке рассказала, как только он вернулся. Я сам не слышал, Стешка из окна их разглядела, Поляше рассказала, та у тетки Глаши дозналась...

Он все бормотал и бормотал, но Фекла больше не слушала — она судорожно собирала мысли в одну песчаную кучу, готовую засыпать ее саму, только дернись неловко. Батюшка увел Петю на

закате. Пока она оплакивала свою несчастливую судьбу, как последняя тетеря, они уже шли прочь. Оглядывался Петя напоследок, искал ее в слепых провалах окон?

Зубы впились в губу, кровь потекла по подбородку. Фекла смахнула ее ладонью, вскинула глаза на брата. Тот смотрел с жалостью, но не тревожась: уверен был, что эту беду Фекла выплечет и забудет. А сам уже нетерпеливо топтался на крыльце: скорей бы утешить дуру да уйти в дом. Туда, где ждет его другая. Нужная, желанная, ставшая роднее родной. Фекла отступила, смахнула с плеча ладонь брата, сощурилась зло.

— И ты все знал? Про Аксицию, про Батюшку? Знал ведь?

В ответ только ветер прошелестел листвою по пустому двору.

— Пока за столом сидели, пока тетку свою тискал, знал?

— Может, и знал, — нехотя проговорил Дема. — Да что с того? Сколько их было, Фекла?

Безумцев, беглецов. Сегодня этот, завтра тот. Чего ты привязалась-то? Чего взъелась?

Он и правда не понимал. Фекле стало смешно. Горький смех, похожий на карканье вороны, почти сорвался с губ, но она лишь прикусила их еще сильнее. Солонота потекла в рот.

— Не поймешь ты, Демушка, чего я взъелась. — Отошла еще чуток, к самому краю первой ступени.

— Нет, ты скажи! — Густые брови встретились над переносицей, зверь в Демьяне начинал злиться. — Что тебе с чужака этого?

— А может, я люблю его, Дема! А? — Фекла посмотрела на брата с чужим ей, неизведанным чувством злого превосходства. — Что на это скажешь?

— Дура. — Оскал растянул губы. — Не такая она, любовь.

— А какая? Тетку свою трахать по темным углам?

Дема вздрогнул, как от удара. Никогда еще Фекла не пробовала говорить о том, что связывало его с Поляшей. Никогда и не думала, что скажет это так — больно, грязно, словом нездешним, привезенным из города, будто оно — грязь на подошве ботинка. Но отступать ей было некуда. Пока Дема оправлялся от неожиданного удара, Фекла успела сбежать вниз по ступеням — так просто не схватишь, не остановишь.

— Не ходи... — прорычал ей Демьян, понимая уже, что проиграл.

— Ты мне, волк, не указ! — громко, не страшась и не прячась, крикнула Фекла. — Я его люблю! Люблю, слышишь? Он мне про звезды говорил!

Развернулась и побежала. Мимо пустого хлева, мимо колодца, мимо спящего курятника, где видел праведные сны петух, мимо старой яблоньки, через родовую поляну, в самую чащу за Петей своим ненаглядным побежала.

Пробираясь через орешник, Фекла не чувствовала ни холода, ни страха. Только кровь прилила к лицу, застучала в висках. Ноги скользили по размытой дождями земле, капли падали за ворот платья, когда Фекла отстраняла ветки, чтобы те не хлестнули по глазам. Она спешила изо всех сил. Батюшка же шел по лесу неторопливо, как положено Хозяину. Эта мысль грела Феклу изнутри. Что будет, когда она догонит путников, думать было некогда. Главное — не оступиться, не упасть, не опоздать, а там уже лес поможет.

Помогать лес не спешил, но и не мешал. Лишь посматривали с интересом его пытливые глаза. Белки сбежали с верхушек сосен, упуская из маленьких лапок полные семян шишки, замирали пушистыми комками, следили за бегущей Феклой бусинками глаз. Каркал ворон, то ли приветствуя, то ли предупреждая, тяжело отрывался от веток, по сторонам осыпались жухлая хвоя и сухая листва, летел за Феклой, кружил, шумел насмешливо, но та не оборачивалась.

Бежала, перепрыгивая через канавы, скользила, размахивала руками, но бежала. Остановилась, лишь когда из чащи медленно вышел старый лось, — поросшая жесткой шерстью впалая грудь, узкая морда с блестящими, влажными глазами цвета дубовой коры, разлапистые рога — один отломан наполовину. Их взгляды встретились. Фекла тяжело дышала, волосы прилипли к влажным щекам. Она потерлась щекой о плечо, смахивая их. Поклонилась молча. Лось покачал тяжелой головой и скрылся во мраке. Фекла дождалась, пока еловые лапы перестанут покачиваться, и рванула вперед. Ворон опустился на сухую ветку, лежащую на земле, каркнул в последний раз оглушительно и зло и застыл, будто не птица, а вещий знак. Дурной знак.

С каждым шагом земля под ногами оборачивалась топью. Скользкие кочки, влажный мох, раскисшая земля, а в низинах так и вовсе воды по колено. Фекла вязла в холодной жиже, выдергивала ноги, не глядя оттирала ботинки о траву и бежала дальше. Холодного воздуха не хватало изнывающей груди. Казалось, что раскаленная кожа должна исходить паром, но вместо

этого тело покрылось большим ознобом. Фекла дышала хрипло, разевала рот и даже не пыталась запомнить обратной дороги. Спокойной уверенностью приговоренного она чувала, что домой уже не вернется. А когда разглядела между деревьев понурую спину Пети, поняла, что и не хочет этого.

Застыла, прижавшись к разлапистому клену, породнилась с ним за мгновение — стоило только услышать, как бьется в нем ток жизни, и понять, что сердце ее молодое трепещет вместе с ним. Лесные создания — братья друг другу, сестры. В детстве Фекла знала это лучше собственного имени, упивалась радостью кровного родства. А после забыла, утомившись однообразием, а вместе со счастьем быть кому-то родной исчезли и силы, дарованные лесом. Но, стоя в ночной тиши, Фекла будто сбросила пустые годы, вернулась к истоку своему и бесстрашию.

Легкой тенью она скользнула следом за Петей, не думая даже, что заметит Батюшка. Он и не заметил — шел себе впереди, безмолвный и грозный, как подобает Хозяину. Фекла скрывалась за стволами, припадала к ним щекой, набираясь древесной силы. Мокрый подол лип к бедрам. Она подхватила его, заткнула за пояс, по обнаженной коже побежали колючие мурашки. Пахло стоячей водой, тиной и камышом. А вот городом не пахло. Спасением не пахло. Не пахло людьми и дорогой к ним. Так почему же Батюшка остановился, обернулся к лесу и поклонился ему размашисто, дотянувшись ладонью до мокрой земли?

А потом схватил застывшего в нерешительности Петю и потащил вниз по склону, туда, где не было больше деревьев, одна лишь тьма — сонная, пахучая, почти уже не лесная. Нужно было спешить за ними. Но Фекла не могла пошевелиться. Она словно увидела себя со стороны: растрепанная, зареванная курица, бегущая без дороги за Батюшкой, не ведая, что сделает, если догонит. Вот нагнала, а дальше что? Как вернуть Петю? Как спасти?

Оробевшая, она стояла, обнимая осинку, а ночь медленно сменялась рассветом. Свет забрезжил между опадающими деревьями, и воздух тут же стал прозрачным, звенящим и студеным. Фекла вытерла набежавшие слезы, вдохнула утро, промерзая до самой сути своей и только потом поняла, что именно видит перед собой.

Лес заканчивался обрывом. С возвышения открывался вид на мирную гладь озера. Столько раз Фекла слышала про него от теток и Демы. Столько жутких сказок было рассказано, столько выдуманно небылиц! А теперь оно раскинулось перед глазами, даже не замечая ее, — сонное, ленивое, вечное.

— Здравствуй... — прошептала Фекла.

И тут раздался первый всплеск. А вслед за ним — сдавленный крик. И удар. И снова всплеск.

Фекла оттолкнулась от осинки и бросилась к краю оврага.

Батюшка стоял по колено в воде. К груди он прижимал оглушенного, испуганного Петю. Из разбитой брови по бледному лицу чужака, все такому же красивому невыносимой своей чистотой, текли первые алые капли.

— Прими горячую кровь, великое, укройся ею, согрейся ею, и спи, спи, покуда свет стоит.

Фекла не успела разобрать, кому сказал это Хозяин. А через миг, бесконечный и мучительный, это уже не имело никакого значения. Старый кинжал, который Батюшка носил на поясе, чистил за общим столом, обмывал вином, окуривал травами, блеснул в первых лучах солнца и ястребом устремился к длинной Петиной шее.

— Нет! — хотела закричать Фекла, но не издала ни звука.

Петя удивленно обхватил рассеченное горло тонкими пальцами, между ними густо сочилась кровь. Батюшка осторожно, почти ласково оттолкнул его от себя. На мгновение Петя застыл, покачиваясь. Свет обволакивал его, проходил насквозь, захлестывал, будто волной. Чужак еще жил, еще принадлежал этому свету, этому миру, этой жизни и себе самому. Но колени подломились, и Петя ничком повалился в воду. Кровь смешалась с ней, окрашивая ее в цвет ранней зари.

Батюшка неспешно выбрался на берег. Он дождался, пока озеро успокоится, огляделся кругом, то ли ища подтверждение, что спящий на его дне принял дар, то ли любясь царившим покоем. А когда повернулся к дому, то Феклы уже не было.

Не было ее у оврага, не было на опушке леса, не было в лесу, не было на родовой поляне. Даже в себе Феклы больше не было. Сон настиг ее, когда алые круги на воде скрыли от глаз спутанную макушку Пети. И она уснула, пусть тело ее и шагало, не разбирая дороги. И она спала, когда в чаще ее нашел Демьян, испуганный и виноватый. И она спала, когда Батюшка

отправился вымалывать душу ее у озера, но не вымолил. И она спала, долго-долго, глубоко-глубоко, лишь бы не вспоминать алые круги на спящей глади великого озера.

* * *

А теперь Фекла открыла глаза и увидела перед собой Матушку. Побледневшая от тревоги, покрывшаяся холодной испариной от бега сквозь чащу, она стояла в тени разлапистой сосенки и держалась за нее костлявой рукой — точь-в-точь сбитая с крыла ворона. Студеные глаза смотрели цепко, но стоило Фекле ответить им пробудившимся взглядом, как ведьма попятилась, на лице, испещренном злобой и временем, промелькнуло что-то, похожее на страх. Внутри Феклы тихонечко ухнуло, будто сова пролетела, задев крылом. И тут же пришла боль. Бездонный ее колодец пахнул холодом, наполнил серебром лунного сияния. Фекла схватила ртом воздух, почувствовала, какой обжигающий он, ничуть не похожий на сон. Теперь он виделся ей спасительным. Так вот откуда пришли морок, безразличие и скука! Так вот почему так хотелось спать, так не хотелось жить и так издали, так приглушенно томилось сердце! Ни один живущий не выдержит этой боли. Ни один помнящий, как текла в стоячую воду горячая кровь, не сможет выжить. А она смогла. Назло всем. Себе на беду. Смогла. Слезы закипели, но не пролились. Фекла не чувствовала под собой ног, не видела ни травы, ни сосенок, ни сладкой жимолости, темнеющей на опушке. Только Матушку, застывшую в темноте под защитой хвои. Нужно было что-то сказать, только язык не слушался, нужно было что-то сделать, но тело обмякло. Само собой вышло, что она бросилась через полянку, вцепилась свободной рукой в окаменевшую от страха Матушку и притянула к себе. Чья-то решительная воля управляла Феклой, и та была ей за это благодарна.

— Пробудилась? — Побелевшие губы плохо слушались Аксинью. — Я уж думала, совсем ушла. Спряталась...

Сколько слов хотелось выплюнуть в ее постаревшее лицо, но Фекла онемела. Только и могла, что хрипеть в ответ, тяжело дыша.

— Эка невидаль, мальчонку Батюшка зарезал... Первый, что ли? Последний? — Аксинья смотрела с презрением, страх покидал ее. — Вырастили вас белоручками, вот и разум прочь, как жизнь унюхаете.

Мальчонку. Батюшка. Зарезал. Перед глазами Феклы всколыхнулись и разошлись широкие алые круги. И спутанная мальчишеская макушка, что медленно скрылась в толще сонной воды, вдруг всплыла на поверхность, повернулась к Фекле лицом и сверкнула мертвыми полуденными глазами.

— В дом бы воротиться. — Аксинья глянула через плечо. — Вон куда тебя бесы озерные потащили, а я за тобой по кочкам должна скакать, как лягушка колодезная? — Выдернула руку из ослабших пальцев Феклы и совсем другим, властным голосом приказала: — Серп мне отдай. Слышишь, девка? И домой пойдем.

Отвести взгляд от Пети, снова и снова исчезающего в кровавой глади, было невыносимо тяжело. Фекла всем телом чуяла, что видит его в последний раз, и никак не могла наглядеться. Но руке вдруг стало тяжело, что-то налилось в ней холодной яростью, старинным серебром. Это серп захотел разрезать воздух простым движением, таким привычным ему, таким излюбленным. Это серп легко вошел в плоть, острием впился в мякоть, лезвием прорезал себе путь. Это он глотнул раскаленной крови, узнал в ней матушкину силу, захлебнулся было, но попробовал вкус и захотел еще.

Аксинья не издала ни звука, только скрипнула зубами и отшатнулась, соскальзывая с серпа.

Алая капля упала на траву. А за ней вторая. А следом третья. Помнящие еще силу руки обхватили живот, пережали рану, но тут же стали мокрыми от крови. Матушка опустила на них растерянный взгляд, слабо улыбнулась, будто все это было дурацкой шуткой, и подняла глаза на Феклу.

— Ну! — Голос не дрожал, губы слушались Матушку, как и все вокруг. — Серп мой. Отдай.

Тот, кто звал Феклу через лес и родовую поляну, проникая песней своей за створки окон, чуть слышно прошептал: «Не получишь...».

— Не получишь, — повторила Фекла.

Аксинья еще стояла, опершись на сосенку, но тело уже накренилось в сторону, вот-вот упадет. Фекла хотела удержать ее, но не шелохнулась — руки перестали слушаться, пальцы, сжимающие рукоять серпа, оледенели.

— Ты в ворожке чужой, как я в крови... — прохрипела Матушка, оседая на землю. — Борись, девка... Не меня слушай, себя спасай. Отнеси серп домой. — От краешка губ к подбородку потекла кровь, Аксинья смахнула струйку плечом, но только размазала ее по лицу. — Дема... Дему найди... Он защитит.

«Что ты о любви-то знаешь? Разве она такая? — оскалился брат из чащи памяти. — Сегодня этот, завтра тот. Чего ты привязалась-то? Чего взелась?»

А Петя уходил на дно, скрывался от Феклы, исчезал, унося за собой звездное небо и запах свежего хлеба. Она попятилась, не сводя загнанного взгляда с Матушки, — та уже не могла говорить, только хрипела что-то, кровь пузырилась на губах, окрашивала губы в красный, будто брусничный сок.

«Брусника растет там, где проливается кровь невинного», — вспомнилось вдруг Фекле, слезы забурлили в груди, вырвались нервным смехом.

— Домой иди, дура... Домой... — повторяла и повторяла Аксинья.

Слова жалили Феклу, она отмахнулась от них свободной рукой — та, что держала серп, чудилась ей неподъемной, красной от родовой крови. Лезвие сыто блестело серебром. Фекла залюбовалась им и сама не заметила, как медленно отошла от теряющей жизнь Аксиньи. Жимолость скрыла опушку раньше, чем Фекла успела подумать, что видит Матушку в последний раз. А когда подумала, то ничего не почувствовала. Петя ушел под воду, забирая с собой всю боль, весь страх и тоску.

Фекла легко побежала по тропинке, потом свернула с нее, заскользила между переплетений веток и лапищ, запрыгала по кочкам, не замечая холода, когда ноги проваливались в затхлую жижу. Болото началось так же внезапно, как закончился лес.

Чахлые покосившиеся деревца кривились над его бугристым телом, раскинувшимся так далеко, как только можно было разглядеть. Вдали заунывно прокричала выпь, всколыхнулся тяжелый дух увядания, обдал Феклу гнилью, теплом и влагой.

— Сюда! Иди же, иди же сюда! — позвал тот, кто вел ее сквозь чащу.

Фекла закрыла глаза и шагнула в топь, ничуть не страшась. Тому, кто успел потерять самое дорогое, и страшиться нечего. Только если страха. Но Петя забрал и его.

ДЕМЬЯН

Когда-то очень давно, еще во времена щенячества своего, Демьян пробрался в комнату Батюшки, обошел ее по кругу, принюхался и нашел искомое с легкостью настоящего волка. Плотно заткнутая деревяшкой бутылка стояла на полке, придвинутая к стене. Дема встал на носочки, вытянулся, не глядя схватил ее за горлышко и потянул. Скользкие бока приятно холодили пальцы. Сердце бухало в ушах, коленки подрагивали то ли от страха быть пойманным, то ли от предвкушения запретного питья.

Питье оказалось горьким. Оно обожгло рот, полилось в горло, запылало в груди. Демьян выскочил из Батюшкиной спальни, не видя ничего перед собой от слез, споткнулся о порог, вывалился в коридор и замер, не зная, куда деться от пожара внутри. Его, вмиг охмелевшего, нашла Пелагея. Жалела сквозь смех, гладила по голове, а он ничего не слышал, почти ничего не чувствовал, уплывая куда-то, легонько покачиваясь. А когда пришел в себя, то мир вдруг стал вязким, серым и поникшим.

— Никогда не пей, дружок, — продолжая смеяться, посоветовала Поляша. — Дурное это дело. Сам дураком станешь.

Дема тогда решил, что ни за что больше не будет пробовать эту гадость, — дурь одна и жар. А когда целый год заливал хмельным свой побег из леса и тоску по нему, вспоминал себя щенком и скалился в темноту. Дураком он и правда стал. Только выпивка тут ни при чем.

Это странное чувство зыбкости и тягучести времени первого своего похмелья он почти забыл, но вспомнил сразу, как только подломились ноги и он повалился на колени в траву, не дойдя до умирающей матери.

— Пришел, значит... Волк, — прохрипела она, не поднимая век. — Я все думаю: поспеешь, нет. Поспел.

С уголка губ степенно текла алая струйка. Дема уставился на свои руки, побелевшие пальцы сами собой сжимались и разжимались. Опавшая хвоя впивалась в ладони, под слоем сухих веток и травы мельтешила бесконечная жизнь: маленькие муравьишки спешили по своим

делам, из ноздреватого холмика выглядывал серый червь, земля была влажной и живой. Весь лес был таким — полным благодатной силы. А Матушка его исходила кровью, лежа на поваленной еловой лапе.

— Кинжал... где?

Еще один хрип заставил Дему опустить голову ниже. Темный в рыжину муравей тащил за собой толстую белую тлю, видать, убежала с выгула, а теперь ему, бедолаге, волоочь ее обратно — тяжело, неудобно, а надо. Тля не сопротивлялась, муравей спешил. Солнце долго еще будет на небе, но любой день краток, любая ночь подобна смерти. Знание это муравьи передавали друг другу, а те другим, а те новым, чтобы род их жил, чтобы после любой тьмы наступал рассвет. Глупые муравьишки стремились сохранить свой дом, оградить семью от краха. Глупые муравьишки оказались умнее Хозяина леса.

— Кинжал!

Сухая хвоя зашуршала под Матушкой. Дема вскинул глаза. Аксинья сумела приподняться, обхватив распоротый живот обеими руками. Подол вдовьего платья набух от крови. Дема с трудом сглотнул подкатившую тошноту.

— Не нашел.

Аксинья задержала на нем тяжелый взгляд и опустила на лапищу. Лицо ее стало восковым, заострилось, но даже близкая смерть не стерла с него властной суровости.

— Найди. Кинжал Хозяина. Найди. — Поджала сухие губы и затихла, будто бы больше и нечего ей было сказать.

Демьян глубоко вдохнул прелый дух чащи, помолчал, веря еще, что мать скажет что-нибудь, хоть что-нибудь еще, но она молчала. Только грудь ее поднималась с утробным всхлипом, а опускалась с чуть слышным стоном. Муравьишки продолжали копать в траве, лес продолжал шуметь, Матушка — умирать. В один миг все это увиделось Деме со стороны, и он ужаснулся. Перед его глазами истекала кровью женщина, подарившая ему жизнь. Погибала, зарезанная племянницей своей. Нет, не так. Погибала от удара дочери мужа своего. А единственное ее дитя, первенец, сын, сидит, как истукан, не может осилить двух шагов, что их разделяют. Дема бросил себя к валежнику раньше, чем решил сделать это, раньше, чем приказал бы себе остаться на месте.

— Мама... — Незнакомое слово застряло во рту, засвербело в гортани отзвуком неожиданной боли. — Мама.

Веки дрогнули. Аксинья открыла глаза — холодные серые воды подернулись первым льдом. Она уходила, решив, что прощаний жизнью своей не заслужила. Родовое лезвие разорвало последние нити, что связывали ее с лесом. Не Матушка — мать. Не ведьма — умирающая женщина. Дема понял это, прочитал в растерянном взгляде и задохнулся от жалости.

— Мама... — только и повторял он. — Мама...

Аксинья уже не могла ответить, но смотрела, не мигая, без слез и страха, жадно, пытливо смотрела на него, словно и не видела никогда. Демьян гладил ее по тяжелым волосам, перебирал медь с серебром, стирал кровавую струйку с подбородка и все повторял, повторял, как заклинание, как лесовую ворожбу:

— Мама... Мама. Мама.

А она смотрела, пока грудь еще слабо поднималась, чтобы опуститься. А потом опустилась, но уже не поднялась. Дема позволил себе еще немного постоять рядом, уложил растрепавшиеся косы на груди, поправил платье, не решаясь посмотреть на кровавый разрез, а потом наклонился к матери и легонько поцеловал ее в лоб. Она продолжала смотреть на него, пока он осторожно не опустил ей веки. Уходя, он подумал, что и не вспомнить, когда в последний раз она была так внимательна к нему, а он к ней так нежен. Никогда, наверное. Наверное, никогда. О теле Демьян не печалился: лес знал, как упокоить ту, что посвятила ему всю свою жизнь. Скоро к валежнику придут звери, скоро за дело примется мир, живущий в траве и земле. А хвоя засыплет все, что останется от Матушки леса. Тело, как и дух ее, не были печалью Демьяна. Все, что занимало его мысли, легко крепилось на поясе, славно лежало в руке и было теперь болото знает где. Только болото и знает.

ГЛАША

Дом опустел. Тропка к нему через родовую поляну поросла травой. Ослепли провалы окон, соскочило крыльцо, провалились ступени, обвисла дверь. У самой крыши деловито сновали маленькие пичужки — строили гнезда, обживали быт. Лес мигом прознал, что род его истончился, покинул родные стены, устремился последними своими душами куда глядят ослепшие глаза.

Кутята, а не лесовые. Сморчки, а не могучие завязи бескрайней силы. Но не было на них злости, не было горечи, не было презрения. Тоска одна, тянущая боль в груди да руки, вмиг обессилившие от горя. Долго шла Глаша из леса к дому. На губах холодел последний поцелуй. Стеша осталась на поляне — ждать, пока выйдут из леса те, кто примет тело ее, защитит от гнили, разнесет по лесу молвой о великом пиршестве. Таковы правила, таков закон. И пока душа дочери — светлая, невесомая, юная, как сама жизнь, — летит прочь в дали, неведомые живым, Глаша брела к дому. Пустому и омертвевшему.

Куры встретили ее недовольным кудахтаньем, бросились на волю, заклевали траву с пшеном, что щедрым потоком сыпалось с немощной старой ладони. Эта же ладонь огладила теплый коровий бок, успокоила страдальицу, облегчила вымя и вылила парное молоко в землю. — Пей, родимая, — прошептали сухие губы. — Пей.

Земля не ответила, но что-то шевельнулось в застывшем воздухе, отогрелось чуток. Глаша покивала седой головой, распахнула дверь хлева, обогнула дом и села на завалинку у крыльца. Умелые пальцы расплели косу, перебрали прозрачные волосы, распутали колтуны. Седая копна опустилась на плечи. Глаша вытянула уставшие ноги, оправила платье. Сердце билось все медленнее, все тише, все неслышнее.

Пусть гуляет на воле скотина, пусть бродят по поляне куры. Пусть день сменяется ночью, пусть ночь изгоняется днем. Пусть сияют в полуденном небе звезды безумцев. Пусть шумит лес, пусть наползает болото. Пусть просыпается тот, кто спит на дне озера, а жены его, лебединые сестры, пусть встречают новые времена.

Есть те, кому суждено умереть при рождении. Есть те, кто издыхает от старости. Есть нерожденные и незачатые. Полнится лес жизнью. Полнится смертью. Кому-то суждено вершить чужую судьбу. Кто-то и над своей не властен.

А кому-то сидеть у покосившегося крыльца. Смотреть, как шумит на ветру лес. И ждать вестей.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

/9j/4AAQskZJRgABAQAAQABAAD/4QAYRXhpZgAASUkqAAGAAAAA8AAAAAAAAAP/hAxlodHRw
Oi8vbnMuYWRvYmUuY29tL3hhcC8xLjAvADw/eHBhY2tldCBiZWdpbj0i77u/liBpZD0iVzVN
ME1wQ2Voah6cmVTek5UY3prYzlkIj8+IDx4OnhtcG1ldGEgeG1sbnM6eD0iYWRvYmU6bnM6
bWV0YS8iIHg6eG1wdGs9IkFkb2JlIFhNUCBB3JlIDUuMy1jMDExIDY2LjE0NTY2MSwgMjAx
Mi8wMi8wNi0xND01NjoyNyAgICAgICAglj4gPHJkZjppSREYgeG1sbnM6cmRmPSJodHRwOi8v
d3d3LnczLm9yZy8xOTk5LzAyLzIyLXJkZi1zeW50YXgtbnMjIj4gPHJkZjppEZXNjcmldWGlV
biByZGY6YWJvdXQ9IiIgeG1sbnM6eG1wTU09Imh0dHA6Ly9ucy5hZG9iZS5jb20veGFwLzEu
MC9tbS8iIHhtbG5zOnN0UmVmPSJodHRwOi8vbnMuYWRvYmUuY29tL3hhcC8xLjAvAveGFwLzEu
UmVzb3V4Y2VZSWYjIiB4bWxuczp4bXA9Imh0dHA6Ly9ucy5hZG9iZS5jb20veGFwLzEuMC8i
IHhtcE1NOkRvY3VtZW50SUQ9InhtcC5kaWQ6MTRDNUYxOUQwMUU0MTFFOUiXOTIEM0QxOUQ3
NjgzRTciIHhtcE1NOkRvY3VtZW50SUQ9InhtcC5kaWQ6MTRDNUYxOUQwMUU0MTFFOUiXOTIEM0Qx
OUQ3NjgzRTciIHhtcDpDcmVhdG9yVj9vbD0iQWRvYmUgUGhvdG9zaG9wIENINiB4aW5k
b3dzLj4gPHhtcE1NOkRvY3VtZW50SUQ9InhtcC5kaWQ6MTRDNUYxOUQwMUU0MTFFOUiXOTIEM0QxOUQ3
REY4N0ExMTMyMDM4NTY2RkEwMjU0IiBzdFJlZjppb2N1bWVudEIEPSI0MUNFNEEzmkQ4QkRG
ODdBMTEzMjAzODU2NkZBMDE1NCiVPIA8L3JkZjppEZXNjcmldWGlVbj4gPC9yZGY6UkRGPiA8
L3g6eG1wbWV0YT4gPD94cGFja2V0IGVuZD0iciI/Pv/bAEMAawICAwICAwMCAwMDAwMEBwUE
BAQECQYHbQcKCQsLCgkKCgwNEQ4MDBAMCgoOFA8QERITEMLDhQWFBFIWERITEv/bAEMBAw
MD BAQECAUFCBIMCgwSEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEhS
EhISEhISEv/AABEIAATBpQMBEQACEQEDEQH/xAAaAAABBAQAAAAA8AAAAAAAAAGAwQFB
wEC

CAAJ/8QAUHAAAAGECBQEGBAMEBwUHAQENAQIDBBEABQYSITEHEyJBUEWEIFDJxFUKBI1KRQk
k M2JysecEWQ4LR8BclNFOi4fGSshgmRHMnNTdjjwLSDk6PS/8QAHAEEAAAgMBAQEBAAAAAAAAAA

AgMBBAUABgcI/8QATREAAQMCAGcECAUCBQMCBAUFAgABAwQSEsIFeYExMkFRBkJhcQcUI1KB
kbHwM2KhwdFy4RUKQ4LxNFOSFmMlosLSFzVzsrMmRFSdk//aAAwDAQACEQMRAD8A5ToEqfwN
6XLtqCspr7gRunubKpB6FeQT541L5LbR5qg2ruuk/wCEYabyuny7KflKvu3HDMhNwzdeh8gc
W6eIYx1ZKnPKRSXCpMsCXJ46fa3ni1gq7v8AIQvVTmWqfct973634vYYrcRKxwikKjdRx/NW
YgsI5AhsxQnkqfUHCJ7hG5PitLKvZPnEkldJHNTx/M7HaVwxfvERIDYC+FQTXSZt6fUQii+H
7pXUJo+Tywwp8xJV1MMcUfJUsDZr9LjrbDajNCQ9XZJp3HWXbsGdTITDFOqRJHf5cAMFUWF
14t7YuOCqs/5UO1IGj1XcwjmVxe1uFA5/S+K9pXWprHaK0SpX8MzPMWC75SaeEC1hfwzPCJE
pa24RFV3mE/f1cjhLgtZR1sRjFnP2hLaiYbcopLcn5EUxsb2vb7YWrGI3L25QnTkt58/zxwr
sLRRDp5RUSwQ24d7A2v1IHTGhSR3WrMrDzErko0pNO6UzSWGPYIRPHAAOWKDXsQT1vxjcZjh
HKsa8pZM29Uvqmb+trQ4sRCr24sQsBE48/pD8QRXoqJrYyJQL362t9j7YpM6uOw2rLS7kiU7
bdTYcege/r9sHihJZV2kR37tigsGYIdisRcXa3BwHcu1lyy0geOzi448RWw+18c7pzGNvCso9
7hPq4HHocRwo2tLKIRGLHjkdRwb+2FspZrUrK4h5VLF7EAew6YIFegcJEkDNUym35bMTxY+2
CZrUh3S0MpliuoYgKedvvgewo8oilVklZLKRcb7n7Wx2C7HMmT1LPubO79r+//LDLUuWQik0h
WhkChF2cbbEEXv7jHXJTMJES3gqBtMZTxeR6WtgnTYmFTGStsl761xEQUuo4bizfocNpoyIr
lXqZdWNo81O5PlwzXmi1fJaIuWbcfFL5sT6KPMnGpHFeWZZEklo5VPmem1BXpRUljGWUy3Se
Ql8rK0th5fxw/AZCtFLwKMSIt6ENU6ZagmPg/Z7h3VRtuCDzta3QjFCppvDv6kq7eJQH4DLG
rnYsgC33JYgXPI7+uKJ08nurSjql5O9gsCgluf2cgAtzgWiL3UWvh97al0iUXWYd0b8eD6r+
Q8hbEOBCWZE0gkOVdifAj2ZogzzXFdB4XvleVuy83BDTyKP/AKUvgJHyqXSRlrNYQrrowgcs
F6c2xXwWpitXjQWVRsUC7E+QA5OIUP8A0r5l/Er2qv2tdpdZW03GUZQGocsjVtylFazzD3du
ftbD42tWVVy3FaO5VI6KLBB4t19x5JwePvKo7ryrZ724HHXqfX9cLK5NjdWf2bQLHP6slty9
Sy8edlA88bmjA9j5rD0m464RHopFNq6tmKBbS0wMpt6cAH0xabLMXiq2PsVDQQskWcxzbpVS
ZQhkyM3iNgT1/XFdG4hTTPht6rrGfPKKiMkrRzIJLKQAALheeOnpiXf2lqLD2dlucJnRHTd
Fy243fqQDx/DFwwtVQT7pJBo+6oyke6n7oqEfh7m4PQXJB6euF4ZUd5EXVDufVUa0c4hSTY9
YQzu+7xAeILfqvHl0xUmtty9VYDL8kvQJNQV+XNIFMIRCyECXcosQeCfUeWGRtqyFBI4lcoa
Hc61ZSPlt+57E28XBj8sKtuRsYil6bu/wd/qDxyNZt9rA2AsDwSbYh2uFTfaSiKyoSnKKneM
pXcCOPj636c4rFfjk3K5C4Zr9+KJ8jSCHlqOdQokMaortyB+E+JeePLyxrAw2iSx3ciK1M02f
jBZQpYQg3L7muTeXl4498Vh/G+CuOf8Al/iiiOYtDOGbiOPizdTbrjRxyrOttQ6j7qj821F5
YAcE9cVW4k27Kt8wr6WDK54nG+rSF9i3sFEQLjpcdOb4VPIiXVWkCcuHokqOiqcszSSoo6
iPL4EihhqYBewQncAxH97pbzwtorZrrsMME85bo7bcXfFOs7ntn+RxIG+WeVnGxbXcKdpbFi
VyKaPoq8H4MnVS2TnvqjM5FPPzIQAdLkOHH8cWo3zEqZ8lqLd9qZpmMMnKK0EQvwLcE/xOF4
5SJN7wimdbSCI0U7SDkJ3x8VrsW4PPthMjENOmzPlVJk/anhSTZufU+mMHG7iW0UnupeKNm
DGM2W1ywb+WBZ7VYUWHttTabepBsMRmUueVE2hgXzCJbWRJSWbra3JtjX0fmtWRXmrM1xmDU
2m6Kgpz+0KrJKOrK0p3WPr4QMaVQdorKgC4vvyVv6xgEGfVkdHelPsjUBubKo6+4OPG0c8hw
jIW98fqvp/aijjo9KS0sY5I7R+Qt9VBO4CDz29AWHPpiyz3LzjvaKIZdD1EWmsnzCV2+dzyo
K01KEvaAdZmPUAdfS2GvGSpDWXSEI7m+8EV6wgggy7JKTIdN0+YTZNAYTV01NSs5rJB+cuV2g
Dy5OckbuiOz6pFM+YpJCZj5bdf84zHKoqOWkyzTS0z7APma6qaa0587Cyg/phDv7oq/BHJx
FJi3TeygFRbDYn38XT74C8ldz/eTqBI9kgc+JbDAbcFr9D/zwNxLr110dwWQXQLbqL/c4Fsq
M3utJMDv3dOvW/nbjD+6qLmVyWi4VvqBK9Aep/XCiuTwO1L0l6mYrEd5tyu697jnE45U3iLL
vTSqDd6SNwHmOmJZLIYVmGAuZFGDFtlm8Vw449cFmJV7iXo6ZSNse4TFRlO6dT7/AGxJuVyM
HG1S2VSIKaUNFGWdigYryLi5A97c4t0j2qnWOpKjSafvI4VaQW3Oefp9SRyR7YvBcRZVnu4I
PRHOQ5bDFSRbEuipecMGG7eepB8hi9HHIFVpTIU77xJ3kpmMd3S7QIQeAbFve+Cd+7cgtLiUf
/sxx9VE80MfgDG7wzEAEDxDi4vgdXCQ5UzWTDIJM9MZFbWURnqKSGVHLd0ZblRxsBe9rYoNK
ljIRDjg36vuZbtJouSp1QiWdyE7f7BbEz8m3Y+akP+zVa+ujp8qeSOaokWKGApuG9jYbfO1z
i2dOKxWqSuy7W5fsvon2d6OpdDaMyrT2XeCLJ6ZI2PQyueXc+5Yk48xIdxXL21NFZGI79iIG
8ShT6k246eeATvyqlfij15WaT7Op8qyGSRM31QWpI5I2s8FN/vpB6eE7AfVsOppYpy8FTr6w
aaO7m+5fPPNNKz5c5DwTQNbwAgIGUeJdJf6SjIVgRVokoeohl3hJ02NHGFUBbXA6cjr9+uKb
sQ8Qq4B3JMptKAp+nt7/AGwt/eTxuV19nsn/AOTMig72jqXv+oBxv6Mf/L/FYGk29t8E4hV5
NXzykqIxGEYA2Nwo4I8/XD/9VV8bYVD1NQy1mZ00byAzyXDDgWVrsOf5YqO9pEKE3CPgl6yJ
azUkHhZjkjMjoYlie5CqtgRboScTjdJmUnIQw2ijBYjaXbIoQ2upXoLWsLeuNBUMnafMRzUUr
QhtqI3iQ3BI4O37ed8LvuElOFPcoHUn7XJZZno+4Y1KLG5cHvFC33gdBe/NsVpXuHhwT4+K2
7FYr6laPMiqrKHjcsBp+Gx64I39nGS5mzEKbZCHNNsut6ujncqW6kPcA3xEeUfNi0h3fNKZ
fHJMwM6ziN2dyU7xwv08m1h5DEA10ZKXe2RC8rtuBUXDKD16YqqwLlgiN91RIEaoWk7uNDEY
zPFievqcXzzRqrG9pJnHZs33who95XjoV4549MLb8S5H/p2omnqCmTyu39pUuQSPS2LebVq
thdJ5KCpY2LozBbm/wDE8YqgmlwpzqKHu6Kmh05V76SeKOaAfSbm4YgeZ9zgat8toltxZWKQ
CIri82dTq92mY1G+ZZ2ndIWPaDwFAKi/kMXHtGQs29UcxRjyUZCsh1giGLu6WCmadASd5ZgA
WPtxYDCAf/NeGcsu3+Xu544JXJKho8kq6teWeaWQf4r2GGxyWxkSrH+IIPvWQ/IaUpEmNnqG

BsLXLsST7efniHa2MR6ome6Qi6JtrmZotKzonGyaOG/lcL0/ngK17ack6gD2w3KrWj55Kg9f
b7Xx59bTmlqfe3eBCoD8Nx6cixwXdTLsywYugte9726DADxJhI50SkdHQSVc7/2bWCetzYAe
pIvjZorRjuYda101qIHSTN9TRLUyd4DIaydQOIyQAKYHsABh9UYiMhFyZ3/AER6Pg1tVBTj
3iEW/wDJkE5lldXqXVedtUffyrPNUSKXChY4+Gbnji3THINHRI6rGPGvd9sawZNPVkhbnNx
+T2/spfM9OZXQdnWnnzHu6STMZhrampRN80qEEJDH6+/5R540njHVivHtLIVUdvlBvDzdTOu
ajKNQZDTTzfz2jp5KShSP8L5tIAP7MMFDX9j4cFK4lmeIXp2mimISDnvVdUups8yvu4stzfM
qaAWCxR1LKgHoBew/TCmP8yuSQ3FcQtj5JevqJ8wqnmzCSSWpqHUSSS9WbgAte1vLnChE4lo
BljG1NPlk2y63jYqbEEcHnkYh3UsxLK/smsU3jcdob64BM7y2kdtgZTsU9QBzgm95dI+W0U
gt2txe9/y4kUi61byR97x07vwtfqLew8sdwo3cSW1GHppN0J2MDcNa5tgHzJ8RIAvoFJJ1Sb
zl3S/isGt1PP3wwEuoL3kHI7VWX4RTYDoAep/lhhKozkl4Iid8X2AWX1IHnbC3fMnRxEUJ
SbFJZPJSvLLFmj/LR1CeCoERfumB4uAbISODbeHJJGQkI44cld0eFHPfT1kljFuNmutJurb3
F9z4bUQUmnp5LvleZ5bMHUGKs2uwPG3aQG/jhoaU/8AaPHyx+iuH2KIiuh0hTEHJ3ktx+BN
sfzTvLfxqmqzXZmQqEc2MiSuBuUcXU9Dx6YvU2kaeT2kZ7Of3yWDpHszpilm9VqKZ2Pu7NhN1
F9xN5O6n62elplZ5Yb9NsnLcdAR9WNU5I9XrLmw++a8+1PUDNqSB2Nnwww24+Si2r46lPkU
EeXUcxMkkUKEz1F/IKL7bn1xly1usjLV4CHMn2N/deipNDWzD60LJyiDbIXnhjY3i+3oyPc
q08609M16PLu8T+rwVMu1wo9EF2ufcYmgiGpISHFoRfEcd5177+DcloadqZNFQnDNh67MNps
PDBFyibleXf5s2x8zurZ7Huzp5tf5PLXioqfI3NXK0cZ7qNVBsWdrEkkjoMade9IORES8Zos
NbVVRiurgmxnCBSdyffjHIF7y1lxSmZzuKiPqz7eAByccuXCXbfqGp7Qu0TMclhrKqhp41FHQ
QkEBYYybNY2sWa7H/Fj0VHraqPidndeNr63XzXcm3IKy211BUZpT0JjhZGKpdY2SNRu2k2LE
HyA6nFpgkut3rON4bbyhtZdnpSiq8yy8LHRQSVzN35FbY0ieqXNv8sJrKMBbbhT6astK1VhV
o8MndMFB2jz9ehx582tK1ehAxIUbdmlZf52idvE9pVX1tw1v5Y1dFycQ/FZWII+GT4KapIyd
XVLvutEQVFrcjVAvi6De2JZxt7FRFQwhrKz5k2IqVZ5P/LXcbj04GKxcRKz3RU5Kiy6niamj
jSGCkaYMOjXXhuPU4s/6yWP4aXzKWphoXmZO7kP7Ne8de5Uk8szH8vteSuVqiFhKQU403WD
McsLCLZ3biJ2HKsVFt6352nyxNOd8ZEgqI9XIKhdR1KvMZUFckIjgDMxkc7GY/Tdh/nhVQV
5W8k2IbRTGon/FabK8suqfKRs08rt0IuNo+4GFudwiJckTAQ3EnsFUvyaSOP/D0EyBthtICw
sRfqLmwwwHy3eCEw9p8VpksMtJp+rmR2cVe2KKLmqD4n59uMLBiGO5Eb5rUJZxMi1G2IsqLw
ptbd05xQIPMrIjsRTlZq9BTkHcTCLm3QnjGs7laqVqcUVH3jSyObAN14BJHFrY40Jc9qkM73
QUMES8kpUPLnyw6XKKTHmK5Q+Wlpa2BwdrFgBY9PPFcOJPPHxS4ffqHKqR3a6zmVyuCg2UI
b2vcAdCecLntGYB8U+D8GQvBFACpFCqBou/m5AtuYWuST5Ajri87CQ9FQxtluagaSWMOfZpU
0vfd3JRltxJIVgSPuAbdMU43H1iQh6K9LD6ul11Su0waWoIV+qodAQpz3JJxZ/0RVTD2hEnu
cwmavuyul7vwRvvF7W44t+tsMkH2gigDKJEhfWFW76SjvuDVOZM3qDyQP8sUK1/8ALj5q7RgJ
VBF0ZV/KDfjdbm9j/mMZLOtM07h2rCBe105I4+5wJJsbFbmSbr9G48brXtgRTCRxpmOPwSTy
blajTJPJbqAvCgD3JxuwB+iwpz+bqbgY5PNPmlUZlmSneolFwE3EXSO3nckAe+MzThkNLqR3m
+H8/ovZj+OMdLf4hMLaumEpPizYB8zdsGUZQUraFfUH+1IvVVFElOghkB71pQHZAEdfb9Xp
hTMIXD8FgnJJWwyDzd3f+fmofONY5fn2WxR5rp+H8Rp4RBT1dLWPEsSD6VEXK2Hp545zHvDt
QhTEEHwybOiFLK54+ock+/8AphStO6VhG57PuK7gAAQPfzxcS7MnEy11DPK0oF1tuv063xz
5uFHHGQRMagP4G2Hbz5A/faEnMy2LakFPK9xgXdC1tySdbryGBC8/wDQxLjsjfJaWUOCTYjo
PO/liWLKq7svCF0UMXvx9uMS73lRlcyWjcOx+fIgcPPy4wuQfdTojzZlo1M9S5SL+dqBSzN
57VUXJwQ5kqZN4Vv5o0mlWIO4V3Kk92D1NhzhxwqoWVTGa6Yk0tmtJFnx7yqhVSVKyjIdJ4G
PLRseLglf6g4Mxt4kmOovErd/jvZOUV2gcvptQoxgr6ir0nmEXe0+a07IphvwVctYFIPVRyf
LEPEII4JMdZIUfDhI3Jb5ZpfJcn1zSZPVZjNLPu7IFd8uYBTltheMqrfUW/ePHthjWjJbd8UM
0sktOULreW/Hqo2LVFRIM1flWddznFNS1jq3fSkMwBluhH0n8xIxRnjE5LrrZG7zb/j1bzXr
dEafmpKf1WQgnpSwfVHjg3iBcUZelJPo9SZJOLCv7twLFswoS8gX93vFPNsUngmEs0eP9BY
N/4vsXsY9M6JOO2nq9Xg2Ht4dYTN7uuB7iw5Y8lsNZ5bQMiUEc1WnWRYFFEjD/EAXPthjU5H
IJEpze5/hjlb5KpP2hoalkhpTcnf/tg0Af7sMZT8nJmdSOW9q66ZSd9H5RDSV9Xfvs0r3+Z
nt5Kq2CqB+px6AK8ohthHDxf6+aT0Y1MhSVBfBmtFdxDRofPtM6F/F9d5nWVufan2VUkM5
H9ThI/ZxgDgEg7iB+97YoVFRiEUiXWxQUccA3CLNircdZNxW35QeelsV1eK1Q+d5gtNpvOah
Asny+W1Em29rkRtYXHIv0vjme0lDhdcl71xJpbP6fV216LOUrKzKIJJngmppx89HE624DEX5
B4Bx7Cnn1ses3L53VQaiTV7/ANFJ0EcFd3tNpmKagy4eLMs2mTa8kl5aNL/SD04w7+ncq+Pv
bXUFnkRzyetzhZPKshyeAKY//Ojj5jgVenLG7YTK13tOTJsZ2+zHa7rnzN0Ek6OvBdLva3DX
5FvQY87V8Vy9HR8JLON81bJc1ppqSxWN9sqebIfq/lzgKaTVyXI6iMpYyFWhCkaahqZS/eNL
EhRALkqVvuv5cY32tGa5YHFHaoXuEmzMx14ytRWBSrdSLkkH2xXwG74ppcPwWc9eCHUNiiiK
CKNVg74xEkkAbWHmPfywFQ4jJ8k6LNhXKXqsrr6ujqKSqddGj7uNIXeR4rliCSLn/LD9VIQ
kJbElpl7rhT3LaKDL6KQUnebtva/oFsSB+mGBGICIGZEQ3IX0514r46yZUjFPE6liyAjaCWO
0dAbDg+WkCXYK0Z2qImcDLYUlaOprale78F12A8+L1BI++ESPlt5u6sQNmlujKUqyWGOsp6
946mogZKeNoxt8ANz4TyT6nDTMrS2qtZ3h2Mn2oYVospy+mhdrDdIRuNwSP+Zw6VrYxFKif

MRKuawmWYIS6gC1gcYU5kJuy2YgG3iRnSv8ALUDoSf8AdrcPwemN8uFYrBmUrkgd6ONGdbyw
wD15wcDZUMop1qRv2hS/RAPp8gPbDKhDEKjMpUJP3pPCIXLXA4t1ueOMJje0k42uFRiB80z5
AyNUF4XXvFaxUXCh+elgP1xVd9ZMI79iuRil05Fu2our5Fpq+gEe7aiyHjkkBLDj7Y05MpD8
Vlg3ESHNNwtHR6gkefv3SIKJdx6EX4B9L2x10fCZLSrG4BtU4Q7pp6FeVO13H90Dj+eNTD8M
Vnvl1izWV9s6q5xttR0rMBxyen+uAM8xF0ZS0eURLmhvVoMWjMoD/VJMXNz6gm/88UK1v8vG
rlG3tiQdFtRz53HAXjutgG4kqEYqWBv6gtyLe2IJMdkk/jaIXvvsPe1+cMjbMlycKPtKUXr5
juFqaHZJKg+qTafCv8eTjfga7yXn5MvmnuufmK2vyTK6D+3q6nvgDzyCAoI9BycY9Y2sriIt
7YM3g2/9XXrQnGDQNNdHwSORm/vGJWS3kDbm6vinGr9W57RyVL6n0nRz5f04WnbM6Nludtrh
gb3a262OMyEsWrBgpqch9jI+LdHVWVDrPJLLFFHT945ZloydkYJ+lBkm3piq60IosqdabyGv
1NncWW5JTNV1dTu8G8KqKBcuzdAF8ycMACkyikzyjEOsLcivs50fTZ1q+spc8f5ikyKsSaph
pD3nzTxm3dqw6gn064KIRuzJVbPJFCJR7HfryxU/XaLzfVWd09VmGSUek8olZEZbpB3EA/MV
ZgWe3U2x2rkMriHBGFTSqwKMcjyH8X2pPXOnsujhio9NjTOWUVBuPftZkJKyrJFrVYHg9QuI
nYe7s+qDR5TZikuJ38MreSi5OyrNnyI5tlXlebpwCJZYKGo3yxb92wJ18xgPVy1dwp7aQj
GYyYfx89yD3VUCg8AcEenHoMIZaLsNyReAEGqkbrbi+CZ0p27yXpaGesmSChgkqJLbIoULu
SfKwvibblMhiI3FuUe9Q5kVnNkE9Q5kho23SvGwF98LWDFP8Q4w2wQtlcWVUKmSUIhkFw5/s6f6zhoJ
tOZZNMq6RhnQyVblheghWmlq4wv8AaSRNdeD0bqcmKdL7Qdqr0gkMhRwlsbrtZvJ1H6qpl01k
+QZJDTwz5jHE9W61rd/8l3vKooqmy3sNxuOuJc9Wl2roG1pHJds3eeCa621RQTZjpuDKXkraP
JESWZnTYZqgsC/FrC1rCwtiDMctvJDTUkdk128voolXepjrHUUmYrB8nGIUiji37ioXzLC3m
T0wuQ9YVyuU8A00do7fFRFJR94gdCpPTnm3XClawzWr0aCGeOU7kCODvjtEG9xfzWYogNk
8L/MSSOI1QSuWsLCw62xLtcmbw2q8fhc7H500vXcWY13y5yfTU0U9VHMhZZ3BvHGAOo4uT5c
Yh3tTYIry8F9EEs3CO3gIJ8PQnoMIZa1qxXueNkjep9zju8owFDepaUy5JqGHullFZldTujZ
bqxEDAL9uMShXz37B89eihzHJoa9csr8waKpoHnZe6ndQQ0JJULITcY3tFSiN0fN14vStPcI
yCOOCs+pyfVWoHSmzrdT03eAuwVViFvzBR1PtjWtlhzLHxhHh3qF7Y5qfLtKUeV5U96Cnr1j
rGQC8jKu4XPrUPOE1h+zyptHHdJcW9c/5sgcCREbwOSvrYnj74wqtsq3qNxERfBRzxOACH5t
YW44OKPCrxN3lZGQ1y1mf7wbiSmRT4bcqouP449DGd0i8/KA2pPJ6SGbUVtigJozk7r3sSLc
4gLdYoN/Zrety2CszypLR99smSKMuTYMVvYkX44+ryOfnGJEmgdo9EXPDaEheREgg3tc+n3x
fwyqihvNM2Q0VSY2QyQXSc7fEhNrBeoOKknF5K0MXvddyYZfTmmyGSoSVrxQuZVUQu1lso
sOpFr4U0fs7un7pjmW2SUILmGQ01PUysggm7+QbLjhrqL++JjjGQRu5OokcoyluqSquggep
eJLipqgpY/XfaN1yb+HnoMcbCPzXcS11LUQ1FUyqZ5v6uqxnvVsd1rm4PUYCd7itHkuGO0cy
A2KNK5ks1zwTjF14lr2iMYt4IvzGnaHKAzh/aSRqtj1Y2BsD649D05WrFia4kUZDSdzTxMQ3
gReTzyR6HFuACG1V5XuTbUCGbvVsvCgEXv5YGZHGovL3Tu6hpI1dEhcOp6W29T5YrA/Fcnk3
upDTUSvmsolKpPFDGsIA+ohSxLfa44wuBvbFdv2YJ0r/AOXG3dzU/KxizbKN8neTRI5PQBGF
6n0564uNcJCqb2kJdFE5G5n07qCrl8HzMz8XFrXB49fTFOke6GWTq6uVeWSMejKUBP4xlTsF
EcFJewYc+G5v7YUyRlB8lSd/Zl5qHllEeWZnW0jrKIY6RxuOpDG+FY+zIh5ppNmES2YKM7SZ
e6iyjLwVAjZzz0PAF/4HFxSb22D8VY0dwyEg9dqKbHh7AgdMY7rXB0soKENb7+Hm2OwTBSs
EKSzByF2A3/Xyw+mC6TyVepkyqWmqkOWsEh4ZqemjPqCzEn+WN+N9X+iwna79UvnWVS5k+Y5
k1ZT5PRxD5N6+ucqI0LXbugPEzNYCy4xam4qqUtzbPot55xj0fRxiOLsxvh5khhL8kqdSV+Y
Q0WaSVIH11HJVTVda7qiogvfaxNiTWmVnC4svJE84xRiRDtd8MGU12aaWirqPOc3zqkhp6KH
LXSirMzQrTCV+CxP5tqm/AwyK04SItyp6QntkGGMsXx2s2/D+6faCzLTWkMwnynJambNczzu
m+V/EK61LQ88heP2gRj1brg4zHhHn8kiriqJRGQtjDtwba/8YrNbrDUGg8+XK9J5LT5flXds
i5flyCljkQ8CSOZfExXy3H74EpJlyzCjip6epjuhLF+r7X+LIW1bNkc00c+mazNJ45WLSU2Y
qWemYcgLISd4OK7tGRXCtSOSqjj1c2Hm3P4J5n+ujqXJ4Is9yyhznOAKsOaRjuZgg8nCja4I
9cTJKUmUt/VdTUYwFrIydmfu8kNwzPD+0gkkgkIszxSFSf5BBwpWta5ITFht8ieb83N+p98
dxKSy8KbvI0t2Ita4ve/sOcGKSb5k8oM1qsnfvctqKijmKMjSQuUbaeq7hbg4C5c9pDaS0oa
16OvFVZZaiORZVNQO83MD1a/UH3wTPaiwuHwS2c59X6izKTMc4n+ZqJCPE30ixuEUdAo9Bhm
JEVyr6oYoxjHcnOo9T1+o8xWszITv6kxrGAF2rEi8KqqOAB6DHO5EVxIYgjjG0R2KPP6yWon
31LySy/mkkO5iBwLkm5grkFy0qmEjuUHPW339cDjlUjmSSJ3pJfglQ3PHFsQ7p2KUjqO4Qd
00JF2k+/U4ldh8k/hp7AuR4udgP/AC9sd3Ut+JEmjNBZp2k6uotO6Tp2lra17F2B2U6D6pZC
OiKOT/DHIga7LzX0s7NOzrKeyvSWX5Dp5LpTp/WKk/XVSkEKRieeTew8sJeS4ltxRasUVPMY
Kd2tvIF0QHIn6AY5NxtSVT4IHPs/sbXNv1wNyhliJ4nk2PtdggfYSLsh4Nx6Hpgcyhfljtm
03BojtP1JkmVHfl+X5II9JZibIXDL16bb7f+HDge0ViShbIjvsc1bLnEXyldWVtZGJqdTJMT
tduVYX/eAKg+Rxu6PrCKTVyFy2fus7Sej4/U/Wox2gWB+T8Jf/S/wTnV+VvDpTNaQnfJlXHX
OhIvuhkWwf8AIYn1xfqW9mQksSB8w+Kpyu3P3m8cuh8Pt7Yx5OEhWpE/tBUVA6In9ZTfaFjE
hb85ttJt5dTjNB7iWoYe6jXSUm/MKdEDbu6bnd4iQL9OmNumfMKw524k6y+NDqWrWTxxh2lv
5sTx7HDI29oSAny5VI5O0v4jWzQy2ieqcd33Vw7KtrlvK2DiYtYXRdI4ilipysZ3glppyOW

HNUbDrx6nDi4UhuJDecUyVdFUfJwW7yMhYyhD3U32g9NvU4rG11yeD28SZUNZv0jmEThtsbK
itt4O4gi3vhYH7Ekbt7QU4y2Zcq0x8z4S7qGjV5kc3Fr+hwbPq47lz5it5Jq0L00uV06iGp
fcJZEL2BdmuxLDpa3GFvcJDzUt3rtia53KXrpU/bFgzW3uGNuos3Qj0wmTi8kwGuQekLFn7s
qeefY4xriW9w7EZCq2/JM4ugh4S1wzkjbz5W649Kb5hXmAZEmV1O6BFL3ZqjxG9+oxaifKIS
Mo/UTgNLsfgtzf1sBbC53UxMoqO/4dPHONQyRAni9zzfCBYk9040hTxfjWYUJ77J3VacEbdO
AUSX/kOCBR2IMRCiqHIYRXtQV8OXV+9NwWkopFX/ABSEhf1ub4ZUyWXeDKKePWWiXN0rR0Zy
3RNJAasz1rg7OBbc1z/IDAwRkFKI83UzyiVQXRk+n7in1O/zLrHTwUW2QITyDba5t98WSe2b
NyZVwuKP4qLkii+Ryemp/wCyqa5nCljygPFvbjC8PwxHqjd8xkSG+0WUTajIbd+yp0BH3ucZ
mkXIpvgtCga2FDwAKHcOPL3xRV0MwpYuSoHXwi1uuOTh4VJ5bTXmjtcu4GwX5J8saMERDIW
TUSawrrtiNKpkhvMgssmY7FUGxCxLYDj3xpu/wBfos/N+iV0nIUWado1fDNSNWLk9FLUOW1
LXE0wUBdyk26tc3/AFx52k9pcXV3den7S6tINOJbBYAd/8Aazl+uKc6Pqci0lNWZRVZjQ1+
Z52gjr4t4u8y2ikB3LG1rGQb+Dbw/ph0ZiOXn+ix6mOoqRGQRwYdzd5/4TbO8y1dofUIPmWr
e5zilqY3p4yNr0NVAR4o0UeFOPK3GAd5hK4kcQUtTCUceV/1Z+vigDVUuTVeavLpOmrKKjnU
FqSqYOYX/MqsOqel8Ke27Kr0bTW2yFi/Vb1eps1r8oiy3McwqqjLadw8NNK+8RkcAqSN388C
5kQ2ogjES1gjtScRjamicHn6T9sKa65aUHcUIpCRjK4t+nlfjEpdXlXyBR/h6Hm+IG5c7+8tS
g6eK3W3XpiWzLjSIp1L3Y268WsmEzklGyW01Ittdv8AHyxGYIOGValEA3W3G7+H/PyxHEut
WzQbXQvtEZAzbelyOf4YJm7yVIIzoU/aHvGPTk++GwPF6bwx5it+eb24sBzjlzrZvDbd1PI
v15xz3KMSSLrtmdV67PLp98cKY5rKWD2Ybh+77465QifSem8z1rnmX5Dpqgkr83zOYx00QYr
ZjyXY9Aijkk8AYIMyHvZea+knYr2MZP2LaakoMuMdbm9ZsfOM1KAPVyAX2Je+2JTWq/qecIM
7sorapqfVD4qwkUEhCbkeIHaB0xCssy3hQPTxsoW8bliLA8+vviBuXYJKaZGeQShWuvHnc+g
xDsoTTUIt7zIFjmkQKzlrRuKXuEv9+mJwK1cK+efxfxyT/EDm6pErsINbTcQASmy43D1HNyCH
Esmt/E+CrLRmbSZHqGjQISwVnUEngHm6nj0bEvKUVsg918fv4KxouIZ5ipZC2TM4fPhf4Fgu
kNSU0FWkU9IEWY0ckDeyMveIOPRgwx7N2Ehu6svA2SRkUZbHF9vw2OueM0helre5ctuitv+
6eV59bYxJGtLMtRnuFDIXC8TGQpsQuQXC+EEi4AxmGBCVxLWCS4RtRRp2q+TrKRqkNGshW5t
4tp4Bv6Y0qcyEhuWXON11qm6xzSZnmM29qdIHSTfHdcEA8gj0PQ4efsyIt2CUGa0d+K0yWWW
oFWUK7Y5nqI4/wA5Y+oBAsOlr84mNyIf1XGwiiCF5WY2KSYWd1WwncduJ8/MfriwzFakZbiS
lOrGtJlMzi6Dw83HXr+mJbi8FHdQdWkTnpqsUf2lRmRHnfao4BGKT5Y/irPEQ+SeWlr58qyx
YmDUCkZTLx14IB/T/wC7DMxWj0Q5RuJaZ1lZRVsbQ7Ss/wCyI6Asp62HIYm3OAnjtTI5O8ox
li0y15V2judpey2APmfio7FbamtxZUO05tfYq2AHkP9cZa2i3qdy6VpKeArxdUDKeR9xj0a
8wijJ2W0Sk/74G9/U9cW10s7eJNtRbZZyD++x54vc2/0wE7oo8qjqexlpAfySs9ivBCi/17D
CW4hThdRuhp2erzSSL15IQy8DqWv06Yp6Pcrj8lerWtEEpqF3rqaseLaZa2uip0BXkAe4874
dV3FGXi+CTTMIzeTIsqacPnOUUDm60ad44A4NhYf5Y0MPaDH0VHG4SLqm+auJcyzT5cbJhTE
F+tuALfrgZGzHbvRR2iIpNKQ/i2UQdRRR0ZYsem4jp/PEsHtBHoyHHKRKvdUTir1FmDMbqk+x
fK4UW/zxh1Z3VBEtima2MUwVbAk9OgHp68YrOyuBITmjiUvd+ABe23zvxh1OFxXdEmrKERt6
ou0ZR99mRncqUiF+em7yItjYpgzLJnLLanQvWPI0Ue7fLUvO5PG1Wewv+gvhNbJbCreDutDQ
9N6zpKCH3jFv1bFRcutJMrSSLSsbUjVE5mzGtmRwlrXDEiO/O2FRxt/N+bGPA9kYCPJmV3Sb
DVaQnqC23EWHg2P18VpqqHUOX6hRJabT9HIWYH+2mo5GEU3r+y6KSfMY6R7u7ggpoiG293bx
5fFQIqpkpv15J6g0sZ3JCXJRWIsWVsbfwxyYzDdw7Uw29/MFhN/+WIZlZval+6O4qTz5jAom
a7vJUKdnVR0+xwseJWTC0VqLqpF2sG4AX/XB4LrUpFRvNiRhncmwUJe5wkzEcxKxFRyTyWx
ji79EQ02gs6nhSSKlm58gnkfUnFI9KU4lxL11N2A05PHcMT+Xh1U2vZTURMGr6ynpy6XjUsW
JPuB5Yonpwf9MXdemj9FFQGWqqRF3bYvr9mMuZSAZYWkUD9oyqz/AH+3th0ekJs2V1Xn9HOM
pR6mVmbm+O9/BnUr/wBhtWwkg+YpxIRujDSWZTbqSR5+mGes1Gst2Yrj7DUlwkV5YbmfB9/7
ofzjsb1FkvfuYqedqXh0hldG/HQG17XxYbSEYFaS8/P6OtJSRIJdnw+GPlihOqy6qpnMdTFJ
FKieJZAb2+2LoSxyZhLFeIqdG1IJJqZgcTbkmdJJ3c1/ubHqPXD2WeS9NsaFSnnczt6WwLM
uSZbd5seLXxNqN3UhkMvVgVbDJS5bFJV1IW6xQU8Qu8rsbKij1JOJYL1y7q0T03T3wf9mFZ
qLVvc5hrHM0WGVIVe80zcx0VOCLgAnxMOvU+WAMu6K1KeIYB1kivHs9hznJNjukus5GkzutRa
iqi2qq0rsL90oAHQeZwsvyq7E5ENxbMURSOvO594H/X1545MyrCTHuTt9xxwAPviGXKtu2bt
Xouy/s9zfO5o2NWCATJoZLf12qI8O0A32A+In0XE5kuRxiEiLkluxzWL9o/Zvp7PKkq02YUY
auI+mKoRis1gfLcLj0wTtalxSawV8/8Att13TdoXavqPUFDE0FHU1LQUu3wmSKMbfDrdS1r4
4GtFzDQeskuQKIqSLxuB9BDW9wQcc7XDapCTVEMg912f5bV069QKzs6jqYetNsIPuD6f4Xx6
LRU+tofEXNmwf4bFS7Z0Y0naSqj5E97eRxsufuYroFzjVNTFK7GGNI392LkRqPER/kMDI2sm
JZIPqxFQfTRVckILJuoi+5RlxcQG19pPn9zjJfdlLYrUctuYUuzuy0UVTJfuGQJazCNAR
e59PPDwfhU5JUj5i8URVMYnmOaPPJCHjiDNGN23ngrwQQRzi1IQ3FdsABhtXtNIITTTTP
HJH3xZwolsjckX4sRbqMBA1w2juRSvaVxIhnhqIwpfu0K8gre9vK+LJsVqrA+bqmdUigpK
meQMqEtGki2KyWsu0/mHnhZuUYpoZiQtR0k2ZV1PQP4IopGll8rC4LH+WkceYrU4zERUUnp5
GqK7N6qN2jcyh13I+kbvf2FsPj4iJCduUU2zaeCbUDkyrTiCRV3vyCQbH9BhMrjrOLBTGxW2

70wZVNXK0e5FjjkcIzXJsp8/O+FO/F5OrEeUh80IbT5Nb29MZC3P9yK60O6U7oGAQXW1+OLd
MejtXmMbcqmaBhCoMhbhxfw26Hrh4OKB2SbWbvqqEG9XQWP3J/jhcjijZRleSgBjLDu6aVv
5W4Awo+EvJ0wGzD5ptoZUopqiaaXZJ3SLHGf945J4NueP5YpUFsZEST1jFJapzKMvNTPk8b7
dpqJk071Nza4HtbFvxg1hAPxVRztjMvpgjKm+bz/NKljvWnVYVYDyvv/li5G90hFaq0g+zEVH
yqWzzNYvETOEQANcLdhf+QwvD2hCi7op1lstrT6hzNrN3NOqwjw8G3N/5YeGaQiQSBbGKqGrm
aorZ5G3HvKh2ueTYsceaPMVy3o+ERSkTd8uxywY+fvhLqW3uqRpliqX6XW/TyxfpwEY1QrDu
ktRTpnfHilbOhbe9oYAF5Ltx/LGnA1sZLPlzEKfU1PevMsbqI4g8UTHoRFGfFb/FihpEbodX
1wZb3ZmTVaSGb/tsR/IXVeI6bnZCwA27VPJBPn6Yz+JdGFqU74RcsGINjcecfUYhNTEz2m4Y
+AHpz/1zjlycUTrDMiuGDFSAw8iemBxUPGknRYpTywbd4uLAH/niUCxslknSLvpXLftxYcf3
cLZXJGU1prRddqeq/qz/AC9FGR3tVJew46KPM4oVukYaUc21+i9d2V7GaQ0/J7PJC2833eTN
zdWlkmj8v01GzQR/MzGzGomXkW6BR5DHmqirmqfxMrdF930D2X0XoUSGjj1x73MuSXqc7qHm
LQpI+zgIvN7+gHvg2pqe0eX3zTJ9M6S9YK0bsOj7H8mbHa3NPMtyhpL1Oep34R9wgLIRfyDM
ObewwwK2npi9mOOHyQv2e0hpISKsK3H5s3h/dJZv2j0uj4zD8wsUj7ttLQoA5B8mA6frixTy
V1V+HsZY+ma3s32eEfXcSeSbDYA7S8393HxVcZ92q5jVqPkI/kzI9ydwdfjyLHofti7FoSMZC
KQrI4PSvpQrpYRGhiaFvm+Cgm7Qc+WcyJmlQoBHhB3D3tfF3/DqW23Vryknb3tBrikGpdvDl
8k1zLWmZzB4auPcSFlhBYD1VhYj+OHR6PhAroxw8nWbV9r9LVkerrCaVzCz4eT7H/VR
MUO87r2upO3r9+uLzMvJSZswikG3IHHp5eoxGC5ru8sLewLdfTy++OdGzLqD4L0zzv8AOcw7
Qs4CxOGmlaDLmmXwPVst3kP92007X9WxB5Y1cootZJd0Vndn+STfEn2pN2galDS6H0tWNSaZ
pHuozCeNrbafybvGbHk7F8jjgO0buae7esyfkFXFW9oprO1im0hk39bqKOF67OZI2v8nTBT
Z3/vsxCIvXq3phbNIV55PaW8097S+0nKuy7RdZqPUgYQwAClpFYd7W1DfRCg/eY9T5C5wLt8
1xyCI3FuXqPO5aPKRn2ramPKqWiytKjNBISYorqJGVT5kX2k9SbDBW2oge61cAdunbZX9tGq
Eq6k9xIGVIOV0q3UBSxLSSp6O4Av6DjAsCy6icTLwZdSdiEk2j/AIVYs0IK70yXMKtD0sr9
4VH+V8E7ZVZp2tjElwULmmg3hu87obrt148sSsy1JSBtgN+XvveBccdfBrjDKQ810j03N4K
7s9zREPeLJRfN00aXL7kjUMgA5NnTp/exY7PVntPLSlvAnf4PtxW/wCkii1tVQ6ah/BqYxb+
k42tIX8earOjX8Ny8SV4aOozOUvUEmzRxDnaT5XxqswjHm3uvBcReCe5HpuLPMlzzOcw7tK
ieOChbb9L7zEX4ICgA4gIx1ckkm5T7SSYKeHa77Pi+XkKtTVJkqSxjcZeRG/hHTpxbqMVIn
I4xkJXa+IYK06cSxwd2x8t/6pavzB4ctR8rrJHqJaQrUgRbO5JcgRLydw2207+9byxEskmrK
1KiCO4bhTzSWYy05kp4YlkjJDT8kEDbYAAe+LNMZCNtqVKFXXIuuyUgUxfMRglNh2qNh8uT
Y2Hvi47WjaqjNdlhzNpDU5tRUkc29d5d9shZPCtyL+tsUizFarLZRUpjB1kpqypmSmmWoAdg
LPtFzt3enOG0/CRJcvEKR00+1s0h13R/1gFE3cgEni488RDbmRTcQqHMD12ayWeN1eSx7y/l
z4rc8W8sVcLiTXeU0rJo3y54qajp/mYnkmkqzK25oioURhb7QAbuD9RLc8DCZWyq3TuOs80
KNGXjQ7msb2Nhzz74zcbdi0bbtqK8pdmpICXsO7WwHQG3OPSDwrzbpupenAkgKyKro7Wa/p7/
AHwxuFQ/9SRzV1FU6oLR7VAB4tbjAScSkHy3KOzd+5pyzjmSmKA9eS2K1W9sfwVqma6QV7T
VSEynMJLLHKXCowC7/puRc+R5vbCaN/ZknVjFrBRBpjMvBUWC9zQU6y7h1DsDu+w4HGL1O9x
SW7mZUJw9mPi6ktL8ZYJr2arkaU+Q5NhbFunYrVWne4IE5dJ3IzWE99309UuwxrusAxuzHyG
KwP7QvF1ZdvonuTyK8WbzXZIEkl2HAsFP03w4H9mfxSjbMKqOe6228nix9L48wzr0ZLcMEY2
22/w+3OBRcn9A4eL+8lxc3vzjQp3ujWfUtbJd1RRRQzUuWRyQnh2DQrY8ySEj3UhRfGgDFa
qTuNykrSX52OhqE7h4qCo3DddgxViTccXOMrTcPruvizt9V7HsBRR1mmhhLcQSY/wD/ADDv
utRJ8sIreCwJA8ycV3ZZMblbcS8Z2kREdm2x3Cifygm5t9zjrVN5LeG7KQPvb/LHJnEIHUWD
IFBv15t+mEp7LXaXq5HI5DX/jiLiUsw3XEirROIgZ6p3VKKIFBteR7f2l/yL7nGXX1uqG2P
jfcvofZDsmWlarXVGYAMHLx/K3irfoIKel+r03dxxR8LGNkbY83LrL+Lj6r9AAmGp6kdTTkw
wt3WU3+ET1NA80Bhp4lrGSSStksD5KPMnCo6SSQsMLctWewp4CCjhLa/TpzUUSUzFaKOOMuC
ZHIsAPv64r4lJxErWqjpsIs3V/v76qu9bdo5mgkochZkUOFmqd1wSPJbdbfvY9Lo7Q9o6yb
5fyvhXbj0mFKRUey8HP/wC3/wC75Ks+++aUvLUP3jyMbu7Eu3qSTj0I/IXxGSUpJckIsXfe7
80pLa0fdHgIcJ9bYjvJpvIHmMxU3Nngp8jfdMypm6Q+u/F/bzwaXmJbwzMjh25cG+OFA6Uls8
JZQu7dyN3l/DHIWsdmDFX23C2A6844lzLpbJ+0xNb9meiOx7soy6uyiszhlp9Q1jMN0hZiZm
UjkhgC7MbWVduOwuLNUV1pbYRjj3ur67aO1HT3w/9ndHp3RMvdV+XwigyqkxhbmMqt2kdugAv
uPmWa2Fu5ESvO400a98M2SU/Z/2O5hrrXlb3WZ6pZ85znMqnl46Zb90jX5uR4go6lwBgpPZ5
eiikAiukItrqk6PU1d8V/wAQWXY1STUGj9PN88tFK91paSEgmR/yiWVtoPp08scGXMkyP6zJ
aO5EHxtDps0NB12iqbbG2YsM2zN4yQrRknuYgPv4j/hGF5iTuTLxb/ouQXIYputf+Xng1mu
67b/ABpaX4FEqEe4fTxpV2qWs51KkEjpbzviDWpE/sbvBcTytZEPH/5/fBMBLHc1jiRunjNt
nkPe+OwRXlbcj/sr1dLksopYaiGmqUnWahkl+h2Ng0TG3AYdMVDkmoaoa6McdmBN1Ze20C9P
pzRMvZusNgcIY4CLcMnMX/qR1qzKdNZ7UxZiamsoknm31FHFskRAPqCsCSbG59sap6R9etGj
EtvN2wYw/d+ixR7HjoO6bTk8erj3ABsRylyHZwD75FubdtW1ZqGLOMvoXkmX/hmS0RKZfSty
87E2MjffBVdUM9tLHjYOFz+Hlf6j/RsVGgtF1FIJaqhbxHdqB3Ylhtlw5RQjtYn3lgzKvKX
uzqqr9ivTyZPHb2I68e+LwfjWrw7/hjmxUTf5cyqdokj4APmwa36WwnAvkmu6fZFKKPM4Kn

MJVMRd4mY8BSANp469cFTuIlmXS5hyotqe4egdKrwxlmu5HMZY9bE8j2xdkbLmVaNyEsqg8v
7up1PP8As5B3QdCH63HFxbix9PTFSBrpCViW4RTzTczU2S1fdOveCsIG5Sy2tze3t54FfCmF
xSjzEozIZGqY8zNo90iizE8vtsGJ5tzb2wiNiIS+aab2kKSydXfNKWZSyJLICAPzEHYx0TFR
BQScKZZnenkzGNCoAEi/Tfdc9Pb74rS5RkVqzmzSCoCHYV8R6HjGZate8VM5Ohsae63RRtbyI
PNx649IDEvNEiKKik/D5JE4WwIK2B6j19PTDHjy5VDHmSNdDI7iSZFG9R7ngc8eWOkY1AuKi
84XfQ367FbbipUBdGrFPikEkyyELJltSxhJfO6sA9yWJftqgcC/rilSNIK4leq3t4RUxQwr
T6dzGWGWxllCCMsL8AAn1sL40IwtEyu3uqJmWQbdyM8qh20dNAjL4ERRf1I/98aQd1Z5d5D+
ZfMaTzOeKmeSaBK96dr8CXjgsfKxOKBmURZd2OCuRRjLxb8Etp50qMurY4w1yzK27i5KkH+O
LFPmjJlUehJVSQZeSPEpI49jjzBVZ6CNrsy2R/Ftc3sB5eQwVqPEbk/oYhyCOR+b0xapswq
pV5fiiujrpJlNPNTzRx0TARrye9J5340o5CIhy7IROIrg4S3oko4I5tSVsj/VT0zMpDccxs
CPcWx19pGEqOTqzj9V7z0WXD2ii6WTF/AMBqn+85G7aw4Fv54rrzkdpckWRd5fcmG2+4euA4
U9v6V5E7pyCL+EEeWOFc63ViRt2/YemIHKnip3S+159Q5kFcN8qnMI+FHGKFFVjBH4r2HZHs
xJpmuG4fZtv6K4IKaOjpUpqJNkaRgC3t1P3xk6Pgvk1021fXe0lV6nRjQ00XZhj99U4yfKA9
bGskixq99zc7beQPnzgK+Qaua0divdmaKTRVOMk2JY8m3v8AfN1Y+aS5bR6YljpfmJauZQoJ
YBikFruetyelsWakIY6UHhhh6IaCXSFTpQZiFrGf/wAn6eTLnHtC1lLX1T5VlsrJTwxScr/v
Wv6+g6HHa10cIdriHa+7wXh/ST23mqagtF0smEY7Ddu8/THoyEqpVWMKwUGO25v6DGD87L4
tcknoGFO7P3YMXNiW+k9OnnzgrVGK0d3FObfkPFubX/AMsL7ysvwmrKu2XiWAFvDhmZVCT
XZdbkMfS2JxQsy2SIRcsOPT3PTHXEuNhXu8aG+0c3wTXILVm+4ll6dT5EXx2Zcw51178Eehv
kaLUPaDnHd01PI8T0dBUTL4QqqXqZAFQAKpt74mR7RzK7RR3FrFWWXCt+Jnt9oFkitQ5xWg9
2N22my6l7mJPIXrct1JfHR5eJLlfXyWird+N7XbZdQZNonKRDS0lWgq6qCJbMIljsjgfvf6bj
p/dwnNcr9Qdo2jzS/wAD2jBV6X1fnEwU/jFRBlA36d3H+0kB+5YDDHdRRhIlzv8QGth2hds
Op81hl72jjq2oqA34+Xg8C2/4gx/4sKC61V6k7pJVxEx6qFNrAA9CfscHcq+Fwq1aPtjej+
H3NezWspKid6vMEqaOsWUBIEDB2jZfqa7AkeXixB3EStQSDqSElV0i74AFHAUdfP74Ys1gtT
WllmO8XO48dcC6kUrtLL4jyLevFvfbKcFYmnc7fOxT07vR/NxQMajvaPvDKiniQsCBe1gQwx
m+qEElOk+BPszjtby8F9H0dpz/EKe6YY9dCLuZFTa0iEO+zs7Yuzb2LpiiHM80GVwS1E0jS
S1AsRK7QwTZVvfl3x6Ono/VrSkFmt4Rbcz9X94vFeK032jrhkjpzMzlw1ksmDEQtujAW2Rx
Nvwbi2Y7EG5X3tJnMDVfDlW0hcc9bn+GGx3DJmXmTG4cqZ1D/OV1fJEbq7u30/1Bve2BfMRI
mbLwpxl8XeZTJIoZ/kqIJGBsVKng3HXywmVxR3eK6RrSFEozirmp6ZYXp5KiJ915Yt24EcCw
4F79Txi7LrLzNikRMOYrdijNMu1Nnzhfpcyxi97mx6n3xVpHtJPqVJ5TFLDpyvki4ctlzMe
nHFjbpixHcMJKqbCUgppk8PyiVJcMY1oEJUcEXPX3POAjy3ZeSM81vmk8oR/xWgjtYCbcb+p
GIgYtYK6ThJQ+fEd5mZ2bLyuov1tf2xUquElZpuIbkyfTeaZvRmbKcvqKqFHKFo14DAakfz
xnauQtq0dbEOw96a0wnopBDN3kckVrgr087j1GNvAhJZHENysfT1WMxypCo8QbZJfnxW5PHr
jSgO4eHcqMoEBLTNabuqYuxa5c36HqMDKyKN0OzIZYJUQsWAvz1sOtsU3a4VYZ1JZBSNHkUq
N3IjMb92F2lrEX8R69eecMporYS6KaiS6S4U2+Tjg0rHKgvLV1ChnP8AiPAwLRiMN3N3QPIR
FbyZH+Rp3mZ0cFriWoiWwax4Yy0QbMKoyPIJcEeT0VZntaq1DPPBmUtQ67eJFLNYBehIt0xm
yau7NvZ8VpQNI3cnZa6RZjM3fO37dAyra1wDa/v1w2j4lXqFwTZCYaqpj8SGOZ+R6Bjxjzr
taRL0Tzo/gm9n32c2i4HtjrkDR13ILUJHdzN1boDt6YuUzZSvEre60UeUdDFDmGTrALXpDLI
wbcWIW3IPlc42AjESERHkst5CtK7qpBy0eYvkvmaCXfYW4Cmx+1jjA06xFLHb+T6r6P6PjGC
upZN1zVP/wDGqaiG5UIPIAv/AKYU7LysfCnCTHA67/F0vhKtM6V3X5Dtcgc4NSzpPvOR9Qbp
f/4xGCNntV3aMy+HJ9PxyPuR6jqG6/b7nyx5CrcmqmX6d7LUkOiNCjIQ4Xc1K0r/MTITus5
Atza3pbGzUSx0lIIFeT0ZRTaV0wWsLZ/fYpGeNhuWYIhG8jr7W/XHmxC6G4vNfU6uSys1Mf
Jrf5Q92h6yqckyh4FeQT1F0hUnzI8TsB6Yt0EE1TJbIWxtrsvK9tdO0+haO6nBtYTWg/Rub/
AAVN0dKzyCR3sBYgn6if/nHrWZfmN3XsyqG3yd14x045F78k4O5KzW5U2MzikI32UNbuxa9z
5j7Y65cnKOZIEF9ngO5jxa3PB98KcsyuMxFGKjmJ5G+3vt88NVNzS6A7A3229SRg1EbEtEA6
Hcb8/wDxgXXcSRqG4IR2P8jiWZLJKw001RC8iRyOsFu8cLfb9/vbriXZLY1dWSdvma5D2E5r
2c5dRKI8xke2ad94oaaVg0saoB9TWtuvwGOANlcisqSjhIeauX4BtEzTVme6rqgyQRRDLKE8A
MWIaU/oABiS/DtAlMxEuDe23Wa607V9V5z380tJ89JDSI+4mGIlftbgA2uLYEGQVMt0xeGx
dbZDWDsE+D8ZhJ+wzefKnqVAtc1db/Zi/qFZT/w4E27quReyp7lwSiFEG52IHG7qSfMnHLNZ
knESTgpb9el7+uOUp+829CDwfM+t/PBOjzJu719vLLxa3rbgffxNyuWwPjGG4gG2xub248uu
OJQGZKF1RCGPPHNsAmcKnNPV1RS591klJudnkSIRcHchNiv2IJ64q1gCVPJduwXo+ydTUUmm
qSSn2u5sOHvMT4E3k716r6KCgq/mq+WSoSgLJSRu1wpudtx+Zvc49RSORU8U0m+1vovH9oKe
Gm0xV0tL+GMhM3kxfbKJgyrMz3lZDI9ZLVQ7JHiAvu5LbTzjMPS9DGvutbFegpuwXaiphGaO
hPB9u7D67VGZILLT0cklXR/J2KrIzIyoCOlr9Pv54eFXDKOUm+DrGq9D6Qo7iqIDHD3hdm+e
5MMpzilpsvzGnnqVQVMNIBvcuGBAsBjqauRJjSVWpjukEhRikJbV+c6doMglp580rHjgFMAq
OEyux2qGZyFFxwATi7rYzILVUAMhExtV35b8CfbUtVDVQ6Wo6eETM7Ic2p0kCE/Ta4Bv5jCY
5BEuLmukuleHHYh7UXwy9q2i9KzHPNC55HTPOyzVFMEqhFGTcsyxMxC/3rYaJNq7diTm1121

VfK473OXjDd3HSJGL8fSQOfMdMTiPtLVzsq2pLJED5rRq25ANrN/ite/88HG10goJOEkMaml
Aeva/wDaTtb28XOKFV3lcprrhU7pzUOedlYmp6tO6XM0jqI1Lgi1iP42tfFLEh2Wqxqo6nNd
u2fJRGA5LVZfIKLMoGglgVRGJGLCLcLrtb80beR8jxjekDul9/8AKyo3u4VL9n2cnKs7jgr0
Z6SsvDUR8X2ng2HqOv8Aw4mkkktJTUR3RovzzKXo5a+jJ3GnJCve5kFgVYfcHF6S20ITDNm
QVClqly+4bOLdcZ7PaSuPmUpp5BH83RScckgupHmrdRh8HejS5feUc0u/TuX0rHcUzJl/gfP+
OFM90Yj4pj5SLyVi6VB11NRnxbYpGc/ZVJONILbRk4bVX9LQLUQ1edVERbpJS9PHsNi43AX
AHvjKcOKQvgtQZP9MVMZDI2Zalyihfu4lMPdXjvwXAv162tizTyXSCPgqk4auMi8VWmqkMOo
s0iXolY4t54wKlhGYvNbtIZFCKidrrvL8jgfbChtTnu7ylqBLQyIst3KgD7+uLVLwkqtYwja
rOioEppq+FN7d7F18YPW43m6j+Ax6FgzW+CxXPL8VJahy9YNNVVOXtIrBNPzLx9QliBA59zzjH
r2HWVl/kb9F7LQRkMejCLnJM3wLZ/ZUHEpQgb+Vtchv+umMy4VmsBCnG+yXHsAcQTCnMdq3g
8aDafETb9RzgcEXCpzSeSvnefwQgLtj8bnzIBHGKlKfKMVORL1PZLRf8AiWmIoem1/J10PFIV
JTUcsNRGsstPT3d7g90xPh/XaPT82MjR8cMhtJNr/eC+39o5Kistp6UsAbY2O58N7v4KJpWW
mO9jc9SfY9BjNrZSMbeq9B2epI6aoKYtw9G5fFTFDQSVIM7xvW3yJexIHA2+5OCKj9jaPJ
WKSQZkzWSc937qlu0mf57UVSEk/Z0j7AA27pyefUY3NFwCNPd1Xwf0k6UKp01JDdi0TW/Hmh
L5tqaqtGVHhFvPqMaq+du6Rdg7sbrbyF8RiitTeQtZDdrom1b+g8sS1qUeVOKc/sAHLFrG3P
8iMATCmXnlTN22sSvXoPFwcMZVnykv13gJXbcWuDeYJ+JcHcto2N9v8AdIPnze/GORjxJGVR
uun/AEcc1qWIU3xpIGLBT15IGOuQ23KS0jIUEzx+ERMWPHFuB198TIRLlTRvaRIPZl8FkWaZ
DWUq5U009JDEJF7w18zlGbbwfCpLE2424RK+YRWrTGMcOs+8VxVlkVlc1y9M3dky8VUXzb2
Lfst47w2HJ8N+MPZ7VkpMjDgFp2/ab7RcqyrSfZ1UzV2W0VQIZWVYjMUEgWMrDEimzEre54
sOmFW5lpTyxOrFc0yb7RhipQ2HGJa1VCSsxqpG/gdDxew/yvjiXMyCqQHW7njbwD5+V8ASd
HbckpmKH0xwqJAESWka/s+eBu6bcHals6UjQjebKdlgx98R3kZWot7OKOObNp8xn3CHK4zIL
rcF24UD364qVga0gp/efb/S29et7HmNLNPpghx9WHK3WU8sbfPEn8IJZvXyV7idTDHDTSAiM
y+JnJ6sDz1Hlj1E76wejfRfNo3KKA6658cceTvjj8ndGuW62gr7R5gGgmdVYkKTGfTkci/vj
59X9lqiLNT5m/X+6/VPZj006J0gIw6U/y8nXfG/k+8fj80QTxU9fSyCf5eWmcchrMr269eMe
cKOSKS212dfXfWKWupbrhlid+whf9kH5r2PZFMjKqKBpqFuL9w++Mf8JuBf7414tOVkWWTa
3iy+Zar9EvZvSZFNSk8Tv7j4j/4qq9VadTTWcyZa0i1CbFcOPzBuQSPXHqdHVnrUiyL88ds+
zv8A6e0sejyO7BmfHz+i7X+Eb+kGqezJZ9M9vNTmmd5PQUo/BM0hi+YrIyoA+Vk5BkUj6XJ
uvRjaxGg/CvKsu/+x3tk07276Lp9VdntRUSZXNNJTSrVQmGemnQjdG6m4uljoSoeDjmXLIL4
/uxzTceis01zpuhptz7LZoYc5FJGI0rqeSQBZGUWHeI5F262Y3J4xciMmErubKucQ8Qrg7I
yH1LAW6x23HoGIW+44uRfiCq0rZUMZ6qFzZJu3ySGwHIAueScZdZ+H8Vo0ZCMIks/rsn1DI+
U5hqCs+WjlpzHDGiEtvSwlJ9ibWt74pSWkwv4JsbvA5AAXNjvUhkL/7ZaOqqLM0/740wm4Ef
76mfk2PoDZgPLHrGbWx11ZeedxjkG3c6CaxmSKr0LCYs0chS3EiGxP3K2OKMndJXG7wq2Km
Y5lpjLMxUs8sYFHUO5DFioujMR5lca+W0SWc2UiVfZkklHXuYvW5XyPPJxnSNaSuxuNqVo6u
eHO6SSIKDJ4OTxs6k4mO7WkX1ZRpPZuqqZLeH8SkPoTa3njgbMPmod7RLyVkal/aagte1qae
w9yhHT9cacbcSoSZfmq+ou+qsuo6MPGKaV2ikBLB43DNZwfM3GMuy8RHktIDESIuaf8AZ3JI
2v8ALoswdS0dUi7U+kMQRwfpBU4wpNZbqStQHraHuNZZ0rHxJXP18+cY1a3+akW3RH/AJcf
JQg8e+w5D9fvisrIoiDjQGSppaOliRu9rJkRFK9bsAOcaVLHlHxWdWyiRF4K3cio1zbWdSQb
0716xoeoEEC7T+nhON6ALpCLxWHO9kOXom0mYnMdSaszioC2joahE6iyhCSQT9wMeReQiHXF
/q6x/hhg37L6+1HDFNLRjwUvqwj/AFXXG/8AuxJUJTqDKFO3mxmJ4HtfC8O6vFuYlmTjuS1w
m0hGsSOQR0wVqYzinq5b3dNFUOfASdpBHJHB4HOJwQM6PexPJzmuqJEV1Re7vv6G9+n64yNK
RDKIx3b3X1X0XmUVZPUW7BH9VZVd0j01e9NL9V2RbrjdZuPzE+ffsZeo1RFzwX06ep9ZELcS
bP8AjomwYNssGuDe27ytbm+FT264rVconk9TASLa6Lckgaso54KaRUkUK4U3ANhfk9BhMDFK
J2kvQSMNKUUVw7mb5uuZ89rC+aZgz9XqXD29ieRj1dMw6mMR6L8mdoZJP8WqSItd7/VQ8xWWU
ld1xbb69OmLLssbESSby7GKjxKV6ep/9sKTEny8QJ3ex/wBBgxS3NLRozhNw8PIB63wTMu1n
dSbobnePp4HviMEF1y2SObuZHRJDBEw3sF8KseBcnoTgkYOK1hc7vojco5cFxfm1rfb29cDd
ahwuSO3k3Fz5+pOCFCeVbOdynaeAbD9emOUsnKVZsiqGugAb0a3kMC6HAV4cRWO3ddje/r1s
PU44cybgk95Zn2jiv9sQ+ZTiRnRECA8RYEcvfoL+WJZ7VD5hyreIQQk4YcbgLW4Iup+2Iwt
UsYkkmKstvmH06g+eAR3JWNCGIby/wCr44kUeZjzKWVArbjj3v5/b3xDI5LUkivuK+IHcb38
sHilJWmUJFI7jeCQSOvUW/jjuJCXEijTNS+X5LKqbgKyctfnkAWU38wCcNp47qgS8P7rSesK
DQckllxHj54Nb+mLpKbcgLydHJKjyYHqb9cafCvJ5ctqkKLUM/yaUVLBvnlcRpJ+bafl9MNG
UrbUFo8Sk49RS5PTy5VIJUV0FnkM4EkcxBuwNiQCR0xSrqaqoyhkHa3P+69F2e7QaSOHUDV
UcrsBbx7peDi+x0baK7RAJAcqkqtPVtZEE8ajfakqr1DcbT7XGPLT6E0hEJerne3TmvtmhvS
V2V0gQx6Up/Vj94eD5ttb4t8UFdp9YmtNZQUOUUM2c6gk2fMS0dNuklFrLGEiADHnlrYsaDg
qrSKTny/deU9K+k9BIWR0tHnkDilxx2cgb3uuPLcu4Pg++BbLaTSOaZl2+5DR5rVZ33Sx5PK
5LZYiHepLKwlmJN2seBxzzj00AhHbzXyFs5Lrek0Zl3Z9oUaf0Hl+W6dyfK13QUtFwpu+7m/
i3Hrc3LHzxAOJfMTGG3hVYffikGquxbWBgXe9Tp5pZU/daMhjf7BcGDZUTsvl5kKfSxkqU3P

HHuAt1tYWPtxzi/E2YiVCRxtQ5LCtemyqPd0yTmSadVu0cY4bj+FvO+M6o/DVyne0vFS9TqP
RGERA+dZnNU9NCsCrTVYEexfpsOLH1xV1kHfHanRx1Mbk4G2DvjtbapDsWrzFq3T7S8xZpR
z5fUb/zWU7b/AGGPSUz+0j8WwWDUt7MvBQVZl4FVqGgUc00xljU+W1iCB9xhOF14qxf+GSOO
zmdc00HntJa81OyVK++w2/jY4s0j3QqtU5ZhUBnAV132uXW9z5G/NzhcrXJ0ajmYU01HUOV3
I45PFhe2EM9pCnP3lV4gzKKND9FbIQfQFb4PG2T4oO6rF0RJs1ZRqx4IR0Pi9V640wbMs+V
xtVeZlVzOdVWZdlwYVUWbyd3ItiFUMdx2834PTGWdwjaO+5acbCWaTdgI9C1SV0tKOSJ+8X5
+MiYJsDBXte3le+JpHEphS6xiGMrlA9rdOIePOwwsr1AcgeYI/zxmaQa2qJaWj3/wAuKGsu
pmqGkVHWNlXu3mB0UDqScV047iVk5LBjHml6ZqOrqc5dLDJ4GMKFRgzkbIV97sb8fu43II7c
3Td5rGn07L1+iPdKwtkGIZKlgz1dYgoaXnxMx5mcDzt0wdYZRUdsfGWUfn1odn6SGq0sBVH4
EWMkn9Abf12D8Vg6nU5RoLUNWjqO9RMuhc9WeRt0gH/CL/wx5ucBPMP4YPqg8cNpl+mC+h6+
SmpZBqB/zFQL1Uv5LstPH55iL5KiFULLaUWG4WtYk/fEs9y8U+UVIU5Wm3qpfifi+OwUst2m/
q9kTgmXJ68Di+IuRsysXshhAr5Jg7JMGVY2Q2tYgg4wdNmQkAj1X2b0TU8JSVMhxcfhgrMz
WGSHMq+SYs80pG6STlJyLnz6jFGSo1Uhl1X0ePRY1MIDHg1uL7OXTBM5XEcJdfpItwvIv/yx
VxykXVxCBGyPkysDs9oUzF81pPEZpKULAvUXNwWvxzbi2HaEC8ZR8Fb7XGURU0g7sdvW3Lkn
U6mLPKyGTce6qHRja3IYg3Hlj0t13sRX5b7Sv/8AFpyLbmdR1ipBbm62xYd1hJvlu5y3ntJF
jjrC1RjYbj6gL/PBoLk0jsi9bX6/wAPXAXI1qXLjnr0v+uDQLZzud7lgu0eENwf06Y5Gzpk
NiX8Jv52645ct9iqp39RfoOg+598CyWVWVJyoVUN820W9xgm4lztITyj8CBnDASNwT6DrxiSt
QRXEk38Ut4ul+h9PfeKxYtVbxHaVB3YHBC73JSa7Lbw+gl8+OuJdlLFIWjkkIw4AG246WHlg
bu6u/MscGLE2jcQep/icRiuTiGFpQ7qGHdLdz14va+JXNdcXtBkASxIW5u3Qe2OtRu/vLV
Igb25BJJHrx64BC62p4TI6RoZN8rhd08rm3ng3ZcDFIVo732f0T93KngTwU1N4IQ3BIVvE
1vcnFmLKQkW/Hb8W2MrVaF0cgjwCOA+OrLOXxJ3TebdUToIk5eypGPL0UYvcS807olpMuJyG
jjkhPeyzt+1mksvdLbiwPIs3Bxa1eqG5Kx1hWqG3yQpsk7mCYI9owxbxE2CBRjXJtyb4phcPm
rcj3XFyUzp+E5ZmWYmQt/wB3UQT2DFbnFyJtWReDKIJcI281bfwwdu8PYJPUV+b5IM7yfMJ
RFmKQIq1c14Ikkg4O4X5Qnaw9DhZB7Ho6Jtk8MF9RNBtZdqLIqTntI5k9T1WdQrV0dXGwKz
qeQjj8rqRY+fUHKHFEywfMKuAd2YUQanyL8XyW9wCKuFd0Vjdbqpv1H3wsCtJGqf1vQCfTG
oKLMebU5csqop4/MfsnuDiyXCoHiXye02k0VTUiQ22QEub+3FyPbFmnuzeqMr2oYrJmelkLe
MSMCT022PAH6YoVHCr1NbrFHCIRwpNkn7OYkRneova1+v3GM5aGKNezdXTONFie/tTWtKo9V
Jsf9ceqg4ohXmJbbTT3VcrD2lakMKNJC/fH9mtr8AkfxvgDyzSWoxa6MU/7EZlBp6/L3e65h
QSKB6+HE0D5iHwQVrZRJN6+1IUhuryRggEEWJHHX/TDpMwqRyqCqYg9NZeO7W/1cXB5xVdO
HKta5/20VTvb90bn9RY/wcWCN8yFuG1WlomkFRqij3i6xozufYD/wB8agW3LNk4VWubyrU6
pzN98ncnNZA4R7eAm17jp+mMs3G7wxWo3CPkmWkMw7jp0q6ZWSKnrzgdQgcWBJ4AthNFJmu
HdimVkeW0uilPiBy1qLtaLncWjzGnSZD0BtcEYVpcLai7qyLRZ/5f4oEyuExnvj4SOUP8sIp
47cyfOfdVr5Vpupd8ryVnWkIquaZvO/hWGML4N1/3VO4g/mfG4EXCJbm2usqSUSuId77GTmr
zynzepnzCljmSiogsGTQBiCUBsHb1eRze394YwdIVMks10fHwR/1FvL/AGj+rr6F2Y0fSwUf
+c/DtdP/wDoxvkj/wD90uz+lkL9r2cmF8u0tY97FkYMIWUPE1ZJzIR6gfQPQLip00cZDDH
wRNa3n3n+aXWVdVOJVFZ+PUvrT8B/wBIPIRzfFIWTeQ9+ehN8Qs13uFKSuZn5u1/I8cn3xyl
O3DdwhTr4QB6G3OOSryFHnY/Ioz2UTPxToGt0vdgCb+xxi6XtEYy8V9c9FTIJXVIj7mxvirk
z+n7nNJGt3iugKgNwwPX7Yya+P2glyX2HRVQQ05x9/DBQDOHqf2u7YfpXoGuvHPsRzii55St
WnHEOsHWdPg+z9kd9meZ/I6pp4GewrKZ4+Lm918v8vXF/Qz/AOYLxVPtS11CI82wdvwoudu1
/JHyfXmYRsJRceQyqm2xPz0PvjdoLhG0uTr8+ekGnENLa6PdIzP/AMINL7bhvQE+K2L7svD4
pOVvCCm4eHj9cAgd0kqFbD78Hz8+ftg2dC7EllywoDu4vYjnzxDKbk2e6P1bd+n+uJQXJaU
nlbcsvBHvjiRAlaZe6RHludxA6W4HOORYrSpRmX26eWOUUG1pLEjh132sR/kBjldJZl/Yr7n
bcRduQR9uMcSkUm6FWRQevL/APRx2VHjcsbdpOz1tcenvfBu6ThxLc7l5/KOSLdcAifupFzt
RGO6/U2UAC/1Y4h1IremR2jsXYBj4V3fx4xNq53TgRI5ZFYsgSxF+vpcY61diSXalb7oL363
6/zxOC5NJKKeFDvJNyf5fbELk9yZHRzUNx3JCJdb3c9LD+6OTgct1v39vuV2jAs03Ntg/wBR
c/8AaOJfJfiww78zLXdJHR5eqp4vCSzKAL+Z6nDau6KaCHmRYv8AV1f0RFHV0ulay32cEFof
7iYR/d/N1FCNPNu93GORluCetyCVFsaw8S8QI3MabvHgKjw09mSLjcfEOhPI6Yusj+irRHx
eKinC1UuYzRzd1U11aFGRfl3HhP2scV8bri5p9mYR5LEMIQ2QZrPUITVVM22YjpfGhb7XwYO
WpK7elnrbt3MpamhSWs+RI8AzJXcd9xYw5/mMMwG63xS2fveC7S/o5e06ufU2odJ19Q0mVZ
sj51IUJPEEsZCSHR5B1IY280v54p1QXx6zx/RPgo2TVrvBM0p5auWluwlvvBFhwAev2N8UL
O8ryrjW9FFUTVMMh72XMo37uReEmieMqOnFwevr1xZj4VDr4/ZdQTUFdqOGoeGko2lhdD9QZ
WYEX48xi7T941QnbMKD8xi3UchLssnhB6eft7Yzah7Y1dp/xBUOzIrFilt3lcG1vvijitC1W
loyti03kn+20oIlkzGnpPI8moQRtY2s0zAdASep1x6wDsHXFv5LypheWpHdzQ3mc81LXipq5
GepqKB3mY/mdwSf5nFU3sL4K0DDb8Vldkm+DtOyD6gpd1b2BQk4Gk/6gV1VmpzSNLTL5Xms8
CbvnHqJkXZCCFXc3JIPJ626DA3xxlbbfT2YpBu5Jq9M0MtpX8JW5Ur0YjnB2WpbnckoojXQ
08bGx74RfptJ4/jjmtJQWVXB2bOPw2tzaUsFo6L6j0DFbkH+GNSM/Z3eCzJ29oIqn49ITCKq

oS4qcz9p6H2464zGYbbi6rSzXZeicaLyL5vXaZRv/ZSZqquN1rxHxE/oBgaOMdcUfj+iKrk
uh1nh+qLO2GqpNc6cyPPYysBp6+poXiJL7Tew9rAH/iw3SFs4hIUUF0BFHvQ3ovIYp4pM2z
WPFQ0UqpFAPqqpSbLGoHUsxCj/2x1MAj7Qh2cvFTUH3R/wCEQ9oWbSZPDJpmOVTmmYSrPqKp
j+nfa60qnrSjXr6nEV9RYJD8/Pom6Mo/WZo7tjP+je388FAw5kKBw6lhSZJEtQ4PVpekMf33
Hcf/AGx5eWcgtkj43yh/9Z/HI8F9TPiISE4aofYxYSzt1w2U9L8N5N1cuiruvnkqZXmq3aWa
eQvL394m55wUYCA2juZeRrKuarmkqJtpk+L/AH0bc3gm8i3XnghuD/rhJJEjrbqoFvEOpx2V
Cl0e6gX8X1An188EhU3onM2ynUVH0wZ45H7qYbb2RuL/AKHnFDSEGVpyHnyXrexemv8ACtNQ
VBFkd7S8i2fpvXSVcTNltBWja5jTu3N7szg+npbGA7laBfeK/RbasppdWXj8P+VAtTxCrM17
oZDIId/1G45K2xRqPxM25a2jnup8vGz8/LY7IuyLK+7rMrzbKgwwqAD9qp3fUQeeD1P5bDHooq
aOIY5ofNeCk0vNWSS0td4j5Y/t4qG+I3JKLW1LHm2UpGmYSEyOdgRII/NGR05vxhtS+qqBmH
c7bfvWxmpKCPS+h5NHfY7aJ8Y3/b/du88Fy5IhuUk3I17MpSxBBsQR7Yvi4r47IBCRCQ4O2/
w8FrMjbt3RCbWvgxVe8q8kUk0luhFwbqQAMEzKHNO+9WCMINxPI9cRigwuJRs43sOWt628sL
T0pL43fduPpg7IDJelPn3fSbD39cczLnMRXqlGtbbpyPrgGdMJax0x7lzv6i/PljkFyXEyQ
oEWO/U8cjcLDpg+FBiJLdaiMoB5nlmI6N6AYnFeb2pOGK8UvjUAAbWPecXuebD+eCe1AxkXCc
zcKE8W4jcLra6+oB8j64C1Pv91Jdyz06SAbi5sBgELuspv8AAB9SHjzNsGKjurefuzuU3cdR
0viMVxLzTd+108x1xDugFu8KTKQLfm4HlgeU57RFEs9GKCCjgh57qjjmvdvIvKblj9hZcdo+T
WFcXMnb/AMfvFek7Q0nqNPFTx92ADfxKYsxfAcBx5IgoqPvaDM4Iiu8VNOOrBltdBf6rdLnFi
pb/4tAPLAvmquhz/AP6N0rbvvgx/pxfb5YqCmTuq2OCEsGEwQE2uWB54+9sapvmXhh4UYVNF
FT0hkY/MqF3yDgPGU6xZgTWAxXHIERUvC17it3KDYfuq8STVfd/LRyMoUg79xUISrdb2HIOK
8dp5i3ffNNNyHh3pzCiNkmX06yftK2pSQX5PLFj/ACGGM3sxHq6U55iJK5rN8hntS6Gwkpm
U+ZbYUOOnO0i810bXCKtnsD1oOyvtN0Pm6Sd3FBmUFJML2vFOe7kv7Wcsf8ADhpiLR6suaRj
7TWfFfWjNf6uJzXh3gjhaVUBtuIBBH6qcYjOttAGesHyDJf1usW7x7/ABRuOWQjyHQjDmfM
oxXzo+JvQZ0V2r6lqKANBQakhXNIV2eAu6kSoPQCQX/4sWoGykqk9us81zRmVzlsM5LcqVYD
qBwcU5/wVZp3tkFRMbFVAAU8C/njNWnciDIYJazKo6aqrYY6GntLNG63cIOQFPmv+uPTRtcN
t2x15o3tzWpOsqGz7MkkssSrtjVvyovAws31slyY1sY2om7GkVO0rLIL72DS920nXcIzYm2
Co29t80ms/BJaw5fR1YrJ07uQVMxDEctDYncFt0BPOCjjjMbh5pxySRlaXJMK2IGZ4W7wRJ4
D4fFwMC7CgZ0z7pqOOXYf8AwdWjAf3SLA/xGOBL8HXcReas+qmOmOxud/z5pM4S3mjMStv0
GL0j6qnVIM9Qq5ShZo8iy6XwmUGVyh5BJvf+AxUsErI1cv4iRRoXKpIO1SmrJ0UCojkMWxOs
kaNyfQIT+uGRR21REXRLnkEqW3xUlrblaaasyHS9Ir/JxIJU2MLM8slmJv5kDrhtRFGQIN2C
XTzFcRcOnk2ZQZT11bqGIR/h+nH+TyKn6rPXMpAf3Ea87vVjgdYMY6zk2xvP+ylwulY+u1/J
V7QhnaveuLVDBrKzN/bTOBkn7dTjzdb7WQKcS37X8v7r3vZ4Bo6Op0tI0yLAAb3jLbh8GbF
/wC6ZahkZKWjy9H7xwnzVW27lpn+kH7L/NsUW9pUSTcmjy5N/LrQ0nONJo+DR4lib+2lfrle
5v8AaP6u6HihDHft9z7emLGC885ikZk3NvQr/wC3tggdKkBbwN3qQp9scmNaIpQr40JK2C2
+2BwQs63hd4n8Ds17jjj04wSLiyo7sZzWm1ZkJy/NpI0ljQIT/q7xRYW/xLjBlpR1xRlz2
ivvPZrtAU+iY5o94ZJG8OT/Fv1xTirymsgrpopXjIgNgao9vP+BxnSwCWUI7WkqijkuHzbyR
J2e5vBIOYPBVc009jEL/ANm48gTe3rfF/RFYI16vMXksXtbocpI/XtGji78Tee9bdp2p6elz
ukpaOBTAAOax4wCkrE33fpe18aWkJY7tD/yvG9ngqA/+IW7G2Y9B53N4Koe1fsyaqpxnun03
fM3aQL9Mijp0534qhINHIMfcd4P0VbtDoMtOU5aQpxZqgeMW748ibx+qp8wyxKUI4ZGO5T5
W641HXyay3KS3+ZZwbhd3md388FdlSe8k935jw+bdff+eIFFckpACLqVuLD6sdiKK1bbG23
U2Ki5+2ORMy2iLSEBDdtvPJBuYIsubkge0x8UrISG2SjxleDe44Hn74F7eIVIHblJlbybjw2
Atb79cCuJhS1yiJL4Z17BSpNrenT09cHhcoc7U3s6NHt5cG9xxb3xzWoM3eV6fDB2aU2s9VV
ua6kip6vLNNxJIKWpsYaqqkbbCsgPBjWzOw89oxcp4s1ypV9Tq47R5rpbVgmMg7QqiSDX9FQ
1NPFc0Szw0ih1KqQhVl2kXP5hi4YcQ5liRyyAWUsFy72x9gdd2Y5VQaiySWbMNMV8phZ5XVp
qKa5ASS3VGPCtYcrY4z54hjLiW5SVpT5S3qscty6fN6umpMmpJqusqHKw08ILPK3sB7YQAEW
UVfaWMcxbFaX/wCffX5cCpMppJniR1gkzBZHKst1ulwbe9ziw1GXvMqZ6VpxLn8kC6w7JtZ
9nl5tWZBWZdSbwnzhQvAWPTxjgX97YVJFbxJtPWRyEWrJCsahVFtpIHN+MV3fMr4N7NGWTP+
MZdlkj/2lPM2VzE8b4pFj3IPGM43KCaQR6Xt5jv+bL6Pox49LONDJNxxl6ofiEou8b+Yvs
TnSolTNqjjkDXqIGRm9HQ3BN/Ui2NjSB2jFWD3HYv9r7H+q8r2OC+qrtBzbHqYzjb/8AUDMP
zccPit81oYmrJapY2ExQzk7xusFsFhtxfzXuSsNx8F8V89jMrREuX26eZrk9TNIII8JvHTP
UzE3DSnaSxP7wC9B9XIHwZDRG65R2SLEtBVuXZNku6DxWG4IbXBBucKjYbfojO65SsqPnc
iiULtjZ+BwCEHq4tAw3B4JDIIJaqjZ6mmkXi1PKjevAuB/DC6kM3wRR0pd2WpzamRvoggO
8A3fmbgG/rbDna6T4JGNor6h/D/2mZl2j/D7k2Z7u9zTLHfLK91HiLReEMR7oUJ/xXxmVEIj
P57Vp00IofkrAzLTEWYSA00lnqVgChuO/CgicPRIHB9VxXY/eTcFzN8U/ZbUdpHZtUS5PBJ
JnenC9VSwIAHniC/toQfWw3AeZTDv92xQ9pea+btRTGwnc2bu35Un8oPI7HEGFw5ksDIISUR
AHCIUWwU2te1sZjB1sCwk2Kxkc0cmY0Z507MX5LcA/f3xtg+ZYrsizIcnSznlfNC7liSxd4w
uQeL8cWHXF2CIRLMqcsMVI6WnbT3aFlc1TuietzFO8XzALWN/wBDgYPZ1A3dUUuaEvJsiH/Z

zPc4yKq2mqoM0n2gdWjZi6lb245tjqSSwihLezopw1sYyDudkzrP6xK7Sp3f7VlXa17qDxf0
wR5kLZeFN6xQJqtLLaobr5+KPkfrxiJG4vJSz8PmjPtMqf/ANXOj4Bx8wicdAbKOf54sVn4
caqUn4hoXpzuzmeocL3NMFhT0VWFg4+2EYlRCLorbNltRfoapWLWVSJUiMmR5IYXBPiVkBx
fzI6jFqLiG4VWnbKVqdz5Sx51k2m6epRo5Z6SaniZW5gkDuoZb9eRiTdWwilzQRnqyIhQl2h
KNPUuSaXoXb5fLkETzSH/TTcs5HqALYovLW2x8mZXXKZ77pOrplpJanVWbab0/RhpKjNKi4
X91GYDcbf3VJxgyS2ySyDv2C338V9CpKAamn0bQycD3zH/Tj+4js810Tn3wEisnrKjK9cr81
UOzrHVZXXZPtDwYdOmFvgMYiPJlWrdZWVR1RYM5vjh+3wbYqzz/4I+0KgRzQT6dziNG/3NaY
Xt6lXUccuDZISOMjVvJ2Ga8vKsOk86qVgTdI9NCJAq7itxY3sGBGItypJxSD3VEHQGp+++W
Oms+SWx3K+WyqABwTuKgD+OCFiUW3KXfsR7QKekSofReojA8avG8dGWBQI4NgSemOQ6ohSuQ
9h3aDqSYR5RozUDktw8tKYE+5Z7ADE2KcC4RFX52S/B7q3LKyDM9YZ/Q6fRGG6goiKuaQDyZ
uEU3++K88AmObe3TkvR6C0hVaKqvWI9ztgQvuJuj/s/JdCU3YppMPLLMFBjMe8n1vNO3W3J2
ggC+K70dORXEO1ekPthpgo9XGbcDeDfVR2fdmVznk6bK5Mtyee3eKz5kyPz+8NxNv0wiSkox
K4sGdl0d2j7TFdqSeRi3tbi3w8figvMtAdkldeZ5tS1EfhtMsVaZab8DbdL29MVDgoRzFI/
zXoYtJ9rpR1cNGxYthw7/wCrMqu1jLpXSWcUIFoTM67O8kqELVsVUCO4cNYKjEAsGHJFsX45
aeskjJesVkBHpiQNPPUVEVr47mfd9bWdAmpNB5NrCTv8plajzSQOXhuLEDkEjgD9MQOFRSSa
scwfrKRrY9A9p6cawS9Xn57NhP0dm5/m3qq9Q6SzlTMzxV9OxjjO3v4xuRgfcYtxzxyEQiW5f
PdKaA0ho+0p08j7WJtous3n/KhE8Kcm6n9cNWK2ZahxFbfwC3UjP745Hwp1NYg24J8z/liHUG
sZFTT1NakdBBNUyvZO5iQuxubA2GOZGERFIORHF1P6j0PmOlqRjDUxrlk9QoeCikIaaT1LAX
Cge+ENUCUlse39luVfZyoo6P1isJgd+Ee8XXyZuroYkXaC3mVtfFi5eedZpbd7tl+k9fPp/7
465DgKko6PY8ZhDTyyMI4YIF2kdjZQo9STYYNmzZUL8Obcy7x7M+yaPsy0FWZDHH3moYITMd
RVhkVI+8It3Cg2LLEG2L6tvONQAsG1ebqJynkut2ckR75tN00ecarGR5JIVBTd20+cERRIG
4VmXlmYluCR6YkzERzbEuKMpStjHFc8fEB2wabzHSL6Q0BWNnj5jNHLnObpCyU2yJt6QQKwD
OS9mZyB9NhjUz35R3LWoKMoy1km/orV+GDshyHQ2gMm1dnkveZ9qOFp4TE63MHQRKxBCKD9
RFyxb2xZhYY47ebqsNfOUshDyZHmc6wzOgSKmyd6fJia2GSeKgoo1pnCIx8M0r3PIBu1/thj
t7yqMyrrtT7bosn7N9S0es8wjzdc/wAsloaHKI2yKKlgNsgYsWsnUtYL9zirUGIxkPN1coIJ
JhLky4WX9koH1EKAb+eM92XqGNEmkZWriszy+EqJ5oRPTKebyRNuBHoQu7FWoYQmimLdjg/
kWxes7NFJU0tdo+P8QwaSP8A/Uie9sPzYY4dUURhZM1p80pd0SV9hMh4aCotc3B/K1rjGjQx
236Nm6Pb4j/LKhp2p1skHazRuG0xeQW3xzttf/bJhiL+bJzqeCmio6upWP8AbfLGOJvNUZrk
An34xdopSKltk/EDI/w/ltqw+1IHDFpT1il/6epbXB5FxC/iBYi6nNKJM1NUF0h7unyKoJdS
bqxWwsD198a2a0t25eRNx/VBmVPP+CZj3o5jQuLz5nbbcf8ATFcHEoyFWDb2gqW0oAzzK4wL
LF17bT5G5Aw9vxB16Jb8Jea6hi7zLi8Y3vSN3hA67LWbj7HBVDZUET5knkNQtYp1XxsKaBb
jjpuH+mIie7N5LpWt/Vdg/Ad2qQ6Y1nmWi87m7qi1fZ6B2IHd1iKR9t8ft+8nvivWR3DcPJ
MpJLZLS5ruHM8oX5ZamvqZBVoiR/MJ4BAd10YjpYN1xnMXIVooKzw1SZpLJWxR09UNplMXCs
374+/XDBYUK4B+L/ALABozOqjWokYGGnM7qS2ZQxjwZbVMb7rDpFIbkfutx6YLASQG1q5Xqs
pqoJSxicpLyhSxBGKUtoVytRViOCHMnqR3al/Dp/Z82488WIjtypMgXI3yHNmeppRUFnMG5
A584z5focaUEnCs+SPiUpriEU+s6eqUM4r1pQoH3IUG36rgpwtmUQP7FSPaQj/7c0GaUjrE2
arvBU95wGlp3KFQfUqVix1S3+aEh5/sipLfvjyt3fuodoZxWPLUvcBCqxlzthgbEsRwPdcBm
uRvbaOVemAlmoGiFrs8Z3i/DIF8AXDT7qVxIo7REaq7MtBVQ/swVjf28IH/APLhlXbq4iSK
b8QxQhRuskWYwSsqVD3mp9xsC8YJAuODb0xWykJCW/8AhXWuEhJFGnK9ZazL8yjHetSz/1D
wngsRf29MXYJbK0IVnC24UWZ+BHE60zqGyfOpRc/AmUTREj3sbYY5/o+H7pINlu6sgrtoVZ
NSQZiw/ZV2Wwyxt62uG/gcZ+kLRku8FboG9narA+FKhFT2t5VW7P2tNIRVDtDCMhWubnp4fP
+GPLv/1BR9HJ/ovqkX/5T61zeOGJv/I3f5sLLuh+7KRIZRxyuhKr+aw4Yr/zw9ZSZrTolwHk
IPPLKA1r9OLDjALsLhBICHc3FzXu5t08sFigWtTE1ZSTRPJUIKsDIWvxxwbg298CuSdBG
YyFieQskYFyeTxbm3GOUsn8n9YhBqDIXUnz9eMcjxWIoQIOQ3Ch7Ko5sB5DBZVDokKcqjyRK
VLOpK+G42g88jpycCiuVM9rPYpmWotT1OoNmilqJKyNElpJH2SKVFrqx8LXt064wtlaMmkkK
SEsces+t9j+2+ieGhjoa6NxxxxDba2Dvjtb91SuoskzPI6j5LOKSSyqriIZFmQrzbbqPhYH0
vjIzRezqB/svo+FPXD61omVsW919j+bf56GJN1UXhzeKELt5dfpa35rdVwTQkPtISSJNixyy
FT6UBhx2flf+E7ybs51Hn7GXSuV5hXwfT3yRFUtpvNgf0vj0Jtd111xBcz9di+XdqezfZ+
MdXHVNE7bRw27fHzTvUOQ6g0DXGg1LSLFLJckhldZfKjIsH4uCPLG28VLLJbdtdeFptJ6Yg
pbhkaXwxbs8nQZUaCybNIXmqYO4qOWY0rBQSelwD/piiERFdaeGHLEY16yLRsgxFNTY6x+
IcQf4tudM6TsThzeT+rVLQAEBy5v14Fh1OFNLVW3atlZfsloOWYYY5y6/fRF1B2IaZyFihnc
82b1D3Yh37uIDyuAb4pVdbqCzEvT9n+wGjZ48oOTs+27+NyY5t2jZLoClqcr0rQUJqpF2sKV
Aqxcg+Jxc+V7dcBTnVVglrNgP8PkmAa0n2f7MyDHo+ISqG5b2H+p+vgqa1JqDMdUV71ecT/M
VBFuTZVX0AxqwrRrXaK+N6Y0vVaTqiqKorj5M3Rm5MmndNKhHeKmlPM2uApp+/phiyyWgCq
Y2YMALbgLX9Da/mccutRDpLUj6L1VkeoMuSnrZ8jzKKsgp6tCUIMbXCOB5cdR+mGRyashiUE
sWtEoyV769+Lyozikl7OMjrnPZpVuWmzTMK5a2WkublaVdoVtC8OwLAdBfDzqyLh2KIFouO

MrpCu8P5VodlGj3zz4Vc4rdZy1FfmWqayfNjqiudpppliVjSQs125RWYfphsQexzKnWy3VWX
uri3O6OfJM4rMuarp6/5KZ4lqaaUSRzID4XVh1uLX9MUne0lrhmG63DFGOhe2/XvZvlb0Gic
7m+QbdImXVMK1VOsnW6q4O1vXaecEEsg8JJIaWGT8QVcnxP6n1EzZVlcE7Pm0dBTpmJghAJc
xK8nhNwg3Xxdnu7qxKbUjIRSBvFc4JkOa5tM9VIJD8yAvfVL8tc8D1sTivHARlbsx/Vb5sUU
es1b2dcNnz3KWptAKkSPnFfHGJGtsjFi1uoBP/LFwNGCPESoHpEi/DjRDkmUQ5Uplo6dYIto
dWkX9s1ul7+mLoUcJrkJDkfrzSo9IVUFQE1ObjlL4iTd1+qbZwJFrqmyMi1IN3m0+Txm4sB7
Xt/ixhyQSQFHcXAWx39wtm3xbd8F7sK+n0l6yUis3rMLkYN3Zos2LNyYuJvAnZPM1SKTIInW
RTF3W/dIt+CwtdrBghTgJTVJeI/tWBpWT/AOD6Kj54TP8AApP7li0RGs9BXrCFkafJZ40Y
KbyALew9L2xqxsJQ15LyErlrBHxVdZHMAYkrKeUXYwsUTbwsFIG77e+Kcb3CSuG1qIKCYSZI
QTh+J6DYocnl7Atz64eBiUw+Sru1sfxU5Cm1DuF187+YPW+LNqTcoPIaT8OzXM6IhSsaoJ8
9hJI/wa8VoA1ZEKdI9wisiYc4q8mkXMspqmo67LrVNJUxtZopUO9HH2YYaeUSSsLiX1T7Cu2
Ol7deyyjzygip1zqOnWHN8sL27ipKjep8+7b6lBzHuDjEOIoywJbEziQqZk0VLDlyy51WSRz
GMKA1mSBgeAW58J6X8sE0g3ZVOZDGaaQhz/180pMypqXMaOeNoMyy2Qb+8iIsSfJ19x064m4
VHFxLgLTb+DrWul9RVA7NKL/AGp07Vu0lG3z3y89Gt/7KUH6iL2DDqB63wd9uxLXF1C1o0b
822/N+fXFK/vK5YKkkKpLiSSE2Itbn2xoRmqEgd0kV6hqGzjS2TZlfvJadJKOb2eNt6/xRv/
AE4uSvdGMn3sVaNRZCFtesdma0GbS7N4yytoM3iG4/8Ah6iNY3A9g4BOJqxuulu6+PwddRva
Qj1Z2+SQzdBCXalEY383JA7wlrft0t6YZIPuo11HUodsxy6NRdfmS/n0C3tfHM3tBE7laSL
c4X5/sOpG+s5ZnliXoQAJSLceZyORrqcfNV48tQXiyC8gEFRms9M9P4N0gA6gG/lf2wmbhKQ
htVqRyEbrkjoysaGoq8vm3E72jHNioUkceptbC6JyESjTKwLiElZmW1JzxKD5hrPqnLT10kv
QR5pRMWhJ92j8OLbZpB/M3/zD/ZU3a0S/K/6OoLTDp2rNB6drni7iekq56SRD1UXJK/a4wus
a6MSR02WQHvlfBpUQDXITE/7WWfJG+WHJ2vG1nt77bY8pIFtRJ978HX1Onl1ugwL+hviF4v9
WXY+yoSSOaf+rxCHA6ugABPPLG3AwZLNzrFV2udOZJDP+L6gyOmZOGEmYRAi/AuN3XEYorL
UHVPxDdmlEoEmuMhj5IIEzOfe5VTgcRQPb7yQHxI9lux1/26yUH0/aG//pxLOgaQfeUvpvtp
0DqCcx5NrPT9Rpt+j5wRsfHtfEuja0u8jemjE6fMUw7xXXiWHxqUvxZhe+OdHancpKRhSGD
eXFv88CuWtMTKsotbb9X6fbHKWWksm02i232+ElfDfyvbnHcSkVWGtO3DS+mKkZF2zZXZEt
XuFNUZhrfOZfWKOxTIDb3UhWXAnGJDaQ4pkFbJSSXU8rgfVtn/Kj9Mdk3Zvq0UW09LxLneW
VD95SKIS0tLl4a3AI3GxH0k4qxaPpwk1gjt/Remqe3OmKuj9XmkF2fZda13zUV21du0Ojqid
Idl55kMGAQKy10fDyUNh4UufQp9uSPTCq+pqI7RhHHqndktEaFqyMtJT24cLOTNj1x7y5vzT
Ooc5rjUZzmrVdZWSeOaectJM1r2v529MYQFVZrRdFW9VoMRijKURw2CzOzeOHikZ8xy+iQCS
qjsW2qu+7FuoC4ZFLWf6YpVZT6BHLUSs+PV9vwTGS1zQ5Usbw1rFbAvBG3eSMw+3C/qcO1dd
Plln+jLFqNN9mdEzht/pbMT/ALMhLUnaNX5sksOXf9305RhaNyZGBPO5vK49MX6TREMRSXZn
8V4fT/pM0ppCMqelH1eHoPE/m/8ACHdP6fqc+mkgoBH30VNLUEO9gUjG5ufW2NhmU4V8wOQY
I7i6/VRLMHG+/BsenrgBTTY8RLYXXebciw++DFLJeuZgAPB4eb4jhXM9y2EhQBNi7r+eBRJZ
ZjJTICPAWPPPN+OuHJT3cS6S7He1LWWtMt1PkmpM1afTuRaSkZaOOBI1DL3cMIJUAKAHkeeL
MDIjdm3LrYIwjuEduK5sK7KuRUTvLSOqqOLksQALed8Uy7y1wAit6urcyqggoaGISUUME/d
K5TYygMOQVU+IWJ6n/LD6eQp/wDpwu8dw/Pn8FYruzclDm0xPqOgczT/Q2wcepu3kneaZrU
51WPPWSSSVUvilaRjI8rAWu1zzjUj0WPFMWL9Nzfl+VmNpsaYSHR8DRt75YHJ/5PsHyFkmiP
KXZmVLC1xYk8enQc4vBGICIsyx56iacrppHJ/F3WtSKektUzGFH2jdLKwAFuLi/T9Mc7RiVx
JTawsoezPXuX0ylKMyVk2427seD9WOKsukYR4dqtxaPmLi2KHfWELfVUkk0UMaQMSI15LX6
gsfUYz5ZfW4yJLYtXR8haMrIqqPba+3xhcQ/FsWU+irNkgpqYM++GVo2PKIAxt+uJ0XIR68S
2Pi2P/itTTRx01Lo4oyxjczLX8NY+HxZnwfxU52S5gEmy6KrFo3kenkY9CsikD9OcbDg90a
8VViQoXppqZ8g1ZW5dWJ+Op5paci1gQTdVNVbocU431clvwV843fFe+Yfl4aLa7FMurjBOvS
yN9LfwOD4bS6Pgg4rh67UWwkpV282Pli3wqtiojPHNFW0mZIP2cLdzUqOndsffq/Q4VJlIStI
8wkKkMyLTZbWqhV3encqR05GDMPZkKEOIVYPYf2wZx2PZ71WotK7ahDTxw51QuxVK6m4LR38
nBG5W/KfYnCDj10NqZHJZJcvp/2S9r+1+3DSSZ9oSu+boyxhqaapZPSS/mjlQ9D/EHqCRjF
MSBaYmJblJRaIjpp556WqniqN16aRWA7nj6SOHh+mC1iLBV/qKCWkzeczVVKILi9iUGB2N/eX
2PX+OGjuUr4YRoY9hbg7bWI/jiinNxKTyub8hNrMSoPQ8c4swHaVqTUN3ke6VQZlpLUtK27d
l/c5nEepurFHFvQq2NWLNGXhtWXLkH5iV07AuZZ3klDWGGWn1Bp6agl8WKuxj/AIG2LQbD
Jb1fIkktG4dmDocm7qamjYw8brLGequrEG48jYTiJiJDsT3YhK1bQSBM4oAZNgSN2IPQk8
ce+GYiMgpZtcJKayKsefsf1XTuf/AA9dVQD90tOfflcQD/AOX+LKDb/MD5ISy2p+UzypAH
eAsIXUdVPB/gcLif2xJxh7NM6F1o9cViO+yGSU3I6jvFsOPvhezW1Uif110MZI4yc/jyZnp
uCWsmr55kzHJZZR3e2uhHKD2ZRa46nF1va3Rjsfeypu1lpctz+Sn9T5rT617I6zNRB8vVU1S
HrYN1mhqhZJRa3AJ8WDIO+nu+8UqINXUWqrcn1dnmjKOST0jmlZINcd8L1NI+x+7YJuQNY2B
l8seWqm/zHmzfuvfUBl/gtwluMvoKhM11ZnWesPjxO86rSbk9/YyuD+ha2F2CqTyyF3nUWO7
4JSMt+9tBPvjlc3luEPgt4ri3pjlOCSjlo5iTg0i1aMd0hWZFceS1QRgXQs2bwUvluqs2yfu
0yXN82oFHOrTVssaj18IYD+Widly1pd0IYOmPiV7SNkTetFq3MqmFGt8vmO2qjI9CGF/brgM

BThqZO9tXSvZX8aWW6nzTLsm17ly5FX1pEJzOCa9GZSbLuU+KMN05JUH2xythUCXmrizztAG
ku0LLNP6to2psu1LuiyXOonAjNSq3ajmB+iQjxI30v8AfBs1xJmNpJPMaHM9RzVGlU0XSdHq
HJywmhzVQjUs4B8KzQMd8M4ztup6gjpjhQhAWUhQj25ZHRkt0wco7OdSaT0ZQJTOaxqiq+U
qJkC27mEgBYUsOWA3HpxgD/MSJwkEfYivnPIIHd1fkgsWJ8RYg8tc9bnzwYsKyTzFmSaOVkG
xm4vzuPBPp7++OtUOf6L29v97ufyubk/ocRaKJ3IsxFil4SoSzBQvINuPLrjsEYPal49zsW8
R2J4vDcC/AufvbgUYpMvG6BySbJZaTMq0wim1Bk9XFQSAmw12kd2x8mYKSBixFGQ5urOsyvl
GUSjHeBDj5dWQJneRSacaip6mVZJ6mgiaqj2EdzvBIRr+dgD/wAWAKO3KrEc+tuLkzu3yTKF
EKOGPj3cemAdM4iWKdO5d2fm/JFvTpiXdQEerXg/ffFje3kDI1h69TgEy3KpHJI5Z6OUwhWM
BG6P85UmxKr52PXDmYrVWkMbrVfHZe9DovROuHrZG/HtUUI9Q0dPHGWVYUcyPKzGwG47Rt/u
4drI4I7pNmP3s8VUgparS9QNLQhe/wBG6k+4RbmToUpsry6imM2WQxyVMUWxGBusIvdIvJ+c
k3LYin0cVUV1UOANuD/7/wd7V6+fS9P2cp9Xok9bUE7sVRhIHqMDPv6PJ/4ryrIz7XfYc3Pm
xHsx8/fHpmD4L5w8lxXFtd+b9fHqka2qpMlpzNV0tOhN7OfFIR5DzJOFSHHEObYpjCaesu1Q
Ga6/75yMkj7peB3kqhm/Ren8cZcuky/0xw8VpwaMEfxN6GKzMZ6+s7ytnkqGB/3tyPt6YzPH
KTIJXY2GLhHYmc8oL70873svS/phbsnsdywUeKXdh4lvbdb9ccBkBXKHjvG1Gonc1Sno03jw
R1NnF+Y0kFrn23DFmkt0gMI2whw+LLSkDW9I5achxeGZiZ+bDIOGLEdK2D+OCd6ReSmr6+n
D2aN96EG4DA9QU7WxsUhcS8bUgKI+1+naZsq1NRDambwd1U24PfoLML+4/8Atwyta0hkFipH
uEo+iGJEM1fLHURUPM3jWJCFtskVQVJv5nocK4izbnVh2EbSHeynNOVKldQGGo3JU0jmGdPc
dD+uLER3D4qtIw/BSNTRpV00kFRykqFwN+gI64Y4XDauZ7SuUXp6tNTSdxVfmgKJZDKD1IH0
k/cYCB8tvNIMrd4UtlTscvFXIs5uaZ1kpwOe8jY8dOu04WB2XR9EbrLSRT2Xdomo+ynVdZX
aLzSbLqx7SgFN45kY+JHU8MoI8+mI1IldGSnWENsi7r7D/jw0/rvO4tM9pVNHpfpP2VKarWX
dRVbEDgubGJyegbg/veWMyan1ZParse4kOZXzqLrTbnNUjyz0tTFGtonmiG8AnoSCL+XOAAx
wT18B0pqh6eOeoikEVSWEcxQ7ZWB8W09DYnm2KxJrP3UpFEY7bgwINv4Y7hRW3K1+x+AVo1f
GRuvkMg9epuLe/GN6ka4ZPJYdWNPb5pppLN6n8UyJpHj72jYdyCPyMwZrW+2CpC1goZQG0l
K6ty/wDcTz6jhhS0cuYGeLwmwSRQ1j5db45o9XJII9UTPfGBecYwPsTma3/+mgEa+HodpJ/m
RhjZdYXRLdrrRWctlmh7MtQIpsKjMKGMUeZtckfxwvD2JD4sp/1h8nUZntKKFoFpv2b9yFdj
1ax6evJGIna3hTIs3EofUEvdasMsPh72mimB2+e0H/MYqTvbVXdWVmO4qXydGGYzNNXZNVUz
91IWAESRO5XIUCCfQ40JHulSVIGtuR5pmOn13pvVE1IVgrs4g7rNKNVAC1qKQsqjyWQAE++H
RsMscnjv80iS6KQB5cvJUM+6TLKmj/A8G0svIIO4A/wtjyta3toyXutFvrNGzx+7m+bizqO2
nem0XuMKJIZI7he6BTgMfPyOAXYLMriVbANywiH+mCwR5STdP2bOrBeT/DES9yS4Lftj2bgb
evtg7UHCSyoUOCOT/8jjkWAprRCd9m5t0+2AXJVnGzblFK9Dfpz6461SeXKuh+zv4h8mzLQV
R2ffEPSZlnunUCNI2Y0pLVdlyG8aFgQ10PKODcdDeY7AVbCoEhtkRfqkya50pND2S/EDWZos
NKSczk6qWhqJIX+zM21WLBQbX+rAPASezTF+GbOuQayd6+YvWSTVDljZql2duOhO4nBsAiK
y5DIuIkxxO5x0stx4ucGg7y3iKs4DDyvcemAR91LcPDHtDfV13f5Y7KpFiWwcoei56nAJjs
lELbCqHYDa/WxI6YJIGbuquyqztzzJPwRKiKGP05n9c6rHlu8QyRgkup/wB2xtx64tQAQW9H
WRpBoZbrS9oLffmg3U9FmFVJT6gz6SOOo1DNLLFR874oFayuQeAhHAwowLKRc1bpZBzQx7hU
LVxqnhg+gcXwu5WnjK1NhuDengj/AKGOZ7kvVIGs7T3o5UX8+OLEuIZOtR3obKvw1qPMZpWT
5nc0NLEgaSZL23tfhEv5nr5YW1RMchR0+GXij+Ef7rfg7Oapjo4qzTBkwTfhRRtjLL4t7o/m
dHIZITFKY/2URYrt37nZrX8R9catBRWlrIdyz98t/wDsHI5qppnTcfq/qJRDDC3/APbxvvr
PLvN/wArfokldEgiUCOONByejjr1xtxxxDaOxvvec11XUVU10hbdzMzYMzcmFuTII1Prc
U0xgyQKXF+9nZfpINrKp9MZIXpG3LH81cptHXDdlgeSrmrJlLUySSyvwzs1259L8YyDMpCuJ
a4BYNo7GS6vTxykwiaTweRh9qgN6kC97ffnEKWC5JzvJNKC3oR9v4YjFQca0gmKSbnNk5BPn
zjsVztl2kZuE5QX+3TnA5UzMiHR7w1M1Zl7pC75nT9zAG5vMfpIPkQf0w6OMpOHez4t+7ff
k+mql4ro5Nkcgub+HMS/2kzP5YqQyeQ0edQLUiRAQYZUHHdsPCwJ9iMbbkWyCvKyORCRFvVo
ZdQR6v0xmOn5mb5iBDWZbMTzHKouygeh9MXpl74yHmqLHZIJfNVvIUZzCjrKXvGSudRLThuq
svA/n1xRiC8beauy5bS5KQPk9aatps1/s4K+1PWp5xTA2uR9xgmpMmXf5pbhcNvREhbej3H
QkG2Lrsq/dQ9WIcozunzAbRBWgU1SD5H8rnCDFvYCXJ96azayMhSmqohTJTV12vE/dzbcQSj
HxC454OBqWt9oigcuFOnHc5rlUkPdiKdnHDDoQy3Un9RgsPaBahxIhK5R+cTfJ6itMiutSiq
QTZbEWOESZZEWm0a6p+HD48s07ONMvOne0enqtRU+W91HlNW8+2dIwGDRSEg7tts3ofbFAw
HFxBkI2XEmuKuGprso0/p4/M0uRUa0sZi5M9QxvIvt1JbjFeTMVo7mXUbeIIJvfahllZPB+
YHxX8ja3OEQ4rn7EKPZler5VDF0ywtvQqx/jfHoqLLDJ1wWDWn7YEypsv7vNNF7EWNquhRn
QN+USEYMGtmDyXGXsz80X9pNMJNSVAQ82Qcn+71xYnbMkwPIQFWSGHTbk9auqYn3UNbp5/Ti
oZ+x83Vhg9onmYL+C6JyCnlKpLWZIPWyIf8AeFFAXr6E46V9XHGPxURNrZD6IZraiSsrJ5Jg
oJYWG6wUWsBcYRIDxZIYBreFK1+TrWU1PmRnVHpkRI5I/wB4biAQcRLEJWYXbmUxyElkPV05
oK01WVZX3hbvaerMnr3DAH2/unDgkvEfB0uSO0vNT2m5DonXun66KraLLc7qnpqrqcdqELbeQ
OtmKsMFjqJhdzocCnjIS3smfalp1cm1vqWhXb3VbSvV0zBbWvZ7fxDYytOBqiEuhN+q9N2N
canXw8yhPDzHAv2VdsomHoCtxbgX9OcZ/eU8QpptZH8PNz09sTigALVvuYG7beLHaT15wLqU

+osmrcyq8vhpqeTdm0/dUkjoQjEtY7Setr82wwAK4R6qJKgREs3DvRRV6KyaTWOY5ZBnLUmS
ZHCn4nmM5UnvQLMsQFrkt4VGGaqPWF0ZUWq5vVxLV4mW5v5QtnU2WTZnK2mIKqDLkssa1Uu+
RrDl2IHG48hFLCzcbstqWNJaOsLamkP1oy7eD/HC2TXWJ0bc+43iN+lsEzilSRldlWXZt8ZJ
5CDcb+3GCUslqSf9rKA6KVQ8XxlqW75liVj3gJK8fzxy4rlpNybrwpW33N8coSiSHcY1+gkE
j7DrheKeDJDvSMptIPX/wCcCmLZFU3Ve787+I2vjk5wzLaBW/ab+ODbHJIMVytnsypsyMg
y+ryusapy6rmqUzWkmCmKndlyY3Vj9BJ4Jvi9ExDHxdViaQ1ZSEJDtZmtfm+3agTW8M4zSKr
zvN6HNM4qIh83FQ2aCjVRZI1YeEm3kvAxWk4uLF1oUbCMeULWbdjvfxQ2JjLW6enP8A1bc3
ZXIzuyrd4i3iHPHGluU8SKdHaSTM1FdnCMMuRwoQDx1DngIvt6nCpZLi1Ylg+GYn3A3V/wBm
XodBaljMfXqyNyixtCMeOeTIGHh75bhZWHM60UhPdwiARQDJH0j/AHY1A6ADI+NXRVAJQgRD
7PeLP/8AvLqRb2x3JHbLT8wVksIyM9Q7MMpi+wf/AGIcNgxx8JO203xxdNk2ywywJuNrMb8+
Iddw4GN7C7ixZndt4UO69zKeno4oKXcKapt3s4PJNrhOOLEYzdJySWi7n5/stHR0UZERFvb
7xVdM1+D/wBXxhryWHh2p4uSGP2A9cTiSZZlZLbp9fQLe3rbrbELmRNDpU5VPkVqdZqZi83
vslyaUTyMdtzGALkOt+Vth+rtIbtvkqB1OsvGPY4+8p7N+zWp03X0eZ6Yno8xo9/eRxZrtge
E2vtmSQgEc4ZqyjISElWCtGWMo5Bdn8P2wTzVGla2tfKM0y/K8nyjPdwNXRJWRdzUKADHKqE
gEMeCvniZAZCQ7HSqScRujudw5Pg/wAWT/U+lJLU6dz6tyiqySplq+4z2my+K6wsOROUW4VW
88E4kDJJbup5cp04ldsy4/RL9rGVSZRu5fmMBXdVoGkkX6T1vhL2/vDaTjVle4RkFUKQSpC
tczSq6aKvvyqS2YQIs0R8gw5F7cEEC1v72LLGRDcO9Q4Ddm3Lfu2WpPSUmrLQdxDMk1O
D/4WpBPexj2Jur/DCjD/AFI1IH/pyKkgp4q+oqIY9vy2cU4kjI6LOvUffEO1xEPItvxTMSG3
qyktPZia7KU+Y5ngPdz+XiU2GGxSXRpMgWkvahpDNklYCN7bQyetwb4iozRoossii6qsOaZB
l/eHeXmSJwbX3jgg/cYQ73ximM1pEm2WTStaf1A7x5crmWQI/NgreXn0uMLB7ofJMkb2id6v
/rMdNVxm29bLa1v3gT54bUtdaSXE9twppmVNlan5iMSd3VlrgHnaL/bnFaaO43dOiktHBjw
w5bp4T67p3V1zSntkdGVakWqdSssjKogQ3Ye7YrZR9p13KgaST/L9N/lyZV9REOV8e89b8Es
fPnCI2liWmeUve3ZpH+C9leo83BUT18jQ05LAA7V2AXPH1E49JAxBTkXVee19pUCKRrlk/2z
0JAkezu8vheRJAARvclr++OdyKoHyU4CMJead7kZtVvostyWBY9RZQRbywcpKIR9mgKvX5i
hySnUb96GQ//AFYqymsFWWa24k/7Q4nbP6OhgljkGSUUVKQOSaiRt7fzP/pxFS103lsRU72w
/wBW34KNfLe9ra+mo/EaaFCAeNwA8X6m974447iK3khZ8o3KJzWvb5HLqQFeHZ5AF+q303Pt
c4pzyFkFW4h/EJJ0jyUcsiNuBSRJdo6gkD/TERmQyEPxUmF0YkintCjKaOyKopwyEV9S6HzD
AIy2+5GLlaHsx+Kp0he2JGvaxElfR6Q1IguRwItPU3/clUEfzLYTp2LW0esHm391r9jqkaPT
UF26+1/Isr/VUPVqYHeD80DMhB9iR0xgg9wiXVaVRFqJpKcu67t8nwSO02Q35vc+owTJJcKk
odN1NZpXNM8E8cVLIIRDse+6V5Om09BtHjwnds7IX1mrmGHm+1W1Npuvr6nls+yWmzB8tyD
L6cZV19LGenqZtt3NnIEce7qxFz5Yv6siS6bmWO9WijJCWgJO+L8v8AlBmca6j7iTL860Pk
tNW0csjbZO8UwytyXZSRubnqxxUOTukLK9ToneGV8PqgDu/CWPum5t055wpX2bMnCs0rBpCx
YW58/vgMSTGyraZQ317bD088AmpFm8RDjb15+3TBiklxLV36ABscK4uFeVQ7lf73Tbg0u1ZR
Qe8D9Rz7Xxy61aFWLk+i3a/pgExkuhCR2fizefkcAmXJRFOzdbksfv0xyLEiJO6NUQpLU8wB
1LoV5Kgtb9L45czq2JcvodF1uoa9oKqfS2eUsEeXUVDKR8333JRevKAG59GxfePvKXNnWHR
CqY4o90gO+Lvyw/1Vrq3ZHnckX4PHp8RRoqZctyY1tcMxPO4jk4pSMV3DgtqmMSjG49Z4uoH
vVS+02Bvz6jEZiUu4ijLTWhzmMaVWcd5T00ljFTiwmA5uxP0LbzPOAbWS3avd72/b0Fu8/6
NzXo6TRUMBAAVcL3ltaLFhe33pCfZFH/85d1kd/NJSUkcVL3N41tGF4ip4+llH/8AN1OL1Boq
60puBtrDvxf3jfm/Rm2Mm9oO2HqxFD08vbONjysziB/2qcX2iPvSPnPeoLMc5FNDI0b9DYP
4bsR1K38sb0khWp75cEY8KjYs9zCjQz1Yapoi208AG56826c4BpSec21kWrHu71ONLR6hy947
d5BYK8W2zqR0P/IjDHaOWO0tyWDIEQlzVdZ9kFTINUaf2sEtzDJby62NvMY8/U0xQF4L0FJU
60bh3pp3N0QsGK1AbAXNh1vio7q8zXKf09Bk2V0Eub6ggXM6h5DDluVF7LlWALSzW5CC9gPz
HDI7RG4trqnOE0kmpjytzL9m8VMyarp6TROZ1NCMvpm8z2oMedPl8Xcfh8cYBaXg33HoDfnD
td7PxdVHorqoRLGweu3HwTfntWZJU53pylSOSSt0tkTpLKChaSrmKgyyMW5YluOcccg6wejKI
qeTUyZs5fp0TfLNZ0lTrPMdT6ri+cracraefnymlaOYmvaJD5KqLyMAB5ilt6mSnLUjTx7G5+X
P5qU0zrOLTtBmnoq2p/ENU5oxSkqZ2Kxqwu00gHHXgKfLjBxyCAkW8109MUpDDbhG33gprKs
xrdbdkdW9fO1dmWUZoQ8k1t5idbra1umNwk9pRl1Z1n1EccVV12M7JPSIXGaOOJzsancBn3X
t5g8e+LkBeztVeUMyltDZzBQy1Gns73PQ5jWPCXPHTtdo3+x+n746nMR9mXVdOF3tOag9S5
JUaRrJ6VxZ4phNEPIFeQRf1HGFTHQiyo4nGQVrlUypntYsIUQ16JVRhJ4YH7YZG/tC6PtQm
xEI+CmM+cfglebKP2LeHyA/TEy/hkoj/ABBQjK4kaekoyPC9THUWPFwFOKcDlcIqxKI2kSk6
2F6fOKtDt2t1LLtAS308qD6nDTu1heKBswil6Klnz7Sggo4JKurp2VFihQu5sb8KLnocd+JD
5KHyzK8ezj4R9W6p01T5hqSWj000qj5aGsiAAEWLqHdVPg68A8kYEZQia096ZaZbQ3LnvJdH
5RW6WgNbn9DWZFIfeapqQFysq0zr4oWQ8q5kVbf4jbGewDbmLYyk55hkyxve7YeHmhfnBUZ/
m34quX/J0maTulDFEGC7VIQIoHUGWB98dAJSSXdVYO2KPV3Yu29XrqDK1oMk09pOiTeAyGdL
D9oTx4vfcScemceGPKsMDzFlh+vzCmqe1yrqI0aSmyp6ajjMZsAyELfnyHN8VgO+oIh3J7x2
wiPhin+uUZdUzhu27LDoOQXxp9sPk4iQRZYx6oP0xFWH6n03BUm8AiV57/RSZGv+i4pxP7Q

fBk+S7V15pLw5hqP5iYXM/eVs9v35SdtvQhcTGFxZvvFTIeX75JPK9j53n7qbKkZjUjoLCwt
+gwAZpJERcIoRzGX57MKIRJZnTYw2+fS+KRtdIKuA9sZKazCeJauSGyxneA0nnJewtcdBxix
I43F5quHCijWsBm0NRyBLpTZuwZbjfEPL7jFmrD2I+aRTP7Qh8FM58ZJ+yHRiMV2GpgVxbq
FLFfta2K2kT1ej7vD9lo9n4PWdORR9TH9HZ3/RIS9ZJHO1XWO7DvKkiNQv1FizG58gFx5+ML
YxHwW9W1Az1Us3vET/N1N9nGU0mdayyymzKJZKRGeaeM9JFRS21rdQbc4sQCJCSmtkIKcyH
ejbSs2WZTpY02t5ctyuXMMyfM8qpKpGKWFwksaj+zB5VT124bHaI2lv3qnO0hyXQi7szYE/
8P16qv8AWNTUtn1RO+o/x2oqbPLXUMjxoT027eANo8hwBisFxFYrQgAdSPs7fBQc0jOd8ryS
ySfU0jFmNvUnk/riFbZrRWIEdx9V/P2wLqGZZWQM6JZbAk/3rn1PpiCUpXJzWQRe9wB0Nxl
zZkd+TYWbb+ntjrV1ySLhrc2Pmetv0xyh3W0JZtoI8V+f18sG7JbOIXXbfbx6kYBSy1RkZn
Oy78bDuPh9ePO+IwTBXkuUCn6ix4/wDfEqX/ADKQXutlrNtB5CdSbdMQyJ7VYVjN0t+GVVO8
lOa/VeQ1DZVAVs111A+o/ma3FugxaCPL4uyx6urukEttkZnJ8IJZ3JqTs7yCip9NvTwZRRwq
J68PHJLUyH9oYwSWQA+AWH5b46TWANo7kMA0tXMRSC978tuGDvNVdLHPmdWVhE1ZWVDln8
Rd5GPUstf9cUne3MS9LBTySyDDCDkb7mZsf0Rfp7RkVWVTrzV0cdmPDbDZo4G8vYkDqTwmMaK
PV66q2R8hbiPHd8+Tb+a2qammgqBpdGgMtXtuMsNVAzB8H4SIG2kb4iO5sSRdFPHEm0bp53u
S9vAAOp59PU42YqaSW31gWfM3A3T8z8/Jti89W6Xo6EpP8NkeaYnz1B73frEL8P9ZY10tQrQ
fMkKbIXZz3h7znlj7D0xYnMRG0V5iPwGvXbX8fveg6vq1hI37nfyAvYD3xRlkGpZVukMpP
JO6PVUkF19PNgvdSAjcvUA+o5BA/jglq8rbZNYbLo+7MO9OI6w0xSajkYBBenX/1zzi2z94V
Sw95FGXZhbNlEaPOI4xMbWAuCW8mX3xabVzjblKM5RfRl0D5/kNTkNb3U0m+CdiYJugYHqOO
h9RjCq6YoCt5clu0c41Pewfmop3MTPZr+HbfysOmKzq4xZVpuOwcKtT5J4JHkDgUt3K1YVWj
bf0Hl645LfhWi+In0Lf5euOXWp28scl7b2VFG63mT/ywbMuMxHzVk9htUavM88yIISmdZazw
qT4TLGbg/exxq6KfMcfVvosrS4ezGTo/1WuQ/wDd2eVFBL+zY3OxulN1sf52xdhyyWqnJmG5
Oswy9nr8whj3AVtN30FiSd8fPB8sTIGYh6rmLKJdNiOJ4k7Tuz6KskK/jWVIqVLcBpFA8L/q
Of44sYa+HxVfHUTEcrWgq1p63LJcVzNHUPGNviJc8AAdbN6YpxuQkPVIbkbKSOcy0ln+a5
TLDIWR5xUyVDqj93Qy2IJ58W0C2LFQxavhVeJxuRnpj4VNe59nGWTlQUuV00FJCzy1cm5tou
Gsq3JI9L4r4CJCvYdgRDbaroyr4KcvNdRVmpM4qK+Sm3iWOMdyhDCwCgXYj1DHHHON1wijCn
IcpK8tC9mWmezvLY6TswT0dEkfO8RqX3epY3P63wlzK21WAjESuRCWsxLqSzG5u9sJRr5MaB
0hl1RT1IXINZJmuRV+UvHmVMXWGspJEakVSvuykKw/ewEcY5subYKrUTkNolsfHY/JS2iYarW
+ttPVtbli5XkEELpldInCR08Xi4vy12ILP5nF3R4FJcSVV2xRIGJYvzfxdH9DmCVmf5zqSr
RnpMnp2kiPQFgCEAv5+f/FjYdyG4lnu2UY+qrflaw1Rkr3KmXMKgyOR5OWvtH2xTpnuzdVcn
C3KiztDqCmsKiCnjaSUZfDM43bUYspAFzXh8p+0IR34JUAezEi6qvcjeSgWtqljVWli+RDeY
eSysR/w4pxB3uuxWjcco9FLZUobMM7dT3YjmRFJ81Vb4sBdcaSeURTDSX7SkzOoflqiU2PS/
BP8ArhdMOUiTJ+IVC5VTpV59Rm+9YG8XqLc83+2KkTe2FWJH9mSdd0stNTSbFDVNSyqx5Yge
f6k4JguEfF0DvmLwRpnZSTs3ziOOuzKAr7Ntbi/U/gqnB+MpOmkNZ2DwVLPvOTVgk+yJLZu
P8LnFapg1+j7Vf0VXl03TEVUPdfH4c/0xVMPp6prM9qMryok8sQlkjDuAmxFL7rn+5jzUDIK
Ilz+8V6XTNNHo+slh5C+z+19o/o7I+/AKLQz5dqmmFVJSwZbTtR08bszVtdIhLFRdIIHLDz6
YvWDHbJ94rzetKcipy6vj4N/KgdZdoUmp6CVG05ldBPVuoNrHazzSMLcKzW29B06DCZJb+7g
rdPRjFwm74cuSDUOwEL5m9vIYUtBlN8g4Yk2KgLySTawxyJ83ijtKez0OkRzieoFS672oaYe
KNb8CR+dp87DnFOWWTV6wdgY4Y/2XtNHdnKUpvV6oiKoYWPVDSa3xPbt6sLbOuKRRpuiVJfF
LMp7gJxTLCWcEcFjJcW/U4oySXSezuHxcv1twXtqTREMUIjetR05s3+mEe7oJTOTML9Xud/yp
rU9nuVVSFoRXUfS6xTrII/PbuA4/XFiN6oithzN1cfrast0B2djp9dVDqDfujMzj/1tgs/3
vUY/Zpl8Tg1NZmkihbkJAi9PO5Y2xaAK4yttZvgX8LAK0X2ZphuknkJvOIf1uL6JumhsreqM
UdJm0hDXD/MqST5WAU9ffBS09RAN00oj4Wvj8sUqjj0HWTfDQ0M8z9dYLC3+61mTv/s3pXk2
pTZpAeAJY6hZNVqSpAxTepEeGdviBMy2w7JDJLRsg/01ERv/wCL4Y/NIVXZgicJmc0R4ss9
J4jfp0NsWoHmlH2dhYdC2/J2xWTPDsIo/R5D61JPCxbnODEf/MCcfmo+bs2qkmCUEY0su5SR
3iOlyPlcHAnJNHlkiw+KVH2apZc1PXC/mLt9Lk0fQGeqUMUVPKt/rEwt/wA8KethHixxUt2K
0wX4YiTdbv5bFS+k9PZhp3UIFmGYRxyU1JPeordxujKVbadiQDxhoVscg3fvv5Vep7F6Q1
hkEd/wDTJhs8bET0uanJMsympqyhc/zfJ1qKklqSGjjomYISQbMJSptcfTi+FRaOUX2bN38
Lyr9nqyWQriZmLbhcLPj5FhsUG+I5M+qadpMvociqpk2rSULtPK3N7szEgH74rVBiGaTCNVh
f8B4nXpNCdn5qyTUwkU8nux7cP6pPwwbrtfyRQJ5JS5TDLHRKsQZR3h32Bvx+0l6n/COMVic
rhuF2x4W3yF5NujHxfavaUtDBFTzQwmBMH4pMRDTReEkmw6iT/2wdhWm+JE20fMZsGdLKGAA
2qB0GN7R+iyGT1iowv5M21h+PeLx+S+f9pe1dOdKWl9F4tA/GbswvJhuFgbZHEz7WDe77SUJ
nWc2p3o6B26XmZG5sfyg+WNGeS3KK8PEHeJC1S6Qxh5ht2Hm/JcnkDGfIYiNk5GBSZRUBNK
7ubht0jc9D19sZpncVylmARERFazrZgR0wCJ2TmiqmpGEbmycEXvwcWIJ7MpKvNT6zh3qbpq
yaFgISw8Qdl2g298agGsswRQITtaly+SjzL9oRyAANxINhIvow9MWcBnG0khroiuFAOdZDUZ
JmRgrN0qkXideBKB0IH+YxgVFPJfJat+mnjju/RRuw3DenHTCUTPcS0MwMlzu+o8efOCZIB
mK3jv41XqLEDr0wpT3k4mpWL7/EQ4Ia3PAwYpaokisymND5tPp7VeT1sPgNPWJuvblGOxgf

axOLNLLq6iMvFLlp74SjLorc7WdNpkWqY6+hp5DDUuXLi23vFazL+o5GN6rDVyCS89SHdHau
gvh7+FabrRctz3VKzUmSRuZKSskJR6xOjd55pF/6m6DATyDHm5pkMZH5fe5dh6c7BtDaQlq
MuyLlcliKopkamo1UQIOu/cSWJvwL4o+syWq9q/dWmS6B00dWCLTWTZTT02/vJZly+JHYL1
sQt+TwMQUhW3Ep1QjwjrOpo6/U2XZRGoFNTLulVeB0uFPtYYUHCRI3buqK1hQBM2f8AD4Y1
jpbqZWnEKBBGCTYt5Em2JjcnFQ6HH8FleLh+fSx++GZIC93IhjLDcGKA8+2ORKL1+sj0xGZcv
kjoPJMvbUmR51pGrjemheNcxxyqqAfTBuG1woawlQ3uLeXlhABmEhVeU5NWUcG+Ttu/sjTSN
VWx1WpcOzWVp8zMPyihVECqo3HcqKOFVUsLf3sbGj2ykXN1n1NuUR3b1LdoNsg0fQaZpBetz
F+8qhG1iSeScfYD/ANOLVTw6sUuna6QpCQvD3UNE8VEFLU6WAH7wH+d8CFojlTda4symdTr/
ALRUeTZzN4DUUAgNuwJEKZ8SMQeebHBSBrPaEoiPVXR8sUHUy7sjy5gLKa9Wa/qWPOK8f4Y+
aeXEXklKunMNZnu95Eamm+Y2jvAUtUH2ucDI2aTwUxnw+K9ppIQ6ZDMOT3jv4fL/oYZC3sU
uR/aKD06i/PzyoLLFSySWH14bD/PFWBrSiVbWJHSmalK6gy6KkPdzR0xaRQp3ow63UeeBlzC
NvRTG1pZt2KI83rFfsxglDxv83nCKGW9iqRE+fnc4sSyXU4+argNtQXkrB7IqNc20HPldXGp
pK8VcK7h1diMXKRrqcRVWre2a5VNlcNVQa+ySOCJaipnSXLahS1gQoaKRw3qEla/93HkYAKK
qkj8fr9uvc6dManRdJVdQtf+qN8P1a1FWZjWwIIZKjSU+WpprLIBBSQirimvBGLd4VY33t9R
sfzYum8g8OGC8xB6rLaMgu5vv2Pv/hVZqHVeZAffEqc+q/mJETZEoQIkYJvZVHA564pmRHMJ
a1PBHENsY4JIDRzvVJTrBNJPJKESKMbnkc9AFHmcSzXFaO9Mb2YkRblaGQ6DGO08dXXvCcwk
iOOQgikXp1F7yHzl4XCOPakVsRSMz8tjff33+TL2L6KLRIOMk1XHTyGzOLk7uQi/ugLO7O/
vFhg3D1Sv4rQOUhhklp6ipRbfs4Wc8fScwIBsPPDJJJiIGBxx/9zBvkyKn0po2lpwjm0hHN
Y2Au1LeTM25rzccfmQzapzKpSOLvooOm9ALp5HwgbVv6i5xYpNff97DDo274vvL4rJ0v21m
P/pbmw3Ebs5f7BZmCL/a135kuc1oIap2mq6gzDw7JGIWw48Q6HG4xxx5R+W514SU5pyuk2u/
N9rv8X2p0ldBOUEUXeh+rB1upHtf+GHvIq7RW+CRlr2iYKsSo77tkSvd2I+kHyFx64Tfb3U3
DLbc+H6fJK0FVLNIHlg2KRcFJLspBsVY+uDCSQu6geGMeFskVVNTxkKd/Auh5G0+xwiooqep
H20bO/6/Nami+0GltGXep1JRs+9scRfzF8Wf5IdzXNxTzAx0zAnceEZfL8rDzPTpxii9MMWW
Ejbxw2d/Vaj6dKpzVvNDI/W2wvmDskI8kizP5epSeuomPMkMcrBrFfpve1wcd6lMVpbPlh9N
iAtK0ea3WD/uvb9cHURwz0VhTVDIOczGR5GuBySSTgm0eI5dQGH34Jn+P1AkMkOkJ2flv8A
2JSE1eIYCayenfYty8oF7HzN+cLPQdDdcOI/0u4q5F6Q+0FtsxDP01sYyO3k7timVZW5nURx
x5ckcEX55ZLR03pZepH3wcGiKWAhKGLb7xbX/VVtKdttOaThKlqq12j9wGYB+LDhik3yqSog
H4nXs9MiH9mLlg8zYnp97YtxUEMREXN9/X5rDrNM11ZCFPMbuAcI90fW2fHehnMc1ho0lgy
ISDvAA8m8lbDg7Qf/uxEkndFV2C7iUEIT8skjP47r0DcknFKUxAcysRRkZWiot5HrWaSWTaR
+Xn+AxlySkRZlsQ04jW/GwOR+1DEADp064WrDtdmJemjVhezcdbeuIvU6i5aTX4bxdLC/GA
ZMkDMlcr7wSxxz7iOdjXvbmxF/TGhBNwiSx56STMQqbjqTA6PHw8bFkb1I6XH2xpM5DmWc7X
ZUWvTQaqyR0fmR/EsguGicDgizt7emLksY1MNV3iq0chQSXCq2raZ6Soemq4u7mj8Mg6kEY8
2YEJWlvW+0glbbudNnpfrbkwDi3n98BcmatlUrJDPeoRtnQ2XnAIrB9UhexunHkD5E/piHTQ
dPEhAd7Owk4sC42rbqTf08scyZl2Vdidlmj4PiFYDJHJKORKNJKqK8RsQQ8LbJlgr0D+voce
reYZaUSJeO1JBVFGP2y+hOh6Wg0LopZKSNUG0UkYvyqiyKL3Nr9TjIIPcWrGwioqoy+qqM
nfNHkXbPMVc3O5iTy38eMM4StRYkpbSbLo9L5PTTQ+HOqxvV6kqp6rb0tx98Bde9qhveTCGet
yfPxVZyrSVJJeRjLAOhFuLcfb/DiWbKuJTuYzZT5hpyeQGNKivmsYgw3qingG3oBhYhmRyOT
dEt8P39Rh/9SFemTu4z5A364jFcSiHPjJK3ubj2wGZcvjhoaHI8yemizWdsozWmqUnpa+S7
QTgMD3Uq9VPHDL+uK8bRl5qZ3mDMO1sNvYtQtPSJLnm066SOWipqqaOSNRxs7G91JF+BwPf
HqKNrIblgT8QxoPhzGfUGa1Ob1z76idiYz9McJ4UexNsCGYtYw9WHG0bUzvbvMmoJ5Kh2mcO
ZGQDoCfoX2HvgcdVHcW1E9spDbs5IrfQ/iuSZ3lQijiEjJmFEimzFwP2vsLjD4g4uTJM52k
Jc9yAgkyZfXU0e0x0cjFgWswAO5do/zxTzCJD0VzLxKc1tHvzOmrYh+x1BkCMzDkd5Hwx468
AHD6n8QvFvoq9P8Ah29HTDITu0zZfGEEgVtpG4C9jby48sDC/sVMje2UHp11o4szmnRiiUyA
qb5Fr2/hivGVokRj55iERWamqzjMKId2uXTvyrxi/c3JNzbz9cAZILb3X+iNmGLx/dE+vaN
Mt0HpCghO/e9TVEnq1yEube98WalrBCNVoHKSSQlanYrRx5boOgZyxjnkqlmZ+LKWJp6C2Lt
I1kl/NUay4pv0VJUGqstoM4q83zakrJ4nrqplkppQjqs6kEgn0W/THlp5BGsu6s/1XtWgkn7
P6sS2xm/wD5Btb5ih3PBpOOgCaP/HpJ94P9eKiKNPPwjknoOFm0duVU6f1q72xNh4KNyHJ6
7UmYxUeRUc1fW09hFEL2HqzdFA9TiYiilK2MU2eUYhukLBldmQ6Lh7L6CeZqKWlqdtViFY2D
bloYzwwS/Vz0L+nTGw2jijjtEsHfeXRvy+L9VSo9J05VGumjvAdohyMuV/5G3297coTPMyJh
NNQJJVv2BVodq+dz0AxYwjjGGHYzNuVooqKisqKyyqO6SR8Xfq/wDbk3JtihEgpNPRyNXO
stU/i7lG4HHH6YU7DEOZQLIIVRvfn9XVr3f/hqfoEi8JPHT2GFnPJJ5ImjEPNMjKyCwj3+Z
3qSL+I/O+AxR2JyK+e+6VFQ7rhgo3LxbaLeVsdcS60U/ps/qE6cC31SBWII8+R6cYa0pJOrF
LJqipg42RvY327bAfw9sF6wQrtWkflQ2CSa8sTRALYujFrkzj6YIjx7y7VZbUnJmSTIZ6aph
ikdywSVh5eoNgDbEPJ3rlIx91a0mfd3CWmqKORpH8ILBAFJ6Xv8AIHPviGq7e8yk6bNwunnz
9RUwxTU0sYSxIAQEG3kevXqMN1hFmuSiiEctqjZKOUkrBWPT07vHe251UqbWuB6/fC3gLWXc
0xp7Y7RXqqvzJD/WzHEbAqxKsQfKwJP+WIOSRCEYqHqa+apu1VNNLt58TX/lhDuRcSc2VMZJ

khTdObj1sf4HC5DGMbiTI4yk4VHz1K1Vxt8Pifg8eeMyolvLKtakgEBK7em7+HlthwLcAnF
e1WzryEm1/pv/DHJEnXJSaoKIL+X5utvLEYJ+syrEl9sZ6u/1545kL8IknlNWxSlgfbfput
aw+/lg2HMKEJbRIR5tgpGRFYEp9J6E+/S2NrFecZTuk6o0dcUd1MMqAOOrLazDoQP5XxapztV
eUU/1VpYzYBU0XdpmEagK17JMvox55A6HAVIGM+Yd6ZSVZQZS3fRAOcZLmGtKrV9O0SFgO8H
iQk/3h54x5KaSLiFa8dXHLwko+Nty9beVuvX0xXdrVZje4lJUuVVT7CtNUOh5G1D0HmeMdq5
C4RdNAXEsxMpKk05mlVNGaagkKuvJkQKq/xw+KimPNbsSaythjK0TxX0i/o9eyqrfQ9RjQH
bJBXVDVoVJCVKsAqoRYW6FjbrjSIHUQjHzWKB6+TWCurJ6NKXTGdSW/Y7pFpkbnYgNgAPK7X
xUxzCraxqJVotH0FL0kk7vgjm4G5sSH4iEeFRWSUU9XqCJ88acO0BeB5rjew4BHsOuD4RyqO
JT1HTR5znmZPMkc8NPGIOveAMtxy3+vOFXWiidID02Q070Gc1e7aKOSRKdgbCy88+voMMeQh
tQ4ZkPMS1v77Dnjin2OCXLfackYL7tvmB9+uCUYKFIIDbztvbA3KbV8Usvt3kZBuPpfe2KkXEn
yPIXQIdF8n2IZXSQ8NX1McclutmYk3P2GPTm1tOI9cF5wP8AqCLOhaurIslLkRrJLILxxIeb
KLXYDooAwuSSzzViMckUDUVVTIkks2aLDOPAsiXhkPJPQfzUeQbrtqsNGN1tuxSWmdU1Wm
8zFbSH5tKd1kcSLtaRRwvdsV4thkUpRkRb2S5YxMbSU7q6lpqDU71uWHvMo1RQGppCOFD28S
X8iCcNlykXQmVeJyIbS3s6zJA+d9kuXVMQU1en69omIXnuZPCwP8cc90kIlzbYiYtXUEPJ0N
5FKY9P19PaMNTu4uW8l84XE/sSFNk/EElrp2lWvy+dqkblnIQ9223wgCw9cFAF4ldzUSnYS
eaXo/mc+qJKaOwXdGslu9mYgAe98dT7QIXVB2iNycdqMhrtX02R5OFc5RBDltOg5BnPL9P7
zYCpe6a0fJdTNbHcXmrS1JNB0Ds0moYZFSmFo6Zr2MsjLZiB6Almxfltpg7fgqMXt6i5Ub
l/ZqPVVWQR6fyeqlgDmWSaQCFAbALZnsCLcm2POf4fVSzawQ2YYMvVvpOjgOeNPFncnIvDZ
aLlLF/irA032B5flVD87r6sWoKfVT005jp4wPjnsGcn0UAffGrBoiMR9sWKwpdLyEVsI4KRf
WNHkNAKDQuXUuX03endLHGEuQPq5uf8A6rnF24RG2McGVTVIIV0hbUGTZxWV+ZbYy08kjEz1
Ltdhcc2vfj3P6YquZFIW8BEbk3zLM6fJITDQftqtklkkNjtt0ufM+2IOWzh3qQG/iQq037Q
vVu297lndub+xOK16sMyZzV8ffRqnNzy5JKgeX3xTkqxuyq5HSFbmTasqZZJBG9RcgcAGwH8
MV3kkLiTGCMeUIZ0cKu4G1z4+DheJcmjmSQkcN43YkXHX188Rci/Kt4Ziibg8iXbg34/TE6
wh4UNgkOZOeZSSJLOfKHPs38cPGpLvbUo6YS4diU1zCnkRy4ZBtHBW/3thvrMZdUr1aQcy2h
lo3Qfsl+rglOot64HXU6l6eo+3TiOqp0vsOzZ1sLfpbDfWIR4Uv1aYk3bNka5QvIfXg4j1iN
B6rll4a+I2CvwgFl2+vliWqY0b00yQqcyCIUhi5PRn8j16YSVZ7opsd/wBwkk1WJoAX5Hrb
+WKpyFIWZXwCOIcqTcKbBDcG3PoDhbgp3LdIlLETeCwIv6+lhicMqC/NbyWjRrHCazybXfkD
p98RgpuHhSBs7OJU4Q2X2xomfKIJPqAXwHqb+mAZWHcuFJlGdJsK+u3b/LE3JDAI8KkEzF4
0DKeFvePy/TDopyDLyS6inGW4ufgnFNmkRbc67GHkeRzi9HVj3llyUcg8O1TkWdzFILLtsj2
92oN1458v8sXGIUUnC1TcGf09RFJbmqM8M55MgUoFPRSB1/XFgJe6W5KKP3U1TKSj08z1Ecc
bySEtGcE8I9IBNgMCOFPBmt2onnmI61bz6ukUbUjVEO2wF2YXPIPNsd6yVy5oBSsGoKvMpqS
kpY44BUukKt9R3MwXcb9OvTE+sEZCKHVilksH2B6dh0joU0yTtKKfaA8pG4IqDaCRxbGfV1
cSvU4WiKkdRZ8n+z9LRQxzRNUqJ5CwKjbuV1PW5wsQzJzutYc3/2mz6gfr2dJCoPoGIFyW9
Lkwx1toobloajyyHOe/qaiokjpsvhYJ3TDlrXJv7WAwsXtRpDRkH4fkNRV1MvdU813WxFWBw
Wv6nyuUvFaoZQv44YdNSUVNRzCKodwZ5HHiYtcegept1wx48y7FQNX1ccE8f8sGKF2XpxvIQi
1vq54JxDsuSMdP3kj2jcafw5tiEK+IWWJukS/kvN/XFen/ETZ/w10HnlR8t2S6eaQsmysR7
nnwgNbrj0k+WGNyETe2JVxDmDxIZY32Vc7lp5dt9qnhY1HmT6YoX/NXsFHCN5Y6+TYyCCNIJ
fltxIFifXAM3ESnHhFSFTI8INDFV2UQmZ4kmT/zFtuRvsCCPUYIwtzKAO7KjHS6f7U6Vn094
TXUG/M8kbqNy/wBtF9j1H+LFmPPHbzbayryPZJrOT7HTvsokizPKM/ylyY1kDyqpsSHBuCB7
Y0ke6MhQ1FwkJIImf5GrzuJuk0KyL4bckgnFV8pGPVP4rSTvTMjU2UoEgaXvZH3tt8Mde7e
3lhkJezXSNCwZEnZxXU+SUGZ6gro/wCq5QpaMCw7+ob+yjFvQm5wynMY4SkJKnDWSdGoPQuZ
5dl2fS5zqcVXXWwBpaCnhTcaqqkboT5Wvx/iwqmcRK4tr8kyoAiG0d3PyVixR5ZkOYfffaxm
ENRnEhE0WwF2qUYIsqpEL7mt4Rff3EYiukLF1TzSjbGORbSdsEuaRyrluWNCE4hNXJc7AbXK
rww+G+ICrKThFMei1feQnmmoq3ODHLnVTeljB8e4qA3QBUHAB9TzgDILvbkQRiPDvUfN11Qa
anepiUR1d2paQP4toNi81uQD5L1OBdi+/wB0ePF9/JQuZ5rHlgNJlgVpi5Esu3ofMDrf/TCZ
JbcoowC7MSh6mRYkMhPL34PJxROSzMSuRxxkZWioirYz7DMVJTovkMZkKhSFmWrHGMfCkAdp
DNzs6Hy48sLtUua9sG2N14AvwMM4U12uThahipH8PtiHuRAkIhvcqoW/qevTAJn5kr3KmHav
T18+MGotuSDvsjKnrxb9MApbKkadDNuU8Ec/cnHCu7qexEr3YHlxYEci3piMEwX4RWxBJkVe
u7yx2KI403ZnJek39sSgZrvtYruQ+Lb/K2OFS6WmMcqBgLKF563Pub45DimkTyJxbjwn09
cEzJLyFcnM7kQkjrA468G+Fd5W3fKk97yRpd1Oy1ve3TBklRuRLb5h3tvFzuvb/AOMRipTh
R9bLHztJseL3PGBTbfyrWZBKwYBt2y3J/wCeBuROFXXJGLbCnO7cW5br9sT3IOAiKyJdo3IL
+RG7HOyqJLeFaVEhjdVllefBkgTuQrejqpYZhsNhtsQenrhzSEPCqll/EKmq0qu/cKiTEkgD
byTfgAKOTc4eFWPeFLegK0rStifK81hSP5zKs2jWRwsXeUjDc7cKbX1Ppiw8vmqBAdJ5tnii
HTOK6PO6DUMUIRVMcoozMO5ZSiuCf2dxf059MKeTWCvVJEesikjuFsCdTPw2aRbX/bFpTK
59xpxU/N1TBr+Clb26+psMVAtnNndctmoe2MhtZfWXJ6KvkoxBCe4o6yqWErvCrKALn9LDnF8
rVlsjyslMw1PQI490FDTXc7fDuv4V9PffDjykwTDPKGGGm1DLTRxxr3UUShUsC97sfvyMG

L8KG1Ya9VpOiyzKh3ITWxrv8ti7ruzH78e+IwzXLsbRTfUOUx09V12UZSZEer8Uw7xipA4D1
b29ScSD3ZiXEmmsJEjrlMvpgop6CEKPFwWPw/v0xIe8iHLITvSeUxLTTZpWpG8NOjCENyCwf
ibH+GJIPuoWZDU0WwFnFmN72wx2XXI80rIEWR5YGzHu1qas73FugH0jn0FsVjkwfBTgS+Ben
q11LIqBj3hRRb3YADn1Jw+jiuSquRXf2w1K5RIGRZDCFIhBZd3S1go/jjZrn4RFZFE110ir
yF/lg7uFMGVhmQpc97KxsCfUg/8A24qM9o3dFdt/VaJC00T1FO39v8mZ3BuWuXB/jYY7C2Mh
8P3Q974olyaj/G6LUuTAXnNNHm1AvnvRbSKPumHO118fxSjK0gk+CidE5hLk+fZRMUO6NaSs
jB8xtc2K29wcJpntkEvFMnYSEhR9pOk/AO2bMaCOJflvnJNrXttR13Cw8xc4uU4auYhVaV76
cSVf65jFFqKvjUc/MyR23eQYgAYpVHERkT5UtSP8np01Dht2xgUDFQxY2A98NZvY3IHL2il9
V91k9LlemUFqbJIRXZwYz/a1Uousf3UELbBT8Wr5D9UuDNdJzL6KL03UnS7R529ItTXyQyVF
BC/iSAX2LKV8+b7R/dvgY31ebngjNr8vJKLF3NU+bahkmrK+olut2Lu0h9L9WJ6DoowTAE0
k2uudyPKOxIMUND3ST11e/ykRci7x3cq5+mKNRbvJG9B9zxc447cxbMUUq7so7cPvFJzKnfR
z19NT0y0njhoZJg6QP8A+ZUMOHl/ujgYP8xfL+UIe6PzQ3n2p3ml+SkkLSv+1qj9THp4fMD
FaSou4VYjitQjXZisY7qHxyXO47rge5xnS1Ajw71fgpyk8k174mUO+4sVty3OM9zIuJaTRCH
CkJriTcPz8H3xOUkl2IVqGI6BunpiLIIMlPffjv8y1yALDHI2tuWrlt77eDt5HQWxy7hzLa
+4ozBrK4ePY++OUL0ZKvcdH6W55wJZVzOm1RuQurizbvpIsevn gly3gVkd+h/W2AU91LARu4
A+nnkc845G7JdkMMad4GQuodd6EblP0sL9QR0PngLU+8bbUnUOXxp5t0xyFriSSR+Hxng
Nx69PFdkhwK5bIN4IPQki+ATLhSiKyxHyI6D2xyh2ScpIPHJvYeRtjrVy2YABN6WBUNx0xG
CMV6GF0ZJZBuDswVr232+rnEvwoA4k8+YdmlcWPQDzv6YBWWfNmSjP8AsxuO+QXFxz9wb8YF
mRuZXWlvUeYykO4hgA1j6E+2CFI7qzTzBH3AWPIZQD9/vjiYIwuK0Rt28yotILA4h/yowtZ
LYS2IRglrjkeuJZks3G7hVgZDR6Qp8vp8xi1RmlBmsG1mRYVEkT3/IpBDeg55xYj1fvbVlzn
WERDqmcH+9qn21PqPJicnzvUivNmlBLmRSffZTRqpI2MijiUg7ifL6cHrCG0iVZqan1kMY4
Ph9/BCOYaoNFqrPajSFR3dJmjSQ3WPaJYW62U9Ob8+WK5mWa3ctWngE44o5hxdSpmunf6PDs
8qcy1dmGoIZNIPAn4bEu1SWZ7M3XkBbDkfY4s0bZb1aNHWr6O1IZFI+fUFBRO/zK5fCqJHc
C7uLbueBYck4cOYSJUMLUYgLDEzybVsC8hHS9uThLo0EZ3M82IYZEDB80qWmKjm4JO3+W3DQ
4IDoqqiKmy2CSrWOiPdBSjNbbYcgX9LYWfEuFICZC6VtdmGfVvhi5hpd37ijh98MPLIXcS
Fcvhmz/PCGE152Lyt+6pPJ/TDGy3ISRbquWHJ8kp8tpAsazkIq/3FswwoMxXIuEVGaYyb8Tr
fmpx/V6ZuFPIZxyP4YZIdooeJNO0LMJqrNo6ah8S0aWe3kzWP+VsKGG5sUa+KHZnSfC5yiGq
Re7kzSJWPnwLhSPv/PGpRMVwj4rPq3EhIkTdrWZ/P65q03b/AJICH3uOoNsMq5NZN5JdMFsI
+KhUo5Fy2ipXCmSrvbvY3XYnvjmDKI9XR45iLotKSpao1NPuKstZviW3TaRZQP4YBnumLxQu
Isam9KZkcn1PpvMZhfquK0NSD0K0m6kH9Dh0T5oy+CXK2WQfim+qtPnTWc57AjyBKasDRKEuC
hO9TfytfjCSj1RF4OmRnrBHxZHS1iydtVFKnKZhQ0svHQXiuSfvi+GWq81TNv8r5IA7VfBrL
MUH5JiQOVJN8UKlrZFcpfwxTymNNT5rUFSd9FT2rqt/wCXcu8DnyLC1sWHcRIfDb8kvAiE
uu5QuZVk+ZRpPWu3zeczPW1bHr42IUfoOmKx5hG7ntTgbN15bGUjBwokJzCp7amRYIIXiYiO
KMWUAHy4viwx2jcXNLSuy9EQafyz8UcZtmbSJB3jJAsVt8zDloYgfzW5Z+ifyw+Nv9T7++rp
Mj2+zH7++TLXUecx0dZHPUy0+6OMx00MF9kC9THFfp/eY+Jj1PlgZTESuLa6mISIUE1GZTZm
5MxWOHkxxX4F+b89TikchGrgBah3Naose5pzxezuOv2vjOqJ+6KvU8F2YIFsrL9IXjn3tiji
r+CUa6258VrjHYIcbsqwpbj1PNvT1xxWobV7Ydo3cehwSHHvJNiyC1+PI9McuXs+wFrvu99h
6Ael8cuwWQPHa/rfxe2Id0xmEVkoVKeYNjfd/+++IxUOArV4t5kY+NhcklrW5/mfbBLnZaKj
BSPoIF+PM+nGBZAVyVpacTAqRvj53DoCT1xCYpPPs1r9RZpUV+d5hUZIXShFaoqX3OVRaijg
AABVCgAcBcQOVG4KMcG2xjyR5e3viVP5ViENMt3N12nk+v2wZMKUzyESclCIISm0jYCCPQ9b
45MWqvK1NvA5QgOMDIUYlq+FIqGddrnjoL/f+WIIcDI3krNGd3x3UiNQAQ4INvMEDR6e2OUv
wrAkbaN247OAA3QY4IEbpR1DOCxUQbj0wCaVq8ySbZNGuSLDzJ9bY5QLEknhZlgrHOLA45Ez
d1Y7hkRC3Ikbr529h1xyjVrzRdzMRZjw1vEOPW/vjhUOCeZPmVNlubUc9ZQU+ZQRveSjmc7Z
V/Tn7YOPKXVLqbpYyEcqtrJM9yDUGcZJK+m6XKKSSuMVEzbQ884W4sVtZE9T+a2LoGJEOXBY
MsU0UZjrLnw/RB+o84rNNpqPSM4+bppcy+YjnmYmWJwb3v0JYHknFcztEo7eav08YyFHVc8E
J0e6Sa2xrRi/uQcKbhV+/N0X1t+Afsti0T2RUea1r95LmKd+C8ezumNy497dLnF4xsERFU5z
vk8leGIFGa6irczljK04kwFgbbSbbr9OALWwR5Y7Up9pKHzfO6/NsyrqTLZGWGvmWBV9VFlv
fqL9TbHCGXMid7UdfhYbM6W4/q2XQBYgehc8X/QDCb/1Xd21DGonm1RqEZbTcx0zbl+QP53P
26DDo2tG5Q6m9Rxx5JpYUtMnhG2JD5i/Vvv1wsMxLsErpbIFyykWaZAtTMLS3PFRf8AnjpD
xxMh/OqabU2rflYd3c0tkdvJQOST9yeMMje0blzo3pKSLl6dYYBsijHH+ZJ++K7vcpJQqAXq
M/M9fWd1D8xKWQsX59x7dP4YsaOR2Ll8Y8yomyPXdQlIjCOMr46tQvpuUtb9Cca9hDMshnh
+Cb6ogkGuc3Ew8JzN1LdAQWv/lhB5pC80wPwx8IIS0woaik2jetFQyt7C7WU/ffjht8GS+L4
uhN6hoc03RGyxzJtl46WGKTmVysW5UVV6FanMAGYIKqmlUbuJG3T0xaf8Qh8WSO6PkjHtkSN
65Ej/wDEV9NTLsFtxubDdixVtmtHe+CTSxW3ck9pokm7ZtsYUfIRU1GfK7RxXY4ZE/8AmCSp
P+IFV9rB1zHtLzeNhfV/ulv6Lbdikb6yoV0MsIl4KCzeeSvz6shptxFRKtPHb9wEC38cJkc
pJreqNsgrbMpFlqHQ+FLRIfZrBEyHcREpBkT0WSUIZTUc2ZxyVFBRhY4aaA7HrkgMYVY8I

oHid/wAq+5xa1Ylb4ffy6pDmQ8Oz+Pvc19R6tamSRITmtkiWIdxHsihiHKxRqeViH8XPibB
Sz6vz+/vBDHbD5JlnkqpHaQ97Ls6noL/wCmKN9ytYW+SjjM1iBgiN3ty45APoMUp6ghyir
kFPdmJMO42x3HJLDnFDfAeGXXKiXR/ZVrLtKqZ4ezrSefamlpnAqPwyhaVICegeThEPsTfBsB
JTyiKktb9hnaF2bUQzDtD0TqbT9BcIa2soj3AY9A0qllW/uRjrSQMYkgeS0K3c2A5YkDiw9e
uIU4KyZfhs7VYsvNdN2b6yjo04DUvVnLz3KxBdxffbtC89cS7EKjWCSq6Uq9jHtlexBHQgj
g4gkdqsbTXw/dpurcjoc50p2f6sznKc0j7ykrqCgMsM6E23BgbWuPO2CYSQPIIoTo9JZxmOq
osgo8sqp89nrGoocvjVe9kqVYq0Qudu4EEdcC2Zcb2o1zf4ce1PTmVV2a6g7O9VZVleWQvPW
VtbRCGKCNrcuzMwFh7X9sS4ky5juIRFR2kewztB7QMp/F9BaL1BqXKkneAluWUomQSLbcpAI
YEX8xjmElznoPV2idQdnuo3ybXWTV2QZsIUairVZBG99rMATYGxtfnAOmM6l+z/sr1d2m
TVkXZ1prNtSTUCo1VHI0auYAxIUscwtextiWC5SZiKndVfDh2n6LyqbOtXaB1ZleU0qmSprZ
aIPHA6gtJ3bMUUepAGCcStS2cSLiUJozsY1z2jUFZW9nWk8+1JR0k3c1MuV0wmWKQqGcMA26
9iDe1sCzEQoSrCTiSgPoyNWGiM/y7IdZaazTJs7zhUNBQVqJHNUBn2KVXcbXfwjcrJnYrrUQ
OJInzP4Z+1vJMqrK7OuzrVVB1+XQPU11XU0yJDDeguzsxexAUx4v7Yg2tzLmcSyivZP8M3av
n2VUeY5F2d6qzHLM1hSpo6qkgSSKeJ1urqwawBBvzY4KwldYj7yHMj7I9Z6q1Vmem9LaYzTN
9QZPv+fyyl7t5qfYwRrgsAdrEA7ScADXISHEVMah+H7tK0ocqXUuhNQZU+d1qZflq1kccTVd
SwJWJFL33EA9bD3wTsV1qWxipH/8KpbLs/8A3V62uCb2oFP8DuscTaSDWCksz+GjtFo9UR6a
oNM5lnGo0yOlzrMMny9A9RlcFziOOoUsP2o2eJV3WuMTaSIJMt25S+T/CR2yZrmtHRQ9mer
KM1kyQLUVkCwQwljbf5Y7UHUtY8YHVki18YqJT4Ze0nMshynPdK6OzrVGU57HO9NVZJTNPv
F3NRJA6SEAbWLxll63WxxDsSnWRiRJEfDj2wbP2XZXr66XItk0g6e5tziXALLTx+8hntN7M8
77JtTjJNaQLR5zJllmEtMDd6dKhC6xyA2tIvR18j5nAu2a3oiZ7hu6qZ0f2i08dNSZLp3TG
U/iMqMk1XNIXUnb4pWYjdwOTzYYsxy5bRHY89FdJrJHw6JHtCpstr9N5Fn2IX2QQt+Hzxx
sVEEyeJXVb3UsRuv58HESZrSFHTOUZHHPiyDKjMK7P81eozGWSsrqtx3jttUyELYX6DoMie
4iVyMRARERwRx2PaG/7SO0zT2maJ5IXzutSBpluTFGTdnFh5Af8APDImvIRUyOICRL7XZnlk
WINI5ZkOQJsgCR0MIDBSEVbE39TbnFkfaEREq3CnWbStpvRndp4Zo0EMZX95jYsP0JOI4pFD
ZRTLQ+mwgXM62PxMP6tGy/Sv7x9ziZJC4VDMirM6wUGX1FR5xosthe7HgeffCWZGovSmRNIN
GZqoXrKo75b9VB/L/qffByHdlXKURssp8yMDVQY/LSCRADYXhr6jAsVqF2xS6TxySSJEy14r
BwPIkA4hEq07We1nJexXK4VWP8AENTamq+4yPJIGDVOZ1chAUAdRGp13OeFX3sCY4mbCgIh
AXIkepWnL8rhlz6SCOYRqKhlvs7wjxBb82v09sRhcWVSF1uZQVTrGppq6h003ScpjhsJG4DX
6W9uuGNE+G1Tivi/ryZaXV8FUCpWRlzlFlxxKRjblfVzXLHga6O1NdZw/L6wkrFK9xX91Uwn
y2Mq/wAcKna2a7qig/DtXswZmmmTfd5MvYr72a+Gl3vJQz/VQEGVNUZoZZRahDLPJKeF2Wv1
6e2KzR+0u5b01zy2jvU7IUUua5nQQujCfPsyR1XzWBW4/kMPia4hu3u/6Jcj5S8GVjapp01F
2s5N18YXuqJ0lqHHURRLuNz7E4tnmqB8NqrDkpyUT2YzFjPaZU5k/PezVNWWKk2UtsXnpyMJ
o3uK4kdXljtQfHKazWOZ1DbTG9TPNu29TulAucli/Eik48sdqHcgBbMKuscf+GieZj/eNwv8
zhMV2Yuid/CK1qkan/YsLScEk9OVvc/xwL5cqL8yJM+1R3k4jy0MILQUyUICjLbw2Blka/m
73Y+vAxaOfMVvkq8cWXN5oSkkc8yne87bi56kX+o3xTN1bZu9yTStr9t1gdrFbM97XH2xRlq
O6PzV2KmtzF8IEodsyBhx1+2Kqgt+ZG3Zdot+0ztI0ro+CoakbU2cU9C86fVDG7Xkkf/zCMM
R74kBXkXTyWRq9/jr1rU6Y7SF7JoZ559MdnvZ/Q0tPTZLlkzU0dXUyRLK88+0gytZ0UFied7
csxOBlyMilKIDZHgPNT9H/28ZvkvanR9m+r6ybPdEa5SSi/Dc0lNXHS1JjZkZBJeyOFMbJ9
J3IbcbmKVI9wqpPiJ7HV0P8AEzqHs77O6ZmSfNqelyKIUI9rVaxtDFc3NlaYJ/hXAQteVvii
leyO7wXaHZ7mGXdr2U9tvw15NUL+E6PyCnyrSb7VQySUKQiqJmYHlVn1Dk36HBGd4kQ/Dy5J
bMUvt2/Db5818z61Go3k+ejaCwn3ipjK8xOpIdT7hgRiGzJxuvon8LGS6fsi112f9g2oUhWm
1fo2pzPUsbXBOc5jaoigYnm6UCXd2Hm2GuFxFH0b/n6qu0hWjJ4/pyXCnaboCfsx7QdU6QzD
cJNNZhUUKMb3kiUkwvf3iMbX/vYr91Wn4l2D8ZUVbm3wvfDJR5dDWV1XX09NFT0claWSqmOX
xrHGqj13JNgMWZRuktVSM7RuVjfAVo7T3ZH2oZ7oiYw5z2mnT/z2rMwpagPS5IomjWLKYyOJ
Jl375XHAay8+Qs+whHlz6v8AwyEu6Rc+XT+7r5tZ3cagzdiWlvmNSWaQ7iSZnNyTfCA4VdN7
iVw/BtKYvid7MSkKiE55tIBPIMEoINvL74cL7UEnCu7EyTV/Yp2t/EN2q5vltZqDSOaUsMWX
6cymX8QlZcDIY/2ssCEiFFUMrFhu2OTawF1/6ZdXdA9xEPTD7wXJv9HGrr/FZkJvGBLkmZXW
FjssURgAP3R5YmPveSZPdaKgs67MYO0ft97XM91pmM2n9Aaa1TXz6qz9vE8aGpcJR04N99VL
wiKL7Q2630giDCI3Fu+qJyLhHerx+MXpsq1Z8FXyXmeksk/2YyKqzGOTLcnEhm+UgWmnEMbN
5sFAJJv4vXrg5ulbkFPcIlafgr0/mOr/g47c8h073P4jmk1TTUgmqlp0MktDGBuduEBJ5Y4
h2ujQORa5VR2ZfCfr7TXadoytzWo0FSR5Xn+XzsBrKjaQKk6FgiKSzMQCAo+o8YmO3WDMZnK
KS0srp3/AElqif4pMwUsW2aaof2tyACZjYD3wsuIlMRklj74zMzq6T4SPhx+RrK6jkelp27
2lqXgkBLgBZiYMLX9cNqMxJNi5CJkj+ybtCzftO+K7sjzrVMiyZnRZpkuVNURs5apjpv2ay
SMxJaRgbsSeTii+JFJ+GS6g+ITs27Qm+MDode6A1ZpnIqXTuSw5iwqs/72WKOlo3ZzLliMHk
RuQL8eIn5YDARuL/AJ3lhrRG18P03ribUnbJqrUmgdJady3Mc4yLKNMZGaOmy7Ls1niSqke
SSaSpMVWUGVmksfIBBbwL5izKw2Ubh5rrr+ki1BnOVUHYw2WZvngWs2TVUkposwlp2d9tLy

xRgSfc46Zh1heSRSoQiuSdZ9rZ1/rTLtS9oWVlnlTQaeosnmL1TF656ZWVKqZm5aVg3iHQ1b
4KIxEriHFduXyHHaJW+KktParirczoqnVWwZfl+U5jM+WUtAkIjSCNI/aSMQA1ySqkn97FsJ
c3tFISU9sZDCtU7bcerqu9UZO2ntQ5nlspuKOsaOwbwlQbrwDb6Tio7WktWI9bCJdUnR0sEi
VDTsNG8aXgXu96ysG5VrEbeDcNyMQjwXcf9Gh2SNW6ozjtGzmOOLKsjhNDQzPwDO1jK6n0C
2U/4sXIssZF3n2KrPmlR6L6Ty01PWd08scwTxRkqGAuLXH6YwzkyHBD+eUQz/Oqagt/VqRB
NUkHoTwq/cgYYD25ID+6iHvo4IWZx3UCXFzWLD09sLUstzGJUUSC9iGsfUcjE4qVy72+9rOb
Z52+aF7JtAVclLa2mzXUFTTykOY0k3LSkjojKm9/UbB5nFiljxIpC3MyrVJkI6sd5LpXP8A
MGy3K55o9veW2x36bjwL4QA4krKDo82p9GaWzbVUqapoaPLaOWplZmsCiqSWPqTawwyYsMqE
cy5Z+EyhrfiO7UJO1rW/eTT6cqKpKNJluqGY3gjUdaIo7nj8zYtlbFSj1fFv5/hUmulqC6N9
susu0KtLLBRQeJmbvHAN+eii2KsLK86nNNZSMkytInAM8njml/esOP0Fh+mFmeLqMCXw67Q5
RjWAB2Pd01MCPQiIi9v0xtVeb78FmUqzm8YzTQ2R5nEZHly7flk6/wB0HfGf1ViL4GRroY5P
DBSD2yFH44pnU1PyUGTVqeNI98Mg63HmP4Yk5LbCXm1xEK9FIMUAeSsrF+6b94kQlJMGpOwK
PfEasRzEWRT7c07UY9k9D+J6qr9Q1kfd0eT0x7kH8pI4UeVwt8OpsxFISrVL2iMYpzZu6Z
NqPVRjkjrs5JyvLYzYNvc/tG49Oh/wAOOZ7oyL3ti52HWDHybanWiV0fo/P9Qz/ANnsNLQg
8XVRsBHrdz/6cOA9XCRKJM8gxoByabusqzOqbxIMd2pZbXY+n3JxVjO2MiFWTb2gio3J0EWS
5xxdxGgP2vzhUf4JDGa1gqJ5Eie6B9u88FrC3I5emMmonulhHcteCK2MSLemaNvDg9B0GK6fj7
y0RPH4fZbe+OQA+ZFHZ1rGu7Otd6e1Zk8Uctdp3M4K+CGViFIMbXaNj5Blul/LdiAPAlx5xz
Lsv4iOzPTxnx1dF2mfDjqHJKjVVXSQ0ufaSzSvjoq0tGLIwWQgLLqnYb+B1UFW45nAe6uYst
qBOyDstp/he1tRdoXxG1mU5PPpgST5FpKhzSCuzTOK0xssY7uJmWKNQzMWY9bXsBzLHh4ugN
iLwZTvw1Zbm3ap29Z128doA0/AIP+IZlkiHWZxTxCSzUIYqaliWSQMEiXw94wVSyoQeuIjLV
Rlm24fVSTXki2vgyr34N8y1LpT4psjrXipxXUFVUx6qFTmEEKQU8xK1Uhkdwj7ZWV/CWLbF
fEROPvEU9xFw7VbPaJ8LGXal+MIZ5Q5zpGbsrznOYs6zXMP9oqNFpiD3k9IY+8D3kIWwsLb
Zjz4Tg4jjErsWQShIQ22uqU7Ts11IU/GVmm5fBTvq2fV0eZZNAuZ00kUkMTA0qioEndKrU8
IB3OLbrGx4wFOWBxXffijmDLar0+O/se/7TO0XKtdk1VpvOanOcsjo8/y+HUVEJqapjIWKQh
pQGBR9jFSbd0CeMQTiRZSUBcI5hdWP236tm7PPhh0HJoBNK5zrzQ+QpSzZnBntHPLpdWpFq
qmCLvP2s1gY1KBtu8tyOCckt3CW9LjiJuIVWH9GsoyDX2ptdayLI8pyPNcpkoIa3MM4p4JK
mrFRG8g7pnD9FJLkWY+Zx0bilqZmliFcfdepej20FrTmsr1LHQpWvM9UvydffWRSQyyOyMsk
TMpuPK9x5jCw4U1+K5Wt8EunKrMe37SuoFly2jyTSWZLVZvWV+ZQUiwRvDKq2EjKZCW8kbt5
4aDizXEISrZV11kVLW9mPxn657WM01fpXJuyNaeSXMk5NR08q5kBSsrGi00bM7SpKtwSt7
Ahb7rYEDERK4IJRyFbaL/sqn+DN8vzX4rdQdqFGM10xolVmbrTfiOZ09G0HzLBoY0hZwx8Ju
bDau618RA9kebYmStdIHF0H/ABf6izfUXapHozT+X5LlukJM1qK3TtHIWbU9VFnFVUSsJczq
Zkcr38jswAkK92nHHJwGNxJseWPh3/qrT+ILSNRwfbf2XaxyrNNLZhn+go0qdQUFLqOjkkpY
46aUSFQJP2pUsBtS5PlfdJTEi4kqIZI7srrb4cNJPInwc9q2m87zTSeX552g0002Q5dV6ko4
3qY5KONi4Mn7IswttexHnbAyWjHbc2KW1xTay18FzB2BdnFXmHbnkdE0GR0TaTzykq85nrc
xpqeGkhgqUMjCVmCyeEeCMsW6jjExGillemtsVtvNxr8fWla3XnxA0uoNGVWQ5zloO6KiyfL6
qkz+kdfm1EpZJB314gAb73sn97A5SjdmERuF0b/GHkcee/DF2T5bpvO9KZpmHZ1RRnqGlpNR
UkktOiUQicookJltLWS59L4ZLIJFdcgp4yEbSF1zb8KOR1Ob9vOkc0p5cspcs0vndJmWcVW
YZnDRRwU6yucDKy7zccKt29sRHszEikzDaIrbpt07Cs37b/jAk1B2f6s0XBp3UIPQ5ZV5jr6
qpvnZKXu7rlooVLO7NFuUL0bz4xwWu5ZtjqMSAbrdrLjblNGVOv9W1+nezxKWRu+qxQtmeY
QUSfLRSMqPjLKyoGKbbi/J6DCwzZlZkHKO112V/SDZRfMnSuhM20XnW186pdFZRUX54tJqG
keafYLYFYu83S3KNwgJ9sTK4Ijdck04Ei22uuM9MZ9kWmcp/EUo/xTVEkrJSQVKEU1K0iybj
wzH2+3GGRmMY5drqpUxSTlbdhH+rog1ztUmaaHFed0mbZNxrR100jeNncb23eRuTx/hw2cR1
d3wSKQyjqLeRNiyq1HMrlbb2JsSzXN/UE84prVuU5pfi6zUmd0eVZJTtU5nmNUIlSQBbmSWR
giqAOepw2MLiEULmvtR2fdmuX9j3ZZpXQuXJvp6CFDmc0S3MrKN80jcD6pPM+WLuObEeW5Uh
b3t7qzspmNXRR7e6WZdyJxwp+kce2FEiWJj+HHfBTzVD1U6hwvJBNhuJ8lAGIxxXKI1nmb0
tNT09NGs8s8gZomFwyqb2IHqbDBxg5LIE9pHaTD2caNnzjOhDDJDBuZd9wrkhVUeZLMwAGIE
LitXd0i6LmP4StMV2p+3XXfaNqCOaoelSLLoZAN/9YIUSSsCebKpVf8AixfqmGNnAfBvkqFM
5SlrCXWuexnOczpctX/w8P7erbyA6Kp9zzijHIG5X3XL/wAenaskGUZT2Z5E/e1+obVeYxQ8
laVDaKMgecktrD0TDaQL5lWqZLI/vcrV+Ejs6qeyTsKynKs/oFyvMN81bXIX3M7yNu3OLDa2
2y7flbgai1ztFTTdlu6o807QPnGYvnFeihHfdTKepI4B+wHTEmVo2im8SqT4k/jByLsA1Jlu
RzUMmb51VUzVFTDDY/KoSBHu9C3jNvQD1xXR4r5OaxrFk1BUJrliTIFYWIKAGwBH3xuSvmt
WVE2UUQZInfaA1Oh8YQpWRxemx9rEH/C2DBv8uSAvxhUFTp89Qfh77Y5J/6xSXJsStYLnrBA
M1w6v4sjsxK5JZXo7N83zKCjpaNu9newZ+FUfmYn0HrhQU0hEiOcRG5WlqTbpfKaLQWjdtRm
uY2FXIguVv1ZvS/X2XGjKwiIwx71Siulimk3JtneTrmupMq0jp8tLSabpwksoay/MMLySMfY
fzwDhrZNWO4UYSauMpC3kmXa9mUdJHlmmKB+7osvU7IVuGktZQQPQG/3bC6x+ER5IqQOIubo

Lqm+Q05TUc3glnkMjHzAHQnQjyxiKeGaQiTTLP8AwWdxjkmV7fZsLj/AAyRycQqQqooUd+9
jY95lyNEq8/tCQN2GSANxZeSAHIkzrKc5bo6rzZZGQ1VSKOkQrywA3SsAenkuES5KcpOqbG2
smGPogSaVSbxDYCbhdXp8zjFWyzJRpt5LOPy3J9OOL45mQksB9zlrbr/qPXE5UAuScJU+d7
Hda49cQScF1qw7xyNeZFLR+ZA3C/Hhx1qFztWtO8UPeSwpGm/hgnDEW4vxyMcuYriuWJIqee
QGeKGQuOWaIEm3HUI+OFhUG5XJyxxSxCOZlZGnRWQFRYcWfuLY5SyayU9MqOTTU/1cWiX/i
MBUs6WjeIU8kMccaRSLtaOw28m5uOnOIwUYrDwUisi/LU4HQnu159+mOdcOVYSOmTYIYIQdw
IYRLcH24wSgl6oihmYyTRwySHjc0YJ48umBwUjwrzJHDGEjRY/PaoAAJ6njBIRv7ZFLYzphJ
s4XegPX745C6URKeFkeKmp93lv3Q8xa/FjllxcKQKRGMjkkboGZASL82ufLAIgZO4e5hUpE
kaK/1hUAB8uQMcmYrRqanRriCEBLEWiW9xxzxjlxZknLTU0qkmCn3OxN+6Xm/XyxDLnYSXkW
PaEkSNkT6VIBAHTi/GJFCYL00MO5wIobyJtNohyPTpjrlDstfoYrIyRRgoRYhBwR745MWJU
kRzMIUEckbl3WJ++Osk4oKhstrY6zLHakq6RhJBU0xMcsT/vKy2ZwtfkHAEijdedRKOvwrpu
BsVBF/sccfJFTxbBtj3BywIQAj7G2OQd1GPZLIVHmue1k+cRLLT5RQvU93Iu5N4NIYi/11
xbp2zEXRlNaQmIIXed7vghbNKjMpp5pp2c1cpmmXcQsjXJDFRxcX4xXd1oWDISSQgm6eRFz
73xOCF3XdP8ARn9ip1PrfMO0TPKZWY3SgNFIBaPwvWuPG4uOTHE1r+TS+2HxtaN3X7/sqkh3
Savou+u0DNURDSQP4pQHqWHUIPpUfc84dGy4uFPNPZ+cu0oa7UjpTUdJGNs8h27kHQh+A9c
RI2ZQNYUyl8ym1DmmbZxO1NIENokFFSNDSthvllfyJN1At0CnAO2GVHvWclomzXNJc8ryyxW
tRxt0VB+Y4Mit1QuNfJA1/P2iahyBINJStXQUGoaeGacn8Zmqg4CR2F+VLXI/eb2xfpIMoy
eKz6ufMUfuguvOzjRNH2Y6Hpsup44hMg7/MJY0F6iobl2PqSbKPa2KVTLrZiLlyVikiKMRLe
pWepvtH6czTPdRyCKOmp5K+vk692qKWKj/CosPXCXzPaKsLgH4Y8orfik+JjPu0TWCyJL8ql
Ff3SPYRvuC0dMD5hI0ufUr74tRkUMbn8PmqRe1ktX0PzajkzIR0t2SmkO6pYcEp+4D7nr7Yr
CVuZXHVe9vvpkfw/aClzfNjG9bMrQZNLq8NWVAXwooH5R1Y+QxLCREodxEbuS+YVPkuoO1v
P861NqTNE/EsWqA9XUTEqHlNyY05+IAVHHS5HjTGm2ff3/dZcs1z4qgnVY5pDKb2PAF/uOu
Bf8AMnKwso2ZXpevR9p+YyurLgHlmsVONEAthfBVnzSD5qJ08kwd09NQyx97VRSBKeO+0kt
0562v1thMNsoiJb2TJMhXKxs0zn/ALOqCPT+1YFq9UZgE+ZmVTIICegW9+fQdB9RxZkOz2ce
9Uwj1vtJNyTpKA9m9MQn/e+vdQXWIHxmC/LMxPkOpbzPtiLNQNo7Tde760s2wGUhk9NF2YZV
JC1RHmGpc3/aTy/UsdwSTz5Drz9Te2JiDvDbdtdQblOV1uxlUeYVcdVn0krmSWSSyqLvl+m
6/ocUMbpLldwtEVvm+YbN3SymLL4ySSvmq/8yMHI90nkoDh81GU14Kipicreoo3uN3Xwhlth
ANbcPgmnm806Yz51XU0NJUM0sMUUCDrI54A49zh3SF8kP4Yp72zSw5XWZRpaiKvHpujCzO
G4kqHO52v54r6UMRIYR7rJ2jmlhKYuarbuysODfBX58x/LGSS1gZZd9qnb0fHCuJKQm4uvNu
vrijkDZVhn2sLnkc+5wOCJ5LUtYTRArt8f0+1c2PmMGyF8wpGJfEY/oJY8k9beuOdrwPaton
DRONikyJYEt9JuOR+nGAwR8SUR17oBetuRu5xZrgyivIhmuEG8BSx8QsAOPn8EpZeYKkXh4P
r0FvXHKBYVr4tx8zt4ufLA8Sm3KtI79H6DpzjnSxS4JzrH6n/N0tqkbMtZgbm/oLfbHLknH6
NydvUemOXJYHwKOh5H2xy4km106Lf/ixy61OYB1A81uT58YBNtWruDIPMWtjrVF2ZYU2jka2
hS1unItzx6Y5d3loIjE5PUN09rdb/fAlSvtsLJe/ReoODQryMEZN63jPiIvY29fbHIccyTls
1+73Hn/M+mOtREIEUo/XoPEcTghZ1mVykqfjB0G7AupZ0IUcvdRsJIFtxIPvziSup7lufVmT
RZhH17xquaUxpKISLkxkg3U+RviWMhuFKkiGQhIuW1NaYIZbLt5Fgflf/GIVhFugNEZn2h6t
ybTOmo++zXPqxKSIHJUOX5ka35FUF2PopwyMcStSpXERuX2p0RorJewHs0yDSumabvKPLIXC
GPD1Eh5lmYi5Lu5JP+K2LI+0LyVP+pS2WaRkzKoev1HwJGMny1+t/Nj6e2Jc7eFDxKu4dW0v
b52r1OmtOuZtE9n0yS57UxqDDmWZA3hogeHsk3eyW/N3a/vYSL977x/snZRHx/ZW3m6nOq0Z
VHxTJtlrmHF1Juqfc2ufbBjla5LxQR27dpkXZ7pOSny0wtmtTCRTU4YAhRYFtvXaPPD6WDWY
JM02qjuVdfBV2UfTav1bn+ooTUU1NmTVOn5JmDd4043TTAXvdWJQEjzNsW6xygAox5v+ipUz
a+QZC5N+q7BzTLI82p+5neSNLhgYzY3HIN/bGYL2rUXInxo9ukL6XzrSmmKIXiy2JlziaNvD
LPwFpgfOxN297DyONK1gtjKYvgs+olukGH5pb+jWrcjHZFmthQtdHn65tl+Yxlx3ki2HdPbr
t2kj/wCcU6hitFWIe8S6C7TO2jTvZhQz/iLZHV5qkLSQ5VBMpnksLi4/Iv8AeP8APA08BTla
KOWYYhuJfMX4n+0TPO1DtD09mmdSLLVVNAUoKRCE6pd7gKqqfQm5bqduNI6cYpBEft1QCYpR
li3IV1RQVIVmMondMTyx0+maSOOeSMkd7NIWZ2PqfCMTVwmTiIbhbD91FKbYOR73fU4KZak
xsXuZJQttwHXqf0wu1NRvnHOWzvDujgSmZY1/K12Avfr0xclflDyWsi8pW81KdntHQ5BQtqi
en+YqoFEDdHu3tLVpdVCr7DB08YxjrB3ul1BkZastzIjpUfs/He1kH43r/P3Z0pl8Xy4b949
Ao828+g4wxm1WUdpulP7XNuBkprIvZ1DWZrqOf8AGNX5ihZz9fdIOqrb8o/n0HGIsGmErtrr
s05DyBCNVmSzTVmYd40hqKc1EsxPLORYXB6WAwu8bSIVYsK4Yy5IRyQD8QgmmS3cI8znre3T
+ZGK1Pbd5Jsr5Uo8LwZPmdRMjCWpmSMXA/BN2AJ98Q7WxkXVdddIppmUcSZxBHMLxyU6Bub
WIUjy9xgXYdZ8EYOvqLuyKmVNQ1OcVgtDkFA9TuK3USkbUAv5i5OLNG2YpOiTV8lj1VXZzWY
51m9XXVds0ITM7nz48rX9sefnkvklltxx6sRFR8pKceE36kcj/TCsqdkaK11HHjFiOLYm21L
uuWaVrdfnfPpjsFlreUBnCcQeocQK4+FZh2xlm4rck8AcgJpf74110ayzHICF9WH26YhGtWO
In2beAL26XPlgcFLuvRrudLDnjgefplAsKVZCqDuuQz9Pfa4LnyincFJNNNFDBBJUT1MqRQ
08cTSPKLTZY1VbszE8BV64Jmu4VBmlitXpJpMx7hKSY1EIR8utLHCzSGYttESoLsX3eHb1vx

gWa7hUu9vEnWqtL5tozUlbkWqqCTK85yp0ir6OV1Z4GZFcxUld211JF+OmOdcPdUWxsOn0d
L++OwXOWVeuXUnqAALepwS5ZHkLqBt5J98cSEeJKxx2cHwj3PFr/APXGOTBW7obfsh587etr
YXimYlJQq902jw/yOJZ1DgkwoVQfCf8A5xy5e2XX+6SecSyC5a22RupChQ3Bx2K4lmFG2Tr+
zIIHiPlz5H1wWVDhmWjgNHd9u7dgr4UJcS1APebb2cN4j5Lz5YJESzczOZizd3aQchBZR72G
OQjxJslnAY8sGNvf74BG7JQASOwvZvLqefMYBSkyn7Uou245487euDRpSIYu+1eDzfyFsdIX
L6F/0WnZJBWVWo+0bOqdnky9vwrJHePwLuF6mRT+9wqcdBflxZFrR81QkkIit6L6DvlcUuYr
WVX7R4RaEN0iHmfufXHXZbVC47+Nv4x10RR1nZ/2VVC1Gqa6Hu6+uhe4y5HFgikf75r2A/L1
OEmduUVYijtZert+Ffseynsh7H8lpMjb5iszWjirczquHzdS67mdgSebtt+ww88uXokO+ZG
+uNZ5L2R6lzXUurKyOkY7Lo2qKueQ2aVvJVA6sTZVUewwBGI8SmOMjK0V8r1+IjNe1n4IINU
6odoKPOy+U0ICWGYhpHB7tPTduCsx82+2LgJZragbueXrpALqUhHitXaXYd2xad7Ncnpcu1v
UNQCSqzSQVu1mjR7sRFJYeHkHb/DGnXwSSWkKyKKUY7hJQvb58YtRmtDXaT7AJFGoZYwJ81r
AYhBEWCu1Op5aQA33HhfK5xTioJCLMrUlBGHdTXH/bAZ4NM5Zk+Xv3kVXVATSVJeSIZJm5u
WJY12Y9PPnGrWNIGMVmUj5ikLegPJ8+ZPSmXT5hpmvrssrc7EIDDPSytE7RXAtcEHaSL4pOw
6vzV5jzZeStTQwNPKGb1kskkspgKNLK5Z2ZtxBZmJJ+kHk/mxo09oRrOqHiiEiTHMstTNO2X
IISFeL8tRpL9A1if44HASqvJkV9tP4u6Z9k9YmcZnq2vdt5qMyFizeQBt/I4GnK5ifxddU5
XFvBULkUPzlbFF4bbhe/QgdQMUYmuktWhJIG5E2qooqXLoIEkYyb1sgY3sBY3ti1UsIi80q
ByliiHum3ptG6Syyv+T+Zri7rk9CTfvqlh45j6BRwD5Dp1xcAbijERHa+7+VUkcpZCuLz/h
KVNfLpVKuKcF5nVGZ2Oa5ttBeJiLiKIHgBRwBiXDV5R383UcZCRbuTlcSxerlcYStyuDPLK5
Zma1uffCGy3Kw6is+/ZZYYY0WJqh1jRUxyPlhUjZbeqIHzXKJqBw1Hyx2M0ywxn+6tt1uPM
4U728PVMx95b6hTuo8voItu5GM0qj94+f+eJqe7Goi7xKFzScz1Rk/8AL8PvYHFY3uJNBkXa
crZKbso1pUIbNjLTxX87E2xYvtozLxS7P81GKq1h4ABx6DGA627kjEm6Ij0OIUlwrepAWMb+
Dz6cYJlTsdNIqyW6FBcWwLsiYxFKAHvQPltza362wLpzcKW2IZidvgLXW7cge9vPBLkINdpQ
yjp5+VvK+ORrGwA7W67f4453ShYUpRoHqQpLBTbpYsQOfD74hnUmnM8zV1naNYI/pjjTIY0H
Rbnk+5xKW3Cumfge1npjQWbdp+odTZVldRqDS+i6nOdN5IWEGSllkhBSSGIHjc5kh5A3dQOL4
5yIIS3/AMoXjukG7cyC/g+7Ssn7LPiJ0nqHX/yMuWO89NmVfWAMtDJMhPze48Kw4LdQrvi
QKzywUSgR/PFVfrnUdRq/XOqM/zA97Pn2dVtcXJvcSTOym/mNhWx9MADZUb3XKB2bhY7iNot
c/xwQqS4Vv8ALMq8Brnr9/bHImdehB70bxcbeQccu71yW4kQA+DzHn+mAJNFZRQ1/wB4nj16
YBGK3e/i3D6QALevrYYO1c5kthHZQ1r2UceQOOJAK0bbsCb1eQeIoOjt5/xxLoBckm0IZtr8
+wPU/fHOoZZ7tViI8JuB1tf0wS7FIhNsiK3m1ufXA8SDhW3cWW6+bG1rcW647BditXJCN4GJ
6D2tybDAujZaWvECd244FGXCsJ6PuTxcnBoVs7eO9mAC/wDRxy5OYzZ08lfn/LHMyIz7q+j
HwefGf2XdlYPIWmNcVM2RZzk7zrOkNJJUCuJcsJgVU2ZgbbfLbht+UUgoiIkOfEP/SR1eqs
tqMh7DaOsyalm8M2fV4VZ2XzEMXO33ZuR5DC3IJEEQj4rkTR2qqHJNe5Vn2q6eqz2ipMwWrz
KmjkXvq1Qbt4muN5PNz1wMb2krL8PFtX2Ei+Jjsxoezai1Y2qspgySSjSSni79TUHW8RCEHe
ZArt2264syEI5IRaCQI4V8zvil+K/O/iMz+OFelyr2XN3mWZUTd5X6ConI4MhHRfpQe9zio
9zlcSuR2x5RVCPuZkqT077Zo5Emi9nVrqf4jBg9uYVxN8nXaGXV9L2l6e7uol7qi1plaVVM
R9VLWxACQqf3lcK//CcetAtbHd1bH4ryMoais3p9FVUy5XU60dqSoqZMm15ptmiqwp2GZBx3
i26ow8QI6YFg1/FsNl2Oq8QdQJy+fKcuqK7U8IRX57I65bldLIgRWDdY1X908Fm9L83bc5AI
OLa7poGJcOxlrUZNPVU1dmG2Shyy8sClQGIIF2IC+RIIkoot0xzhw19/buuVHh+/tmVjZk
0mX6YyrKrKJ62anLgHgmRgWXn91E/ni4bEI2qsiWZD0uaCm1J2g543EOX0AggkP/mbbFbH/
ABYvW62TkpZrhjjVHQVNWkZjpJ5Ygp8W1vqNgL/yxkiWxaab6by6qrESSgeOIRzK7mQX4HW1
vbFiGOQsw9UuSQR4IOQzR6m1DTxQI1MrSWmeTghQbs5v0sBhjGMsnRA7FEPVHNLn0Nbm/wCN
IjChy+PucsikHRI+Fa395/GcXY5LvaKo8duX5oczGYRVPeypTVJncBkHIDXuXYjzOFvbd1ZO
C61O4CjM9R3cgJJBvxz5kjBM3eQfUvMVT8xnFJBtXuoEaokJ8yBfCJH9oPhtTw4VH0KiuzW
igtYQftPS5O4n73IwuBtYQj0UyPaNyZ18xqc5rZGdfAxVdh4A6f6YVI90hXI2a0RUO9wjse
A7G1/wCeK/duTkWZE5/7KdZpbgfKsx9w9sWC/wCjk82QB/1UfxVbvJu8IXopJtjEsWq8lq0j
UMj7vOwU7un6e+BdkwHyrNQS8R5VALm7+w6friRQImTNIyLSEMFdtY3sbcH+GOSXa4k6gXe
Fv8Ar+mBxVhmSoYH6f09sEiSDNeQBeh8+18cKDERk4kQLH4ysaWu/U2AF/LHImRd219n/wD2
aZrpugkqZqupzjSWVZ7ViSNU+VlrImkMC26q7bMebk4kxtIh6Jecclw3dUL72IMZTruuCfP1
viBUv+VZdR3b2j7aMHuUH1FyPD/AD8sczESJ3t8ldvxY9m+U9k+vdKaUyzKFyp8u0NlbZzN
CD3mY10gkM08gbgtuXbiZC9oXgkxZox6uqN3738fTaOR7YDBOT718ubOM7yugSNp2zDMAale
a3vJ3sqJtFuQTewIwyJriEUuQ8pEuJtO9jPZ/pH4x867K+1Smq63SIVmEmT5PWRV708uXTzr
HLRSlltuaz9yb8bmDc44XHMhk4RtJWfqL+i9z/NavResY6TL6apliWDVOWmOo2qxCuJKZnV
OYWYMFU2blQQRjnAVzSZIX2pP6OTsytEj8Nyflc9ijbiTLs4VWt67ZlJOAeMk5qgVD0fwC9v
FXJ3ceiYafdyz1OcUiLx7hyf5YKx1L1lo10m/RudoVfmK0euNQ6R0t+yaZo1mlzCZYF+pyFV
UVQT1Zxc9MRYPeJR6x+VUj2raV0Nl2qMv0t2F1Ootb5hFVfLVWwzMQpnVUzbI6ehpYwAEDf7
0kl26eEbiLZyyj/dE7EFxw/wrr+lz4Va7sN+fbQtbNQZdVZwNqSVWss1iiDTUss8Rjgjp1A3

fLxsBGRfaX2t54bIwjgIpERXERFz+iCvgibTE3btR6d7SdNZDqTJdWQSUapmVAtU8FSimSJo
b32lrMjW68emljUyZl3h8RXYb2JdlnYxq7VIT2Z6JNRIOWSPRI+XIgkqmG2BOLHxSsg4wM0h
MPigia4l8hKamMaxpUPvkRQGa4uW9cQzp7jIxy/ww/ArkfxBdlIHqmsltnWT19bW11PJSUeX
wzRU4hkKDCw5uRZuv5sMZhtSXMhVYfFx8OeSfDNqjJtPZTqzMtSZrmdEa6pSqy2OmpKbcyl
d6uSzs6MNthYLFcTcbrU2N8tyoQxgbGXx+ZHvbHlyWHHgT6RdutyTgETMKT2DcQxYX6NgmXd
1PaaFnIUFDxQ7AWsWPXj3xLulivJMY3CsbeG1h64jFMZhWzz7ZSqdNotzzc/6YG5Fbat4SEc
7z16DoTby598dcuS8LIZrwRr327agHVnPA59ybYJmuJc/D4LrTM/hj0tQaXgyaXjUEGXQ1F
ZnPfMJPmJACUSMnaY1J2lbXtzfGk9NHwivPf4hNrLuXRc1a20dnOh84Sh1JTNFayQzoCYqhA
eDG3Q8eXUYonGUZZlsx1Eco5VdXYzWPmnZFIIPPJTvuks5M1JODwqSrcq3opDMv3scbtAd1L
5OsavD/Nf1Miiuy7LO19oKuGp/2e1/puTuhKTtMoHKmxtvjINx5jkdMXcsubc7Khmly72dDd
dorOsqz2fPO0KsaszfZ8tk6ABo4mNgZFUcbVB4XqS3OOaAhK67F0WtEsojg3NqEXV8+te0ij
05DPHJT/ADKCSlCeKXuzvYrboo2hf44XGZSTW8mTJGshu5omlziLunaTTGB1NJQS1NUbg22R
rsUW90OuHs90gl5qu7Wx18GQnW1gPY5qOucr32b5rHHc+YZy/wCtIGK8z/5fzdPjb/MW9GQZ
oejjqYqyWQgeuqi/oAT/AKnAUkdze/inymUzknZTZTII7wSb44d/QgMT5A/c46CQY47fBDL
GREMUNS6RzYpVkvM7ojHgBCeSP14wlrrfF0y39ETxyVFNRO1HlsS1MoUJ4/7Mjqx98XDchE
RjHFIBhIrpCwTetSlq6Y0VJUQ0qySAVJDXyWN7A+RPrgDaMh1YlhtTA1glcQ4pxSrWvVbWB
RTU7DuJA3MqkcFr+mJDWXWlu+qA9XbcO/mogsJY81rXfYXUQIPS7eX6DCcbitYXVM4bRTzJ4X
hhrJyjIqndxeLyAvx+pw6NiESSpHuIUL1SRxOYziwfexQluW4A8uuM+RhVklpmCIKOidbRL
JCWsOti3F8FK2UfjdHxep7lpFHZvrlPEP6vSken9ta2JL/o5PNlzf9VH8UBpGrwo3Q25/TGM
tQzLTcjng+Hd5Y4kbZRWkkQKEdT6Y4V2OVli2wq/wC5xb1v744lAcKcJGqWj6HzPmPPAumJ
R0VEG7n/ADtgl5Vp3S7wy+XIOBZc6nNLaUqNc6jyrT2Xq0tXqGvgy+FB1LTyBL/AKBr4Nhl
yEUUr7RII13/AEi/ZRS5VmultXaeDT5fQ00ej85fuggiq6aISU7nkgB4nYD/AADASZiIuqGF
sBtXGqu6RRqxUeli/UgD1xzIzyirP+GzQA7Se3vQunZlu/gq87hnrFHx5eC88vPptjt/xYdA
2e7ptSal7o7eq63+PzTmTduGntQ630HHJLqHsYzZ8i1XS2G+ShdY5RMADerG8m4G309/+7hJ
t3kYtavnwsIYgtt54/TB18yvb4I9Alrf4nNDU1Sit5XUyZxMty7aaMsl/L+1MXXDYm7yry
uVtvVG/xry5Z2jZvkPbN2eGaHLNq1M+Q5s20CTLs6y+RIQsRwrPEgZeeRED54rld81Ys7qm+
3b+kG1RrjR+jMm7Ms1zDTeYR5VFNq3MqP9IM1eUKPTRMy8RqbuXXqWQKfCccbkXkuCMW371W
nw99p+sM++ITszi1DrHvMxT6oo4516rO6iVJVL8qyIipB6EEc46MLSTJDK0lZHxvdtOuNH/
ABVZ/TaP1hqLl6fKqPLhBTUGZSxwhjAHLNfFYxJfm62ItfC+8ReK6HhEfBVnrT4wO0rtC7KF
0DqXPaqsp56yWbM8zOyOpzGmlBSkYxqEQbczebiynwg3PMQ2kpMREsu9X98FXZVp7s1L8y
+IjtiWKly+jkftVO6AmKnF079FPWaZj3cQ/dbj+04e/shu5v9/qqpXTyW8m+/0RF8GvbDN8
TOe9sWje2b+v0+vYjmsOXyPuipKYqtNJTRXvbu0FOQw/Nd+uFRtlJTIFuYVyFpnL67sX+Ir
L8vL/N5lonWiUiH/AM8xVGxSbebKRCd97ExZpBRFwku4v6U/V7Zd2NaV06i7W1Jn6S82Jp
omkIt/jaP+GB14hUQd5fM6mpqiphgOxjT98Y4zYBQ7C+3cbcm17HHMydxL6Q/wBFhqr2f60
yFmmMdDn0dRAmy9mmp07yxAsBeMHxG/XDw4VVJchfG7nkmfpie14Z5WqJctmpst3uArHuYU4
IHhHLnp/nfZuJ/NWx4BVDo4eRFIUHaQAnAHnicUV2VYmDcLbk2IYeY9sdghuWY6bv323jDH
p3j7BfryffEioxWPr5Xni+0cW++AUrcOFdO8HiP/AFbjEYosEoqOySNEl+6Xc3PQHjp/yxNq
lnWadO+mNiqd0hJYnbewv19TjllKxOwjRk2v+1jT2XwQNJTvVlRqwhf7OngldmN/cKv/ABYs
UwXSD4KrXS6qEl2ln2Z0OZ1FXN8vIK2SuDJOsgMYgAttKkdSRcHGkzLzHC07U9FQ6o07+czv
klHV0VOHNU+ws8u48MzdVI8iOmOdrUjGBIGVw7HVX6H7PV7NO0rVmiqmsjrKDO9PxlSjZw52
Lj3EOs3O2xIa0St34plqHtOzOhyQU9TQMKn5VEo74MsJK8MgJJB YEncRcDjEyVBCPCojgEi
4lJ9lWSDRekM/wBaZo+yo/DXhog1t4eUgE/wK4iANVCUnNdK98wx8lCaReWi0XqnO5zaWSmS
goz5MzGx2+5LYgHLVkkXXYyGT8QR+Kx2hAZf2QaLpYj4swr6qqv8AvIgea39bYCr4QFNp29oR
ld0TEDlkhfaCZT188OoPw380qq3j5IzZqLZ3FHEZJN4EzoXttstl2+QA62xWla32YqzG92ZP
tPQrmVY9TdSaZBDFdtuY1I6/fDYLSK67cglyjb1S+awtUzUk1JVtTLI7nvFCH9qSPpUDriZw
uISETzqYDtuEhxxSuZuTFpkcskwaCCp2mQxqDIHJ8/ufLywMoQ6krtzqYnk1wiO9k72zUOUy
GpfvXiQrG22xtYAXHqL4ZgQQpbuJSZUOmKT8KooIR3ktRI8rD1UcA4r4ezERTccxEpXOVWhy
GCBzdpNqMw636nr6YsT2jHakx3FIonMou7yqjWOOxRh4m/Lc2uT7nFWS20RTWfMSj84hL5rU
JEN4p40p1HWzBfK3nc4CX8Qh+CdHwipTOE/2d7Npk12iq1HmAYjz+WpxYH7GQn/6cBV+ypRj
5k/0RU2eou6N9UA7vEi9BjJWsvbeovbnr5cdccitWS/J29D1x1yF2WI4WdDbcV5LW9vX7Yh3
UgyXHhVFO3zO63iJt0J9MSjdhSRIKDbuvfgcWt/zxyWt0UEC+7wtxbHL11X/AEcnZuNcfEll
+Z1kXe0WisvlzSTf0E7fsYB9wXkcf4MMjy3F97UiV+6rs7Pc4pPib7R/iW7ItSVi/J6nzGfN
NOTswPydTSMIKJE6/S0VK9h1G/1wk0fjvRSezP9F8+K+gqsnrqmgzeJqaoqmSmrISCO7mj
cpIvPPDKccyc791dlf0ZWl4n7R9Za5zKMfJaK0+Yo5WawE9QSZfwjgYf8eHmVsl19/e5VpWu
kEVfCv22Fvi5zz/AGhSObIu2HMq7LM3omBeOR5ZJDTm3mNxaPn8suAi4bU2d+8KoLtp7Lqj

se7YNU6HnLGLI69loZH6yUjgSU7H/wDtOoPuuirtmXUHwAUdL2cdn/a92xZ/KtHSZDIbZZQV
Eq+Euq99Jb1YyGnQAdTxgsbae7r9/VKJr5hHoqw+ETUuU51nuc9k/ay27Sna3ClO8jN4qDO1
F6aqjP5XZvBcdXWK/GIBxttRyOQlcqd7Q+z3POyrXOc6U1rT/L5zkdQY5jsISoTrHPGT1jkW
zj+HUHC0TPcib4Yr/wD4jOy4xxtLbVFI22PljUjY2H2GCjzEokfKjH47zJL8WGvGkRbo9Gtl
5BtSxbbe+21/fCY7c3m6c3CPkq17H9Af9q/alfSKJI6Z9mSU1T3bWYQgF5rHy/ZJIL+XXD4
mG4VMpLrD+kb7RKnKINGdlVI0NNR0MJzqvoqcqIqaMExUFIAoFxFgqyN7IUOBkO6Ty+rqvCNs
fn9GVNfBFqTS/xQaBkj5XNambLpBfju5qeTr/xKp/4cMitu+CORsqlPjIiotMfGPqWqysLH
EMzynM5ApuGIMcEjuD7lb4iO3WfFB3fgrj/pXMyU5/2a08RUBqPMKo26ubwqpP2BP8cBLlkR
U+aNcIzb0Py0xaNN4MkXNla1rkeoGCXW6Bf0U0ppT2pRuyilVstd2NwFIWcXJ6C684MXy/F
KmburhjtL1INY9oGr8+dmqfx3O66rSQ2uyPM5jbny2bcVR4VaQXCzLMgYtxcHoR7WwrxUOBL
aWG/iJuCebeh46Y4VDtclEDjhzdE8W1+np/PHEowXhEVfc+5FcErceWvY29vLEYprLd07uz9
E3dP54FnTF51BmCvxc/vW645KW5jVEcruu7XU9Lp6/xxynFdo/ArpKjk0BrHUaOz5nUVq5bJ
LGt2hpli7x1A8izNuv57MaFMwjGsLskhFMI8lZeaUtLpt4M2qK+h0/lfzHdU2Y18oSJmc7Vj
VSC0j82soOLRyCNt3NZoxlJIEccEN9quov8AslyT5/8AD8+ziKpd6aqko4liiVRwQ24lihYc
tbjASSW93FOgi1pW3YLMjle16sm7TqvVua0XeLBINTT/ACMD2WKPZAOMk9fGCS3nhFNV2zFJ
4f8AC06mnpjxj8UnHrOvWV6DMA+OmqmLrgzeGnjLzkkeUqPqVCdix+tzjQGcu775/2We8f
etUdqTKTmmraeleVpZa/NDSvcbfBGUS+0dLi+OdtZJb4qYztj8mVldulcuntJZHp6ExpJXua
uqifVc3IBt6sf8A04s1cloiKXtTcVyG83pDQaP0lp+LbHNu5m1YPTqUU/qeMNCll+m1LA
7iOT4Jft6CNX6UyimKj8lySMMq+TSNuJt0wit/EERTaP8Mi6uhXSYPKbMeTM/8AnixQW6t/
NRPxugWmikqSCSqNPN3fLXsDYm5J6WxQZiIlZd0W0mQijqZKinnkjV7XgRrofDa/qb2vi5HT
2ERXb+SSdRcNtqeUM1P8y9JDGySU63O5D6tX8JPU4YxiREI8ktwK27qo6syqqjrLUEay0fer
OKeQ2USFvFtI8h1scU5KeS7LuVqOojtzb93wUjn0jLIVSo5Z9qDxWJJPNrYs1D5SVaJhuUXF
CJdQwUiH9jR06K/90gXP88A2aa3ojd/Z3JfUiVzU0byWKMg2XAVgTbjzvYYmotuG5BCoSaE
f00yzTyVcmQvYmwXm4X7ADFNmtIc2Ktu9ydaMy6TOM11EkixiSoMkkz9I73Jb7KoLf8ADhtK
wlcSXUvaoXWWeRZ5n1RPSBo6CBFp6CJv93AgsvHqfPu2Mmrn1sxFyWrSRaqEbt+9CjIokHP
3xXVsbU5CDaQbcW++OUvwrzwhISN3PQ3HkMDigwypGFrIeb34AwRKGdLFwsKX6huLjn+OAR4
rRgNpIDBt3F/PBoGTmNEea0TsU6XK2J49OccoZl9Lf6PPTdF2ZfDxrLtS1F3dN+IzyqTTeA
CjokZF5uLhpe9sPW1ucFIVkWKtZfUW/D+Vx18LvaBUaQ+IzQeoJZJefM88SkzBTfc8dexikU
89d0ob7rgIwZCKfKw2kSU+LTMtPZ78TfaFV6KRosubOGHlfja9ZEix1Tr/dMqSc+ZufPA3j3
VNUdWkuo+wKjpOyj+j91VqKvkair9fNwzxyxna7QKDBEV6G3dxFr/wB/BT5YhH4/f6JUDPtX
LnD4LtnUep/iN0Sc8zShyulyCf8AF55a2pWETSQC6RpuNmcysp2jnarnyxMbDj5Lp2uHKpv4
+NT5PqD4otSVmQT0tXTZfldFS1dTTEOjzxxMzjctwSfduPpRbywBumRjaI3b1bfb3pWXsP8A
6P3s90cd1NmWrs5pq3OUF7vI6yVkiNf0ZY1/4MFMVtooIrSciXhmhtNZrrPXGn8l0pFNUZzm
2ZU8NAkQO4OJAxkuPpVApct5BL4EWuyopHERII3B/StaeyiCLs5z66jUks1VlzleGno1jEhZ
gPJJClf/AKZvXBypmS4OHMuW/g+ff8TfzjTMFMJ1D3o8A3b1gl4utvbER8SKe21PvjezOPM
fip7Q3g+mznCnga/70dLEG/nhEfPzdWv9MfJIO/0f9FBmXxSabiq5Wijp6Cunjs1iJAigBSP
W9sWY96rz5hUP8YmpMw1D8UHaM2axzU8kGYx0CU8qFT8tTxIIWsR0bmRSOu/CExrREVcfc7k
c2oPii7PqG174fMZwVd4xzGncy7n/Rb4fA2b4IZSYqQ+MqupKn4je0GPKEWKnyipp8viSmcL
8tSRRkAf4IOAZ/aXeKWQjq/HBW5/Sa17V2tey1G3b30bJMU183lj/wD+cHP+ISXTfgsuNIAq
tdjey+d+pwtWrRxcvwlZ8mk/hz+IjPxIyNQUAK36BkoZSp9eWfEvlJLJhKQVwp3YpoKSNTv
/ZKlxfqByLdThaJspJrIzxx7XaxsNo9jwP0xyLvLZZf2d1FnjPUDn744kNqVvvdzsVLkeFE2
jp5D3xy5mSxeSAHlehHkLY5cSWRYjo6PsIPBHXge/XEd5PwuFJiRebi4B8PlbEpdycKwLE9
e7t1v09PtjlzujDs27W9Vdk+ZT1ehM4qMvasQCrhCB4KhQTtEkbAqX4Nr++DAyHhSJYI5OI
VKU2sM77Y01HT9Zr/PGqZps2p0WeqcR09HEJvZgi8LGgAPQD3wcOaQSDIIhGQxj8GXd+ZZ3
kedZll+Uy6x0eajMKloqSkgzKOaaeRmJ7tQDtDEHbybHpjRCSO625YD081t1q5S7YNAan0/2
kV9VqjK7ZLXxPRJV0VesRhjJ8HfKg4cMLFrWOK5gQyXcnVvWRy09sew22+arevyqal1hrjKZ
O7+Ype08xAyQt+dgOeV6g44HK5IaQdTCsSzKKBanXGXqu6rjyypWR60glWY8m7H6mJ5NsNil
1cwqTv7Pi3pHtayuTV/avRqXtFU93RRrsJEE0gtf7gnFpp9fNmTIJbYST5IU1PqbO66KO9M
jQ5dSnqNglWNSPYnvDjUbNcXV0L5REUM9t0zVXA7WwRm0cbwU/H5dqjn+eKNRmqFYp7RhURp
FWko6IIouql16e/tizRlkfzS6thxHyQFltQsc1OYU7qEjhMjRhr3JF2APmwxSvt8VctuR1S
1K1NMHh8G9EZwKXqOthjTCS4b1TMNWSQDyUdbURVMveyVHjpI1QjaLc3PS98IzRkQl3J2Fw
iQ8t6cUd00C1rz1EryEuXkQbfsbdMMBrcu1BlD2bYk66ETVEDA3AIG8X8AC89PXAyW3CoB8q
ZZDTmSaornNzUMQBtseT1v8AbAU7d7qinfu9E1jc1OqpJPE0dNGzAkei2H8ziGcSkIkb5Y1H
VjpnJKKbc7xofEVASJAfre+K7vdwpo5eJaU01cMpzK5cixxwUhNZIONqMyqwHuxstvvhckhD
DJajjASmjEkJsv3CG+3qDjHZ1sO2VN2QdXO8nixx1ygAJZicxsE6c8WxwqbrVtJuaJwdxtY
L82wC53ypBX2uW8RG3+eDQs6XCBITcWBdiP0t1vjklPcSyyWl67xfi3Ujpx8sCysKXyXjQ3

O6+ky/JYmqMxzGppjKOECSInkYJGtvdmgDZritSHfLcS+inxo51D2B/DFpHsc00CktRQU1NV
1BV0V4Ywe8KNazu0qlypPC3J8rzUPeXggpmtzc187qbMqrLcwpK7K5WpswyupjqWcKCYZo3
DxuAeLq6g84UDq26VhizHUdfOyvJV5rmtU7GRxdpmd7kkDzaR78YkQ7opd/eJfSD40ssyTs
x+FvKdD0bvHnGRZNI2XwQKjd1NTyxxwzOD03Botx5vyPI4OoO4vikUwZfvevmtUxRys6TRxy
Rddki3F8LT8blZnw0dnf/al216L0o0XeUVVmaTVyKoAFJB+2mv5WYJt/48OBsyrGZWkK60/p
WNSJU1fZtp2D6Ivn8xktccr3cKi3tukwkj9p8E2EPZkuNuxvtgz/ALC+0TLtXaOlhNbRq0M9
NUxhoq2mdgXgbzW+0EMvIKg9OMc0lvCnlGNuZSXxCdvmd/ER2k1OptRo1FSxwimyfK1femXU
wNym4Ab3Z7uzW54HRRjm95LcbRUr8IjFPie7Ln6Kc/Cg8ecMowpyPiQSldGoT4o635r4ke1CV
ix3arrE8XBARgg4/4bfbCo3EhuRPwKw/6PvNosq+KfS0kqMyy0NfTrsS7M0kVwPe23+GHCKm
9yuHtN0rD8Uuru1rSlf3MPa32Z5nXz6WzKOJYjn+TpJf5CYAeN4y4RXtcb4z+/dbfh+LJjla
/g/6KuPghqKLS+sNXdr+qBJHkPZdpeWofwW31dSvdxQr6OUWRberj1xLHaJEiPNbGucc8zuu
1XnOY5xn0ve5nn1fLW1r7r/tppS7C/maAwSPeRtaQqSddN/0kOYxZt2x6KWmLd1TaFo3SM/1
Ek0zAEetlwyV/aEIRh7MSXL9BkeYZpBmFRlmX1lbBINL85mVRBC0iUUBYKJJSOEXcdoY+eF9
1Nd8y6X+F7O6ij+Gv4mMqo072ok01BwopQsADHNE/h9IAN8Tj7IvNcP4grlKqidt7C0aMED
7hcMBe1x7c4AuJSz+8kL99v7pGNoySRyb3ud3rxivf6ykS9xutIT+c+5PB/+cRiptWS3fqQ/
jEa7VO65sOg58hgUaTQeG1uRz6/rjiRit3JfZs3bTxz6dccKlzJYVAWJb8jA+XkbdMdelrbr
JJs3W6i/pjhXLV3KunN79DjIDpWHaR4920/Vfp9sFigdk5pzFTncEWPxLtiG1gQb3UixBHW+
JuXOy7H7FPily/V2Q0+me2g5p8/lyd3T6op4xKhiAsi1anm9uNwvzf5xcin94VjVIMlclJM2
PL+FXfa7Pp3JtaZhV6OqaPOcv7IGbMKaJo0kZiCyqpA2qLWNhziTcbsqosBFIS3ZhdnNqZ91
MJIpKaeNZoGIO08kWI6qRyDivLxCq1RGUS11Vmj5fqQsvYM5hLmEertdVP3Bw+nfNlRNdHa
pXsjp1qWyunjDbJdQpExNiWSniZ2b7b2x6SBxK237wXTjxKre0KrfOO0POam29JcwIW3F0D2
AB8umMyR7pleia2NZ0cwBzOzyRj5s2UH/P8A68sWad9hebpVQO0fJBtBDHRpmMIDTyJNTpaF
Nt2jv1IB9MJZrBK0dVwT3ciIbIRITVtvyoVkySBpVuwI8RYC17eV/TFiGQjuJJD2lqytf
JRrTCadpe9ZHe73EOeQrEfTbHa0o7RR6u+4k9onMtMXIZJZCS6l93dm9rcYfG+VJMLS8Ezr
0Wmgr6lSwk7vby3HPF7Dz5wiTKJEjjfhFK0bimyRJKKiOOEkn+6OAcMB7Y7vBLdvaKASKeLL
Xki8E9XKodvSO9yQTimV1vi6tY5vBNaZBDI+YVMW4FJURD1JFybm+FxtbGRCpd7iUnnkf+zv
ZVTL0q9V5iJnUr4lp4RdLexY4CteylEfefFNoHvqiL3Ww+arvgNxxf8AlbGOy20mtuuzw8+u
OxQO60cP3yuqNYYNY2uR0v0wSS9xLd7XPr1tgXTBSEVMJRhbjkhbc+mCd0Apwiq8IANm38L
ttxbrf7+WBxRrEF2kF/3v54IVLvauxf6OTsgXtG7bJNR5lGzZRoGmFUHA4fMJbrAAflqglf7
7MGDD5IkPupz/SVdodbqbt2h0rVSI9FozLIMCRCw+YqgsjFgSfE11iFfhJpMJWlQyiuQmQGY
X3e58+cBGMstaujfgQyzSed/EfpmPX1csApTLPkIOVAjqczSxiikPQWXc6j8zoB7GxGW1V5Q
J419G+3Xs37P+03sqrZu2vMmyXKFmhsqswzWOqOXmJqd2CKDLu2rcsNtvEW451wB24Dcljdda
K+f/AG59l3YDP2R6glf8Oef5++YaPzWhy+uhr/mJIMyNW5VShmUHdZXymvFoiCvIOBc+EhHm
mgJd4uSNv6L/AEaM37TtZ54JfikyXl4KOnlBUvG1TNvchTzfZAFvaw3YbEXEITtwqO/pP8za
r-IDJqNuVy7S8HdjyvJUTE3/APpGEPxumxt7Nca121XAh7w+EFg1uvtb/XEJySS97vt8ahhY
+XobYNATkrh+FbJK7PviG706PJDHhXfijTQykcRiOGV2kn7gkAX+/GCi2khlMRFD3xHGwb4g
u0mSqi7iol1XW94hWxF34J62JfIR64XHwqXRH8IuZfgnxK9mtQN3OfrBZDZnEsUkdhc88tY4
fHmJJreJXJIWez6K/pLaiSKVt1Tr2ajmb6V7qsi27L+n7ROPvcBFxfNFJ+H8IG/GZPlnY/S
T9jeiJ4ZGzTUNTrDWE8KbFaWomZqKjA6hY4dr7bnlYzxfA45RHp9UUY/6hc/ouU4HTvY9242
mQtfofGOn6dcHFxD5spk4SXT/wAeWX1+pf8qMoyKiqM0zKqybKaPLMupULSVLvg5EagdOWu
T0UcnjBSCTykLdUoHthEvBdQfCT2Zdm1BoHtE7GYM2gzfXk9B3ev6mGEtEs0ySRdxA5ADpTG
6cdHuTyxAS7TjtHcluxMVxb1zx8JeR12tlL/ABOZPmfOZZLlouqoKoeRkhNXGzD/FtuMLx9iS
tYzhXG5iPyaOhjJCKNpbxWsD5+X64WuuyrCS9xvO6SmmMgFeLg+R6ceuDd1D0tpZUd9IP4Yb
+Ete4B5ufPEOjxJa0zorSmoLBmW6ALxf0Y/bAqO6lX2qCSI1vyoU322PTHIsV6M7rFeSUNg/
+f3xylbOiIoP5Sx+i5JtwcdcuWiBe7k3BdxI2+2Od13eWslm8ufXHXLLvtXued3eFgVA4BH5
ufb2xyUsiZohJsfkptl67IPUc/54LFFarH0lPR1NLFR0ljkGXQRPKzL4ZqiSwDENrsuQL+a4
shmWHVtIJERc9nwZOM+zRvP5xBHHPFsIjfvLnc0bAN9iVbcMHcckUZKZ7A6OanzPMKpgwonR
IEY9JHDXsD7DrivN3UNeY5R5on1XmffTVIf5eNaNy290uzOt7WvxbDadrSuSoI1N9iSJQU2R
1Eg2fJZPX5xJe9t0zFUbn+6mPT02WP4fVTO10nx+iouGreozH5k7iJKppWIU35Yk4ywfNctB
xyqZ0jTd5QTSsbd7OzDm3ni3RjcDv4pMxWm7IYy1Gq8+R4qi52C5Q273gAA++FBdrLrk53HV
ovhAQuF4J5P3xoMqbukKcPjELu5YRmVgZZE2tIRxyPv0OFRyZUyQe6lqaFaaEpTbYyOhYsB9
VzhjBblHYgvu4kz1l+ygljfaWlIRVt69T0wqdytTYuJa565pskEaG7/s440DfUT9Vxjp3tG1
dFxKGzKTu/lxDKsSU6Fth+hnl4GKMpWkNpYYJ0ea65NqSjnzLL8uy+miYT5hXWUf+aCQLgDy
BJwQARWjldSZ25kS/ED3VLn+S5XS/wBjl2WBVA5tdiPL1thOmT9sI9GTtDN7My8VVSq2+Ufu
jg+32xkrWZ81q12t3Ph5KfywLrmZao0rQXYtsR+B5X+2CQksyE75Hbgdbf6Y5cKT7tthbyxy
C1OURggYDnbwfs2B4UxlxgMHS229x+mOBRIbLr3+jcljVZJ26Zlp8/MS02rNO1KNTQTMnmnp

ysiFTcAPsMwuT0w4XuuSiHAVWHxcT1NT8UHai+YSXdc/ZE3/ALiwxBBb0C2xWDvebp7Pw+Sr
vTmTQal1FkeU1uaw5DRZpWQUdRm00JISiWrtvFF5axNgPXrxg42uIRRYPluXUXx59jeW9iW
rOzeDRVR8j180I0y+jEZC1EM9FNuWpLKLl2acMWP5lwr5rhSqe8uZXB8R2v27fv6PrIdb7O
8zDLMxoJM2QciOqimNLUEgWf7lh6XXAy90kuLKCZcvntU5rWJlctE9TVDLZKoVb0Ubt3UISF
7tZO7H1SBSUXzsbDAd5Wne0V0ppzTudfBp28djmbVc9ZDPqfIKCp1BTVCgW+bmMNZSGwAtGT
C4v9LLh+Fslqq3XRkpr+lAy2Wg+IbKaxjeLMtKwGP2MVRMrD/wBQxXLiJHC+Vchw0dVXViU2
W08IXV1kqQ0tNGt3mndgqRra5uWIAxLJpmPeR/27dh2adgHaRjPLUFYUyZjLKWvSsWERrIJI
O9QATfZKsi7r8gA8YN+8KSx3K2/6OLJpM2+KbKajw7Mlyavq2B/vlsK2Hr+1wcTcSXOY22+K
rL4rMvOW/Ex2oxtuJGqKiYN5kSKklv8A12wgOFFxy/JQvYjWtR9tHZ/Vq/dtTaqy1gfvUxgj
72OHQfiCpka5WJ8XVZX6U+MDXmYzBK1PmOX53R5nRy7B+zdYIJI2sbggFefXC43Ic3R0JFda
Pgqe7RNfZl2m63z3VepP10zPUNaauqSnVhHGSqoFQMS20BQACTjgBEx4KBiO2/kQ6n9Nwwcf
EPmh7pLuT4y+2pOzTtjzik7KcrGT68zHI6GPO9aysJaQolaAd3TZcDdYA VuzymbizWHQEFM5
OUg7tu3xSoByiW/Z9/Faf0WFLLUdsOs6tyzLtaajjdmYsS8tUGuzHkk92Tzjo2yqJzzKf7O4
1y3NPjYr3VWFPDMEG4DruNYfL74B29iSsY+0H75L59TuyQxp6QqL+gthSJ0yeRuPUL5e2DS3
yrIckdefX2GOXXLnj+QfmA+ni/XHKR4k42bu85UeX2NsAm4LEV17pehtyMcoZl6w3lg3iTzx
yl15XLl93AK+VvLHIHWZCU8Q2ggcfwxyIamXckcnU7Rz5Y5RithfxlvYD/UY5DcneVZ3Jlfz
aqu+OpRvblDKwdWH2I5wxntVeWIT8EU1dXNqOsOW5NH3rVtf30ILgWeRQNHPrTzwzlaKy
2Cwbi6K+tL5PSabyTJaWmdSkbFpXP55W5Zvfkf8ApwLhdIiseWQjkiVY621JS1mW5hSZTF
M80lQkXeSeRNzZR1POLEUZW/FaFPGQlcXRWhJL/s9p/Wez9m2XZNRZPCfzX2jcp43xuHljL5
KuGYh+aoMZiKCCUFN800bBXv+9xjMY7VoW3lj0d18GWSwyMu6GoZSD5ca/64vUZWg7eKRRKIK
WKGNGxCPMJ435MEYVTt9G64XTNaRKZcwommqSlckSi90ZgQpN7W6n2xZd81qSwezuSrd7Nvd
hC6hDtuCByOA1/fE5rVwsK2pprTosztu2+IAftfyGJHhUPxZVHZI46ykF94+ca5IuNoXnCz4
h80xsokktQTl8wpYbqNm9zs6Hiwv53OFyHmRgGVcecVfzldHDFIsaObOwubFeALeWMyU9ZJa
rsYwX3157NEWp1/RKQpGWQ7YyBxvItu/S7HGrTndUeTLPqMsPmh3tmr1zTtIzVozeOj7umFj
xdFG7p7nGNpSW6qJa2i4raUbnBaOF3lerqevvJPWlxJFGESoF5Pn7Y5cKwJhDy4Uj0PQA/b
Et+VQWVbv+1AXyHnbrjsUfTyTZ/2r8eHjnoPtgkslnvS2wbGFug5v64l0OJJ5UQsjFvCSLbg
GP8AEe2IT+IVafwx62h0B8QXZ7ntbULS0dNn0UFZPISfjhnDQMzew7y+ODiQuwlcjb459Kpo
/wCITMxFNpWjMstPZ5amoIZ6mdU7uWYkcXcoG44F7YXhmJE7+zEkz+DDsmk7Ze3rTmW1EXeZ
PkTrnOcbvpMEDKY4z/jlMa29N+GxNaV3RJlkuG1E39IF2yJ2m/EBXZZR7VynQKNk8DDrNUeh
qqQnm4D7EA//AIRPngSe5EzWCjr4HcwXtX7Ke2HsUzJ2f8ayeTNMmQvYRyMoicD7SrTP+pwJ
NjCVu9lxElYCS5g7K+0absn7RMj1kcpy/NKjTIV3s+XZhCJEJUFZQoP0yr4tjfkexxwlgVyY
bXZSXyH9J1nGW6lp+yXOcjtPmuWVtVTSEWb5eRad4yR/iOJlbMIRtlJafG4kXbH8M3ZF2w
5fBumiRKTmNB3MqVKBWDEcWWoi2+xfHSNmEI0TW3Cqa+AznNPZf8T+mV1flNPmUmYpNTZNP
5P4bXBGdJIX6WZlWSME/SWuOcFD3l0zXDcjH+k8zWirfiMy2mpH31WV6Vp46xR+VnnmdQf8A
gIP/ABYjvEuBsoqU/ou8hOZds+qc0U922V6Z7pHAuFeedbcdYRHDI2yulT8Qqpfjby+moPi
k193PeMIZWU1UGJ4LNTxh/sN6tbFaPn5urPdHyVT6GqfkddaXq14FPn9BJ+gqYjh0X4ggSV6
/wBI1k/4T8Vue1CjS TNcny6qPozCnoif/wDUMB3iSWbKJLlx3F0LfvH7Y4U7HKIUt3ci/Q5P
1lrAAdMSDZhSze4V1F/SAJ3XxEROAoM+jspY+fIEo6fpgpfxC81EP4Yq8P6OWCk7NeyftN7U
tUTNSZFTyd13h2gSQ0cTPIRFm++QqADy3GJusiuSya+a1Qfwd5y2s+yH4pc4znxT5919RX1S
Hko01NWYFf03W/TC2H2JCnu/tBLxXAxYfjXmXsWhQdepI8/vgE18yZbQjp/1xfzwbOlmnEYc
QXbd3TSru6WLGer78DHKCVis0N9hsEYEBFfatwx3nxXHI+mOR3LwYxkn57ev3xyl1mNzvIVu
vn7Y5dmWYfURa9+b9McoFKP4Yxz9HT/ljiXJNLmMJ68E/bnHJS3cgjwlh9scuSDWZiPMDP8A
LHLmZSGncyOW5zl9T4h8pVRyHYehVweP0FsWIntJVZ47hyrpyKMVVG73k3ZRnM58Y2lVa5UW
v/eFsaxwavN4rzsje0+Cp3JMvntqVUDnmPCJVRyTApZRx/EDBU8ftBHor0j+zyq0+0+qfLd
E5zLN+zmzzULshDXvHECga33OLlW9sarwBdJ4Kp9SZalDmGRRsFAly+mqJzz9TEsb/pinIAi
Q/BW03IhL4pCLNnoKVXjZlaslkn/dLWX/I4WdQUE3rtUFDHw6bFjJ7QaiqAibA9Ojllgi5
tfF+NrzCSjfkKJZl2TAxIvjQjd5/a3piwkNwrSpaVaREhTed636W235P6DEFcmxsNych4yYg
pXxncPEL/wAMTiN1qVgXEoyGnNdLHVtIO8kBPAsawHGFYXJ7PaojNakVGa1k0l/sIwigdbgW
5/XFWQ7pCJNBrrFRXyyUccARLyTsHdiQTu62wloxjtTXMiRp2buMio831LWcx5Yjzg9BLJba
in7u2LkEmqhOZV5A1swwiqq5qupqaisLSTyyNJK3mWY3Jt9zjzJvdmJekBrcopp3gZiW+4
x2CG5NyT3vp7+mCQOdpLR32vf+GJwSnuTuNwkRHX0+xxCczWrSRDsI8zx/LA4obbltTu7yRG
R2PgIN+T0t1xLujALUs1R3S7C93KbVS19oJuftjmZdeltiPBII7pIpUkEH7+RGIddcK637f
Kx+3r4VOy/tUp4ImzfrTy6X1eYo9pjY92IpiP3WdYmv0/rOGTFcV3VAz2kQqyfhnzWk+GH4L
tU9rM0FO2qtYvOclaRd4ljiYwUkV7eEGQyPY9d+ILYDCPNKYb5C8FwPJVzVVRnqK2dqmrq5HI
qZJOWkdmLs5J82YknANaPCrGos4lZ/wx9rY7GO3PSOp5pFjy+CsfFmx23/qVQRHKT/husn/B
hkVuKiVrhRD8VnZPPp4nNV6S07Cr/7TZrDV5JHEPIYZiwsq+oWZ5Bx+7hYR5tWoeTLcjX4/

s5ipO1/T+iaKQSUvZzpGhypXPQyuodiffu1hxMjREuiYhjVj/Bn3Pb58Mnar2KZjURpmVPu
zDJVLeKMTWeNhfGKIVFc/wD6T3wT7Y/JC72kJKjfgR0vWZz8UOITmqNl8Wj5azN8671di0S0
sbo4kP5bTMqc46JhLMgnco9XVbds/aZL2vdr2rdZsWaDUGZyS0QkN9tll06df8A/EkfH97A
NbajstXcf9FPkdsj7SM5/spJamioYprXChInkbrwbGQYcz2x4eKRJ+Iqe/pKNGw6d7ecszOI
l76LVOno6kyCljJFM6sVtxYh1l/xYQ/ErIF7Nc8dmWTnPO0XR2X3u2YahoIIAW7WNVGDf0wy
Jh1grpHyrrz+lZ0UaDX+h9WxqDDnGVVGvZ2v/aQOJUv91lk/+nCyb2iiN8RXBe0M6G63v9Pn
97Y4UduVKFR8nl6ITbgA9ScGHEKB8orr4w9GZz2m/F5lOkdJQfN57mmm8no6ZD9MZKSu8j2
6Rol3Y+i4MhxIIFFKE7IRLwRB8Yfabk3Zb2fZH8NnZfM02XaZgp31XmAbmeYWlSnax5Z5CJ5
PTwL5nC5DEy8GRRxkl3FvdO/6PiVKzs0+IDLpy4jqtPRuxjF2Cmnmq0Nh5n0wWHsXRlvFcJUz
78sgPhv8ulxb+7hLsmA69EgfhSpZE6bfPEIyWzXjug3h3LxcYLFrytXdRfYLeLAqWZZSzM9x
b09ccjJZTxy2T+J63xyFlq197n1Xj7Y4URJSnUqTuFgem5SLjpecc4J0sFbOedh8cPYVIXaN
pvMZq9ZJRFnFHIIhaUlYu9SObBgA2796+OeOU54rY7hQFprRua6ymrYdMU3zdT11FLWywBvG
0UYu+1fzEDnb6YFJYck4VB7w8QaI+F/EPscggZImzSEkbutv/jBYqVuEihJTpbr74Jkol1bk
lJs07mgJklZ6lJx7OYo2Cj7e+PRyRWiS8tOd0irWuvlmtY4Zk2b81plIEiXG0MhULyOThcb2
yW+LK5HaUd3giPt3zQvmOV5LDEyS08O6YbhZmlZn49LAi+LFWdxWoKcBEbkHdptOG1VTUOsO3
vPkKOBL8gHu1uf54r1IXSWplO/s1Cd3DVVVRZrJARBGpVUFr/rzhRRxSPgflZ8EwT1bY9dqz
kbCo1HWlhIhVrcAgcXxdif2hJMn4YotekZVYUkspidSbh+QeliPLfLtx+abv4du48kcr68W
wBKWZKQwxFOl2KJAJIG2829sdYPEuxK21aO60dFUSTy0A6HgbQL4h3tG5S2ZBQ3rltXNELyy
SHb1PNr8/wAcZea0rVcdswphNOK3cSwlZDYtIoHG8Cx4OOY7swo3a3KSJtQzVGQdleV5ZO8b
SZ7XtUsqX3LDFbarHzu7YGtuipQjLm+KnR4DLUFJ0Vev9LuRxxvs33xjXLBtF1YjE3pWruW2x
WW7DjbiLkeA2rRBUYMR9y4sMTihtJeRIR5GIbbe4wS4ErI3724gdf1xy4cqSvsdPK6n3xy7F
e2BGG7cOeP1x1y5mLvJybo4VORu/+cDij4V0F8Jvaplgm9UZ5oTtSnt2e9qVAMlZgzMntBUf
StNVAnhbFthb8t0Y/RgsLxt6pZK0/jJoc67Gvhu7FexrPJ45qqhWqrs2khAMdR8uzLCQ3HVp
y5HqoxEp5m8l0AbCieq4tZ/GbjjpbzxKascVAeOTxxuhRv8ACRY/yOOQL6AdiObZX2yZd2cd
s+sJip6rsByPMqHWUTMqyTmlg7zLZ1W9yWVpGv8A+YCPLBEXFJ4fqg9hZY/FcS631xmPaPrL
PNValP8A3rqOtkr6lB9MRc+GMf3UQK9lwoVbd/dVh/Cl2zv2l9uOnNRTSTLldTMMszmNost
JUFVJt57JO6k/wCDDI3zeaXK1wrpj418oyz4dou0eXS1Yiaq+IHMURmiBVsrYeGGM1oDA3DT
zswNhyJfVcAR4ez+L/sgjzZujYMuB47PMdm3b0UBbcD0XBM6519Uv6MvKKjLvh3zbMpKzPpx
fUIU8EfAM0caRxcE2FtyOP0w3H2Yj5qufEqp/pU8seobQGaQ5bJT02Xyz5earZZbTQrKkfHA
t3LcDCDF2icD+ztXMPwn5X+L/Ep2Zwbe8UalhmZQB0iV5Ln/AOjDBfMjPhXe/wDSeZNBm/w/
RVDIfncgzujroGKmrS WgmAI9FIDG/tgJeSXA+9fJ2bwziw5DfzwlP7unEUu1f230Ruu7Zsu
4En+GGA+YfNksuFfSn4o+0fT3w0a21JrXSkTJnXav2i5FSUGS QzQh00/lcUSq1S/P5pA5C2/
aMqL9KNg5pLSIR3u+1JiDKJFuZtnivnBV5hU5nmNTW5lV1FfX1kzz1dTO+6SeVmJaRm82JNz
hPdyqxjmX0S/or9MvUaL7UM0li//AGjW02WwyODtJp2dl/jOL4YzeztSpXzCvnLnGVz5FWV
2WV8XdVWWVU1JPHt+mSKRkZf0K4Qzpx8SbIR3qFQ1mW1sEud1mVmVfzE7TYWv9+MAMJstyPU
bgAfl45QzlaIrl39r8eZxylKxuxsT1bbyccmM4iSxulv4hdf5Y5QS6t/wBn6LtO+C+mrKek
hTOdB7zT1EaAOwik/aoSBcgxtex81vgpCutVmML6dSHwgw0+vey7X+g843S01arGGM/IE0Vr
j0tIqtgSfLIU0mcSFV/8HUM2W/EDQUdXwUoa6mrFI6lFswt91wwHuFV6diGa1VT2habOnNea
ly1IWSly7OqmnV0QIixvYqm4cX2nphUfCKGcLZCQvzukW3HmMGyStgpLAdbiwv6n7YIEt119
pmgt11PS38VXXiK5a+79lsuL4eMevYBIV5Q+JU3ryrFXnHvz1yDMFRAVsrKHsLgccAAYpysl
kPmr0WUSRP2xE13ao9Mg5ihhWw8gllNj+uHy5qjySInthQr2ozJ/tzmYhT9rEl0eISDvEaqD
b2tipO/tC6qxB+GKE6rLzFVY0/JaCwchurW5/wAsU5S1RWqzE9w4pfShbvpJZNzk2CEW5cm5
Jvi/CqsqOopEhpLCRHl62lJU8nkbfbzxcxVPvKLI+ZEK8kMa3jRUgMn0yX5PTpzgMxXKwzD
alknUa9zHHz4dV+PH64bglEmeoJO5ydo7XermVLfritO+XzTYmzeSgKeB5YXjjDSDe4Ph4
IBsb/wAMVmbKmm6bNlqwZ/BG8f7CTbZNlIAIvt4+2BjjEZvBMeS6NSHbDJ3culKZRt+Xygyu
+hkkJHH2GF6Yf2gD4KxooMsheKrwSbmdW55vjGWuscB9q8EdP1xyBmtSsTHbb0a/2+2OFGkm
8PCHk3Jv63xwqHZII/7Yq6eHjBpadk7eL8f4eR6YBE7pALul5/Kv8ccoZZ75TEWtdy67WueL
eVuhvg1P5krG5VgHHJNyf18rYHKoYy91LM6srq4Ug8FCLhh53xzo3VjdpHbZnHajoDs+07qq
Fais7P6aspIs7knMIRX00rIYY3BHHdpGE3XJbr63h3uJcIWiq0707/Y9BiMFNy1B2njaLG3G
JUXCjzRPatmegtH9oWn8qj3wdouUwZZVS98V+VSOXezhbHcTGZIX0tvvjne4bVLcVyd4x3jt
tK7QLn1xyC1Jta3dzhXjkvdT0NxYj16Y5E7ZVYPan20Zr2v5boWLVEW7MNEafOSyV5n3tmMY
k3RyMthtYIADydx8Wod7iuQilqih8ZvGyFUY32kC4U+1/TBqHXb2i/6RiDsm0Dk+jujybs5WL
JshgWnpZs8zkvPN5tJKsUdt7OWc2a3ixBkRcOGCBooxHMTu6rrt1+O/V/b3oHMNIau0pomLL
6yRJoaimSoaoo5o23LLEzSFQ45HI6MR54HM/eUsAig/4VO2nT/YT2o/7Z6tybOM/my+glhyu
ly94o1WaWyvJZCokd1Xb++b4IntUOFy6a7Qf6TPSfaFpPONMak7K84rciz2kko66Ns8hSQx
upDFQEIDDqDfhscR4qRjFi4l8/qr5c1k8mXpUR0Znc0yVliSWOHcdiuwADOFsCwABN8CN3eT

XZYj3TxSRxI3fSMBGQejA3Jt0N/TBM+ZA7ZUcdsfaxX9tHaRnms88pYaCozvuFSlp33JSwww
pHGgawvYKWvb82I4iil2AiLiPIA8TIJAoKhnBseoF8S6hmtXXnY18fqdgnZXIGj+z/s3oe8p
d0tbmGYZ6zfp1Tm805VYri56LfwrtUdME5kh1Q+K527aO0qi7V+0TNNW0GmaLS02coJszoKa
qeohnrCT3tUu4AoXuLqOLru6k4SmCioFiO6ZbTW3PIbk3Pn6YMVBPsaXem6EsjDkMOG9OD/L
HOym5M4FEp+kEcAD789Mco4k7Qlt/PHTEYKblp4t6c9eAN3QYFMBkvTxbJzytyvuL845c75
l2b8EVQuf9mmsdNVaK8XzrBQRxsqICrAj/EMcfCr1Fwko74G8vkyrU+tKeVNGo0SbiVuwKOy
kH+Hnjm4UNI3tCT3sd0yaT4ydcpMi2oFq5Q4U2XvTHYgDpcMRI3yo7P80SadbQyU/Yt2u1O
dSRyy1/aRTpC0YADSRFgzC/ltNrYW3CKidssnmueUUF5CpUh0BPqCeCP0w1Zrst6GmL1Iiod
fHOir59WA/hh0TXSCgk4SXXoq48ipBJ4v+76apqLILkssTAF+uQY9hJIHyXlAa4IQ9dF8/qP
I8u3q7y1sTSr5liwAv8AfFA80wD4q62Wmi8EZ6whGadtmcspW8dclPHY3uAUT+PBw0M0xEIP
+CKDte1JbtAq6iRFMUdUxRh6KxuePS2Ksr+2uTom9iojK6WTM5qqdYQ4eTdcM3Uk4XGxE5P4
qyOVsErkNNNQ5V82sDSRzlrMAvCgWBAPvi0D2jdbvVJ7SK1P8k7qGqlMqeI+JTIvhYW5BN/8
sFE2ZRI5EpBZw8zncxSS9gLBFA8j98NZ8yh2yp5BTbrNL/ZhSSd1iLYNztSXNQ+YP87n1HFb
w0qtL+tgBbCGzSCngxaslvPK6ivow6clZnBY9OGN7YrPaIqJ5LSU9mWmaZKj5hnV5EFOjuI
u1jc/pbFeCUtYkNKXCgHttfZykgPIpsppIFm9VJ5/jhelHuqPgy2NGf9P8AF1Xm0rzezvjN
xWgLklZFKUgP7tjx0lzxKTS8SD5Yu0ioybQg5MoJ5K+XA647FMA5I3RxfolI4J6EY0msko5t
+uBZAa2e6qW67/P/ACxAqbVibgob+Hb13c45dhmWUfoyhXPXA/Tpa5G0tXYit9E6F0RDeRWG6
3v0B9zgmDQaX37TdfVe/PTp74G5QvCUB0N7+YLDOfXHCid0i8ex0Mj/2gNvHc2BsTY5CvRr
u2C0ZWNiQ22xNzfxH28scpZb873B3DzIPNsc7rsFmGRubFrHqfUe+JyoMy2mF9jMcQKcXCtf
FdmIYqOSD054xyWvblSweRrBbXFj/C2OuXJ1G4VPDIyN1Hr7dMS6lkg8W+VAXUDcOWYgfcE
ouXkl8Z2FufL0A9xgFOKVJRIACMkiLZ0LHk8+O/15eHEOpZki6uQPIggEDpiVy27nYm5itnv
YBuRbyI9745Ck23BBzcbD2tjly3hUMRvk7vYpuz3twLhePXjrkSSYmxYnYR0HmT6YF3QpB
/wCyNt24245t9vBEuYsqMNK6VoMw7Pdb6k1FHVrx5XHTUWnqqKUxpUzZLKhaAj/AHqpTCWR
1H9n4CeoxLtaPn9uhB7it+/BCxYIES9wOo6frfA4oiTdhssUP5uvTp64m5T3VlpWu4vxt597
+uDQs6XHituP1LzhKcKWpyYijWUru6Hz8uccufMup/gPzA0+qtWU6mwkoqeUAHi4kI6ef+mO
xyq1Q8RK3+yDS2ku33tXijiaPLsx+Xrqdt3TvgWKgffdz5dMDh7NWowtmLxUx2WZDM/bFr7
V9dTSU0OYpSZAZAVFQ0QDyyLfm30r974nhHzRsHtiLwXP8A8RuWnR/YbpbK5EWOplLq2vze
oVxtZbs5UED0UqDgGy2qrUcPm65hDEOSx8W21sMWap7R9Acw1np6mj4NRXwC5W9gGBJI+wx
o81QI+Kr1j2wkXgukeOXNY8q05mtZMJHLJHTREtzIGJkcD9FU9Y9PPIIjcS83BHcSp7QFNNm
mutLVVYP22Z53CQvpGGuTx5cWxRg/GEi3u6uzZYyEeiKMqmGcdpFbVPuJkzuRlfbxKsjtY28
uMOpnuJLnyjagIudPLmOfBd7Xq5Azr0O08km/HTyxXkYimfTQe2O5S2jTFGuYrt3KtUVU38h
h1OA5vNBMRZfIEulcvgzPSgpYI2do0HduV6c2txhwONorOqHIZMyFNQ5bPI8zyPuSmdzEDst
4gOoA4sbYqm9qtxSieVaZC0sqTtWiopwF2L4b1J/XD4ru9uTJHHL1RAk8bUYCG973Y9TbnH
Y3EqzsoFr7QU7W8cesEhp3DDywhkHyTv9NFmmy3yFXBToxFJK0ZCDOcl8fqz0jcsry8Vyo
1DWtDnUFJMVQxw7yNvJuvI88Jps0mVFGHs7lW3baSO0Fx5fhtlVFuP7PA6V/6gvJls6Myo/x
dAvD93GgULuN22jcbnzP+WM3FaDMlJiss1/Fbp9v1x2KN2Wz22AKeRiLILMm+wA3v59P1x1y
kkow7zm3i3hfp88AuuSkkIRwLc8gX5/hhyB2Wk1uFHiW9z06kcc/bAKVgoIoS+y5RSRbztzb
E8K4mFWb2o1TZFp/Qmictp46PJaHlaHUTsEAbOa+vh3yZg7Wu6qpp+XjH0osRA50dkYhK3olg
2Xxf7wVeVLB3cubs7EsSLX++FpiSikiqJDS0MnzNS6WWGFe8c+21bn+WOFsAsTsd7J2192ra
O09rePOtN6ezzMFgrczqCwIVY1R37tJpF2LJKVEasTYM4w0QzZtyQZ+7vVz68+FvUWrdE5f
qHSfYwvZRU02oaygnpcyz0U9OcqSFghqqyWqlss3ekpvTh+bLwDgH7pFgym7uji6q6fsu7N9
Hs7dpHa7Q5jNG/7fl+z3KnzZkUC7bq2cxUwt523YHEU12LvbPvwTrtW7IdKaT7LdF6+0FX60
jy7WmZVNHs5Vq+jp4ax4YELfOwmE7WgY7VFX+cWNupG1pChA/iq+0dofPO0HPqTI9FZPmGe5
1XuRTUNHHvZgPqZmJCojksxCjECxPwonMRzEirtL+HzUXZhkTZrnuA6RzeOjzVMpzSDI83+
dkyeukjARkac7QpcojkhC+3b4rXGJIcxfIUD2b9lee9q+bS0ek4qWOio5I480zrMqlaTLcp7
xgqfM1LeFSzEKqC7ueFU4lgJQ52oqzXsqo+yHUuZ0nbhTyVtXIVVNT0emcprWglzgxS+Yln
K7qahJBKsF72X8gC+PHPI+/r/C4bi8G+938op7S8g0PnXwraa7Q6LSWQaG1bWa0qcnPIMmmq
Fp8xy+CNjI6TSPdkYWLg9fvYSRZR8UAd7wUZ2H/AAw1vajkeb6z1xmraC7MdP0MIXXapq6c
A1VgdqUqOQJQW4Lft+VbsbYm3DMS7WxFaKc+zXs/yzWmiNf6w1LnU2T5LonKI2glpR2r82q
H20VCFY/nszP8SjnpzgcCYbiRX4lb8Uh2SdlWf9s+ts0foqCl/E8wR5p6ioCrTUNPGLy1E
zAerGtwPVmYKOTjma5EZqV012Aa315qGfKtDZPJncKZk+X0ufS/935ZXESFEeGacLvVyNyhQ
zW/LiBYiROYiKj+1js8o+zfXsmjsiz1tXZtlyR0eby0FIRB+LFiHo6MC7yiMIVLMAWfelC2O
ykWXauZ7Ruk2fsraPYxprsb+G7NNf9ooy/UOttWTzad0xkUo7yiyimoF1qaskG080KrJZgTGk
g2jcTfByZR80pnKQvBvv7Zc2x0jSz0ILSpUVFTUKRU8EaNNJUNPOCqggs7H90C+F43EnXZVZC
dmOR9na/M9veY1VNmQAaHqERTo2bzAi6/O1A3RZch8wd81uiKcHdb4v98/4Uzi8G6/w37uh3
WuvMw1xmeXrXU2W5VkuRUrOuRZDIUZioMop2N2jhUkszs3ikmcmSRuWPQAcSLMSBSuUUI+U

W3tjlLncT WttsfpLDd6k4BEbZVqikuRawC8+tr4cgV8fCt/sFm2qazTnajk2W1r55GqZVVVj
MFjnBI7oMCNpYdG/e4wt+G1XaMI7rSUt8Q/wvzdlnGdRaTmqK/SssuyeObxT5S5NIDsPrjJ4
D24PDYFNnp7RuHclPgorzRdsNRRCPemZ5PMpO4AKYyHvbwzWKGje2RdzZbDCJnnMcZmqF2v1
ii7KpIUE+18AXCtRntSc1MZ0jZmkQxvcRp0ZQCLG/UYAeJc73LjP46s5ap1tprJ03dzlWTtO
yjzeaQi/PntTBLPrXzCuZST3Z5YnyPpghVB8sysjsJysZI2k0ExH7PLKSaqY7SfEF2rf3u2Nb
RUd1Rd0ZZulDtp7eqK+1/OBqPVVHpymN6PJFMtaynwtUOAWBPTwqFT+ONGofWzW8mWZE1kd3
Vadkr/ivaPBmIX/u/T9NPPDbjxpExuD6C2Jge+Qi5MyidrY7erpHs9pXjFbmU3eRtBS1VYof
iwqcVvhfjdd+MFAHsyJTMd0gihOdd2oIuGIRILqWDHwi5JxVL8ZP4Y1KaDkP4dUzAXE9Szd2
xcohIhd/FVarePkjLSD/AITIT1s4UK4EaL1+HfLyvjmyis6dtYVqj9SZtQ6vhpqHIzJbvqah
pV8YJ4t/HFZvLKnwRFARES9nel30vSiCNZJI5YzZ36nz5+2DwtG1dFPrSuQtSVMqTJEwba3
Xy5HQYKN8yuuI8SzWLSz3LJL+CQOI93mQOL4cb+0FQ3CSM9L5kYmWzOBtpBKN4ObXFuf0GM+
oiuuVWWPKKaZ+vfZyHKdIHCuPULbrzKT8RHG3s0B9ulPv1Jk1cga+YZJCzfeMIOLeXGO0u3
trurLU0Yfs7ejqt7MGAPk1/4+mMh1rinO0kIH3EdQPQnk9Mcy5Z2kqPbgWxBIhSA3Mnj3cN0
88cixWPEPIU8ix4459scgdKTSOSzjnix/XBqFruBHg6N1vgFLJ06DaO5+g2IP38sGoR5pnt
grcp0xR6Y1hprSuvNO5WXGV0moqST5nKlctkHS1cLpNFGWJbu7sgPQDHIbRXh2o5NQOH092T
9m9NKG3K+axVmcflss8wX+IOBu8INo+PzV1fDH2i6u7SNZ581ZWxtRaTyCXNqDREM6aiyBdQ
1QYLDSCSNY2EKK75BvJ2qByLjBC/ESEx4REU/wBYdrutsnzvMc9+JftLqM1qc4gkgPZRo/OU
mjql4JFKfTVrxFqeiipiPC1jJUOL2IbnAfq/6ffgj/ANtrfr9+K5y7QtdZ72qahOca3n+beyRU
eXxXWgyynUWipqWakrHFGoCj8x6sSxJxGPeJM7tvJWH8KWc6Cou1KmyrtN06ueV2opo6LIM1
Rlq105VS3SOoegcGKoAkMbXcNsA+ki+GRv3R3pE7DxEs9tXZV2pRdqOfL2xZt81V0NZLSLqj
VOax0FNvW1I0kp0c3SJIIWKPADwOmIw95FxcKur4ZxlukOxvtMy3sYqaHtO7WM/kpqSppecv
rWyJqfLGXxvR1EzRyzRoTizvHsuxXyUNg3YdXaPqQs3tLi5fFU7qaDJ8qnoqft6zzLZaDTaO
uT9mPZxLHsp2blkmqLQUhZgO9k3z1En7wwNw97a/wCn34MpdpB4cv1+/F1OdIWrqvXupF1R
rTJ6am7NuyD5evyjQenaQx0dXnMr93IIBDCAWqamWbxvNIHcrGb7VOJF8c299zeaA7bbdz3
8k/078PeYdrHa7WZf209oFPI3aDqB5801HI+TUf4rUZLGPFLXVRZaajWNNsaxlpCg7tNvlg
RAcw3Y4b/wDIMOQspW793/C925dvuls7zXSukfh60LI+YZToSH8E0jmmBRNmD1ckrqDPSULW
h72WULtmlV3f6toviGkKQRh2ff6KWjEY823m/wB8017aO17U3ZjQ/wDZrp7U9dmufZWUqu0T
PmZKls1zoAFcvhLqWlPoeVUCr3/CCDcje7KP8Ay6gG7xc/0b73os7V857SqmpJuwjRtThm
tXp7Twpq+0nMq2ko4aSOuREWARqupZO7p4aWJIRZbrJzZdzADEu1xW3bG2fy6WLSI3W5n24fR
EHYLrnQ3YR2Zw5t2X6hyOdI9QS w9oups22x1uZUEElaKkyiiL99sneQrCbXGx5JLXsBlgt+8
Xj/9IDRld4/o33+qnrRWd6xyDs4otdtU59qftc7UZq3KuzmOurjWzadyqG61uZRImKxSNfuV
lsiqF3khSwxwlt5vv8AL9sUx3Ei8G3N4/vh9VSL5jQ9nby0WkMxhzTN3hMGYaimYxwbuJK
bLmPiYkna9V9cnKx2U7mh7eEf+f7fVEF3e3/AE/v9F2Do3sdp2j4eezXQPb1m3/AGQ610lm
E0ek1zCokpqs6y+c8j5OWQPHJ9KKzGXXZL7TuIwZsOUS39EoHLMQ7vv5rm7tA1JnfY/qTOdF6
P0nUdl1flr/LZjVT1PzWe1qEXWR68ACOGREFpQiEfmB3C3Lu7k9m729UwgELEbFDXJLDqzXu
WYnqT1JPOAXElr3m3LwJLi/seuCxQ2pqG3sFA53c+wGJFC6VaKR4rxIxUEXIXjn/AJ45mQmZ
JzHS73kZB4kQm3UsB1sPPE4KUrTtslSVdwZFDajgi3IPHocLVgPeX0N+HjtJg7beySWj1ai1
ddRq+V53EUH9YjZfDIVP7ycn+8uJka7hWITya0bSVW/D72G592XfEZUQZzTyPldBIIY+XZnH
cxVkbkIhB8nANmU8g89MQ3CkxxaubwXTOQ5krw1cmYOnEdU6RAPfvUU237QTub9MD3VeZ1I
xVExqYwkd4rN3jdD04CjHOClnCXxnu79tVQviZYMlo1LdbXDHj+OJZZta2YVRGxjCFQci24
/wCeJVFXd2C0LZDpvP8AUUVQNiudkbHyjhUux9/EfL93HoNGNq6c5C+8FiaTe+QIOB/PPNSSR
95efNHerr59ttsRYkCx5F+tsQz+zt67XXPxXfJHGIVk092ealq4Y9k9TQpQ06qCt3I4BsPX
Ypxaw1dOXikY3VA+CeabpHh0fm4KMX+TggcvwbNMLg+IguGs3s0t3tk+arqsnIqKmfpgpvWE
AEjm4HPtjPvtuJWx7q19PUjUOUU8QSzbdzfc8+uL8IWgzKRLmLFS0OdU9XptKNSsU1LCTGL2
Dki17+pOOdhtVLVEMl3JcmS0k9RV1bRu0FTARJu3W5W1if1xRjYrleMhFHua59U598vHmJje
SmiK718PXzPvi6bXEQARDHcQoSqqMwVY8Fh5+wxFquseVN89TuKeiqOvy1Wha/vxgztyl4oo
/dWtUim1ZTkyTJBU7A6xC/eAEgg4q1OUvNMBroyVgianqqPvYQpj22BK24PNj+mKVO1kiz3
YhJvr25MIpdLRubTx5U5ceaoZSVv+mD0m2YblsaL/DLzVauyqsZJ/N1HtjLZlqu9qmNG5XHn
mrcqoJheGrqlSvB3JXkkG3sMFFHdIIPdTJZCRD0SGfpTLnWYJk6bKKOqdYEJvtQNYC55PTCz
YbitTYnLVjdvwTJhzuU2HW/rgky5NZj02nkdDjlyU231+oj39cAowWpd18N/AObel+L45SIE
m2qli1vXE4KGWXbkeO58xfHMouWRJuO2/mLd747BDiirR/ZvnGuctq62n/Ccs03RS7azPs/r
loMthkAIKiVrmSWxPgiV29QMFZlzbLzH7u9TJp/sp02FTNdW6s1W0ZP7HSeQx5dTOFmFmVr
bip/eWL9MDIRt/U31UhSdomgcndFyPsgyWtkj5E2qdTV2aCQ+W6GMwx/oBjrvysmMA94n+iu
X4Z+0fVuu0P5irrl0D2ZaDgbP9XR6VySnymmWlhu0VO7oplDPZFA2mQlkV8HG9o3Fy+qVL
b+HGO1/t9q5t7SNaVfaZ2hai1dmySCq1FmdRXCOvtz08cjxxAm5AVNq2HA28YUzInbB0OCK
WYIkW77EkE829QPMXwxDatamSKjRx/ZQxIWIC2Cgc8YC1diN1qv/AFbqnNvh4y/sw0lp3u6b

Vek62LXWqI6hC6/jNVGPlaOVTY/sKEqjC/WoJBBwxywK0eX15/wgjASEi6/Rt38oX1j20U+c
aZzDTPZnpal7Psj1LWtXaoFNms2YVeezs7OIpamUBlpUZiVhHXqxY3uDvcNvL73prAllddt+
9yrdaiWgqY5qOompqqkmDwtWuUeGRWurqwsVZSAQR0OitXM6QSSqZKo1E09RJVPUioaokctI
0u7f3hY3JYv4iT1PXHCuu7ysTtX+IvtA7ZKRKPtCz1auiegmmpKOhioYa2ZVcRnUrEo7+QKo
ALkhfygYnC5C7iPCqvcVklsvcoCA+0XF/IHB4JN9ysPS+qu0fX+T5H2W6Sr8yzOkRZXy7K8
jpUiaZJXMmrwNOFDin3BpGV37tQpZhY YDC7KnXiGZStLq31+xapmi7MarL9T65pnMUut+57y
hyggWZMmhcbXcG6/OyC56xIq+LEk93D8+f8Ab6oWC3MXy5fHq/6Kt66tnzjMKivz2rqsxr6+
VpaurJ3nnnc8l3kYlma/N74HARTHZK/tX6tb4gvhkhzDPNYM1Z2i9jFTQOrnLMBNm2Q1k3cr
HUHq7xS/mPPQ9Xe/Hw3KGG0sq5zmiLGQOVAQAgFgDx5D3uccKkkkh08M3VFIIWcJFY2jvkK8
JazH/wBsGlu63Mrdy8f5d4a23m46fpiWXOyeU0b3jZ3aBGW6yFvLkA8c2uLcY7BCzpGBv2x4
2kA8DC1Z7yv34NteLpLtdgyyul2UuqacORBw9+DuhJ+5BX/AIsFberFIYjJ5rviukFHvp3f
xyKzxt67Rdj72GAwWozoW09HS5pRx5hFHaajeSEnaRuJ43biAWFrWPT0xzoBUvQ99Jm07vN
ixMGP704IQobAE+/JOJU7q4a+NVHpu3WssnhkymjKn1G1hiGVGtb2ioxDLKII3OXYJGg/M5
4A48ybYNmuLKqOW1XtrOpi0J2U0GIUfZV1KLDWFOTtVe9mH6uyoceknYYoRh+a83E5S1BTKs
YIWt0Lc1mZypLum39nGDdY/16nCMOEeu9PfvF0RvrCpMemMnyOmdkfMKxq60C8kKP2UI/gG
bFmozWxqvB3iUrTbqDs5zOeR1haXNKeHzv3htivJYHr6G2Cf8PxxQg10nwVVJvq5o4X3FpZA
FB5IJb/LGeDXFarzqdcGNNNoUkaA2uFfGrgs/FQ1LRRMghV40qXsUU9WQctYenvjnYeHmhvI
cluxGmXaYi+QeulXdyqAFwwB6m3NxxgHBUDnzWrD08VBMZXDbitgRa1/K9sE9xlr78qjszu7p
IPz354/XHAeZ0j91DuoUByCrLfUFDXPfrMLYmo/DVqLNIo+qQz5tFookd6WjEsaxngt0sR+v
OK1RxeTJgHI80ZaLQ170WXTREaiQF/F4VQ8m9/RcFTRXKRUNxEqj7R9SPq/WeZ1JU0/fGC
IBXhaePwqB/C/wDxYxauXWzES9DSQDFCIqPyfImzilr3SPOaZsuo3q2+bqVh71FsCkV+XkJP
CryRiorbsj7TmQMNJZVnmSUE0mYUILLurupk8csreFb28wTi6wZRIR5LJkHXFGRbNir/ADbJ
q3TtelFmgjFSYwzsqyMt/JrdG9jiq4W8S0opRPMO5NWQd0h69bed8cmJo6ktutwOLYC5cnI
6bR1C20OUskWQybywXjn7++OuULemHTjrx/744kS1mut/K1h0vfHXKHAVJ6byulz7U+SZbmc
7U9HmeZU9NUyd4Iv2buAyzwhYeEMeha+GhbckSNbwp1rDUMYanzuWTOaf5JcokkocvygJsi
yWGNiopYo+ibbWYgBna7MSThd92bmnO1o2juUUDtePb5297f++Odc1oom0JoHN+0XMaqn0+a
SkocpUT53nuZSdzl2SQE2M1VMeF/uxi8kh4QHBCA23Fsb7/VQZlcl73+/vFWB2k9rmRU3Z7H
2XdiEVdBoOGqWrzz066Lua7WNetiJ5l/3VMpAMCJ5sqbrWtgDO63p0RtHZdmtxJU9v3XbpcWt
twCNPNPZLmmqM8y/JtL5fXZznOaSdzRZdQxmSad7Xsq+QA5LGyqOSQMMZifKKrnaPES6a7MO
xns47PdS5rmPazns2stQdmeTtqb08lyB42yflJ6d0FPQ1NUylquodkQxxgICrhibWJs48W9
C8ZFILZj88PFUf2w50+r84y/XVZRtlmbdoC1ubZpQLUPNEk4qWj7+BpCX7mWxCqxsVdEL4bW
W+V0tyoIgf3ZJUIWBY7ugvc2/0x1yglvNMHQbRyTcji/PrbzxwpjMvR2v8AlJ/w8Y65CzLW
aQ96QvW4sD4sEzoDBN4JElcrG8bmPwuosSp2xK5mVn6Or30H2Rao1HRd5Hnesag6RymqBIa
jpO7WfM5kt+d42hpgw5USyeuId7R8/p/yuGO4run1/4VYSOIUSOnRUXgKNoAAHAt/wAsCK6R
7VvC4sAw6fwxLqY3uFScGc5hR0GZZfSVtRDQ52sKZnTRvZKxYX7yESDzCyeMD1xDumYKLmt4
9g37yB+pwCC3KkVG17kcDy6Ya7pYr2xWQXP6jAYplgr31pbxG7dfP1xIoC4UvvKR7AON+646
+mOJcDJWBGeot9J9D0xGKdbmTjKsyqcnr6OvyuVqatoJ1mp50XxRSIWksP1GIZ1HDmFfTsy
7SaPt47N4s2oHWkzqkmjXMKcPZqGuXksLWPduLkeRDEYglrwS60UcZYk3ySJCXCNKgJaURkld
4P5SbeH0xF1yNrUpNtp66NEDBtgJP5dt7Wv64jHKpwXHXx45M1JrTS2bRpYZhlUIPI3q8Ulx
/wCl8EqNa3CspvsyOGfUNRNobxr+GaW03zGpv0kcD9kvuS3/wBuNDRwDrCkLcO34rD0hJbH
qx3lsUn2jyz1Oocopq/dU1dPQJPVJ1JqJ271ox9t0af8ONKcfaDd9usyH8MvvYm+jMnkzPVE
nfOpMe4zpp04F2I9AoBwynC6QiUSmlilZcwhzfUNXVlb00DJFSGNSy92F2qSbenXAsesmlIN
lsdqI9XSLsdlenoqiNe/zSuqK+AfugARIBjqbBsdUPdGNyGJvaFbuQDpqmNznETsLpTXcgcC
44AJ++FU7XEmyvlRtFOqra9zfm18X1TtS2S0F06usjqksahrwCB1AbqMEqpmSnMhzGq+SqI
U2vTu25Li7Kvn09sclTiN3itZ0WmhkR4mdeoY2A4+2BuQA+ZQPdtUrfZYclSzeXW2OBs1yt3
Woe1Q/c5Z3L8SVD0ij7tck/piZ39nb1dWYsxJLMKwh5YVPdvBTqL3AG3da4OKVQ2ZMZsqlWz
k5Hp7PM3hKianoTT0x3dZZf2a299u44sSSaqIlvghiiVmEfj8lSm3ZDGF3A7QA3sOMebJegZ
Hegckmp8+o2zCnUfO5ZUVFEHVZO9spA8J/MemHRxkPxZVqmUSjy8nZIZ3mGd6dyfLsrpTmVH
DlxewWoEbRq07m5VWIFwo8l/W2BNyERFdG0ZkRbHd0H3Z3diWcvcuxa5JPnyTyThatMyUU94
QniuVt/DHJJKxiR1Yfp53HTAKLV6FmJfnn1xLrsCW8l/aXO6xULYhMZkqAEkS20jgce+OXO
6TmXbv3+TdfXHCgf8ybnbOjrKiuJggykeEg4JmS3dGdLrL82ip4+0TII9QPTosa5tSVrZfm
TIosollCsIRtUbVMqbrdWOJTRTp877PqCFGyfr2os1rPq3ah1IFp4z5fsqWJGkHqGkGBu8kO
AimOpNf51q/LKPK81lpaPlcvl76iyLK6RaLLqeS39osCcNJ//EkLv/exHEVxKwa0brQYajZc
OeDyccucxFSmQ5NmOp84y/J9NUM2a5zms6U2X0MA3PUTMbbFv5eZJ4UKSeBiREnK1c5Dberz
ljqGg+GTIazsy7Ma+PMe0zPVFLrzWGXXeSmZufwTLGF2FjxI6DczcfVxGRvcOrHd9f7JYNaW
sLfy8P7ob09TDSf0lqTKe1SKOCj1WlAtRoWlnEeaVy0xsqIVqpEJ/D6VpDeTd+3kC7URT4hz

5R+/1/hE2bNu8f4/ncqz1jqWu1tqKszjPpKdKuWNVSClg7qmpII1Cw01PGCRHDGgCKo6Bbm5
JOAFSTCmFDtTKQbXMcOPK/hODUOy1eLYyRh1kVFBTT3PIPTn2wLKbVrIx3kNOPT15x5C5ecb
UU7/ABvuDJYjbbpz53HPGDxErj09muU9oHw46myXUVDQx6n7KqWmzfSubQ0yxVFR18IUkNX1
1QwsZo1MokRjdhu4PHPO6BspKD1AFqvhw0NVU/eXyvWme5dUD8gaenpalLe+0N+i4A24fvmm
R8RkTpEEqkMLbOp88Rwo8LuJsmmNPNqHOEO7yIhjeRpEHKhVJBN+OTYYq11X6tDrOa9J2T7O
f41pIaPazYE7u3LBtm64Move0vh6NusR/niwvNvd3kiGP7QnkA/bjpg0DraHfIpt0283tzfj
HKCWWVrA+Q4vbpbjHicVqpKqbn81+fQe+OFQ7JbvA8hbZZS3A3Xt+uORit45CIR4zxY3v5e2
AJNbiWyyBmBB53cW88EyW6LuzvtGz7svz78Z0dWNTVQQJPG43RVUd7mORTwQfI9QeRgXZPg
gzL6BdjnbHIHa7po5rk793VUWyLM8v8A99RsRbcy/mQnkMOP1xBtmWjBOMo3CjfMqCmzejNJ
UlpIKhbFouCNPBG1v0xDZST7VR3xm6Jm1J2UU+aUwaWbSIYKt2Nr/LuuyW56n8p/4cc3EqTX
FdGuedJ5KsOgsgy1j3c+s87SSoUKA8lNERtHP5DtN8eho47YQH3nx+DLx9ad0xflbD4uhbOM
7FZrnOMwIYu4kMV/ykftX7A2GGHIJTESW0fsxUxkn/5L9m+Y5tP+wrs51+Upp3B2n62W3sLY
YHsqe7m6U/tZvBkMTwtlWUPVJLNBuYwsVUS2Mheyqu37G/TFU2sjuu2/yrYHcVtuxHXbvt2
fTmTgW/CslpUMY42kpduPu2LNaw8Kq0nvIY03TGny81F/wC3bdtHQqOB9jjqZrRuRtVmtXsz
pczrzCMskkgESePbIRcnkX9bYTVsWLeSbT25vNPaZ7Uh+Z5j3KbWvZr8e9sXzYbVRbiyou0u
5+fPzCTOJF8Lc7ePX7YiW0RVKoa4UQ5wkVTRusIjubNc+dsU2kSQYhQfUpseNA62PJJ9PTFh
nyqWCDNQymuz2kghiH9krS7At7ef+mOne4hFaMWUblDTlqvM6lKkXPcrFyBeO4vt444vivxSZ
k98o5Vlawid9mlHVI7bXzVVK4FlQgXHre+Br/8ApRLxXUf/AFBD4IYyHIqPMdO6grax2EmV
0aS0gV7LvLWJYeYxksFwkS0ZZSGQBHM6NqlojuT1iZxluWZxR5SkMENc5R4NzHdLwOH29Af
vhx/1YPggqXXENju2PLmgPOc+zerjly3Mc5qMwo4nG1fmWkjkI6MpIF/vis8hFllpBFGJXC
ODqFa19vQjrfAMmWpZAm+NkLMdl3uvQg+RHUWwS5eqaeRR3jju0kN1J+3W2BwXXJvG+27Lxf
jjHOZ8qdQhWdO8LBQ1mI6geeIFMuWAKc0id2bBOfv74m4kvATXqiHcl3/15YjG1Hbcbmqdl
k6bsTilu1yzTfn3+n3tjsVDMlz4046hffHYqbVujNcAfUrdMQpZSOM9JZzrfN3y7ROVV2e10
f9rFRR7lhHXdlISEjX+87KPEtcSg7V0nozTeV/CXpCfUPaNqEUHafrlDumYNMpfmtTIOsy
cTVcM5YQQ1E5vGsrFgiodu87hg3K0bev0QCxFm3YfXyVP/8AavDpzL/kux7TdHoaJwUqc7+b
bMc9rFP1Bq6QDuAxJJWnSPn8xwDuRZeXgmNaJXb38fvBVu8yxu+0qO9iLOd12kY8sxJ5Zj5k
8nEIHWNq3sik0VorJ9QV+ocvzfmKcGzKq04tLIGo8uzBX+TINVfu5JWVC7QgXRObzmW12t
++aHFVzHX09CjisqIYboUBZ7biemOxUqYy7SuocwpmqMq0xqjMaWBO8kmpMmqZUjUc7iyoRa
3N8ELEoeURUahNXTSVIPHUS0kDos1RHCzRRM30o7gbULeSk3PIHZSBkS3dVM3H7vH/ziMvY
suhoYdD/AA/Zlm2bBRnXaxVQ5dp+nJ8ceSOM4mrK4r5JLOsVPH+8EdhcYkmtEUDZiu5N9f7K
s+/c0xiMk3ciXvBCXbZvK27zb03bfDute3GBJPZ0ihHeFibWG36cQ6aPErE7GqXvs5rJ9/8A
Ywqmzm5u1/8ATGB2gkthEfffaPQvR36Uqai7hFmw64v/AGQhqiFIdSZp3fRyAVT2aMWUEnmw
9satCd1KHkvm/bCIYu0FYIkz5y3bvtygpvA3PmfETz54t3LzKXCimmDEsVC/fj3xLIHdK1d
WJrbkso+kexxzqZILtKXI4Li1+h5xFyhwTiVI2MkW24O7w+f641IMkUbxnnoh64WmM6cQx
gwDbuJvu4/dtyB/zwaXilI3Hcv8AVt8gW/6vgOIk4HtFGPYt2gTdmfaVk2fRzyQU0M6wZgis
bS0zmzowHBAB3exXDOJdAYxyXCvp53EcsSfKpZSO9Rka29WfwwI9RhXeW4o7UGSUm6frcqz
OL52irqeSCopyfFNCwsyX9fMH1xBKf6lxvq3JBoztfGVoWkh0dp5mpWb9xoyI2Pud6398elg
k1hCQ7mZeCqliivEubqy/fZnVyxG7bygO+3HQ82PphHFISLCORR2rwrD/spkscipDFQI/J
/Ox5JGLdZxDGq1JwkSjMm09/tP2i6TyWok72fMa2EVgQ/s1iibdwOo4U3xXcLqQIS38/gres
tpzId3JO+23P11DrmMKqzd29TIsYPkittUD2suDqXuJlpw1Y2r2Ww/8AdlJtRo1eEMLN0JPr
i1G1sYqub5krGGYsFkZirbSWQnp6Y69TYSxSw08wghnlXcZA22RiFJAuBx1wRtchzDmVj6X
o4ZIQ/RhHYrv6E8nFKrCS5Zssia5/J8o5VD/AGvBC+QHP8cKiYu8ija4UJ5rU+MRQve/n7kY
vxtcKsRhlQzDIj57UTWZFPqfazE9Lnk+1gMc34hF0V1/wxFQGXSNUtiVue9mdiD1Hp/EYrRP
mTpOFFCUXzvZzl6VAV1TP6e6O1gwaQi1/wBMFO3+THzSov8AqCt6OkKubKsg1Zna53Ufh9Fn
qiOJKeFZmh2kHvXQ8Bdw4X83pbGXIGQuatNrJYQtHG37wQXrLLKOlK+Yy3UNHqBa2ZmcqGS
ZWPn3U+XkLfbFaUPdLFX6aQiykFqHZW2p6EHm/2xCsrNNDNXTpFQxSTyv+VVvYe58h98EEZF
IEUt5RRZTaNjheUucVFif91CflerH/TFyOiH/UJvzqu6KsXTvZRpjVWQ1EeS5xSnUDwmRerk
RkckC+xZCeWtyLcYtNSQkOUVWepmEITWc5VJIFU9PUckWZW2/UD0JHkfX3xkSRIGVq04zExT
MsYtg/X+OFknA1uVZiqNjA24F+B545S+VbzVe8eAc/5YnBL1ibhtviH03sRiLVFyzK+yXwdC
OQOtschdiEcqkMjymtz7OIMtyenarr6xH7iFGVF8K7md2YhY41UFmkY7VHJxNi5jtRX32hdH
xlTTN2j52DZp5ZpKLIqdx1EaJaorQP3mMUbeQIX3Dwj9+X8onYiHN9/H+FJ6WzTMe1bUFJp/
WmcNlehqKObMs7oMsjWgoaTLaZO9nCU8QVWZgBEm7e26Uc4LvXFyQZhyjvfYp7WerNHdp+SU
2utbUOrtOaiqMykyap0+tNU0VRTQwK9N3cc7KKY08DRUxSO6NtD+FmNxd+9zXM3dHkgNsy0
Pl6R/hOm9RZ4wue91FnC0ycdLQ0ii4+8mCU/710VTZp3SPYLkZzfRHZfBnHaNk7ZtW6szXK
gmV6WyyQukMdNtLTVmZHaWEaNUWtYGsBgyy/f6MlNcRcP31dUtmvbbJpDK9F5VkgQ5npDth
b8KbVOWmtzBnYuWqJHEgWNm3nbCt0jWyi/JwDvcMmwiPVouXjVeal7QtNaUy/M9H9nFFnuZ

JBW59RZHSU708W0szGaVXO8hdicgb3S+ODi4kDuXdHaukU1vrnWmsRpjQ2r6rsP7MtNQPNWY
Vlbmoqc+rKKnK99mNaVLupklVFjkdQFkXa/045szXFsw5N971NpDwji783+933sVK9vXbtJ8
QOoZtG9imlpMn0Z+LS5ITacyPKjJW51XSMWavrIoVJ3sSSqWsnmbgbezGuygPmhFOzHKNAD5
vt5q44p6cgp0DJsxSbOMxbr3dXNGWjy6A/mYlpcbIgbkRIEur/p8X/ZkWBEP RVvc37uhLXuv
M07StSy57qT5WKolgipKSgolu6pMro4F2QUILH+SCNPCq9Sbs12JOI7xFzU90R5MoDgxp3F
t1zx/wBc4hEk94Fx0L4jBMZ1anZFSimpzWWj3VzkKDuJ8KKRtZePM3x5fTkt0gx9G+q/Q3oh
0ZqqMqq5sZidt+3AW3P8dqA9TVBr8/zSqRI4EWrKNFtCuLcX2+5Fzjdo09XSgN2OxfHe2NZ6
1p6rmstzPs3btmL+L71C1L3cmY9RYD/3xZXmVrLbaWvc26W5w5KJrJZSA3Jt/IgEbOIN2+I
bm2LusP+eOQu+VLUDoZmqANo7pGe/wDhF7X9cdaiFeRTLdGObH9L4BEjjskybL9T55U5PnCX
/EKB0ppAbNA6kHep9QMwYA vIhWXXzSRRjIPJ0Kz0c1HNv0s8e8UVQ8UkioSAwYi516XtXfCL
cy0ozEhTeRvVikkjO3afCfsfXArmyr6WfDZrtNe9juQVMkneV+XQ/hlf4uRJELKxv6x7Tjja4
ls0kl0Y+CsYIY9gYNU2ka+QttxiME9UP8U2kYaPajWGW0/9c7qKgrnQWApw5dWYdeJAF+2N
PR8ttw0Xn9M01wjIPLeuNNOQy1WYRRRbUapm2CQ/TGTzew9MwoGIIyrHktHiRf2uzrD2jU6
Tf8Ah8voKcSHbexCEk/oecWKw7ai4kmjC6HLvS3w9uuadtZnkyKkWUZJU1aWHcKJsU8+dzz
74rUD6yoKTWt60bIRj8ULaq72vzQneoMai46el3N7frfDajMSVFIFE9OUhpo1YrtiRRcegXn
F5rVTJbRqYyyykhgeiPxbxwct2KJM6yifLZzQePbURbktvtXmSi3U25sRbAOYx2kjdrsp12
yOesi+XCDfe/hkBurhR0tfqcV56i5Z0oR51KZ5TMX3pFtbaAx8wD6H1xUF7u8lxuKC802pXg
eEEW8IXoOnT0xp075VcBsqCHWRcqrLbe+zGp7tTe52jIj/DCAO4St5urmW7yTaJ1E/dwhkaJ
CCbDxMRa/wDDC2LMidstyLc1MtF2LCuidUmfNYO7ewuCtzcA8cHBVj20Y+ajja6szdED59ra
DVGtWUua5RC+cxbrDmKdIXkA4IkUA7rj+eMh5NZ3dq046cYpLhLZ0Udluk66v2M0fy0bty8x
2ml7dBycGFJJImnPGKJst7LZJoZZqiOar7plDA3hTexso58RJv0xaCiEeLaqz1JFwqysm7Ma
amaWlnff3ZigWomTu4xI/Lc/UwVOfvi80Yiq1yaZXHlMw5tqGnzWSly6vgbu8tqK2MvHDZv
3QDc7bWxw95Ew5II6KoD2gUIZBmQjSoo5UalZOmhELwuSdrXAHmAftiQa4UDvaSqHtEaWepg
lqz/AFkTSxz+XjDeI+XU3OMuvbhWjRPxIMniDMe5FxGNxt5Lewv+uM9X3cbkkF8IJ4PU398G
gd1qj7LHxW/MMcKTdalE2shC7jzfHOylnuWORdhz4eLenmMAKMIP0Gcx5Vo/OcrjSRMy1DU0
0VU2zw/hkSmTu1f0kqO73L+ZYhfjE4rm4ICJ4fCx/MbjECpdkQ6E1rLoLoquuiy/Lc7pcwy6
py3MerzRWanraSoULLGxQhkN1V1dCGVkBjGJxUW95Y1Rq+s1a9AtZfQ5f12TwnT5T1OWwdxSZ
dEzb3WNSSXzn8TyOWeRuWPS3ZkL/AJVBoniNt1/4C4xFyK1L5Fkma6wzSLKdKZdm2f5IEzGK
iy+mkq3g3G7MFUERAnqx2j1weFyF3t4IYEPYq2Tzd12q630X2fyxi8tFPUtnOZrxcA0dGH2k
/wB+RffA5fe+SlrrrFM6uj7KKCYUuVf9qmt6ud1hhUwUeURVkrEKqRwqJpvExAC/UTjsc2UV
FlvESu7WGptA/DZoJezOn7NNPah1vqRkKbMe0Gnr9Q1dVR5dPE5koqCvo2UzvGrb5IgvJd8nd
dbHI+bAcNn1S447sxY4v9P7qo9S/EXrrP8nmyTlCzy/RunJ3O7I9F5bHkdM6+jtDaWQezyNf
zwt83Ft7RHhFvBzIUdIE7qPrjFuT1Jt54JnSjArlmNHGwEsFKXurwbYkl2ZGNDowoz7IaW
t06y1DndHVxSuE2SKfy+RFsZEUk44JijqNnR/BfR9GdgqjTOi4K7Q5XPtGQSe3A293q2CFqv
LairGgzKnmp5woISQW00/m58sX45RIG6MsWXja/R1VQzamqjcd34PsfDr5I30Rq45Nk9ZTO
jSSUEclXS+hAWzIT5WJv74x9J6P1swye9gZr6p2A7Z/4fo2ejkG54WKUPtF/i+P6IAGp6us
qnmtNWVErtJII0ZmZmN7kDpcnGzjHENu518nCKs0hUSSWIIT4vg2L4u/wDKsHI+ytjWRY6n
kUyqy3ykBJa/pIw+kDztjCq9OZS1Pzf9I9i7OeiWtXBJpg2wwZ9WO/H85cm64KI17V5a2YQZ
Zp6KnjoMtD+KHpLK1txLdTaluuLui45tWU0xbS+i8p6Q6zRPrGANOTGLQQY8O5zLft54bsUH
PCySixbpm/wDA41GdfO3BLwsvcoJd1g5/W/TnE4rl5HZX13FuoLWvY83scc65KvYUI5K3uOL
+fH8cRep7qOOZDIPxnvxxy7PY8mzvK5Uel77aUZCDu3AkEj8vGLMQfm2rKrZbcpDizov7RKC
i0tpfJqaVe/1XXQllR96AqNzhefp3eIHy3YKW2McvN0igOSWYRLuMqqzn1q7IalKfO4GpJ5
YUmVeGujC4YWPX1GKphataKUZbiFwj8O3bPJ2Oa1gqKmSSXTuaMtPnNM0dqXssyjoHjJv7rc
Y625WoJSlwX0WlsTHJE6vE6B45EsUZCLhgfQg3GFYLBxy3JjqXI6HVWnswyj04mly3NKZ6e
oA4Oxha6+4NiD6rjme0sqCQBkG0ua+feW9n1foztY10xnisZMuqbGQrxPExBjLX1DIP43x6H
Rx3lcvFaTiKc6NDvarmjSa/zmoR7qISyky9AoUC2K1fIVxF4oqKPKPkiL4fEaDIO0mviPjgy
SONjv0DySH18+P1w3RQ5ZC8IOkXzRob7oV+fSQVAKKJ1b6bMAAGJ9zh3HMVYRwxqYkDU1A7Q
yxxd5Iwhd03KGJsCw8xfFjG0cqrckRkHbZ50mWmpJIUuqBXDFvHk2virUEY2sG7BNEbmxRTTV
U2W5kctrkV5KZ4trbrCSGNXO7n1Bwx3uG0kw47hyony3OVhSBK3alW9tkI8TXsD5D0POKbhc
SypLizdFK51qKkoqF3qT3c0i2VDyfvbDHjv4dyTBARFIQVTUNbqbMXkyCgklTYIjUTDaire5
ux45w4GLiWrHT2jmU3S9kLDSIc4rJLpc93SoAgPn4m5J/TDLBT1DV/Z5AnefhVRNuMojgSq
jG6YkeLaV5AHmxwFmZTgkazSubZ7p7LcizBMvGVUc7NS93UBGlcAhrsOWtc46RiljGMtzLow
GIIId6f6e7K6GgfLzUSwXPWFIDSIc7ApLMXB0A8scEQhwo3MiRhk2mKDuKJ6Oijp4ZZTO7SN
ukdAbxrc88mxNsMZBIUvQUEX9YjfvJXp5lleaRerc3H2GDZc6kVtEoXoAxLceZ6nEqFjMtC
ZbqY97mVESksCBRICUZr9FJBHQfwxz2qOFJ5IU5T2faYApI46eOSoLRwqoDSMoIHuStiHe1S
DLkTVmfDO82l7rmOOR3JHm7Ndv0HQYwamXWF4LXp47Y/FD8sw39bbept/LFYU4kk029/F9KC

445ticEvWCS33DYNr5Dr1wVyiy5KwlYlcsL3YWI8j7j3x2Nygccq0VjvkB8hcew9sC6YvQkK4
b+6SR7HEKWZKbgenXdYj18scmCvSLYkNwUPI/wDnAXKXBaGQAm/68dCf88GKU2on0Tk2WZr
XVdVq013+zenKJq/No6CQRVNWu9Y4aSGQgIN5pXVO8IOxd7dQMGP5kDvdwqT1R21an1FkX4D
IL0mjtJRvaPTGIUahordP2zKe9qnt1ed3LdbDAO93F9/BcGXh2fX5oNpoUh7uGjgu9RIsUUF
NCWaZ2NIRFUXZmPRLnEsidrVfUOVxfCZSQZjny0tR26ZpR78oyl9s8Wg6WVSBW1Q5V8xkQ2
ii6Rhtze8uX+mPxf9m/d00AlmLh5N+7+H35ULNU8sjySTTyuu8s09Q5keaV2JaR2JJZ2Ykl
j1OBRs9y3EN9hc2Ufvb0+2JZQ5rWGMvO5ZN6AEc8XPtghQuZJ8xYvGp2lPR+vToMcuutUrp7
VU2lZzkemWro6zaZYixVuOjKR0Nv44z6+iGpEc2Dtu/uvZ9ke102gpJR1TSwyYXDjg+zmL8n
Vg1a5RrbJJUNTSsVjDQVDuqTU7AXCsDY2HQ+Rx5uMaihqLrX8uTr7tXHoPtdofV60H2ZSd2E
436Fj8nw2Oq2ostq4ZM1pqiBop3y11U/kILJd1YcFbc3Hlj0Us8ZashLZc37r4bozRFdBJXU
8gYHqCZvd2kOzi3OOG3FuSMaLNN6jY2BKTMI5qjut0ktKd0tSxHnbhR6X6YxJI66ukliDBv
Hcy+taP0j2V7JaPEYaljkWzOG05H+gt0x3IW1P2hVue0r01BH+F0W/xRROS8t/3m/wCWNWk0
VHEWslM/081857Uekau0rD6rSjqIObM+Yv6i6eDIY45H5bWAHT7fbGqvmYRcXcbugXpz98cu
WEH7O7BuD/AX/wAscK5xylSbUPPiLdcSOZAb2pTfvLi5A8v8sc66M1M6M01HrLNRlklfS5
dm8LvC86MyyMPyceZwyMLiVSoqCiG63FWVpjs/moKCoynXIho6LJsyjzOOpl3hmi2lXVW8gS
FuMOALfxOSpyVdxXQ7XJsEca6zOp1Zn2Z6hggqnywzrBDOUIRUUWVSegJtcDFc3uuJX6YBgE
Y+ag0cLFHzffe/vcWoeq2u+fhC7TW112axZJXyNJmuj7U695qVuYXJPWwuh/w4437y16aS
4beaviJCsM6npGwCEfuE8fa3TAu9ysNwquu07syh1NWZZqGhivnOQBgCBdqimNyOZ9Sp8S/q
MX9F1IwVGbc6x9OURVNPdHxt+rLgLVIG+bahzdBkVkkVMkrjce4g2v584s1MRSXW9VjUhiN
tysTQtFLpHsKzyvrE7ip1LnSoi7eRFTL4v0LYuUQaqnzdvWqzGSoy7sPqgzIlytJW1crzCV+
AVNwBa54PBtiYMokRIJHzCK13VUpaDeWJrZXbbuHC3IPPFxhuOUUD8RKL00kuZfOVFS8yJJ
KCndte587+/TEQtdc/ihmcrtbwRjrIRmTLs0KNEI5lqgLeItGRf+PBH/ABYh2zXK5xKPonqa
Oqp2yqKSrzXMDUVPdx3JjWV/CjW6bVH6YB4hIeHakSR35S3I3yLs8/rPzmrZfxCtPjP7/s4m
t0Y/m/TjDGyRTGDujsRtTDYscEce8Ito4okso9gAOMMZryQmYxihPXWuqfR0Ma5mizzPdu6j
fwxRg23MwBtc8D1wc8sMAjzxSoIqipuIccBbF8Gxwbx/INsh1RBqaR6RqaooKkUzSAuykFDw
SpFiCcJp5Yaq4Y+Su1tHVao1ZVA7JGyH3brfC7YKdl0/HU941NjvqYKMUKZ28UqFQSFHkzC3
vjnZLYsqfwwFBDl8QSM3lNPFfitwoU7jf08Njg8BXOdqeiFRFGdkalOU9rdAf0xyBYVTsdtTr
z97+fGOXKGzFwESZBIWzKsWWWIA9xD4m3jpe3QDzvgLxFSzXJ5kOeap17AKbsz0xXTom6Soz
WuXuaalWO6RnIsAB6E445LRu3IgyfNa640Bpjs80DSa+7XNQx65ps+ppqfIKfJ4mFA1Q8DtC
Xa4Zoyw/LtAK+LGFuTj5q7BT5s3JcTxq2xt/wBYChz5nGUtC1b1EZMQtyE6keWOUQuFy0eL
dz4bkfp+uDuVZgTcIwMXF18z6HHCiNOlu11YwUQL+t8cS5muSjqztfqdh6ni2AuT2C1Jwoe
C3Hh5Pp/7Y4IIASUSKRrlB4r9P16jEYpjh3hWyja5U9SvJ9D54FD/UkZboxuNt72PphgJEvE
ijQepMtyf8cyv9JXVeQ6oy1KOUfL3UVVG8cqzU1XCHsrthKvjYgSIzi4Njg+7alC2ZTqaS
7KaWj+YrO1TUmZ1B5/D8q7P5YZPsZaioEYP2JGOy+KNv6lM5B21ZL2WwyS9g2lKjK9SyK0L6
y1VUxZlmcCNYEUUCKKakJFwXAd/fHY+7s+q5nHz+iqvMK+or62orexqKirra2Z56urqZmmlq
JWN2kd2uzMT1Jwu1Mc8y1piHisw62JJ9jjmtXY3Csy1Dt4/Q2498S67FKvU713L1C8egA+2C
U2rVqnv5IN/UKBc+eBxXWrQOV5YtYnyb8+2Id7kwbUojK3e7trgc2P8AnfEYonYS4IKZPWS
J85j3zBY6E7V707RudQQF8rj0xUqYx1kWXbj+zr02gquoHR+kIxN7GhfZjsbEhbYh9PUC3t6
gYuLyyyyMbsnJ8745rUuRiW7W3OsTsdwAF+B9hiGXPakXJde7PiHHP29sGzIDSM7MUXabnpY
DqMCj7qW2XQqR6ffjHLma4Us1N4QL2ABO4HELYqXDupKBHaaIQhhl7hY9vB3k2Fj5c4YzXKtw
q16Z9UVINnmi9VryT1UuVpNRmZtzM6spFmHDLx16i1sNa4royVJ/Vxsql+u1I9ptSuTacyzR
WQo1Q1HTrXZq0Q3WIF7t6cncT6WxNRbbaPJDRtrJCqJOexlWrPsMZJsALnxcDFalbc6C7KtZ
VHYJNoyqmVkfOKpqzP4eA5o5FCJG1/ML48aslNq6UYy3vt/hUYKy2sKYdzp5XeVXKsKvLSu
rxSWYOG8LIwBDfrcEYx1613HurK06PwPGlm58redsDhmRjauOu33sck7Pttyahyin/8Ayf1C
zmNQtxS1bG7wEfut9Sk+4xs6Olvy815PS9JqCuHc/wCiG+2NHybS+mtMR/29HQd5Ugn+zeRt
zbcAc41KhrRtFYsD3ERKv1oGpdNz07SK8nCMTC7MBxbz54wiQLYSFPjf2wks5tXhKOU+W2
mOScU0Q2n6YwAxv98DreLzUvHw9cE7y2n+Qoo4YWksBuJU3JJ55464vXgIjgqhPc+KIsr07n
WtZYpKstR5ch3FpB1J58Knlj7njFSz3lBx91WV12T0WnKV4MrhWN2/tJT4pJbcDex/yxOC4u
FOoZBM5U7ip9L9B/rjnXFITzMKmWOFvkKasnk2EQQSTCMSvt6cevqcXGa0cu1InOd5eCqyr0
fqrO46yXOcry+Ns0HdStU1IKrGQQsaqL8AYxKvRBVkwSSE+X7xXtNB9r5NB0NTS08Qr9hET
Yvb7rcvHzUvpXStLoahDSSyVFXOY4GIN7AFrBFvze/meTjbijGAV4uSSSpIRRZ4stqS3STN8
3va9rJsIW9vIBL4rcPxWhak6CskzLLY5qCCOAYTOIKXF9sYr3lvUgE2xIP3lzsorWfaFTaT
QQx93PXRXXzK9kgU+bkdW/ujAHIIIWjIk80voOo1dIOVZ32xa7ynQeltQo0uUCWsjjzJF5Z
o0B2oovyzm/tis9RH3iTmp5FCf8Abj2K9m1fVv2faIqNb13zMy5ic/qHD0ioCqvESDG5dvF
exG33xTest4RVhqQe8SHqT4ou2btWzGi0vp7OKGgqZamrnpH0yUo+X7iQtTysAVaYg1ri9
7c4r6yQ+8nM0cfCKrTMO1OXN+wTJOz6fvnTINQyZlQu63WomkhlaO5PBEPJA9Gws5LhEeiaw

cRKu0JZH+nqLm/J9sLyplq2la28Nx6H39McKW6dUyQkWrZGjldDtdYxJZv7wuDb7c453U4ZU
0mRe4vG123kWIUvkl1/9McoZlIX23YcD/rzwTugtZLyuSD+o98KT1vHPJDsNM7Rtbya1/vg0
u61ZS6DrfxXHW36YBNxWiSHxt5btvPrG0N1qyjLULtb6k8x5++OFAb3itU/t7EKfDxg1XZyF
Js/D92WP/P7465H3kq0oVDt8+p5vfHWoXLMILB0UeHgcHnm+OTkk7GOyRdCww72wFynBKove
gm3F+vrijwLzqVD+lugwCZ3lKaNpabMdr0ILWtHHfIrAl5DG17cFGH5z5A9cVq+WQKcij3/f
6L0vY7RtHpDTAUtZhqzxZ8Xt8rX9/wB3ruRjnvZEdpm01OtmlO6mmewiAXgBupN+LH97GPTa
fy21A/F19Q0/6GyKTXaHl2Y7QJ+FsORb328n6oBaKoy6pdaiKSnlI7Hu5Fsw9yDjfA4zHLtZ
fGJaeoo5tXMDxm3J22/J+X1UzS1cVZk+dl6eGCoShBaSHwpIu9fqXoGv5jFOWMgkizbMefk/
Nem0fWx1Wj9IkUTDjQdrjsYmvHeO5i8Wwx5ocp6aaaSMQRSSA2+1GalzYXt6nGgZiPES8fFT
TSIbCLl5Njv3fqj/ACHsumljmm1LK1B3cy7YU2lmUdbt0F/K2MCp00IbCOK+waA9EdRNGU2
mJNTg7ZWwxceeL8seSfavyTKtI6alobBFgra9UeNplEs1RHeG9/yJ0wuhnqKmqGSTazfJv5d
X+2OitBaA7OyUdHlmmfY5NcZsz7dvcHx/IVq20sAp4C8Y9CvhNqzTU3zMiIJI4g25jJ9Koo
uzf6D3wYqJMq94Zd7xx92hRRtYljceZPvicUvC5KNMGT08PPrbEWphHaKRS7gbSsfuG3WC+
/GJxSFcmju0Kj1VW5UM9EIPqfL0kp6GpiS6VQdCCrDoDcBvS+LccgyFm3rKqKQohLV8D72Q7
qfvT6TkoMxl+Y1bqu0+dTO13gpr3WO48yRz/wAsKk9mNvN96s0/tZLu4O5J9IGj48+zKXOs
9CpkWROHn3f/AJzMOUhX15sT7YtaOphMtZub9XR6QqCjHVjvf8ARuqkNf5w2dZka2rfvJqi
pfcvO2MAABRF0HW2L1Wd2bxVKALR8F2B8K/aP/t12bDKK+TfmulilNKXN2lpjfuZOetgNh/w
4xKkLsuXrNGT6203myvKns8rsRZ0W1y3qOpxWJal8SYZrlVHn+XmgzinWooZXUuj+TK1cX6
EEXBwUUhRkMg70ioiGeMo5Oa4L7dcrzej7VK3KdSD+tyVHzG9Pomgb+zdSeq7Ft9743teM5D
buXjjpipCIS5KIpaX8SoIBP3ieNjNpa72XkA36dAti0wXxiq7nZIVu1RWYUEUWZQZbTG6I7T
TOSeS3ia9/QdcV2AQLVppyEQ3JhPNV6gleTL5IKejhYpE0xIMvqft0wwhknfJubYICAC2B71
0ojiGhRkcbLDkoQCR63weCYKbPUK+woWvIt/p5PuMSuuWmX5rBDURL85JesZo4EphuMphLBT
5gebYOOQR4kqWli4VJUecQPSvUrLGYoldXqC5NgDZm3Hr+7ccYa0l5Kv6uSaZjnce/vJ0md
E2sYUjI7tWfo4wOTvbgBf1PGBKe3hFM9Xu4k3p8trJqygWt7uRKOR6ifb4h80TZY19o1vc/v
YW7kRXEnAwiNoinlZSsqlqgkIXURJIsUYksGZxYi56Cwtu8hgUaYJmbaapO5Jarlp6GSqcx2
VIbCyRoLHw34Hn4Scc7qWZcv62zeor87eKeRisbbufqkblmPr14xjVchFJb0WhAwiPDvUDJ
I86RwyPJFFu7iORy6xsx52qbgEnrtHJXWxtTnMS4IZ2kvht1bnWncu1NnFRkek9OZo8ixV+
f1XyzRoqkiTubd46Mw2rtBptbDggkJdrBFWfoCu0T2N1UIT2bUmca41nX5FLlIRmVYBB18Ek
4IilpogDKRtOwXtclFzxbCny5earvUD3tuCA8h7DaWjECZ3Vr34i3d2bOxUcFto8IA/XDI6O
MeLalyVUheCrvXUVPDmvdUu1I4klIQ7ArFd3hJA4vYYpVttwq5RtcJXIWeMvf6dqdeMVBtixn
kJAVvJbfxwLoWci4lsjII08uLlvS46WxCYlik41VLNIWMZbxbLXsOtjgxVc2WyBnd7cDjw9c
AnJQbdn2+3XzxGKkbVID+wO3x3P8McmLDgqlt6+e4j3wTICWtOjAnceQCP0xJJTDmXnXYA35
rdMcKk2tTfZuikVTa7fw+2O7qh7SjBipkQFuSjWxzOgcLu6nC7uebAN5+2ORuyTeNhZnFgRe
46HHZUy3KIILWoFvsu9gPQnAKFrKWVysObfre2DUZrl6B5Ynjlifuf3RgwZOCCOQfuDiHa7i3
J8chBIMg7HZ8Wfo6sPT3aYIoKeHUMc25LJ85C93kJPLSA8Hj0x5+s0Pdmh+X8L7T2a9KggMc
OIALZg2sF8z+Js+9E2YQaY1txV5hQyzQFWWeKYRvtH5W6XGM6L16j4Rfby3sveaVj7IdqhH1
ipjIx23iVpYdHx5fTegGmyOSmm1BS0c8t0LrBOJFKSKJFO7cDYWXrjekqbixkLY+LYt8HXx
mk0BNSTaTpYyYgeMmAmJrXZjF8ceWDb0WaXzvTOnjFHHmtLJNL4qufu2/ata3gFugHAXk1t
PXVM2ss2cmX0rsnpzsjDRPqY1guZbZCWLM/5dm5tzL2Z9p+XUsQTKaeozGQhlEstkRflcEX
4x00HjPxCtS9LelVQ9MRDQxFOWHEWUWfyfbgq6rM1rM6nklzKokqZbbVYjwrfyUDGD2x6OC
njiG2McGXwjS+m9IaVm11dK5n48vBm5MmCRSLsBHNjzbrhrssljtFLfKumWyTk92I2C7T1kF
rtYHqBxgmdKkddU5J8KIFJ2P01Vnxk/2lr8uSoopA5CUocb40C9CLsNxPXdjQ9XG23mstq2Q
ZLh3LIWpppaGokpq6NoZ6d3jlb6lcGzA/Y4z3da/FmTdEHdRXNvFZzxe1+f5Y65CSt+m0TT
6e1/pbOtPBpchzSdDEG8XcvtN1LE8gxA/fFmyyQSHc6zfWClp5Y5ONmQ5mOla3P44M1ziom
fPdVZqIMsgKgGWMMQ8rKeQqqBtAxwQEZCPMnTAqBDKI7Bb7ZWNnwpjsjyyHJCtPIGTR2Us3/
Alici7zyevPA/XHoGtDKOxh3fys9nIyuLa5feCCdsU/zNLHJTSxySQ+NwfqkFuSt/bnFaoES
HKrET+8KPPhr1R/sH2ix11Vlpy2tjSjrCrXQpIQVY/4Wsf44p6jWwl15K7TveoqBItz7HXfj
2h3te/or0It7Yw17DBaxoZYjHG+wyKdrlQSGt59OPXBqHa5AHa72UUnafk9PHMIabUGUbilt
cVsoLfvGx6mNv/SecWasfUSXclQr6P1uG3muPM2y+pyTNkyhzeKSjq6Cvo6qFuDGVPiP6Hz
GPTAYkNw714o4yktldqBlhlzfNZoKd2HzPinceFYzyQPvwMUQDWSF05qwZDGK0z2YCrEEeh
gSnWwjQcL7DBYc5laG5tiQMQE2J710HFm9NNLJ18R7+pgiSSWMAIld3072/fPUL6Yaxj8IY
JiSGY00U9HI1ZosFJH46hydmsRxtJ6hfUdk9MSX51wryUNHib0k7RveZwpDG3d7HWmXloYVI
8Bbzb+9iLb13D8F6R6c/gi0xp6ta2otFTwm0bd3fxE8/solHC/mfrjntuFRgWZO6mp/BJK/N
cwpd1MqQUFHdyuznq1v/ADWY+f0ouJxtzff31Ur2YO+YyvlH/3fQUdmzaojNttxuNPGw/M3
VmHqE5x5Dvd5Kgy8O/wC/tl52+fyd5c0X5OmdWWJOGEAybVb3awuB5cYN3uXN+ValZpqiqrI
HS37FI6puBwynanPasvOaa3MpVDaz7NKikr++/aGIqO6qY0MkcyflLedGtIxSmpLyuVuOe3K

n/Z3oDPMkzqz3Io5oK/L5O8pKuohVUhdJFVwbkeRtxiYqO3NzQSVF3Cj3MspnznOIs27QM
5zDUeY184jjaWznVXIIt1uFAHNgBiy0YikuchJabNaShoa+gpxHTKXSCnjpeAfoDI+4fwHOG
WEaF5BBQ9bq6nir82zCNYKKipgrxByzz7TaOAN/ec7iB+7gZDjiEi3qWjkMhG3Bc+51mk+a
5pU1IYVeadyzEfSPQAegx56SQjK4ltgFo2pujhEiI6IRY3/liGQO9qSdr7UUCnkk/bpjnRCs
lQyBbcoPX/UYIUDtdlXoVpc7j5W4x3dUMxCtr7S+wbmte3+mORYLUfSN4ueoHOA/pTMPeS1P
KAm09XJ+/wDLHEiB1s5UH3n/HHLnWih12ixFzz5j0xDLsFhvEQOvhJ+2OZC7JvGvgc2u26w
XocFigdktT22MNI7kfluf0tiETMpTO8krcjmnFNm1LJR1ARX7mS24IwurED1GJNiArSUxmMke
sjLYo+eIvCgtcDz8v0xGGZDiVqSkXbGiN1IH3xyJZawV3d12jgeLnkYjvJmFsZERbGSITQzU
03czxtHNHYtGeOCLj+IOBCQSG4U6oo5oJChkHA9mzzbFvmy8iO8PA5PUdeME6rgxCt44mUvu
jt7vawPnjmUmwqUyS+zM490e18onQAc2Xwt5WuOMVKzUf+Zl6HswOasjHvU8n6YP+yhgUtGG
DG3Iu1vfyvi5315snJKiYpKAscdr3ttuf4m+OuRO2VaTSvd2eRrI1zzYXHNyMdcip/SZK0tB
V51XB0qaLwQm201E7dEUHyHLEjFc6j2wwx73/Ruv8LdpNBSHo+fSVRiMI5R5XyPuFvBuIn6J
hKpNGd/J2N+b2xba1efwIV9RsyqY30xkEaUXzKpp+hbu97A3eFQGFuSQQDbGpdmX11xX8UPZ
62U5smqqCNRRZrKsOYqgF46kLZX+zgc/3lxQqY813VbGj5749XzZUjlaU8mZUSZII0VHLUis
8iWvGhYBiPsMKjtuESV2S60rd6uPT1Nm2hc+n0w4XNcnEb5llktiSwVTtC+Q3MwUj9R1xYC4
CtWVO8M8eu3PudTOjtEZvU9oRz/VVWuaZrlGXfMT0NJCxWikYEQxi3AAF+PPri9QxjrikItz
fqkS1A+r6uMcGd/n1dQ2bVNTRzVZrafY+x5ZYqhCrbiSQSdbjm2LxyWiSiMLvmgdK11gqGnj
aNahAYzKLudzchWv0AHixmA5Zv3WpPwiKJ8hphQ5IZJk8cis5Xm/PAH3tjQj9nCs480lq7J+
GbtKm172dRQ5u7HNNPuKKplkN++QLeNyet9vhp8AhxgVUVpawdz/AFXrtGVN8er5j9FcNOjb
0+oXP/wbYqrSSciN8xc+AlrG/wCYdAR6Y5Q7qk/iX7I59Zaer9QaSpml1FRU4FTTtizV1MvW
w85FXp6jj0xepKywdWW5/wBFkaT0fry1w72/Vci5VRHL9PiZYrvUqZZDzcJ5A9CLDGyDauFe
YN7pE2ybJ4cwSaaqmk7xnsV67fO3P3/ngBjEmxuUmUovgG5XtkOSQZXI0dHQBkhDb5ZpH3PM
5+qR2PLOT64cw5UZL1dlqV1VTtO96Sibvlgf6ZJRwJH9Qo5A9efLHWXFcS7hSf4VJXvmdStS
qVffTCnoXVixpaYkFpB/fc3+3GIcL13CnRqTQPldk9AssOUUy0lMgAvLMQLRkF3Vfix9cTjd
wiustSOUZCaTm06mtn+amiDLF6GWQ3lmp5m+gfurxjmBRinq5v831081BTlJG9S0NEDwKh9
23vD/dLX59FwTOudrVs6HOaW/efsI6lCWBBE6R5LkegZhx7Y7iXYW5VH57kks9JV00QUNnls
oIPSyNYN69EGAdu6pbiWNQ0E6ZVFQ0gVlaieCLbwG7pWDu1vQKoXEPxCjFDuoNTwUc2aST1H
fy1j2PdSgJBEq2UFjwCeSbYa0RW3EkvJmyoOzLUdXUUtPB3kdNTRqAoXjatrHxHxEnoMMwEL
Uq8pOFQs+dLTRXQMqd4kSRrwr8rO1gt/y+ZOKFBX2QkQ7NnxWrorRmvqooyHFnlW89rbEP9oN
XJE9XQTJULi1iinVuE7lVuWxyJMjXJx5ukrBqaULS6fd73r3PbHQVRorTVTHIDSLk9r+83LD
ybZ4IDYnvtv6eWLDLyR3Ctwqv5dOTjsV1tyxsO8Mo422tgIzraMLcKpUs5sVtawtwb++BxXA
lJbJGUsOYH6vM38jiBTCSKWa/rxfHImBahQ72U8hbmy8AY5B3ltsNka/IYHjHO6Nh91Ksrf
dax5sTjkDtcSyikb9ouH69P44jFMdityrKJ0YdD1+4GJJLbKzkXqQeA1/e+OUGyldOvDDnGX
tXf2QrIwF7BgTg43G4bkEjFqyt6It7Ts4h1JrbNa6gk7yliZKaNYhHeFFsQD69f0wycrpCve
hiKCIES3oPZHJAYAXNythb9cJdW13K5JzRLwHlhRdwseWI468Yi5P8A9qTlSyPsO8c/1Av9
/TAs6kwK3kre0y2SasyfuaiK9RFTJT1DVCr311XwyKR1AB4Nvvjytb6xSzXDuxxpb5L9I9k/
8B7S6J1NQPtBBgO7Bi2NsIXbfbyflzQpmnZvm1C8bZe/4pFMSqdwLNEo5XdewsR5+uNODTMM
n4mV1890z6KtMURCVH7cCd+HePS7HZt69U11tLNQVUtPXwyU9SLboZBZlvyLj3GNWOSMxuEs
WXzmvaoajmKnqgcDbeL79qmdG0yTZkVmlVe9o6qNltcqBETu98VtIvbDd4t9V6LsRHrdMast
jFHM3/yOoOfvnJ4o6GJvp2xQopZ2HqfVj1OLONokREvOWesyRx0sfgLNtJ/F+pPv+iMMh7NK
/N+7lzM/htJsDiTwl2BvYBT0Pn4sZdTpiGPLHmNfReznu0ppC2au9hA7XY7y8sOT89vJGGV
6HyLlaWeap+aEHjlr6weFQObqvIsPtjHm0jVVJWiWHgy+qaK7B9ntC0pVE0d9uYpZG2Nh7o
/wBkCa01EdRZ2WgnaSgpl20i93sAuLMbepPn6Y3tG0fq0ObjfevjPbztR/j2k7oTupw2A2Fv
m+HV+vRRuQ5JPqTosuyimiHeVGZ1iU0a+pZgOP0xrRtcQivnsuWmiX1IkTvMqytsvP4fNGi0F
PVMp3QJEq2ZgLkdP/UMafeJeWH8qrjWuhotYaGzHLc0yeb5WSb5TMatHu8jyEGIKp6MpswIw
BgJZUyKTVlcK4uzTsXrtH9p0WkNcyZcKjetDXCEfahgPCCDwCTwy9R+uKTRe01ZLYOr9jrI
xx6snjZjn+htG5tFmVXJHVZXXR5dlkw5aNPwPeSGIkXK1Qtr9N2CxIRzKuYQzzDbudsX/ALrr
zsz7O5Oy7sZok1CvzGd6hf8AEM9L1NqkVkgwI4N2ZlorXU/mbFtgty/eKoSyXkRev2VZ/EV
US53TuedVCXzEyCB5KWnUXQL4RtHFgRfDwe0StxUwMny57rJ2zOoo6JAw+le6Mdtrk2bbcRP
64K++0VdMNXCsp6jZIsnk12iNAV2DqFAtfDjqB4RWfHJmRr2BZzUaPyhM3YskX4INLmCr/v
KaJLuAp6kkC3viNRraW0urq7BUiBVawd3Rdk5JnNLnFBI+Y5VItRS1sKywyobgoRcfw6EY85
JGQlaS9zHIJiJDuTiTldxFgehPUnrximuSSZ2Qufz8c+nn1xC5c9fER2CT5lltbqHs4pu8qd
+2zPKolsZgLLpIVHVvNk8+o5xoQVhW6slgV+ix1muhHzb+FyxDM75HRwQxJ307r3k522Kk9F
ItwQPXF85QiYRPFgvPIGZPiG5dEliTIFmdYkiTeyHrt/ePpz64timYehipqzX0W1P2b5/U7F
k5AjpVFyx9PACT678RguUppiZq+CrrKbbG9aw+Xv/u4V8EJt7jxWxzZvipdbxvNHmlPIWUHu
6TLID5jV2uS55ES+sjHxM35V46nEg3yUF+ZLTPVYVsk8ny8IYpp4Aps0cI81ufqPLG3THWf

qoxTqsgEeVpDl3d0gp6cxwORdaZQtt1vZeccSlndUdQQmvyrKEijkpZZopNpNm7pASm73YhS
RjnzLh7ybak7QIMqTLEy0x1E9TOzTqF3GKfB7jzwCSAowTRlcKB5uJV/nmqsx1JWO1CjPUy2
pKemhubEm+0n83PJ/wANsNdh7u9Ka4uItiH83oKamp0ozW088dPKEIEQabvagC5jsOGKgFms
dq+eK0tRGOW5WYqaQizKBq9R0T0wqsoEkfztYIHQVVYwZ9ot31UVHhQAHAq888+WKEIXcOXZ
j94rQioxHi/skqzMaXUGqMqgot0FPPmryHZztRWCrcnkqkYk/v4ytIy/wCXklejr1fZim1+
mqOEiwZzH64r3a5N32Y5Xd7tsmtHbgLu4b9cYgGyn02L6h6ZZBkqKMrtuB7PC7f+yAp023s
iki3Plx0x6BfE8BwStpBx4NgvjkGFqz3fjABuNtx5XxLrmBaw3E1246dffELmZer0dCfA0g+
rcGuLHob+mDbMlytavIge0ffhu+1Sd3hF7C5t5C/OAccyMHuFaMny7yIw37GKgioSDa4xxKY2
zJam2u43mwItc9B7nAJ7LdyxuqjhH4bpfHYCod1sWa/A4cE3A6e/GJdkOK8RtQK4UA+R6/e2
JwQu4pnMgRN3hcubGy9PvfBDalSXCjPRNbpuqoDl2ppJoMx7wSZfmMKFmLhZHAPlawPTDg1
fDbtVKeOouujLzZzO9X6xpcyigybtI2X5VSOzv3lhLUT87nYjyB6c84GSUSG0dyZTUhARSS
Fi6C66Uo9rcJaxPX+eFWq3datdgeEPeM3axA+pfuPLHWo8VilB5A9vp4vbAlmT/IM/rNPVvz
GWld1tjq6A7kuCVuel7dRhNXTR1MdpLe7Pdoa7QtZ61Rk2O58WxxHfh4Y+CslT3aXldMkGc
U7ZdM5O6eNyYwSSR4uoFvXHnanQ9QA3Rld4c19t0F6U9D1Mgw6Qi1Bv3mfL89/xfZip/NMhy
zU80EtYIPmKU77keOUKzXH0MV+oW5tijFUVFMJW4jivaaT0HoXT8kRVfs9u0cCZifZufDibB
BmT6Krcq1zsenm/DiJ+5n2XGxkYBWyDzbnGzPpCGWh4s+z6r5VojsJpDRnbAR1T+rvfaW/K
4Fgxe6/LbvUdoN8t01VSZnqKpjiqoB3dLTC8qg9X2jpcdPbD9JtNUiMMI7Ob8vJY3o+LQ+g
JpNlaWlYzBygGDubfnw5YtsbwRDmHavl0XeNldLWVvk9/C89o06+1yP4YoQaDm/1CZmXtNK+1
3RYiXqsByyenLKP8oM1PrfM9QVMnzM7QU7qo+VhciPjqSOPJ98bFH06Gm4RxfzXyrtN260x
p2QtdJZG7YasXe349cVGJyI9wUHxHeLgtfyPkLYurxo8Ku34cspylLfn9YZ9Wwvm2U08OSZY
U3hquj7989vpXkIv96/pgamvho47iLO7PatrQPZDSnaOsGGIH2IkGsLoJP057GFHDwXYmntR
ZBTaeyDLsz1TG+b5jQBqWnX9rU1RszySCEXbqWuzBb8e2NCjkEoYxux2N8V5vtVSIFpyuHVN
EwyE1rbhbHY3y6IT1PrnJsnzirSqk1ZLO+2pR6ajiVJ3vZQqlxY+hP2xZe4V54Au7y5P7e+2
WDtFrcemymIzSnp8uq3qJqnNAEqjP0sVBOy3mepPtikcty14KSziLeulewfsghzLTOm9X9qe
dRneoMup3rstyypUdzSyN/YzVckWaQi3do3QeIjFzV2kPVZLYWIIMe77+/FWPmlJqKozeetX
L40rqKNYMXqkZZe/km4DuW43MdbjphjJWOVAXa3pfNtU02Z0HdQ0GdxughURKkXfxgAR8G3i
BsSD+bAg/eFMB7Szbyfk1LVU2oAM0Oyqopr1AkHKybirIQbWIIIw+Nu9dyVuTMOVWtXzL+F
VGzkmAlBuB3G1umKWNxLKYlST/N4TpPQAoCbPKkVMb/USw72Yj7AKuNq00YRFHG+sK5Fnwi9
osv49mels0lYUeZ3qspVukU44eJb+TKNwA81xjVsBEouFes0NUastSRes6hkDOYN4WyG97+m
MjBekWknxudgux8x0sPbEKX4khX95SpFJGZO7juXWMEkg8XsPTBs1yXl9qrbW3w7aK7Rs3Ob
ZrR1FBXyLaomy6oeD5k+TSKpALDpfzwwZ5BbC5U5dG0s5XGL4+H3vVFjcVBkOY5zURyTrWN
tigX65ox+zjRQfNj5f3sen7v38F5K3MnkMck0tNQ1kdO9S8BeqSE+GEEAbRfmxPh+y4hmUEo
2qkmpqinqMn/AGZzTO4aSO1tgpogQ7D0BCsMRjw+aNmU3mqiE0QkPy8clYXaOLgzStfYgtl/
eP8Ahwf5UCXp6N56+OrqQrrTRmKnXzVmp7RzfzIAUe2JXLUUcMKVsUj9+9bM0IQXewVSBZfZ
QosBhgRXJEk4jwqu8/15VZxTvHkm6kikQqZ72Y2JUFfRbDBgOXKkvxZkLZaiVtKZ0LU8EFOW
M5sW2BrBueLs3S+EmYjHcmgBEVqg871vDkFbnGU5EWirKdVoKap/3ihrmqkDeRP0Dz6nGVUV
dwlGP18FrXUghmLegiXUTw02WRZQfIBQUTwDb1LyE9833INr4oOfu9P+VdBIBBZWMasboLiO
7cAXuQBhfEoYCEKs6JQSAuytHiaW0wbaLgggEgm3oecUtI5aU+Wxex7DCJ9o6MSBza/c31+G
9SnafO0mZ5YjPGQIMzWHUFnN7n9OMUdCAIxn5/svX+luokkrqWO5tgO+HR3J9/7IPDqoffJ
8LEe+N1fIR/MvO4TY2tfr1wCN3W28MAOpHJ97dMTgoZIMyym6tYn+7iF169P+2hCjybjEsl
yLAQxvb9b47FA4EK9NJdr17Xvfdx98RarF9q2pu7ldBvsf3pDZeOvS5x1q65Lh2EN0VeHtc
883v5461QWVKktJdnNzY/YewxDqWtSL26fmHU/fHMuJNXLSB9462/h9sSk01yOtkf71VutRW
55I2TZ5RSd7DXeJkqhuuqMOR/dtx63xYB4yHNvVOVqoJLo9odOimNZvkmk9LRZJlQo63NK+b
5rMa7hmhBJKxqx+k+VvTrjpbRHVIopGmlm1xYszbm/dVxUoswVrKLXu3J598V1oMwkkCO6I
bjxAffHlxzJXdxIVHJwCJknPKhMSwlt5SzgqAN3923198FguMyJYh/Yy2bg3uffHcS7C0ktR
1klHKXo5JKebcHjeNytvcW9sAYCY2lwqXSVJUkmshJxNtxNsdlLaez6spdUUdQ9XUB6ioRZW
Mx/apuAlJ5GK1TTRyUpR2tudb/Z/tBXU2nqaqKcsSMWJ3J8w44Oz9WTTpq5HUeYQSFrx1M
ovze4Y9SfbDaV7oQLwZZvaOD1bTFVDzaQvqo9nBb9QOeNtWQ5r0o3SWc2UMAX6m3ng2ZBxJW
nvJKEpx17FeALm1+Bf29cQ6bFGUHwIOPkrjyHK6TQGNp66reN6h4r1Ld8dkzrfaqkj97Y8f
VTyV1QMYjs5L9R9ntD0fYvQMtdMTPI7Z3uykTcLD061w+FTNMi01nmsO0TWFZluSRUVOIDSx
tN443nYd5Iqm7MAnHA8zj3NHGMUOYseS/KXaCqLSFYUkcTR3u72jub5/NFWzmj5RqdKiqpp
6fNYqKm+XzK0hcVJjkkJMUgCnixHmcXAYV51wkDiHBcpa71nk2e9oOWV+VZPUZZR5ZUJHXCW
QTS1caSgtdelu7BUKebdcUnkEpLiHbBUFPq47bsV9A9SdtGR0IHTZzo/L5NV5Bm4apTMaHMo
KeIBRzGyudwdQtICOBxi/YUmZYbxWlaW9TgzWh1T2cSajznJqK1zSl+aSlp6xTVVUaC6bTw
pYqLhT5YWbWrmZVrk9Zk2uqGprez7MarMzRQ99VZVWRGOSgQnmQLciRfV159cHIQk3vLn7tS
0xPTdq+cJDJbfUx1VcEiFy7RIxQ+jDzw83EYeJPCQR4uiUp3OZZrQUFHhvknd1e9rdxGOSR

brzxbFSJhOTKqzhaJEXwXu27OPIngpLsjU9Mp9SJJjub9QgAxsVDiAplICEsgqqmngoKIHaC
ojAeKWikPGQbq1x0ItfjHA10eZNFiyrsrsY7WB2k5U9PmG2PUOVovzq9FqkBsJ1X36MPI+xx
gVtHqC8HXr9HaQGrjLjb7xVktOIy7xj1469PL+OM1auC3foHXg7b2F/PEsodk2T8CS1gB6
4PKhwXI9GaL0KkCzOuUVOxr/AEGoVfK/Urf+OPVsdY8K62oGUakzJKR1udj1IUfyuVtFEp6A
KI2P+LHYImXXcK1oM4aTTcdVIINCO/kMOVxOtiULELI3S26zOfbHMZWrrcyfT0BnzWjg6yVe
7y+ncQjgDvHFmkPpZRYf4sTmuyocbRSfzU1XmXy0G5KKgiMjP0M8zg7YwflKbc+7DFiMSuzK
pLUZcqrVNs+niWfLoZYyaiZ5swqL/wDfOT/Zrf8AloAX3wYOQoMED5jVTtQVcS+BqmqanhA6
rGAazXP64qySFqy8XVkaA9p8E87S5fwnRVCMtqYZKkWeuhgeOJNvcyUy72R78m7MGv00KokTLV
iXj9FfoLdYQ/bqqcylngswqZa9O6qZZmlmW1trNza3vfGQ795aPeTB7LdL8nocCzo0WJpKXN
shp8+y+JY0QIHVU8a7vp4MqKDwCOqn7jGV66MFVqZC8n/ZfQn7JVgk9Ax6aoY8HbETBudvfh
3dnEL89r1FafzaTKM4pMwhZT3T318ihBdfbfJ2p18JRlzXmtAaXk0RpKDSEO2x8fNn2P8A
opDX9XT1mfhqWRZIKpoQHHQ2W5t/HFTRYSBT2kPN16T0iVIPWaa11OVwauPb8Mf3UZlOn6/V
E7wZTAspfJ3dvCkfhG5ugJ8hixUVcdMN0hLz+gOzmktpVBQ0IXO213fYLeb/AEZEFfo6HS2S
SV2oamGWtnh7ujo4muokIsXY+YUenF8UY9IFVzauEdjb38PDzXsNIdiafs9osq7S0rFN1sc
Y7c/Un7zBv2bMUJPDUvdfoHPn/HGw6+ZM9qQLCPY55JXp14OOzIHNO4UjanZ+a5Iv7YjEkwG
G1J8OJGVzxa3S3vjuFLd7kmQVUXKiW5P3x1ym1IrGUYE+bXfVvHXKHbMnkNzH7hcbv8A26Yj
FMdktGSZXUM4RSLedX1wKhkze5ka3154NnQGBXJiG4HKknji4AxIJD5Ue6F0Tk2r6OeCpz3
8Oz1DaGnkVdjl1DC9IR62NxhsUYmPikVdXJAQklYhzRZX5ZlmgsmznPM+joa3NszY02XUZZZ
IVyoDuACR1Ba/kLDriybCA+Lqi0kk8gxjzmqklsFQLut7r54oXLdZlokKbLb2+q9vLEO5Jg
MI+aw0wRircgMLm3+mOwUNIkMLISX5RemJZkszXnbgc3bqT6Y65dmSsO115dQyNwOvXkY5T
cndDXzRnuY5Y03V+5mAZODfg9QePI4W8QyeDrRptKVVNaOwo2fG0trddnR/FnRBrqC6nzO
p6QttmMjHgl1BVV9SfTFTR5/5WMee75L0Xbjl/1BXTDsDETxf8AOLOzN1d/7oTfwoHV/Fe5
9vTF9eKjBUiS1U4hpo2lkc7UjTlix8gB1xDlaNxbGTIIJp5hhhhFyMtzNvd1c+ndHUmknK0Za
SpKn5mqcAMqEAmMeVj5emPGVmkJqks27k37r9W91+xmj9BxlHT7ZsM8j7xZ2bEG5fwhrtO1N
S1kVLleWyRyxxOJJ2ikugIPCEDI463vjT0NSyCRTSffivBelntTS1McWiam2JmzE4liLYbhw
6896BYCJakSPttv6ld1hfyx6Jl8Pd11T8DckEuvNWaecR/LZ3kazrHtsN0UoJ/Uq5xap3LMs
nSbezEISpbZpGXTHaxm+VQ7Qk86zQErZVSRrC48gpHOF2EUlqbTyDqRivvBxx2c9neR6w1jl
WlalyL5Mg0Zak9fRGPsofN5R4hBGgIDB5Pqa/CffG9UHqhGOPksW8iukLeS6A7VNVxVmUZZP
TOsUkE0zQRQJZYmjWNAir0CgswA9ExntcgZc1UXahrXJNRdxlWYUuXz0gkFVVx0EccoW+1Y1
a3UnkYsShIR5RG61N1katzCorq6oaetJeWaV33vLKT4mY+ZPvitJdaqjmSU0BTxtnGalPiSF
IQ0qlbFSW5W/kdoJxb0fFbJd8U+oMiEVXmuM4fVus5I2k7sVsneyIovZSbqpPitRRhrslJJa
rMXs471LwhEAERXai2tbytYYtNdaq+KTP9b5l2f19Bm+mKjuM1pKi8TnlZEHI1w/MjDwkHFa
r/Dt6q3RmQSaweS7W7Pu1nJ+0vLklog1Fmqxqa3Lm5aEkC5RvzJfof448/UU0kHFu6r2FHpG
OpHLv5sjqY7JN2+4CD/lbFa4lfTdGMZO08HkYjEkOC47yLI3o5aCAm9NlcJdXP8A+d1UnLyM
PRbn9Wx6pmXhf6VItkCf9TQSQNG9Y7mqmHDyPI13Yc8Ejj2GocMtlKaczYZtl1XVJFDZb
BJ3VBfq0MY2GT2BIIA9FxAuRZIBZU3rK98yzKqSkfu6MQtU1E9uCGFIW5t9R8R/uri4AWks2
SW4SUPnWqWTR0VZAjU0leriEdWEXN5D71Rf/AIS5ezuUNHmtVbP3s1TRQ00bd5VzDwBfFbb
cL9ySBgccwp7NxLZ0NXpbM6uOPY1BVteyX2qnl9yxxXk08fJojC34oXqtQDO489oZ0jipMwk
ash3/wC5nUXQi3S6gpx+9imT6wTElywsIZOiry5VQW6t1B5598Y62lhIwt93UWP6eeF4orUe
dmmdp1dNlvcB2zKW4kL8EheEKnixHn64x9MUxSx6y7h+8V9Y9Fun46CuLR+rx9YdtuPRuF2
3Yf1UZrPITkmYzy0dPImWTveKU2srkXZCB0APABw3RlXrYxEizssv0g9mi0ZXSVPFE7U5Psf
oWGDh3cNzM63100mbagoaFJljqCaKsVBuESd3cnr7Wx3rWqpzkt3E7fqoPs0Ok9OUujxO
1pYQNYbba1mLv+iNNQ57T6Wya6QXknISGNdmodVADzAWIw6DrjEpKYqqby3+Hgy+u9pdPO
/Z7Ro2jtLARFsGcyYeOXDaw4Nu3uqvzPMKnOayWsrtpIIUBY02oqjgKq+Qx6qngjiHVjuX51
0zpisOrVFWVGF+GGxsGZm5M3Jvqo6pfdF3YRsOZZBtcKwiDad46W5874IkuME6pYXqZEjggk
kkPCRxIzswH1EAXJsOTgOJNbitTugyirzeolp8loqqtlSJ5mjpYWIZY1F2c2BsoHUnBrrPdU
eEWRLlz6Hrf7YSjB142VUD+V/vjly2ChYjs5Pp5EHre2OXHd3VmNnJpbb7DzwWK12Xtv0Hp6
+v6YICaaumXtsHAPAxI8KQfFIU5pXS1Zq3Mvkspen+Z7kyhZn23A4IXqbjDIwI+FKnlGAdYS
PMn7K6mpzLKqHU9BNR/JzS/Pzh7pLT23qyuPdy11PmMOCDNmVOorx1ZFGWOKBdSSZdLn1Z+A
RyJlyTFKYSPvJUcbietj1HtiqbldWjBrNWlyb17Lcpqs8njgy2BpGJsdfjHU7mPaxXmqI4
hulltaG0LXaVqPV6WO53+At5k+xlY2U9k+StT7auaTMJY5tzSpJsBW3CEA2++PNTacqrs02t
97V+gtD+iLs+1PbP18xMwLkxYNh7j4Yt581MUWjssyju0o8vp6iWn3bHmtvO64AYm91ANucU
5NIVet1xvg+C9TQ9htD6M1Q09MJnFc4uWF2bHi95uTYoUzzsop0p5pMqeeKpkmDRRy/2USE+
JSRcm3UH9MadNpuS4Rkwww+K+ead9E1OMcsICRDIRM4sXAI94cW34b2f4IZzHQWbZZCZ5FI
gSYQxSU3jaYkXDKoudp98akWIKeUrR2Phz5L55pH0e6a0fGUxR6wGK1nDa5Pydh34lbdWXeA
LE8f9fri+zrxBxlaQkKMNZ1Hzj5JUTbjDV5ZHJtFgu9fAx9zwMUNHNZrR5sT/wAr3PbmWSph

R1QRZDgF8PzDIL47G+CHssymfPMwho8sj3yymxYr4Y083a3QDFmeojgKSTd9V5fQ2hazS1c
FHRjiZP8Bb3i6MytvTuQZVpCOPlppo0jkKrLX1O26MBbajEcX5x5Woq6iqIRIfIW/dfpfQnZ
vQ/ZiE5IZGZndrpjwyvhgD+O3580M6t7SGkj/D9NRtBBueOolfa/fg8XU8kX9calDocRLWT
bX+i+d9rvShJLcVDocbl8zET4Pez7Nnn15qvtxRIIx+bp7Y218aa0RtFPsuWWolEVHBNVvu
uUjLlB9egNumDBiLhQu4iOYsF0f8Hsc+SdtIasPy08uma8xRS+Fy/dh1AHncLceuLkcZDIJ
Y1fUCeUeqc/FWmU/7aQZIQSrPnUiTQsIyGVYdtzuUfm3vtwbkIjdz/ZVOnLhLcg/4d9BydoW
rfxPU6VEemcmX5jMpejVbr9FMp82ZvqPkt/bDIJZLk+8V1QY22ipftA7Wq6XVmaQZDXx5cs
kxGZ1KMO5p/FZaeJTe5VQBx0N8EJCX8oAiyqNSvqc4zOsqq6fv8AMcWdZqicAchRZTtFhcD+
eLhsIxpRfmU1VukdKskLsIAoMxNwSLcWA5JOKLGFmSWArs29TiUT5DoydJ0tV1rFpwB4gz/
AEoT6hMaWsGKO3m6g3ukVZUuVVAzSrzcqgVCUUIIN24i/Bvb+FsKpjuuJWTKyiKkDRo4V7tw
SAOLWv1OLrOhdkI6zqf63FCOWgiB/Um/+QxQqzuJWadsqIYNX5npupyjOdMVc2XZjTFZIJAN
wZiLGNweGUjgg8Ymr9oKZTGUUlwltXanZd2u5X2s5fKmXyLSZ5lyKMwoGcFiwFmkT96InzHT
zxgVFOUElvJeuo6z1mO7n0VgUw2bhZR04te3H3xXV1cj1WaO9LJFk6SPWvMKSb9lOWUi7P8A
ZByT649a9y8jgPEt6CsNfLVxI98rol+UWdj46qUC0sm791enH5r45nuQHAPem9bQfOU0VDEF
gy2NkFREDYmJTCrGD94gX9sXWityrOOW4rvkljUrWVuZ0c0F4IURm5AZpFuyD2C2B/xYLG6
5BhbagLW0wr8yemspqSPuAgNltbxW/ywt3uTI8oqAiq41eI3W7t4LHr5m36Yi9FgppaWHKu
ybM5KYl3skCS1CXvZ1ls17+oIwhvZwl8FYfMQ/FVHXUZoK8w71ICBk4KixFx+tsUDYo5LVdZ
7hQ3WRBK16BgH8S/r74zagLZFO73RpPY/cxl0ZFdiFcgkGx6XGK7PmVsxkERlhwZ9z8tn
LFbNeIAnhh19ePPEO6YyIKPtDzUUpp5ts8h8LzygEugW1mUghjf8xxnPoqnKS4djdPv6L3kX
pi00FD6uRMT+8/McNxnUj/zPt5J3m+ra3L6KGmoRS07VFPFLJVxIokPH0lhwACog6YcMo4zI
iLF8HfyTtN9rNJUDPFDT2heAE5CzXvs3OXJm6ckPZtmNdmkwnzt+8qDCm1nQKxj/AC3A9fU9
cX6eKOIbYd2P6rx2mNI6S0hNHNpAneRxbB3wZ3Hj/famqEOkniUAYezrKJJtDJUwTzRp10d
OoMzDooY2W59ziHK0hEue5PCkmljkkjF3CPC5+mL4N83S9BIVXmtPWN11JNUJI9MamtaJLin
hBAArVRSOcSqrMum+zamo+xD4YM17Qqukh/2p1iXosilkTc0NO4KKy3+kECRYfPjESuXCPN
XIGsjKQILaeo6T4dPhPzPNKkLBrbtJp/laYyLeZyPVO1QOoVIiXb1Zxjpf8Atrom1cJSc3VE
9jnYrnPa7NnK5DLS0FBpjLZKmqqrq/dqyqWWMW53MFPP5epxz5RuJgiKQrRVes4k7hzwhW4
B5/TAoblRkypzHyS1/S2CxUnaPCnDxBELcSRoUFih+rrawGBFFI92ZJsF3oF/OhN72+wGDFV
3dN5n2ICo/TbjhQuddqUMzUjrNTSNDMh3JG5VIPqCOccidhIVYtHlmt84iir89jzjM8mraQ
xSSCoDWp2/PtU3uD4umLLRzFmLcsySWjArRjMnN/AFTTtIyflDpQadyDKYo6zNYoWlq6yNLv
NuNiSy9f3h7YiVhG0RU00cskt8hbsdnggupq5xTJTLJII0f6LkAMOpK8c4rasbrlrvWTanU6x
7N+GOzHrgIKfPaqmoRR/M1HyO8yGmSQRofo459/+HCngjIriFsVfDS9dBS+qxzk0bvjaz4N
j1W9Pn+Z0s0IRHXVgnnAWaYSHdIo5sSf9MA9LCQ22tgrdP2i0tDUFUR1RsZNGRXPi7dEfwdR
4SmPeZbeo2gQhZPCFsAdzHkm/pjEPs/mG09i+uU/psIKctZR5+7gWzDDvPvxxUvlOvMoqcqj
rM2rKXKsWkZhJerEdCbcW5BHS+KVRouoCTVxjcC9Z0P0h6DqqEaqunGnnHFfmx5bvNsN2O9I
Z9DkGqdPyVLVOXwinXu4a8q0SwsSDtI4vf0F8MpnrKSoESF9u23qq/aCLsz2j0LJVDLHGuz
dosBPttduePNtu9C2axZV/svkUITmLVIPSTz0xloYT4gTv2KWta3rjTgkqPWpbQwd2Z9vy5L
51pWi0P/AOm9HSTVbyxxHIF0YvmxzWtfhh1f4LQa/pMky9KTTWTx00RbXmpk3GRh5vblv1O
OPRck5XVEuPkoi9JFDoql9V0Lo9gDvXli5eJyBS+L4eCH5M4zzUPeR10uYVkbP8A2QRtgsbj
wgW48sa1Po8YvwQ+OC8BpXtXpTSYkNZVEQe7j1/8d2xOKHR+cVMiA0UkXTxTEIB74vtQVBd3
BeeOtpx7yn4ez+lo4qaTPavvy8xBp4LgkAX5IBYj+GLsejxH8QsVQkriP8McEwqtOryxY8v0
8jU8ESC8NMgiVQem61uo9TfFg5yiLVwiyouAlmkLF1vpGXMss1PRZ5k7NI+Y5PKs1NUk71UC
91KngOSLY89pHSI0uYhxd9zN9717Psf2LrO01QccJsEIMzmZbhbW6lhtw+LpCSso5M8Sszuj
mzOlEpYxfMiFpwSSxMgUlbnkDjDKSOaMbtpv6N4fBZXaGs0bU1Wp0XHq6cNg8zPqZv1Lk
25mwZkcah+JVIdK0+mtC5FR6TpY1ILPN8w6uRy4aw3N6MenW18WjnJYcdOPmqlyPKKDOJxsi
avnkLJyS2Xd1JAvuJPXBRWlxCjkMhHoysnt+RnJoVfuoYnktvRWtdrdR6geeGFJ3RVE5LyR
llmT91UwVFYm+YeKGCQjbHfkyNboowMAERXJBuNqgdW6qial6CkdZVMxRH3cyv1Z/YX4Hti
1UtDbamjHluURmSrDShbrcsBuPBYYgXJw2mbh8FIqOXkl7r6bi3Fh1xdRoHRBqLO5WUM8Ujsw
AJso6Kta3A88ZuGtKuV/HVCIkaQyxUi1JbZAYr99lyMCxcNylw4rUllGqcx0/n1PnOQVIRQZ
pRS97T1MTWZT6EdCp6FTwcJPMnxmQFcPjDy9mvxbac1Fkdtb1cWQ5zSWWp71iIKom/jhBsO
CCv5eLcEYypWcSwDcvSQVURAZy70P5TU00mX06XPeF4T3TqfGVvZpFv6t+b1x6cV5MsqTrJ
6TJ6OmpkHdxmRaemhXxNI/JsPxZyn9cXIwtzLpNPWFaPJJrTb61JHK93ArFFBNi5Fh/AXw5r
iJVXmbfFNZ5EgzGOKS0Qiqcwq7ve5CqFU+1/LC3e0rUxsw/JIV9RUMsjqCm0zyb7+Lo5uRe
3pfC3YrVYZkxFGY1y8IFK0yMjkdFO0Ace5wDDmFG58SN6aj7zQmZUEg2T1tLXxop4N4ikh/1
iOIZB8FL5dWXR1TubOtTkeV1NN5bo3c9bj7nFWfNGJCrETlRCEkPZrDamiZdwaJvF4bcHnnG
dVxlbctCjPNaijs5loa5KzKs1eEfMspo45Fue8KkFluLXCnHINMtMijNHy3+S+2ei2XR85VO
i66RsJcNWJN38HZ3HlzfNaVnZXXeM5VV09SkbFZFlujra9t36C/+Wlj05Hb7QcE6s9EWkBu

9RnGRm33ZXbz+G36ID2EMQ4kQ/TYrYg+dwechjPdwr5HLGQXCQ4O3zRlnHy1FluRZIUIGo/q
YihpyvhlhBJ3OP3VFiR5mwxkwawppYR2bdr+Hh5r6NpeOlgodHaSmFpMI2EQ942fv/IFtr+8
+AobrpHqqmSVzJUVFQ92O0lpHP2/ljTb2Y27mXz6WSasqCkKXKSR/i7v97GRVknZXXyrHLnt
XT5dFLa8A8c1rdLdL4yJ9Nw5hhFy+i+oaK9EekpRCTSUowMXd3n8t2PzWnaG8WTVVEen8pp1p
8vpYkml4u00jXIJY82Hp64LRIFOJVUhuY+zYJ9JMsOipI+z9CFkETMRdSJ9uLvwwbp1Vh6L
03LkPwuajzCkgvm3afnlNp2jk/PHSCQCTb5+JrnG5aVwivlwB7Ei67Ffbf9p4Z92n9jHZbHE
0eU04RpkQcMiEI1h6bliP+PHR5pCkVqoDKEPJBnxjZxWa57dcn0nkEfelFNT5fR0yt4RU1D
AsBbyVTGD7LhETERESGsfMMfRO+3V4fh87Hsq7KtNSxyZ1qcNW6lzCI2eSINbbxYhZGFgD+R
Pfbu2sLwUSPqI7ebrlcYCO10XyvxjhVNntSTyBt+3gdLe2OtUtJclUTwbdvXqet8RgotuWNg
fwsb29cSKhxyr0yiXYGHTzF+R5YNcdttq2uAnhHK/wCeOUu2VEej8oz3VIZNIGnq2anCQtLM
pq2jQJ0NIBu3XoBggjIuElXqZ44h1kg/orl0tpttEyHUOrYofncmyx1pmFylQBwslLiRfoP
tziwwWZi6LHlqPWFyW7nfb4f2VXZlPvM4clpM9zKONKPN5n7mRHBaR7ksdvW3XnFRwK0SW3G
cZTFHzZQs3i7wjj1/hjmZFKea1bmQSRDalrjm/qP9MDYVyc8lwii/S+i1zKlPq3NZZKenkB7
qOP65R0uSegPljUpqC8bpFmVFeQFbHvRHJR5fk9OssOXQhRIIneUb368EXuSTjQaKGAcOqm8
805e0PkPn5g0/dVZjngks0MQhFlsOb9QThjRRjMUmzF9nw6LnrKoqUaXWPq2e63HLf/ew6rM
2W0WY5UYTRwyuU9SJEi2bQGNwSOmMORihHTUBW7DEm+Lb19B0XUTVXYLSFORbaaWOQfAT2F+
qap1VFRpE9L11P3jm+4IvA8zc36Y3WgEOEWXzY5ZC4idK0Xzf7X5wwg94e6SG9th6bifPBjr
LcyA2j7qSMM7VgleWZ/lwFxsAPFItb+JwuwrrrsUel28PxTvu6eHuwB3e/ebLfc3kSMTgIrm
uJQFBGZCQxaRhUOCOMXhESXuzMPMnoL9MYcp6qMik3MtCjoKiurI6OIG6Q3wZvP9m5ujiOmh
yzK5xWd27TqwszFZG8hfrjwM882kK4Sjxbp4Mv19ovQ2i+xfZE4dIEDtg+sLB7ZCFyZyB3x
2Dg29kHZpWS088ZU3gNhNABawPKkfW491x9AZrben3tX40M9bIUlrc7u74NubwbwZeo8tpRU
xK1PHWid2Lvw20dANvo17n0xaCARLhxXYFbxYJXJMspMq1FTzpl7UkTub94xkT6rKIXbdvJ8
sVzAbso4ffJFKF0JZsfv6K4aXLZaWq+Yrk7yvk/hq9I72jgQcmSQnpX5f64txRW5Vju4kOVN
6/MIsnkhpKhp+/ZhNUv9VQ46Bf3Y19Mc9vDH81LMg0QQxyvKiqajhN5NyFBubH388NYCIRIZ
xTeoqTUu7zFi35fS3kBi3GFqIcqhR50mX5e9PF/4irQpGvmFPVrfyGFVJ2jaO9Pp47iUdox
EhqTuLd4YU9gwB8VvthNM1qZUKPrEbvquBAto6hgoHUEen1+2KztxJ4Oo/wAHe1EkibIYkaWV
+b7QLAfcnjC8MpeClmzDaoujpKmt3vSQVMkfABjjLjp6jGeIETyrVlrXwXVmSwmmpmqHh7iW
fZHApWxggQWjT248R92x6SKO7iXn55BAVmpplhzD8Tr5d8OX0biCO39nfmWS/wC8QAO9sXHb
Nd0Wcz5bVgyZIXUOjPnp3UZIOIu6WwsryyAKLeoVv44DEhj8VNgIN4LOpYfw3L80n728kqGB
S6gbVzhcA/pjna1QDqf20EcDQ7kkrK0yP5kJySP4AYrs1oj4urjv9E6FYErEp5Nt5xZT6Ek
/wDzg8e6gYlKQ1+oTlusdHtUOyUFTCKsyuLAide6kv7Hbe+FMftvD+VYMLofvqkr1HTnK5cx
yhkZGoMxdNpX8tyL2PrxioYZdX0dPjPvdWUNNE75cVnFm2sPj/XjCTa6NNDiUJS1M0Dxy08
jRyxOGQrwV15Bxkm1w2kOxbdJPJBIMkZYGL4s/Nn5K18j7SabOKmnr6dqCucbPmgw71m/KG
B52n36HHIKjQ5RRCRWLdOfwX6I0H6UqXSdRBDVBqZ32Xs7WY8mLHbg/judZ1xpSmzWmmq6Sh
kgzkWdtikicA+K1jZjboeuB0ZXXFFIMZFiH0Wh2+7IUuk6OWqhgcautzv9fAtm596Gcx0tWV
uV5I0cUNNen21D1UwjCuG6gE8m3Wwxqx1scc0t23bswXzPSHZSSqtE6PkjFo8BwNzJha7Hdd
zfDoi7J8nyjT1HTV0IpfmI0MRzKomAjkc9SACeeOMY9RU1VSRRIjg+21t6+oaC0FoHQdLBXR
2awWt1xfgDk+/Zi+3k3NRuoE0Cky+gtpqsjr80qbd5U7CwhW3i62sfT+eLFHouSWT2w4A3JZ
Haj0iUNDQj/hM7TVR7zwxYW578MPy/qqlqKyap7ySpkaWXazM7uWZiB1JOPUMwjlHcvz3UVE
08hSTE5O/N3xd13nk/Z0anIph7yn5ffleWTGvrCOLyLSGZN1vJnOCNy1hK9FF7MET5rpKqzX
4p8v1FXU0n4XkWj2NJUkfs5amSVkZAR0YAkfk3sKDKJHgrTD4M6h8h7L6ev+KjVms4C/h2
RZbS1cLylfT8zNCVZjf8AcjjZvbdiGe2MiQPBDUXdGXJHxAaxp9edodTqegnmqKbOYwIBJ9MK
Rkosa38tov8AdsMzrRWdPLrJCJVcxu+76hutbHJOK12/W/luHTyG0tRXKX01QUOZZ9RUed1c
1HRVbmL5mNVLRFuFLA8WJtfDIgEitJInOSOMiEdqXz7StfpvUIRktTH39VEy913a/wBujHwM
o9/T1wJxkJWqaeoGWHWCsiZoZqSaSKpjklIYpJHIpDRsPIg9MSjZ7swrDMXQtILG46NbAI2
95bx181HUioo5JqeSM3R4nKODbyItjhUnmG0tysLSWmNaa6gps0bMWeK3EJzKVpFluLOAoB
NiDa+LMechZll1FXS03sxHb4Iqr8rpM6zvSWmqLu63KtPyvHmRjldQsqrcRt59PP/XB2XEI8
mVSOUo45Zi2OW5VpqHTtRJWakr8solGU5XXvHLJG21YgWsFUHkge2K9hCJF4rUaYSGMSLO7L
GnNJVOcNFLX/ALDLnO4N+eVfRbdAfXfyk0cUntC2N9UNRpCyPVjv+isYd23dRKO7CIuyMdAo
4GN52G5YmJcSTmmpo4ZauV+7hpt15HXiO3Bfm/10wBmNusLZgiZpLreqZZbnGWVVLUTUFR31
OjftW+kq3qQRwTiu8msjIoZMH64Y4fBW6e0KiP1qNyDmLPa7t4PtwTilz2hqcyqcsy6pWWpN
KzRhphYMvJBihKovOPLaVqKyCSK0mkEtUXdZ2fbsX2XsXFoHSY12idHxSRHUwE3tCEhXHM25
mdRIRqRHGWDL63K6OOsmkWSszV2Snj2Rs21ioJB YjavHVhjdatmGnCQt744+Hgv1WkaSI9eO
Glx1Y4MzvVlDeb+b7cOmCRyXUdTmeWjManuaaOovHDRW2uZAefETaxHOLMU5GNxc+X91mvFa
Vo/NTWWzF6gtRxtUUBpcyxy94d5PQ25xE1bSwEiYgZy7tu9aGjez+ltKiZUNMUtmF2DbGx2N
9/FTNNkNnlr3jHdcxsvRb9Qb48RWdr5DIFvY8N+/n08l+hdBeguljILTE92wbbHtYX3lj1

6eS3jipqCnNrI9sECeJ5pF5UdDt8xf1xgS1NVVWRyE5Py8fNfR6HQWg9Bes6Sp4xgjfAiLDh
YWwyc2Z+fV1HVup6XOW+WoI5DHGu7vCtiWvYWHpj0mgtDIBIUkxbcNjMvhvpr9JIDp6hHRuj
wfVsTE5Isxt6D08X+Sht9RXSJM9J3kYjUmzgdGIAF+D749VHGUmYh5MviI2j3k6yvyvmz5f
K6ST5msQozGwEQWxYdBwPbgnEyncVoipMLRukLcrAylarTNBTr8tT5hqOvmL5XltQ4UR83+
YmPJG1eg/wBcBTMQW27+n7qvKYyld3G3v+ymmRhTPQW1c1YHvLW1sp8dU5Pl6JfgAYOScYxt
H/UD04rvltGV9IsCRI3u5QhU6Dd5fphcct3CKMMYfZUH9pZLg9ePXqcaoRqzwJvUVcWW0c9
RU7hHF18yQegX79ME5iA3EiBiIkBzVEIzmpqqgqT3y7vQW52qenhGM18xXEr7NblUzlsxtlF
a3/5xVTRyeGxsw/9sWiuIC64pUrcSj82ITOK12/skuzc24t/mMVqgfaEmQcIpw1NHB16RNTL
UT1BWeTvn2QxLzsEnr1vtw3ViI22/wAKLyuuEsFuPmmUGWvnjS37NaVUp4wPYNYkX87YPCT3
v0w+/NBIV660o8xyepjlRO8joKN5IAGNpp5AqR3Htctzi5HdbcKpyvdJaSXlr1o6jLqWqHfz
V79zbyuqu5v5cYsm9pWqsAXXF0TnPKOsoWy95KJZaGrkSRJLbirhwBdfKwO6+BvzItXaNyD
daVgzzSveUwZCmb9yy77m8Lm9/Y2vbCye8R80yMNWXwQWa/ufnJWj3rRWCLY35UEm/64EpOL
wTMOHxSIkKfTqPKFrh/VY5Gaa1wbMQgtb0uTiHb2g+SJntFRevJP+96aiqJGMeSRvRTMOLvF
IxBv5XBU4pcVqucKT1hEudVmXZmBb/aKhMNXdq4gFbn+8Arf8WGyNcV3vfVJieoben0QnG8
fyCRzD9sHK25+m1icVO6rSGQiwS48V9xBHnxjHdbAt3lsGOx+Li9/sPLEIrK6/HsxaBKY5hW
GnS7JF3zbRfrhD0N2stbFazad0oVONL6yerbu3PgnedqsunMid+WBITaQb263uflCadiGql
+C2NLvHJ2d0eXNNnNv3+ShwdkOzewUv8A2e47S3rt6XxdZi5LWWx23bOnL5bkmfqcPw3vzjl
FycUyJKzCzEG4H6jnHLrV9QOwfM/xrsV0JmFZteUZPGsrngXQtH58DgWxEnEtinzRijBnEss
8TxFHA6jvGIVZWIsvnx00AuJMwVWfEdqWTR/YVq+soBafMYky8SxuP2feuE3G3om4Y78qT
UPbCRLiXsM0XS9pna1pjTgcCR8oqJ2asEbbStOgLTzVIGwX/AIsPZ1IRxCcgihjtA+SftF1L
DkNJHQZbBm1TDRUkNwkMMbFFVb/4b4AOFDL+IQj1Q8w2sd26w6e+IuzKCWVPfNjvKnyt5EYh
3XAw8SMNN1WdaqzHKlh+aq8xyIq1DN3RZZo1YO0LSAeFhbwk/Y4tROREJdFQqY44rtzMW/8A
IEGvMnps87Y6eimlko4c7+XaZ9lmjcody88FuAd74OSMSmtVejnKKhIuiDtSaTqck1PX5PQR
1FeaYlkaNCzmLaCGYD0B5wg4yEiFW4qm+EZC2KAT+yO0eFr2OAxVxmTugzKuhEdLS5jVUkE5
2MEndUCK2LEA9B7YNkswEuVaSNprQaU8fZ5PUag1dU2SOWmmZkF+WLPDY/u9fO4w/ER/D2
usyMKie71jLG218V7U1HLp7QFTkENHWJmeoan5g08rq7xBmBYOwJ8II4bBPGVowjvdBEetqN
ddkFt68IJDdTCEX/MwQpEzi+wAAbiB08uMb+Fttu9vt1VaQSirtzplziSHvO979J28BIsC
B1tbHA9w3Lja0ui0zqkNXlzwwVLUFRRHNHT1IbiGSGnyN+hF8RUQXx27kMUoiV29RGQZKMql
zCSuq1zSszObvqmWMXUgsSzc9WLEk4r01OMQ278VYnmKQrt2CZ6b0rm2Vaiy+Ssq4ZMty+SX
uED7rLK3jAW3F7gnGFpXRchUcu7Yzv8ALavb9gNMR0vaahkLYzmmw5Fl/dE9HlqSQPSzUcJM
k7J3XdAhwDZWYEXGNJq6nDR41U2wHZvj/dZcvZfSVR2kl0PQg5TMZD5Mz73fkLMpyLJ6SJGi
mj+ZCqAESOyR2Hlx9ceGre01dOXsyYgBp+6/SGgFRD2boY/80BVUjs2OO5nbfhhvfryT6O
0Q2wpT0SWu4FgTfpoOomPPcXUNX1JvYcNsAM23hby6M2HJR8+aUmeYUIFFIaivr5xBakHLfn
PQhfbHoNFaAqKy3XFYBbur/D+V8u7Y+k/ROgpDhpQ9ZnF82LvYP+7c/kyb9pNM6ZxFkWWSyS
08dOs2Yt3gUoszt4QeOgAvtHXHrabs3R0s3sxd3bm/ivhnaH0qdoNP0pQ1BNFEXcBt7eLvtdR
dNlq0VOVhdXLkM7BbewH6DG5FBq185OS7iW6GJobJtMEcpUx/TtYdQQf44IAzKV01HTZbVPn
Wbv8xUSuGyGhG7bKyjaZht1XceB5nFR3HXZi24Ys3huxViWmm9TGa3CPG1y/NxYfJtmdipyJ
pQ7LU6mzxF/EqkkkUtNcXiWx8JJ8hjjitG0d77/LoqGJDM3Du8+qkI4/k6ZCo2HaAviuzWH
AA9cZz5itVJ3uTbO0/ZGrd13FBsjDdQB6fc4t0ziRWimRv3UCZxJ3kKRCRoBKwMsguQcA3IB
HS54vjUNrrRVsH1ebnyQvmeapV1BMwklpKdLRRsSBK4Fi97c7b8fxxTkIei8PvarMcZCPj97
FD5JG9ZUTu3KxQSSld/3Vtfn1xUp31lxDGvqfLaKKIdJQ6fjYrYF6iS/koUm/8AMYuNaIgg
nERfJR2T0cecZhO0wklUEyuBbxAHoT05PrhcQCZXEikMhFK5pm37aQxOfTV3J32/ZQHoBGp4
Zh+8f0xxy8XVSMfyUAVMx31Bklkb6mkBcn9cV7i95OyrsbtKnGVZD+JbLvTROqr6sVG0f/Uc
a8R2iSoThdbd1Q3pvTMldmmTxTNf8OpXEp63eQjvGufYED/Fhz5c3RVmz3D1dWrmOXRVIFLT
S8o6hVHkpH0kYqsZCVyuHGJjaqD11QDT2RypCWMk+YVFS6Horsouo9r4cbWR3CqseaT9E1yb
SULfpLOM8fimywkZA/tXLDdf2VTjncHTGzIZyqhha7MXmezws00jWYkBC4RL+Qubnb+uEu
9pF1TQC61D2s2hfWeeR940kRqmk3o1u9fozMF9Bio9txKwn+WU5zTT1Xl6peoSMZnlPtlU8g
4lQe7Rc2/u4sd39flvD8pCXw+aCKw/1xXikUrPaXw32kNyBz5+uKV2ZX7bVDV8OyreT99r9
evGM2pa2RaVJmjTOUP3jhDYvbr6e+FXJhgVYVhphzNOKaOSNHkIRWleyhvK58rnjAGdo3b1Yp
6fWzDGM12zF92Pi/JTOaNFpLK4KyNYpoKqVVU8OLCzAj2bFOG31oyHc7MvV6T10XZmlp6i
00xkNvzN7zO3g6gSN6Hnq1hi/wAK8ZakgDuK+jfyxy5mRPPRuYag7yogC09LY7aiVvBIQbF
Vtck4pVWkLaYrS2v0XsuznYnSmmI9dDgMPvlud2fBxbniu1/h805nmb6eyPKMzr5JdIaWkPy
8OwRtVzqC6hrclFzxF/qxn00IRWSayTgZ93j/ZfQO0FFonsnQjR0o3Vcouzm/dB32vhuEi3
NhtwVw75Ja9xNURkslY+2IQtlVAaMknbxvx1xssxL5Svqrb4v6Db8P+coh3imraSeQDpsE
vO63lzu8lVlexJVf8EGg/wz8c17mqNT06I9Jl8kq2R418c0gl6gWC3wZv1Vejj7y5OzWpFZ
mWYVsZutXWVE1/ZpGI568g4EWJUncSliUe7JzTxcSWuSfU9Mcg7q0QMhkt+dbEeuD4ID5USj

XmfxZCMphzOaDL4xtVYQsb7b35ZQOGGayThuSPVqe4pCj29UTaEiyeky+DM9Saoh2xt3oynm
SQOrXBJPIYkflP3OGxWiNx8F8WFrNZIWri/3Ig0PqKlz/tUlz5TJTJTNDWU50RlhjK2EneL
dbcchrHBxncRF1VKppyipdT9/JD+jdG0mcVmcruzWjaKo+TefLWkUho2DsRJH5EEW9eMLjyy
lcrdXUEAxFGWzmoTTEhnh2hc4z5aqS0syjpsp0AKSIFBYE9QeeLYgIro7kUlBZUDHbvS9FFm
nZzDkGo8skhIGbwOyGSn3JGSbMh9SRzxsCjtleabhJU6yEuSJMtpauV6jN8+dpM3zA15pH4
MKH6Yx5KAOBDG5RU5RDrJN7rOqZBk9nHwDuT0A1NRGkHjAN2AuSxtxa2Cq6uGmh1khMzN9eT
MrWiND1mk6waOjB5JC5NybmT+Dc1NQZPTvTx7jJUyiweKA2UEm9wbDjHgKvtRpCUi1JMAy70
uC/TOhvRD2do4w9cEqidmwK13sux3t0/VO6z5LKaWSTNXy2ijL3HeDcxHpY9f0GMMDqkqrb
J/Ne8qY9C6FhKSYIKeN391t+77wQxXak0IUCp/7w2ViS09pIWRYfI2AswHvjToP8YpC9jizd
HfF14btJpD0daZhL16QSNtxgLiF6NtbzQ7U1FEf6zkuplkiikLiGuDRyE+pIBH8rY3g0rVFI
mgfb0dfJKjstoMIxqtH6XFyHB2GQSF9j47MMUqtqfVITktbH+GSsDWxR1SuGG0Kw5Rb34uLnF
HR9s9KMNQNZBizN+/wAty9R2x0nUaI0yddok9VJWCEpG3NsOEfy3NiXXco+s7Tc2raKaGWO
nWWVnq1KEoyWN+ADA+BDRNOEwyDy5b2VSo9KWNKrR8tLUYOZNg0jYiQ7cdmGzFDsud11VVGSS
n715FO9pOb2HnjVjPVDGLM3kvn1dNNXTFUVUpGb4Yu74u6svsDypdQazOa1MfGRwFlkC8b5
CVXr+6LnG7o1hlIpC3svOaUfVR6sdzp1V5l+JagzSor5aeKpzCqZ4IN67+5U7UNjzyBe2Lcc
nFcW133KqcdoiI8uah9T6h/C99NBjRxSijerVqtmAn2sAIYwoJMjHpewsvXFatqyIUREU+mp
78xJTTGcJqxKOEWTU6V8jR1bxi4gRR43B8+OB53wiXSdOEYyTbGdamiOzmknj1Hq9DE5mzY/
Lq+5Wtl8MEFR+NSxrHDRN8tlMFGOG1luPVVH8bnGZoeqkqKmutwYnZhbWfes9J0j9B00j
Oz910kQIJI7bnKQv4b5LOX0FLHPPM6SPUTv3ksjctcl28+emLbnJaS+TyPcKdud9Q5kDDu0KR
r7ngkYr2oLUP6keGhy8z1EixqOrFuFQdb40ac+8XJOga4sqmqvzKoz2Y01KflqQ8yM1rlCbK
W9AfJcWHkk1K3cy0LBDMMW9Q+pMxSQRUEXfU7pkCJ53Pmbj16YpVs9xDGPkrtHFbdJpTTeWi
HlcwqJhbfTfGegNhdj/AB4xYpo9XCXkkTyayQV7NZBFkuWC/wDWJ6QILWO2Pdc/qxt/90Ok
fKPkoBriJRzZkI6J6GIHdRs1523eKZh03HyUemFPIXCKZZmuJISuQ0ZtGuxALITr28z74Wzo
yzLVJVdbk7T5jHZkK7ENpmXRWnIcyeSpqXgSWd6g7mckqG3G/ueMbUPEsurfKiLIqOHicqkq
8ykjgMg7ypmlYBIk4JB9z/HAYncXgjp4rVKSny/W115X0PrfCbVY7qftQyaTO84ossoIFk
nrKx0VDze6gliPIDrfFluEVSPLISLNa5MmnuymfKMnppqxxCkKRwpuedywLNYc3Y30AxuK5W
HCyNVjqnJ4+zrsriy+r7s6kzeuizCtIJFhIG8MY9VRV2gffCCyprKmamOSpctN43q2fvX/MW
PO4/qcIs4fftcl8izKbLKinrWLRvITrUL4blKb6kee4GxwyI7Ru6KDYSy9VOVohsol56KR
qChnQyOkQZX2pILq27zsSeMeT0npeqqgaeGDDnt24/Lqvt3ZP0daD0nostIVmkbxccuW18
NmLFTx97bnZNH7P8prJvM+arHp/AEEUzJIH1eK35vI4yajTdVbbIDMbY/22eC9FS+irs6U3
rENSbwFbawtjhxPdhLu4btq0k7McjmO2CurKYIFW7KLswNy3iFunFhiuOmKoeIwdaM3or7
NykiwzmGzDbzfHi2thu2YfFA+pNLS6dzU0NUyzIyb4pRfxKSbXv58c43aCtjyY9Y09fG+13Z
ao0BpAqOYmIXbES6i+7Hx6/onuoJzX6Syaep2mqjneOSY/VKofIJPmQODivAGrjEdzstfTd
SVZ2ToZpvxBNxx5kLNLx8W3fJQFLtVms4p8tp5qmoNyEiFyLd7Y0JJ44huIsGXjtHaMrNI
1Hq9HE5yPybojTI+zTcGm1DuE52GOjhcXQg896bEAED/ANWMSq0z/wD4/wA/4X1jsz6KyL2m
lsWPZbGL7W2/6j7sHbkjXMM7y7SFCJ6iOETlDsVJTbbRMRCWW4sPVsZNPttVUlo7urr6hpt
BovsxR66QW1m5owwyu/5eTdXXRnwc6z/ABzs0np6+WM19NnU/gjBAs6h+B0t1x7EIBjER3M
vzRPpObSdVLVWVGsMsXw3K1M1rPwuvSdI2qITIGEEf1mSSQLfn08va+O4IXJSWd5ZlWoWqcn
zuxhrKOVRRLSVCMYtoAQysOhXHYI8pKmfio1nR9j/YtHjSuceXVGFwtluXU8XApKmf2zqPL
wnYD6scc9xFmVSoPVR2x81wDvVIUCCwRenXpxhnESy42tyrWGyHvLMfFc/bpjIL8KXCRioFj
vDsL3bm2OtU4jbmS8qJFvROQO1164h0QWprTusdQhkFh0J9sSKEkWQ6yqhkSZDH3eXZU7j52
WitPVoTyWYnxceXnhryZbeSq+qCUmuLa/0RRQZ3SfMZdp7surM0kq62XZLX5h4hEhHijSij
gW62wwDEiGONVZlitKaqFtnJIP1nyOIXm0lpGgXNK/Nad/xBIZu5jpyVt3jXuEvySt8Oe38M
RxVMAKX/ADEhYM25MnoXyvJqPTmd0WYHI5UqKWY1gmWVYCRwFHhFyQDi5SQ94h2CueXWSXQk
7mWzDDanFNTy1j1Etv6uSF7yRrqSOvGK+kNP0tGRR8Rt3f7r3PZj0baY09CFQI6mnfH2hcsO
g7y27NikoKOGHblmHy8Ww96zPYkAfyHsMfPKvSFZpCa0sSfk3T76r9P6C7L6D7NUZSCIwhhn
InzE7Ntf9rMW+1t6B9SdpXco9LkH7GI8d6PCxA62t0HvjceptBRwWyVBXH05L5L2j9LdVXX0
uhw1ML4YG/H44cmx5c0KzZi2Zz99mEs1RNJ9Tsb+HONONhjG0RwXy6sqZqybXVEjmfUnxdr
Elo5JDA488Cq68voNo8Nj7AY5S6IM6Q1+jMirrXageWimbcOgO5T/A4z6b2dZLH1wL+V7fTv
+c7K6OrOcLnCXlxD+ih2yuRKZJ6n+rwS8wB/7Sb/AAR1tf8AMeMX2nEpLR2u36Ljy6KqApRq
Kj2YFw48R/0jvw/M+DdMU3dDuCWwJwAFuSSTYADzOGd5Z166N0lki913Z8IqtFGd5q26dNwu
HZbKo9kTr749TTwainEefNeYq5fWZruTKp820rmlbLNR00eVY0VXmqZgMwMamtjBzS7rvfq7
u3IQeHd4sY9YwwSayQmFt+/at/RVHVvAQIYA0AjfM2M+GL7tu5sfGGZaUpc2pB+PxbIY7sJ
HYCRT0tx64xdJdpqeQdXTjc+LbX3Yc19W7Nehmuu9Y00ephwLERfOxbh6tg+/Ypjjoskoqe
noadaZJ3EdPGPCZhtwAPL1OPKxw1WkagRuxf9GZfaqjSHZ/sZokgotVDi2wWzyFhhjb44bX
fzU/nUy0c1DIXitRRKZ32/VI/LG3qBj6XT08NLCMME51+Lu0OnKrTmkpdIVRYnl/yHui3gzJ

m2cJGSvdXCOSxL8bR9NwPP1wbwLG1Y2pwmeAxeLu4wkLMbHcpP3+2K7U+a5C8SrvV+ov9ocy
go6BO9SJRpe4mkHV2/ujrh0ebu/fvX4IdWNyh8wpjQR0+WUpjeapQy1szsDbnksfIW5GLBs
Q+zHnvTgtL2hctyghl0QqdtNI0oncKjMLEi9gQB5HyxSaIbsvNXNYRR2o1zyKPKtO/LQj8qw
IPM3PJ/zxozlZHaqEeeS5B1TWGbu7ovgUKtxeygWUD7YzzkuVsGEU3TwoSOWFty+fW98C2VE
S9UeKLw+fl6Y5sy5JLKFRQ3PHHTjA5UK7rmlly6goIKjUD0tPR5XCtqmdwFjYKB YevT3+2Na+
0emKr6u4ITFaTr6v11k9a2QpJR6Yy90aV5fDJmL7rK23qlwRcDz88Id7k3C1XnDJ31BTsG5k
ponUegKKeMNdrrkPpLQUJr/n/AJaMZl8v3PzG3xmO99oPkL4L8q6zMLqiaOnh755FjEQLPIeB
GAPESfYYF7VNpLkvtb1I+qcyOZkSJTpWd3COCI4gLKefXr/xYTI2US6o2fNaKC84gkgy+N5T
xFKvCeE28jjDKuj4iTXK80g+fjXuljp5NySW5Owggrr++AikG63kilJL4ogq6b8X7OgWg+r
0fWmJweTJSTG6/orf/dhpsWrEuYv+iUze0LoSGM01VnUFNGtHXzQRdysYSKY2Q8cWHB46489
U6KpRzWbXfH5/e5fKQTt72iEY4Y6pxAQsZhwZrW/+r829P8ALO1fMKWiWnzCjJrdm1e8diG2
j6ib9WI88Ycug4SK4SxvNgeL3S1NSjt1UQzYWtc+/BuLHqTst6/X+UZvRVMWYZRUftLJGI5
FO1OocE9GU82GAiOXUQSCUZsrmlPSLoPSdLLDWUJYFsbAm2NyLwIX27Nj7lpVZdl8mico+fz
HuqNKqRnnRDvkFjZVQ/nPT2x2smGuO2Pbhu/fHokvo/RcnY+jGoq7YwKJ3NmfEt+Vg99/kyl
tJZ/pmipZKPKpZqCMku/zbBHqDbi78j228YraQpq4iGSTAvLc3wXpOxfaxsjsXnS0ZvAzvi+
s2EftPu/27MEyztRpX56XT1NVR97HZKJcInikv1A5uB/PB0+hpLhKYm8t+xVdO+lmj9Xkp
dFxE2I8eNriFltxb6oHzHNqvOKz5nMpfmK10Ee8qB4R0FgMeggp44htjHB18a0ppis0rUesV
kl8mDNjg25vJdo/AtQTR6BzyWaJvlqnNv2Tnz2xgMfXrxhsjjakUTFaXmr4yennSpqZJ3ZEm
rXZe+fiNL2ut79SQB0wq1XGHMmp6qrocshq6rMqmGkoKeNppZJefhRvU7sfQAY57Ua+anb/2t
S9sGv6zOtk0eVQL8rk9NleYqZT wzDyZzdz/iwTDIWRU1FxFzdyremi31KLlbb+jXuMclpWeGy
cBtl9oby9cc1yg24rU3mbwgmPposL9ACOAcc191SaOs0PKcIgF/PjqcHaiZ0wKFiSyedOfO2A
Rd1OEm71v2ha+8e/lwMHagZxFJ15YalJIHkikT6WicqwI9CMEzJcoXEjTQGb51Qwz02Q09Ok
tZMGra6ph7wRxxqOFW55N/Fb164sU0cxCWpFIqIKU5oxqjtbY3XDqWDbXwZHL51T0G+SrM04B
7yaqnXe7EdSABYtJj0vozSVTCMkmHRhHk3Un5r7H2H7Wdj9B1UILL42cbzSs1xEOxhhAWxF3
5YulqPwMx5nTmbLgsgiDXvZdhHTg+vtjLp+zFRKRZ2wDb16/wBuq9IX+mzQtNDEUDMTm7F1
2NY/dbpm3vhubxVaaU1vVZ5K0ER7uBDYqvQkef8A7Y9FT09PQiUdOO3mXN18T7RdqtLdpqgZ
NIG1jbRjbgF8MMW8+roOdDvA8XLdTze3OBxuWC7Wp5TSh1A8W4NwPX9ccpB483VZdRucNxa/
Hnb1wCNe2+O3nt/S/ljiUsyJ9KzR/wCzedxVFlla1Fsr4oJb7Cy3U3A6gXuR54yq9i9YiISw
xxHxX0fsfPGWhl08kTS6q2cRLhuHZt6ttxdnfND9TPLW1EtXUmSSeVR3jyHcSwhXysPrfLG
pGAgNo7GXztyq6qumKoqJlpC3u/3sbozbGVm9kmm4aOdNS51TtO0TD8MpuBua3inYkEWHRRff
nENpmj0eV0mY27rcvF16fQno2092jhEocIoCZ31hbnw2WszbdvXdsRfm05zvNHqq0NUSotqe
OK+yJb3Klr8knrjF0h2krKmQSj9k2GGC+udm/RJ2f0ZGcdUPrUmLOzu2DDhy2Phv3/12JMTJ
TpJd6WmJIMqRLvkVrdSB/LGXBRVVXbqwc+nl5r2Vd2h0ToMTKonhp8XZiYdpX4e63h4bGULN
2cTRvflB3k7br301mIB/dU2A9Bj0dB2YLIq/Fv3fn8F8i7U+mCO4odD4v8A+8X1jHu4dXZT
WVUdr/tpp6hr/wBq1NSiSVU6ColbvHLA88IFUY9fFSRxEmcYszM25uvNfBtL6UqtldkVVSuc
hPxFv3N5fBSOYVPz+ZVNRdQJah2DeVgbDn2wtyzLgt7qhRTGZpZZDsi53OnNj0UD73wU8tg
5U5nQjrDMWpoky2nLRgKXmEbG5O7wqCMBIfdH7dWoG4pFrQy/gIhATArVv/s2tZdoCkiO/H
A8/PFnDUDd1Qfil4KHxe9PPmGZftRUScAXHfv1Cf4B54Q3DrC/5f+E1+K0f+FlacyZ6jNjW1
5Yim5t0/a24H2UeXS+DigIpNYXL6/wB10k1sdo8/p/dba1qWFZHDtskSb1P95rj/ACwNS/d6
KKdu9zQs7EOiechr39OPLFW1WbkoyhUd3HHX6pr9f9ccuuXpHPcgTBY4xuDMVG5r+rf5YW7/B
kYfNMRUopliikZb8EKcJ9YYdgbkwqdyfE96v6ppMw1CtJmmsqv8AFMxljMmX5UzdZBGgF98g
6LGByfM9OuNR2Vdv0TjVFCIDpXL8npJvrM01JWRGWoCAGVQQBtUfTGLgKvkMMduEqhn4iV5
Z7nOWaPyqOTPyOipaZep0kk8TTMqgbUUCseL2GHO4ikBcS30lnw1JIVJmkdNNTQ1oYwJNYu
Y9xCuQP3gLGebWZrkbqtu2TtlhEVVp/T8scs5uK2UMCikciLcOp82/hgXa7KKlsuYlz9luU1
s0Bpqx6p5J9/fK7WQcXXj3PIthMcEnijkIHwWaeE1WWVppqXkq3RCkXeRBTERydv7wHqcMiG6
MuaCR7SG1RNRlqx5LTvkefDhGuxHJa5uGN+lzheq9ndai1ma1WdoSijKbMKMxRmPP8AJ3iW
633SDxgdebnDqeoqhYOeEpdA3Nla0loTSGjqWKumD2BFInuEtnL+/PFU5mAkNJ3E6ftoEZX9
VZTyDf0tjNe6NHGBRzZhwUKGvcDm5sfbGbgLhYrZb00i9R/Cx9MQ7Lv9qJs1Rk7OMmZ32B
qpwgHA2m9z+uMmP/APMPJfSdJgX/oGhIv8AuF+/6oUkvZEdLWazAnzHI98a7L5wdw5SFaRr
um9xYn/r0wNqlnuVvdg/YDmfbdqN4o5JMs0/ROPxHNCI7H/yor8NI33so5ODYcqYEdxcK7K0
IV5cM9TRPZdSU+V6d0s1/wARr4d2+TYxDU634Ys/Vr/v4zGrJJ6jVx7AHe/7L6L/AOnqXRGg
x0hWbZpmcY4+TY7Wkd+rNtt64Ky2pkmlj7wL3QIZF8gwa9/44vLxq5M+NLtkIFZJoLIKuwZU
lz14+AF6pTA+d/rf9FxiNcqlXLaNvVcky/tie88vP2OCdlns6av4GRiKkAD9L+WJwUYraN+8
43qNvA9SftibUGsuUpFpTNa2FJiAOQLJ9LSsEHPmb84shQVBd1VjrYR7zImpez54YA+cV8MY
2ghIV3Hk8Ak+eLgaM/7hfJVD0n/2xW0nZyHljakzO6fmEkN2F/IWNsH/AIUPdLYg/wAVLvCt
qHQXuNFoktbMzQTDvTsCndb154wYaMh950J6Qk4rWUxT6SyhLhKSN2HAMrlmPv6YtNQU491V

zrKgu8m+cVEtNWUVBl/fU4JRwx+ALexVrdL2wMplcMY4sihYSEpC2pebMqOmqaaimqFjIKl
naRuNrDoD5fbHPPGFJHcuCOQHGS3YhTOc9gFAKHJI1jpkjsjm1mkA9bYzaipER1ca0oKcjLWS
IemRd5IFrC9icZwrSdsqwijehf08PpfyxzshZyWYYbN4Qp8Qsd1ub8YF3UMFqU2MkrrKVuWP
hvyTe1hbrziCTuEsy3WnfvzrQVGwNyAjC9vLpxhbmPvKy1PIJZoiw57H/hE+ks3yiXPaaCOK
roWrVakkeWpV1Csu21to87Yza+CoKEiImfDbu6L6H2M0roENLBTx0xg82Mbu5sQ4G2G1sG54
KWOT2VVGZ01TmupBJTZPRzGGBGaz1sgaxA8wgty3n5Y1py1ejyrP/Hxd/wCF4/s/oQaztRFo
OYdjEWs/KAY4+Woxvij7M5jFEUQKI41ASpP3gHHI5D0x5DR9HJXVXN8XzP08V+mu1OnKPs5o
crREAEfZRvizHb3WdvDlvffuUPVZ5NSDFcPCEusKKACAbWueBfHtouy9DFHbILm+/Hdj4L88
6T9MnaSqqLqMmp48MLWZiwfmTO7b/ooLLYwnftNHVRCeQmSWa26Us26wsfK9jbG3TRCA224M
vmlfVSVmXtSFDl+13549X81vpWpbo9WU9PPG1PFJVsdzRbu9jj5ZQx4G0C9xgKeTWTcPP6Ia
gLKe4eiONFMlfnmd5x4S3y085dL8uxspBPoLYvxNxEsmofhFKQsaXJO8IDSMFJY2vcsej7Y
zJGHWJWF0iYTVIy3LamOao3yDaiAotwTyR97nn0wl+LN/dPaOQh1ghk68vmgd6Few1MizyBE
RDPK7cCNAPCOoeuLNOFpZvNWHO2PKo+sd84zJBSDZSRoRELGxHRmb79BiXuLLuRhkhXtVl
kGY5kXENaPakQC+AkfmsOOMpp21k13JtyXK5CNvVFCUy5bRlp32KqbwzfmS9+fcnFh7RG3
kySLIIXi6BM1llrqv5ibku141P7noAT04xlyORFcS0A4Ux/Zzy7mdYo/EfFewHW1wDycLJtm
UbJXgJth4IbhivFvPj1xUKo7oq2FMRDMScz9/IDK7X2gEf8AXpiq7kWYlcBhEcqwxlIt9OfE
cQhLeul6x6bMMmkmrHj+S2qcyam7u8Wmi8Ct6FhtOPSO+XwWKhXLNV1IXq6DPAbL/wARqaRi
1DSjd3cTAWQG3JC3vYyhnK65S7CpfMszj3Xercuy7U1RJV5/mb95UQoRsy6lXlrKOEut+Ovr
gxHNxeai/L9EXdp/a1Bk0J0/oaE1GxaepromGyljAsl42FwXtwSON3xEk12UVzNaNxKooIo
6QRqnjQ9T15Pn64tAahlVQ3IkjHXrTzr8rLzn72IFXIBG7cTYEHgBeL4RrLStTLLhuTOgQJU
ZhTxlofxBSv5kYEQbF8A0xwd5Sd1opPIG7vK5Ic0kh+VqRsi5N9x/Kb8demBgchG0tzo5WuL
KO1kS5FUmioKd+Jo/AZdxYxuPpsB7emPOaa0RUSyFWQyPePjtmxt74r7D6Pe3ej6OIHQekK
ZtQbk974nmLhazkz7ndvNM8+0hTZ3VSVdfLNRzzKsZ7sBo7DgtdkkuPLUWmJqaPVx4EG1/
mvrfa0d6P03XFWVhFDLgA7MLcu/4u2xt2CCc17M81oKZ58skjzGBJGtFF/aK17qTfgk+YGL
1PpuEytkyv8AovnWmvRppaljKooSadsXytxMPdfo74b2bmb98csiOjI6HayEwKnoQR6422e
7hXy6WOQCKMhdnbY7PvZ+joxqqz8K0RkUvd95V13+UD2ZITyDIVPvRHj064xQj1tdKils5+P
gvqU9f8A4d2N0fJq8ZHctXjtEd/tMOZYcPjN2oNqV8G5zySTuPJPN/PzvjafFknfvESMOz3Q
q6kqfnc++YhyOLmRoWCyVBtclrh6VJ4LeQ6c4zqzScdNl3n0/le67Jej/SWnh9YH2UDd9+91
s64fJdJL2hZxn2RxaN0T11HkmniFp4KHLlyWkkr+zVz4mO4bjlefEb4xZdIVVT7MsNvJfY9F
9iNC6KlaqM3wibF5C+ONo9cNn8ALtV+9l/Z8ezrTrUtW0cmYvriSrMZ3lrAWWNSfqsL3bzL
Y2KGNKCPMwLvvXyrt2kh0xWCVONsETWg3Pxd/F1X3xAfE3T9lez9KClzPvPtDmsrFo8tUj
ws4HBf8AuH9cXmzLxVRNqvNcJZ3nNznVdV1uaSrUV9bVPU1VXJ9cjvy1zf6b9ABxhorLNyIr
iUbGzmU92LnyW1+nPTHO6WK3pi0VprKeo2OLqQRYi3njKQo90bpVspherqYO8rZgCBYHuUNu
t+h9T+mN2ip9UNxb/ovP11QJlaO5S0mb961WII7Oad0R+CEUk2Yhj6eZw/X3EVqW0FojckMx
zqCHK3SORjrzKtGwKbvZeODjpJRGmuboog9p0TLT1c9fRrRd1JFKj94XepYyAG5JHW/oD1wq
mO6Ph2+adUsIyXXbFLUkbeSSfjvGeWfGn2w9FNuhBxaBi95VpH/ACptnmposlj208bVExe7
BmsACPDYAXt64VU1eq4RxdFT02t4iwZRwZak/qcX7SMzoN7y7OA/la/X2xXkqMqeEQiWVC9f
nMtbP3rBS0i2LFef5YoS1JEWVX4qcbcxJg2/uyqC925A/wAhilctDarhEeaJ8u0HnGdQxT7a
elgmTckIU4tL2Ph+q/3GMyo0rTxEQ738F7zQ/o705pOEJrWijJsWI3w59N/zUtU9ldQkV4c
6oJemwOCpl6c2vbFjtOiXEDr003ofmC7U14P02O38pam7MO8jPeZopmRwNsFKzgp52J4j78
YgtOfk/Vpp/RGJD7SsxPHug7tb/936IzyTsmWZGZPw6ij70rueesfe4Qc9OgtjHqK+af8Q9N
Rl9S0F2O0ToW4qOna/mUj3Fh+2CZ552gZfkpdRPHmFX3W+OKEDYSfp3ML/fDKXRc0/dtbx/h
Ue0Pp10XoiMhE2mmwxERbK+O7Ev1fngmGhMnq+1nNpKrM8ry+jyijYbqqGNkl74chI2Fix8z
fgD3x7LR2gbhIRIjM+f6L896c9JhVNUM1Vo+Enb2YwCsbDne234PsRZqXMaie1HNPG6USFI
yHFpLtybedrWw3QqSF7Oo2vA7gzf/V8tjeCt+kirhjIazR4uMekRGY38tmr8mLMXV1BtMzP7
Ys6jgXa//wAY9HHFGJEQizO+/wAV8rnR6yWEIZpSIB4Wd3dh8sU3mRpWj+YkjCu9iN+2wHK2
P7xOCf8AMq4P7qZ11PjLTCGmfYk4A2G26JR1tfgknpGJbrR5psZ5ri3sn2jsqjyxs0mSBo+
6y1xGwkJbD9qElfIm/JxFPDq/koqKgjtuLmiCld8n0LmtZGI1lzCohooefDt3Xa32xZdyGNV
AYim8k5ZnaIRRH9mACxHkR1P/LHltM6UKjjuj433N+6996OexBdpdKCNrINLftkLls22Y9S5
/lxQRnOcCv1JBQQqv7Iku48ha5JPqBh2jtHagRjLab7SfxVftl2gHS9cZUo2UseWIG2CItsx
w6lvx3qB75srx68U77DXylZGH+7po+pH3txjUYikIref0ZeWtERHw+qcZIO2VZPaImjVZKiz
jwpYbUI63C9beeHSEyh8XSg9pJ5KSyGCPL8ip55d1nBlkA5JB+kWwyLJClyPdJlSee17w0cF
LL9U57woOg54Hv74ROfCKfC3EhzMjvc2k7wlbHiw49MVDfMnNwqEqJmdrRf2UZ5IXqemKM8h
FIWjBHbmJmFwVsv6/xxWxJWe6lBcuEH87Dj9cTiuwSrL3ps/JHPriXllsSZOJdDFosi0TSZ
fSUsOYSPsiWKZiUkkZh42I6+IlsehZCNqzGa4riSITqWbTFG7ZVT0p7hVDkjtUyO1lsBYkKA
WI+2DdyFDbcgtM6zb5nMSuYVFPNmkQNbJE+150Jvs3DkLfyGlaIa4lEkjgmQrm9TspKgUw2f

IVKkbUsLA34tgDyjl5LmuIkUKx208qfRII7g9L+VsXcyp4KNz1+4WKtSNZZon5BJAIYgeX2x
WnYhzc1YjzL0M8Saho3dGjhhq4BtAse7YC/17Y1ssg+K42uEhWh71JpaegiWqp/mHR0JttG4F
Xv04vheEnCO1kxmG24iUo8kcZqYKMXnEJlkYJxvK8ML8E3Hliw/eEd+9KDukW5Ssqaiqqzs4o
NRLSLJV0ErU2cQKSoKgALJaxIsLX/wAWPNaT0DDXQ+sCnsnN2/hfUOynpP0x2ek9TItfBg9o
k+3F/wA+138kP03aXli5t3M0E1DHIF2VW4HxE8hIH5R648pUaAqIo+Ji8P4X13Rvpb0PvV1u
qKAHwz7HzfmFu74qH17k0Wdhs2041HVtThvxFKSQMzW6SbR1sOuHaLqCp/Y1GLY8OP0WN6Qd
BQ6aEtJ6HslMGfWsBYu/Q8OfjzTLO8umnybR9AgaSWrR5Nw9DyL/AGB5OLNNJGNRUyFuZYOn
dG1kug9B0MI3TSsTt8d3yZ9rqwNK9m0WW0pEVUuYVpTdNMYTMQAOSic2UX8+fXGPV1805Fbj
g3Jv3X1Hsx2H0boWIEqq15i3meD7egiWwW89rq2Oz3sQm1vlhrUzGnpsuid4e7eNt8ci9F7u
wXb53vhlJo+SpHWXYfXFR2k7WUOgZvUSgeQ2wdmxZgtfozfTBXzoLswybRq09UsEdXntNTmJ
8w8Sq173KoTZeOL+mNik0dHBAQ7+q+V9p+2mkNNEcN1tO7s7Bs2YbsX5qtvil+Ir/sxof9m9
GSxvrVwhvPUCzDKICOJCDwZmH0g9B4j5Y0AYvvgB1Mtg2jvdcFTVkkksktRPJPUVDI5ZZXLv
I7G7MzG5JJ6k4Z/Ss03LvU3qGJ+4U8+n3ODSSuWaeQodyO24cB19fY4AkYIo0Hli5jmQlnH
eUIDoD0Lk8X+3W2NDR0F813RUtISIHDb1RfmgqJvd46paRNhMbrcvvBuSfa2NWUCzZsFlxW
+7j9EG55qCauijj2MEAcL03fmaw8zjLqakrRHmtCmpBK4uSg6iWU926yMNg4O44pNIXeJXj
gHuitoa2RJLdKxP5vDY8e4tg2qJBQPSQkPCpSmlTVUYsxa7WUkgNe3Tk+eLUdeSqyUApnX5
9NW1m7xIRLADGZ/FwB5C2FSVZESYFGlimM0okkDkySAjgSeQxWvIlZaMbeFOkajbMwcp6OjC7q
lxGnevZQx9WwiUxASkLcyONHUE1dVRUsef8j4Ni+DYurgyTR+WaVy1p62SGSoLb3qZ1UiJIF
z3dwCLdfXhJ6rSE1XJaO7o37r9Rdm+w2iez1JrquoerH8HczwwF29zH/nmh+HtUo0qag/h7So
ZQIZmbcxix6M7X5v5hRi//gcl058Nm3zXjW9LIG00v+Vua5rSfa9nMix73MRZOavtaok+ZWgo
ppSLGkeSyhib3LW5UDyXqcAGgpstx+f9IyqvTFo8NeNLTO//AG3fBset3ui3Jt7qIq+1iraq
ppKOnWKlj5qqctfv2IsRu/KPMWxZDQUYiQkWL8vD+fFefrPS9pKSoiKniYY24xx43wwfb3R9
3D4qBzzW+ZZ+rx1lQ0dOHLpBF4QtaxI5YAEuNck0dTwZhHb1Xju0PbjTGmLoaiW2PG5hHZh
yZsd7szdVtozStXrDUNNleW/sle8ITUeEclhHLSMegsOg8zjWpqYp5LR+K8VUTjTQ3fLxV0Z
1q/L9O5TBkekA1JltFEUVkv3tRzZjwL+Jurdf0x6A5o4I+jMvPQU1RWVHC5GXTb8mZDINUGv
yzvpaeSI07g/tRYqjcm3mACMecep54x0xcJM7TD1xzCvqtXo+sn7BIHVREMIJi1zO3spN+/k
xKOMqXn7ypmFQIPFGzFY18bIR+75+pxtxy60SkHg+vl4L5zV6OkoyCGT8R2Z3b3cdrM/QsNu
HJKTZrTPlcVQ6Ru6JcJJ1BuP4HzwzWxlHdaqrRSDJanNFs3sUKuNoJXn9kPIAEZPP2wyNriS
zbLmTnT1QnymoJ73hMkFNDDuOGZ2I9eccGW4i3LnljijEcXf67kQ5pTJmOnMmodzU4o5WqZ
9w+qQ/TGF639ceX0n2phG2OIG/x5fbL7L2Y9C2k2p4zqtMH6uG1mHeez9MH5YbU2rsyp6CgqD
KW17tCyrvt0/eI/Mf5YxdEaOqK6b16o4GfHH3n6N4L3PbntXo3szokuz+jRtmcLWFv8ATF24
pH5m7bm37cXVb5PVKzZrmMyd3I6Hau4nadtzyeRj28V1pyFvX5mlDhjHcyS0w6xNVzESEJCo
Lqu4qCehBsPLriaPiIkFR3RSeazPXS2KbEpIXY+DYbk+h+/B88RUHRPgijj1aLepZpaGkio3
jRUjUMSfzEDi3sMXHYijERVcGtIrlCZvU783me9lkYJABxBeDb23YpyvbISsxhIUPV0NUzS
JTU1ZUyKdu6mgeRWpntIXm3rinJdanx23W3MmM2W1dNT09ZR5hTUztdpZaZ1S4HF2IA/nig4
EtBpBLhwUW8mxT9O63lyOR1GFpuC170nYt+EUD16461SpOgyXNcyiabKqKrqog5RmjXgMPL+
Yw0Q2KtLJEJYHvV+18K5fe+byFXj05G9QKcdO8KWj3HytkDG4bZbuzGcuFQ+s3LtrXodjm
HvWO3jey3v8AwFhg9XdlQ3WoSy2RZmpH3se9pnjPhvfa1+ThwNw+Srm5Zk0KJ+NzHrV9FfCG
WygneBbAWZiHqynErRJTGT1EEtBSAycohjvb8y8Wwyp8MU57ruFb5w8SZTOZDbellB4BH/P0
x0uWMkcDEUGoXNZLW5Ck0kqhcqk8EaQ7GjVuDYjmx9D54pWXx3dOSuMZRSZdj44s/R2RWQ0z
19LT5hQU/wAn83YVEMvBkYcCRR0F/PHm6TTH+H1RwzE7gzbOrflX2mu7CSdqND0ultHwNDMb
uxtuGTF29qPLDe7ts8E6mYU3hldRJH1HUA+ZB/549ZS18M8ITCWx/vDzXyLS/ZzSGjNIT0M0
TucWO1mfB2beTf18eSe6Uq4siynMZ0SSvokqkaro7+CSGUd3KtvTo9/I4shHqx4cWx+qx5DI
7eWzf5Kq9dabGn89qcvhk7+GK01FNuBE1NlOQfPjj/hxjVINmIR5blqUdRIEi+Kf9meg9V6
qr5a3QmX1DwZduatr5LJTQoou6u58J8P5Rc4x6mlThLWbsF6zQFXXUmkoJqEna5m88X3P1Z
+bLsT4dOzTJ0eq1LW08NTXUTCioRNGCtMm3c21TcBuQuMTREJFGUknVfWvSRWjSVEFLSjBk2
u3IcdgD7o83w381b/wDsPkFRm1JnMNJHR5IRT98s1LeESOQqD6rYOCDzjReihKQZLcHbpsXh
g7UaW9RkoSluhJsHYsC/8XfaylqzYN5DrHbkgJYevl/niwwF7qW3MITHbr8S2VdlWW1GXaXq
KfM9Y1cOyKDbuTLLi4lnB43WPhTqT14xzARJE9RYPjyXA2b5IUZnmNRW5rVzVlbWyyvNVVNQ5
Z5nJuzsx6k4czWrJe665RrOpF6u/u+WJwJA68jI6kl+HsL9b++OtSsfdS2W5XU5hU9zlsUkr
DlvJVA/eboMMip5JStEUESoxZiVoZdk/4Jk6QwyxvPJ+0dtpsXPkPPpj0EFMUUNo71iTi0t
kuldih9WZ8lMslKu5JI/DjldQ3XYPt53xWq57eFWKeIrkEhxumLliW6k9RfnGI7XLadLafrV
3DOE89lv5cYhwU4kSx4RYI9rC3T/AEwNqNmK1eklfhqbOSetz+uCWQOkonEs6XkVLSfG97Dj
qbcjEuCW5+8IUMYsE+kdSeSBgbCTHfKpTI80TJJp6iFfev2BKSV1usN/qe3mwHTCKmmKcRjL
dz8fBbugNMjomsWqjHGfDCN33BjxH4kzbB6O+Kxnuc1edrEMYqZJ+6RUUE8ccA26bj5t54mC
kjgu1YpOlu0GkNKIH65K5WszN02c8Pe6vvdRkc2yYe7QRY2fkEDysfLD7Flu5JeXwPJuanb

6u6/dU8gAelxjnBCxpDerOgR2jBtuZuQW/TyxzAuM7VJ6e03WaozuDLcqjvVVNyS3CRIVLS
MegUDk4dT05SyasVXqJxjjKQv+VZjVdNpnLq/IdIT2oafY+a5xJFzUN5Ko8+eVX9TjcYBij1
cO5t7rFdyllZJN/JkEvrOogrKKoSpjnQ1bwNl25vmlUUqFd2AAO+/Fifp5AxkyGMswllE3R
/vetqkrKyhjIaWV43Le47H+bbcFYUOZla6TL5Fkkarp37sy/RvAJUEHk8g9OMVU0dNHHTjJG
Nri7Pi2zY+xe+9F+mKyfTEIDVG8oTgQsJu5DeOYdj+LIHqs1zJYZY6DvqiWojpKqWzW3gElB
fyN+oxovdGNsO5m/4XziUpJZCmqtshO+P9WO3H4ppLWYrW6goqWgzCozejeJswU1FN3Hy8xj
/axqASSqN4Q35+thgaa6SS3eyXLaA3I5yfT1fFICJRxb6V5mWerllKiMm5AX1GKIXpylofZ3
XPzw+mK9z2f9GuntPRjVDG0Ub7iPZs963iwb4IgyqCOjy+OCBY5JI0HfyAWjL8kvbzPNhbHi
NI6QqKsvaFgGOLCv0d2Q7I6N0DSj6rExT2s0kr7n5vtfkz7sPml6zNYIKppq5JMMwjjDt3iW
7tD0NvK4xc0Z2fqquwhu9nHz6/JY3bD0maH0EJRxH6xVtuZuEXf8AM2xsPDF+SCM+zA5xQwU/
eLBJL9S5e4vHHcgdPqY4+gyAIxjHGODEHRfk2SeonqDqKgnKQnxcn3u7qCidI9HzyX8dTUuH
Rcckjg8/YYhm/wAv8Up/xk403vbv4IRCVnhjMokW/hLHkDzPHGHUkZzh8kiofvdEpMvf0ue1
Dux8awpIxuTY9Sf0wVrhMkbZbFc/Zd2WS6nyqLN82SqGnKZ4w6wcSVDHk7W5IXgjdkDnk1Y
qrI5ESuXTWlsmP/mKtTeQZbG9ZMmyZaMTSwpuIAZgCeh5OKjuRIXdH+X5DmlBmMkIFl2aUIR
T0LQU+XoNs8vLsWtZWx0GF2kuZ/wAqh67JM9TKvk6mCaTLYJDNUQF0Ije1ruASRxxziF2
Je6uJpIM0plej00Wem0/DDHRV9FFWd1EpEcUj3DBQeVFx06X6Yz529plXoKKSQ4biVVpZXCg3
cVdQPX/o4Srgo60B2jw6Kpq6mq8vkr0nmDoN2wobWa4I8+P4Yt0x2sTeKzK211hMXgrLnSTO
NL6jhjL9517wxHdbcqFE49fpONjESH4pT5VF6gc1OavblEcqOeqhQALe1sWljjKRV5uFCuW
I3yiL4t9HXuGAP5G4t/ljonjt8nQHxLXUKmgzTL6zxBkfuyPUdcTKcYyCW1RFmEhTrLnWmzu
voSVjjKrPEW4Fj9R/U44CjEiFC7XCJJBnyKiramkoSzxHaWAQybXDWUhfTyOKdbV08BR6wsG
fm+7Yt7Qmha7SilyRhrDDDEW4nYnw2Nzwwf0UHX0Hd5k775I6etcpKVbws1ha49L+uGSNHd4
Os1suXm36KVyv01jiT8SjrJIKZDDMAR3e8tZSR149cY2ldH+vRjqRZjbeT9F9B7B9r4dA1R/
4gRnTuLsMYvsu64P+mGGD7UVq4q44BHKpeoi2dzLF3jbbXKlh5ffHi6ugmpLtYD4M/FubHqy
/RehO1GidNDANHU8sov7MmuMR7wk7bm64pTunpKKoiSBY0qKb5Zwt2QqCCv15BFsXtEadKj
IhLMBviWO/zZYfbT0dUunKWIY/YyU4uAOO0P6T5szfNA2s8sk/BMunmExXLHeIVwQQYJG3KA
R+6xIGPUx6ZoauQI48b8H/48/wB18H0x6P8ATWhqOeuqhbViQjcl43Y99vy8nxwdnXUHY5r6
jzn4XKuGeCGll08zZTVU9NtiEu8gxyWA+toa59SuM7TekYQkRDvWx6P6eSs0tTRx7xfHd7rY
7VbfY7kjZT2dZfAJJJK15KtfCEL72st7XFwoF810e0Y0ojv5/Na3bnSBVOnJSLZYzD5W7/1
RFPn2WZUyHM80oaZjUd2BLUKpL/uhSb/AMcWHqKcOiv1WDTaO0hUiRQwETYY7Bd9io/4gfiZ
y/Q2TJR9nlSua6jr3ZI5ViaSKhUEgyMbWZyfpX9emAjqaeX8MtiHSOjNIaPIY6iAhN2bBsOu
7/jeuIZaDOczqauqKLmQmeomeWqqZYWZ5ZOrsxPVvPEvV0o5dY3zVMOzemp7iGllkf3X5bX
+ScpojPKIEf8OaKf0R1eV1UBWNh1N/cjrbCT0nRiX4m1atP6Pu0k8YyahxB2Z8Sdh2P94u29
mRA+gYskyejqHo5M0zOouvdOf6tG1ye8boSoA4X8xxUpq2Suqip4ywb9V6jSvY6h7L9nw0pW
RPNM+zD/AEhLkT4YO44bmfYTqIGi85zeoeozRqeIu4DvXuAHQKqiWAHTHqKfRVoio518c0jp
0quYqiYrjfwZm8GZm2MyLaCgp8gphBDHJFCi75JDwSLf2jHvzvcjCGAbRFYMhlpJcSGM61tN
TTAZXLJGY2BQgANcG4Nz0+2M+orxEsuKuURSDm3IVr66fNamSqrn7yWodndyvViST/E4yjk
Eloaq1JITsJJ48sJyp6yifXJP6cY7KpZklJJ3YAVGIPkf8hghYUuQ7cor27ePEvpgcZxckZ
kKvuHPiFwP5YIHfJkbMneX0zV8/dwovfOpaFN3MjDnYB6kdMFIUMVvEiDSmnJda6r0/kVBMp
nzyshp19sRPeGR7Mu0gcqLtbEgAnIiojktjll1J2i/Dbpio0xW00jKcno8wy6paDL60v+1qn
UEDvgTyr25byPTF2QISG0RwWHFWzCV0hYsuP62hnoMwqKbMlpKaopJWiqIpV2vE44ZWB8xjN
yr0DPCn3JYDh2Ty4v78e+OyrndJblXmy7Qfq9PfbNahd7lc1BkNVopQ1HBRd2+qNaxI1xz8n
Rnk11uVNvE3pjYY4aOlukK1y5vyVCno6rStd6vSxFK4s7sI7XfdfsS+daQmq46DLsunhjymg
jDNJlxDV5s+qRvuel+gsMYdZ2noQLVxiTs3lt8V9S0R6F9PvNONVNKEVws7XY8+67YZXbn47
Fr/sJl8VVFOiU5qY1AEqwb7sfz7vNv8ALGefasRkuGmbDz2r1EXoQpZISEtIk548gyrbUsNZ
U6xpKqgSjaCiihiSIWUGSnjRbXYHkluTxi4emaXSNPIMguDO2GL7vmvNv2B0I2V01TSUc4VM
kRiTlSxs2PMHfF8Wx3bVGZxTSU1VWxiJhTd4SDG5EhDG5t6WvxjV0PUjLo2OQtzNg/w2LYp
pA0P/h/ayqpYx4iuFsOR5m/VSuQ5PltGwmjpoYGk6LYDgeZ/Xyxj9oJ6oo7aWImh5u29/wB7
fqvf+7RPZuCqGbs1TGVbjkjJ2tDx90j8O75qQrc7p6amjeYVEwMwXuuFS5NunTGZB2Xqiju
ImFnww5717HS3pn0DBUauMJJnF3u3CzYPht4mfqy3yV5s7z2ihcfsnqlIRfCQg5F/Xpzj12
h9AUdGQlvc+v8NyXxXtr6TNLdoY5Ke7VU+OLC2x8PdMm4voo3UITJmeotRve+MrUVLQ0zm1w
ijbbd1sD5HGplljLqvn4MIDGPRDMUAmqc3FpCtFQ/LQ+twtycKwEikIdzMmY2iPiouhjMtDQ
QuLxRx1fQy9bjkLf7HCWtKMR6M7oy4IJZFDHsv9J3rsDLl6CPw/2jBjfn4w+nMRk+CTO2sH
4pjLWGHl56Z3VO8XvmidGDzFntcN0sAORiu8o22/FWtV3vh5Lqvscl5pZ8g0xk2pMwp8mio9
qVckspiaVAtrB+hQ+fmMNqIXDMQ4rNxuLKrV1Vq7LMlyKeWp1zovK8sDF6amoMxVRtC8D9k
dgByQx5xS1sJjgAV34affEFnlFkPZjk2cZzqBqKljak2VFNDK61fexWsQtmIa24E4454R4hd
dFHJIVo71yh/+KkaTiT/ALP8srDXIJUNZXT7KeVHXaf6uqg9PU4rvUx90VpR6O94vkkG1NqH

MdXZxUZrn1Q1ZXVHG8rYADhUVRwFA4AxWdxuWjHHYNo7k5qNPTZJIWRZ/JGtTTVswKxBLMGV
r7DbqTbjHYCLiSU0oySSQ7nZW5X0mn2zSbMs2rMrpcwzSKJ6inqIRM8N14Vl/KbHn1/TFsnp
sc+9YsXrNtsYXM2zHI8PBY1ZOMopoqWgLRw5ZldTU+Frne42Kxv5lnJxfNrfkrqN9VCuzpVo
r/V3amQHpuCgG4xYiDMq87ZVGZayw5rmVO7WJIITwWJUi315X88MAMxCku1witdQBazKJ2mD
P3ADX6kEcXtiZ4/ZrovxOJRIZUSzDKsxBWMYQ91JJIL93fgX9icJlutEhTYmG4hJF2n6t42k
NdtjZHAp5k8V0NtwK/fGD2h0dVvNPddsHbb18fgvqPos7T6N0LpLhmje+bArkZrnHbwW+6XN
22s6SzfSrVETp/4amD8Rpy0kxPBv+7fzxm6K0xGUyW1BdXx8uq9R259G9R61LXaLiZmxAdW2
Lu5k+BO3hjt/4Q1lxminr6WtC92/7KoQ8BTyDb398eoozGWO4drOvi+k9HzUNUdLUDhID2u3
R2+qfabr6iGesow37WnsxYuSJFP5gf06YmShhqvZ1Ed1r4q5orT2ktCyFUaPneIzG13Zmxw+
P6OibSpaQzHcjt1PQvPFf3hJ3gggm/Xz64Gp0FQ112sDb1bY+zkrmgU33aLQZD6nO9ju7uJ
Zhdy3k7dee9Jb4czy6s+fDEU9I8tTZbb0Fr2UeYvcY8xWdlqiKbWUZbG2tjvb+V9b0R6XdF1
2jype0ED3k1pODYibPzee6/TDdvWvZs9dlMldl+T1ff5FnpqQP9M0qsVUOou4Xtbzxm6ZrC
njGGQcDZ9rfr28HWx6O+zFPo6ul0ISyPNSIHjEfebbmEm94WbB/muzcx0NnedUtNltTqD8Cy
eOnSGaiyarNIqAEadjd5hQBfFs6KYxtIsG6My8fBp2hpgq6oabXTO7uxSPsbHbja37uua
e13J8m7I62ppdQ5hWT1dWY3yhY13vWwsxEkkviugQC1/zN0xIPoaYpDES3btm9fr/wd8TdFw
UDJMDs8juxiJPIG52bzm/RVxW9omT09QYVraqVEjEiVCIJELfuAWuGHRhQaHqiG634K9U+
kjQFPuan1kibC69muHH3du1i8eSjpO1egir6eOmmqmqmKdA000cS3hY/1KnkkedsOj0HMQILZ
n6dVnVnpp0bBURDGZHGTM5EzNkd+Ts+9254JxNqOvrJGNF129jJ/VKmvmlXZwd5hABv6DGpT
dlKqQR1hWw+9ua8vpp0z0cZSjSxPMbPkMny+bjswdPIHMFNKZJZpzK4aomdjYuenqF9AMEzp
9H0tMIDGLbNz818M0p2j0tpGSeSonJ2lfEhxe3q2Xo3JR81fSzUdYslS0cQ4lkjc7oyTtxt5
3xYe0xLMsZgkEhQVqHVUIWXgpmk2bhW5544Bby4/d8sZtTU90VdpqYeJDEj7ze9w9/Mk39cZ
Vq115N5hDW55Asbk4mxC7kt0czEoONi7mvwPTz6/bBOOVLAYuT2ky2szGWcUVHVnycTSzCn
haQxRjguUGyj1OAtT3buptJGkiAJ5c7vI4FmXGAKQBZTub8tgBghXGxcKVfbKC2/ZyAB5c
+eJsUcSVWEGUN1XghuRe/wDPriOfdZcK61+EXspq4Xp00rNabfmFe75fpeCRrd/LtKzVzX6K
q+BfU3bF2CAuJZFFl11Yq0s11VlenM6NRnb0dTJRuFmptbZgCVDEdK3PiJOAQK2npvxpMFd
0J2S05pq3/D6YpGfHhubZ4vsVJduej9Na8yus7IqyGPVEGzZHduPzyH/dupAHhHAkvhvj
PqdK6PtuE9q9Xov0cDsik1ZUJCG3iwbDD4/Lque30TnsNXHBjIIVFJIqkGTaFsfMtewwn/EK
W38RWv8A0L2i1ww+qkzv1wZvi+OxFOQdlweamlzesaRw6vJR08QccG5Vmvb06YzpdM217Mfi
/wDC+gaJ9EsZxyV0737MYwbHzG/d5EytOrmlkeorMzeOGZ7F34O1ALBV8IA9BjLrK2o0hNd
JiT90TeTL6poTs7ovszR/wCXtgibeT8RP1In2XYdN6FM21xR5SHOWwfic8gCx071ILHmxPIY
enni7TaBqJI7pMm3DDBeO7Q+lPRNDUauhFq13Fivyu578n+G/DdzS4zyro9LS57mqteEspeko
INoCyzjgupvyoNz6eHG5/wCnaMLRIHdtuL+O5m/dfPH9LenThnqNewyZAABbK3M5HZ+eGAtj
sxdC+moZZmqaijqearVv27XI3X8X8fXHP6SIRG0Rw+i+PV88ITMVRNI5G74u+OZ3fniiGpR
K6OmkKSWMW33BU25vze2MXRdNbXT0pcDPezf1L6R2ur5Kns3ozTQ/jGLwSHz9ny8ybe/TYon
Nc+qKR048noJs0qRRy1botgIqaIXkla/5VHONuepEfw9q+YhQsXWYDb4Oy0yfyNYd5fR1Mik
hQVB72MtfayjpcWN+DhsMgyxiXilyAQEQo303KuV0mcZ9UIRFIFG/d3a15GFIXkYscIIqp
teQxoYhWSWkplIEffVDCSZVBVRcXYqDf+eK4R8Ipf78REo3KleZM8YtJv3uG8Q8IPP3wMYZZE
Z8QKJ03GHYvNkK8ulPsUdCDa5GK8QezMvBMk/EFsMxUFRmGZZO1Ovjy5W139PqsSth/LFDS
dbHQwiUeZ2b5L1vYzsvWaf0lqaUWLvuJkz7MrE2LefhzTPV1RLV5xJQQwtHes4CDZYsQbsw
IFyt+MK00ZS0MQ+DMn+kGj9V7S6QtHBnMnbk2Hh4Y9FvqZKdMu7kyyfMyTgrByfCRb6r2Fh/
HG1WgIDbtd14WlzfdywRJ2GdlsXaLrH5XM0p6TT+WL89qCsO1e5pgQBGrHjfl5CC/HU+WKL
BIViUy7u9dZ/ExWU+uezes01ltXrXtTpE+X05mVRvhYGGNeepCkL6hhhMkYkKr0jIHMJW7F8
9C0klRDGkciMZBGU15Dk2sR5G+KbAt9yyo50VpyGgzPUtDqmCnM9BQsjB3BSFyfC4bjkcWwy
OMcwkqdRKRdGUfN1tQakptJ5FQZdqQVVYaR/mqanpmVZaWQggs5a4W5NwtjrjdcDiI8SiWApY
Io/LzQDmVVHU5hUTUEVSkU0he1S/fyEnqWfi5OBtfuDsVkrCwWmNx8NjfJX/ACLBXvPNLftT
WU0Us8R8VoFb6PLi/X3xvZcyy0GVE0tbnSD6FdjJLIj2aNR0NvQnHR8VvJdIw23JJ0b/AGjp
zZgKiEoCRx6g4dj7T4Ks4Dq08nj76CrpwOdhsSL8EXGDchK4Utm7yhcdVumqjI4+/Mble7H
hJJ5HPNrdemEhnhIRVhwEZBzKWYcqaWipx3jRzoWAA5K2PUE+mIcBlh1cg4s/JWaerMo6iOo
pzcZI3xYujqeyLO/xOi8Ucnf0bd08k0i7pm8zx5A+ePmulNGSUK3Vn6M+xfRbsR2vp9PaPzE
4zRMLOREOJu+923bOfhyWupMi/GHhaOZaKWm3GayBne4FrjoQWAJpPhoi9KyUJEQ7cfHYr/b
jsPR9p14B1mqeN3udmxJ7m/Xbg7v0UQsa08b1Ey90JFKswFgWBSbX9CMfS6TSFLUkQwltwZ3
+K/KGonOy2ltERhJWROwERCL78XB8H2fq3gpfR88VBqOikmKiGdmhmP8AccWONGM7SXMJWyrT
LctlyzVWYaeqZVkZ45YULLZmSRWCD01vbkYpVLGE3q5FtLHDx8PNaUWj5qujlrRbCCLC/qzP
3sPdx2O/J96DqOauyfSiVtBUSRvkdUDTxxgnu5gbb1A53ArfHjqt45dLDGW4W2v5bV9m0RR1
FH2BOqjMsZTdgBsXxcsuLM23czuups0+Lfl8t7Lstr3ppKnXdbTd2ckCNSjqV4aWRhe0X57d
Tu24sgYyyEMO3x5LzFZTTaPpxkrBsd+67td8R5fFcs1+WZ5rbPanOtcV7S1+YuJKieSxkkPk

oHRFA4C9AOmNan0ZIX4hYLx1TpGO64czpwmk8kjqe6dmqZ3UkRyy34HU2FsaAUVKJW73We9X
UEPFsTtJssyYIUo6cID0RQT5iwtFm+ONV8JC6qlzTUMCSJLS1KyNG24woCO8J4+o4RJL3h
JNii95MM11nCINHBQP3Ee9XY9RuH93obE9ThM9ZHwimR0hZilkPZIX5j3YNVE0Cz3kj7wWYp
fltv197YyXrdbcIktWfRE1KIFMLjc2LY8264b8OmO9QZc7yP2fPNyvnghZVwAbk4VY6o2xbW
8/XAvarTNctw/wCzYHbfbdb6cRihNhHvKQ09p7NtSz1cOnssqs0kpKZ6qoSihMjRQpy0jAeQ8
8Tap1d3CumPgJaKp1Zq2GRFdJcrg3NxZ0MpDKfYg9MQ72irtAwjIXNBHY72UZLrD4hs40bqe
nkkyqkfMQIoZDEymNyLyGHpcG2BbKNyXFTxlUW3dVT+f5ZJkOfZhllyi95I9dLA527SSjR1
5FwL4lmSJxFRkpLElKXaG6DkYLhS8Lu8loqwmPaRGE2sqdfDFHWqWYS7y750L8WPZhRaM0u
K+tzDKK7KqJKOfLFyppThtQBijL4QpIuGU38iMX/AFsfdWM+j5LuSi817RdKvGksz1F2Y02c
VmRRVxpKyeso/l4md1LsoZrtJbpyLA8YGPUjHIHYrM9TXHUCUk73szM2Du1rcmbDDBvJUDrX
tt0/WSQP03IZoF2WqDUSBekJHV5I5682x52t0PRyldDkX2Ds56UtPaOhKHSFGFS3K7YtFt/
xULD2o0haUplDbwiFR4f2hJ8XPkAOnrjNfQcneNexD0v6NjuKOjfcOG7a/ex6M3d680rdnWt
l1brCjyw0cdPRSLI0lzcY2HgBtYC3njZ0P2cpzm/zBxbF5ntT6ZNIer/APw2Jotrti+19vDh
yYmUzqGGtqezjUn9XklrqT0mgdY4izrCrALwObWsTj01Noyno6chhDbi+3mvlHaDtdpTT9UJ
V07uGDOWtsBnZsMcOvihzItDq1HTZlq0t2nMrheorJZIMbTSMfDGqmqzXt59fLD2pxylJub9
X6LBepEbhj3uorVme1GrM6y+EUbUFDHGI6DL+AYKY/mYDo7WufbHTnrZP28F0YDHGRXJ5Tzx
ZPTU9O7tL0ORLEliApN/0/hzhrGIWjzSXA+4uSlo2Xu6iKytJfAUa8gA8f5489pilf8AEICu
dmPIWHPmzL6z2DryPszpOnEGOSnwnjYmxYXbKRW83be2OzHeh3O8kpNQwxtme6J4LkTBxdQP
qBPQjG9JR09objazdOS+WT19VUzFNMbmZPI7vtd0npvO8kTu8pyGde8pN4HFu9PVju/Mbc4
GCWn/DHkgOCYi6u6LW2pdFZFIKBU8z+sNXUGLe8KDwi2LE+YY4+u1V4wtIyLe2xM0tNmjno
sVoOBPFi3Nv4YlrSkXW5UP5UzQ02eAsv9vJa4sSAp64RE42mnm2YUzytO50WSiKJ6wsFHTeS
QqgfphtuMdKRXBAU9ZHDHtcnZm8XdHOn8vly2mRjtol2Khjt0ZetiOuPnHaDSMdZNHqdwv
X659FfZKq7PaPn9cLCSU9o9LdjYP3rm2oNzSc5/nNXmdOsRRWipVuFe6mzc+18e00HRep0Y
3b/BfnT0jdoY9OdoJZ07mBsrMXdYdm7li+3D5qPraSpOZh8yp5u4drq8cO5vsob/hi3KdxXb
XXi49WMdokpDs30pV647ScgyGA97R5zXqKkpuVWpo7vKrqpREIIPQ4plHdJcW5Wr444SK7B0
UfEpmDhmXaMJKY08IHKUNGaYjbCCbKoZeLgALx024idx00iNlJjJVpkNNiuY0mYSoqZbSVSS
VM87bI/Cb2J5JP6YBgtzckZtlbtrorgzTLJq7Nc8yzPMrjzSvqWYQ5rA2yWMtfaoFzxawJ/
ljrxzJOqkyxkL4N0dCeqtRw6kqRJR5NQ5UysTVGncuahybbiTzb0GAkK/wAFbgp9Xx7qFbg
2RFsvH04WiKMcVc0OZ96ud1MJ/tHSmRi1iqKCAgAHpdz/iGNtm4knVfnZQeUJC2Z94tbH8zK
g2wBwRsFwD0vc4fAEYlxbX5JE8chDbc2DeaQzJ5svzDulkV4oJe+pyWuVuLstzgTykoCK4fx
GUxNLHBXo7yNassoB/3bAbgMXHYRJV9V1tvZReSK1Nm2YxrKoG8MD05Ht9jhUGUiFPluEc7
JnFVjKqytiaojTZMHjCeK+7hlt6n0wq8Rik71cituJkstQ1JqKJo3h7qsIBt15HBII9RgTAS
Io+RJ0F0RRzCTXxuzt5s+KMvxVZEtWmoZLIZFa20Adb9ceM0n2VkgEpKXM3u81+jOypphp9I
IHS6atikd39oL2gzcvFnfd0W1HU02aUu75iGpgZfDKtm9jceV/XHmDCSArbXF/t19bpJqHSc
I1AyhMG3M23flfZyxbZioety96Z0g77g3aKW4DADjoAecfUNC6UHSNPdbgbPt/b5r8g9v+w5
dlkKDTjLdCbXAT/qz/0/TBS2tqiTfpuU1K8bzS2oqlx+V1+k/qRh2mQ/y4yDvHb8R2rL7Fnq
NLDDiBwSsUbt1GRrenJ3Z/ggvtCzishqvlstqFgikZ53MJtbeb7b2uOd3THldG08NXUS1Ugc
T7Mv9T7baQ0hoHR9HoGjqdkQZnHFndtzM+zHq+zkh/TGbtldTsd4QKkgPLIviFgbc2vz749V
TyDGXcvik8BSZiPaiOTPosrrUnzKppZDFZo6OWEMcTyN17XB88POQR4ksKcstpN80L5hq+qm
lMeVoscUe6Qd2huEJu3IF9v8BjN10gPdWjBoiQuLbz3Pu67t3ikaLS2fZxmYglRqYywGcvNc
Ls/KSRfm5tY4xKjS0IRkV2PLZ1Xv9E+jvTFZWR0ur1Vw33Hjbb/fpvUmvZTWd5EKZNaWJZIW
MgjUyMr+ShfMercYzn04NpWg/wDZeui9DtUMgesVgCzi7lbtjd5Czd5ur/opmeiyPs7ot80M
dVVvaWmjqrNJIwsDt4sqi9+cUwlqq8rR2NzW3L1Nbozs32IpykmEZZXwIBPaZO2zLsyjtx2q
vM3zKTNcyqKtzHE1TLd443Nh5bQTc2x6KnjGCMY+TL4Jpuvk0rpCWskwFzfHBscPLaol4/pB
IXzF/T/2xYuW00ObiZOVejgM8YUfw5GF/wC1N1Rd4mT3lcnrdR5rR5XkkfzeYZnUrBSQRkbp
JW4VRfj+OGMyXq7rRuXTnwU5PXaS7YtZ6f1DEtNmNNIL01bSvZnV1kAaPcLjo3UYXI4kK09H
0hDMUZEzOsfBD32RdrmsMrMndoaB1ZRyAY6g7b8ehtjtt1a6jiIqghvZlIdktLLpz44dUU1T
Oskks2Y7X6Eq6rICOPMHEOw6tMipyGsIb2VG/EJlxy3tn1ineKb5x16njqQpNx+uJdhVOrit
mlbm2KukvYh5Iy28mw548hibVX1f/uMsIp3cyLfbe3HXHJgxfmZGGi4MgzTU9NFrmOarJMj7
tnq6uhpvmJvCPDGi8cseN3lhjWiWYXS3aS32Znj4rrzPu1Xs6pOwalocpgqqLRFxw/hIN3NI
WZnjAeReQGMhuCzn8zWxbeSPi5LGCgqCkLO1+/eulc1SI+Zq0yp2ekSZxTPLxIYyx27h5Hbi
gvQNGXeJk2EjQnwSqfAOQePe/GIwXO35mVkdhsVQ+s6aVJdtLTUtRO0h5Rdq23e1r41NFhbM
RW8ll6TbWQ6sZGxxVm6W7V6PMqSpq81+Yy6rp17p6qlcbJ1B8LEH0HrjYiqBLMQ4LFloCHKM
jbUN6t7QqDOKwLQxtWCmUyCuzObvRH/+hhF17z0ZunlhEk8ZFIH5p8dHIP8AqN8EI5RVLrwy
Zxm5aSWqkYRIH8ciH6gol5Nx9RwuN7bpChemnerZRkZPNO0Zq62pzOeVZQ8zGB3W3B4Bt5ED
jBU4Xe0JRLf3bmwU3ITGqzSqnemjmsr+5dAux1sLkG/UX6Wx5vTs8hUZa4HZxdnEm2ji36t8

V9i9GujqMdPRFQ1jSRyiUckZ5JGE234cJsz+6+PgkqvLBU0ktHPP/axPExB9eD16Y9LBLHU0
4yDuJl8m0roibRWk6OQmvhJx+T7P0wUTpPQ1bn2pMgXMM3Woiy+nWlpWjhWNoqaMttLMABZ
QW5NyfXCqegEZBLelTylbxMiXNc6kz7VVfmiDPsy/LP6ll5DWIVBznHHnzfFlrZJCLkq2osj
Eb2SGUs0IPLNI8f7V1e5texPhH8BiQZc8H52Q1D3kNBqBYX7+X5p0CKpZmLcAAAXOKTyDHGZ
FsV6KiQJ6iOOH2hvuYcXd/JsEV5HkiZZlIM27uTu+6MalbksrbrbRz14NvLHgtKaZKsIBhF
2Ycfj4r9U9iPRrHoGnlm0IJHMwO2zaBNtwHxZ8MHb5JtrLOZnkFFHKtCcyIKrJHJZaaxvts
Lnn6evAxPZ/RozyawuBn6b3VX0q9q5dF0fqMR+3lbC5j2xi2GOOG24/lvQxl9HSuk8Ty/KV8
SK0G494lw3LuXzINxxz0x7+TVxjbbtX5Y1ZFm1jYKQfLFkgCtmMkEovdiihiR0JvdrYoO3m
hsK7ib9UjpN8wyWvrajMqiojerpXpZFppu7NQkhG5br4ghA8ViCehwDB7yk290m2LXWzS53m
SVetX18MUUCQU9LSoqJAii1go4HPJx0jI4gtHib9VCU1PUUUtnNPQVMIIcKiEtcSt7KRt59Om
OjuHMJbVLhdxEymc2oMhrspimzCehoq9/wC1lpgyTQv570K2ti270smUhdn8IMYVEeYTZ28X
UedAzVNMITkWZ0tXE6i3eqUPA9QDhT6PuG6Mtid6zmzYYpmdD51GbLHGwPmJFOELQTY8Kb6x
H/3GRRnDjKqOnyqnqf2rq4ea24tPJyzsPvxjSwtyis7EuJQ1BlseTZpCsNPJPLKviqd9rluC
qi3HPTHNfQJMo4+K46gp4+LDwTnVSyrHGkkipLBeORSwLbwel/MjDZ2y8SrxPmJSVNRVOpMt
pXopaWJ4QrkykYUptbjlGMvSunI6HVawcXfp4L3PYrsDWdpvWvV5WiaLdaTPg+PLHwU3S5JS
Q5iamcSTVMsYTYLBljqV6eWPIVnaSunItXkbHlVw6Ovu+gfrJ2f0dq/XBeoMhtcStu5k05/
rhvXm07RPUwuaWnM8EhkQSSAsxPF2AFjbyxTqNL1k4kUhvgWzdg2zp+69Do7sHoGhmiGnph1
kLuTYlcW3df4e7immodNtVrAKNY6aqifvC0jXJS91228iRbGho7tBJB/1BOTYNb4Yf2Xl+1v
ovp9KkP+FgMEtxPJd3sW2bG/Nuw2MmdLXfONox2oIztXyvdRf0x9Gjk1mZflieKSKTVkO1n
dn+CHAer01mwr6QWgIP7aMgASkG5QgeRxlV1DDUZZhxb9fgvQ9nu02ktC1HrGj5bX5tvEm6
E3NE8udU9XGXqYgSHqjU7EvGDyxCnyv5DGVFoOsos11HPi/R22O3ivoVf6S9D6eh9T09o92D
DYcb4kBRZ+vnSVNOFYIRp2oyuYq6mpiqqacNdABfxi44vbw7S+mIz0aQiOBk9ri/LDf/br
iqnYvsPVQdqgmvgiFpAkZthMWwHwfxvbu4OhfMaRNZaadUnc0+aZRVOqLKjItTu1xta1t
wa9r+Wojq6GjoQGQ2Y23tz2qjpTRHaLr2gnqKWmIo3e0SwwFmHY21+T7XS2VdmlPDskzV5K
mXhmUv3cQ9FsPERjzNX2kmMvY7G+br7B2f8AQ5o+lJGTSWMSjb+6HlhvdpPDFTcOnaDunCRZ
aYp5P2l0Em43+ncT/LGVLPcQmHkQyd2XuqPsnOWmhhkj4IRjN9uxn29MXf8AROKg0ILVCOsr
aWnqJ12IvgjdIHRere3piuzyeOUXdvitOoejpphjqKkQMsvdF3b3euH6IZzHXuQUaMVkqK+U
MyGLklSvFzewsT6Y0ltGVkn5WXh9JekXs3SiQiRTHi7YdHbnt2W49EKV/avmvy6Jl9PR0Tpy
WiTeZOOLm4GNePQcNxxE7r5vV+I3ThQiNOAQu292bHH5oSzEv85OKisWvce/1hJwDJCeTtLA
G3NugxsRgIjaOxflQusqKmYpppHJ35vtTVwVUIhzu6bvPDFUxJIJ9cm/bcW5/wBMC6AXJPnQ
CESb13F9pjNyl1L7vS3l1wI3KxmRR2O5k+Tdq2kKynkj/q+cU5BZePE2038/zYyD3CINcMg+
a6sySKfR/wAdGe08aKkWo4zPuZ7CzxI4I97o2Fj+GtDEhqrU30Bkh0f8aOqcvOImSDM6OrqY
UuFPcsqyd5z9Q3X4HOov9nmQtcNRanmYpBlvmaezSB+6TPcrYtMF4ZzC0bKT5kNHbAW+zIU
Zf8AUD5Kkfi9yuPKu3DOPlwwTMKenrmY/TizrYISOoG23PniQdJqWIZEN9iPYbnfbZntRSZN
LDRZbQMhZPMZhdYFYnaqr+eQgEhb28zxhn9W5ICOSQrRQNm9FDleoMxokWOWrpaCsmP46grt
7513K77eV7dMCz95G7ENwjySs0K0zxnyLWhA5aQHoAPMm9rYsAczHqy/IXF235PlozSGhNA1
pjp6vJ8t/EMxRGBEdTUtVk3i191iqgf3MMkbNaPJPqgs0xb33KmKbLfnKw06T7VjsjC/F7
XIGFxxERWqydaQjm3o3o+z7LMug319RNU7FJkIRAB1NgDjYDR8IZi2qgek6iTKI4Ito2y7T
fZpm2a5IkU2bsMup5QzBtga7nn/AKOHhAMNw89iqXyHUCJctqB16KpfKrLPT09DO+93JsPQ
X/MbeQGK+ry+CuawrVFR1T3XzxaMyGmg8Kknazgixce+EHxZU1jK21LmabMqymXZG8kn7KJT
yiIOAqgdLdcEz3/FLzRoyrZo8nykxovDxJsiFwCSB/Y/88XzMY41VjuORYgnj0vkRevqIYAEB
qjXewuTe1+uFm0YQ2ybuabHPMNQMOPGL4j4O21kpnctZ8kMtl7xM4QlJFXwqg4dGTzcyjHnO
z8swwxnS3bAd28dvPyX1b0oR0M81NpqESvrAE33WM4taTYcyd9+OxmU3U1baX0nJLGV/Ec3Xu
qRQ3ijpr2A9tx/kuPVyOuy+K+QB7STwZRMNKKfJqCiqO93DcOvPLH1wl7Y48xbOf7qxG0ks
wjGLu7vzNvd33Myk6XLJkIEj2xrxv/AHSOp19sYOke09LTCQwlceDYdPmvqPZT0S6c0rJF
JVC8EDkTE78bW/lfq+xnTimoahndsPjVp35ll/KW82Y+Z+2PCVok6qpEhmLY744L9EaE7Ga
F0RURTaLg9qAuF/LbvIn5k/hyfBREy6itMIsnpna2fa/fyyl+Wxz8NgAL8W6409F6Dkq/xs
Yw+G1eM7X+k2HQpCWjyComfFiuuZw/27MG/VBlfmi75IqKKNFRe7Tgl25uzfcn1x7pztG0eS
/MshkchSSbyfH5pnTU0hphUPLMK2Un5ERKWK8Eseir6EnCXyiG7ruQay0reSW0hJH+Kzy1n
fVcroVikVyrVvzyRz98VY3zIKhyEbVOV7zSuaekk72oiKyzEPZDzYILemHsBHIIKq7ZRzKQ+
XqqmU/P01KlokKMoQLcAeEr6gYtQQFd7Tchcs3NZiFJBKVKeanNPC8hMRyKCLjaT/HjDmaMf
ZiKlwk4iJO/k6d23woqNKqqzuSzGx5Yk9L+mG2CheUu8lpqGKOmdYT3e9uZImbs+5ta+CtHh
QXkmlRDUyzMYq+WnUGwjQqV+4uD1wvVXbbkwt2ICzHMmrMxNQ0kgQHwsnUedyLjqcVFcd+6
iKKoqc1y2jmyqWGJyJUxyDdtlHW/kCeB54uG8kgjqywSY9WJFrBx6JKuMIPkTtJHGjo4i7p
ASqA8DaTzjjC2NTEJSLfTGYSvQimM9oqd2VF2LJtdS3rY4pR6Pp5LyIdpNg78/h0+C9BH2n
0tTU8FLDK7RxFcI927HHEm7+33sVtHmdf8s9WIR8xmFGzo72v4DyevS1vLCJNFUp0upsawX5

c/NXabtt6DShaSGpcpyFxuLbgz77W3D4YMmP43PmOb0/wCGy1kSCJmeaEsAWIuN3Hlg6iCG
piYyDEB3Nhs8FWoNM6SoSlrIakhml4ixzFt5vzR9keYwZvQKadp5Wi4FTOmws3nwfXHzSdH
NAWsmERu3CPRua/V/YrtDo/StL6rSSyTahmumk2PeW4er+W7DZvUbqVHijNSkaxXKo+xLmNi
bbiPT3x6PstpIY4yoyLbjlL/ALea+WembsvUTTR6chDKzWSCzbRdsc7/AJeWKhs1hTMJZKfW
pIp0mRx5E9OMe1kYZLh5svz5GZANyh8kzo08ndVaXnQ7UNwG3XsQSenritBJaWbenSAJZuSs
DTtJTw5nl0MySGGvms6R9NpPklLmqMeXeCPS+mCjt9mO/DZu/1191pKuq7Fdi4qq7/MTYuAl
tFrt3/iOZ28UOagrM0012kVEc1sj0tHWDu4JFDRyQnlUZTbhlO2+NmPRFHTTZY22P0x+q+YV
vbjtFpGH/MVh7W3C9rN5MOCb6qoTl+byU9NV1T5dXw/P5aWcsWRusTDzKkEYtyU8McnC3Vtn
VYwaVrpYyGScnx4sxc23NBcjM8OxCxB8TKjEeIedvXFUwEkWkiQRtEnwx6vv6+aiqzvZJ+8q
pJKg7QBJI5ZiB0Fz6Yznp9VIHYy05a2Sr9pMTk+GG3a+HTF+Sb7x0HlyPt5fEYLrxJTMfL
93g+nnziRSJrltuDIDbuyVvt3XAI9zjlHEOZbbdyXJ5LdOenUm/TAIe8tJIWjuV3G5628/TD
hSze0k5nCKsagMmxLOeDdubkDiw8sJTrljLZpaKpjnpnZJoJUhcG1nU3Ug+xGHJrnaS7p1B
pHN07U/ZH2taASoomeOnjzhZJFiEcYvuk9TYmRC09sADLTkukIJo0caq7HavUpbTpzXdfW0
9JHkytBV07I2+oiG4RurDi9mttP7uBZ1YkHIpBJTma9kuU53rrJNXV9XVJV6ceVqSGKwj7y
5YS3BJsSSLYhnRPFcVxKjPjN7MpM710/q2jOyOKJ8urGI2jbcvE3/wBy4tUIOMPw3YLN0rOU
EYyfBG+hsji7B/hoqWj/AGeal1t1XLIVs7VVQNsY/wCFCLf4cS0Ay1GpEtn3iiCUoNH64t+G
Pz3LjqbRFNA8fyucu9+sj1JuTxcSLe/XGnJo+P/T/AFXm/X5i4IK9mGoalRGv8szWryHPafK
98qUOkYZN9IEkUNcblfxL8AdxUibNIQSncNynu0PKs/1Vn9RqbPqeGv+fImalpZu+kCKtwr
KSC/HJ2nHGGZKCUBbUCJmFHmOd09VR08cAiT+wiQo8hHTwKSP4nDae3WCX6JrsVpDcpfNs1m
rsonb5dqaHaE3SMNzE/VtUeWL0kPFGWVCAWkKku0VTIGjtHZQhYRx0rVEg8md+bn1NjgqtrY
4xSqZ7ikJA9BHS03zBzF5pDhtMMUbWVieeb9B64piwjxK49xJKxqN8h2xp4mYqvEfp08+vhl
TNcmO6n9H0DOfnpAoCM0cANutuW/Tpi5TR3ZLXqD7qb5u344+d08GSLmk1RTwR5bmTtmv4S8
chebao01zMPBd/pHI5xUqY5J5LhHFPgOMI8xKWoaA5JDQV1NWRy1+RTLO5mZZYjIEKIGVIZS
OfMHBz011P7M9rc02jqYRqhKojco/dbK7/HI4qR0TRJmeQQiemjpKKimu/yzk91A7WIUsSxJ
YWvz8Zf4VXDnMTkEo/HFtzN5719Zii/9X9IyOaOiyPqWZiEcXtaM2zk7v7u0ifwWtfm/wDt
Hq0y7LpRHwBQeOLLGvsB/wA8en1+XXVGW1sX8PD75r5Q9AMIZ6jo3GbWfaGzBz5XYcmff/Tv
RNRUBpWaQqslTwASbtjHX/5x830xpotISdl23N181+tOwvo8h7M073C0tUfEWGwMnZB5c33u
t6mspqQtvWVfeBI+8kij4XaPUDr+uKcGjKyUboYnw6/fj2le1mgdHyF/iFYN7NjYz725YM2
9/DFB2b61NR3UeTNNTRI9hUA8sLcrtHp/LHpNG9nhH2IUTFjy8fNfFu13pdmqR9X0KJQ2vsP
HB3HDazh5/RM87r6Wmpr0kvzstaBPVzmMrIHAI7tieNo+rjr+mPThHDBHq4RwZfGK+vqtIVB
VVZJdIW93TCSJocqkqJAollKBbgg7RzwlDi9+uHO1o+Ko3jcpCsoZMxo6OkUNFAiK00hfaJ
Li+1VH1G/rwMHLFrBEeSWEgiVyXy2jNkrTVrxxd5bakdgFueQt1JHW2KwBHddJI3z3MrD0dU
QjbEW18Gyvtfm27e3NuSZwZ9Q5YksFO/zM0r/tXiitusxKksSeefLDY3jiu5ukvGRcSUqdRV
U0ckb00dnX87Naw9OhvgjlL3VDRiK0GpcwZrKkYbYokZiV5/rjtIu1QikX1JmcTiOYwh5LC
O6LYk+fXgYHXyDIU6qO1Zi1DmdRDJ/W6cMjqpisFZIIJ3i4ttFrHm/TjA6+QILxRj3ViHNmW
RSBmcCi/Avf/ACGDGUsOJQQDjwpjIWTwVlePmBIivE5Rhl0EeeDjhGQkRyki+a9BKuSZgYax
JDHe/hUkSafS9vbE42FmQvmFE+ZhazJZzTL3qyxEq2vwb+xBGLMj3QquOUrUNaer1opqLZ
Y5HLIttgBPJsbX8zfFOCS25WzC5S2XSJS5vNtkSfIVN2hMwVZACbWa3BJ87cYfC5CVpbnS5X
uzDySeTOUzb5WbvIzTvJHAg4LedmA4IA6YXG/trUw80OVJZc8kyZnQp8xKYN3xgPtsQbgj9c
Bq77hlcU+OpkitKOTDyd+W7HyRPQVv53p7c8k0jgCnqmkstuuCG48gcfPKuMqHSQla2GNw4f
Rfq7s9pGPtR2RMZJCd3F4pSLa92GwtnLH9FGRRml1VXUzi7d0j1wnCkqOMe/0VpH16MprcMe
S/M/bDs7/wCntJf0pNY4sOL4YbXbHDDw6qLhyqmq9Ty0csCvHOne28wep5HTFbStWNLDDJ8
vNO7HaELTWmIKPljiX9LbX+e74ojzHO4stzej3pMkA2iN02qkbhgQfM3BGMTs/R1Uceue7WP
nvfBfT/Sh2j0PPWDo+Slpnp+7jYDO+/F2zE7NswbB17tuyxqHUuX5ik7SLW0KuZZWF2eM8AW
AF7NwMeoqligIbpHLHm6+Keuw1RFq4hiZu6OOH/zO7qHq81TPtPDe0ceY5NJ8xTjYH7phaVW
v0s21xb3wRyiY3XNiyEaeSIuB8MNuz5fdZqBfskYTIWFnY7LkcX4seb4qinu69UU0UkZnPC
N7oCdjC9sLMLhtUgZCV1gg5YzA0otay3J9ffGebEJWktKNxIbhSIXTGimjiqNpEtMk625Gxx
dThUcl4kQ8nwVqvpCo5I45MHuETb+km2JPu45bLI/dqb3YoWA4PkOeuDK5VlinSWogggpo5p
JZ2Vio4wWdnPCqAL3JOGMxEqZyWqw9SdKwq9HabTNs/ytY8v3KZ+6nWR4CxsC6j6fQnywZx1
HxYKtHVxyFaKAZoVVw4LPe49euFYkVvXAbvI207oaARJU54N7GzLTdFVbXG4+Z9vLG3TUfT
Sb+iyKmuK62Pd1XbXws5/FmWgK3LkkuMnrBqALCGRdygDyAa+M/StoyCXVluaCkIoSjLk/1
Vxy7muw3W8vDe+MzFbmJJxFSeBOWtt3W9/QY7/cua5MNQZBQZ9RGizukhrqQSJIYKhAy71a6
m3qDhkchAVwlgzjxKNsg4sqT+LHNfk9I5NlryMhzXMy9unhiQkfzOL2i2EpgvsjThkNPb4r
k6Q/htXLNM8ZMt7LPNZVW1hYD1t0GNrhIvFeaxuG1C9FUSJmSVmXSN80/hZI49sartsu3n9O
cZ8jFrLhT7Btt5JzV6hzDNctFLS1HcR0E3eQKWKulyCoUjkbWuQeoDemBZiNA0YgSbQzRQK7
fOVzIxz7RgFWJvcMeTc84sBaI8SMsyUMjVSwxpExZyQr8l5L8AeYA9cc2ZSTijfttQrn2UU

sKX+XoIovYeEEg+2LVbxDaqlA/syJAFHTNX1Tx037QgXLSGyhR1JY+WKLXSFxK872p7S5a+d
1sVFIEdox4rv1ItZnP8AkBipW1sNPHrJC2Lf7PaArtNVw0dGFx7+mAtvf73qxKLJKTL446Wz
TbFKqiqdpBHn/wDOPHVnaGsqcsZWBs8/mv0foD0Wdn9FEBVQ+sTi5bcMr47sQ3ZUpPDIIIF/
WloaMGyk95subeEADm+E01ZpS26nMsP0Wlp3QXYsCt0ITQRvgzbXYS8Ng7f3UFU5Dk0qy5ZS
5nJTP3waSLujLd+ti3FrDnHoavOxJDmiYm39HXyjTfZf0fx1xQx6SKE2e12weRmf0z4Kagj
psthp8tSNRLUuVEhI8KbSFCg8i55P6YZpetKfR8cxA4mLsQ82+fL4oOxWh4dF9qqnRY1QzQy
icEndJnfc9r8TM/MXxDtHJNkwpsvoEX8SqZW+YqCu4xrfkgeXHTFp6IdJkJTH7Pewts+L9V5
uDtDJ2OGWjoYmarbZJK+Zx/IDbmZm3vzdTEIU1PTyPNLJtjXcxPPT/U43I6KlgH2YC3wXiaz
tFpiu/6ipM9u00n3vvdDeYVkoyU/MpaozSX6AvIQHgfwtgJXLV5t7rPiYdZl3MmVbGuXNHAI
Fcdz3Tkm3iPLEWt1wMg2ZUTHckC7MIHHSrdp3DCMrDVIJC8k+KwP1HnC2YitFE7iNye6tMUS
0FHGkmyCN7Hya7C7WPTnDqhrSEUiA7hIIL1+pldPRGKALUVhRVRSaQoA+pvS+M3StENVMN3A
Lcnwd3f9mXtuyfayTQGjZ/VREp5ibiFiEBHnt3k+7Dczbd6eaV11+PViUeZ09PHP4pKaSMD6
wLEG44uvS2PH6X0ONLDrISd25svuXo99JkmnNIDo/SEQtLg7gQ7ndt7Yciw5tv3IczKomyfN
jFm71FTUxIsYZfCkaAXUAdSFBtzj2Gi6yGenGS19q+AdsNBTA10xPQyGJOO3Ed2bNh4YKpqc
8LUEUWSNrkx0BYel8WinXnWjUXUZmiENvkmhW515xX9YEe8nNARJstdCJSZt3DAcLyRf3x2v
j95RqpC7qd/iELsRHt4W1wtwueW68++CaUVzXSDtTilqY0LD5LHuIBO9TfzxOth3krAlpQ
VslKweKrkRCHZS3BINv54te9uYVOnu2opzqlOZUEqd3JEDLA7OvPFyv2OLsrCQ9FXjeI16V
qP6nKqSybTfvQzDhWHiUD098Lp7Uu5291CjoiZx3EOfed9sKA7RYHw84p2DdaSeOhCOVFOd
qkS0VXGOaOQKV8tpNrh7HFyW3KXRvWiriFa5krUFY9SjtOIZC4UIAGJ236+vuMLna24t+LJs
U11o2pqlWctz+mVQwiqIow7SMCQtrEk+ZxDezIUwj1lyXy7UU2ncxqMvnCtQCZzJGEXcVbzB
xgaW0JDVERD+I25+S+i9h/SLWaBsp5BupCd3MWFtrd1/wBIPZrvXNaatI30slI0RmFuXXIQ
R5G3GFdmG9VklpZtkm/D+Oq3PS446Vp6HTID7WncbHkb3sdjG28Sw2beah9NRYVGZy51008j
diLi+2QAW2+VrHAadkKpkGnjJr3dv13IPRnTDQjLpiqB9SLF/S7DtJseT44YIIfJo8xprV4V
YKhye7j+sLfbzOFVOnRoxKhhG549lz9ea29F+jqTtLJF2g0hLqQqHc9ULZrO4zP1fm+Hjv
UzV0cmZU9JfMUMcwpXD04mLWsLC554A8vXrjAk05UFTICR4uT4u/P4dG8I9Mh9G+ix0hBWD
SiwwtgEfd63HsdzLniT7F5qNNsu7LqeQVN2m8QvIT13XF+PTGQ8xZc7tbu8F7FqGO2X/ACYv
rePdm88foonOMhmysj17+IWiqPCRzvFdz5Fbcff1xepq+qistO5hfvcvNaa7L6Dro59dTtD
JINrE47Bw3OOGzFv1Q9mOiqqi76bJpO9pljVpY5W4naxuVt0Hjp0FF2IEstQO13+DdMV8q7Q
+huoiEptFncAgzvdvMtt1uG7ls5vuUXR6FnlqA+ajuqKKRNwZgHkBsWjAH36jDdIaYpSjthL
Fp5/fisTsx6NdLetDNpQNVALjczvtPHB3Efln2v1xbem2u6aHKqnJ6WSjUuOjG3fKiRMCP
zcHao4Avipooyk1k12Lv8v8AIXfSXSDQ+q0ccQjGLPg+LPIXm28RbcOPPFZ7PeyXUfanLUvp
ynhhy+gKDDMyqW7uCNzZVPmzN5KvON+KDWL5BWWYxW3b1032dfDzlvZXPR11ZV0+b6hldo3
kmACUNuDZOQqm/LEK29MXY4o41iVFbJL3diMe1Goq877Mc3yHu6OeCmo6iCHuQt5ZCpN93Ug
244wUjXDb1S4JbJBH5rjXT2knp/16jNCoKwYJwWJA4B9ADi1SUGrK4t6uVNbrMo7kYfMGOM
N3feiTqLX2i99wHrfjF81TB0c9gPaDJortLgGcItJlGeriiqXle7Bi14nIHhUBz062bGXWRF
LGWXDBa+jKwYjvPZ/ddwbCPC42MOceLDGBcK9hf+VOWeK21Svebb/TcW6XxxcKnXflSLzRi7
uio7kKxKkbiBwR6jBEwqHnL3Vx38cGcywav0zl0cj3WVS1DrfzklSD/AAXF2iYcxLC0vKVw
iuZDUxzb+/DGXi017rYdRttfnjnyxoNbdmWHcvCrMkxey8W4IN7c7RyOT536DEu43Icy8+d0
1Dd0mheeoW8uxGvE3S8jcc3GFtURjd4o9URd1Ry5rFFvIRnc+Z4UX++EPUiPCrAU5KR0p83
n2p8moKWSpdX10cR2MSyoGBYsPK4BtgcqcpZlHxXVEYxQkXgrH7QyGq1/E6S0kiKoaXYx+nY
osBz9sa9QY64SWVTUwPJC7s2eVho8mp1jhdRLMsRFwejnBoo64y6/SEMqkRFg36uvSaA0FX
aVqBhp43d8WZ3we0MeZPybxRrp7I0yalL11DIA004sAQPJT5J7+ePnOINJ+uSdGbc38+K/WX
YPsVH2foSuLGQuM+uHIH3jHz6u6TzfVUFPTQJlpVpav+wW208+ZHkMbWiOzZazWVw7Pd6+L+
C8P249MFHHR+p9nSzk22Rm4Nu1mZ95v13MgqrzeWpf5jb3sVA4CtIf7SQG+7ny/0x66WMSHk
Pc2GC/PsGkJoq4a4iukYmPEtru7bdqlNNUDU0MtZVbmkqOVJHQdSMW6aAY4/vcs2pq5JZili
2u+Pxd8ftqKOX8VzKfOaqSZ4aQsYRJa5I53ff2wqSAZYzu3YOzKxSaQkpKqKbmJMT4b9j47P
FTMIJD+Jy5nAfDX06NEBYWBHiPnyehx19lz/AMqUZcYPb/C976WYo/8AHB0hTj7GqAZR83bA
sVDanzenSComeoWnjlmCzO7cKo6++NmokEcpEvnEF3EIppHXw5rnnf0jrJQ5dTloSOQQo4IH
u1sLxELh3MuxIBtLe6ifmZp5/mVHeNEyyHvQGf73uVPlfyXZrk6+1OdPSLNXQSSbSXmLtb
whb3l2+nXgYdDxJc7kQ5krrEs9bHskUARAjy5vzbEVPFIU55UP1C7+aio72WVrkBeP+JvM+
wwkmFPAY91E3Z715r8+gmaZoBSDvgVAO6zAFeeg5xg6fqNRR2243bF9P9FWhh0r2gEtZa8Da
xsG3uz4YeXVTHaXTDuvxAS0sSxN3YiPEs7E+R9AMY3Z6rsuhtd8fky+gembQcc4DpISALcuG
GeQnfb52t+6rTvt8Um926qwa6Wx6Q3uXwKNrRypsq+9GXc4sQbdPtgEzCky12CNe43WuDe5P
kccod0vR00IXVmKkG9nBsGKqDYEnk2HQeuCtyoO8tmkamRFiYspF7nj/ADxNq68UUNIMX4vF
TRO1pCQygFjASPdcgWiV541Niv6tCUgluR9mqAdJ6Ugo5McDfB3bl0LyZ8MU7SasyuroqTUs
HigQs09twjJufLEce3tiaLsdLUjCJbGfBN072T0toWb1eqB2Nxyv7Wt3bcN23f0SCMtBnE8L

nu17wSqV1IeQtbvxewESJecxuHKorU5Q5hK9N/vGDEjpe3Jv6A4TPbdITgu1eZEeVz1moM
nnFXTxobbVbkFgBy59MOjcpIyuS5WjAhtJI0DNVZPIkwUzUz33Fjfeuo/w2xMbXD4oDPMmu
p5WSSoKnYqLEpIJHG7rZgPLAVDZhJHE/5k1zYy1EkctVAsVRWRoXQci9rCxwuRrsxb00HHhH
cnlBqeamqULxfMU1SiQ1FM1wCbAB19xjO0jQR1ds11pjuLp/bwXrOyfamq0LJJCINBNBNI0Iu
E23fAuj/ADRsiY4YYqCjLCEKS5fkxC9+T9+L48fQVRevFVSDcfdb3i3N8G3r9B6d0HSj2fHQ
dHLqaV/xCd/womznt5k75G6uh6v7QKijmT8MpIxTbTGZJrsxYcFWItt9RjUj7LiXtKiTF327
NzOvC1fppmgtp9E0ojDGzC1+0iFmwbdhg2CNezfUJmd4M7Mbx5gqxRu3BgkHG0E9L+RPnj1
cGitGlcRRDi/gv1VT267UDGecddIzA7u23k/LHe7N0fFDuf59m2htS11BmwasgciWFyu0shF
ht8vLkeRx5/SPZejLLDlwbZ/de97N+mnTkE2sriaYCJnLk7MzYOWcmx2P5+a0yvtEWOKPOK
aSJ3G7vAAUZCbbiOot54x6nsrJmKnLZhufev6C9N9K8Yw6WB2dywvFmrttc5N1bvYKdimpk
XvKXSXuGkuo+XIAUt1AF+LkdMYL00w8Qv8WX0uLsuh5faU87N4ibW48m34ZuWxRWZ6iio0qJK
OPvK+LjZVMd4ubblvcFb+mNuj7PyS17YsA37Of7r5t2h9KVDQU5f4eLvVM9vtGxcX5vi2IO3
k6q7Pe+zWsesWP8AbyuEcRptUtboL8C3pfHqGpBghEY9zL4FX6Xm0nXSVVRhfl+OzY2Pg3RW
H2P/ABF6k7HcmrMn091+V5jRVtQKl4KyAybZgLB1t7eRHGIjMh4VRqKaOXMS6U7FO3vXmv6n
Mcw1pk2T0Wk8qp+9r6qOmHeSO3EVNEhHidybW8hzi5qpBG6TnuWJUeriVsJYv+iN6tLvmmtUZ
tV5Xk+xQ0efyUrNS0tLwVadWMLA8SLYjau041/zKszLITVtBBQamzSlptvdwVjqvhtB5I
t7E2xrxWklomP2QZCPLRK9XKo23O3ra46W9cC7iPeU5i4UMV+cTZIP3jmRO7+IVUAA+t/X3x
Vd7u8rYMIjavoP2Fdoo7S+zjKM1klV80o4hR5iFuF1mjAG4j0ZQGB++MGojGIreq9hRVBSwi
SPfmGeoRu842MAeOeQcIyiKuYlclaupepVACu5HV18ItcdTbEezFc5r53/GVq6XOu3jNaenk
Yx5NSU1CAv76rvf9bv8VwjLYsitCOSbNvwVJLUVb3O6Tb5Hzw/WSe8qDxxiKSSOZnLslnX
yPJ5PtgHXcTr2ctsYXFunliGa1E7CRLcqqIS6c2BPscDYmGZDxIs7K6lsp7QtOVdYjRqatf
rXadrqQGF/Lng4t0Fo1AeaTXhdSI5I115kdZW62nyyGnmlkp2PisdPUsW3E9OL4t6RqKeArp
iYW++SDs/obSGlfY6PgeU9r7PDxfZ80SaP042VQSFHZzJtM8wWxYgEBAR+Uc39cf09L6Q9ak
8G3fz5uv1h6POxo6DoyEixOXBz8/+2PURfe/XHkm+us6hpoYoCbrHaQJHwJnAIVTb8g6n+GN
fszowRIqyTbyZn69V4v0z9sZLR0HTlg74GZC/d24Bs+b+CCaKotzWqqKiV7H/wDOKjoqJ+4v
6eWPXxsR3ES/OxmIZV7L6SXOK1ERP6lTkpHuHl1u3v5nBxgJl4JU2ipzOcxqHngynKWYSuy
mWUKP2YH17ccnDjc/sxQR+z9oSQ1DUR09BR5FllOvebiZJApLyAkbQ3UcG5tiZe7GKKIv9Qk
QxU0kWUwQ0e7dTMIRZb7VPVjfy88ecqJx0ZpKUuRji39bL7HojR//qzsfS0t2B0c1hP0gPa7
+Qt9EE19UF1JFmsWWZbm9Ll0hQZbXhjT1KbWTx7SG4Lb7g33WxbipCjjG7ae936u+9fPdOaX
j0hXSSQhbC2WMW7oDwt8d7vvd3de0tlkuT6Sr5JZN80toyx6kevv740IhCEr156SS6YbUwh
EqrIyHao6txy4/XCsE13FSFF8vQu61aM8EiqA6ksI3XkWPrfrh4MllcSB3uWmoambNqmD9p
HUPTxbN0S2UDqBc+f8sDLmXBaKg3eylSi+C5LHggj0tisbirUeUrlZfZvlMuV5bPX19M1PUy
sGRpBdzCACLDnqfLHhNO1PrVQMcZYs31X6m9FGgS0Po2WurorJdfY779Xhs+b8t+Kje0HMIj
ijo6rLizWVMRk+cksTEGbkKB0PrfFjQ1NcWsE9jcuqvwSnpYOCeEaGalEpJRcr3wdwZ33DzZ0
BPSfldYReJGJZgnHPAJ44FxxfHpbHBfBGPMm7pscDxAm+1063Hl6YhwUMYrctEYe7qIlyxv8A
tQ7CxtxcDg/wxDaUm15rvMnkTy4AABPkcfYgxzJZ6U1DXc3KgDpfEwo71//Z